

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСЯНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И НА ЕЕ ПЕРИФЕРИИ В НЕОЛИТЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОБОТАНИКИ¹

© 2014 г. Е.А. Сергушева

*Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток
(lenaserg@front.ru)*

Ключевые слова: северокитайский центр происхождения земледелия, распространение просяного земледелия, периферия, эволюция, миграция.

Резюме. Возникновение просяного земледелия в Северном Китае ранее 9000 кал. л.н. явилось итогом многотысячелетнего использования и культивации растений. После своего появления земледелие в этом регионе еще длительное время оставалось одним из компонентов палеоэкономик смешанного типа. В таком качестве оно распространялось в периферийные области – Северо-Восточный Китай, Корею, Дальний Восток России, Японию. При этом в некоторых районах просяное земледелие эволюционировало на местной культурной основе, постепенно становясь ведущим компонентом экономики. Так произошло, например, в Северном Китае, на юге Внутренней Монголии. В других регионах (Корея, Япония) земледелие превращалось в основу экономики только после притока нового населения, практиковавшего земледелие в значительных объемах.

Территория Китая является ключевой для изучения происхождения и распространения земледелия в Восточной Азии (Underhill, 1997; Crawford, 1992; 2006; Cohen, 2011; Bar-Yosef, 2011; и др.). Земледелие возникло здесь также рано, как и в Передней Азии, в двух субцентрах. В первом – северокитайском (долина р. Хуанхэ) появилось суходольное земледелие на основе выращивания двух видов проса (обыкновенное и итальянское), во втором – южнокитайском (долина р. Янцзы) возникло заливное рисосеяние.

Просяное земледелие, появившись в Северном Китае ранее 9000 кал. л.н., долгое время оставалось одним из компонентов палеоэкономик смешанного типа, в которых в разных соотношениях присутствовали различные элементы присваивающего и производящего хозяйства. Навыки земледелия постепенно распространялись, и к 8000 кал. л.н. ареал земледелия заметно расширился. Остатки культурного проса (обыкновенного и итальянского) зафиксированы на юге Внутренней Монголии – памятник Синлунгоу (8 100–7 200 кал. л.н.), на западе Лессового

плато (пров. Ганьсу) – памятник Дадивань (7 900–7 200 кал. л.н.) (Zhao, 2011; Barton et al., 2009), в нижнем течении р. Хуанхэ – памятник Юэчжуан (археологическая культура хоули) (8 000–7 700 кал. л.н.) (Крауфорд и др., 2013). Памятники культуры яншао (7 000–4 900 кал. л.н.), на которых проводились археоботанические изыскания, демонстрируют обилие растительных остатков с многократным преобладанием двух видов культурного проса при небольшом количестве риса. Уже на ранних этапах яншао археоботанические данные подтверждают ведущую роль просяного земледелия в получении пищи (Zhao, 2011. Р. 302). В это время в Северном Китае вклад растительной пищи с изотопом С-4 (просо) в человеческие диеты увеличился, и просо превратилось в основу питания не только человека, но и его домашних животных (собак, свиней и, возможно, кур) (Pechenkina et al., 2005). К позднему яншао увеличилось число культурных растений Северного Китая (два вида проса, рис, соя) (см. сводку Lee et al., 2011). По самым приблизительным подсчетам превращение просяного земледелия в

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12027.

основу хозяйства Северного Китая заняло не менее 3 тыс. лет.

Распространение просяного земледелия на северо-восток Китая документировано слабо, т.к. археоботанические методы пока не получили распространения в археологии региона. Остатков культурных растений на неолитических памятниках найдено мало, и все они тяготеют к южным, археологически наиболее исследованным районам. Самые ранние остатки культурного проса (два вида) обнаружены на уже упомянутом памятнике Синлунгоу (верховья р. Ляохэ) в отложениях ранне-неолитической культуры синлунва. Они имеют дату в интервале 7 670–7 610 кал. л.н. По мнению исследователей, материалы памятника демонстрируют переход от присваивающей к производящей экономике, при сохранении значительной роли охоты и собирательства дикорастущих растений (Zhao, 2011. P. 301).

Просяное земледелие сохранялось в этом регионе в последующих культурах чжаобаогу (7 800–7 400 кал. л.н.) и хуншань (7 000–5 000 кал. л.н.). Но культурные растения обнаружены лишь на единичных памятниках культуры хуншань: Чжичжушань (Алкин, 2007. С. 77) и Синлунгоу (6 200–5 900 кал. л.н.) (Жао, 2005. С. 150). Данные археологии свидетельствуют о росте земледельческого производства, увеличении численности и плотности населения позднего хуншань (Алкин, 2000. С. 11). Культурные сооружения, возводившиеся в этот период, демонстрируют относительно высокий уровень развития хуншанского общества, а его развитая материальная культура имеет признаки выделения некоторых видов ремесел и социальной стратификации (Чжао, 2003. С. 219–256). К этому времени земледелие, по видимому, стало основой хозяйства хуншанского общества.

На Корейский полуостров земледелие попало со смежной территории Маньчжурии (провинция Ляонин). Оно было адаптировано населением полуострова как компонент смешанной экономики (Crawford, Lee, 2003; Ahn, 2010. P. 90; Norton, 2007. P. 139–141; Cho, 2012). Самые ранние даты (5 500–5 000 кал. л.н.) имеют семена культурного проса из средне-неолитических отложений поселения Тонсамдон (южное побережье Южной Ко-

реи) (Crawford, Lee, 2003). В северной части полуострова земледелие должно было появиться еще раньше: в конце раннего неолита или при переходе к среднему неолиту (ок. 6 000 кал. л.н. или ранее). Но археологические и археоботанические данные, которые могли бы подтвердить это (памятники Осанни, Читамни, Масанни), не имеют надежных датировок (Norton, 2007. P. 139–140). Как компонент экономик смешанного типа просяное земледелие в среднем и позднем неолите Кореи было важным для населения во всех районах пригодных для этой деятельности. Об этом свидетельствуют находки проса на континентальных памятниках востока, запада, юга полуострова и морского побережья (памятник Мунам-ри (Cho, 2012)). Но лишь с появлением нового населения в начале эпохи бронзы (ок. 3 500 л.н.) земледелие превращается в Корею в ведущий элемент хозяйства. В это время среди культурных растений кроме двух видов проса присутствуют рис, голозерный ячмень, мягкая пшеница, соя и фасоль адзуки (Lee et al., 2011).

Просяное земледелие на юге Дальнего Востока России (Приморье) появляется в позднем неолите. Самые ранние находки зерновок проса обыкновенного зафиксированы на раннем этапе зайсановской культурной традиции и имеют дату 5 600–5 450 кал. л.н. (Kroshovka 1 site, 2004. P. 54). Его появление связывают с миграцией носителей этой культурной традиции с территорий Северо-Восточного Китая во время климатических изменений на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена (Вострецов и др., 2003. С. 377). Археоботанические исследования показывают, что просяное земледелие являлось обязательным, но не главным компонентом систем жизнеобеспечения зайсановцев (Сергушева, 2008; 2013). Главным культурным растением было, вероятно, просо обыкновенное. Во всяком случае, именно его семена обнаружены практически на всех памятниках, где проводился отбор археоботанического материала, в отличие от проса итальянского, находки которого становятся убедительными лишь на позднем этапе зайсановской культурной традиции. На этом же этапе могло происходить увеличение роли земледелия (Сергушева, 2013. С. 160).

Вероятность существования земледелия в неолите Японии (Дзёмон) обсуждается уже много лет. Хотя находки остатков культурных растений известны на ряде неолитических поселений, их характер не позволяет предполагать существование земледелия как сколько-нибудь значимого компонента системы жизнеобеспечения древнего населения архипелага. Среди остатков культурных растений идентифицированы бутылочная тыква, посевная конопля, перила (два вида), фасоль, происхождение которых связано с континентом (Crawford, 2011. Р. 333). Ни одно из этих растений не может претендовать на роль основного пищевого. На северо-востоке Японии (преф. Тохоку, о. Хоккайдо) в среднем неолите обнаружены семена растения из рода куриное просо (*Echinochloa Beauv.*). Выявлена тенденция увеличения их размеров почти на 20% за 1500 лет от раннего к среднему Дзёмону. Предполагается, что последующая культивация этого растения из семейства куриное просо привела к происхождению проса японского (*Echinochloa utilis*) (Crawford, 1983; 2006. Р. 86).

Население Японских островов в неолите употребляло большое количество растительной пищи (углеводов), что подтверждает частота встречаемости кариеса на зубах костяков дзёмонского времени, соответствующая показателям характерным для земледельческих сообществ (Kobayashi, 2004. Р. 87). При этом культурные растения, остатки которых обнаружены на дзёмонских памятниках, являлись ресурсом для получения растительного масла, белка или же были техническим сырьем для производства веревок, тканей, емкостей и т.п., т.е. не были источниками углеводов. Большинство исследователей сходятся во мнении, что роль основного источника углеводной пищи для дзёмонского населения (начальный – средний Дзёмон) играли дикорастущие пищевые растения (желуди, орехи). Лишь на памятниках позднего и финального неолита появляются просо, рис и ячмень, как результат культурных контактов с населением Корейского полуострова. Последующая эволюция земледелия в Японии происходит на фоне распространения культуры Яёй по архипелагу, начавшегося в конце I тыс. до н.э.

Просяное земледелие, достаточно рано возникнув в долине р. Хуанхэ (ранее 9 000 кал. л.н.), длительное время оставалось в этом регионе одним из компонентов палеоэкономик смешанного типа. В таком качестве оно распространялось в периферийные области – Северо-Восточный Китай, Корея, Дальний Восток России, Япония. Последующая эволюция земледелия в этих регионах происходила медленно либо на местной культурной основе (как например, в Северном Китае, Внутренней Монголии), либо на основе притока нового населения (Корея, Япония).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алкин С.В. Две проблемы ранней эволюции неолитических культур Северо-Восточного Китая // 30-я науч. конф. «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2000. С. 6–14.

Алкин С.В. Древнейшие культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 168 с.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 373–378.

Жао Чжицзюнь. О новых подходах в вопросах изучения происхождения зерновых в Северном Китае // Археология Северо-Восточной Азии. Мировая археология / Отв. ред. Онуки Киёо. Досэйся, 2005. С. 150–158. (на яп. яз.).

Крауфорд Г.В., Чэнь Сюэсян, Луань Фэнши, Ван Цзяньхуа. Предварительный анализ растительных остатков с памятников Юэчжуан в уезде Чанцин города Цзиань провинции Шаньдун // Цзянхань каогу. 2013. № 2. С. 107–113. (на кит. яз.).

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. А.П. Бужилова. Вып. 6. М.: Параллели, 2008. С. 180–195.

Сергушева Е.А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. Вып. 4 (23). С. 155–162.

Чжао Биньфу. Археология каменного века Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Изд-во Цзилинского ун-та, 2003. 461 с. (на кит. яз.).

Ahn Sung-Mo. The emergence of rice agriculture in Korea: archaeobotanical perspectives // Archaeological and anthropological sciences. 2010. № 2. P. 89–98.

Bar-Yosef O. Climatic fluctuations and early farming in West and East Asia // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; Suppl. 4. P. 175–193.

Barton L., Newsome S.D., Chen F.H., Hui W., Guilderson T.P., Bettinger R.L. Agricultural origins and the isotopic identity of domestication in Northern China // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. № 106. P. 5523–5528.

Cho Misson. The Munam-ri site in Goseong: Shedding new light on the Neolithic farming // J. of Korean archaeology. 2012. P. 34–42.

Cohen D.J. The beginnings of agriculture in China: a multiregional view // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; Suppl. 4. P. 273–293.

Crawford G.W. Palaeoethnobotany of the Kameda peninsula Jomon // Anthropological papers. Museum of anthropology, University of Michigan. 1983. № 73.

Crawford G.W. Prehistoric plant domestication in East Asia // The origins of agriculture an international perspective / Eds. C.W. Cowan, P.J. Watson. Washington; L.: Smithsonian Institution Press, 1992. P. 8–38.

Crawford G.W. East Asian Plant Domestication // *Archaeology of Asia* / Ed. Miriam Stark. Blackwell Publishing, 2006. P. 77–95.

Crawford G.W. Advances in Understanding Early Agriculture in Japan // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; № S4: «The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas». P. 331–345.

Crawford G.W., Lee Gyoung-Ah. Agricultural origins in the Korean Peninsula // *Antiquity*. 2003. № 77. P. 87–95.

Kobayashi T. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. Ox-bow Books, 2004. 240 p.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Eds. M. Komoto, H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004.

Lee Gyoung-Ah, Crawford G.W., Liu L., Sasaki Y., Chen X. Archaeological soybean (*Glycine max*) in East Asia: Does size matter? // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6; Iss. 11.

Norton C.T. Sedentism, territorial circumscription, and the increased use of plant domestication across Neolithic – Bronze Age Korea // *Asian perspectives*. 2007. Vol. 46; № 1. P. 133–164.

Pechenkina E.A., Ambrose S.H., Ma X., Benfer R.A. Reconstructing northern Chinese Neolithic subsistence practices by isotopic analysis // *J. of Archaeological Science*. 2005. Vol. 32; Iss. 8. P. 1176–1189.

Underhill A.P. Current issues in Chinese Neolithic archaeology // *J. of World Prehistory*. 1997. № 11. P. 103–160.

Zhao Z. New archaeobotanic data for the study of the origins of agriculture in China // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52; Suppl. 4. P. 295–306.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ КРЕМНЕОБРАБОТКИ В ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ БОДАКИ)¹

© 2014 г. Н.Н. Скакун¹, В.В. Терехина¹, Е.В. Цвек²

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

(skakunnatalia@yandex.ru; terehinavera@mail.ru)

²Институт археологии НАН, Киев, Украина

(tsvek@inbox.ru)

Ключевые слова: Триполье, производственный инвентарь, новые технологии, поселения-мастерские, специализированное кремнеобрабатывающее производство.

Резюме. Результаты исследований производственного инвентаря из трипольского поселения Бодаки свидетельствуют о возникновении в энеолите новых технологий обработки кремня, высоком уровне развития и организации кремнеобрабатывающего производства.

Всестороннее изучение массовых коллекций инструментов и сопутствующих им материалов памятников развитого периода трипольской культуры (времени VII по периодизации Т.С. Пассек) свидетельствует о том, что в этот период в кремнеобрабатывающем производстве произошли существенные изменения (Скакун, 2004; 2005; 2006; Skakun, 1996; Цвек, 2005; Tsvek, Movchan, Skakun, 2012). Они заключались в широком использовании валунного кремня для получения крупных пластин. Лучшие экземпляры этих заготовок имеют прямой или слабоизогнутый профиль, параллельные боковые края с острыми прямыми кромками, треугольное или трапециевидное поперечное сечение, одинаковую толщину по всей длине с незначительным утончением на дистальной части и утолщением на проксимальной. Эти данные указывают на то, что в кремнеобработке этого времени усовершенствовались традиционные и появились новые способы расщепления, позволявшие получать суперправильные пластины, существенно отличавшиеся от изделий более раннего времени с их менее выраженной стандартизацией и неправильностью форм.

Стремление найти качественное кремневое сырье, которое позволяло бы получать крупные заготовки с оптимальными техническими характеристиками, привело к возникновению специализированных поселений-мастерских у его выходов, часто находящихся вдали от центра археологической культуры. Примером является поселение Бодаки, расположенное на самом северо-западе Триполья (Скакун, 2004). По археологическим данным на Западной Украине известно более 20 поселений-мастерских, датированных исследователями эпохами энеолита и ранней бронзы (Конопля, 1982). К сожалению, информация об этих пунктах довольно скудная, большинство из них только отмечены на археологической карте.

Поселение Бодаки является единственным памятником трипольской культуры, где в результате 20 летнего изучения получен уникальный материал, связанный с кремнеобработкой и сырьевой базой кремнепроизводства (Скакун, 2004; 2005. С. 124). Вблизи памятника обнаружено несколько месторождений высококачественного волынского кремня (Скакун, 2004. С. 56). В центральной части поселения в полуземлянке раскопана кремнеобрабатывающая мастерская. Здесь найден

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-90402.

полный набор изделий, характеризующих производство (свыше 1 500 предметов). Среди них: нуклеусы, отбойники, роговые отжимники-ретушеры, ретушеры на обломках пластин, крупные пластины, их фрагменты, оформленные орудия и большое число отщепов, в т.ч. с галечной коркой. Клиновидные односторонние нуклеусы имеют довольно крупные размеры (20–12 × 15–10 × 8–6 см). Их расщепление, судя по негативам сколов и немногочисленным находкам целых пластин, было направлено исключительно на получение максимально крупной заготовки, длиной не менее 15 см при ширине 1,5–3,0 см. Трасологический анализ показал, что большинство орудий, исключая инструменты, использовавшиеся при обработке кремня, не имели следов утилизации.

К мастерской прилежали две мусорные ямы, заполненные отходами кремнеобработки.

Другим объектом, связанным с кремнеобработкой, являлась открытая рабочая площадка, раскопанная в восточной части поселения. На этом специально выровненном участке обнаружено свыше 2 тыс. кремневых изделий.

В жилых постройках – полуземлянках и наземных жилищах – изделий, связанных с обработкой кремня, найдено гораздо меньше.

Вне памятника у его западной границы, зафиксированы места первичной обработки кремня.

Продукция и отходы кремнеобрабатывающего производства позволяют реконструировать некоторые детали процесса расщепления кремня. Как правило, при выборе желваков предпочтение отдавалось овальным, вытянутым формам. Для достижения желаемых результатов – получения пластин правильных геометрических пропорций применялась хорошо разработанная технология, включающая специальные способы оформления нуклеуса и ребер на нем, обработку плоскости скалывания, подработку ударной площадки, ее поджигание после снятия заготовок. Для успешного раскалывания был немаловажен подбор орудий, с помощью которых оно производилось. Экспериментаторы считают, что крупные пластины могли быть получены разными способами, в т.ч. с применением рыча-

га, возможно с медным отжимником (Pelegrin, 2002), не исключается также предварительная термическая обработка кремня. Соблюдение этих приемов обеспечивало возможность получения крупных правильных пластин, высокое качество которых позволяет говорить о том, что их изготовлением занимались квалифицированное мастера.

В хозяйстве поселения, судя по данным археологического контекста и богатому ассортименту утилизированных орудий из жилых и хозяйственных построек, при очевидном доминировании кремнеобработки, функционировали все отрасли, присущие экономике энеолитического периода. Поселение являлось производственным центром, в то же время его население полностью обеспечивало себя всем необходимым для жизни, в том числе и высококачественными керамическими изделиями местного производства.

Приведенные данные показывают, что в Бодаках первичная обработка кремня производилась вне поселения, расщепление нуклеусов и изготовление орудий – в большой мастерской и на открытой рабочей площадке, в меньшей степени эти работы велись вблизи жилых построек и внутри них.

Находки большого числа орудий, многие из которых не имеют следов утилизации, указывают на то, что целью кремнеобрабатывающего центра в Бодаках являлось изготовление продукции не для внутреннего потребления, а для распространения ее в других регионах Триполья и на территории соседних культур. В современной археологической литературе имеются сведения о находках изделий из вольтынского кремня в разных областях Украины, в Польше, Венгрии, Румынии и Молдове. Необходимо отметить, что в энеолите и ранней бронзе крупные суперправильные пластины являются характерными изделиями для многих регионов Евразии, в т.ч. для энеолитической культуры Коджадермен – Гумельница – Караново VI в Болгарии, памятниках ранних скотоводов на левобережье Днепра и др. (Скакун, 1984; 1999; 2005; Skakun, 2008).

Раскопки в Бодаках принесли интересные данные, касающиеся производственных культур эпохи энеолита. Так, на полу мастерской было обнаружено пятно охры, обнесенное невысоким глиняным бортиком, в углах ко-

торого были забиты нуклеусы. На рабочей площадке расчищена небольшая обожженная глинобитная вымостка, вблизи которой найдены окрашенные охрой заготовки кремневых орудий. В одной из полуземлянок на полу найден камень, напоминающий своими контурами голову быка, изогнутые пластины из клыков кабана имитировали рога, между которыми были помещены два крупных концевых скребка. Весь «макет» был обильно посыпан охрой. Эти наблюдения свидетельствуют о существовании культов, связанных, вероятно, с кремнеобработкой, что является подтверждением мнения о мифологизации различных сторон жизни у трипольских племен.

Таким образом, уровень развития кремнеобработки, появление кремнеобрабатывающих центров со специализированными мастерскими, где работали профессиональные мастера, широкое распространение продукции позволяют считать, что это производство на развитом этапе трипольской культуры вырастает за рамки домашнего промысла и становится одним из наиболее ярких примеров возникновения ранних форм общинного ремесла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конопля В.М. Обработка кремню населением Западной Волины за доби міді – ранньої бронзи // Археологія. 1982. № 37. С. 17–31.

Скакун Н.Н. Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла в Болгарии // IIIrd Seminar on petroarchaeology. Plovdiv, 27–30 august, 1984, Bulgaria / Eds. K.S. Kunchev, I.K. Nachev, N.T. Tcholakov. Plovdiv, 1984. С. 83–92.

Скакун Н.Н. Прогресс техники в эпоху энеолита на юго-востоке Европы (по материалам земледельческих культур Болгарии) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 287–307.

Скакун Н.Н. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита – бронзы) / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 57–79.

Скакун Н.Н. Бодаки – один из центров кремнеобрабатывающего производства на Волины // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005. С. 64–79.

Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXI).

Цвек Е.В. Центры кремневой индустрии племен трипольской общности в Побужье и Поднепровье // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005. С. 80–96.

Pelegrin J. La production des grandes lames de silex du Grand-Prisingy // *Matériaux, productions du Néolithique à l'Age du Bronze*. Paris, 2002. P. 131–147.

Skakun N. Le rôle et l'importance du silex dans le Chalcolithique de sud-est de l'Europe (sur la base du matériel provenant des fouilles du campement de Bodaki) // *La Préhistoire au Quotidien*. Grenoble: Jérôme Millon, 1996. P. 223–235.

Skakun N. Les grandes lames de silex du mobilier funéraire des proto-éleveurs du sud de l'Europe orientale // *Préhistoire, Anthropologie Méditerranéennes*. 2008. T. 14. P. 103–118.

Tsvetk E.V., Movchan I.I., Skakun N. Eneolithic centers of flint processing on the territory of central Ukraine // *Actes de la table-ronde international «L'Europe, déjà, à la fin des temps préhistoriques. Des grandes lames en silex dans toute l'Europe»*. Tours (Indre-et-Loire, France), 7 September 2007 / Eds. J.-C. Marquet, C. Verjux. Tours, 2012. P. 109–119. (*Revue Archéologique du Centre de la France*; Suppl. 38).

**КУЛЬТУРНЫЙ И ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ПОЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ
НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ И В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ
(КОЛУМБИЯ, ЭКВАДОР)¹**

© 2014 г. А.В. Табарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(olmec@yandex.ru)*

Ключевые слова: Южная Америка, керамическая посуда, ритуал, церемонии, датировка.

Резюме. Появление керамической посуды в Эквадоре и Колумбии (Южная Америка) связано со временем около 6–5 тыс. л.н. Примечательно, что археологические комплексы (раковинные кучи, стоянки) Северных Анд демонстрируют различные свидетельства церемоний, что, в свою очередь, позволяет связывать происхождение и функцию ранней керамики с ритуальной, а не бытовой сферой.

Возникновение и ранние этапы гончарства – одна из интереснейших и одновременно одна из сложнейших проблем в мировой археологии. За последние четверть века общая оценка этого феномена существенно изменилась – целый ряд тезисов, высказывавшихся на уровне гипотез и предположений, сегодня воспринимается уже совершенно спокойно. Это относится и к пониманию того, что керамическая посуда есть лишь один из эффективных способов решения проблемы емкостей и контейнеров в древних культурах, и к тому, что она отнюдь не связана напрямую с производящим хозяйством (земледелием и скотоводством) и не является его археологическим признаком, и к тому, что ее наиболее ранние свидетельства проявляются в обществах охотников-собирателей уже в финальном палеолите, а не в неолите.

Согласны специалисты и с тем, что в большинстве случаев глиняная посуда раньше появляется в культурах, у которых четко обозначен акцент на эксплуатацию акватических ресурсов (нерестовые реки, морские лагуны, прибрежные низменности). Таким образом, палеоэкономический фон возникновения гончарства, в целом, понятен, но требует дальнейшей детализации. Дискуссия начинается

там, где встает вопрос о культурном аспекте – о функциях ранней керамической посуды и ее социальной роли в древних обществах.

В этой связи особый интерес, по нашему мнению, представляют археологические данные по двум регионам мира. Речь идет о Дальнем Востоке (Приамурье, Японский архипелаг, Китай), где наиболее ранние находки керамики датируются возрастом 14–13 тыс. л.н., и о Северных Андах (Эквадор и Колумбия), где пока корректно рассуждать о возрасте порядка 6 тыс. л.н. Впрочем, такая хронологическая разница смущать не должна. Можно посмотреть на эти даты и с другой стороны: с момента первоначального заселения Японских островов до появления керамической посуды прошло, по меньшей мере, 20 тыс. лет, а в Южной Америке – не более 5–6 тыс. лет (Табарев, 2011).

По первому региону в отечественной литературе информации более чем достаточно: имеется хорошая серия радиоуглеродных дат по памятникам с керамикой в громатухинской и осиповской культурах на Среднем и Нижнем Амуре, а также по комплексам изначального дзёмона на о-вах Хонсю и Кюсю, опубликованы детальные стратиграфические и

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00001а и при поддержке Научного фонда Дальневосточного федерального университета.

планиграфические описания находок, частичные и полные реконструкции сосудов.

Южноамериканские материалы до последнего времени были известны российским археологам лишь в общих чертах. Развитие сотрудничества, возможность прямой работы с коллекциями, осмотр и совместные раскопки памятников в Эквадоре и Колумбии существенно меняют эту ситуацию и позволяют производить более детальные сравнения особенностей ранних этапов керамического производства в двух регионах.

В Эквадоре самая ранняя керамика связана с культурой вальдивия (раннеформативный период), памятники которой локализуются на побережье и в непосредственной близости от побережья. Наиболее древние даты (6 195±215, 5 495±200 и 5 260±256 л.н.) получены не по эпонимному памятнику (Вальдивия), а по памятнику Риаль-Альто (т.н. фаза 1а культуры вальдивия). При этом хронологический разрыв между докерамической культурой на данной территории (культура Лас-Вегас) (Табарев, Каномата, Стосерт, 2013) и культурой вальдивия составляет около 500 лет. Вопрос о происхождении технологии производства керамической посуды в Эквадоре предполагает рассмотрение трех версий: транстихоокеанской (носителями культуры дзёмон с Японских островов) (Табарев, 2012), внутриконтинентальной (из районов Амазонии) и местной (полуостров Санта-Элена, бассейн р. Гуаяс).

В настоящий момент мы склоняемся к третьей версии. Учитывая, что на памятнике Риаль-Альто раскопано не более 10–15% площади, а в имеющихся стратиграфических разрезах прослежены более ранние (недатированные) горизонты (пост-Лас-Вегас, пре-вальдивия (?)), есть все основания надеяться, что именно на этом объекте можно найти истоки эквадорского гончарства.

Не менее интересна и ситуация в соседней Колумбии. Речь идет о северных районах страны, прилегающих к Карибскому побережью (канал Дуке) и комплексах с раковинными кучами. Открытие памятников с раннеформативной керамикой происходило здесь практически параллельно (и даже раньше) с Эквадором: например, памятник Вальдивия найден в 1956 г., а памятник Барловенто –

в 1954 г., памятник Риаль-Альто – в 1971, а Пуэрто-Ормига – в 1961 (Reichel-Dolmatoff, 1965).

Долгое время именно радиоуглеродная дата по комплексу Пуэрто-Ормига была одной из наиболее ранних для керамической посуды Нового Света – 5 040±70 л.н. В 1974 г. в том же районе было обнаружено протестированной траншеей комплекс Монсу – слой с раннеформативной керамикой (фаза Турбана) дал дату 5 300±80 л.н. (Idem, 1985). В 1987 г. появилась первая информация о раскопках еще одного памятника по соседству – Пуэрто-Чачо, а чуть позднее и достаточно древняя датировка слоя с керамикой – 5 220±90 л.н. Самые же ранние свидетельства использования глиняной посуды на сегодняшний день (5 940±60 и 5 700±430 л.н.) зафиксированы на комплексе Сан-Хасинто-1, который, в отличие от вышеупомянутых памятников, с раковинной кучей не связан (Oyuela-Caycedo, 2010; Rodríguez, 1988).

Практически вся раннеформативная керамика Колумбии содержит большое количество органического отощителя – она не пригодна ни для приготовления пищи, ни для ее хранения. Кратковременное или даже разовое использование при наличии богатой орнаментации (зооморфной, антропоморфной) указывает, по мнению ряда археологов, на особый контекст – ритуальный. В пользу этого свидетельствует и то, что на всех памятниках Эквадора (Риаль-Альто, Лома-Альта) и Колумбии (Пуэрто-Ормига, Монсу, Сан-Хасинто-1) с ранней керамикой зафиксированы следы особых конструкций, погребений, клады и т.д.

Как уже указывалось, многие раннекерамические комплексы в Карибской зоне Колумбии по большей части связаны с раковинными кучами. Эта же закономерность четко прослеживается и по археологическим памятникам с самой древней глиняной посудой на юго-востоке США, происхождение которой связывают с Южной Америкой. Более того, специалисты считают, что все эти раковинные кучи демонстрируют определенную геометрию, и их следует рассматривать в качестве своего рода ранней монументальной архитектуры (см. напр.: Thompson, Stoner, Rowe, 2008).

Как связаны и связаны ли вообще эквадорский и колумбийский центры раннего гончар-

ства? Есть определенные различия и в технологии, и в орнаментике, и в формах сосудов, но окончательный ответ требует проведения дополнительных археологических исследований.

Таким образом, на сегодняшний день и для дальневосточного, и для южноамериканского очагов раннего гончарства наработаны интересные подходы к решению вопроса о причинах (культурных аспектах) появления керамической посуды. На первый план выходят вопросы, связанные с активизацией церемониальной практики, развитием престижных технологий, поиском новых эстетических решений для групповой (племенной) символики. Безусловно, это не перечеркивает таких причин, как новые способы приготовления пищи, новые технологии хранения продуктов и т.д. Здесь важную роль должны сыграть более совершенные методы химического анализа керамики. И тем не менее нам на сегодняшний день импонирует позиция тех специалистов, которые считают, что ранняя керамика является маркером не столько экономических, сколько очень важных социальных процессов на внутри- и (что особенно важно) на межгрупповом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Табарев А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 16–54.

Табарев А.В. Как начиналась легенда (культура вальдивия и дискуссия о возможности трансокеанских контактов в Пасифике) // Юбилей лидера. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2012. С. 94–133.

Табарев А.В., Каномата Й., Стоцерт К. Каменный инвентарь раннеголоценовой культуры Лас-Вегас, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Инта археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 154–158.

Oyuela-Caycedo A. San Jacinto Ia alfareria 1 y los inicios de en el nuevo mundo // Cartagena de Indias en el Siglo XVI. Cartagena: Banco de la República, 2010. P. 15–39.

Reichel-Dolmatoff G. Excavaciones arqueológicas en Puerto Hormiga (Departamento de Bolívar) // Antropológica. 1965. N. 2.

Reichel-Dolmatoff G. Monsú. Un sitio arqueológico. Bogota: Talleres Graficos Banco Popular, 1985. 226 p.

Rodríguez C. Las tradiciones alfareras tempranas en las llanuras del Caribe Colombiano (Departamento de Bolívar y Atlántico): Periodización y comparación cerámica // Boletín de Arqueología. 1988. Vol. 3; N. 2. P. 26–40.

Thompson V.D., Stoner W.D., Rowe H.D. Early Hunter-Gatherer Pottery along the Atlantic Coast of the Southeastern United States: A Ceramic Compositional Study // J. of Island and Coastal Archaeology. 2008. N. 3. P. 191–213.

ЭНЕОЛИТ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2014 г. Д.С. Тупахин

*Научный центр изучения Арктики, Салехард
(dantupahin@gmail.com)*

Ключевые слова: энеолит, север Западной Сибири, история археологических исследований.

Резюме. В работе рассматривается история изучения памятников археологии, относящихся к эпохе энеолита, локализованных в границах современного Ямало-Ненецкого автономного округа. Кратко изложена история исследований с первых раскопок в 40-х гг. XX в. до настоящего времени; сделаны выводы о современном состоянии проблемы, намечены дальнейшие перспективные направления исследований.

Археологические исследования на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, начавшиеся в XX в., до середины столетия не отличались постоянством и систематичностью. Это было связано с суровостью климатических условий, отсутствием соответствующей научной инфраструктуры и труднодоступностью большей части территории округа. Среди исследователей, внесших в это время значительный вклад в изучение древней истории региона, прежде всего необходимо отметить В.Н. Чернецова и В.И. Мошинскую. В 1946 г. Мангазейской экспедицией Арктического НИИ Главсевморпути под руководством В.Н. Чернецова исследована стоянка Салехард I (Чернецов, Мошинская, Талицкая, 1953. С. 46–48; 184–188). Керамика и каменный инвентарь из нижних культурных слоев памятника были датированы авторами эпохой энеолита–бронзы.

В 60–70-х гг., с началом интенсивного промышленного освоения Севера Западной Сибири, возрастает число экспедиций, ежегодно работающих в Среднем и Северном Зауралье, в Среднем и Нижнем Приобье. В это время территория ЯНАО исследуется Ямало-Обской (1961 г.) и Обско-Тазовской (1963, 1964 гг.) историко-этнографическими экспедициями МГУ под руководством Л.П. Лашука, в 1966 и 1976 гг. здесь работает Заполярный отряд Ленинградского Отделения Института Археологии под руководством Л.П. Хлобыстина, в

результате чего были открыты и исследованы памятники эпохи бронзы. В 1965 г. сотрудником геодезической партии Ю.Г. Королевым на полуострове Ямал открыта стоянка Йоркута-Яха (Королев, Хлобыстин, 1969. С. 79). Исследовавший эти материалы Л.П. Хлобыстин отмечает своеобразие керамики, орнамент которой находит параллели в материалах более южных районов Западной Сибири. Первоначально памятник датирован эпохой бронзы, однако в более поздних работах автор удревает ее возраст до энеолитического времени (Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 43).

В 1988 г. опубликована монография В.С. Стоколоса, рассматривающая обширный материал, относящийся к эпохе палеометалла Северного Приуралья. Рассматривая памятники с гребенчатой керамикой, относящиеся к эпохе энеолита, автор поднимает вопрос культурной атрибуции материалов Йоркутинской стоянки (Стоколос, 1988. С. 50). В 1989 г. в ИА АН СССР Е.А. Васильев под руководством М.Ф. Косарева защищает кандидатскую диссертацию, посвященную систематизации, определению хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников энеолита и раннего бронзового века Средне- и Северотаежного Приобья, в которой также затрагиваются вопросы генезиса культур Заполярья, намечаются возможные пути миграции населения (Васильев, 1989). Слабая изученность территорий, ле-

жащих в границах Ямало-Ненецкого округа, привела к тому, что исследователи смежных регионов включали территорию Заполярья в периферийную часть выделенных культур, проецируя материалы с более изученных территорий на слабо исследованный регион, а также привлекая материалы опорных памятников Нижнего Приобья лишь в качестве иллюстративного материала.

В начале 90-х гг. XX в. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа проводится ряд археологических разведок, выявивших ранее неизвестные памятники археологии. По материалам археологической карты Ямало-Ненецкого автономного округа, опубликованной в 1994 г., к эпохе энеолита относятся порядка пяти памятников (Косинская, Федорова, 1994. С. 96–104). Однако все эти памятники, за исключением стоянки Салехард I, не исследовались стационарными раскопками, а имеющиеся датировки основывались на единичных находках керамики.

В 2005 г. коллективом НПО «Северная Археология» были проведены раскопки многослойного памятника – стоянки Салехард I, общая площадь раскопов составила порядка 800 кв.м. Результатом исследований стало уточнение энеолитического возраста нижнего слоя памятника, обнаружено, по сообщению автора раскопок, самое северное погребение этого времени, получена коллекция артефактов, которая насчитывает более 6 тыс. ед. К сожалению, результаты работ опубликованы лишь частично (Кардаш, 2005. С. 17).

С 2009 г. О.С. Тупахиной (Кудрич) (ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики») исследуется энеолитическое поселение Горный Сомотнел I, дающий уникальный материал по древней истории Севера Западной Сибири. На данный момент этот комплекс является единственным и наиболее информативным из всех известных в регионе энеолитическим поселением, изучаемым стационарно на протяжении четырех полевых сезонов с привлечением новейших методов естественных наук. В результате раскопок получена представительная коллекция керамики (свыше 30 тыс. фрагментов) с оригинальной морфологией и орнаментикой. Многокомпонентность орнамента свидетельствует о смешанном характере различных традиций, присущих древ-

нему населению. Вопросы о времени формирования этих традиций, их происхождении и этнокультурной принадлежности остается до настоящего времени открытым (Тупахина, Тупахин, 2013. С. 50). Интересно так же географическое расположение поселения. На данный момент это единственное в регионе мысовое энеолитическое поселение, расположенное непосредственно на берегу р. Оби, ширина которой в этом месте более 10 км. Ранее открытые памятники, сопоставимые хронологически, локализованы в средней части и низовьях небольших тундровых рек.

Поскольку территория Нижнего Приобья и п-ова Ямал находится в зоне суровых климатических условий, это вносит коррективы в методики полевых раскопок. Короткое северное лето сокращает сроки полевых сезонов до полутора месяцев в году. Отдельной проблемой являются исследования на памятниках, культурный слой которых образован мерзлотными почвами. С одной стороны, мерзлота консервирует и сохраняет изделия из органики, предоставляя уникальнейший археологический материал (деревянные конструкции, плетеные циновки, рыболовные сети, береста), аналогов которым в более южных регионах нет, за исключением находок из торфянно-сапропелевых памятников в Среднем Зауралье (Чаиркина, 2005. С. 212). С другой – медленное оттаивание замороженного культурного слоя зачастую делает невозможным его выборку на всю глубину залегания в течение одного полевого сезона, вынуждает прибегать к консервации раскопов.

Но главной на сегодня проблемой в изучении эпохи энеолита на севере Западной Сибири, особенно в Заполярной ее части, является мозаичность расположения известных памятников, их малое число и плохая сохранность, отсутствие точных датировок для большинства известных материалов. Очевидной становится необходимость проведения археологических разведок, направленных на выявление новых памятников, относящихся к эпохам камня и палеометалла. Основываясь на анализе уже известных материалов, в частности, поселения Горный Сомотнел I, стоянки Салехард I и Йоркутинская, можно предположить, что к эпохе энеолита территория Ямала была освоена вплоть до средней

части полуострова, а северной границей освоенных территорий являлась р. Юрибей. Однако незначительное число археологических источников, отсутствие их точной хронологической и географической привязки на современном этапе не позволяют делать выводы о генезисе, путях миграции и этнокультурной принадлежности древнего населения, затрудняет оценку его численности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.

Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард I (Обской городок) в 1946 и 2000 годах // Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. С. 20.

Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал. М.: Наука, 1969. 133 с. (КСИА; Вып. 115).

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Препринт. Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН, 1994. 113 с.

Лаишук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы. М.: Наука, 1986. 113 с. (КСИА; Вып. 186).

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Орнаментальные традиции гончарства населения Северо-Западной Сибири в эпоху энеолита (по материалам поселения Горный Сомотнел I) // Переходные этапы в археологии: Мат-лы Всерос. археол. конф. «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 50–52.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья // Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 358 с. (МИА; № 35).

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЖИЛИЩ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НЕОЛИТЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОСНОВООСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2014 г. И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень (
i.usachova@gmail.com)

Ключевые слова: неолит, жилища, домохозяйство, сосновоостровская культура.

Резюме. В статье рассматриваются возможности использования данных о жилищах с учетом сопутствующего им археологического, природно-климатического и топографического контекста для реконструкции института домохозяйства и связанных с ним социально-экономических отношений у неолитического населения лесной зоны.

Размеры жилищ часто принимаются во внимание при исследовании численности семьи или, при совокупном рассмотрении, – общины, но не более. Между тем в информативном плане содержание жилища значительно шире демографических показателей, являющихся через институт семьи его социальной

суть, поскольку оно в той же мере оказывается овеществленным свидетельством института домохозяйства (household), раскрывающего его социально-экономическое содержание. Понятие домохозяйства широкого применения в археологии пока не получило, хотя в этнографии встречается, как минимум, с

1926 г. (Чернецов, 1971. С. 81). С 70–80-х гг. XX в. термин активно используется в культурной антропологии и этнографии, а с начала 90-х становится объектом изучения экономистов и социологов, которые определяют его как обособленную ячейку общества, в рамках которой происходит производство общественного продукта, его потребление, а также воспроизводство рабочей силы, т.е. самого человека (Можайкина, 2008). По составу домохозяйство чаще соответствует семье, но не обязательно. Характеризуется многообразием форм и размеров. Сегодня домохозяйство относят к фундаментальным микроэкономическим понятиям, однако оно продолжает оставаться одним из наименее исследованных экономических институтов. Тем более это касается его ранних форм.

По данным В.Р. Кабо (1986. С. 63), тенденция к хозяйственно-бытовому обособлению семьи начинает проследиваться с верхнего палеолита и связана с появлением специализации как следующего (после половозрастного) этапа в развитии внутриобщинного разделения труда. Составить некоторое представление о ранних формах домохозяйства позволяет предметный анализ использования понятия в этнографии охотников, рыболовов, собирателей. Главной особенностью ранних типов домохозяйства оказывается существование в рамках общины, где они обладают определенной автономией в индивидуальных занятиях, но при этом всецело подчинены общественному производству, основанному на коллективном труде и общественной собственности на землю и уголья (Там же). С современными формами ранние сближаются комплектацией: коллектив чаще всего объединен отношениями родства или брака, но не обязательно. Существовая в составе общины, домохозяйство является ее первичной социально-экономической ячейкой. А поскольку «основной функцией общины всегда является ее деятельность в качестве ведущего производственного коллектива, стремящегося привести структуру, состав и относительную величину прежде всего в соответствие с требованиями производства» (Там же. С. 60), домохозяйства обретают многообразие размеров и форм. При этом их развитие не имеет ничего общего с линейной эволюцией, допуская наряду с про-

грессивными регрессивные явления и формы (Там же. С. 62). Важно также учитывать, что развитие традиционных обществ характеризуется высокой динамичностью, причем в широком смысле, включая экономику, систему природопользования, демографию и социальное устройство (Крупник, 1989). Обращение к этнографии народов Сибири показывает многообразие форм и размеров домохозяйств: патронимии, разновидности большой и малая семьи (Общественный строй..., 1970; Соколова, 1983. Прил.). Их выбор, обусловленный адаптивной стратегией коллективов, определяется «не только особенностями среды, но и уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями группы, внешним воздействием и множеством других социальных факторов» (Крупник, 1989. С. 16). Важное значение придается фактору жестких связей между численностью человеческих коллективов и ресурсами среды обитания (Там же. С. 17). Применительно к археологии задача состоит в том, чтобы определить принципиальную возможность исследования домохозяйств и возникающих в ходе их функционирования моделей социально-экономических отношений у конкретных культурных образований. Проведение такого исследования тем актуальнее, что накопившаяся к настоящему моменту информация не находит объяснения в существующих схемах. Если определение хозяйства неолитического населения Западной Сибири как комплексного, присваивающего типа, в принципе не вызывает возражения, то утверждение, что «на всей территории сложился единый культурно-хозяйственный тип оседлых охотников и рыболовов без выраженной специализации в хозяйстве» (Очерки культурогенеза ..., 1995. С. 19), представляется не соответствующим действительности. Этому противоречит то разнообразие в размерах жилищ (от 18,5 до 272 и даже 600 кв.м (Там же. С. 247), которое прослежено в археологических материалах лесной и лесостепной зоны. Идея объяснить этот факт эволюцией домостроения, предполагающей строительство больших домов не ранее позднего неолита (Там же. С. 247; Старков, 1980. С. 182; и др.) изжила себя. Жилища площадью 100 кв.м и более выявлены на памятниках первой половины – середины

атлантика как в Приишимье (Мергень-6), так и в Нижнем Притоболье (ЮАО-15, Исток-4, Пункт VIII, Юртобор-3 и др.).

В качестве методологической основы такого исследования предлагается комплексный междисциплинарный подход, ориентированный на выявление специфики домохозяйств у неолитических культур и ее зависимости от способов хозяйствования и образа жизни. Помимо характеристик орудийного набора и размеров жилищ, к исследованию предлагается привлечь информацию об особенностях их топографического и гипсометрического расположения, палеоклиматического и ландшафтного окружения, археологического контекста. Для апробации гипотезы использованы материалы сосновоостровской культуры, занимающей территорию в пограничье лесостепной-южно-таежной зоны бассейнов рек Тавды, Туры, Пышмы. Выбор объекта исследования обусловлен ярко-выраженной самобытностью посуды, идентификация которой не вызывает разногласий. Ей соответствует «специфический стереотип каменной индустрии», типолого-трассологический анализ которой показал, что население жило в основном охотничьим бытом. Все опорные памятники датированы; раскопанные жилища представляют выборку с семи поселений. Акцентируем внимание на фактах, несущих информацию о домохозяйстве культуры. Для памятников характерен высокий гипсометрический уровень расположения (2,0–3,5 м) и специфическая топография: на озерах это переймы и протоки, на реках – приустьевые мысы. В двух случаях отмечено островное положение. Поселения состоят из одного-трех жилищ, представленных полуземлянками подпрямоугольной формы с глубиной котлована 0,4–1,2 м. Внутри и за пределами сооружений зафиксированы хозяйственные ямы. Керамические коллекции отличаются массовостью, несопоставимой с объемами находок на памятниках других культур этой территории. Распределение керамики: широко представлена как в жилищах, так и за их пределами, указывает на длительность использования построек и круглогодичный характер их функционирования, т.е. на оседлость населения. Все 12 раскопанных жилищ имеют среднекрупные размеры (65–126 кв.м)

и один очаг в центре. Примерная численность домохозяйств, исходя из расчета 3,5 кв.м на человека, составляет 17–36 человек, что характерно для большой семьи. Радиоуглеродные даты, значительный прирост которых произошел в последние годы, удревнили возраст культуры, отодвинув время ее возникновения до рубежа V–VI тыс. до н.э. при полном диапазоне: 5 930±80 – 5 095±78 л.н. По региональной шкале палеоклиматической динамики это время характеризуется умеренно теплыми и повышенно влажными климатическими условиями (6 300–5 300 л.н.), отличающимися от испытывающих дефицит увлажнения начальной и завершающей фаз атлантика (Рябогина, 2004. С. 8). И тем объясняет высокий гипсометрический уровень расположения сосновоостровских поселений.

Отсутствие исключений в приведенном ряде наблюдений ориентирует на их неслучайный характер. Совокупный анализ данных позволяет выйти на реконструкцию домохозяйства: это были относительно крупные коллективы (один из вариантов большой семьи), проживающие под одной крышей и ведущие оседлый образ жизни. Поселок включал до трех таких домохозяйств, объединенных в общину. Поскольку обеспечить длительную оседлость в условиях присваивающего хозяйства лесной зоны способны только «...весьма эффективные виды рыболовного промысла, позволяющие добывать много рыбы и запасать ее впрок» (Косарев, 1996. С. 263), есть все основания считать рыболовство ведущим промыслом. Этнография и археология каменного века сопредельных территорий показывают, что наиболее продуктивным способом добычи для данной экологической ниши в тот период было заповное рыболовство в летнем и зимнем вариантах на озерах и малых реках, дополненное охотой и собирательством. Предположение хорошо выверяется топографией памятников. Повышенный режим увлажнения способствовал сокращению заморных явлений, мешающих продуктивному рыболовству в этих водоемах сегодня (Мухачев, 2010. С. 115). Вывод: информативные возможности жилищ, рассмотренных с позиций института домохозяйства, весьма перспективны с точки зрения выполнения социально-экономических реконструкций для

неолитических культур лесной зоны Зауралья и севера Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 253–269.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Можайкина Н.В. Социально-экономическая сущность категории домохозяйства // Вестн. Междунар. славянского ун-та. 2008. Т. XI; № 1. С. 54–60.

Мухачев И.С. Направления эколого-рыбохозяйственной реабилитации озер Зауралья // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2010. С. 114–122.

Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – начало XX в. / Под ред. И.С. Гурвича, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. 453 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1; Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 485 с.

Рябогина Н.Е. Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. Тюмень, 2004. 16 с.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 328 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с. (Археология СССР. САИ; Вып. В4-12 (2)).

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – РАННЕГО ЭНЕОЛИТА ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

© 2014 г. Т.А. Хорошун

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
(tatty@list.ru)*

Ключевые слова: керамика, поздний неолит, ранний энеолит, технология, орнаментация, Южная Карелия.

Резюме. Исследование посвящено изучению керамических комплексов позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии. Хронологический период существования памятников с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой охватывает IV – начало III тыс. до н.э. Памятников с этими древностями насчитывается более 230, наиболее полно обследованы 71 с количеством сосудов более 2 тыс. Общие морфотипологические и технологические признаки позволяют говорить о культурной и хронологической преемственности изучаемых комплексов, а орнаментация остается основным и наиболее ярким культурным индикатором, требующим всестороннего изучения.

Изучение керамики позднего неолита – раннего энеолита на памятниках Южной Карелии является важным этапом в разработке вопросов развития культур с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой. Хронологически период их существования, согласно калиброванным данным, охватывает IV – начало III тыс. до н.э. Основной задачей исследования

является определение морфотипологических и технологических характеристик изучаемой керамики.

Территория Карелии в археологическом плане остается одним из изученных регионов в лесной зоне. Благодаря представительной коллекции материалов, полученной в течение 1950–2000 гг., стало возможным критиче-

ски подойти к осмыслению ранее высказанных положений. Наиболее полно исследована южная часть, где выявлено около 300 памятников с материалом переходного периода от неолита к энеолиту (Витенкова, 2009. С. 72–74). Согласно обобщенным данным (Она же, 2002; Косменко, 2003; Лобанова, 2004), в это время сосуществовали два культурных типа керамики: к западу от Онежского озера – гребенчато-ямочная керамика, близкая «типичной гребенчатой керамике» Финляндии, к востоку – ромбо-ямочная, сходная с керамикой из Волго-Окского междуречья. Территория Карелии рассматривается как восточная часть ареала гребенчато-ямочной керамики и северная часть ареала ромбо-ямочной. Считается, что гребенчато-ямочная керамика по орнаментации типологически близка к керамике типа сперрингс, а ромбо-ямочная – к ямочно-гребенчатой.

Обращаясь к анализу известных данных по характерным чертам гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики (Археология Карелии, 1996; Витенкова, 2002), мы вынуждены признать, что в свете новых изысканий требуется их критическое переосмысление. Поиск памятников с чистыми комплексами в будущем позволит снять многие спорные вопросы, такие как:

– соотнесение с комплексом гребенчато-ямочной керамики маловыразительных фрагментов, орнаментированных круглыми ямками от толстостенных сосудов;

– определение места в системе древностей Карелии памятников с керамикой, украшенной овальными ямками (по разработанным периодизациям она соотносится с этапами развития как гребенчато-ямочной, так и ромбо-ямочной керамики);

– использование термина «ромбо-ямочная керамика», к которому относятся сосуды, орнаментированные как ромбическими, так и ямками различной формы.

На данном исследовательском этапе ареалы культурных типов во многом определяются степенью изученности территории, и требуется их сравнительно-типологический анализ, который осложняется тем, что четкие критерии расчленения этих типов на многокомплексных поселениях Карелии детально не разработаны. Например, на памятниках

западного побережья Онежского озера различия между ними выражены в количестве сосудов (преобладает ромбо-ямочная керамика) и в сочетании элементов орнамента. Собственно гребенчато-ямочной керамики в этом районе немного. По составу глиняного теста она практически идентична ромбо-ямочной: грубое, довольно рыхлое тесто с примесью песка, дресвы, иногда органической примеси; сосуды толстостенны. Имеются общие признаки в использовании защипов по краю сосудов, многообразии форм венчиков, заглаживании поверхностей, в наличии общих элементов и мотивов орнамента (Хорошун, 2013а, б).

Керамика обоих типов толстостенна (0,7–1,5 см) с традиционной орнаментацией (ямочный, горизонтально-зональный или геометрический узор), общими формами венчиков, и способами их оформления и декорирования (Она же, 2011). По доминирующему элементу орнамента (форме ямок) керамический материал подразделяется на три группы. Первая с круглоямочной керамикой включает фрагменты, орнаментированные круглыми ямками и оттисками чаще всего гребенчатого штампа, в меньшей степени с гладкими оттисками, а также с различными полулунными вдавлениями, рамчатыми, трубчатыми, зубчатыми и прочими штампами. В эту же группу отнесены фрагменты, которые по ряду признаков (преобладание гребенчатых штампов, ямки с плоским дном, геометрический узор) относятся к гребенчато-ямочной керамике. Вторая группа с овальноямочной керамикой, где в декорировании использованы ямки овальной и/или прямоугольной формы. Третья группа – ромбическая керамика в сочетании с гребенчатыми и гладкими штампами. В каждой группе присутствует гребенчатая керамика (рис. 1). Преобладание гребенчатых оттисков над ямками может объясняться развитием орнаментации внутри культурного типа керамики при сохранении устойчивых признаков в материальной культуре в течение длительного времени. Наибольшее количество сосудов гребенчато-ямочной керамики связано с чистыми комплексами, которых сравнительно немного. Это, в свою очередь, может свидетельствовать, что в определенный отрезок времени подобная орнаментация либо имела

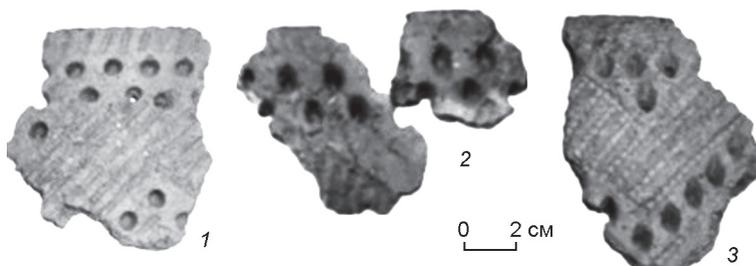
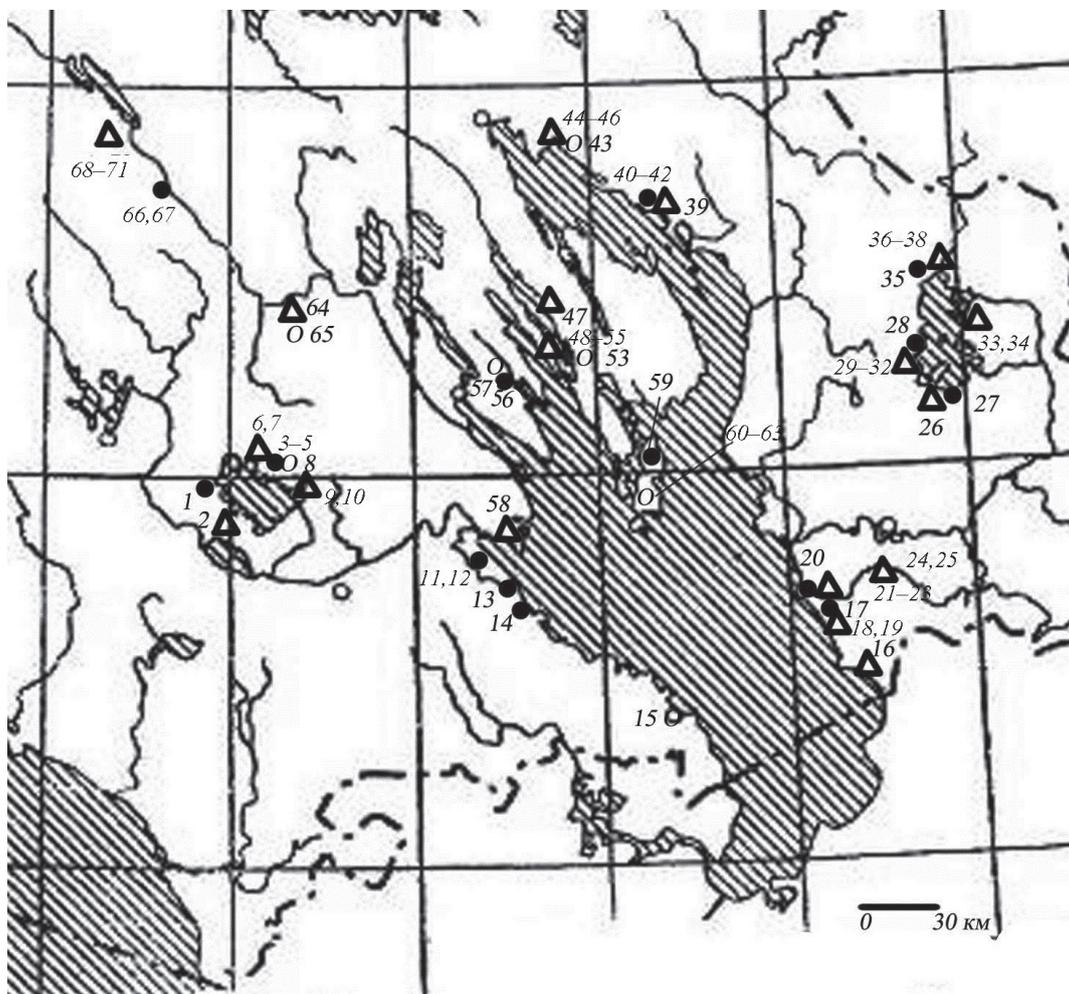

Рис. 1. Керамика с поселения Вигайнаволок I.
1 – гребенчато-ямочная (первой группы); 2, 3 – ромбо-ямочная (второй и третьей групп).

O памятники с гребенчато-ямочной керамикой

Δ памятники с ромбо-ямочной керамикой

памятники с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой

Рис. 2. Карта памятников позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии (бассейн Онежского озера).

1 – Курмойла I; 2 – Питкяламба I; 3 – Кудома VIII; 4 – Лахта III; 5 – Сулгу IIIб; 6 – Кудома X; 7 – Лахта I; 8 – Лакшезеро II; 9 – Чуйнаволок I; 10 – Малая Суна IX; 11 – Соломенное VII; 12 – Пески IV; 13 – Вигайнаволок I; 14 – Деревянное I; 15 – Шёлтозеро V; 16 – Муромское VII; 17 – Кладовец IV; 18 – Кладовец VI; 19 – Черная Речка III; 20 – Семеново II; 21, 22 – Усть-Водла III, V; 23 – Первомайская I; 24 – Подпорожье I; 25 – Подпорожье II; 26 – Сомбома I; 27 – Пога I; 28 – Охтома I; 29 – Охтома III; 30 – Охтома II; 31 – Келка I; 32 – Келка III; 33 – Тонда IV; 34 – Сухая Водла II; 35 – Илекса IV; 36 – Илекса I; 37 – Илекса III; 38 – Шеттима I; 39 – Оровнаволок XVI; 40–42 – Чёрная Губа III, IV, IX; 43 – Войнаволок XXIX; 44 – Войнаволок XXIV; 45, 46 – Сандермоха I, II; 47 – Колгостров; 48–52 – Пегрема I, III, VII, X, XXII; 53 – Пегрема II; 54, 55 – Палайгуба II, X; 56 – Суна I; 57 – Суна II; 58 – Ялгуба III; 59 – Вожмариха-21; 60, 61 – Вертилово-3, -7; 62, 63 – Вожмариха-4, -15; 64 – Черанга III; 65 – Черанга I; 66 – Чудозеро IV; 67 – Юдъярви III; 68–71 – Кудомгуба II, III, IV, VII.

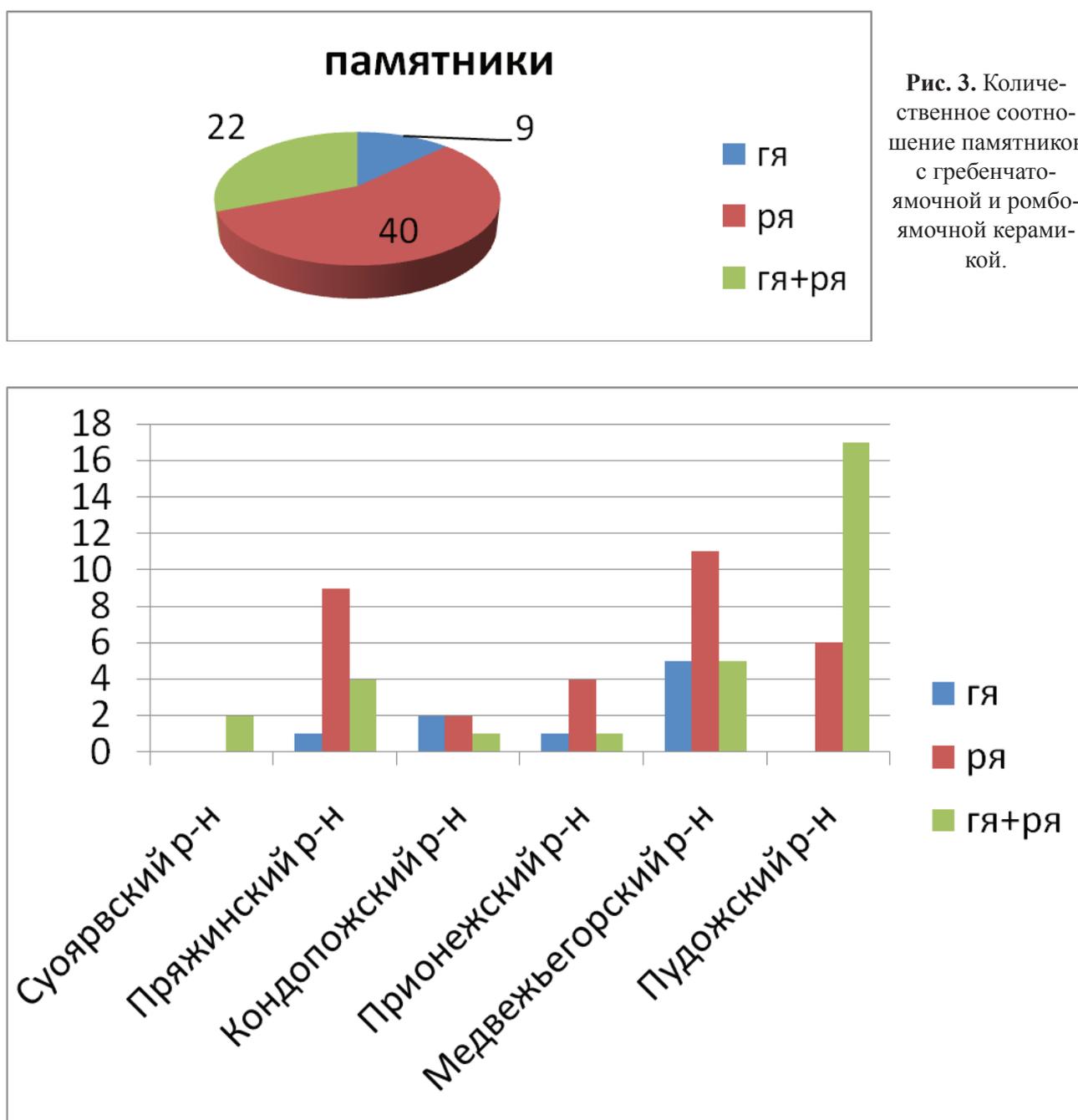

Рис. 3. Количественное соотношение памятников с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой.

Рис. 4. Количественное соотношение памятников с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой в бассейне Онежского озера (по административным районам).

широкое распространение по сравнению с ямочным орнаментом, либо была связана с определенной культурной традицией, которая использовалась для посуды с особым функциональным назначением.

Памятниками с изучаемыми древностями являются поселения и стоянки. Всего более 230 памятников (Археологические памятники..., 2007). Они изучены неравномерно, локализуются в бассейне Ладожского и Онежского озер. Выделяются районы внутренних

водоемов: Сямозеро, Водлозеро. Для анализа произведена выборка памятников с исследованной площадью от 40 кв.м, наиболее изученным является Вигайнаволоок I, где вскрыто 2748 кв.м. Общее их количество составило 71, и эти памятники концентрируются в бассейне Онежского озера (рис. 2). Относительно распространения керамики, стоит отметить значительное количество памятников, где преобладает ромбо-ямочная керамика (40), с гребенчато-ямочной керамикой – в че-

тыре раза меньше (9). Среднее значение (22) занимают памятники, где оба типа керамики встречены в смешанном залегании (рис. 3).

По количественному распределению памятников по административным районам в западной и северной части побережья Онежского озера в большей степени представлена ромбо-ямочная керамика, на восточном побережье – памятники с обоими типами керамики (рис. 4). Гребенчато-ямочная керамика тяготеет к северо-западной части исследованной территории. Таким образом, пласт древностей с ромбо-ямочной керамикой в южной Карелии довольно представительный по сравнению с гребенчато-ямочной керамикой. Наличие общих морфо-типологических и орнаментальных признаков позволяет предположить их общую культурную основу, развитие и этапы которой еще предстоит выяснить.

По составам формовочных масс получены данные 50 образцов из 20 памятников (Хоршун, Кулькова, 2014). Наблюдается любопытная ситуация: для гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики выделяются рецепты с органической и без органической составляющей. При этом их количество примерно одинаково. Так, для гребенчато-ямочной керамики в бассейне Ладожского озера зафиксировано по три рецепта, в бассейне Онежского озера – по четыре. Имеются общие составы для обеих групп. Без органической примеси включают глину, дресву и шамот (размельченную керамику); с органической добавкой – пух-перо, возможно, органический раствор, добавленный в глину вместе с дресвой и песком. Для ромбо-ямочной керамики в количественном отношении наблюдаются изменения для района Ладожского озера, здесь только два рецепта с органической составляющей. Первый состоит из глины, шамота, определены волос или шерсть. Второй – из глины, шамота (измельченная керамика, не до конца высушенная и растертая глина), дресвы и пуха-пера. Для изготовления ромбо-ямочной керамики в основном использовалась глина, дресва, песок, пух-перо, в одном случае в сочетании с шамотом (измельченной керамикой). Отмечен общий для обоих районов рецепт без органики: глина+дресва. Фиксируется существенное отличие в использовании минерального отощителя: на территории Ладожского озера

это чаще всего дресва и шамот, на Онежском озере – песок, что непосредственно связано с особенностями распространения этих компонентов на локальных участках.

Важно также отметить, что рецепты без органической добавки с двумя-тремя компонентами более «простые» по сравнению с «органическими», когда число компонентов может достигать пяти. Визуальные отличия в характере примесей зафиксированы на памятниках позднего неолита ранее (Витенкова, 2002. С. 91–92). Вероятно, эта ситуация отражает определенную особенность в технологии изготовления керамики изучаемого периода и требует дальнейшего углубленного исследования. Видимо, культурная традиция изготовления керамики, отбор сырья, приготовление формовочной массы обусловлены приспособлением к окружающей среде и функциональным назначением сосудов.

Орнаментация остается наиболее ярким культурным индикатором, требующим всестороннего изучения. Этапы развития культурной традиции керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации сложны и отражают исторические процессы, происходящие в течение длительного хронологического диапазона. Общие морфо-типологические и технологические признаки позволяют говорить о культурной и хронологической преемственности изучаемых комплексов. Дальнейшее исследование позволит определить основные вехи в развитии единого культурного типа и обозначить его локальные и хронологические особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007. 200 с.

Археология Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. 415 с.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 183 с.

Витенкова И.Ф. Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 69–97.

Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 4. С. 25–35.

Лобанова Н.В. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 253–264.

Хорошун Т.А. К вопросу изучения керамики позднего неолита – раннего энеолита (по материалам памятников бассейна Онежского озера) // Новые материалы и методы археологического исследования: Мат-лы II Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2013а. С. 46–48.

Хорошун Т.А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013б. 18 с.

Хорошун Т.А., Кулькова М.А. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география. Т. XII / Под ред. Е.М. Нестерова, В.А. Снытко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 252–259.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ РАННЕГО НЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ¹

© 2014 г. Н.А. Цветкова

*Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
(n-tsvetkova@yandex.ru)*

Ключевые слова: ранний неолит, археологическая культура, технокомплекс, историко-культурная область.

Резюме. В докладе рассматриваются вопросы культурной истории раннего неолита Верхневолжского региона и сопредельных ему территорий. Исходя из результатов анализа каменного инвентаря и керамики верхневолжских стоянок и данных их сопоставления с древностями Среднего Поволжья, Волго-Уралья и Верхнего Дона, делается вывод о двух культурно-хронологических пластах, характеризующих ранний неолит Центральной России. Отмечается, что состояние и степень изученности источниковедческой базы позволяют только охарактеризовать материальную культуру населения Центрального региона России в раннем неолите и проследить динамику ее изменений. В связи с этим уделяется особое внимание толкованию термина археологическая культура и предлагается термин технокомплекс для характеристики каменных индустрий.

Ранний неолит (РН) бассейна Верхней Волги в культурном отношении неоднороден, вопреки сложившимся представлениям. Непрерывная культурно-генетическая преемственность древностей, объединяемых в верхневолжскую археологическую культуру (ВВК, АК), не подтверждается данными типологического анализа каменного инвентаря и результатами исследований керамики. Ка-

менный инвентарь ВВК отчетливо разделяется на два последовательно существовавших культурно-хронологических комплекса, представляющих разные технологические традиции, которые сопровождаются разнородной по отношению друг к другу керамикой.

Первый комплекс соотносится с пластинчатой индустрией и финально-мезолитическими приемами вторичной обработки камня в

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

сочетании с находками неорнаментированной/накольчатой керамики. Хронологический интервал ее существования – от 7 100/7 000 до 6 500 uncal BP, что соответствует I этапу ВВК (по Е.Л. Костылевой) или волго-окской АК (по Ю.Б. Цетлину).

Для второго комплекса характерно использование отщепа как основной заготовки и приема сплошного ретуширования наконечников стрел/копий/дротиков и ножей. Изделия с этими чертами встречены только на тех стоянках, где есть находки керамики с «пунктирным», «гребенчатым», «ямочным» и другими элементами орнамента, отличными от «тычково-накольчатого». Подобная посуда распространяется в регионе не ранее 6 500 uncal BP и соответствует II и III этапам ВВК (по Е.Л. Костылевой) или верхневолжской АК (по Ю.Б. Цетлину).

Древности первого комплекса связываются с автохтонным мезолитическим населением при участии влияний с юго-восточных территорий, в результате чего на Верхней Волге распространяется идея изготовления керамики. Вторая группа древностей сформировалась, вероятно, из волны переселенцев восточных территорий, которые в конечном итоге ассимилировали автохтонное население.

Порядок смены типов древностей на Верхней Волге не является уникальным. То же наблюдается и в РН Волго-Уралья, Среднего Поволжья и на Верхнем Дону. Для других микрорегионов лесной и лесостепной зон сведения о последовательности смены групп древностей в РН не достаточны.

В бассейне Вятки каменный инвентарь на памятниках с «накольчатой» керамикой характеризуется Т.М. Гусенцовой по результатам работ на Кошкинской стоянке как пластинчатый, сходный с индустрией позднего мезолита (ПМ), где пластины и их сечения составляют более 10% от общего количество изделий, а 68% орудий изготовлены из пластин.

Для каменной индустрии стоянок РН этого микрорегиона с «гребенчатой» керамикой отмечается заметное увеличение количества орудий с хорошо выраженными формами: сверла с плечиками, крупные ножи листовидной и треугольной формы с тщательной двусторонней обработкой, скребла, массивные скребки, рубящие орудия из камня. Появля-

ются крупные наконечники стрел и копий листовидной формы с двусторонней ретушью.

Преимственность между каменными индустриями ПМ и РН фиксируется Е.Л. Лычагиной на территории пермского Предуралья. Носители традиций изготовления «гребенчатой» керамики расцениваются как автохтонное население, а коллективы людей, изготавливавших «накольчатую» посуду, как пришлое с Нижней Камы и со Средней Волги. Сравнение каменных индустрий, соотносимых с «накольчатой» и «гребенчатой» керамикой не проводилось. Отмечаются некоторые общие черты, являющиеся, видимо, результатом контактов этих групп населения.

Сходство каменных индустрий ПМ и РН в Среднем Поволжье В.В. Никитин объясняет влиянием позднемезолитического населения региона на чуждых для этой территории носителей традиций изготовления «накольчатой» керамики. По его мнению, большинство типов раннеолитических орудий заимствованы у автохтонного мезолитического населения.

В Волго-Уральской лесостепи вопрос о соотношении каменных индустрий ПМ и РН – проблемный. А.А. Ластовский настаивает на заимствовании в РН региона некоторых традиций у культуры ПМ, чем, в том числе, можно объяснить высокий индекс пластинчатости обеих индустрий. А.В. Вискалин, напротив, считает их разнородными. Индустрия ПМ характеризуется отжимной техникой, высоким индексом пластинчатости, незначительным типологическим разнообразием орудий и способов вторичной обработки. Раннеолитическая же каменная индустрия пластинчато-отщеповая с доминированием отщепа-заготовки, характеризующаяся широким типологическим разнообразием орудий.

Каменная индустрия Верхнего Дона в РН слабо изучена. Для региона большой проблемой является отсутствие четко стратифицированных/однослойных памятников. Поэтому исследователи вынуждены основное внимание уделять керамике, нежели каменному инвентарю. Так, среднедонская АК связывается с многообразной «накольчатой» посудой, сопровождаемой ярко выраженной пластинчатой индустрией. В целом она, по А.Т. Синюку, имеет общие черты с ВВК. Традиции изготов-

ления «гребенчатой» керамики рассматриваются им как пришлые из северных районов лесной зоны.

Попытка установления культурного статуса «гребенчато-накольчатой» керамики и характеристики сопровождающей ее каменной индустрии на материалах поселения Васильевский Кордон-7, как одного из наиболее представительных памятников в регионе, недостаточно обоснована. Каменный инвентарь этого памятника имеет пластинчато-отщеповый характер. При этом в коллекции есть остаточные нуклеусы для снятия/отжима (?) микропластин. По А.В. Суркову керамика на поселении очень разнообразна – неорнаментированная, с накольчатым, короткозубчатым орнаментом, с гребенчато-накольчатым орнаментом и другими элементами и композициями. Поэтому каменную индустрию этого памятника не стоит рассматривать как однородную и соотносить с накольчато-гребенчатым комплексом.

Противоречива и характеристика каменного инвентаря карамышевской АК. Наиболее чистый ее комплекс, по Р.В. Смольянинову, представлен на поселении Карамышево-5, где он имеет ярко выраженный отщеповый характер, однако сопровождается «накольчатой» керамикой.

Несмотря на разнообразие взглядов на культурную историю лесной и лесостепной зон Центральной части России в РН, большинство исследователей ассоциируют начальный его этап с неорнаментированной/тычково-накольчатой посудой в сочетании с пластинчатой/пластинчато-отщеповой индустрией. В качестве основной заготовки для орудий-маркеров выступает пластина, редко пластинчатый отщеп. Также распространены мезолитические приемы вторичной обработки, как например, минимальная модификации заготовки ретушью. Начиная же примерно с 6 500 uncal BP, повсеместно фиксируется увеличение производства орудий из отщепов и появление тонких бифасов. Процесс сопровождается распространением «гребенчатой» посуды.

Таким образом, периодизация материалов РН Верхневолжского региона находит соответствие с периодизациями древностей РН на сопредельных территориях.

Широкие аналоги в АК на огромных территориях отмечены исследователями достаточно давно. Так, Д.А. Крайнов объяснял это родственностью населения и принадлежностью его к единой историко-культурной общности.

Сегодня, состояние и степень изученности источниковедческой базы позволяет только охарактеризовать материальную культуру населения Верхнего Поволжья и Центрального региона в РН и проследить динамику ее изменений. Выявить специфические черты, присущие конкретной группе древностей и не встречающиеся в ей противопоставляемых, на имеющихся источниках невозможно. Именно поэтому и не утихают споры относительно ареалов АК и их локальных вариантов. Конкретно можно говорить о двух культурно-хронологических пластах, характеризующих РН Центральной России. Для каменного инвентаря в этой ситуации корректнее было бы рассуждать о *технокомплексах* – совокупности археологических памятников/групп памятников, выделяемых на одной ступени археологической периодизации в определенных пространственно-временных и природных границах. Каждая такая совокупность по технико-типологическим особенностям массового инвентаря противопоставляется соседним совокупностям памятников.

В связи с этим, термин *археологическая культура* в археологии РН приобретает узкое значение. Невозможность выделения индивидуальных черт для конкретных АК и четкого разграничения их ареалов заставляет употреблять этот термин только для обозначения территории, на которой бытовала та или группа древностей. Например, верхневолжская АК по Д.А. Крайнову и раннеэнеолитическая валдайская АК по Н.Н. Гуриной с точки зрения географии представляют собой древности соседних территорий. Однако на деле их инвентарь и керамика тождественны друг другу, что доказывает их однокультурность. Отказаться от употребления эпитета *археологическая культура* применительно к древностям РН было бы целесообразно. Однако отказ от него внесет только большую путаницу и приведет к бесконечным спорам. Дело в том, что корреляция материалов по регионам до сих пор основывалась и продолжает на АК. По-

этому за термином *археологическая культура* пока стоит оставить сугубо служебное значение, отражающее не реальное сообщество населения, а выделяемую археологами локальную группу древностей как часть более крупного целого.

В дальнейшем корреляция памятников между собой с привлечением разных видов источников, исследования новых стоянок позволяют сформировать аналитическую основу для выделения АК с четкими территориально-хронологическими границами и полноценным археологическим содержанием.

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ГОНЧАРСТВА: МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2014 г. Ю.Б. Цетлин

*Институт археологии РАН, Москва
(yu.tsetlin@mail.ru)*

Ключевые слова: гончарство, происхождение, формы сосудов, исходное сырье, формовочная масса, адаптация.

Резюме. Доклад посвящен изучению происхождения форм сосудов и технологии их изготовления, прежде всего, видов сырья и составов формовочных масс. Автор приходит к выводу о том, что происхождение гончарства представляет собой полицентричный процесс, базирующийся на адаптации к местным природно-климатическим и хозяйственным условиям.

Происхождение гончарства включает два взаимосвязанных процесса: происхождение форм сосудов и происхождение гончарной технологии. Каждый из них имеет двойственную природу: с одной стороны, он является продолжением предшествующего развития, а с другой – характеризуется формированием качественно нового культурного явления.

Происхождение форм сосудов

Этот процесс следует рассматривать в двух аспектах: 1) какие емкости послужили прототипами форм глиняных сосудов, 2) какие функции выполняли первые сосуды из глины.

О «прототипах» глиняных сосудов. Судя по данным этнографии и археологии, в догончарную эпоху использовались готовые природные и искусственно созданные емкости. Природные емкости – это плоды деревьев, яйца крупных птиц, раковины и проч. Искусственные емкости делались из камня, дерева, кожи и плетеных материалов.

Таким образом, происхождение форм сосудов было связано с подражанием старым формам, выполненным в принципиально новом материале.

О функциях первых глиняных сосудов. Самая общая функция любых сосудов – служить емкостями для сухих или влажных материалов. Более детальное представление о функции сосудов могут дать данные об их размерах и форме.

Я использовал информацию о древнейших сосудах из памятников двух не связанных между собой регионов: Ближнего Востока и Анатолии 9–8 тыс. л.н. (памятники Магзалия, Телль Сотто, Кюльтепе, Чайоню Тепеси, Хоса Чесме, Чатал Гуйюк, Телль Буграс, Халлан Чечи Тепеси и некоторые другие) и Японии (древнейший период культуры Дзёмон) и Дальнего Востока России (Осиповка, Гася и Госян, 13–11 тыс. л.н.).

Из памятников Ближнего Востока и Анатолии были получены данные по 33 каменным

сосудам, 16 стационарным емкостям, обмазанным глиной или гипсом, и 109 глиняным сосудам.

Каменные (донеолитические) сосуды представлены формами очень малых и малых объемов (т.е. не более 2,5 л), поскольку вытачивание вручную крупных сосудов из камня было весьма трудоемким. По общей пропорциональности они в основном относятся к низким и средним сосудам (76%).

Стационарные емкости, возникшие еще в донеолитическую эпоху, были разного размера. Около 30% их относится к группе «мобильных» сосудов объемом до 50 л. Вероятно, этот факт фиксирует самое начало использования таких емкостей в быту для тех же целей, которым потом служили сосуды из глины. Однако большинство стационарных емкостей (ок. 50%) имело значительные размеры (от 200 до 800 л). По общей пропорциональности 50% стационарных емкостей относятся к группе низких сосудов.

Глиняные сосуды почти целиком относятся к группе «мобильных» (97%). Наиболее широко (ок. 63%) представлены очень малые и малые по объему сосуды (от 170 мл до 2,5 л). Средние по объему сосуды составляют 24%. Закономерно, что глиняные сосуды по своему объему заметно больше каменных. Зато по своей общей пропорциональности и каменные и глиняные сосуды практически одинаковы.

Из приведенных фактов можно сделать ряд выводов:

1) размер сосудов зависел, в том числе, от материала, из которого они делались (каменные сосуды заметно меньше глиняных);

2) развитие производства глиняных емкостей шло в двух основных направлениях: создание небольших мобильных сосудов (до 2,5 л) и огромных стационарных емкостей (свыше 200 л); очевидно, что те и другие имели разное функциональное назначение;

3) сходство каменных и мобильных глиняных сосудов по общей пропорциональности указывает на их частичную функциональную преемственность, хотя сфера применения глиняной посуды была, конечно, значительно шире.

Из памятников Японии и Дальнего Востока использованы данные по 69 только глиняным сосудам.

Все сосуды относятся к группе «мобильных» (до 50 л), среди которых по объему выделяются очень малые (14%), малые (25%) и средние (52%). Важно отметить, что в целом они значительно крупнее, чем мобильные глиняные сосуды, употреблявшиеся на Ближнем Востоке. По общей пропорциональности 94% этих сосудов относятся к группе средних.

Очевидно, что по своему функциональному назначению эти сосуды были значительно более единообразны по сравнению с древнейшей посудой на Ближнем Востоке. Судя по изучавшейся мною древнейшей посуде Приамурья, она использовалась главным образом для приготовления горячей пищи.

Подводя итоги изучения форм глиняных сосудов, можно заключить, что здесь имели место как общие, так и локальные закономерности.

К общим относятся, во-первых, то, что сосуды из глины по своей форме, скорее всего, копировали более ранние естественные и искусственные неглиняные емкости, хотя отличались от них большим разнообразием, во-вторых, древнейшие глиняные сосуды по общей пропорциональности практически полностью совпадали как с более ранними сосудами из неглинистых материалов, так и между собой в разных регионах, а по своему объему занимали как бы промежуточное положение между каменными и стационарными емкостями.

К локальным закономерностям можно отнести различия древнейших глиняных сосудов, во-первых, по разнообразию ассортимента и, во-вторых, по их размерным особенностям в разных регионах.

Эти различия были обусловлены, с одной стороны, разными неглиняными прототипами первых глиняных сосудов, а с другой – не одинаковым их функциональным назначением и использованием в быту.

Происхождение гончарной технологии

Основные моменты этого процесса были исследованы А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой. Чтобы понять, как шло формирование и первоначальное развитие гончарной технологии, нужно иметь в виду, что освоение че-

ловеком пластичных глинистых материалов началась задолго до возникновения гончарства и относится к верхнему палеолиту (глиняная пластика) и докерамическому неолиту (сырцовое строительство).

Поскольку действительно древнейшие образцы глиняной посуды крайне редки, нам приходится реконструировать процесс происхождения гончарной технологии ретроспективно, используя материалы раннего неолита разных регионов Земного шара. Здесь можно опираться на несколько строго достоверных фактов.

Установлено, что древнейшим глинистым материалом, из которого делали сосуды, были не глины, а природные илы.

В настоящее время по керамике раннего неолита зафиксировано использование так называемых равнинных илов с обильной естественной органической примесью и горных илов с естественной минеральной примесью. Именно такой сложный состав илов позволял подвергать сосуды целенаправленной термической обработке. Причем, если равнинные илы в основном допускают длительное низкотемпературное воздействие, то горные илы требуют высокотемпературной обработки.

Адаптационные процессы здесь проявляются как в выборе самого пластичного материала, так и в освоении свойств именно тех илов, которые были доступны в конкретном районе обитания.

Материалом для изготовления сосудов на основе природных глин в большинстве случаев служит специально приготовленная «формовочная масса».

По материалам раннего неолита сейчас известно два основных направления развития традиций составления формовочных масс.

Первое направление – это формовочная масса из глины и искусственной органической примеси (глина + помет водоплавающих птиц, глина + дробленая раковина).

Происхождение этих рецептов формовочной массы связано с искусственной имитацией разных видов равнинных илов, один из которых был насыщен волокнами тонкой водной растительной органики (водорослями), а другой мелкими раковинами пресноводных моллюсков, главным образом улиток.

Переход к использованию таких искусственных составов мог быть связан, во-первых, с временной недоступностью источников илистого сырья в результате переселения на новое место обитания, во-вторых, с заметным повышением прочности и влагонепроницаемости таких сосудов в результате длительного низкотемпературного или короткого высокотемпературного обжига. Следует подчеркнуть, что эти традиции характерны только для коллективов с присваивающим типом хозяйства.

Совершенно в других условиях шло формирование состава из глины и навоза жвачных животных. Судя по регионам его массового распространения, он возник в результате имитации случаев использования для изготовления посуды поверхностных залежей глины в местах водопоя и массового выпаса жвачных животных. Данный состав формовочной массы характерен для обитателей зон с жарким климатом с исключительно производящим типом хозяйства. Сосуды предполагают обжиг в окислительной среде при температурах начала каления глины (ок. 650–700 °С).

Второе направление – это формовочная масса из глины и искусственной минеральной примеси (глина + песок, глина + дресва, глина + шамот).

Распространение двух первых традиций связано в первую очередь с подражанием «горным» илам и глиняным суглинкам, содержащим большое количество остроугольного песка и породных обломков. При переселении в районы распространения более пластичных глин, которые не имели такой естественной примеси, гончары искусственно создавали формовочную массу, похожую на ту, которую они раньше использовали в готовом виде.

Происхождение традиции составления формовочной массы из смеси глины и шамота на основании этнографических данных объяснялось магическими целями – для придания новым сосудам той прочности и долговечности, которую имели старые сосуды. Однако в связи с изучением технологии древнейшей осиповской керамики из памятников Нижнего Амура мною было высказано предположение, что возникновение этой традиции отражает тот же самый процесс имитации гончарами некоторых видов готового природного сырья.

В частности, было установлено, что местные гончары использовали илистое сырье с естественной примесью сланцевой глины и бурого железняка. Иногда концентрация этих частиц в формовочной массе достигала 30 и даже 50% общего объема. Внешне они очень похожи на шамот, но имеют более округлую форму.

Зато позднее в этом регионе распространяется мариинская культура, посуда которой изготавливалась из глины с искусственной примесью шамота, что допустимо рассматривать как сознательную имитацию более древней традиции осиповской культуры.

Изложенные факты позволяют прийти к следующим выводам:

1) Использование для изготовления сосудов различных составов формовочных масс было связано с имитацией похожих природных составов, которые раньше использовались в готовом виде;

2) Возникновение искусственных составов формовочных масс было обусловлено местной природно-климатической обстановкой и конкретными формами хозяйства, которые были характерны для этого коллектива.

Таким образом, происхождение гончарства (как форм сосудов, так и технологии их изготовления) было тесно связано, во-первых, с адаптацией коллектива к природной и хозяйственной среде, во-вторых, с широко развитой подражательной (имитационной) деятельностью людей. В целом происхождение гончарного производства на Земном шаре представляло собой полицентричный процесс: оно многократно возникало в разных районах Земного шара до тех пор, пока его быстрое и сплошное распространение не скрыло от нас истоки этого явления.

НЕОЛИТ И ПАЛЕОМЕТАЛЛ В НИЖНЕМ ПРИАМУРЬЕ: СЦЕНАРИЙ ПАЛЕОЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

© 2014 г. И.Я. Шевкомуд

*Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Хабаровск
(neolitt@mail.ru)*

Ключевые слова: эпохи неолита, бронзы и железа, палеоэтнокультурные процессы, Нижнее Приамурье, Дальний Восток.

Резюме. Нижнее Приамурье до рубежа эр пережило два периода высокого уровня культурного развития. Первый и наиболее яркий – в неолите – отличался длительностью и целой серией крупных самобытных и преемственных культур. Но неолитическая линия развития по неизвестным причинам прекратила свое существование, закончилась коллапсом. В эпоху бронзы – «темных веков» амурского древнего мира – высокоразвитых культур в Нижнем Приамурье не существовало, зато появилась мозаичность, дробность палеоэтнокультурной картины, сохранявшаяся во все последующие эпохи. Второй период высокого культурного развития – в железном веке, на основе преемственных урильской и польцевской культур, также представлявших мощное культурное явление.

Новых источников по темам неолита и палеометалла Нижнего Приамурья, накопленных уже после времен масштабных и фундаментальных работ исследователей Дальневосточной археологической экспедиции, к настоящему времени достаточно не на одну обстоятельную монографию. То, что в

настоящее время имеется, введено в научный оборот в неравномерной степени. Основное внимание уделялось неолиту, по которому издано довольно много статей, а также, что очень важно, монографии и отчетные материалы (Окладников, 1983; Деревянко А.П., Медведев, 1993; Деревянко А.П. и др., 2000;

2002; 2003; Медведев, 2005а, б; Шевкомуд, 2004; Шевкомуд, Кузьмин, 2009; Шевкомуд, Яншина, 2012; и др.). Что касается палеометалла, то проблемы данной эпохи рассмотрены в основном на уровне статей, а монографических осмыслений проблематики заметно меньше (Деревянко А.П., 1973; 1976; Древности Буреи, 2000; Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001; Фукуда и др., 2005; и др.).

Разумеется, рассмотреть сколь-нибудь детально весь массив данных в настоящей работе невозможно. Но вполне уместно представить общее видение, концепцию, реконструированную на основе всех имеющихся источников, как давно известных, так и новых.

Всю информацию, которая в настоящее время получена из археологических источников по эпохам неолита и палеометалла Нижнего Приамурья (бассейна р. Амур от р. Уссури до амурского устья), а также сопредельных ему территорий Среднеамурской низменности и бассейна р. Уссури, по-нашему мнению, можно свести к трем основным тезисам.

1. Развитие неолитических культур территории началось очень рано, в финале плейстоцена и, вероятнее всего, имело вид весьма масштабной *колонной секвенции* (Клейн, 1991. С. 394): ареалы культур огромны (протяженностью до 900 км вдоль долин Амура и Уссури только на территории Хабаровского края), памятников довольно много, территориальные варианты в основном ареале – Нижнем Приамурье – практически не выявлены, наоборот, отмечено удивительное типологическое единство керамики на всей обозначенной территории; длительность эпохи неолита также масштабна – более 12 тыс. лет (Шевкомуд, Кузьмин, 2009). Развитие и смену крупных культур – осиповской, кондонской, малышевской и вознесенской – можно представить в виде последовательной смены обширных «палеоэтнокультурных монолитов», связанных происхождением. Причем уже в плейстоценовой осиповской культуре были заложены все характерные признаки среднеамурского неолита, которые транслировались в последующих культурах (Шевкомуд, Яншина, 2012). Предшествующие исследователи также считали среднеамурский неолит единым явлением, что выражалось в выделении А.П. Оклад-

никовым амурской неолитической культуры, разделенной на этапы (Окладников, 1941; 1967; Деревянко А.П., 1972), а А.П. Деревянко (1973. С. 260) говорил о культурной общности в неолите Нижнего Амура.

Уровень развития неолита Нижнего Амура был в некоторых аспектах сопоставим с синхронными культурами двух других великих рек востока Азии – Хуанхэ и Янцзы – и комплексами эпохи дзёмон Японии. А.П. Окладников и другие исследователи неоднократно отмечали уникальность феномена среднеамурского неолита на фоне североазиатских неолитических культур, а также называли именно Нижний Амур мощным центром этно- и культурогенеза на востоке Азии (Окладников, 1941; Okladnikov, 1981; Деревянко А.П., 1973. С. 260). Можно предполагать, что движение неолита территории шло к возникновению отдельной «амурской цивилизации».

Но в конце неолита что-то произошло. Поступательное движение ярких и самобытных культур не перешло логично в эпоху бронзы, а просто прервалось. Ситуацию вполне уместно характеризовать как коллапс. Она была, скорее всего, катастрофической, хотя конкретизировать ее причины и содержание пока возможно лишь на уровне гипотез. Ясно одно – вознесенская культура и в целом мощная линия развития неолита Нижнего Амура прекратила свое существование, оборвалась по неизвестным пока причинам примерно в XVIII–XVII вв. до н.э.¹ (Шевкомуд, Кузьмин, 2009), прямая преемственность была практически разрушена. Нижнее Приамурье как-то очень странно, в археологическое одночасье, превратилось в «первобытную ойкумену» (рис. 1).

2. Период после «вознесенского коллапса» в Нижнем Приамурье отличается тем, что его представляют редкие и разнородные памятники, а территория заселена слабо и мозаично (рис. 2). Сохранившиеся очень лаконичные археологические источники можно разделить на две основных группы. Первая группа – «осколки» вознесенской культуры, т.е. комплексы, которые в разной степени можно связать с финалом неолита. Это прежде

¹ Временные рамки приводятся на основе калиброванных радиоуглеродных дат, если не указано иное.

Рис. 1. Парадокс культур нижнеамурского неолита: они не стали основой соответствующих по уровню развития культур эпохи бронзы (Б), как это произошло, например, в бассейне р. Хуанхэ (А).

1 – сосуды культуры ян-шао; 2 – бронзовый сосуд периода Шан; 3, 4 – сосуды вознесенновской и малышевской культур; 5 – сосуд эпохи бронзы Нижнего Амура.

1, 2 – по: (The Treasures of a Nation, 1999); 3, 4 – по: (Медведев, 2005а; Okladnikov, 1981).

всего коппинская культура, затем – комплексы «пост-малогованского» облика, не имеющие пока четкого таксономического обозначения, и, что очень вероятно, еще какие-то другие (Шевкомуд, 2008а).

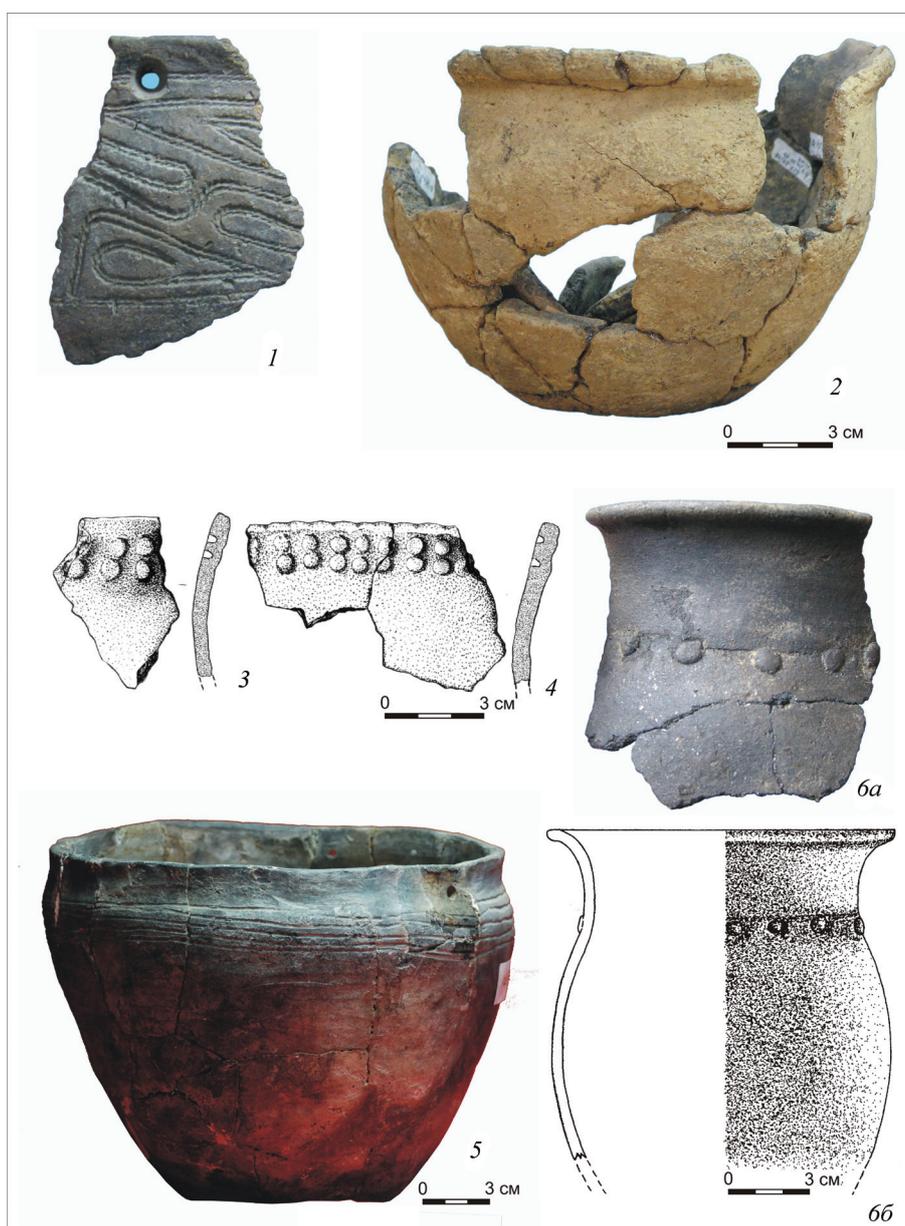
Вторая группа – комплексы, оставленные явными мигрантами, не имевшими никаких корней в традиционном нижнеамурском неолите; которые стекались с сопредельных территорий в освободившиеся эколого-хозяйственные и территориальные ниши Нижнего Приамурья. Из известных это: усть-мильские реминисценции из Якутии и, что очень важно (!), – носители урильской культуры из Западного Приамурья (Деревянко А.П., 1973;

Древности Буреи, 2000; и др.). Есть и другие, пока ясно не определенные. Период с XVII по IX–VIII вв. до н.э., по нашему мнению, можно называть эпохой бронзы, но с исторической спецификой, связанной с прерыванием вектора развития, заданного в эпоху неолита.

3. Все вышеперечисленные участвовали в палеоэтнокультурных процессах начала – первой половины I тыс. до н.э., при явном доминировании пришлой урильской культуры, занявшей большой ареал на Среднем и Нижнем Амуре (Деревянко А.П., 1976. С. 158) и ставшей, по сути, новым палеоэтнокультурным монолитом, напоминавшим неолитические времена. С появлением последней в

Рис. 2. Керамика, соотносимая с эпохой бронзы в Нижнем Приамурье.

1 – фрагмент сосуда коппинской культуры (поселение Кольчём-3); 2 – сосуд «постмалогованского» облика (поселение Богородское-24); 3, 4 – фрагменты устьмильского облика (поселение Голый Мыс-5); 5, 6 – сосуды неясного облика, датированные радиоуглеродным методом эпохой бронзы (поселения Кольчём-2, Новотроицкое-12).

IX–VIII вв. до н.э. можно говорить о *периоде раннего железа* в Нижнем Приамурье, который продолжался до III–I вв. до н.э., до формирования польцевской культуры.

В данных процессах, вряд ли простых по характеру взаимоотношений между разными культураносителями, выплывался новый палеоэтнокультурный монолит, характеризующий уже *период развитого железа* Нижнего Приамурья – польцевская культура (Деревянко А.П., 1976; Деревянко А.П., Медведев, 2008), начало которой реальнее всего отнести к III–I вв. до н. э.

С последних веков I тысячелетия до н.э. развитие культур восточной части Приамурья продолжается по двум линиям. Первая линия – мощная и генеральная – связана с польцев-

ской культурой. Она охватывала как минимум всю восточную часть амурского бассейна, влияла на сопредельные территории и породила варианты (ольгинская культура Приморья).

Вторая линия развития – второстепенная, но уже хроническая и придающая явный колорит эпохе и всей амурской древней истории, особенно на северо-востоке Нижнего Приамурья. Она связана с теперь уже польцевскими соседями, которые продолжали прочно сформированную к тому времени традицию мозаичности общей палеоэтнокультурной картины. Их также можно разделить на две группы. Первая группа – явно связанные с урило-польцевским фактором. Это пока трудноопределяемые локальные вариации

урильской и/или польцевской культур: комплексы змейкинского, кольчёмского и других типов (Шевкомуд, 2003; Дерюгин, Лосан, 2009). Вторая группа – комплексы, не связанные с урило-польцевским фактором. Из ныне известных это, прежде всего, большебухтинская культура, корни которой уходили, вероятно, в бронзовый век Якутии (Шевкомуд, 2008б). Она каким-то образом сохранила в урило-польцевском культурном мире Нижнего Приамурья свою самобытность.

Явно забегая за хронологические пределы настоящей работы, отметим следующее. Здесь перечислены только те типы и культуры, что появились до распространения крупной по ареалу и количеству памятников культуры «амурских чжурчжэней» (покровской), т.е. примерно до V–VII вв. н.э. Последняя – также мощная амурская археологическая культура-монолит, просуществовавшая до XIII в. н.э., до монгольского разгрома – не повлияла на мозаичность, что иллюстрируется, например, тэбахской культурой и другими «охотскими» типами. В дальнейшем традиция мозаичности сохраняется вплоть до известной специалистам лоскутной этнокультурной карты коренных народов Приамурья.

По-видимому, из-за охарактеризованных выше особенностей древней амурской истории русские землепроходцы XVII в. встретились здесь не с сильным и единым дальневосточным государством, а с непонятными до сих пор археологически, разрозненными этносами, проживавшими на территории, контролируемой в разные века II тыс. н.э. то более сильными китайцами, то маньчжурами, вплоть до окончательного включения ее в состав Российской империи в середине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гребеников А.В., Дервянко Е.И.* Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
- Дервянко А.П.* Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1972. С. 38–66.
- Дервянко А.П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
- Дервянко А.П.* Приамурье (I тысячелетие до н.э.). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
- Дервянко А.П., Медведев В.Е.* Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. 109 с.
- Дервянко А.П., Медведев В.Е.* К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследования поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3. С. 14–35.
- Дервянко А.П., Чо Ю-Джон, Медведев В.Е., Ким Сон-Тэ, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Кан Ин-Ук, Ласкин А.Р.* Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульском районе Хабаровского края в 2000 г. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Кореи; ИАЭТ СО РАН, 2000. 564 с. (на рус. и кор. яз.).
- Дервянко А.П., Чо Ю-Джон, Медведев В.Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.* Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 г. Т. I–III. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Кореи; ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. I – 420 с.; Т. II – 222 с.; Т. III – 440 с. (на рус. и кор. яз.).
- Дервянко А.П., Чо Ю-Джон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.* Неолитические поселения в низовьях Амура (Отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг.). Т. I–III. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Кореи; ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. I – 446 с.; Т. II – 208 с.; Т. III – 466 с. (на рус. и кор. яз.).
- Дерюгин В.А., Лосан Е.М.* Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / Отв. ред. И.Я. Шевкомуд. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 47–73.
- Древности Буреи.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР, 1991. 448 с.
- Медведев В.Е.* Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005а. № 4. С. 40–69.
- Медведев В.Е.* Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005б. С. 234–267.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.

Окладников А.П. Поселение у с. Вознесенка в устье р. Хунгари // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 175–178.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Окладников А.П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука, 1983. 160 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Неолит Дальнего Востока // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 127–150.

Фукуда М., Шевкомуд И.Я., Такахаси К., Косицына С.Ф., Горшков М.В., Кияма К. Исследование древних культур позднего неолита – палеометалла в Нижнем Приамурье: отчет об археологических раскопках многослойного памятника Голый Мыс-1 / Под ред. М. Фукуды, И.Я. Шевкомуда. Токоро: Исслед. лаборатория Токоро Токийского ун-та, 2005. 114 с. (на рус. и яп. яз.).

Шевкомуд И.Я. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый Мыс-5) // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья / Под ред. В.А. Дерюгина. Вып. 1. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2003. С. 7–22.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.

Шевкомуд И.Я. Коппинская культура и проблема перехода от неолита к палеометаллу в Нижнем Приамурье // Столетие великого АПЭ (К юбилею академика А.П. Окладникова) / Отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: ДВГУ, 2008а. С. 157–181.

Шевкомуд И.Я. Большебухтинская культура в Нижнем Приамурье // Традиционная культура востока Азии / Отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. Вып. V. Благовещенск: АмГУ, 2008б. С. 158–170.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / Отв. ред. И.Я. Шевкомуд. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 7–46.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 270 с.

Okladnikov A.P. Ancient art of the Amur Region. Album. Leningrad: "Aurora" Publishers, 1981. 160 p.

The Treasures of a Nation. China's cultural heritage, 1949–1999. Discovery, Preservation and Protection. Beijing: Morning Glory publishers, 1999. 328 p.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ХРОНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ НОВОИЛЬИНСКОГО ТИПА В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2014 г. А.В. Шипилов

*Институт археологии АН РТ, Казань
(Shipilov_anton@mail.ru)*

Ключевые слова: Икско-Бельское междуречье, новоильинская культура, посуда, керамика, орнаментация.

Резюме. Статья посвящена анализу керамики новоильинской культуры в Икско-Бельском междуречье. Делается вывод о том, что сложение памятников новоильинской культуры на рассматриваемой территории происходило при ярко выраженном сохранении культурных традиций волго-камской неолитической культуры на хуторском этапе. При этом новоильинскую керамику Икско-Бельского междуречья, на основе полученной даты, автор склонен помещать в хронологические рамки конца IV – начала III тыс. до н.э.

История изучения новоильинской культуры насчитывает свыше 50 лет. Ее открытие и первоначальное изучение связано с именем О.Н. Бадера. Раскапывая древние поселения в зоне затопления Камских водохранилищ, он выделил новый тип керамики, во многом напоминавшей неолитическую. Первые находки были сделаны на поселениях Бор IV, Боровое озеро III и других. Наиболее выразительный и архаичный материал был получен на поселении Ново-Ильинское III, по которому и была названа новая культура (Бадер, 1961. С. 60–75).

Керамические комплексы новоильинской керамики в Икско-Бельском междуречье выявлены Р.С. Габяшевым на стоянках Дубово-гривская II, Игимская, Русско-Азибейская III, Золотая Падь II и Татарско-Азибейская II.

Новоильинская посуда тщательно, иногда до блеска, заглажена с обеих сторон и изготовлена из глиняного теста с примесями песка, мелкого шамота и мелких органических остатков. Толщина стенок колеблется в пределах 0,6–0,9 см. Толщина днищ обычно превышает толщину стенок на 0,2–0,4 см. По крупным фрагментам и частично реставрированным образцам можно полагать, что основной формой керамики являлись круглодонные сосуды с прикрытым горлом, полуяйцевидным округлым туловом (рис. 1, 2).

Численно преобладают округлые, плоские и приостренные формы венчиков. Сравнительно много и венчиков с внутренним утолщением.

Орнаментальные мотивы рассматриваемой керамики весьма просты и незатейливы. Это пояса, состоящие из оттисков различных овальных, линзовидных, саблевидных, клиновидных многочастных гребенчатых и одночастных штампов (рис. 1). В массиве керамики новоильинского типа сравнительно реже встречается мотив «елочки» (рис. 2, 1, 8), ромба (рис. 2, 2), флажка (рис. 2, 3), вертикального (рис. 2, 3) и однорядного или двухрядного горизонтального зигзага (рис. 2, 4–9).

Поселения и отдельные местонахождения с новоильинской керамикой выявлены на левобережных участках долины р. Камы. Типологически близкие к икско-бельским новоильинские комплексы отмечены в бассейне р. Вятки (Гусенцова, 1980; Наговицын, 1987. С. 30), а также в среднем и верхнем течении Камы (Наговицын, 1987. С. 30). Сходные с икско-бельским новоильинские керамические комплексы выявлены в бассейне р. Самары на Виловатовской (Васильев и др., 1980. Рис. 7, 8) и Ивановской (Моргунова, 1980. Рис. 6) стоянках. Керамические комплексы новоильинского («флажкового») типа выявлены в

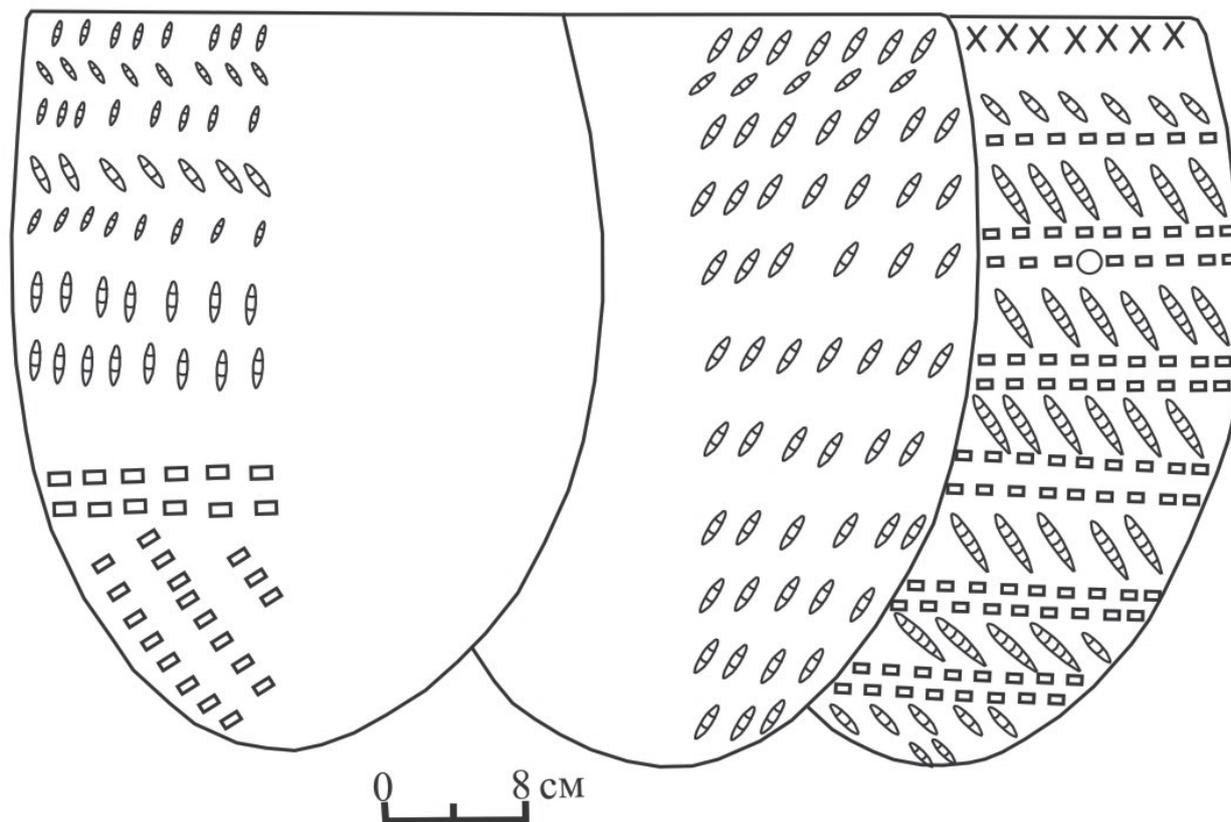

Рис. 1. Профилировка и орнаментация сосудов новоилыинского типа Икско-Бельского междуречья.

бассейне р. Дёмы на Давлекановской и Кара-Якуповской (Морозов, 1984. Рис. 4) стоянках.

Характеризуя керамику новоилыинского типа, следует отметить, что носители керамической традиции мариупольской культурно-исторической области не оказали значительного влияния на представителей этой части энеолитического населения Икско-Бельского междуречья. В изготовлении посуды прослеживается ярко выраженное сохранение традиций волго-камской неолитической культуры на хуторском этапе ее развития. Сравнительно-типологический анализ керамики новоилыинского типа обнаруживает значительное сходство по профилировке сосудов и ряду орнаментальных мотивов с керамикой волго-камской культуры. К таковым мотивам относятся «ёлочка» (23,56%), горизонтальный зигзаг (3,60%), пояса из оттисков овальных (17,62%), линзовидных (14,23%) и клиновидных штампов (6,54%). В сово-

купности мотивы новоилыинской культуры, имевшие распространение в среде носителей волго-камской культуры составляют 65,55%, что может свидетельствовать о значительном проявлении орнаментальных традиций эпохи неолита в массиве керамики новоилыинского типа Икско-Бельского междуречья. В количественном отношении преобладают сосуды, имеющие закрытую полуяйцевидную форму (85%), которая также присуща для посуды волго-камской культуры. По всей поверхности имеется орнаментация, в которой отсутствуют сложные элементы орнамента. В глиняном тесте присутствует песок или шамот. Нередко венчики сосудов имеют наплыв с внутренней стороны (Васильев, Габяшев, 1982. С. 7; Габяшев, Старостин, 1978. С. 32). Сходство керамики новоилыинского типа Икско-Бельского междуречья с керамикой волго-камской культуры дает основание полагать, что основой для сложения матери-

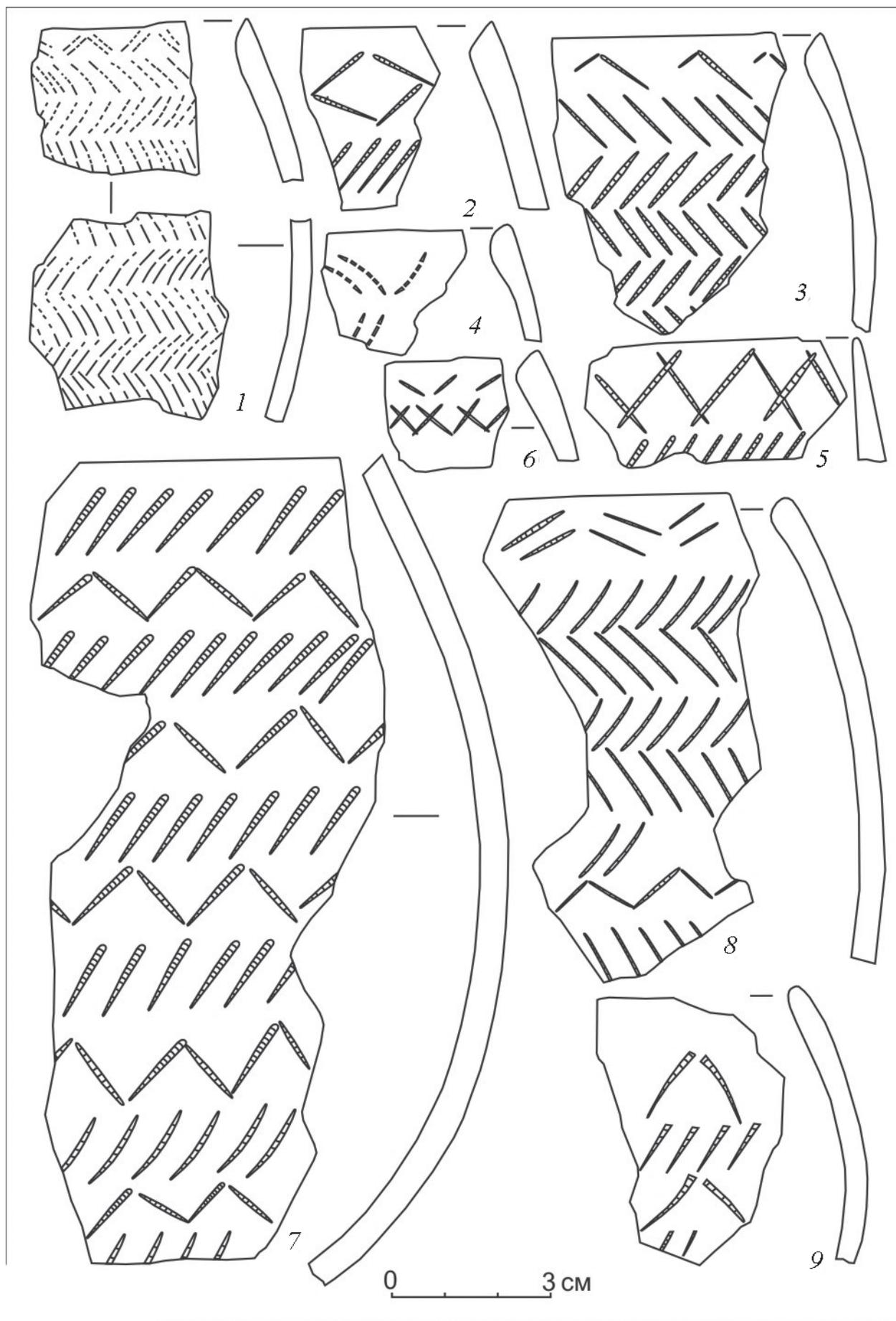

Рис. 2. Керамика новоильинского типа Иско-Бельского междуречья (поселение Татарско-Азибейское II).

альной культуры энеолитического населения памятников новоильинского типа послужила волго-камская культура.

Под воздействием различных факторов в начале III тыс. до н.э. влияние самарской и хвалынской культур иссякает. В изготовлении посуды отсутствует воротничок, один из определяющих признаков влияния вышеотмеченных культур. К новым элементам, позволяющим отличать керамику новоильинского типа от волго-камской хуторской, относятся разреженность орнаментации, использование коротких изогнутых штампов (1,83%), наличие небольших плоских днищ, а также присутствие количественно уступающих полувидных открытых форм сосудов. В массиве керамики новоильинского типа появляются новые, ранее не встречаемые орнаментальные мотивы в виде флажка (0,08%), ромба (0,08%), поясов из оттисков коротких изогнутых штампов (1,83%) а также пояса из оттисков коротких овальных двухчастных слитных штампов (0,95%). Их присутствие в массиве керамики новоильинского типа, вероятно, следует рассматривать как влияние на население Икско-Бельского междуречья энеолитического населения с сопредельных территорий (Удмуртии, Башкортостана, Среднего Поволжья и Среднего Прикамья). Применение короткого овального штампа также может служить свидетельством проявления контактов с сопредельными территориями, т.к. частота встречаемости в массиве керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья его невелика (1,8%), в то время как на посуде правобережной Нижней Белой и Вятки их применение имеет большой удельный вес (Выборнов, 1984. С. 53).

Статистическая обработка массива керамики новоильинского типа, происходящей с поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья, выявила значительный коэффициент сходства между ними. Данный факт может говорить о том, что на рассматриваемой территории в изготовлении посуды складывается локальная культурно-историческая традиция, принадлежащая к новоильинской культуре.

Возникновение симбиоза местных культурных орнаментальных традиций с орнаментальными традициями, позаимствованными в

результате контактов с энеолитическим населением сопредельных территорий, также свидетельствует в пользу сложения локального Икско-Бельского варианта керамики новоильинской культуры.

На основе радиоуглеродной даты (5 280±100 л.н.) (Выборнов, 2008. С. 243), полученной со стоянки Русско-Азиевская III (определение лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН, г. Киев), сложение памятников новоильинского типа правомерно относить к концу IV – началу III тыс. до н.э.

Дополнительным аргументом в пользу того, что рассматриваемая группа керамики относится к энеолиту, служит то, что в ходе исследования поселения Татарско-Азиевское II она была зафиксирована совместно с остатками металлопроизводства, представленными медными сплесками и фрагментами тиглей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961. С. 60–75.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Вилатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. статей. Т. 235. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т. 1980. С. 151–188.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 3–23.

Выборнов А.А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 50–62.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. 490 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы Второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 109–120.

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1980. С. 70–95.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита – энеолита в Оренбургской области // Энео-

лит Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. статей. Т. 235. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1980. С. 104–125.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 43–58.

Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 28–34.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА: ТИПОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2014 г. А.Ф. Шорин, Е.В. Вилисов

*Институт истории и археологии УрО РАН
(shorin_af@mail.ru; vilisov@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, Среднее Зауралье, святилище Кокшаровский холм, каменный инвентарь.

Резюме. В докладе проводится сравнение каменного инвентаря неолитического святилища Кокшаровский холм с материалами поселенческих комплексов Среднего Зауралья этой эпохи. Устанавливаются сходство и различие каменных артефактов святилища и поселенческих памятников. Делается вывод, что определенное отличие ассортимента каменных изделий Кокшаровского холма и поселенческих комплексов, особенно в процентном соотношении, может свидетельствовать об активном использовании ряда категорий каменного инвентаря в культовой практике. Намечены возможные ритуалы, проводившиеся на святилище Кокшаровский холм, в которых были задействованы те или иные категории каменного инвентаря.

Насыпное святилище Кокшаровский холм (Свердловская обл.) сооружено в центре Юрьинского поселения его жителями в эпоху неолита и датируется рубежом VI–V – третьей четвертью IV тыс. до н.э. в некалиброванных значениях дат (Шорин, Шорина, 2011). Культовый характер памятника и других объектов этого типа (Чертова гора, Усть-Вагильский, Махтыльский холм) обоснован и не вызывает особых возражений (Старков, 1969; Панина, 2008; Сладкова, 2008; Шорин, 2010). В настоящее время коллекция предметов из камня с Холма насчитывает более 23 тыс. экз. Однако типологически лишь малую часть из них можно отнести к культовым. Это навершие булавы в виде головы медведя или бобра, оформленная как орнитоморфное изображение обушковая часть сланцевого ножа, пряслице, тальковые стержни с насечками, из которых один с поперечным желоб-

ком¹ (Шорин, 2010. Рис. 3; 5, 6; 6, 1). Эти изделия имеют аналоги в других культовых комплексах, либо оцениваются специалистами, в том числе, и как культовые. Остальной материал типологически мало отличается от поселенческих комплексов неолита Среднего Зауралья и включает широкий спектр типов изделий: куски сырья, нуклеусы, технические снятия, заготовки, различные орудия, отходы их производства и т.д. Часть материала, вероятно, связана с функционированием культовых объектов, исследованных на Холме (Вилисов, 2006. С. 192–195; Шорин, Вилисов, 2008). Для выявления специфики комплекса и определения категорий артефактов, задействованных в культовой практике, проведен сравнительный типолого-статистический анализ каменных артефактов святилища Кокшаровский холм с материалами неолитических

¹ Этот предмет мог быть также «утюжком» или его имитацией (Шорин, 2010. С. 36–37).

памятников Среднего Зауралья (Ковалева, Сериков, 1982; Сериков, 1981; Кернер, 1991; Волков, 2001; Шаманаев, 2001). Он позволил выявить следующие характерные черты каменного инвентаря святилища Кокшаровский холм.

1. Наиболее многочисленная категория находок – отщепы и чешуйки – более 9 000 экз., 38,8%. Их доля меньше, чем в поселенческих комплексах, где они могут составлять до 65% от всего материала. Это может указывать на ограниченную роль камнеобработки в производственных процессах на территории святилища. Часть отщепов могла быть получена при совершении обрядовых действий, что зафиксировано в объекте 15 Кокшаровского холма (Шорин, Вилисов, 2008). Среди орудий на отщепах преобладают скребки – 3,4% комплекса (их доля сопоставима или меньше по сравнению с поселениями). Многие из них в начальной стадии сработанности и предназначены для работы по дереву: выскабливание, вырезание рельефных линий (Алексашенко, 2004. С. 102). Ретушированные отщепы немногочисленны – 1,5%, что в 2–6 раз меньше, чем на поселениях. Причем, большая часть из них несет следы утилизации в виде нерегулярной ретуши, образовавшейся, вероятно, от непродолжительного использования.

2. Многочисленны нуклеусы и нуклевидные куски различной степени сработанности, часто выполненные из некачественного сырья – более 600 экз., или 2,5% от общего количества предметов из камня. Их доля в 2,0–2,5 раза больше, чем в крупных поселенческих комплексах. О важной роли расщепления нуклеусов и значимости данной категории артефактов может свидетельствовать наличие на памятнике массивных уплощенных форм, предназначенных для снятия широких пластин. Подобный тип нуклеусов практически неизвестен в поселенческих комплексах, однако встречается в мастерских (Матюшин, 1976. Рис. 5).

3. Пластины без обработки насчитывают около 4 000 экз., 18,5%. Данный показатель сопоставим с материалами поселенческих комплексов. Следует отметить, что значительное количество пластин (19%) – целые экземпляры. Они, вероятно, были выключены из производственного процесса сразу после

изготовления. На отдельных участках холма в пределах расположения некоторых объектов доля этих снятий достигает 30%. Количество орудий на пластинах невелико – около 6% от всего материала. Трасологический анализ показал, что среди них преобладают мясные ножи (Алексашенко, 2004. С. 104).

4. Значительной серией представлены наконечники стрел – более 200 экз., 0,9%. В неолитических комплексах они малочисленны – не более 5–6 экз. или отсутствуют вообще. Значительная часть наконечников Холма фрагментирована.

5. Необычайно велика на Холме доля абразивов – более 1 500 экз., 6,6%. Этот показатель выше, чем на поселениях в 3–4 раза. Абразивы, в основном, фрагментированы. Апплицирование части абразивов позволило установить, что раскалывание было преднамеренным, а не в процессе утилизации. После раскалывания большинство из них не использовалось (Там же. С. 102).

6. Значительное количество абразивных инструментов можно было бы объяснить специализированным производством на памятнике, например: изготовлением шлифованных орудий. Однако доля последних относительно мала – 2,5%, что сопоставимо или меньше, чем на поселениях. Также малочисленны и заготовки для их производства. Но среди более чем 600 шлифованных предметов лишь 25 относительно целые (топоры, тесла, ножи). Остальные найдены в виде сколов и обломков. В ряде случаев фрагментация орудий не была следствием утилизации, а произведена намеренно.

7. Остальные категории изделий – остря, орудия на плитках, грузила, пилы, наковальни, ретушеры, ложила и ряд других орудий – относительно малочисленны. Их возможная связь с объектами и роль в функционировании памятника может быть установлена только после детального планиграфического анализа.

Соотношение категорий каменных изделий на святилище Кокшаровский холм по целому ряду показателей отличается от поселенческих комплексов. На основе проведенного анализа можно предположить некоторые стороны самих культовых действий. Среди них, вероятно, бытовали следующие.

1. Обряды, связанные с расщеплением камня на отщепы и пластины. После снятия как минимум пятая часть пластин исключалась из производственного процесса. Материалы одного из объектов позволяют предположить, что аналогичная картина характерна и для заготовок в виде отщепов.

2. Особую роль в совершении ритуальных действия играли обряды, в которых были задействованы наконечники стрел.

3. Обряды, сопровождающиеся фрагментацией готовых орудий труда, в первую очередь абразивов, а также, возможно, шлифованных орудий и наконечников.

4. Вероятно, важная роль придавалась деятельности, связанной с обработкой мяса и мелкой работой по дереву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексащенко Н.А. Камень со святилища // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 94–108.

Вилисов Е.В. Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Урал. ист. вестн. 2006. № 14. С. 177–196.

Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.

Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б. Поселение боборыкинско-го типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 39–52.

Матюшин Г.Н. Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 37–56.

Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме // Вопр. археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 137–146.

Сериков Ю.Б. Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка-1 // СА. 1981. № 1. С. 261–266.

Сладкова Л.Н. Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопр. археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 147–158.

Старков В.Ф. О так называемых «Богатых буграх» в Лесном Зауралье // Вестн. Моск. ун-та. 1969. № 5. С. 65–70.

Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 146–153.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В. Объект 15 кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии использования // Вопр. археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 128–136.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 70–77.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА С ФИГУРНЫМИ НАЛЕПАМИ С КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА И ЮРЬИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

© 2014 г. А.А. Шорина, А.Ф. Шорин

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
(aashor@mail.ru)*

Ключевые слова: Среднее Зауралье, неолит, кошшинская культура, кокшаровско-юршинская культура, полуденская культура, керамическая посуда, фигурные налесты.

Резюме. В докладе анализируется керамика с фигурными налестами из комплекса памятников «Кокшаровский холм – Юршинское поселение». Время существования традиции изготовления таких сосудов в Среднем Зауралье определяется эпохой неолита (кошшинской, кокшаровско-юршинской и полуденской культурами). Обозначен вероятный ритуальный статус сосудов с фигурными налестами.

Комплекс памятников «Кокшаровский холм – Юршинское поселение» расположен в лесной зоне Среднего Зауралья на берегу Юршинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской обл. В культурных слоях памятников представлены все неолитические культуры региона: кошшинская, кокшаровско-юршинская (козловская), полуденская, басьяновская (боборыкинская), а также немногочисленные материалы эпох энеолита, бронзы и средневековья.

Одной из особенностей керамического комплекса является присутствие в неолитических слоях памятника большого количества сосудов с фигурными налестами. Подобные сосуды встречаются в разных регионах Евразии, однако практически на всех памятниках, где зафиксированы такие находки, они единичны.

Коллекция комплекса памятников «Кокшаровский холм – Юршинское поселение» представлена 96 фрагментами неолитической керамики с фигурными изображениями не более чем от 80 сосудов, только 8 из которых найдены в слоях Юршинского поселения. Изображения на 79 сосудах выполнены налестом, т.е. присоединением к краю или с небольшим отступом от него (рис. 1, 1) уже сформированного, но еще неорнаментированного сосуда небольшого кусочка глины (иногда пальцевого защипа глины), символизирующего морду/нос живого существа. Дополнительно нако-

лами могли быть обозначены глаза и/или рот, причем, иногда они органично вписаны в орнаментальную схему сосуда. Нередки случаи оформления среза венчика над налестом волной или нанесения в этом месте глубокой насечки, что символизировало, возможно, уши изображаемого объекта (рис. 1, 5). Ширина изображений от 10 до 23 мм, высота – от 11 до 22 мм. Лишь на одном сосуде Кокшаровского холма изображение передано исключительно наколами по краю венчика без фигурного оформления (рис. 1, 2).

Фигурные налесты на 74 сосудах располагались с лицевой стороны, на 5 – с внутренней (рис. 2, 1). На одном сосуде изображение было передано с двух сторон: с внутренней – методом налеста, с лицевой – наколами (см. рис. 1, 4).

Из-за сильной фрагментации сосудов сложно говорить о том, сколько изображений могло быть помещено на один сосуд. Однако восемь изученных сосудов имели не менее двух изображений, один сосуд – не менее трех, три сосуда – не менее четырех фигурных налестов. Остальные сосуды (68 шт.) представлены одним фрагментом с фигурным изображением. При этом налесты могли располагаться как в отдалении друг от друга, так и связкой из двух рядом расположенных налестов (рис. 2, 4). Такая ситуация отмечена на трех сосудах Кокшаровского холма.

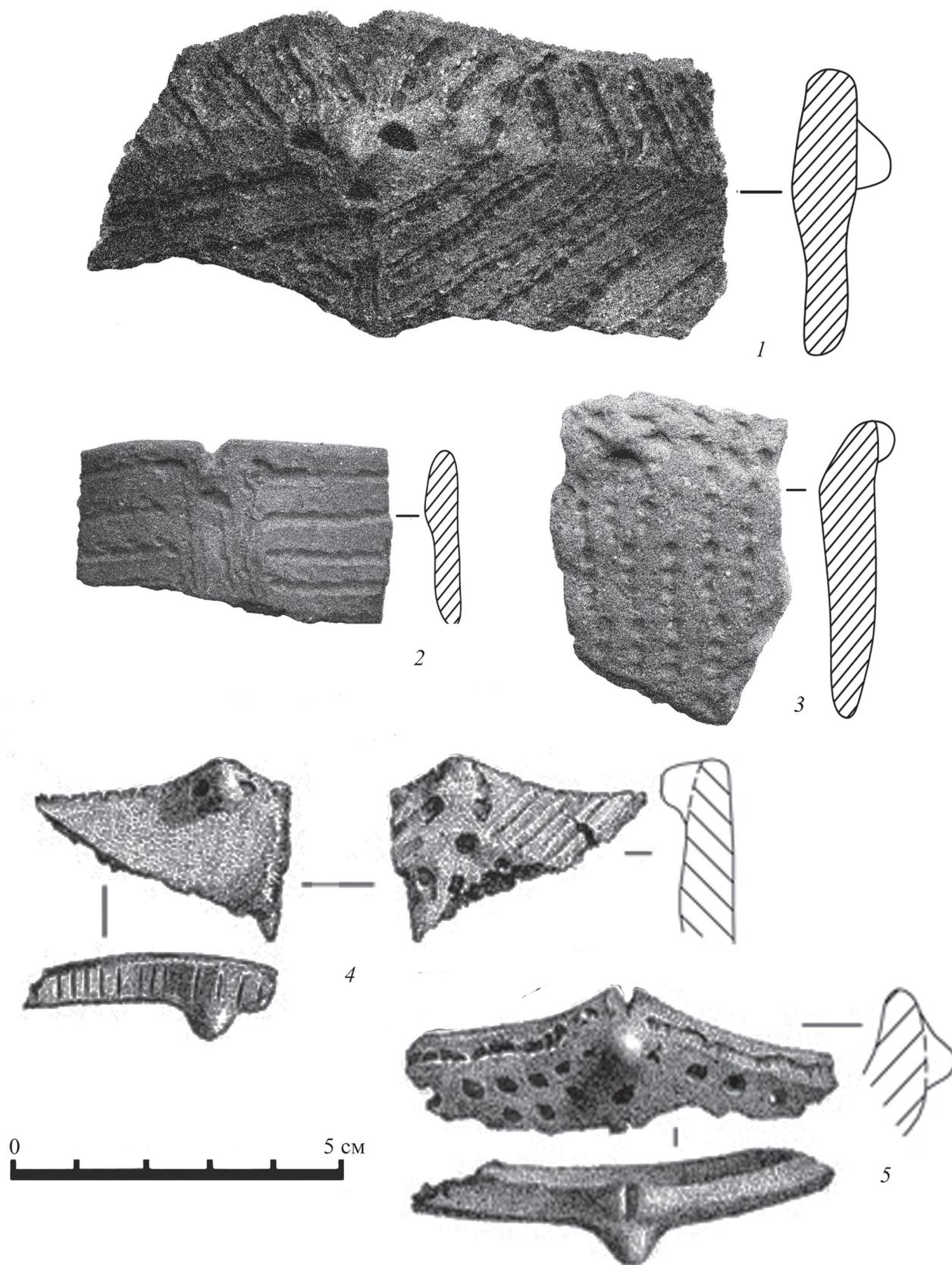

Рис. 1. Керамика с фигурными налечами с Кокшаровского холма.

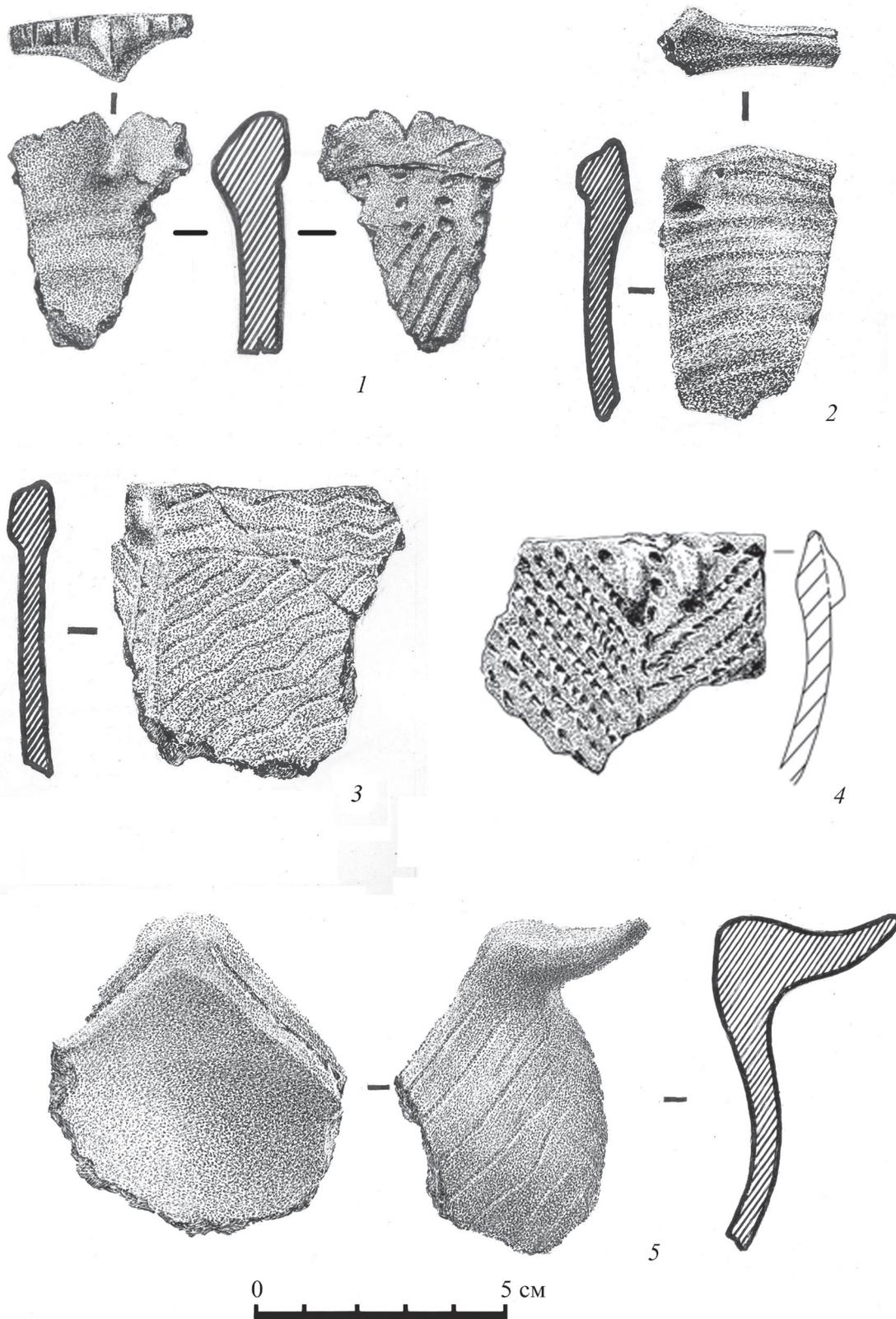

Рис. 2. Керамика с фигурными налестами с Кокшаровского холма.

Все изображения относятся к эпохе неолита, однако встречаются на сосудах разных культурных групп. Первоначально все фрагменты керамики с налестами Кокшаровского холма были отнесены к кокшаровско-юринской культурной традиции (Шорин, 1999). С накоплением материала в коллекции были выделены несколько налестов на керамике кошкинской культуры (Носкова, Шорин, 2007. С. 22). В настоящее время можно достоверно говорить о фиксации фигурных налестов на посуде кошкинской (17 сосудов; рис. 2, 2), кокшаровско-юринской (24 сосуда; рис. 2, 4) и полуденской (4 сосуда; см. рис. 1, 3) культур. Остальные 35 сосудов представлены фрагментами с недостаточным для анализа количеством орнамента. Это не позволяет однозначно определить их культурную принадлежность. Однако техника орнаментации и орнаментальные схемы свидетельствуют о принадлежности сосудов либо кошкинской, либо кокшаровско-юринской культурным традициям. Так, например, оформление зоны сосуда под налестом треугольником из прямых или волнистых линий, часто с вертикальными разделительными линиями посередине (рис. 2, 3), что считается характерным признаком кокшаровско-юринской орнаментальной традиции (Там же. С. 23), встречается и на реконструируемых сосудах с фигурными налестами кошкинской культуры.

Открытым остается вопрос интерпретации фигурных изображений по краям сосудов. При малой детализации изображаемого образа (только морда/лицо) трактовать его как зооморфный, орнитоморфный или антропоморфный достаточно сложно. Вероятно, что разные сосуды несут в себе разные образы, тем более что традиция изготовления таких сосудов существовала продолжительное время. Они встречаются и в комплексах Северной Евразии эпохи энеолита и бронзового века, но в единичных экземплярах.

Однозначно толковать как орнитоморфное можно только изображение на одном сосуде с налестом Кокшаровского холма. Сосуд, скорее всего ладьевидной формы, имеет налест в виде длинного утиног клюва (рис. 2, 5). Орнаментация и местоположение сосуда позволяет предполагать, что вероятнее всего он относится к кошкинской культурной тради-

ции. Ближайшими аналогиями этой находке можно считать деревянную посуду торфяниковых памятников лесной зоны Восточной и Северной Европы, и Зауралья, датируемую в большинстве своем эпохой энеолита (Кашина, Чаиркина, 2011). На керамическом же сосуде схожее рельефное изображение уточки встречается в андроновском (федоровском) захоронении могильника Тартас-1 в Венгерском р-не Новосибирской обл. (Молодин и др., 2011. С. 209–210. Рис. 2).

Фигурные изображения на сосудах вероятнее всего связаны с проведением на территории памятников ритуальных действий. С одной стороны, это обуславливается интерпретацией Кокшаровского холма как культового памятника (святилища). О знаковом статусе изучаемого памятника для населения данного региона свидетельствуют многие признаки. Это фиксация в слоях памятника прямоугольных сооружений, интерпретируемых как домики для проведения ритуалов, огораживание площадки холма от поселения двумя рвами, присутствие в коллекции «утюжков», глиняных предметов сферической формы и в виде головы уточки, сверленной каменной булавы в виде стилизованного животного и др. (Шорин, 2010). С другой стороны, присутствие в комплексах Кокшаровского холма керамики с фигурными налестами, как одного из возможных сакральных маркеров (т.к. многими исследователями подчеркивается особая роль сосудов с изображениями тотемного характера), подтверждает саму версию о культовом статусе памятника.

При этом нахождение керамики с фигурными налестами не только в культурных слоях самого Кокшаровского холма, но и Юринского поселения, может быть объяснено рядом обстоятельств. Во-первых, расположением раскопов на поселении. При общей площади поселения в 16 тыс. кв.м поселенческие раскопы расположены компактно в непосредственной близости от холма на площади не более 600 кв.м. Во-вторых, категории артефактов, которым приписывают культовый характер, нередко встречаются в единичных экземплярах и на поселенческих комплексах. В-третьих, само Юринское поселение могло иметь особый статус, связанный с подготов-

кой к проведению ритуальных действий на святилище, сооруженным в центре поселка.

Традиция маркирования отдельных сосудов налепами на данном памятнике, как показывают описанные материалы, существовала практически на протяжении всего неолита. Исключением пока что является только период бытования на нем носителей басьяновской (локального варианта боборынской) орнаментальной традиции. Серия радиоуглеродных дат, полученных по керамике Кокшаровского холма, позволяет определять основное время функционирования комплексов с традицией изготовления сосудов с налепами рубежом VI–V – первой половиной IV тыс. до н.э. (Шорин, Шорина, 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кашина Е.А., Чаиркина Н.М. Деревянная посуда с наверхиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 157–169.

Молодин В.И., Хансен С., Мильникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыришина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии

Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 206–211.

Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем: науч. сб. / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2007. С. 22–27.

Шорин А.Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налепами Кокшаровского холма // Третьи Берсовские чтения. К 95-летию А.А. Берс и 90-летию Е.М. Берс: Мат-лы науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, сентябрь 1997 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 42–45.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 70–77.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

© 2014 г. В.Я. Шумкин

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт Петербург
(shumkinv@yandex.ru)*

Ключевые слова: первоначальное заселение, мезолит, неолит, ранний металл, наскальные изображения, стоянки, поселения.

Резюме. Развитие древнего населения Северной Фенноскандии, исходя из анализа археологических данных (предметы и объекты материальной и духовной культуры), проходило плавно, в основном за счет внутренних ресурсов. Инновации на определенных этапах (появление керамической технологии, металл) свидетельствуют о заимствованиях у населения южных территорий. Некоторые привнесения, датируемые эпохой раннего металла, в духовную культуру, вероятно, связаны с появлением отдельных представителей восточного населения. Они не должны были оставить глубокий след в налаженной и устойчивой традиционной «системе ценностей» аборигенов. Однако новые данные антропологической науки, полученные в результате применения современных методов и методик, свидетельствуют, что происходили более сложные и не находящие пока доказательных логических объяснений историко-культурные процессы, в которых взаимоотношения древних «лапландцев», «оленеостровцев» и «таинственных» саамов опять становятся загадочными.

В древней истории Северной Фенноскандии/Лапландии (территории норвежского Финнмарка, шведской Лапланд, финской Лаппи и Мурманской обл. России), при всех значительных успехах в изучении, остается еще много нерешенных проблем. Более того, вопросы, которые уже были прояснены или частично согласованы, в результате новейших исследований пополняются новыми проблемами или получают иной ракурс рассмотрения. Из наиболее актуальных задач (не касаясь таких фундаментально-теоретических, как терминология и периодизация, но не забывая о них), можно выделить следующие: 1) время первоначального заселения региона и дальнейшее его освоение; 2) связи с обитателями соседних территорий, взаимовлияния в производственной и мировоззренческой сферах; 3) влияние использования определенного сырья на облик и развитие материальной культуры; 4) характер и изменения системы обеспечения в хронологическом и территориальном аспектах. Практически все они связаны с разработками более точного, по возможности разнообразного/перекрестного датирования

комплексов, совершенствованием типологического, трасологического анализов, технологии изготовления орудий, созданием междисциплинарных исследований, которые при постановке и решении продуманных, целенаправленных задач позволят приблизиться к пониманию процессов культурно-исторического развития на этой северной территории.

В кратком, генерализированном и упрощенном виде, но, оставляя в стороне одиозные, фантастические и псевдонаучные «теории», основываясь на современных данных, линию развития событий можно изложить в следующей последовательности. Первые поселенцы проникают в Фенноскандию, на п-ов Сконе Южной Швеции в самом конце плейстоцена – начале голоцена с территории Северо-Германской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полоски норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже «греющего» Гольфстрима и использование водного транспорта, что косвенно подтверждается очень ранним заселе-

нием удаленных островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей. Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (10 тыс. л.н.) достигли арктического побережья Фенноскандии. Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры, но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом «прошлифовки» линий, петроглифы этого времени и, несколько более поздние, писаницы.

Определенное развития начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (6,5 тыс. л.н.) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии (последними Северную Ботнию, побережье Белого моря и центральную часть Кольского п-ова). Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Все более существенными становятся признаки начала активной приморской адаптации (морской зверобойный промысел). Все эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами значительное стабилизирующее воздействие.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2 тыс. л.н.), чрезвычайно важный, интересный и во многом определивший последующее развитие период истории населения Северной Фенноскандии. Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными крупными углубленными жилищами. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном, тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно

свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных углубленных жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки подтверждается присутствием лодок-кережек в качестве гробовищ в погребальной практике Кольского Оленеостровского могильника. Все это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (поворотный гарпун) обеспечивало постоянный достаток, даже изобилие продуктов жизнеобеспечения прибрежным жителям – охотникам на морского зверя Северной Фенноскандии. Некоторые различия приморского и континентального населения, проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне. Это позволяет считать обитателей разных экологических ниш носителями единой, Лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно - культурными типами.

Успешное эволюционное развитие и достигнутое благополучие высокоспециализированных морских охотников были внезапно, около 2 тыс. л.н., прерваны новым изменением климатических условий, выразившемся в похолодании и увеличении влажности. Для многих коллективов данные процессы обернулись трагедией. Уцелевшие остатки некогда крупных сплоченных приморских и континентальных сообществ, разбившись на мелкие группы, переходят к бродячей охоте в горных и лесных районах. Вскоре они оказываются втянутыми в сферу меновой торговли с южным населением, осваивающим производящую экономику. Основным эквивалентом «импорту» могли быть шкуры пушных животных. Подобная деятельность требовала постоянных перемещений и выбор нетрадиционных мест обитания. Данные процессы привели к модификации культуры, утрате

определенной части ее собственных черт. Явный упадок традиционной жизнедеятельности местного населения не был столь однозначен для общества в целом. Усвоение не позднее середины I тыс. навыков и развитие особого («экологического», малозатратного) типа оленеводства возымело далеко идущие последствия в будущем.

Раннее средневековье характеризуется наступлением даннических отношений. Одновременно формируется система циклических перекочевок, начинается этническая и социальная консолидация на базе зимних погостов-сийтов. Видимо, лапландское население, практически осознав, что суперспециализация в данных природных условиях чревата губительными последствиями, встало на путь выработки новой стратегии, приведшей к комплексному типу хозяйства (сочетание рыболовства, оленеводства, морской и сухопутной охоты) и образа жизни, определяемого циклическими перекочевками, позволяющими рационально, планомерно и результативно, без особого давления эксплуатировать несколько экологических ниш (лесные, горные районы, тундровое пространство, побережье). Отказ от магистрального «производительного» пути развития сопровождался снижением жизненного уровня, сокращением до минимума потребностей и прибавочного продукта, вел к зависимому положению от элитарных обществ.

Но так ли все стабильно, последовательно, объяснимо в древней истории Северной Фенноскандии. Есть ряд серьезных неустрашимых пока противоречий. Так, в каменной индустрии наблюдается непрерывная преемственность, начиная с первоначального заселения этой территории. Если рассматривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита на этой территории идет непрерывное развитие местной адаптации древних коллективов. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (керамика, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Однако значительное увеличение (полевые работы Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, при участии МАЭ РАН) материалов уникального Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. л.н.) и изучение всей краниологической серии с применением новых методов анализа (в т.ч. сравнение палеоДНК) свидетельствуют о крайне специфическом антропологическом облике «оленеостровцев» эпохи раннего металла. Выяснилось, что антропологические и генетические особенности погребенных не находят прямых аналогов в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и не могут быть их прямыми предками, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой уральской расы, проживающими сейчас за Уральским хребтом. Можно предположить, что «оленеостровцы» были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарем Кольского Оленеостровского могильника и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла. Возможно, это остатки одной из древнейших в Евразии антропологических формаций (заключение В.И. Хартановича).

Во многих своих работах я неоднократно указывал на археологические свидетельства возможного проникновения около 3 тыс. л.н. крайне малочисленных групп пришельцев, скорее всего восточного происхождения, которые не могли серьезно повлиять на достаточно развитые сообщества «лапландцев», тем более изменить их быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно в генофонде. Предположения основывались на единовременности, неутилитарности появления таких модификаций, как: 1) присутствие на некоторых памятниках (важно, что и на Кольском Оленеостровском могильнике) фрагментов вафельной керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры, выглядит инородной и не имеет местного типологического развития; 2) новые сакральные представления, в частности единичные инновации в наскальном творчестве; 3) отдельные

элементы «шаманской» атрибутики. Все это следствие, скорее, не заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия «носителей новшеств» на древней земле Северной Фенноскандии. Но оказывается, все могло быть более «серьезно».

Таким образом, культурно-исторические процессы в Северной Фенноскандии были

значительно сложнее, чем представляется на данном этапе изучения, а реальная история древних «лапландцев», «оленеостровцев» и саамов, особенно их преемственность, по-прежнему во многом остается таинственной и загадочной.

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

© 2014 г. А.И. Юдин

*Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов
(aleyudin@yandex.ru)*

Ключевые слова: Варфоломеевская стоянка, неолит, радиоуглеродные даты, керамика, орловская культура, палеозоология, прикаспийская культура.

Резюме. В докладе рассматриваются четыре неолитических культурно-хронологических комплекса Варфоломеевской стоянки в степном Поволжье на основании новых естественно-научных определений: радиоуглеродного датирования, технологического изучения керамики, палеозоологического определения костных остатков. Уточнено время функционирования Варфоломеевской стоянки и орловской неолитической культуры.

Варфоломеевская стоянка в центральной части Волго-Уральского междуречья содержит четыре культурно-хронологических горизонта (комплекса), отражающих эволюционное развитие орловской неолитической культуры: 1-й – верхний, 2-й (2А и 2Б) – время расцвета культуры, 3-й – нижний.

С начала исследования Варфоломеевской в 1985 г. кроме полевых работ произведена комплексная обработка ее материалов. Полученные результаты непосредственно связаны с основными проблемами неолита степного Поволжья – неолитизацией региона и распространением керамики, переходом к производящему хозяйству, сложением энеолитических культур – и включают определение временных интервалов функционирования культурно-хронологических комплексов, технологическое исследование керамики и ана-

лиз палеозоологической коллекции Варфоломеевской стоянки.

Характеристика культурно-хронологических комплексов стоянки выполнена ранее (Юдин, 2004. С. 12–129). На данном этапе изучения представляется, что можно говорить о Варфоломеевской стоянке как об одном из центров распространения керамической традиции на территории Восточной Европы, наряду со стоянкой Ракушечный Яр, киршакскими и елшанскими памятниками (Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013. С. 91–99). Самая ранняя дата для Варфоломеевской стоянки (две даты по одному образцу – Ki-14108 и Ki-14142) укладывается в интервал 6 690–6 380 BC¹, остальные (четыре даты по двум образцам) компактно располагаются в интервале 6 220–5 870 BC. Примечательно, что эти даты почти совпали с датой по углю,

¹ Здесь и далее – 1σ.

полученной двумя десятилетиями ранее 6 030–5 670 BC (ГИН 6546), доверительный интервал которой (± 200 лет) вызывал у исследователей сомнения в столь ранней дате нижнего слоя. Дата, полученная по нагару с керамики с глубины 170–180 см (основание слоя 2Б), также близка последней – 5 985–5 885 BC (Ua-41360). Датировок для нижнего слоя пока явно недостаточно, т.к. они в верхнем значении перекрываются датами вышележащего слоя 2Б.

Слой 2Б имеет четыре даты по керамике, полученные по трем образцам в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Две даты по двум разным образцам (Ki-14368 и Ki-14374) дают интервал 6 230–5 990 BC. Еще две даты (Ki-14369 и Ki-14370) также полученные по разным образцам, указывают на более позднее время – 6 020–5 770 BC. Четыре новые даты, сделанные по нагару в трех других лабораториях, полностью совпали с хронологическим интервалом, полученным по керамике в Киевской лаборатории (Выборнов и др., 2013. С. 257–258). Эти даты (Spb-940 – 7 164 \pm 120, Spb-941 – 7 100 \pm 110, Poz-52697 – 6 850 \pm 40) и уже названная дата Ua-41360 – 7 034 \pm 41 в калиброванном значении перекрывают хроноинтервал, полученный по керамике, – 6 210–5 673 BC, но значительно старше дат, известных ранее по кости (Лу-2620 и Лу-2642) – 5 650–4 830 BC.

Для слоя 2А имеется 8 дат, полученных по трем образцам керамики. Хроноинтервал охватывает 6 030–4 550 BC, причем разница в датах, полученных по одному фрагменту керамики достигает тысячи лет. Если отбросить крайние значения, то получается интервал 5 910–4 800 BC. Это уже значительно ближе к интервалу, полученному по нагару, – 5 720–4 460 BC (Spb-937 – 6 363 \pm 150 BP, Spb-938 – 6 650 \pm 150 BP, Spb-939 – 5 800 \pm 150 BP, Ua-41361 – 6 544 \pm 38 BP, Ua-41362 – 6 693 \pm 39 BP). Если и здесь обросить крайние значения, то остается относительно узкая дата 5 595–5 200 BC. Даты, полученные ранее по кости и углю, дают в целом намного более поздний возраст – 5 350–3 960 BC. Если убрать одну из ранних дат в этой серии – Лу-2641 – 6 080 \pm 270 BP (1 σ 5 350–4 700 BC), то интервал омолаживается еще больше – 4 350–3 960 BC, что в свете современных представлений о неолите-

энеолите Нижнего Поволжья не может быть принято.

Пока нет даты для верхнего слоя, но можно опираться на хронологию прикаспийской культуры, учитывая наличие прикаспийской керамики в этом слое. По прикаспийской керамике имеется четыре даты (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008. С. 192). Для стоянки Буровая-41 даты представляются удревленными – 6 880 \pm 80 и 6 790 \pm 80 BP (5 840–5 700 и 5 740–5 620 BC), а для Курпеже-молла – 6 050 \pm 80 и 6 020 \pm 80 BP (5 050–4 840 и 5 000–4 790 BC) как раз согласуются с данными стратиграфических наблюдений, где прикаспийская керамика предшествует хвалынской, появление которой относится ко второй четверти V тыс. до н.э.

Однако датировки стоянки Буровая-41 близки к датам воротничковой керамики могильника Съезжее самарской культуры при том, что дата для гребенчатой керамики с того же могильника почти на 800 лет моложе. Н.Л. Моргунова справедливо отмечает, что такой хронологический разброс вряд ли возможен в пределах маленького (10 погребений) могильника Съезжее. Для датировки раннего энеолита она опирается на даты керамики съезженского типа поселения Лебяжинка III, по которым время ее бытования в интервале крайних значений от 5 600 до 4 600 BC, а без крайних значений – в пределах 5 300–4 800 лет BC. Привлекая даты сходных памятников мариупольского круга, Н.Л. Моргунова (2011. С. 56–61) датирует прикаспийскую и самарскую культуры интервалом 5 400–4 800 лет BC.

Радиоуглеродные определения для Буровая-41 не соответствуют времени появления воротничковой керамики в азово-днепровской культуре. Здесь она появляется на этапе 16 – Ki-6775 – 6 325 \pm 65 BP (5 299 \pm 80 BC) и Ki-6776 – 6 220 \pm 82 BP (5 151 \pm 82 BC) (Котова, 2002. С. 97). Более ранние даты, полученные по кости, как и в азово-днепровских памятниках, имеются для второго этапа нижнедонской культуры, когда здесь появляется воротничковая керамика – от 5 530 \pm 51 до 5 275 \pm 41 BC (Там же. С. 95). В Подончье есть пять дат по керамике для памятников типа Подгоровка и Новоселовка, которые отражают синтез нижнедонской и орельско-донецкой культур

и укладываются в интервал 5 219–4 900 BC (Манько, Телиженко, 2002. С. 27–29). Все приведенные примеры ставят под сомнение столь ранние даты стоянки Буровая-41, если не считать их древнейшими среди памятников мариупольского круга.

Таким образом, для культурно-хронологических комплексов Варфоломеевской стоянки следует принять как наиболее достоверные хроноинтервалы, где совпадают датировки по керамике и нагару. Для слоя 3 это 6 200–5 900 BC, для 2Б – 6 200–5 700 BC, для 2А – 5 600–5 200 и 5 400–4 800 BC для верхнего слоя. Следовательно, время бытования Варфоломеевской стоянки составляет как минимум 1 400 лет (с вероятными хронологическими hiatusами между горизонтами), а возможно и больше, т.к. пока нет серии надежных дат для нижнего слоя. Хронология Варфоломеевской стоянки показывает сосуществование на последнем этапе неолитической орловской и раннеэнеолитической прикаспийской культуры и возможность сложения основ последней в горизонте 2А.

И.Н. Васильевой проведено технологическое исследование керамики Орловской и Варфоломеевской стоянок. Прослежено эволюционное развитие гончарной технологии от к илов к илистым глинам и глинам с параллельным формированием традиции добавления дробленой раковины (Васильева, 2008. С. 43–45; 2012. С. 15–16). Это позволяет надеяться, что дальнейшее исследование уже энеолитической керамики добавит еще один аргумент в пользу гипотезы о формировании прикаспийской энеолитической культуры на базе орловской.

Первоначально, при обработке остеологической коллекции (Зоологический институт РАН) из культурного слоя Варфоломеевской стоянки, в верхнем культурно-хронологическом горизонте финального неолита – раннего энеолита было определено наличие костей овцы, что хорошо соотносилось с существующими представлениями о переходе к производящему хозяйству в степях Поволжья в энеолитическое время (Юдин, 2004. С. 162–169). Однако максимально полная повторная обработка остеологической коллекции, произведенная в Институте экологии растений и животных УрО РАН, показала, что вопреки

предыдущим определениям домашней фауны (кроме собаки) на стоянке не было. Правда, авторы исследования отмечают, что по причине немногочисленности костных материалов в верхнем слое сейчас невозможно с полной уверенностью говорить об отсутствии овцы в это время. Не исключается, что на этом этапе население уже могло начать заимствование элементов животноводства у населения соседних регионов (Гасилин, Косинцев, Саблин, 2008. С. 92–93).

Изучение палеозоологической коллекции Варфоломеевской стоянки поставило еще одну проблему, непосредственно связанную с культурно-хронологическими этапами развития памятника. Полученные ранее радиоуглеродные даты по традиционным материалам – кости и углю – хорошо соотносились, с одной стороны, между слоями стоянки и фазами атлантического периода (горизонт 3 – АТ-1, горизонт 2Б – АТ-2, горизонт 2Б – АТ-3), а с другой – между состоянием популяций промысловых животных и периодами голоцена. Однако серия новых дат, полученных по керамике, показала несоответствие между изменениями природно-климатических условий на разных фазах атлантического периода и динамикой костных выборок из разных горизонтов Варфоломеевской стоянки. Новая же серия дат по керамике указывает на формирование слоев только в двух условиях состояния природной среды – АТ-1 (слои 1, 2Б и нижняя часть слоя 2А) и АТ-2-3 (верх слоя 2А), что не соотносится с динамикой размеров костных остатков и их соотношений. Авторам исследований представляется, что радиоуглеродные даты по керамике, полученные для Варфоломеевской стоянки, нуждаются в дальнейшем осмыслении и обсуждении (Гасилин, Косинцев, Саблин, 2008. С. 96–98). С другой стороны, радиоуглеродные определения по нагару, полученные позднее в лабораториях Санкт-Петербурга, Познани и Уппсалы подтверждают даты по керамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 40–47.

Васильева И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9. Саратов: Изд-во СГУ, 2012. С. 5–22.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова А.М., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Поссерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15; № 5. С. 254–260.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 191–194.

Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры в Северной

Евразии в позднем кайнозое: Сб. науч. тр. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. С. 25–100.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Рос. археол. ежегодник. 2013. № 3. С. 27–109.

Манько В.А., Телиженко С.А. Мезолит, неолит и энеолит Подонечья: Каталог радиоуглеродных дат. Луганск: Шлях, 2002. 40 с.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 2004. 200 с.

СЕКЦИЯ 3

ЭНЕОЛИТ – ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ РАВНИННО-ПРЕДГОРНЫХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА СО СТЕПНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ¹

© 2014 г. Г.Д. Атаев

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
научного центра РАН, Махачкала (ataevgd@mail.ru)*

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, равнины, предгорья, степные племена, связи, эпоха средней бронзы, могильник, курганы.

Резюме. В статье рассматриваются малоизученные аспекты проблемы связей населения равнинно-предгорных областей Северо-Восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней бронзы. Исследование базируется на материалах археологических раскопок памятников эпохи средней бронзы Дагестана и Чечни. Изучение материалов данных памятников позволило раскрыть характер и динамику культурно-исторических взаимоотношений автохтонного и степного населения, определить роль степных племен в формировании культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Восточный Кавказ с эпохи неолита и до позднего средневековья был областью активных контактов оседло-земледельческого населения Кавказа и Передней Азии и подвижных скотоводческих племен каспийско-черноморских степей. В эпоху энеолита и в начале эпохи ранней бронзы эти связи носили в основном мирный характер, преобладали обычные культурные контакты. Это зафиксировано распространением кавказского металла и других вещей в степные области и, наоборот, проникновением на Северо-Восточный Кавказ отдельных изделий и погребальных комплексов древнеямной культурно-исторической общности (Крупнов, Мерперт, 1963. С. 40–42; Гаджиев, 1991. С. 239). Резко меняется картина в конце эпохи ранней бронзы, когда отмечены вторжения древнеямных пле-

мен в различные районы: Балканы, Северное Причерноморье, Северный Кавказ (Мерперт, 1978. С. 58).

В конце эпохи ранней бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа происходят коренные изменения и сдвиги кардинального характера. Установлено, что в конце эпохи ранней и в начале эпохи средней бронзы здесь идет активное культурно-историческое взаимодействие местного населения с племенами степей Юго-Восточной Европы, причем не только в виде культурных контактов, но и в связи с прямым проникновением степных племен, после которого последовало значительное изменение облика местной культуры.

На Северо-Восточном Кавказе затухают раннебронзовые культуры, вместо них складываются новые культуры эпохи средней

¹ Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН, проект «Преемственность и трансформация культур эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа».

бронзы. Так, если на территории Ингушетии и Западной Чечни в эпоху ранней бронзы бытовали памятники майкопско-новосвободненской общности, а на востоке Чечни и в Дагестане была распространены памятники куро-аракской культурно-исторической общности, то в эпоху средней бронзы в Западной Чечне и Ингушетии распространились памятники северокавказской культурно-исторической общности (Марковин, 1960), а восточнее появились памятники, относившиеся к северокавказской культурно-исторической общности, гинчинско-гатынкалинской, присулакской, великентской археологическим культурам, гентальской, манасской и утамышской группам памятников, которые также имели тесные контакты со степными племенами (Мунчаев, Смирнов, 1956; Канивец, 1959. С. 50–51; Гаджиев, 1974. С. 15; 1991. С. 236–238; Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов, 1980; Атаев, 1986. С. 22–23; 1987. С. 154–156; Магомедов, 1998).

Все это способствовало значительному увеличению этнической пестроты и подвижности населения, выразилось в распространении нового курганного обряда захоронений, применении охры, галечниковой подстилки, деревянных конструкций в виде сруба, использовании деревянных повозок с колесами в погребальной обрядности. Инокультурные влияния прослеживаются также в находках некоторых форм керамики и металлических изделий степного и северокавказского происхождения, в использовании шнуровых мотивов в орнаментации керамики и металлических изделий, в появлении каменных боевых топоров, выпрямителей древков стрел, костяных фигурных пряжек и т.д. Отмеченные инновации в культуре населения равнинно-предгорной части Северо-Восточного Кавказа во второй половине III – начале II тыс. до н.э. свидетельствуют о проникновении на эту территорию степных и северокавказских племен, которые принесли с собой нехарактерные и неизвестные здесь ранее чужеродные культурные традиции. В результате инфильтрации пришлых племен и иных процессов произошли кардинальные изменения в облике местной культуры: в архитектуре происходит смена круглых в плане жилищ и погребальных сооружений прямоугольными, некоторые

оседлые поселения прекращают свое функционирование; исчезают центральные очаги в жилищах; в керамическом производстве и в металлообработке также исчезают изделия и формы характерные для культуры раннебронзовой эпохи, на смену им появляются новые формы керамики, распространяются прием обмазки сосудов жидкой глиной и шнуровая орнаментация. (Гаджиев, 1991. С. 236).

Археологические культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа имеют некоторые черты преемственности по отношению к предшествующей культуре и характеризуются новыми традициями и направлениями культурно-исторических связей: ослабляются связи с югом и резко усиливаются связи с северными степными областями. Аналогичные процессы имели место в это же время и в равнинно-предгорных районах Центрального и Западного Предкавказья. С другой стороны, интерес представляют памятники равнинной части Чечни и Дагестана, где выявлены комплексы катакомбной общности. Они свидетельствуют об активных взаимосвязях местного населения со степными племенами.

На Северном Кавказе высокоразвитая майкопско-новосвободненская общность сменилась памятниками северокавказской культурно-исторической общности. Культурная трансформация, которая произошла на Северном Кавказе, на рубеже эпох ранней и средней бронзы отмечена упадком и регрессом в развитии северокавказского общества. О.М. Джапаридзе отмечал, что такие же процессы происходили и в Закавказье, где также закат куро-аракской культуры повлек за собой культурное переоформление региона (Джапаридзе, 1976. С. 23–28). По мнению исследователей, это связано с этнокультурным влиянием подвижного населения степей Юго-Восточной Европы, группы которого могли проникнуть через территорию Северного Кавказа в Закавказье.

В предгорных районах Северного Дагестана в эпоху средней бронзы была распространена присулакская культура. Здесь выявлены подкурганные погребения в каменных гробницах, грунтовых ямах и каменных ящиках. (Канивец, 1959. С. 50–51; Гаджиев, 1974. С. 7–18; Атаев, 1987. С. 154–156). Указанная

культура обладает специфическими чертами, которые совершенно не характерны для памятников горного, центральной и южной части Приморского Дагестана. Специфика материальной культуры данной группы памятников проявляется в ее синкретическом характере. Серьезные изменения в культуре населения бассейна р. Сулак характеризуются прежде всего тем, что здесь получили развитие те черты степного и северокавказского происхождения, которые раньше были чуждыми и второстепенными элементами культуры. В погребальном обряде и инвентаре присулакских памятников сочетаются признаки, свойственные, с одной стороны, для культуры местного населения рассматриваемого времени, с другой стороны – явно привнесенные элементы: оставление в могиле краски (охры) и посыпка ею покойника. Данная культура представляет собой своеобразный симбиоз двух различных культур.

Это свидетельствует не только о тесных связях населения Северного Дагестана с племенами Юго-Восточной Европы, но и о проникновении последних на эту территорию. С этим связано оставление долговременных поселений – Сигитминского и Чиркейского, вследствие чего здесь произошло изменение облика местной культуры за счет внедрения пришлых иноэтнических элементов. На указанных поселениях были найдены боевые каменные топоры, песчаниковые выпрямители древков стрел, а на Сигитминском поселении обнаружены сосуды со шнуровым орнаментом. Эти находки фиксируют закат раннебронзовой культуры в Северном Дагестане, которую сменила новая культура эпохи средней бронзы. Поселения ранних этапов эпохи средней бронзы на этой территории не обнаружены. Зато поражает огромное количество курганов открытых в этом сравнительно небольшом регионе. Здесь их найдено около 1200.

Присулакская культура представляет собой образование, основанное на подвижном скотоводстве, в составе населения которых были как пришлые степные племена, так и местные, перешедшие к подвижно-скотоводческому типу хозяйства. Значительная часть населения пришлого и местного скорее всего

ушла. Одна часть распространилась на юг в район Манаскента и дальше на территорию великентской культуры в приморскую часть южного Дагестана и в Северный Азербайджан, в результате чего последняя со временем затухает. Другая часть населения могла проникнуть в горы, в район Ирганайской котловины и дальше. С течением времени многие элементы культуры степного и северокавказского населения исчезают, что, по-видимому, свидетельствует об их ассимиляции автохтонным населением. Это проявилось в появлении смешанных, промежуточных погребальных сооружений, сочетающих элементы гробниц и каменных ящиков, с представленными в их погребальном инвентаре круглодонными, а также двуручными сосудами с выпуклым туловом и горлом в виде раструба, типичными для культуры ранних этапов эпохи средней бронзы.

Приблизительно во второй четверти II тыс. до н.э. начинает формироваться каякентско-хорочоевская культура. В ее сложении наряду с другими культурами большую роль сыграла присулакская культура, в которой присутствовал значительный степной компонент, что не могло не наложить большого отпечатка на ее культурный облик.

Изучение проблемы взаимодействия оседло-земледельческих общества и подвижных скотоводческих племен на примере Северо-Восточного Кавказа представляется исключительно важным звеном в исследовании проблем развития системных или комплексных обществ и цивилизаций Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаев Г.Д. Бассейн реки Сулак в эпохи ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 26 с.

Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // СА. 1987. № 1. С. 145–157.

Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28. (Материалы по археологии Дагестана; Т. V).

Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 274 с.

Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен: по данным археологии. Тбилиси, 1976. 358 с. (На груз. яз.; резюме на рус. яз.).

Канивец В.И. Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // *Материалы по археологии Дагестана* Т. I. Махачкала, 1959. С. 31–59.

Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // *Северный Кавказ в древности и в средние века*. М., 1980. С. 43–61.

Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станции Мекенской // *Древности Чечено-Ингушетии*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–48.

Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. 379 с.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // *МИА*. № 93. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 49–135.

Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // *Проблемы советской археологии*. М., 1978. С. 55–63.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // *СА*. 1956. Вып. XXVI. С. 167–203.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПОСЕЛОК ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ: ПЛАНИГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, КОНТЕКСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2014 г. В.И. Балабина, Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, Москва
(*balabina@mail.ru; tnmishina@mail.ru*)

Ключевые слова: энеолит, Фракия, многослойное поселение, горизонт планиграфия, постройка, стратиграфия, могильник, палеодемография, палеоэкология.

Резюме. Многолетние исследования поселения Юнаците в Западной Фракии позволили получить всеобъемлющие данные о памятнике. К настоящему времени изучена и обобщена разноплановая информация о финальном энеолитическом горизонте. В статье рассмотрены основные аспекты исследования памятника, позволяющие получить целостную картину, напоминающую исторический экскурс, который отсылает нас к истории климата – засухе в среднем голоцене, начавшейся как раз в это время.

Поселение Юнаците в Западной Фракии исследовалось российско-болгарской экспедицией почти двадцать лет (1982–2001 гг.). К настоящему времени изучена и обобщена разноплановая информация о финальном энеолитическом горизонте. Его археологические характеристики – планиграфия, микростратиграфия, контекст – дополнены данными палеоэкологических исследований, позволяющими восстановить древний ландшафт и многие аспекты жизни обитателей поселка, хозяйственную деятельность (палинология, палеоботаника, исследование фитолитов, палеозоология) (Балабина и др., 1999. С. 18–22; Александровский, Балабина, Мишина, 2004; Киселева и др., 2005. С. 118–128), особенно-

сти популяции, анализ патологий (антропологические исследования).

План финального энеолитического поселка представляет собой комбинированную схему, сочетающую круговую и линейную планировки. На раскопанной площади (чуть более 1/3 площади телля) зафиксировано 11 построек. Часть из них располагалась вдоль края площадки, образуя дугу, другие в центре поселения – в две линии (С–Ю). Большинство их исследовано не полностью: одни уходили под центральный профиль, другие разрушены строительством разного времени и эрозией склонов телля (рис. 1).

Границы построек на уровне дневной поверхности горизонта были расплывчаты и не-

четки, поскольку соответствовали контурам руин. Лишь в отдельных случаях удалось проследить небольшие участки глиняных стен. Планы уточнились ниже, на уровне субструкций. Для трех домов линии столбовых ямок от стен выявлены болгаро-греческой экспедицией (Mazanovа, 2011; Бояджиев и др., 2011. С. 42–44; Boyadzhiev et al.¹, 2011. S. 29–31. Abb. 12). Площади преимущественно прямоугольных домов варьируют от 10 до 20 м². В них прослежены полы, которые неоднократно ремонтировались (подмазывались глиной). Последний (верхний) их уровень маркирует большинство хозяйственных сооружений – *печей* и *зернохранилищ*, хотя те и другие бывают привязаны к нескольким последовательным полам. На верхнем же полу находились развалы сосудов, зернотерки, большое количество изделий из кости и камня, а также скелеты погибших людей (рис. 1). На более ранних полах артефактов мало.

Почти во всех постройках зафиксировано по одной *печи* или *очагу*. Они располагались у стен, в углу, реже оказывались ближе к центру. У печей сильно обгоревшие основания с прослойками из гальки или фрагментов керамики (а также их сочетания), обожженная обмазка пода, фрагменты стенок свода, отверстия от деревянных кольев, некогда его поддерживавших, скопления пепла и угля. Большинство их округлой формы и небольшого размера, диаметр близок одному метру. Некоторые печи к постройкам не привязываются, но по форме и размерам не выделяются. Лишь одна печь подковообразная и более крупная (1,5 x 2 м), возможно, имела специальное назначение. Некоторые печи функционировали очень долго, например, в одном случае прослежено девять последовательных ремонтов пода, поднявших его уровень на 0,6 м, что может указывать и на долговременность существования самого дома.

Во всех интерьерах встречены так называемые *зернохранилища* из необожженной глины – от одного до трех. Среди них можно выделить круглые и прямоугольные, размером от 0,7 до 1,2 м. У некоторых дно было на полу. В других случаях оно вкопано (на раз-

ную глубину). В нескольких вкопанных емкостях, плотно перекрытых крупными фрагментами сосудов, обнаружались небольшие части скелетов мелкого рогатого скота. Такие комплексы, использовавшиеся для хранения мяса (возможно, вяленого) называют древнейшими «холодильниками» (Aslanis, Boyadzhiev, 2004. S. 376–377). Целостность их содержимого – один из штрихов, указывающих на внезапность прекращения жизни поселка. На полу одной из построек зафиксировано «переносное зернохранилище» – специфический очень крупный толстостенный сосуд более метра высотой, также из необожженной глины. Зернохранилища могут находиться и вне домов.

Число *сосудов* в пределах постройки могло достигать нескольких десятков. Иногда удавалось расчистить ряд сосудов вдоль стены и даже стопки перевернутых мисок. Но чаще развалы прослеживались по всему полу. Морфология и орнаментика керамики демонстрируют смешение традиций двух культур среднего энеолита Гумельница-Караново VI и Селкуца (Todorova, Mazanovа, 2000. С. 354–359; Тодорова, 2002. С. 114–129), что подтверждают и особенности пластики. Жизнь этого поселка прервалась в результате военного конфликта. По всей его площади отмечены следы пожара. Обгоревшие дома рухнули, перекрыв останки людей внутри. Антропологи фиксировали у некоторых из них специфические черепные травмы от клевцов. Однако артефактов, которые можно было бы отнести к предметам вооружения, поразительно мало (единичные кремневые стрелы и камни для пращи). Создается впечатление, что «сражения» не было. Обитатели телля убегали, прятались в домах, пытаясь укрыться (Балабина, Мишина, 2010. С. 337–338).

Скорее всего, нападение на поселок было внезапным и очень жестоким. Большая часть его жителей погибла. На исследованной части телля скелеты людей, преимущественно обгоревшие, встречены в 9 постройках из 11, где количество их неодинаково. В более низкой и пологой части поселка в двух домах скелетов не было, а под завалами соседних обнаружено от одного до шести. В постройках центральной и северной части поселения их еще больше – до 11 индивидов. Скелеты здесь

1 Авторы статьи относят эти конструктивные детали к нижнему уровню построек, обозначая, как дома 14 и 15.

Рис. 1. Тель Юнаите. I энеолитический горизонт, подгоризонт «а». Участок постройки 4.

располагались скученно, перекрывали друг друга, и очень сильно обгорели. В нескольких случаях скелет взрослого перекрывал ребенка.

Видимо строения, расположенные по южному и восточному краям телля, на более низкой и пологой его части, первыми подверглись нападению, возможно, с этой стороны был вход в поселок. До сих пор здесь наиболее удобный подъем на площадку телля. Всего под руинами зафиксировано 47 скелетов разной сохранности. Останки детей составляют четверть выборки, группы подростков и «молодых взрослых индивидов» малочисленны, людей в возрасте 20–24 лет нет совсем. «Взрослые» же мужчины и женщины преимущественно «зрелого» и «пожилого» возраста.

Разрушенный поселок был засыпан толстым слоем рыхлого грунта, собранного, как показали палеоэкологические исследования, у подножия телля. Именно наличие этой подсыпки позволило сохраниться зафиксированным деталям военного инцидента. Вероятно вскоре после гибели поселка, его обитатели, оставшиеся в живых, вернулись к руинам, похоронили по традиционному обряду убитых, лежавших вне построек, и засыпали не только развалины домов, но и пространства между ними. По данным центрального профиля Юнаците над подсыпкой есть постройка – свидетельство непродолжительного обитания на пепелище.

В пределах разгромленного поселка выявлен могильник (14 погребений), разбросанный на широкой площади (Boyadzhiev et al., 2011. S 22–26). Функционирование этого некрополя было растянуто во времени. Часть погребений относится к эпизоду разгрома поселка (рис. 2), прочие же были совершены позднее и не синхронны (Балабина, Мишина, 2012. С. 48–57). Погребения, синхронные разгрому поселка, прикопаны в руинах и в неглубоких ямах на краю телля. Антропологом зафиксированы идентичные следы от клевца на черепах людей, и оставшихся под руинами, и погребенных согласно принятой обрядовой практики (Бужилова, 2005. С. 106–113).

Погребения, впущенные в рыхлую серую подсыпку, планиграфически с постройками не совпадают. Они залегают выше дневной поверхности поселка, на ней и чуть глубже.

Создается впечатление, что помимо нескольких индивидов, подхороненных в руины и у края поселения, остальные могилы принадлежат обитателям Юнаците, умершим позже и в разное время уже после засыпки руин серым слоем. На это отчасти указывает тенденция к их группировке на нескольких участках между руинами, где было легче выкопать ямы.

Любопытна демография могильника – среди погребенных только взрослые люди: женщины 25–45 и мужчины 35–49 лет. Сопоставление этих данных с демографией разрушенного поселения указывает на единство популяции.

Исследованные энеолитические отложения: (а) поселок, который условно назвали «горизонтом со скелетами»; (б) рыхлая «серая» подсыпка, перекрывшая его; (в) могильник, растянутый во времени; (г) остатки постройки над подсыпкой – выстраивают стратиграфию рассматриваемого горизонта, укладываемую в интервал, который можно оценить всего в несколько лет. Перечисленные сюжеты о финальном энеолитическом поселке на телле Юнаците, складываются в целостную картину, напоминающую исторический экскурс, который отсылает нас к истории климата – засухе в среднем голоцене, начавшейся как раз в это время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н. Материалы к истории палеоландшафта верхнего течения реки Марицы в среднем голоцене // Добруджа. Варна, 2004. № 21. С. 288–304.

Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Седов С.Н. Телль Юнаците и поселение рядом с ним – сравнительный педологический анализ в контексте археологической стратиграфии // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 189–205.

Балабина В.И., Мацанова В., Мерперт Н.Я., Мишина Т.Н., Спиридонова Е.А. Стратиграфия и палинология телля «Плоская могила» во Фракии // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1999. С. 17–24.

Балабина В.И., Мишина Т.Н. Последний энеолитический поселок на телле Юнаците: история гибели // Человек и древности. Сб. памяти А.А. Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2010. С. 336–342.

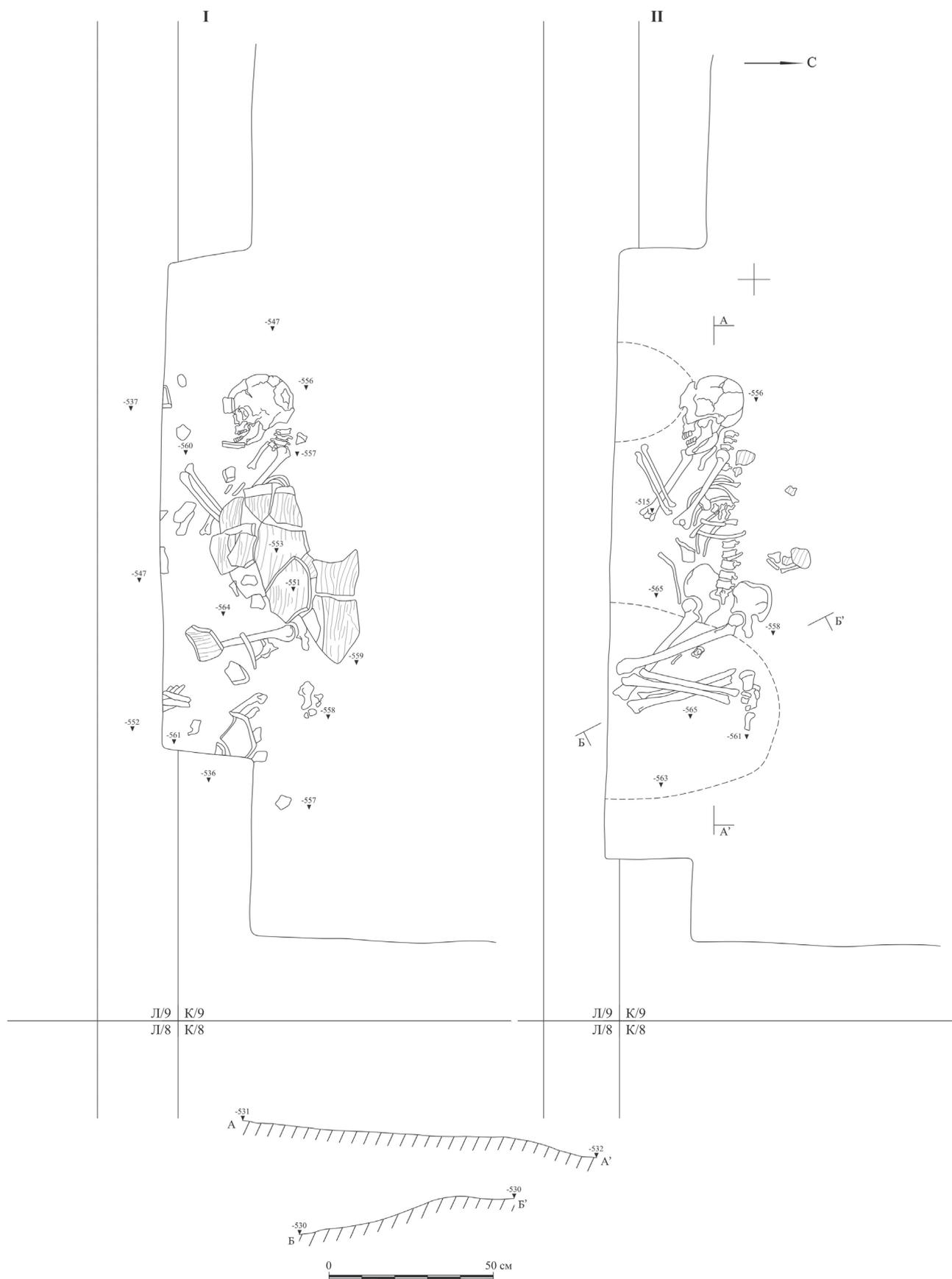

Рис. 2. Телль Юнаците. I энеолитический горизонт, подгоризонт «с». Погребение 96.

Балабина В.И., Мишина Т.Н. Энеолитический могильник на телле Юнаците – проблемы интерпретации // РА. 2012. № 4. С. 47–64.

Бояджиев Я., Асланис Й., Терзийска-Игнатова Ст., Мацанова В. Селищна могила Юнаците – проучвания през 2001–2011 година // Годишник на регионален исторически музей Пазарджик. Т. 2. Пловдив, 2011. С. 42–55.

Бужилова А.П. Homo sapiens история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 319 с.

Киселева Н.К., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Переладов А.М. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя телля «Плоская могила» // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2005. С. 114–145.

Тодорова Н. Керамичните комплекси на Юнаците и Ситагри III и културните взаимодействия между Горно Тракия и Беломорската област през късния халколит // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Т. 3. София, 2002. С. 95–136.

Aslanis I., Boyadzhiev Ya. Fleischdeponierung in der chalkolithischen Siedlung von Yunatsite. Prehistoric Thracе. Sofia; Stara Zagora, 2004. P. 373–378.

Boyadzhiev Ya., Aslanis I., Terzijska-Ignatova St., Mazanova V. Yunatsite: Ein Bulgarisch-Griechisches Grabungsprojekt. Die Jahre 2002–2008 // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011. С. 21–38.

Mazanovа V. Erforschungsgeschichte der Tellsiedlung Yunatzite, Pasarzikregion // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011. С. 9–21.

Todorova N., Mazanova V. Late Chalkolithic Ceramic Style at Yunatsite Tell (Approach to the Systematization of the Ceramics from the Newly Excavated Levels) // BAR Intern. Series 854. Oxford: Oxford University, 2000. P. 331–361.

ХИРУРГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРОЦЕСС ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПА В ЭПОХУ БРОНЗЫ¹*

© 2014 г. П.В. Волков

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(volkov100@yandex.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, хирургия, трепанация, инструментарий, эксперимент, трасология, технология.

Резюме. Экспериментально-трасологические и технологические эксперименты позволяют определить характер хирургических операций по трепанации черепов и с определенной долей вероятности выделить набор специфических хирургических инструментов из археологических коллекций сарагашенского этапа тагарской культуры IV–III вв. до Р.Х.

На основе опыта экспериментальных исследований в археологии Северной и Центральной Азии (Волков, 2013), на базе лаборатории ИАЭТ СО РАН, было проведено трасологическое изучение следов на поверхности трепанированных черепов, что позволило определить характер действий хирургов в проведенных им операциях, сделать некоторые предположения об использованном ими инструментарии. По следам оставшихся на поверхности всех трех изученных черепов, можно выделить определенную последовательность проводившихся операций. Выделено два основных этапа.

Неизбежной начальной частью операции по вскрытию черепов является удаление, с места намеченной трепанации, кожного покрова. Следов такого рода действий хирургов на обследованных черепах не прослеживается. Учитывая относительно хорошую сохранность поверхности кости на всех трех образцах, можно предположить, что такого рода действия хирургов были

проведены с высоким качеством – кость большого, при такого рода скальпировании, была нетронута.

На первом, основном этапе трепанации, с помощью острого режущего инструмента было проверено удаление поверхностного слоя кости без прободения черепа. Следы такого рода действий хорошо прослеживаются на поверхности черепа с коллекционным номером 2012. Участок со следами первоначальных действий хирурга свидетельствует о характерной кинематике режущего инструмента. Плоскость срезания кости расположена по касательной к сферической поверхности черепа. Проникновение режущего инструмента, на первом этапе, производится под относительно более острым углом, чем при прободении черепа на втором этапе резания, при котором плоскость резания имеет заметно иной угол наклона внутрь объема черепа. Зафиксированы следы двух типов использования, вероятно, одного и того же режущего инструмента. Если

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 13-06-00153.

на первом этапе движения орудия имеют относительно длинный «рабочий ход», то на втором, при прободении кости черепа, можно увидеть следы относительно более частых, коротких движений руки хирурга.

Следы резания кости на первом этапе операции образовались в виде «лепестковых», ячеистых углублений с относительно широким полем среза. Последовательность их образования свидетельствует об уверенном, однотипном движении инструмента. На втором же этапе рука хирурга производила более короткие режущие движения, при которых инструмент оставил на кости большого «ступенчатую» структуру.

При описании следов первого и второго этапа резания черепной кости следует отметить и специфику в дислокации оперативных действий. Плоскость первого, поверхностного среза кости черепа не всегда совпадает с, вероятно, точно и заранее запланированным местом ее финального прободения. Вполне возможно, что на первом этапе трепанации хирурги не придавали достаточно большого внимания опасности. Более точные действия операторов прослеживаются на втором этапе, при финальном прободении кости.

Второй этап трепанации, судя по выявленным на поверхности кости следам, производился двумя способами.

В первом случае, как это уже было частично описано выше, прорезание второго слоя кости черепа производилось тем же инструментом и, собственно, его аналогичными движениями. Такого рода действия прослежены на черепе с коллекционным номером 2012.

Второй тип следов прослеживается на черепах с номерами 2009 и 24 БикIII / 100 Бик – III к 1. Здесь можно увидеть, что инструменты хирургов проникали во внутричерепной объем с иной кинематикой. Движение хирургического инструмента внутрь черепа производилось не режущим, как в первом случае, а прямым, параллельно длинной оси орудия, «колющим» движениями. Следствием такого рода действий стали «ступенчатые» края образовавшихся в черепе №2009 отверстия. Вероятно, что при такого рода финальном прободении кости черепа, «колющее» действие производилось не по всему намеченному периметру отверстия. Можно предположить, что как только оперативные действия давали хирургу возможность подцепить удаляемый фрагмент кости, она отделялась от черепа обычным режущим движением.

К особенностям конкретных операций можно отнести результаты вскрытия черепа 24 БикIII / 100 Бик – III к 1. Здесь зафиксированы следы более частых, но не столь относительно глубоких как на черепе № 2009, проникающих внутрь колющих движений. Можно сказать, что хирург действовал здесь осторожнее, с большей точностью определяя место и конфигурацию отверстия прободения черепа.

Ряд наблюдений позволяет отметить и определенную уверенность в оперативных движениях хирургов прошлого. Следов вполне «естественных» при резании кости сколов в непреднамеренном для операторов направлениях не зафиксирован.

Экспериментально-трасологические и технологические эксперименты позволяют нам, с определенной долей вероятно-

сти предположить, что в качестве хирургических инструментов при трепанации изученных черепов могли использоваться ряд орудий сарагашенского этапа тагарской культуры IV–III вв. до Р.Х. (Киселев, 1951; Членова, 1967).

В качестве оперативного ножа для резания кости на первом и втором этапе трепанации могли использоваться достаточно распространенные в ту эпоху ножи. Орудия такого типа оставляют при резке кости следы аналогичные наблюдаемым на описанных выше трепанированных черепах. «Ближайшие аналогии минусинским предметам дают инструменты из медицинских наборов римских врачей. Конечно, удаленность друг от друга территории сравниваемых находок, а также различие во времени, вынуждают нас делать подобные сравнения весьма и весьма осторожно. Но, в данном случае необходимо, на мой взгляд, исходить из следующего соображения – само функциональное предназначение подобного инструментария диктует его форму и размеры, поэтому сопоставление функционально аналогичных инструментов из разных регионов вполне допустимо и этот метод успешно применяется историками медицины» (Наглер, 2013. С. 348).

В собрании Минусинского краеведческого музея выявлены 4 артефакта, функциональный анализ следов износа которых, позволяет определить их как «пилы по относительно твердому органическому мате-

риалу». Трасологический анализ рабочей поверхности инструментов выделил ряд признаков, по которым можно уверенно говорить об их использовании для пиления рога или кости. Не исключено, что перед нами еще один тип орудий, которые можно отнести к хирургическому инструментарию, не имеющих аналогов в европейских археологических коллекциях.

Совокупность описанных выше орудий можно считать вполне достаточным инструментарием хирурга, практиковавшего в конце последнего тысячелетия до Р.Х. Морфология и функция орудий близка европейским. Какими путями шел обмен медицинским опытом между людьми живущими так далеко, каково было время, затраченное на операции – повод для более детальных археологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: «Нестор-История», 2013. 416 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири [2 изд.]. М.: «Наука», 1951. 635 с.

Наглер А. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко.* Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 337–351.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.–Л.: «Наука», 1967. 300 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТИПОВ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПОСЕЛКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

© 2014 г. Е.И. Гак¹, А.В. Борисов²

¹ Государственный Исторический музей, Москва

(*e.i.gak@mail.ru*)

² Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино

(*a.v.borisovv@gmail.com*)

Ключевые слова: лесостепь, среднедонская катакомбная культура, скотоводство, сезонная стоянка, геоморфология, экология.

Резюме. В работе излагается новый, ландшафтно-экологический подход к определению сезонности скотоводческих поселков среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы на основе принципиального различия геоморфологических условий их расположения. Обсуждаются возможные причины использования в лесостепи пойменных и низкотеррасных участков под зимние стоянки, а площадок высоких боровых террас, мысов и останцов под летние стоянки.

Общепризнано, что основным занятием населения катакомбной общности эпохи средней бронзы было скотоводство. При этом все больше данных прямо или косвенно свидетельствует о подвижном образе жизни катакомбных племен и соответственно высокой степени мобильности их экономического уклада независимо от локальных экологических условий. В качестве наиболее вероятной формы скотоводства для катакомбных, как и ряда других восточноевропейских культур бронзового века, рассматривается пастушество с доминантной ролью в стаде крупного рогатого скота (Антипина, 2004; Антипина, Моралес, 2005).

В лесостепной зоне важнейшими источниками по изучению скотоводческого хозяйства и всей системы жизнеобеспечения носителей местной среднедонской катакомбной культуры служат поселения (известно около 300). Они распространяются по Дону и его притокам, группируясь в верхней части Донского бассейна (Пряхин, 1982; Ивашов, 2002; Ивашов, Смольянинов, 2012) с выходом к левобережью Северского Донца (Берестнев, 2001; Санжаров, 2010) и правобережью Волги (Малов, Сергеева, 2010). В геоморфологическом

плане выделяются две, примерно равные по количеству группы поселений: одна характеризуется расположением на подчиненных, закрытых элементах рельефа (поймы, низкие террасы высотой 1–5, реже 6–8 м над уровнем реки), другая – в автоморфных условиях (останцы, мысы, боровые террасы высотой 30–90 м над уровнем реки).

Раньше это оценивали как показатель широкой экспансии катакомбного населения при продвижении его по лесостепным районам (Пряхин, 1982. С. 125) или объясняли поэтапным освоением сначала низких, затем высоких участков местности в связи с подъемом уровня рек и переходом к придомному скотоводству при усилении роли других форм хозяйства (Ивашов, 2002. С. 45–49). Сейчас причины такой крайности в размещении поселков, жители которых имели не только общие культурно-генетические корни, но и одну модель хозяйствования, видятся иными. Представляется, что в традиционных обществах с известным консерватизмом действовали универсальные принципы выбора экологических ниш, одинаково учитывавшие способ ведения базовой отрасли хозяйства и

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты №12-06-00249-а, 12-06-00272-а.

требования, предъявляемые к месту коллективного проживания.

Бытовые нужды заставляли катакомбное население лесостепи размещать свои поселки вблизи водных источников на склонах, закрытых от ветров речных долин и балок, с уклоном и расчлененностью рельефа, способных обеспечивать отвод осадков. В эту схему хорошо вписывается первая группа поселений, расположенных в поймах и на невысоких речных террасах. Но чем могло быть мотивировано размещение поселков на высоких мысах и останцах, абсолютно незащищенных от ветров и значительно удаленных от воды? Возможно объяснение здесь кроется в особенностях хозяйственной модели населения. Несомненно, что скотоводство для него определяло сам факт выживания. Общество было неразрывно связано со стадом и постоянно сопровождало его. Интересы и предпочтения стада и общества во многом совпадали, а, значит, другие стороны организации человеческого быта были ориентированы таким образом, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для содержания скота.

В годовом цикле выделяются два контрастных периода – жаркий летний и холодный зимний. Наибольшие опасности для древних скотоводов таил в себе зимний период. Скорее всего, скот содержался на подножном корму в течение года без заготовки зимних запасов, что практиковалось в степи и лесостепи еще в XIX в. (Антипина, Моралес, 2005. С. 41). Если такие запасы и имелись, то в небольших объемах как крайнее средство при продолжительном невыпасном периоде, обусловленном сильными снегопадами, гололедом и иными неблагоприятными факторами. Все остальное время скот добывал себе корм самостоятельно. Климат в катакомбное время был близок к современному (Спиридонова, 1991), поэтому можно предполагать, что площади зимних пастбищ были невелики. На водораздельных участках растительный покров выгорал за лето и не представлял ценности, так как тебеневка требовала от скота больших затрат энергии, чем поступало с добытым из-под снега кормом. Овражно-балочная сеть с более густым травостоем исключалась в силу особенно мощного снегового покрова. Лесные массивы обеспечивали кормовую базу в

основном благодаря подлеску и лишь в начале зимы, то есть до того, как сугробы достигали высоты, при которой проход скота становился невозможным.

Единственной благоприятной экологической нишей для зимнего содержания скота были речные долины, и в первую очередь поймы крупных рек. Здесь благодаря гидроморфным условиям и близкому залеганию воды травостой всегда значительно выше, чем на автоморфных участках, и не перекрывается снегом. В условиях крайне неоднородного мезорельефа в поймах с русловыми валам, старицами, заболоченностью создаются предпосылки для произрастания кустарников, осоковых и наиболее крупного разнотравья. При этом в силу открытости и отсутствия древесной растительности скорость ветра всегда высока, что обеспечивает снос снега и облегчает тебеневку. Да и перегон стада с одного пастбища на другое в зимнее время зачастую возможен только по замерзшим рекам, так как иные пути оказываются закрытыми ввиду мощного снегового покрова. Указанные выше факторы позволяют считать поймы рек местами наиболее вероятного зимнего выпаса скота. В этой связи представляется логичным рассматривать катакомбные поселения в поймах и на низких участках террас как *зимние стоянки (зимники)*.

Совершенно иные условия поймы имеют в летний период. Повсеместное распространение мелких закрытых прогреваемых водоемов, высокий травостой, защищающий от ветра приземный слой, создают благоприятную среду для размножения кровососущих насекомых, что сильно усложняет, если не исключает возможность пастбы в дневное время. Ночные туманы, обильные росы делают эти ландшафты малоприспособленными и для проживания людей. В данной ситуации вполне оправдана смена условий для стоянки – если в зимний период необходимо было укрыться от ветров, то летом более предпочтительными оказывались высокие открытые площадки, где ветер сдувал насекомых, сопровождавших стадо. Сами же летние пастбища могли находиться в любых ландшафтных нишах с наименьшим предпочтением пойм, эксплуатировавшихся лишь эпизодически. Таким образом, катакомбные поселения на высоких

боровых террасах, мысовых участках и останцах, вероятно, функционировали как *летние стоянки (летники)*.

Предлагаемый ландшафтно-экологический подход к определению сезонности скотоводческих поселков эпохи средней бронзы лесостепи, безусловно, требует дальнейшей, более глубокой проработки. Перспективное направление поиска – изучение особенностей пойменных и водораздельных участков в районе размещения катакомбных поселений, в том числе состава фитоценозов, высоты травостоя, наличия и плотности древесных и кустарниковых растений, продуктивности использования в качестве зимних пастбищ, скорости ветра в зимнее и летнее время, мощности снежного покрова и т.п. Другое направление исследований предполагает разносторонний комплексный анализ конкретных археологических источников, который пока еще очень редко практикуется.

В заключение отметим, что остаткам катакомбных поселений, как низких, так и высоко расположенных в рельефе, зачастую сопутствуют материалы самых разных культур эпохи бронзы, имевших сходную или аналогичную модель хозяйствования. Там же нередко фиксируются следы поселков раннего железного века, когда пастушество уступило место другим экономическим системам, в которых скотоводство, тем не менее, продолжало играть роль основы жизнеобеспечения. Следовательно многие из изложенных выше соображений могут быть распространены на весь период существования традиционных обществ скотоводческой ориентации в лесостепной зоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рожд. В.И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.
- Антипина Е.Е., Моралес А.* «Ковбои» восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2005. С. 29–49.
- Берестнев С.И.* Восточнoукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков: ПФ «Амет», 2001. 264 с.
- Ивашов М.В.* Особенности топогеографического размещения памятников катакомбного времени на Верхнем Дону // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2002. С. 43–51.
- Ивашов М.В., Смольянинов Р.В.* Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2012. С. 70–80.
- Малов Н.М., Сергеева О.В.* Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // АВЕС. Вып. 8 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 30–61.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 159 с.
- Санжаров С.Н.* Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. 488 с.
- Спиридонова Е.А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.: Наука, 1991. 220 с.

КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ СТЕПНЫХ СКОТОВОДОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ: КОНСТРУКЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

© 2014 г. А.Н. Гей

*Институт археологии РАН, Москва
(donkuban@mail.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, катакомбная общность, новотиторовская культура, колесный транспорт, повозки, фургоны, колесницы.

Резюме. В работе дается критический анализ имеющихся на данный момент реконструкций внешнего вида и устройства деревянных повозок, известных в культурах ранней и средней бронзы степей Восточной Европы и Предкавказья. Почти все они выполнены на основании единичных комплексов с привлечением далеко не бесспорных аналогий из других районов и эпох. Обработка всего массива из 360 погребальных и жертвенных комплексов показала, что достоверной формой, использовавшейся при погребениях, была тяжелая четырехколесная повозка-фургон без поворотного устройства. Существование других вариантов, в том числе двухколесных арб или колесниц на дисковых колесах, пока документально не подтверждено и остается гипотетическим.

Изучение конструкции древнейших повозок и связанное с этим определение их функционального назначения представляет собой отдельную тему, важную для выяснения вопросов происхождения, общей эволюции и распространения этих транспортных средств, что в свою очередь немаловажно для определения хозяйственных занятий и характера экономики, ряда аспектов социального устройства и идеологических представлений археологических культур эпохи бронзы. К настоящему моменту в памятниках ранней и средней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы (ямной и катакомбной общностей, тесно связанных с ними «культурных группах захоронений с повозками», а также в «посткатакомбных» культурных образованиях) известно не менее 360 погребальных и жертвенных комплексов, содержащих остатки колесных повозок или их деталей. Наибольшая концентрация таких находок связана с новотиторовской и тесно примыкающей к ней степной северокавказской культурами Прикубанья (150 комплексов, по крайней мере 15 из которых содержали остатки более чем 1 повозки).

К настоящему времени предложено несколько вариантов реконструкции повозок

раннего и среднего бронзового века. Первой стала четырехколесная повозка с массивными бортами из установленных на ребро досок и неестественно низким клиренсом из погребения западноманычской катакомбной культуры (*Кудинов 2/6*, раскопки А.Н. Мелентьева, реконструкция С.А. Румянцева). Близка к ней и реконструкция для такого же погребения из недавних раскопок могильника *Улан IV* (Шишлина и др., в печати). Крупная по общим габаритам, но неправдоподобная по крайне незначительной высоте крытого фургона четырехколеска с поворотным устройством восстановлена по материалам ямного погребения кургана *Лукьяновка* на Украине (Мельник, Сердюкова, 1988). Другой тип поворотного устройства при «полужестком» кузове предложен для повозки из камеры катакомбного захоронения *Боровковка 1/17* (Ковалева, 1999). Небольшая повозка с сидением и вертикальным передним бортом из шахты катакомбной могилы *Каменка Днепровская II/9* восстановлена с привлечением иконографии ближневосточных повозок (Черных, 1991). Вопрос о появлении и бытовании уже в катакомбное время колесниц на дисковых колесах и более широко – об одноосных конструкциях был поставлен на материалах *Тягу-*

новой могилы, погребение 27 (Чередниченко, Пустовалов, 1991; Пустовалов, 2000). Практически одновременно по материалам новотиторовских памятников Западного Предкавказья была разработана реконструкция тяжелой жилой четырехколесной повозки со сложным решетчатым кузовом, жестко встроенными в него осями и широкой (до 2,4 x 2,2 м) платформой, служившей основанием для фургона (Гей, 1991, 2000). В последнее время в связи с находками из *Инатовского кургана* (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007) возобновилось обсуждение темы о катакомбных колесницах, впрочем, весьма сдержанное и даже скептическое (Избицер, 2009; Чечушков, 2013).

Оценивая все предложенные варианты, стоит отметить, что большинство реконструкций выполнено с опорой на единственный комплекс, в лучшем случае с привлечением еще 2-3 находок и далеких по культурно-территориальному контексту ближневосточных изобразительных материалов. Другой момент – часть использованных находок средней бронзы происходит из камер катакомб, где по габаритам трудно поместить целую повозку и логично ожидать заведомо неполные некомплектные наборы их деталей и даже имитации со всеми вытекающими последствиями. Исключение составляют новотиторовские повозки, устройство и внешний вид которых воссозданы по всему массиву и в первую очередь на основании 40 наилучшим образом сохранившихся экземпляров, 18 из которых представляли собой повозку в сборе, сохранившую так или иначе объем кузова, и с надетыми на оси колесами. Именно это обстоятельство, а также многочисленные совпадения по ряду принципиальных узлов с повозками других территорий позволили говорить о преимущественном использовании в погребальном обряде целой свиты степных культур ранней и средней бронзы именно больших четырехколесных повозок-фургонов, выполнявших функцию передвижного жилища скотовода. Интересно (даже парадоксально), что именно этот последний вариант вызвал и наибольшую критику (Пустовалов, 2000).

Коснемся подробнее нескольких аспектов затронутой темы. Наличие особого пово-

ротного устройства уже у повозок раннего и среднего бронзового века аргументируется двояко. В одном случае его существование предполагается по наличию вертикального отверстия (отверстий) в одном из брусьев передней торцевой стороны кузова, определяемом как передняя ось (Мельник, Сердюкова, 1988), в другом – по особой прямоугольной конструкции небольших размеров (порядка 100 x 80 см), в которой видят поворотную подушку (Ковалева, 1999). Вертикальные отверстия в торцевых и продольных брусках кузовов из ямных и новотиторовских захоронений зафиксированы многократно, причем практически во всех случаях предназначены для вертикальных штифтов, скреплявших разные уровни сложных решетчатых кузовов (не менее 17 случаев). Не исключено, что таким же образом крепился к кузову и задний, раздвоенный конец дышла. Связывать такие случаи с особым шкворнем, на котором крепилась поворачивающаяся передняя ось оснований недостаточно. И из-за малого диаметра (3–4 см) этой детали, предназначенной для больших нагрузок, и потому, что поворот передней оси практически во всех предполагаемых случаях на сколько-нибудь заметный угол приводит к цеплянию колеса за раму кузова.

Напомню, что в целой серии хорошо документированных повозок раннего бронзового века установлено жесткое встраивание прямоугольной в сечении оси с округло обточенными для насадки колес концами в конструкцию рамы кузова. Что касается специальной поворотной подушки в составе повозки из катакомбного погребения Боровковка 1/17, то здесь сомнения вызывает вся реконструкция в целом в связи с невозможностью заноса транспортного средства таких размеров через дромос, что, кстати, признает И.Ф. Ковалева.

Обнаруженную тут двухуровневую прямоугольную раму на вертикальных штифтах логичнее, на наш взгляд, рассматривать либо как попытку имитации особого участка кузова, условно определяемого нами как «место возникновения», либо как аналог многократно зафиксированных в захоронениях ямного и катакомбного времени прямоугольных «рам», «лож», «носилок», находимых вместе с повозками или отдельно от них и залегающих как под костяками, так и вне связи с ними – тут же

на дне, прислоненными к стене погребальной камеры, иногда на уступе. По близости размерных параметров можно предполагать их связь с особым устройством спальных мест внутри жилой повозки-фургона, хотя не исключена связь некоторых образцов и с разобранными верхними уровнями (вертикальными бортами?).

Немаловажно и то обстоятельство, что бесспорные примеры поворотных подушек для европейских телег фиксируются не ранее железного века, а сопутствующие такому устройству различия в диаметрах передних и задних колес – только с IX в. н.э. (Вийрес, 1984). Что касается обычных для рассматриваемых степных комплексов раннего и среднего бронзового века заметных различий в диаметре колес, то они вполне объяснимы при использовании неподвижных осей, когда каждое колесо вращается независимо от прочих и несовпадение их размеров никак не сказывается на общем направлении движения.

Вопрос о количестве колес в комплексе как отдельном аргументе для реконструкции типа транспортного средства не имеет однозначного решения. Известны самые разные варианты в диапазоне от одного до восьми (ни разу не было зафиксировано только 5 колес), однако по условиям сохранности, а в ряде случаев и по причине плохого уровня самих раскопок оценить реальность этих цифр зачастую очень сложно. Тем не менее, наиболее распространены четные наборы (2–4–6–8). Популярно и число 3, известное как при наличии остатков кузова, так и без него.

Делать по результатам таких подсчетов выводы об использовании в ходе ритуала особых многоколесных повозок, двуколки, сочетания в одном комплексе двух- и четырехколесной телег и пр. было бы неправильным. Тем более что при символическом замещении реальных колес жертвенниками из костей мелкого рогатого скота, раскладываемыми на те же места в погребальном сооружении, например по углам перекрытия (в чем можно видеть прямую отсылку к ведическим ритуалам жертвоприношения), или изображениями самих колес из других материалов (Дорофеев, 1981) также фиксируется «нелогичное» число 3, заставляющее вспомнить упоминаемые в Ригведе «колесницы трехчастные, трехколес-

ные». Вероятный в таких ситуациях приоритет символических моментов и установлений над инженерными реалиями заставляет соблюдать осторожность при истолковании находок в могиле иных наборов, в том числе и состоящих из двух колес.

Высказанные соображения позволяют скептически оценивать имеющиеся реконструкции четырехколесных повозок с поворотными устройствами для памятников раннего бронзового века и гипотезы о появлении первых колесниц на дисковых колесах в катакомбное время. Разумеется, здесь многое будет зависеть от будущих находок и, что особенно важно, не только от числа наблюдений, но и от качества раскопок и фиксации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вийрес А.О. Принципы типологии европейских крестьянских телег (на основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 91–105.

Гей А.Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. 1991. № 1. С. 54–71.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 2000. 224 с.

Дорофеев В.В. Охранные раскопки в Приазовье // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 245.

Избицер Е.В. Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы // Мат-лы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь, 2009. С. 125–130.

Ковалева И.Ф. О новом типе деревянных катакомбных повозок. // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. С. 97–104.

Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука, 2007. 230 с.

Мельник А.А., Сердюкова И.Л. Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 1988. С. 118–124.

Пустовалов С.Ж. Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // Stratum plus, 2000. № 2. С. 296–321.

Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. 1991. № 4. С. 206–216.

Черных Л.А. Деревянная повозка из катакомбного погребения у г. Каменка-Днепровская // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991. С. 137–150.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

Шишлина Н.И., Ковалев Д.С., Ибрагимова Э.Р., Шведченко Н.Н. Повозка из катакомбного погребения кургана 4 могильника Улан IV: реконструкция и культурный контекст // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сб., посвящ. 90-летию со дня рожд. и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН. (в печати).

УТКУЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ¹

© 2014 г. С.П. Грушин

*Алтайский государственный университет, Барнаул
(gsp142@mail.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, Верхнее Приобье, уткульская группа памятников, гребенчато-ямочная область.

Резюме. В статье дается характеристика новой культурно-хронологической группы памятников раннего бронзового века на территории Верхнего Приобья, получившей название «уткульская», через рассмотрение особенностей керамического, оружейного комплексов, погребального обряда, хозяйства. На основе анализа ее происхождения, соотношения с сопредельными культурными образованиями делается вывод о том, что уткульское население входило в гребенчато-ямочную культурную общность.

Проблема соотношения культурно-локальных групп памятников между собой и их качественная характеристика остается важной научной задачей в археологии бронзового века Западной Сибири. Пути ее решения связаны с исследованием однослойных поселенческих и «закрытых» погребальных комплексов, материалы из которых можно рассматривать как эталонные для того или иного культурного типа. Изучение подобных памятников в Верхнем Приобье, прежде всего комплексов елунинской археологической культуры, позволило скорректировать некоторые устоявшиеся в научной литературе положения.

Автор выделения елунинской культуры Ю.Ф. Кирюшин разделил керамику по технике орнаментации на группы. Сосуды первой украшены узорами из оттисков «отступающей» или «шагающей гребенки», «гладкой качалки». Для орнаментации второй и третьей групп керамики характерна комбинированная техника нанесения орнамента, где большую долю составляет «печатная гребенка» (Кирюшин, 2002. С. 48–51). Анализ материалов показал, что погребальная посуда была представлена исключительно посудой первого типа, а поселенческая – преимущественно керамикой второй и третьей групп. Такая ситу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (постановление № 220), проект № 2013-220-04-129

ация могла объясняться наличием в культуре «бытовой» (поселенческой) и «ритуальной» (погребальной) посуды, отличных по орнаментации. Отметим, что поселенческая посуда происходила преимущественно с памятников правобережья Оби, а погребальная – из могильников, расположенных на левом берегу Оби.

В последнее десятилетие были открыты и исследованы поселенческие комплексы елунинской культуры к западу от Оби (Колыванское I и Березовая Лука) с керамикой только первого типа. Отсутствие посуды второго и третьего типов в могильниках и однослойных поселениях позволяет пересмотреть ее культурную принадлежность. Данная работа посвящена характеристике правобережных комплексов, которые были обозначены нами, как «уткульская» группа памятников (см. рисунок). Она характеризуется материалами поселенческих комплексов, большая часть которых расположена на оз. Уткуль¹: поселения Коровья Пристань I, II, Костенкова Избушка и Ляпустин Мыс. (Кирюшин, 2002. С. 50–51).

Керамика. Посуда уткульского типа характеризуется в отличие от елунинской ярко выраженными гребенчато-ямочными традициями. Сосуды имеют баночную форму и переходную к горшковидной. Им свойственна комбинированная техника орнаментации. «Шагающей гребенкой» нанесены прямые и волнистые линии, печатные ромбы, зигзаги, прямые и наклонные линии. Иногда на одном сосуде вместе с рядами отступающей гребенки встречаются 2-3 ряда из оттисков угла дощечки или палочки, овальные и треугольные лунки, отпечатки угла гребенчатого штампа. Часто вместо гребенчатого зигзага нанесен резной. Характерная черта орнамента – наличие горизонтальных рядов «жемчужин», ямок, в нескольких случаях данные элементы чередуются (Кирюшин, 2002. Рис. 101–103). Отличительная особенность этой керамики – отсутствие орнамента, выполненного в технике «отступающей палочки», которой характеризуются елуниинские комплексы.

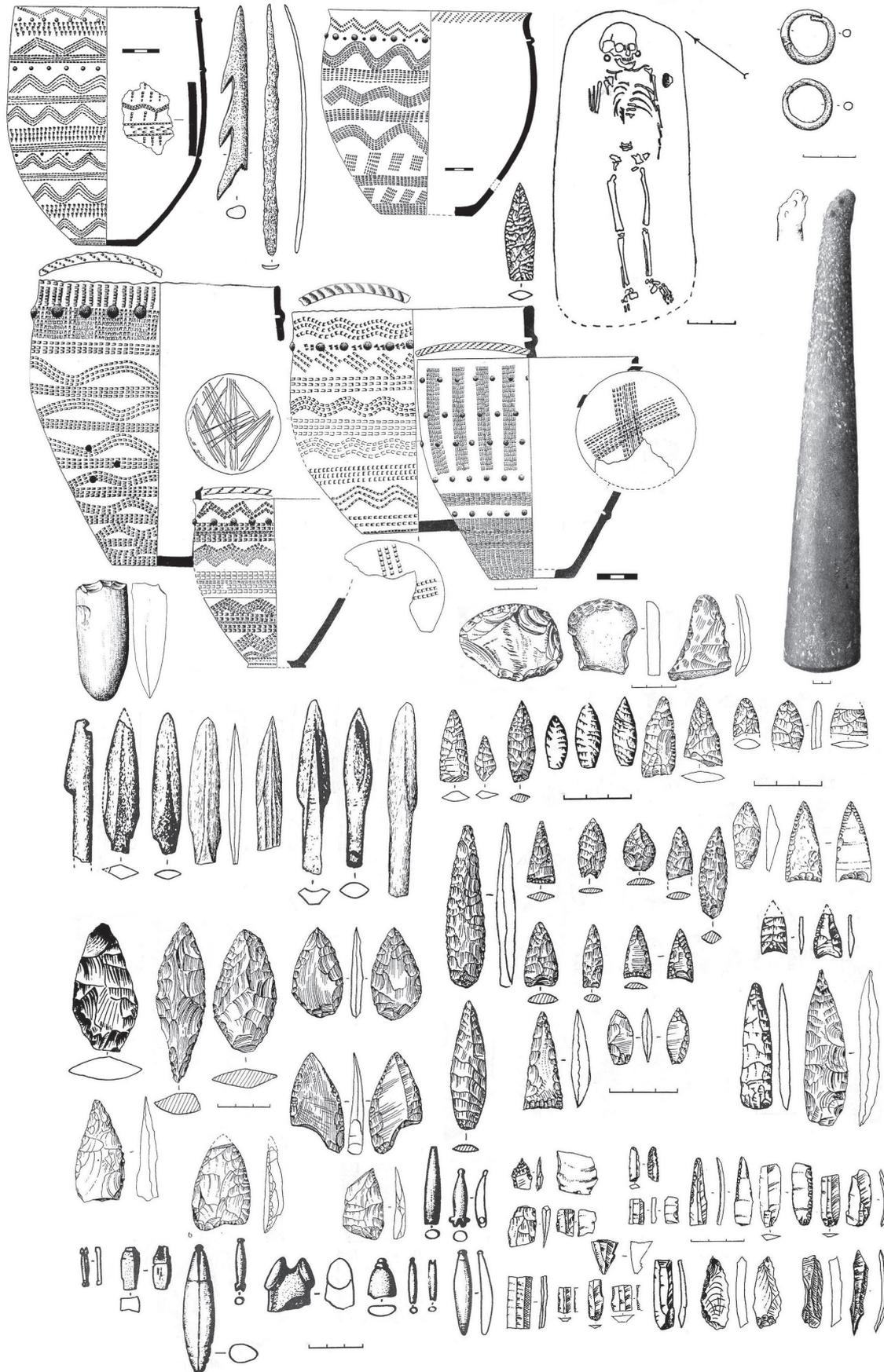
¹ В литературе встречается два варианта названия озера: Иткуль и Уткуль, что связано с особенностями русской транскрипции тюркского топонима. Опираясь на последние географические издания, в данной работе использовано название «Уткуль».

Орудийный комплекс. Существенным образом от левобережных елуниинских комплексов отличается каменный и костяной уткульский инвентарь. Каменные наконечники стрел характеризуются изделиями с прямой или выгнутой базой, отсутствием наконечников с черенком, сохраняются по сути неолитические традиции в камнеобработке – пластинчатая техника расщепления. В инвентаре зафиксированы ножевидные пластины, наконечники стрел и скребки, выполненные на пластине, каменные стерженьки (Кирюшин, 2002. Рис. 107–118).

Хозяйство. Основу экономики уткульского населения составляла охота на крупных копытных животных. Основным объектом охоты был лось. Кости этого животного составляют 88,7%, от общего количества определимых костей. Большое значение имело рыболовство. На основе анализа всех имеющихся материалов уткульских комплексов был выделен лесной, охотничье-рыболовецко-скотоводческий (многоотраслевой) хозяйственно-культурный тип в отличие от лесостепного, скотоводческого придомно-отгонного типа елуниинского населения (Грушин, 2012. С. 178–179).

Погребальный обряд. Погребальная практика уткульского населения правобережной Оби отличалась от елуниинской левобережья. Здесь исследовано пока одно погребение на могильнике Тузовские Бугры I. Умерший человек был похоронен вытянуто на спине, головой на северо-восток. В заполнении могилы найдены каменный нож, наконечник стрелы. С погребенным обнаружены два свинцовых височных кольца; сосуд, украшенный под венчиком резными линиями, рядом ямок и ногтевыми насечками; костяные гарпун, накладка на лук (Абдулганеев, Кирюшин, 2002. С. 4–5).

Мировоззрение. Специфика данных культурных образований, вероятно, проявляется и в мировоззренческой сфере. Большую роль играли культы промысловых животных, о чем свидетельствует, в частности, каменный жезл с навершием в виде головы медведя, обнаруженный на оз. Уткуль. В отличие от елуниинского населения, у которого ритуальная символика была связана с домашними животными, о чем свидетельствуют каменные пе-

Сводная таблица материалов уткульской группы памятников.

сты с навершием в виде барана, лошади, быка (Кирюшин, Грушин, 2009. Рис. 1, 8).

Хронология. Вопрос о хронологии уткульских комплексов пока остается открытым. Совместное залегание елунинской и уткульской керамики на одних и тех же поселениях можно считать свидетельством синхронности двух групп. Елунинская культура датируется в рамках XXII–XVIII вв. до н.э. (Грушин, 2013. С. 21). Вероятно, в данном хронологическом промежутке и следует датировать уткульские памятники. Этому не противоречит и одна радиоуглеродная дата (с учетом калибровки), сделанная по поселению Коровья Пристань III (Кирюшин, 2002. С. 76).

Ближайшие аналогии уткульской керамике находятся в комплексах большеларьякского типа таежной части Среднего Приобья (Посредников, 1973), Присалаирья (Зах, 1997), Нижнего Притомья (Бобров, Марочкин, 2010. С. 150); одинцовской культуры Западной Сибири (Молодин, 1981), более отдаленные аналогии можно найти в ташковской керамике (Ковалева, 1997). Однако набор элементов орнамента, их сочетание, техника правобережных обских комплексов, на наш взгляд, не сводятся ни к одной из них. В связи с этим такую посуду целесообразно обозначить, как керамика уткульского типа. Данные комплексы входили в большую гребенчато-ямочную культурную область, выделенную М.Ф. Косаревым (1991. С. 59). Она связана с таежными районами Западной Сибири, заходила далеко на юг по правобережной лесной зоне вплоть до северных предгорий Алтая, что и демонстрируют комплексы уткульского типа.

В формировании уткульской культурной традиции значительную роль сыграли местные нео-энеолитические традиции, которые демонстрируют нам не только преемственность материальной культуры (прежде всего каменной индустрии), традиционного природопользования, но и отсутствие какой-то значительной смены состава населения. Культурные уткульские традиции на правобережье Верхней Оби сохраняются на протяжении всего бронзового века. На их основе формировалась корчажкинская археологическая культура позднего бронзового века, а лесной, охотничье-рыболовецко-скотоводче-

ский (многоотраслевой) хозяйственно-культурный тип в этом регионе стал основой для развития хозяйственно-культурного типа в последующие исторические периоды вплоть до этнографической современности.

В заключение отметим, что многие вопросы, связанные с выделением уткульской группы памятников, остаются открытыми, ее изучение только начинается, но уже на данный момент очерчена общая конфигурация данного культурного типа памятников. Наполнение конкретным содержанием таких параметров, как территория, хронология; особенности керамических комплексов и инвентаря, хозяйства и погребального обряда дают основание для выделения особой уткульской археологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннего бронзового века из могильника Тузовские Бугры I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 4–6.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Раскопки у Новоромановской писаницы (южные районы Нижнего Притомья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 149–153.

Грушин С.П. Хозяйственно-культурная вариативность лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 171–179.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 131 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археоло-

гия, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (20). С. 67–75.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Молодин В.И. Памятники одинцовского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–75.

Посредников В.А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк-2 и некоторых других памятниках таежного Приобья // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 95–107.

ДАнные ИЗОТОПНОГО И ЭЛЕМЕНТНОГО АНАЛИЗА (К РЕКОНСТРУКЦИИ МОБИЛЬНОСТИ СТЕПНЫХ ОБЩЕСТВ ЭПОХИ БРОНЗЫ)¹

© 2014 г. М.В. Добровольская

*Институт археологии РАН, Москва
(mk_pa@mail.ru)*

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, изотопно-геохимические исследования, степные скотоводы, климатические изменения, сезонное кочевание.

Резюме. Изучение образа жизни носителей древнейших традиций скотоводства является одним из направлений внутри обширного общего исследовательского поля. К настоящему времени накоплен значительный объем данных, позволяющих нам строить предположения относительно характера и масштабов миграций, совершавшихся этими древними пастушескими коллективами.

Динамика показателей внутригрупповой изменчивости изотопных показателей ($\delta^{13}\text{C}$, 87/86Sr) позволяет предполагать, что в периоды аридизации группы (племена, роды) могли занимать более масштабные территории. Очевидно, что биопродуктивность пастбищ более засушливых территорий была низка, и для поддержания поголовья скота требовались более масштабные сезонные миграции.

Изучение археологических культур эпохи раннего металла, представленных многочисленными курганными памятниками на территории евразийских степей, – традиционно приоритетное направление в отечественной археологии. Изучение образа жизни носителей древнейших традиций скотоводства является одним из направлений внутри обширного общего исследовательского поля. Подвижный образ жизни, подверженность локальным природно-климатическим влияниям во многом определили «эко-зависимый» характер экономического уклада этих обществ. Этим обстоятельством объясняется особая роль

естественнонаучных методов изучения курганных памятников эпох раннего металла.

Важное место в богатом арсенале естественнонаучных подходов занимает инструментарий изотопных и элементных исследований, позволяющий обратиться к реконструкции конкретных ландшафтно-климатических условий жизни людей и окружающей фауны. Важно отметить, что эти варианты аналитических исследований позволяют получить индивидуальные характеристики, описывающие пространство жизни конкретных людей или животных прошлого, а в не-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ, № 13-06-00792.

которых случаях – даже определенные годы их жизни.

Использование этих инструментов связано с применением высокотехнологических методов, прежде всего различных вариантов масс-спектрометрии. Очевидно, что подобные исследования наиболее эффективно осуществляются в коллективах, объединяющих специалистов-археологов и представителей естественных наук. Одним из первых опытов систематизации данных об изотопном составе скелетных тканей людей и животных из курганных захоронений эпохи бронзы стала коллективная монография (Николаев и др., 2002. С. 188–189).

Активное использование изотопных методов анализа при изучении погребений ямной, катакомбной, майкопской и ряда других культур в регионе Северо-Западного Прикаспия (Шишлина, 2007. С. 300–340, Shishlina et al., 2012. P. 177, Shishlina, 2014. P. 9–10), майкопской, северокавказской, катакомбной культур на Кавказе и в Северном Предкавказье (Hollund, et al., 2010. С. 2972), ямной культуры в Трансильвании и Карпатском бассейне (Ciugudean, 2013. P. 181, Gerling et al., 2012. P. 1097) позволяет нам обращаться к проблемам реконструкции процессов миграции, оценке уровня мобильности этих древних пастушеских коллективов.

Как правило, результаты определения соотношения стабильных изотопов $^{13}/^{12}\text{C}$ (углерода) и $^{15}/^{14}\text{N}$ (азота) в коллагене костной ткани людей и животных используют для реконструкции основных компонентов обычного рациона питания. Другая важнейшая задача – выявить возможный источник более «древнего» углерода, который может существенно исказить радиоуглеродную дату. Как правило, источником такого «опаздывающего» углерода становятся крупные водоемы с более медленными циклами вовлечения элемента в круговорот трофических систем. В ряде случаев, усугублять эту ситуацию могут различные карбонатные отложения, попадающие в водоем и растворенные в воде.

Также на основании данных о соотношениях изотопов этих элементов возможно реконструировать местные климатические особенности. Гораздо чаще для последней цели применяются данные о соотношении $^{18}/^{16}\text{O}$

(кислорода). Соотношение $^{87}/^{86}\text{Sr}$ (стронций) в биологических объектах полностью отражает специфику местных геологических пород, поэтому этот параметр используется для выявления местных и пришлых индивидов.

К настоящему времени накоплен значительный объем данных, позволяющих нам строить предположения относительно характера и масштабов миграций, совершившихся этими древними пастушескими коллективами.

Для того чтобы оценить степень разнообразия природно-климатических условий, в которых находились индивиды из определённых курганных захоронений, были посчитаны величины стандартных отклонений для значений дельта углерода для двенадцати групп погребенных из памятников с территории Кавказа и Предкавказья. Все памятники хорошо датированы и культурно атрибутированы. В список вошли: погребения из Великента эпохи ранней бронзы, майкопские погребения из некрополя Горячеводский, катакомбные погребения из некрополя Золотаревка, погребения степного варианта майкопской культуры памятников Ипатово и Шарахалсун (Hollund et al., 2010. С. 2975), погребений ямной и катакомбной культурно-исторических общностей памятника Манджикины-1, 2, катакомбные погребения памятников Темрта I, III, V, Зунда-Толга-2, 5, Песчаный V (Shishlina et al., 2012. P. 193–197).

Показатели внутригрупповой изменчивости позволяют судить о ее нестабильности. Минимальные значения были определены для группы оседлого населения эпохи ранней бронзы из погребений Великента (0,23). Максимальные величины (более единицы: 1,3–1,4) для групп из раннекатакомбных погребений (Песчаный, Темрта). Среднеарифметические групповые значения изотопных показателей в этих выборках также значительно различаются. Минимальные определены для группы из Великента (–19,36), а максимальные для выборки из раннекатакомбных погребений памятника Манджикины (–16,81). Высокие значения дельта углерода соответствуют ситуации засушливых ландшафтов, в флоре которых существенное место могут занимать растения C4 типа фотосинтеза, в ко-

торых происходит менее жесткое фракционирование изотопов углерода. В целом, можно судить о том, что внутригрупповая изменчивость увеличивается по мере аридизации среды. Эта связь хорошо видна на графике (см. рисунок).

Каким образом мы можем интерпретировать эти данные? Как известно, показатели коллагена костной ткани отражают усредненную картину последних десяти лет жизни взрослого человека, поэтому эти показатели не могут быть использованы для изучения сезонных миграций (для таких целей подходит крайне редкий в археологической практике материал – волосы). Индивидуальные различия в коллагеновых изотопных подписях могут свидетельствовать либо о том, что индивиды использовали различные пищевые источники, либо, что их жизнь протекала в климатически различающихся районах. Проведенное ранее исследование выявило сопряженную динамику дельта углерода и азота (Iacumin et al., 2004), что дает нам основание склониться ко второй гипотезе. Ранее эффект климатических изменений был отмечен на материалах погребений новотиторовской и катакомбной культур в Прикубанья (памятники Пластуновский I, Олений I, Малаи I, Лебеди I). Он проявился в двукратном увеличении концентрации стронция в костной ткани индивидов из катакомбных погребений (Добровольская, 2005. С. 104).

Таким образом, проведенный статистический анализ позволяет предполагать, что в периоды аридизации группы (племена, роды) могли занимать более масштабные территории. Очевидно, что биопродуктивность пастбищ более засушливых территорий была низка, и для поддержания поголовья скота требовались более масштабные сезонные миграции.

Исследования погребений ямной культурно-исторической общности группы курганов Лайвзиль из Трансильвании (Венгрия) с использованием данных об изотопных соотношениях $^{18}/^{16}\text{O}$ и $^{87}/^{86}\text{Sr}$ в зубной эмали выявило, что изотопные показатели имеют величину, характеризующую систематическое пребывание в двух регионах: на равнине и в предгорьях. Эта ситуация отражает сезонные миграции этой группы населения.

Аналогичные исследования погребений ямной культуры памятника Саретудвари-Ерхалом и ряд других курганов ямной культурно-исторической общности (Великая венгерская равнина, Венгрия) показали, что наиболее ранний погребенный в кургане характеризуется не местными параметрами стронциевого изотопного показателя, и несколько индивидов, погребенных пятью веками позже, можно считать представителями пришлой группы. Полученные нами результаты соотношения $^{87}/^{86}\text{Sr}$ ($0,709418 \pm 7 - 709571 \pm 10$) в зубной эмали людей из погребенных ямной, катакомбной и новотиторовской культур из курганов Закубанья (Пластуновский, Олений I, Малаи I, Лебеди I) указывают на сходные территории кочевания.

Итак, изотопные показатели свидетельствуют о значительной стабильности областей сезонных кочеваний групп населения, ассоциируемого с культурами периодов ранней – начала средней бронзы, а также о значимой роли климатических изменений в расширении пастбищных территорий.

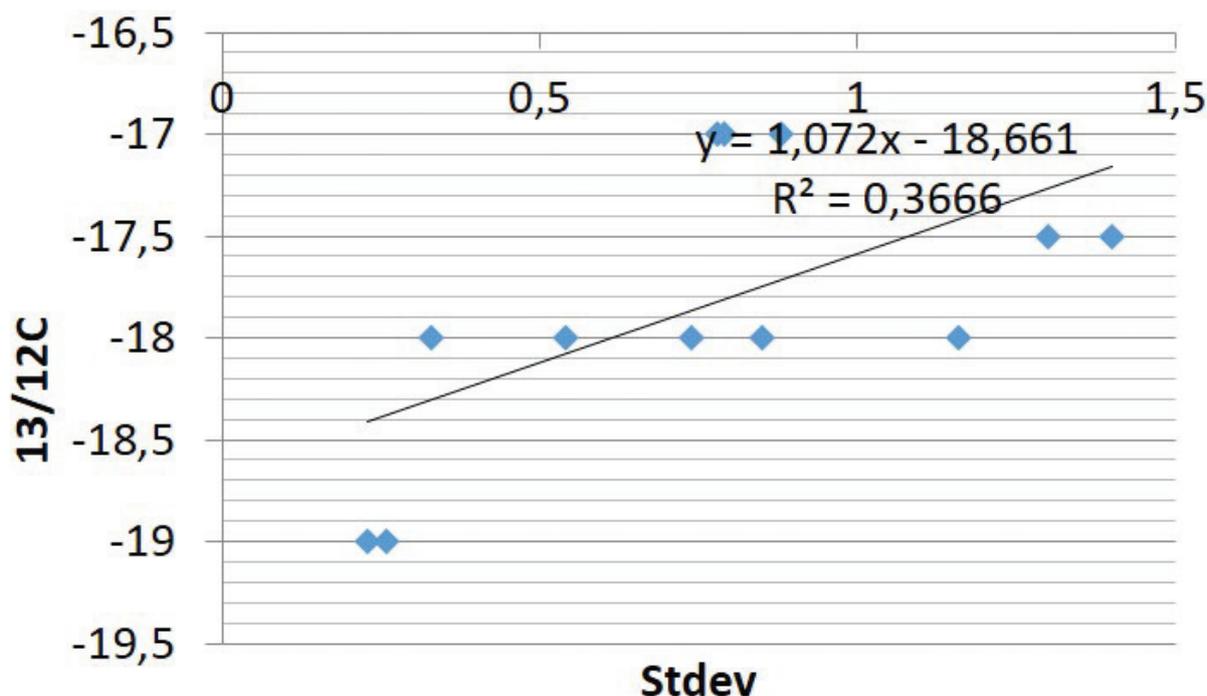
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добровольская М.В. Население эпохи бронзы в Прикубанье: некоторые аспекты изучения антропологического источника // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 95–112.

Николаев В.И., Якумин П., Александровский А.Л., Белинский А.Б., Демкин В.А., Женони Л., Грачева Р.Г., Лонжинелли А., Малышев А.А., Раминьи М., Рысков Я.Г., Сорокин А.Н., Стрижов В.П., Яблонский Л.Т. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М.: Ин-т географии РАН, 2002. 189 с.

Шшилина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007. 399 с.

Ciugudean H. Insights into the Transylvanian Early Bronze Age using Strontium and Oxygen Isotope Analyses – A Pilot Study // Transition to the Bronze Age. Interregional Interaction and Socio-Cultural Change in the Third Millennium BC Carpathian Basin and Neighboring Regions / Eds. V. Heyg, G. Kulcsar, V. Szeverenyi. Budapest: M.C. Escher's «Day and Night», 2013. P. 181–202.

Сопряженная изменчивость углеродных изотопных показателей и величины их внутригрупповой изменчивости.

Gerling G., B'anffy E., Dani J., Köhler K., Rulcsar G., Pike A.W., Szeveré nyi V., Heyd V. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan // *Antiquity*. 2012. V. 86. P. 1097–1111.

Hollund H.I., Higham T., Belinskij A., Korenevsky S. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // *J. of Archaeological Sciences*. 2010. V. 37. P. 2971–2983.

Iacumin P., Nikolaev V., Genoni L., Ramigni M., Ryskov Y., Longinelli A. Stable isotope analyses of

mammal skeletal remains of Holocene Age from European Russia: a way to trace dietary and environment changes // *Geobis*. 2004. V. 37. P. 37–47.

Shihlina N., Sevastyanov V., Hedges R. E. Isotope ratio study of Bronze Age samples from the Eurasian Caspian Steppes // *Population dynamics Prehistory and Early history* / Eds E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin: Walter and Gruyter, 2012. P. 177–198.

Shihlina N., Sevastyanov V., Zazovskaya E., van der Plicht J. Reservoir effect of archaeological samples from steppe Bronze Age cultures in Southern Russia // *Radiocarbon*. 2014. V. 56. №. 2. P. 1–12.

**ПОГРЕБЕНИЯ ЖИВОТНЫХ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ РИТУАЛЫ
НА ПАМЯТНИКЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОНУР ДЕПЕ
В ТУРКМЕНИСТАНЕ¹**

© 2014 г. Н.А. Дубова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
(dubova_n@mail.ru)*

Ключевые слова: Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, погребальные сооружения, погребальные приношения, бараны, собаки, лошадь, быки.

Резюме. В работе систематизируются и анализируются находки костей животных, целых туш и их частей, в погребальных и ритуальных комплексах известного дворцово-храмового комплекса эпохи бронзы Туркменистана Гонур Деппе и нескольких сателлитных сельских поселений (подхоронения животных к человеческим погребениям, особые захоронения только животных, жертвоприношения). Особый интерес представляют культовые захоронения собак и неоднократные находки останков доместичированной лошади.

Широко известный дворцово-храмовый комплекс эпохи бронзы Туркменистана Гонур Деппе (38°12'5"N 62°02'15"E) был найден В.И. Сарияниди в 1972 г. и раскапывался им до 2013 г. Это один из самых ярких памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Сарияниди, 2001; Sarianidi, 2008), датирующийся в пределах 2300–1600 гг. до н.э. (Зайцева и др., 2008). Одно из специфических явлений как этого памятника, так и всего Бактрийско-Маргианского археологического комплекса – погребения животных и фрагментов их туш. Первая систематизация имеющихся данных уже проведена (Сарияниди, Дубова, 2008; Дубова, 2012). Нельзя не согласиться с Е.В. Антоновой, начавшей интерпретацию погребений животных на памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса и отметившей в связи с этим, что для реконструкции образа мира носителей этой культуры прежде всего необходим скрупулезный анализ сделанных находок (Антонова, 2005. С. 106).

Кости животных на Гонуре и на двух раскопанных сателлитных сельских поселениях

в 2 и 4 км к югу от центрального комплекса (Гонур 20 и Гонур 21) найдены в большом количестве. Они происходят из ритуальных объектов, человеческих погребений и помещений, а также пространства между ними. Как отмечает Р. Сатаев, это остатки животных и их дериватов, использовавшихся в ритуальных целях; остатки животных, использованных в погребально-поминальном обряде; крайне редко и только на определенных территориях – кухонные отходы (Сатаев, 2008). Особого внимания заслуживают могилы, где захоронены только животные, или те, где целые туши были подхоронены к человеческим погребениям, а также самостоятельные местонахождения отдельных фрагментов. На Гонуре найдено 162 объекта такого рода. Из них в 34 животных подхоронены к людям. Такие захоронения совершены в разных по типу погребальных сооружениях (см. *таблицу*). В грунтовых ямах и в подбоях целые туши животных укладывались в ногах погребенных людей. В камерах (подземных моделях одно- или двухкомнатных домов) и в цистах – обычно в самостоятельной «камере»-комнате или

¹ Работы проводятся при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-0023313) и в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана

Типы могильных сооружений, в которых были погребены целые туши животных

Тип могильных сооружений	Грунтовые ямы	«Котлованы»	Обожженные ямы	Подбойные могилы	Цисты	Камерные могилы	Гробницы	В хуме
Самостоятельные захоронения (54)*	22	2	2	3	18	6	–	1
Из них:								
собаки (12)	10	–	1	–	1	–	–	–
бараны (31)	6	–	–	3	15	6	–	1
Животные, захороненные к людям (33)	6	3	1	6	8	3	6	–

* В скобках указано число могил.

в грунтовой «прихожей» перед передним фасадом сооружения. Особо выделяются гробницы на царском некрополе (6 случаев), когда несколько животных (верблюды, собаки, бараны) были расположены вместе с останками слуг в так называемом дворе, тогда как основные захороненные были погребены в «доме». На царском некрополе имеется также три «котлована» (глубокие ямные могилы диаметром около 6 м), где похоронено большое число слуг (от 7 до 17 человек) и разные животные (верблюды, ослы, телята, бараны, собаки) (Дубова, 2004. С. 277–278; Сарияниди, Дубова, 2010).

Погребения исключительно животных – 54 могилы. По таблице видно, что подавляющее большинство в этой категории составляют захоронения баранов (31), на втором месте находятся собаки (12), а таким видам, как лошади (1), ослы (3), корова, бык (2) погребения устраивались в единичных, хотя и показательных случаях. Почти все собаки были похоронены в грунтовых ямах, правда, очень тщательно сделанных и обмазанных изнутри глиняной штукатуркой. Погребальные приношения в этих могилах, половина которых (6 из 12) устроена на восточной и южной окраинах царского некрополя, отсутствуют. Только одно погребение собаки (3600) совершено в цисте, причем животное по аналогии с человеком было уложено не на землю, а на грунтовое возвышение, обнесенное со всех

сторон кладкой из сырцового кирпича. Здесь найдены достаточно богатые погребальные приношения, включавшие 12 керамических изделий, бронзовое зеркало, косметический флакон с аппликатором. Останки собаки (1939) были раскопаны на Большом некрополе Гонура в ямной могиле с обожженными стенками (Сарияниди, 2001. С. 18–21; Sarianidi, 2008. Р. 36–41). Погребения и коровы, и быка были сооружены на царском некрополе Гонура в грунтовых ямах без погребальных приношений. Найдено три погребения ослов – одно (3597) в комплексе с тремя захоронениями баранов на юго-западе Гонур Деле (раскоп 16) (Дубова, 2008), второе (3340) – на северной окраине царского некрополя. Еще одна могила, где похоронен осел без головы и хвоста, была устроена на Большом некрополе Гонура. До изучения ее археозоологами (Pärpola, Janhunen, 2010) погребение приписывалось лошади (Сарияниди, 2001. С. 37–43; Sarianidi, 2008. Р. 126–132).

В настоящее время археозоологами подтверждено одно погребение молодой лошади в царской гробнице 3200 (Дубова, 2004. С. 279–280; Сатаев, 2008. С. 138–140). Кроме того, имеются находки отдельных фрагментов костяков лошадей (все определения останков принадлежат Р.М. Сатаеву). Наиболее крупный из них – плохо сохранившийся череп и лопатка этого животного (3766 на раскопе 9 в помещении 149), которые сопровождалась

черепами собаки и барана. На других территориях были дважды найдены передние конечности лошади (3479, 3473) и одиночный зуб (3405). Несколько отдельных зубов лошади раскопаны в заполнении двух погребений на раскопе 16. Зубы этого животного (в 3795 – один; в 3798 – два) находились на 10–15 см выше, чем погребальные приношения, стоявшие в подбое. Фрагментов других костей лошади ни в одном, ни в другом погребении не было. Ранее указывалось, что нижняя челюсть лошади присутствовала среди группы животных, подхороненных к цисте 2900 (Дубова, 2004. С. 257; Sarianidi, 2008. Р. 153), но эти остатки не сохранились по причине их очень плохого состояния, поэтому не могли быть определены специалистом-зоологом. Теперь с полной уверенностью можно говорить о присутствии домашней лошади в Маргиане, и есть все основания не согласиться с утверждениями как К. Мур (Moog, 1993. Р. 167–168), так и с более осторожными замечаниями Р. Мидоу (Meadow, 1993. Р. 73; Parpola, Janhunen, 2010. Р. 425–426) на эту тему.

Кроме эквид имеются и другие местонахождения специальным образом уложенных фрагментов костяков животных (в общей сложности 55). Среди них присутствуют и кости свиньи (три местонахождения костей конечностей и черепа). Эти находки весьма разнообразны и по контексту обнаружения, и по видовому составу, поэтому заслуживают отдельного описания.

Здесь имеет смысл немного внимания уделить трем сложным комплексам с остатками разных видов. Так, один из них раскопан на царском некрополе. Это неглубокая круглая грунтовая яма (4065), где семь собак лежали, как бы «продолжая» одна другую по спирали. Под ними находились позвоночник и таз осла, а также ветвь нижней челюсти овцы. В непосредственной близости выявлены могилы (4068, 4069) с одиночными захоронениями собак и челюстью свиньи.

Два других комплекса более значительные. Один из них (3900) уже получил свою публикацию (Сарианиди, Дубова, 2010; Sarianidi, Dubova, 2010): в «котловане» диаметром 6 м и глубиной до 2,5 м были похоронены семь человек, семь собак (еще одна была погребена в самостоятельной яме в верхнем слое кот-

лована), два верблюда и два осла. Здесь упомяну о новой находке, которая была сделана на северо-западе центрального комплекса (раскоп 19). Раскопки на этой территории курировались Н. Бороффкой из Немецкого археологического института, который был приглашен в состав Маргианской археологической экспедиции. Весной 2013 г. там был найден «котлован» (диаметр 6,5 м, глубина до 3 м) (4300), отличающийся от ранее известных тем, что его стенки изнутри были выложены сырцовым кирпичом. В верхнем слое котлована выявлено три скопления остатков животных. Определениями Р. Сатаева установлено, что скопление 1 содержит 85,4% костей крупного рогатого скота, 10,5% мелкого рогатого скота, 2,9% свиньи и 1,2% осла. Скопление 2 включает в себя 229 костей млекопитающих (34,4% крупного рогатого скота; 57,5% мелкого рогатого скота, 3,2% свиньи, 1,1% осла и 3,8% джейрана), 2 фрагмента костей птицы и фрагмент VII шейного позвонка человека. В скоплении 3, как установлено, находилась особь крупного рогатого скота возраста 1,5–3,5 лет, а также кости мелкого рогатого скота. Кости из скоплений 1 и 2 происходят от одних и тех же туш животных (минимальное число особей крупного рогатого скота – 2, овцы – 4, козы – 2, свиньи – 1, осла – 1), поэтому их следует рассматривать вместе. В этих скоплениях высок процент мелких фрагментов со следами раскалывания и обожженности, что характерно для кухонно-бытовых отходов. По всей видимости, они были сброшены/помещены в место нахождения одновременно. Скопление 3 имеет сходство с ранее описанным местонахождением 4164 (на том же раскопе), где имело место селективное захоронение (вместе с частью позвоночника крупного рогатого скота имелись только кости левых конечностей). Выявление двух сходных объектов позволяет рассматривать их как одну из форм ритуального использования животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В. Об останках животных в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // Центральная Азия. Источники, история, культура. М.: Восточная литература, 2005. С. 105–117.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // ТМАрЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 101–139.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // ТМАрЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166–179.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медия, 2001. С. 244.

Сарианиди, В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Деде) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Азбука, 2008. С. 149–152.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144–172.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Деде // ТМАрЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 138–142.

Meadow R. Continuity and change in the agriculture of the Greater Indus Valley // Intern. Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 19. Moscow, 1993. P. 63–77.

Moore K.M. Animal use at Bronze Age Gonur Depe // Intern. Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 19. Moscow, 1993. P. 164–176.

Parpola A., Janhunen J. On the Asiatic Wild Asses (*Equus hemionus* and *Equus kiang*) and their Vernacular Names // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 423–466.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon ed., 2008. 340 p.

Sarianidi V., Dubova N. Nouvelles sepultures sur le territoire de la «necropole royale» de Gonur Depe // Arts Asiatique. 2010. T. 65. P. 5–26.

**ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
МИФОЛОГИИ В III ТЫС. ДО Н. Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СВАТИЛИЩА МЕЦ СЕПАСАР)**

© 2014 г. Л.Г Еганян

*Центр арменоведческих исследований Ширака, Гюмри, Армения
(smuseum@web.am)*

Ключевые слова: бронзовый век, индоевропейцы, мифологические представления, куро-аракская культура, святилище, жертвоприношение волков.

Резюме. По материалам святилища, раскопанного на поселении куро-аракской культуры бронзового века Мец Сепасар в Армении (III тыс. до н.э.), обнаруженным здесь жертвоприношениям волков и культовым предметам делается попытка реконструкции ритуальных действий и связанных с ними мифологических представлений. Сравнение этих данных с материалами других археологических культур, связываемых с древним населением – вероятными носителями индоевропейских диалектов, а также с фольклорными материалами собственно Армении может свидетельствовать о проживании в эту эпоху на ее территории населения, бывшего носителем духовной культуры древних индоевропейцев.

Проблемы прародины индоевропейцев раскрыты далеко не полностью. В течение долгого времени предпринимались многочисленные попытки соотнесения реконструируемого лингвистами индоевропейского праязыка с конкретной культурной областью. Популярностью пользуются гипотезы о западноевропейской, северо-причерноморской прародине индоевропейцев. По мнению И.М. Дьяконова, прародина индоевропейцев со времен эпохи энеолита локализовалась в Европе, скорее всего, в зоне между Дунаем, Рейном и Волгой, и отсюда различные племена расселились на занимаемых ими территориях (Дьяконов, 1982).

Следуя гипотезе, выдвинутой З. Файстом, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают прародиной индоевропейцев Переднюю Азию, в особенности Армянское нагорье и Северный Иран, откуда они распространились в места их дальнейшего обитания (Джаукян, 1987. С. 74).

Говоря о местах возможного проживания индоевропейцев, следует различать первоначальные или исходные территории и области, занимавшиеся ими на разных этапах раз-

деления. К первоначальным может быть отнесена область, где жили только что вышедшие из ностратической общности племени или, если отрицается эта версия, где они общались с семитскими и другими народами. Наиболее популярна локализация этой области в Передней Азии. Что касается дальнейшего разделения и обособления ветвей, то здесь в большинстве случаев важное значение придается разным районам Европы. Возможно, что деление индоевропейской общности было достаточно длительным процессом. Долгое время бытовало мнение, что интенсивное разделение индоевропейских племен происходило в середине III тыс. до н.э. В современной науке принято, что период индоевропейской общности относится к V–IV тыс. до н.э. Исследования армянского языка показывают, что в III–II тыс. до н.э. некоторые языки, в том числе и армянский, уже выделились из общего массива. Представление, что прародина индоевропейцев была на севере Балканского полуострова, сейчас по новым данным лингвистических исследований поставлено под сомнение (Джаукян, 1987. С. 75–77).

По археологическим и лингвистическим источникам, ранняя область обитания носителей древней индоевропейской культуры в IV–III тыс. до н.э. локализуется в южнороссийских степях, на юго-востоке Европы и северо-востоке Передней Азии (Иванов, Топоров, 1991).

Изучение археологических памятников среднего и позднего бронзового века между речья Куры и Аракса и сопоставление найденных материалов с некоторыми сюжетами индоевропейской мифологии позволяет утверждать, что на данной территории в это время уже проживало население, бывшее носителем духовной культуры индоевропейцев. Ранее были высказаны предположения о возможности соотнесения местных археологических культур с индоевропейцами. Основанием для такого заключения послужили предположение о связи подкурганых захоронений с повозками со степными культурами Восточной Европы, сопоставление обряда кремации хеттских царей с предполагавшейся кремацией в курганах триалетской культуры, а также анализ форм керамики и других артефактов среднего бронзового века из Малой Азии и Закавказья (Аресян, 1988. С. 102).

Среди памятников куро-аракской культуры раннебронзового века, обнаруженных на территории Армении, выделяется Мец Сепасар, где раскопано святилище прямоугольной в плане формы, ориентированное углами по линии СЗ–ЮВ (длина 5,5, ширина 4,7 м) и датированное XXVIII–XXVI вв. до н.э. В святилище на полу были найдены останки семи жертвенных волков, один из которых находился около очага (Еганян, 2011).

Раскопки дают возможность восстановить характер проводившихся здесь обрядов. Сопоставление найденных *in situ* археологических материалов с письменными источниками, с обычаями и ритуалами индоевропейских народов показывает, что речь, скорее всего, может идти о празднике, в ходе которого совершались четкие действия, среди которых – жертвоприношение волков, возлияние, приношения даров, ритуал открывания сосудов, запечатанных еще осенью. Жертвоприношение волков свидетельствует, что племена, осуществлявшие данный ритуал, имели определенные религиозные взгляды и

соответственными ритуалами выражали особое отношение к миру, а ритуал закрывания и открывания символизирует чередования «жизнь–смерть–возрождение» (Еганян, 2012. С. 272).

Праздник начинался во время появления самой яркой звезды созвездия Орион – Бетельгейзе. Появление звезды означало начало земледельческого календарного цикла, было знаком прорыва солнечных лучей сквозь зимнее небо, в индоевропейских мифологических представлениях воспринималось как знак победы Громовержца над Драконом. Праздник мог включать в себя изложение мифа или драматизированные действия, воспроизводящие его содержание. Наши предположения основаны не только на письменных источниках (хеттские « царские» ритуалы), но и на армянских верованиях и обычаях, особенно «молитвах завязывания волков», которые не читаются, а поются и часто сопровождаются ритуальными действиями (Абеян, 1975. С. 93).

«Молитвы завязывания волков» сопоставимы с хеттским ритуалом для войска, потерпевшего поражения в сражении. Такое войско проходило через ворота, сооруженные из боярышника, по сторонам которых клали разрезанных на две половины человека, козла, щенка и поросенка, затем по обе стороны разжигали костры. Через ворота между кострами, направляясь к реке, проходило хеттское войско. Войдя в воду, воины обрызгивали друг друга водой (Ардзинба, 1982. С. 67).

Сопоставление текстов молитв с хеттским ритуалом, верованиями индоевропейских народов, а также с археологическим материалом приводит к выводу, что в молитвах отражен весь процесс жертвоприношения волка и это главный смысловой пункт древнейшего ритуала (Еганян, 2012. С. 284).

Праздники и обряды, посвященные подготовке к новому хозяйственному году и обеспечению роста урожая, концу зимы и началу весны, так или иначе отражают общую идею пробуждения природы. Совершение ритуалов было приурочено к переходным периодам в жизни природы и рассматривалось как необходимый и действенный способ для достижения основной цели обряда – поддержания

естественного порядка в природе и окружающем мире.

Археологический материал открывает новые возможности для исследования рожденных из мифологических восприятий жизни и смерти верований, культовых представлений и обрядов индоевропейских племен. Изучение символов и знаков на ритуальных сосудах, найденных в святилище, также указывает, что стилизованные изображения на них отображают определенные моменты верований и связанных с ними ритуалов.

Зарождение верований индоевропейских племен формировалось в определенной географической среде, и сильнейшие представители характерной для нее фауны стали объектом почитания, а в ряде случаев покровителями-божествами. В их число вошел и волк.

Итак, археологические свидетельства об остатках жертвоприношений, предметах культа и проч. служат важным источником для реконструкции древнего мировоззрения, мифологии, самих культов. Общеиндоевропейская мифология, реконструируемая и изучаемая лингвистами, филологами и фольклористами, находит выразительные параллели в материалах памятника III тыс. до н.э. Мец Сепасар. Данный факт в свою очередь может служить подтверждением проживания в эту эпоху на территории Армении населения, которое было носителем духовной культуры индоевропейцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абемян Р. Труды. Т.VII. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1975 (на арм. яз.).

Арешиян Г.Е. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тыс. до н.э. // ВДИ. 1988. № 4. С. 84–102.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.

Джаукян Г. История армянского языка (предписьменный период). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987 (на арм. яз.).

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3. С. 3–30; № 4. С. 11–25.

Еганян Л.Г. Жертвоприношение волков в раннебронзовом Мец Сепасаре // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Междунар. конф. Тбилиси: Меридиан, 2011. С. 119.

Еганян Л.Г. Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов // Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 272–290. (ТМарЭ; Т. 4).

Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. С. 527–533.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

© 2014 г. М.В. Ивашов

*Липецкий государственный педагогический университет, Липецк
(m-ivashov@yandex.ru)*

Ключевые слова: среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы, терновской тип, верхнедонской тип, Верхний Дон.

Резюме. В статье рассматривается топография всех известных на сегодняшний день бытовых памятников катакомбной культуры в бассейне Верхнего Дона. Анализируется их расположение и распространение на разных этапах существования культуры.

К настоящему времени в бассейне Верхнего Дона выявлено 177 поселений катакомбной культуры, 136 из них находится на р. Воронеж и только 41 собственно на р. Дон и других его притоках (при дальнейшем изложении с известной долей условности две эти группы будут обозначаться, как памятники р. Воронеж и памятники бассейна Верхнего Дона).

По топографии мы разделили поселения катакомбной культуры Верхнего Дона на несколько групп: расположенные на дюнах в поймах рек; террасовые поселения, которые подразделяются на высокие (боровые) и низкие (на террасах высотой до 5 м); мысовые поселения, которые также делятся на низкие (до 5 м) и высокие.

При рассмотрении всех известных катакомбных поселений Верхнедонского региона в целом следует отметить, что большая их часть тяготеет к основному руслу крупных водных артерий – 122 памятника (68,9%). По их топографии можно сделать вывод, что население катакомбной культуры предпочитало низкие пойменные участки, на которых выявлено 121 поселение (68,3%).

Низкое расположение большинства памятников катакомбного времени связано с несколькими факторами: сложившейся политической ситуацией в регионе (относительно мирным сосуществованием пришлое катакомбного населения с местным не- и энеолитическим в рамках благоприятных условий лесостепи); с особенностью хозяйства населе-

ния (значимую роль в котором играли присваивающие формы). Отметим, что топография памятников подтверждает данные палеогеографов об аридизации климата, которая дала возможность заселить низкие участки поймы.

Для подтверждения этих выводов рассмотрим топографические особенности катакомбных поселений Верхнего Дона по выделяемым нами хронологическим этапам (см. *рисунок*). На раннем этапе катакомбное население Верхнего Дона представлено двумя типами: верхнедонским и терновским (Ивашов, 2005).

Учтено 44 поселения верхнедонского типа, из которых 28 находятся непосредственно на берегах р. Воронеж, еще 8 – на его притоках, 7 – на берегах р. Дон, кроме этого Губаревское городище располагается на р. Ведуга. Поселения в бассейне р. Дон располагаются достаточно равномерно, хотя и выделяется их концентрация у сел Замятино, Ксизово. Южнее, на территории Среднего Дона, материалы верхнедонского типа также известны в единичных экземплярах на исследованных памятниках (Архангельское городище, Костенки-4 и 8). Фрагменты керамики верхнедонского типа выявлены и в слое Таганского грунтового могильника (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 75. Рис. 2, 3). Характерно, что на всех донских поселениях культурный слой слабонасыщен, за исключением Замятино-10 и Семилукского городища. Карта распространения памятников верхнедонского типа пока-

зывает, что в бассейне р. Дон самое северное – местонахождение керамики (Пункт 51) недалеко от устья р. Красивая Меча.

В бассейне р. Воронеж ситуация несколько иная: поселения расположены на дюнах и невысоких надпойменных террасах – 30 памятников, на высоких участках их выявлено всего 6.

Поселения вытянулись цепочкой по р. Воронеж, и даже те из них, которые располагаются на притоках, тяготеют к основному руслу реки. Так же, как и для донских поселений, характерна слабая насыщенность слоя. На 33 памятниках проводились раскопочные работы, но полученные коллекции керамики верхнедонского типа малочисленны, исключение составляет поселение Студеновка-3, которое также одно из самых северных в этой группе.

Что касается поселений терновского типа, то их пока выявлено немного – всего 10: 6 на р. Дон и 4 на р. Воронеж. По топографии четыре донских поселения расположены на высоких мысах и два в пойме, воронежские, наоборот, – три в пойме реки и одно на высоком мысу. Самый северный выявленный пункт на р. Дон – поселение у с. Волотово, а на р. Воронеж – Липецкое Озеро и Рыбное Озеро-2.

Таким образом, большинство ранних поселений располагается в пойме и на низких террасах, а также непосредственно на берегах крупных рек. Скорее всего, это связано с тем, что освоение Верхнего Дона носителями катакомбных традиций происходило лишь по главным водным артериям региона, хотя в целом такой алгоритм расселения типичен и для последующих этапов катакомбной культуры, а мелкие притоки и ручьи полностью освоены лишь срубной культурой эпохи поздней бронзы (Бессуднов, Мельников, 2001).

Ко второму этапу катакомбной культуры на Верхнем Дону мы отнесли 116 поселений (на 44 из них проводились раскопочные работы). В бассейне р. Дон на сегодняшний момент известно 26 поселений, 16 из которых находятся на берегах основного русла реки и еще 10 – на ее притоках. На р. Дон самый северный пункт – городище в урочище «Курган» у с. Каменка. Западную окраину маркируют поселение 2-й Волковский-2 на р. Олым и местонахождение Замарайка на р. Кшень.

Поселения разбросаны по бассейну Дона преимущественно несколькими группами: в районе Задонской Луки и в нижнем течении р. Ведуга. По топографии донские поселения разделены на три группы: на дюне выявлено только 2 поселения (Ямное и Гнездилово); на террасах располагаются 5, причем высота 4 из них не превышает 5 м; на мысах выявлено 19 памятников, из которых 3 поселения – на низких, а остальные – на высоких.

На р. Воронеж поселений насчитывается 90: большинство из них (68) тяготеет к основному руслу реки, еще 22 находятся на притоках, практически все они также располагаются в устьевой части, реже – в среднем течении. Самый северный пункт для данного этапа катакомбной культуры на р. Воронеж – поселение у с. Старое Торбеево.

Поселения цепочкой тянутся по обоим берегам р. Воронеж, образуя несколько очагов концентрации: в нижнем течении р. Матыра, в среднем и нижнем течении р. Воронеж и т.д.

По топографии, как и донские памятники, поселения на р. Воронеж разделены на три группы. Количество поселений, выявленных на дюнах в поймах рек, оказалось преобладающим – 37 (41,2%); расположенных на террасах – 33, из них 13 (14,4%) – на высоких и 20 (22,2%) – на низких. Памятников, обнаруженных на мысах, – 20, из которых 11 (12,2%) относятся к категории высоких и 9 (10%) низких.

Анализируя поселения развитого этапа на Верхнем Дону по топографии, отметим, что они занимают ту же территорию, что и на раннем этапе, сохраняются и основные тенденции размещения: они тяготеют к основному руслу крупных рек – 84 (72,4%) – и предпочитают заселять низкие участки на дюнах, низких террасах и мысах 65 (56%).

Поселений третьего (валикового) этапа в бассейне р. Дон выявлено пока 15, из которых только 5 располагаются вблизи основного русла реки, а 10 – на притоках Дона, но в отличие от предыдущих этапов большинство поселений рассматриваемого этапа располагается на притоках второго и даже третьего порядков. Самые северные пункты на р. Дон – два местонахождения керамики в г. Лебедянь (Лебедянь-4 и Покрово-Инвалидная-4). Поселений так мало, что говорить о каких-либо

График расположения поселений катакомбной культуры на Верхнем Дону.

очагах концентрации невозможно. Если анализировать топографическое расположение памятников, то оно следующее: по одному поселению выявлено на дюне и на высоком мысу, остальные – на террасе (на высокой – четыре, на низкой – девять).

Поселения, располагающиеся на р. Воронеж, более многочисленны, чем на р. Дон, уступая по численности развитому этапу, – 56. Как и на более ранних этапах, они тяготеют к основному руслу реки, где их выявлено 37. Еще 19 известно на притоках р. Воронеж, как и на Дону, в отличие от более ранних этапов здесь появляются памятники, удаленные от основного русла реки, на притоках второго и третьего порядков.

По области распространения они занимают практически одинаковую территорию с более ранними поселениями: самые северные

– группы поселений на правых притоках Воронежа, реках Становая Ряса и Ряса (Рошинский-31 и Пункт 390).

По топографическим характеристикам сохраняются те же закономерности: 14 поселений выявлено на дюнах в пойме реки, 29 – на террасах (7 – на высокой и 22 – на низкой), и 13 памятников находятся на мысах (7 – на высоких, 6 – на низких).

Проанализировав топографию поселений катакомбного времени на разных этапах, можно сделать несколько выводов:

– по результатам картографирования была установлена примерная северная граница проникновения носителей катакомбных традиций в бассейн Верхнего Дона на разных этапах. Примечательно, что в целом эта территория практически оставалась неизменной.

И только на последнем (валиковом) этапе граница продвигается несколько севернее;

– население катакомбной культуры предпочитало осваивать более удобный бассейн р. Воронеж. Показательно, что на разных хронологических этапах локализация большинства памятников и Дона, и Воронежа практически совпадает (район Острой Луки, низовья рек Воронеж и Ведуга), причиной чему могло служить удобство организации хозяйственной деятельности;

– важной чертой для характеристики особенностей расселения катакомбных племен является, на наш взгляд, смена предпочтений в расположении памятников от основного русла к притокам: поселения раннего этапа приурочены к основному руслу рек Дон и Воронеж (79,2%!); на более поздних этапах начинается освоение притоков, а доля памятников на берегах крупных рек на позднем этапе значительно уменьшается (59,2%);

– топографическое расположение памятников хорошо иллюстрирует представленный график (см. *рисунок*), на котором отмечены два интересных факта: население раннего этапа предпочитало заселяться на дюнах (50% памятников) и на высоких мысах (22,9%), а позднего этапа – на низких террасах (43,7%). В то же время для развитого этапа количество памятников на дюнах, низких террасах и высоких мысах примерно одинаковое. На наш взгляд, на ранних этапах такая тенденция была предопределена больше аридизацией,

чем экономической направленностью, а на более поздних – именно хозяйством, основанном на скотоводстве, ориентированном на разведение крупного рогатого скота;

– характерной чертой культурного слоя поселений катакомбной культуры на Верхнем Дону для всех этапов является достаточно слабая насыщенность находками, что, на наш взгляд, было связано с хозяйственной деятельностью;

– количество памятников позднего этапа сокращается, это свидетельствует об оттоке катакомбного населения с территории Верхнего Дона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н. Динамика заселения племенами срубной культуры территории Верхнего Дона // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Мат-лы конф. Самара: Изд-во НТЦ, 2001. С. 207–213.

Ивашов М.В. Ранний этап катакомбных древностей на Верхнем Дону // *II Городцовские чтения.* Мат-лы конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003. М.: ГИМ, 2005. С. 108–117. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовый могильник // *Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А.Д. Пряхин.* Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1999. С. 72–79.

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ-ТЕПЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЮГО-ЗАПАДА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ

© 2014 г. Л.Б. Кирчо

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(L_kirtcho@mail.ru)*

Ключевые слова: стратиграфия, многослойные поселения-тепе, Средняя Азия, неолит, эпоха палеометалла, абсолютная хронология.

Резюме. Стратиграфия многослойных поселений-тепе эпохи неолита–палеометалла на юго-западе Средней Азии, современные данные о палеоклимате и скорости накопления культурных слоев на Алтын-депе, а также суммарный анализ радиоуглеродных датировок показывают, что развитие оседлоземледельческой культуры в подгорной полосе Копетдага от начала джейтунского неолита до начала позднего этапа периода средней бронзы протекало в течение не менее 4200 лет, т.е. примерно в 6300/6200–2100 гг. до н.э.

Открытие джейтунской неолитической культуры и исследования оседлоземледельческих памятников эпохи неолита – палеометалла на юго-западе Средней Азии являются одним из наиболее значимых достижений советской археологии XX в.

Изучение многослойных поселений-тепе показало, что развитие древнеземледельческих культур в Южном Туркменистане шло без значительных перерывов от джейтунского неолита до позднего бронзового века включительно. Для джейтунской культуры было выделено три этапа развития (Бердыев, 1969. Рис. 4; Массон, 1971. С. 54–60)¹, а периодизация памятников эпохи палеометалла основана на стратиграфии Северного и Южного холмов Анау (культуры Анау I–IV) и Намазга-депе – самого крупного на территории Туркменистана поселения эпохи энеолита – поздней бронзы, и отражает в первую очередь последовательную смену наиболее ярких черт керамических комплексов, связанных с изменениями технологии гончарства и системы орнаментации керамики.

В результате стратиграфических исследований Намазга-депе Б.А. Куфтиным были выделены шесть основных этапов развития

культурных комплексов: ранний энеолит – период Намазга I (Анау IB), средний энеолит – период Намазга II (Анау II), поздний энеолит – период Намазга III, и три периода эпохи бронзы (Анау III): ранняя бронза – период Намазга IV, средняя бронза – период Намазга V и поздняя бронза – период Намазга VI (Куфтин, 1956), первоначально датированные в целом концом V – второй половиной II тыс. до н.э. (Массон, 1956. С. 239, 243, 249; 1964. С. 126, 147)².

Дальнейшее изучение многослойных поселений Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы позволило детализировать культурно-историческую характеристику и выделить локальные особенности групп памятников, дать более подробную периодизацию и значительно удревнить первоначально предложенные абсолютные датировки (Массон, 1982; 2006. С. 31–34, 42–70).

Современные исследования палеоклимата показали существование трех глобальных эпизодов похолодания (для северных регионов) и аридизации (для южных) на большей части Евразии в голоцене, определяемых, как «событие 8200 cal BP», «событие 5300 cal

² Периодизация и хронология памятников периода поздней бронзы и раннего железного века – времени Намазга VI и Яз I–III (Анау IV) в данной работе не рассматривается.

¹ Учитывая ограниченный объем данной работы, ссылки даны только на основную литературу.

ВР» и «событие 4200 cal BP» (Иванова, Киосак, Виноградова, 2011. С. 108–109, 114, 125–126. Рис. 4). По археологическим данным, на Среднем Востоке особенно ярко проявляются исторические последствия «события 4200 cal BP» – гибель Аккадского царства, прекращение или перерыв в обитании на ряде крупных поселений древнего Ирана, конец периода расцвета хараппской цивилизации и т.д. Для юга Средней Азии даты этих «событий» определяют начало основных этапов расселения и культурно-хозяйственного развития: 1) возникновение древнеземледельческих культур эпохи неолита – среднего энеолита; 2) начало процесса концентрации населения на ограниченном числе крупных памятников и появление в конце периода среднего энеолита геоксюрского археологического комплекса, послужившего культурной и технико-технологической основой культуры периода ранней бронзы и раннегородской цивилизации Алтын-депе периода средней бронзы (Кирчо, 2009. С. 39–43); 3) затухание интенсивного обживания поселений подгорной полосы Копетдага и широкое освоение древней дельты р. Мургаб, где в конце III тыс. до н.э. формируется раннегосударственное образование древневосточного типа (Сарианиди, 2002).

Для IV и III тыс. до н.э. принципиально важны данные стратиграфии Алтын-депе – второго по размерам (после Намазга-депе) южнотуркменистанского поселения бронзового века (Массон, 1981). Последовательность и мощность культурных напластований были исследованы на разных участках поселения, а для изучения генезиса культуры и производственной базы древнейшего протогорода времени Намазга V на Алтын-депе были проведены широкомасштабные стратиграфические работы на раскопе 5, в результате которых получены массовые стратифицированные материалы, характеризующие археологические комплексы и разнообразные виды производства периодов позднего энеолита и ранней бронзы (Особенности..., 2001; Кирчо, Коробкова, Массон, 2008; Кирчо, 2009).

Изучение стратиграфии Алтын-депе показало, что поселение было основано как минимум на позднем этапе периода раннего энеолита, а общая толщина изученных куль-

турных слоев составляет около 20 м (Кирчо, 2005. Рис. 2).

На основании анализа радиоуглеродных датировок Алтын-депе и других памятников Южного Туркменистана (Кирчо, Попов, 2005), в том числе полученных в последние два десятилетия дат комплексов периода среднего энеолита из Илгынлы-депе (Кирчо, Попов, 2005. Табл. 3) и периода средней бронзы из Гонур-депе (Зайцева и др., 2008. Табл. 1), можно полагать, что развитие культуры эпохи среднего энеолита – средней бронзы на юге Средней Азии происходило в интервале 3650–1850 гг. до н.э. При этом на Алтын-депе материалы позднего этапа периода средней бронзы представлены лишь в поверхностных слоях и в погребениях на ряде поздних участков. Суммарная мощность напластований периода среднего энеолита – начала позднего этапа периода средней бронзы на Алтын-депе составляет около 14,5 м и соответствует 19–21 строительным горизонтам. Таким образом, скорость накопления культурного слоя составляла около 0,85–0,9 м за 100 лет при средней толщине строительного горизонта 0,7–0,75 м, накапливавшейся примерно за 75–80 лет.

Рассматривая стратиграфию многослойных поселений-тепе Южного Туркменистана в целом (см. *таблицу*), можно полагать, что развитие оседлоземледельческой культуры в подгорной полосе Копетдага от начала джейтунского неолита до начала позднего этапа периода средней бронзы протекало в течение не менее 4200 лет ($37 \text{ м} : 0,85 \text{ м} = 4350 \text{ лет}$ или $57 \text{ горизонтов} \times 75 \text{ лет} = 4275 \text{ лет}$), т.е. примерно в 6300/6200–2100 гг. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.

Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1969. 120 с.

Бердыев О.К. Монджуклы-депе – многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане // Каракумские древности. Вып. IV. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 11–34.

Бердыев О. Материальная культура Туркменистана в период энеолита и раннего энеолита //

Основные этапы развития оседло-земледельческих культур юго-запада Средней Азии в эпоху неолита – средней бронзы (по данным стратиграфии многослойных поселений-тепе)

Культурно-хронологические этапы (периоды)	Памятник	Толщина культурного слоя (м)	Количество строительных горизонтов	Литература
Намазга V	Намазга-депе	>2,5	>3	Ганялин, 1956. С. 63–64.
	Алтын-депе	3–3,5	4	Кирчо, 2005. С. 319–323. Табл. VI–VIII. Рис. 2.
Намазга IV	Намазга-депе, шурф 1	4	5	Литвинский, 1952. Рис. 4.
	Алтын-депе, раскоп 5	4	5–6	Кирчо, 2005. С. 317–318. Табл. III. Рис. 2. Кирчо, Коробкова, Массон, 2008. Рис. 2, 3, 9–10.
	Хапуз-депе, шурф	5	?	Сарианиди, 1964. С. 62–63.
Намазга III	Намазга-депе, шурф 1	2,5	?	Массон, 1982. С. 35.
	Кара-депе, раскоп 2	2,5	3	Массон, 1982. С. 35.
	Алтын-депе, раскопы 1 и 5	3,2	5	Кирчо, 2005. С. 315–318, Табл. II–IV, VIII. Рис. 2. Кирчо, Коробкова, Массон, 2008. С. 13–17, 19, 28–48. Табл. I. Рис. 2, 3, 9–12, 17.
	Геоксюр 1, шурф 1	1	1	Сарианиди, 1960. С. 269–271. Рис. 15.
Намазга II (Анау II)	Северный холм Анау	5	?	Массон, 1982. С. 26.
	Северный холм Анау	>4	4	Курбансахатов, 1987. С. 27–29. Рис. 55.
	Елен-депе, шурф	5 (6?)	6 (7?)	Кирчо, 2000. С. 182–183.
	Намазга-депе, шурфы 1 и 5	2,5	?	Массон, 1982. С. 26.
	Кара-депе, раскоп 1	5	6	Массон, 1982. С. 26.
	Алтын-депе, шурф раскопа 11	4,8		Кирчо, Коробкова, Массон, 2008. С. 20–22. Рис. 6, 17.
	Илгынлы-депе, раскоп 3	~4,5	6	Березкин, Соловьева, 1998. Рис. 3–6, 8–11. Соловьева, 2011. Рис. на с. 106.
	Геоксюр 1, шурф 1	6	6	Сарианиди, 1960. С. 271–274. Рис. 15.
Намазга I (Анау IB)	Северный холм Анау	8	14	Курбансахатов, 1987. С. 30–42. Рис. 55.
	Северный холм Анау	10–11	?	Массон, 1982. С. 21.
	Дашлы-4, шурф 2	> 8	15	Пилипко, 2004. С. 351–354. Рис. 5.
	Намазга-депе, шурф 1	6	?	Пилипко, 2004. С. 364.
Культура Анау IA	Северный холм Анау, шурф	3,5	5	Ершов, 1956. С. 27. Рис. 1.
	Северный холм Анау	3	2	Курбансахатов, 1987. С. 42–43. Рис. 55.
	Каушутское поселение	3,5	?	Бердыев, 1976. С. 16.
	Монджуклы-депе	3	4	Бердыев, 1972. С. 11.

Джейтунская культура (средний и поздний этапы)	Чагаллы-депе	6,5	12	Бердыев, 1969. С. 30–32.
	Монджуклы-депе, шурф	3,5	5	Бердыев, 1972. С. 11.
Джейтунская культура (ранний этап)	Джейтун, шурф 1	3,5	5	Массон, 1971. С. 9–10. Рис. 1.
Всего:		~ 37	57–58	

Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 7–81.

Ганялин А.Ф. К стратиграфии Намазга-тепе // ТИИАЭ. Т. II. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 37–66.

Ершов С.А. Северный холм Анау (Отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.) // ТИИАЭ. Т. II. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 24–36.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Югнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // ТМарЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166–179.

Иванова С.В., Киосак Д.В., Виноградова Е.И. Модели жизнедеятельности Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6200–2000 лет до н. э.) // Stratum plus. 2011. № 2. С. 101–140.

Кирчо Л.Б. Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 177–194.

Кирчо Л.Б. Стратиграфия Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) СПб.: Нестор-История, 2005. С. 315–323.

Кирчо Л.Б. Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 50 с.

Кирчо Л.Б., Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с.

Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н. э. // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. С. 528–539.

Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад: Ылым, 1987. 168 с.

Куфтин Б.А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 260–290.

Литвинский Б.А. Намазга-тепе. По данным раскопок 1949–1950 гг. // СЭ. 1952. № 4. С. 30–52.

Массон В.М. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (Энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 233–259.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с. (МИА; № 180).

Массон В.М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с.

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 9–92. (Археология СССР).

Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2006. 384 с.

Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Ред. В.М. Массон. Сост. Л.Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 212 с.

Пилипко В.Н. Стратиграфия поселения Дашлы-4 (Каахкинский р-н, Туркменистан) // У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В.И. Саррианиди. М.: Старый сад, 2004. С. 349–367.

Саррианиди В.И. Энеолитическое поселение Геокюр // ТЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1960. С. 225–318.

Саррианиди В.И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.

Саррианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Aşgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2002. 360 с.

Соловьева Н.Ф. Исследования поселения Илгынлы-депе // Памятники истории и культуры Туркменистана. Ашхабад: Туркм. гос. изд. служба, 2011. С. 101–117.

КЕРАМИКА С ОРНИТОМОРФНЫМ ОРНАМЕНТОМ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III¹

© 2014 г. К.Ю. Кирюшин, Ю.В. Кирюшина

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск

(kirill-kirushin@mail.ru)

Алтайский государственный университет, Барнаул

(ykirushina@mail.ru)

Ключевые слова: керамика, орнитоморфный орнамент, культурная принадлежность, орнаментальные традиции, «уточка», гагара.

Резюме. В материалах поселения эпохи энеолита Кулундинской степи Новоильинка III найдены фрагменты керамики с изображением водоплавающей птицы. Керамический комплекс памятника имеет черты сходства с материалами гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной общности, протянувшейся от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) до Северного Казахстана. Орнитоморфные образы поселения Новоильинка III демонстрируют общие черты (образ водоплавающей птицы), характерные для центральных районов этой общности и специфичные (образ конкретной птицы – гагары), определяющие периферийное расположение памятника.

Памятник Новоильинка III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто 40 м². В 2010–2013 гг. на поселении исследовано 560 м² (Кирюшин, Ситников, 2013. С. 210). По костям животных с поселения Новоильинка III получена серия радиоуглеродных дат: 4270±170 л.н. (Ле-7534), 4585±170 л.н. (СОАН-8318), 4310±110 л.н. (СОАН-8319), 4250±120 л.н. (СОАН-8320), что позволяет датировать материалы памятника серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревняет время формирования культурного слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (вероятность 68,2%) составил интервал от 3650–3600 ВС до 2650–2630 ВС. Максимальный разброс по сигме 2 (вероятность 95,4%) составил интервал от 3700–2850 ВС до 3500–2400 ВС.

Анализ каменной индустрии поселения Новоильинка III позволяет сделать вывод, что в материалах памятника отсутствуют следы пластинчатой техники и что все орудия изготовлены на отщепках. Причем, судя по полученным радиоуглеродным датам, материалы

памятника относятся к рубежу энеолита и ранней бронзы (Кирюшин и др., 2013. С. 161).

Вся посуда поселения Новоильинка III остродонная. У 18 сосудов частично или полностью реконструируются формы. Судя по обнаруженным днищам, керамическая коллекция памятника представлена фрагментами не менее чем от 30 сосудов.

Керамика поселения Новоильинка III по технике орнаментации подразделяется на несколько групп:

- 1) отпечатки отступающей палочки с элементами накальвания и ряды ямок (отступающе-накольчато-ямочная);
- 2) отпечатки шагающей гребенки;
- 3) короткий гребенчатый штамп;
- 4) ряды ямок;
- 5) неорнаментированная.

Наиболее представительная группа в керамических коллекциях памятника (90%) – керамика, декорированная отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания и рядами ямок. Отступающее-накольчатый прием был так искусно отработан, что внешне выглядел почти зубчатым орнаментом. Все

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-01-00340а.

дело в том, что при создании декора данным приемом мастер при наколах не приподнимал инструмент выше поверхности сосуда и планомерно следовал предполагаемой линии рисунка. Таким образом сохранялась общая линия наносимого орнамента за счет постоянного придавливания инструмента в теле сосуда.

Керамика поселения Новоильинка III интересна своеобразием орнаментального решения. Для сосудов, орнаментированных отступающей накольчатой техникой, характерно сплошное заполнение поверхности сосуда от венчика до днища. Ямки образуют ряды, в нескольких случаях – пары рядов. Только в одном варианте они расположены хаотично. Днище некоторых сосудов оформлено самостоятельными лучевыми орнаментальными мотивами.

Орнаментированная поверхность всех представленных на памятнике сосудов имеет линейное композиционное решение:

- 1) орнамент в виде рядов прямых и волнистых линий;
- 2) геометрические фигуры, разделенные рядами прямых и волнистых линий;
- 3) ряды елочки;
- 4) орнитоморфные фигуры и ряды прямых и волнистых линий.

В единичном случае имеется композиционное решение в виде шахматного орнамента.

По изобразительным характеристикам орнаментальные мотивы керамики поселения Новоильинка III можно разделить на неизобразительные и смешанные. Неизобразительный орнамент представлен геометрическими мотивами: круги, лучи, прямые, зигзагообразные линии. В смешанном орнаменте одновременно присутствуют геометрические мотивы и орнитоморфные изображения («уточка»).

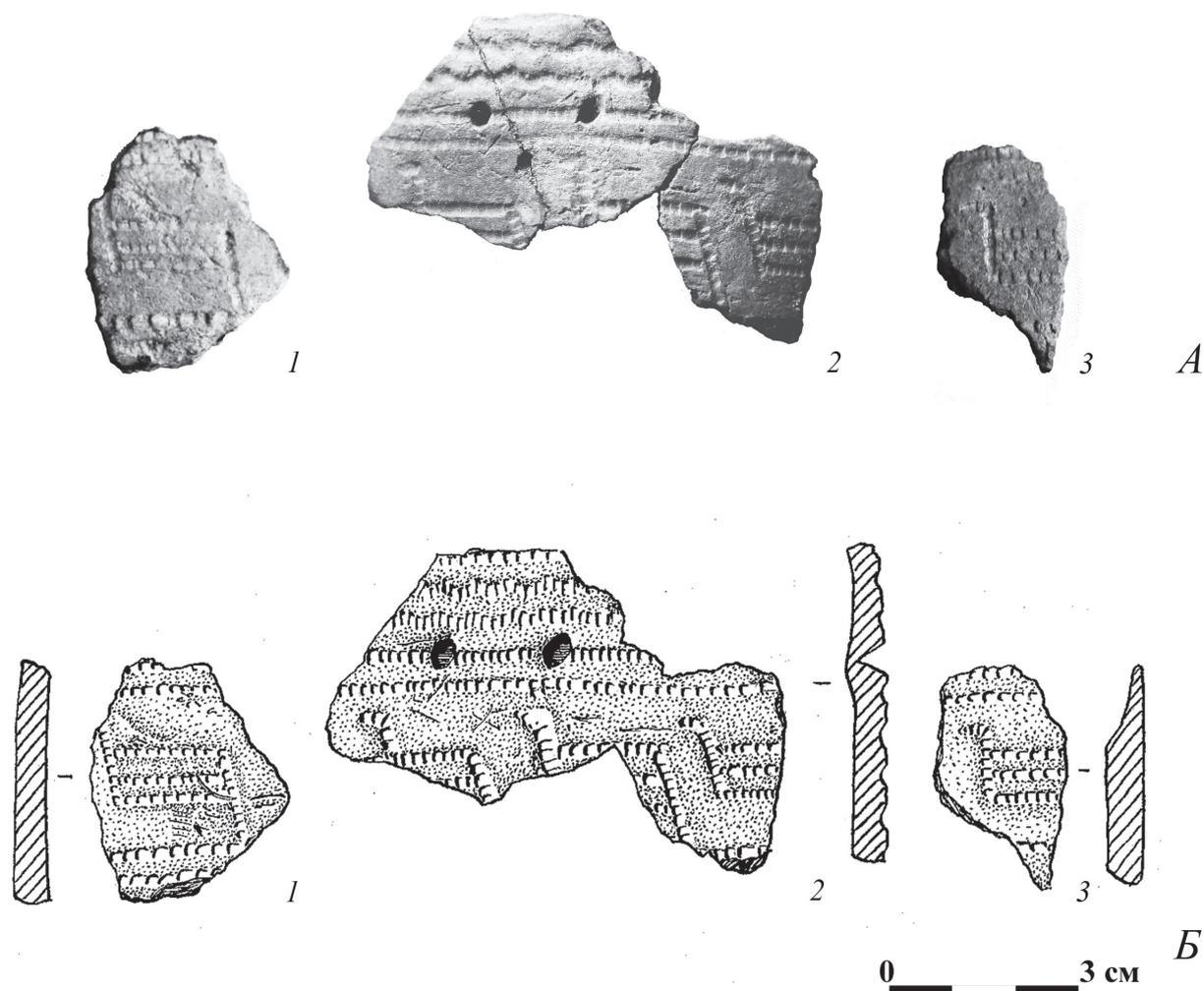
В данной работе подробно остановимся на орнитоморфных изображениях. Всего на поселении Новоильинка III обнаружено пять фрагментов керамики с орнитоморфным орнаментом, три из которых апплицируются. Все фрагменты – по-видимому, обломки от одного сосуда небольшого размера, по периметру которого нанесены изображения «уточек».

На самом крупном фрагменте хорошо просматривается изображение трех «уточек»

(см. *рисунок, А, Б, 2*). Выше «уточек» расположены два ряда волнистых линий и два ряда прямых линий, разделенные рядами наколов. Ниже орнитоморфных изображений проходит прямая линия. У двух крайних «уточек» четко читаются голова, шея, туловище. У центральной – голова, шея, туловище и нога. На другом фрагменте хорошо угадываются голова, шея, туловище (см. *рисунок, А, Б, 3*). На последнем фрагменте керамики сохранились только шея, туловище и нога (см. *рисунок, А, Б, 1*). Образы водоплавающих птиц выглядят схематично. Несколькими нажимами отступающей палочки переданы голова и длинная шея. Туловище птицы имеет форму прямоугольника, заполненное тремя параллельными рядами отступающей палочки. К сожалению, из четырех изображений птиц нет ни одного целого. У каждого изображения отсутствуют какие-либо детали. Можно только отметить, что правое изображение в ряду из трех «уточек» (см. *рисунок, А, Б, 2*) немного отличается от остальных. Шея птицы расположена с наклоном вперед. У всех остальных шея расположена вертикально.

Изображения птиц на керамике – редкий сюжет в археологии Западной Сибири (Бобров, 2013. С. 5–12), Среднего Зауралья (Чаиркина, 2005. С. 240–243) и Урало-Иртышского междуречья (Мосин, 2003. С. 98–99). Если рассматривать только изображения «уточек» и только близкие по времени памятники неолита и энеолита, то количество аналогий становится еще меньше и сокращается их география. Наиболее близкие аналоги – изображения птиц на керамике энеолитических памятников Среднего Зауралья: Аятское Правобережное и Шигирское городища (Чаиркина, 2005. С. 240–243), могильник Ишкиновка I (Мосин, 2003. С. 98–99). Это изображения, которые по мнению В.В. Боброва, приобретают вид символического знака, напоминающего зеркальное отражение буквы Z (Бобров, 2013. С. 5–12). Голова и туловища этих изображений практически идентичны «уточкам» Новоильинки III, и они действительно напоминают букву Z (без зеркального отражения), но у изображений поселения Новоильинка III присутствует такой важный элемент, как нога.

На двух фрагментах (см. *рисунок, А, Б, 1, 2*) создается образ водоплавающей птицы, ноги

Поселение Новоильинка III. Керамика (1–3) с орнитоморфным орнаментом. А – фото; Б – прорисовка.

у которой расположены в задней части туловища. Согласно определениям, сделанным сотрудником лаборатории зоологии биологического факультета Алтайского университета Д.В. Рыжковым, среди известных для региона Алтая птиц под такой образ, согласно анатомо-морфологическим особенностям, подходят представители отрядов: гагарообразные, гусеобразные, поганкообразные. Причем у гусеобразных, находящихся на суше, ноги (визуально) располагаются ближе к середине тела, а у поганкообразных на голове имеются «воротничок» и «ушки», не отображенные на представленных фрагментах. Таким образом, ближе всего к имеющемуся изображению птицы отряда гагар, ноги у которых отнесены далеко назад.

По мнению В.С. Мосина (2003. С. 98), практически все изображения «уточек» от-

носятся к комплексам середины – конца III тыс. до н.э., а территория их распространения совпадает с распространением гребенчатой, гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамики лесной зоны Восточной Европы, Зауралья и Северного Казахстана. Несмотря на то что основная масса керамики поселения Новоильинка III орнаментирована отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания и рядами ямок (отступающе-накольчато-ямочная), по композиционному построению орнаментов сосуда и орнаментальным мотивам она имеет черты несомненного сходства с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой лесной зоны Зауралья и Северного Казахстана. Очевидно, что поселение Новоильинка III – восточная периферия этой гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной общ-

ности, протянувшейся от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) не только до Зауралья и Северного Казахстана, но вплоть до Кулундинской степи и Верхнего Приобья. Орнитоморфные образы поселения Новоильинка III демонстрируют общие черты (образ водоплавающей птицы), характерные для центральных районов этой общности и специфичные (образ конкретной птицы – гагары), определяющие, по-видимому, периферийное расположение памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В.* Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2013. № 35 (55). Т. 4. С. 5–12.
- Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семibrатов В.П., Соломонова Н.Ю., Сперанская Н.Ю.* Комплексные археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4/1 (80). С. 156–164.
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М.* Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матлы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013 г. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 207–211.
- Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 220 с. (Этногенез уральских народов).
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-1

© 2014 г. Ю.Ф. Кирюшин¹, К.Ю. Кирюшин²

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул
(president@asu.ru)

² Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(kirill-kirushin@mail.ru)

Ключевые слова: энеолит, грунтовый могильник, планиграфия, сопроводительный инвентарь, культурная принадлежность.

Резюме. Вопрос о хронологии, периодизации и культурной принадлежности ранних могильников Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая вызывает дискуссии. Основные споры вызывает отнесение памятников в целом и отдельных погребений к неолиту либо к энеолиту, и к большемысской либо кузнецко-алтайской культурам. Анализ предметного комплекса, планиграфии и стратиграфии грунтового могильника Тузовские Бугры-1 позволяет сделать вывод, что на одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория Верхнего Приобья входит в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита.

В 2000 г. археологами Алтайского государственного университета проводились раскопки грунтового могильника Тузовские Бугры-1, расположенного в 30 км к югу от г. Барнаул. Памятник находится на правом берегу р. Обь, на протоке Заломная. Могильник расположен на крупном останце, со всех сторон окруженном болотами и озерами руслового происхождения. При паводках уровень воды в р. Обь поднимается, превращая останец в остров. На могильнике вскрыто 174 м² и исследовано 37 погребений (рис. 1). Восемнадцать погребений относятся к эпохе раннего железа. В одной из могил, относящейся к эпохе ранней бронзы, обнаружены металлические височные кольца и два сосуда баночной формы (Абдулганеев, Кирюшин, 2002. С. 4–6).

Восемнадцать погребений относятся к эпохе энеолита (рис. 1). Энеолитические могилы располагались четырьмя рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ. Погребенные лежали вытянуто на спине головой на северо-восток, в двух случаях – на восток-северо-восток (могилы 8, 9), в одном – на север (могила 35). В ряд входило 5–6 погребений. Часть могил нарушена в результате функциониро-

вания могильника раннего железного века. Основная часть захоронений одиночные, три парных и два коллективных – по три и пять погребенных. Большинство усопших лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь представлен преимущественно изделиями из камня (рыболовные стерженьки, наконечники стрел, «утюжки», отщепы, «когтевидное» долото, скребки и др.) и кости (гарпуны, накладки, биконические наконечники стрел и др.).

В четырех погребениях (№ 14, 18, 24, 27) найдены бусины из раковин беззубок (*Colletopterum*) (Кирюшин и др., 2011. С. 39). Украшения из раковин этих моллюсков широко известны в погребениях неолита – энеолита Западной и Восточной Сибири. В шести погребениях (№ 3, 9, 27, 32, 33, 35) найдены украшения из раковин двустворчатых моллюсков *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star. (рис. 2, 1) и *Corbicula tibetensis* Prash. Современный ареал этих видов охватывает Центральную Азию – бассейны Амударьи и Сырдарьи, горные районы Центральной Азии и Восточного Казахстана (Кирюшин и др.,

2011. С. 43–44). Среди находок из двустворчатых моллюсков в погребении 35 найден экземпляр *Cardiidae* sp. – морской, ископаемый вид (рис. 2, 2). Украшения из раковин лопатоногих моллюсков *Dentalium* (рис 2, 3–5) известны в трех погребениях могильника (№ 9, 18, 33). С большой уверенностью можно утверждать, что данные раковины были принесены людьми из региона Приаралья (Кирюшин и др., 2011. С. 43–44).

В энеолитических погребениях могильника Тузовские Бугры-1 найдено большое количество украшений, выполненных из зубов кабана (погребение 35), марала (№ 3), лося (№ 8), бобра (№ 14, 31, 35), барсука (№ 33), лисицы (№ 35), сурка (№ 33), горного козла или барана (№ 10, 23, 32) и кабарги (погребение 33) (Кирюшин и др., 2012). Наиболее информативны изделия из зубов кабарги (рис. 2, 6–8) и горного козла или барана (рис. 2, 9). Эти животные не обитают в Барнаульско-Бийском Приобье, а по имеющейся информации не обитали и в историческом прошлом (Кирюшин и др., 2012 С. 64–66).

В погребальных комплексах Алтая украшения из раковин моллюсков *Corbicula* найдены в погребении 8 могильника Усть-Иша (Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000. С. 12–13. Рис. 15) и в погребении 1 могильника Солонцы-5. Пронизки усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* в погребальных комплексах Алтая отсутствуют. Украшения из раковин выявлены в комплексе погребений эпохи раннего металла (гребенчато-ямочная общность) могильника Сопка-2 на р. Омь (Молодин, 2001. С. 37. Рис. 14, 35, 36). Пронизки из раковин *Dentalium*, подвеска из створки раковины *Mastra vitaliana* Orb., бусины из створки *Didacna* sp. обнаружены в погребениях могильника Тумек-Кичиджик на территории Южного Приаралья (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 18). Пронизки из раковин *Dentalium*, дисковидные бусины из створок *Didacna* характерны для стоянок Прикаспия, Узбоя, Устюрта и низовьев Амударьи, датируемых от конца V до конца III тыс. до н.э. (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 69).

Имея несомненное сходство с другими могильниками Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая, комплекс ранних

погребений Тузовские Бугры-1 имеет и целый ряд отличий от них. В могильнике Тузовские Бугры-1 костяные вкладышевые кинжалы, шлифованные ножи, крупные тесла или топоры не найдены (Абдулганеев и др. 2000. С. 209).

В 2000 г. в заполнении могилы 7 грунтового могильника Тузовские Бугры-1 найден развал небольшого круглодонного сосуда с узкой горловиной и широким туловом, орнаментированного гладкой «качалкой». Техника орнаментации этого сосуда характерна для большемысской культуры, а форма не характерна. Кроме этого в межмогильном пространстве обнаружена керамика, орнаментированная рядами отпечатков «отступающей палочки» с элементами накалывания, разделенными рядами ямок, «шагающей гребенки», отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок. За последние годы на территории Северной Кулунды выявлены поселения эпохи энеолита Новоильинка III и Новоильинка VI (Кирюшин, 2013. С. 202–206). Получены радиоуглеродные даты, которые укладываются в рамки середины III тыс. до н.э. Керамические комплексы этих памятников практически идентичны найденной в межмогильном пространстве грунтового могильника Тузовские Бугры-1. Они также близки к материалам кипринского типа Верхнего Приобья и «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла» Барабы (Молодин, 2001. С. 33).

Предварительные итоги исследования грунтового могильника Тузовские Бугры-1 уже опубликованы (Абдулганеев и др. 2000. С. 206–210). Ранние погребения, включая раннебронзовое, были датированы в рамках III – начала II тыс. до н.э. (Абдулганеев и др., 2000. С. 209). В предварительной публикации отмечалось, что при сооружении могилы 8 были нарушены погребения 4 и 9, а могила 34 нарушила 35-ю. В обоих случаях нарушения произошли, когда у ранее погребенных не сгнили мягкие ткани (Абдулганеев и др., 2000. С. 208). На данном этапе исследования 18 ранних погребений укладываются в рамки III тыс. до н.э. (без результатов калибровки).

На рассматриваемом памятнике в одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория

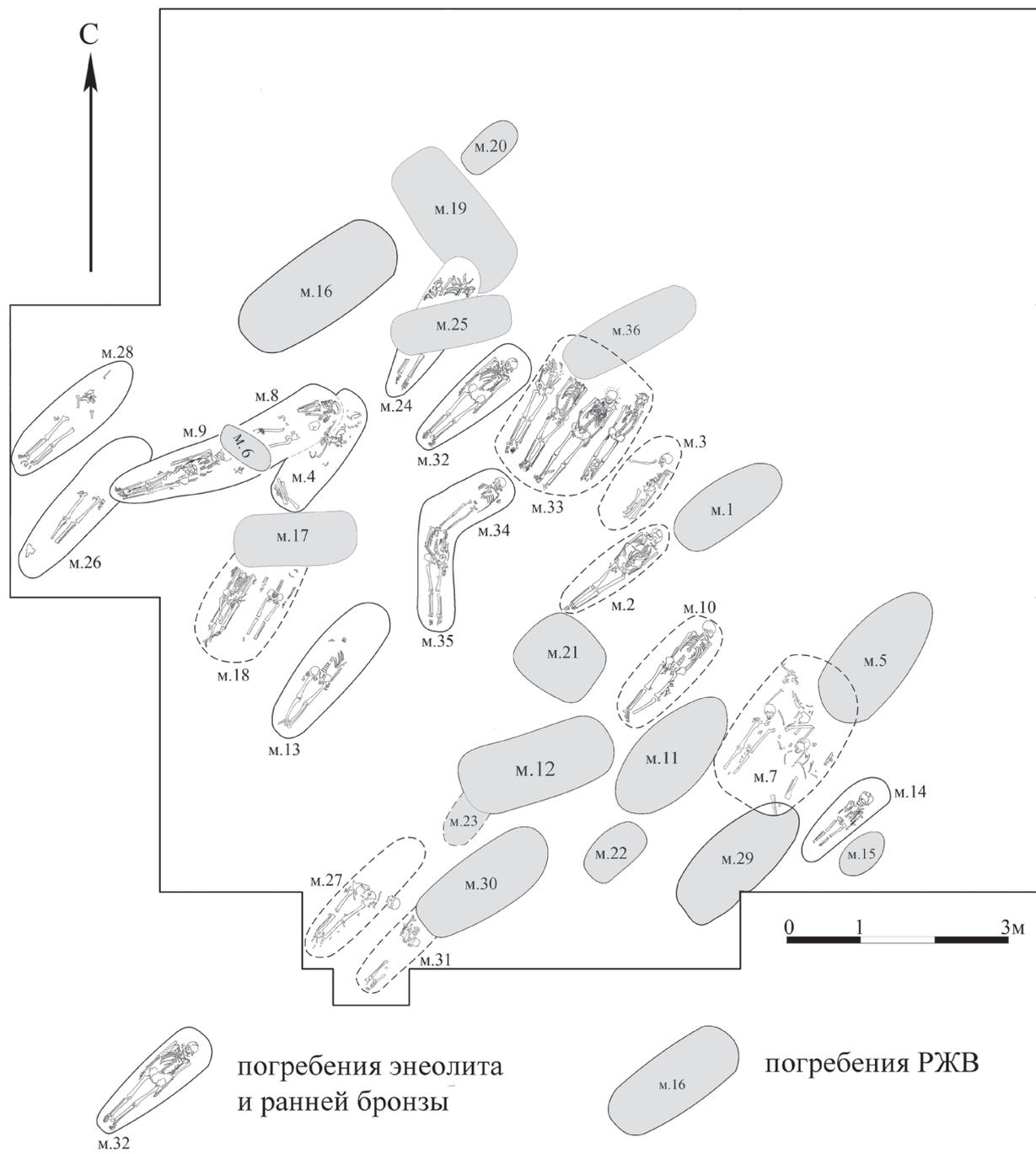

Рис. 1. План грунтового могильника Тузовские Бугры-1.

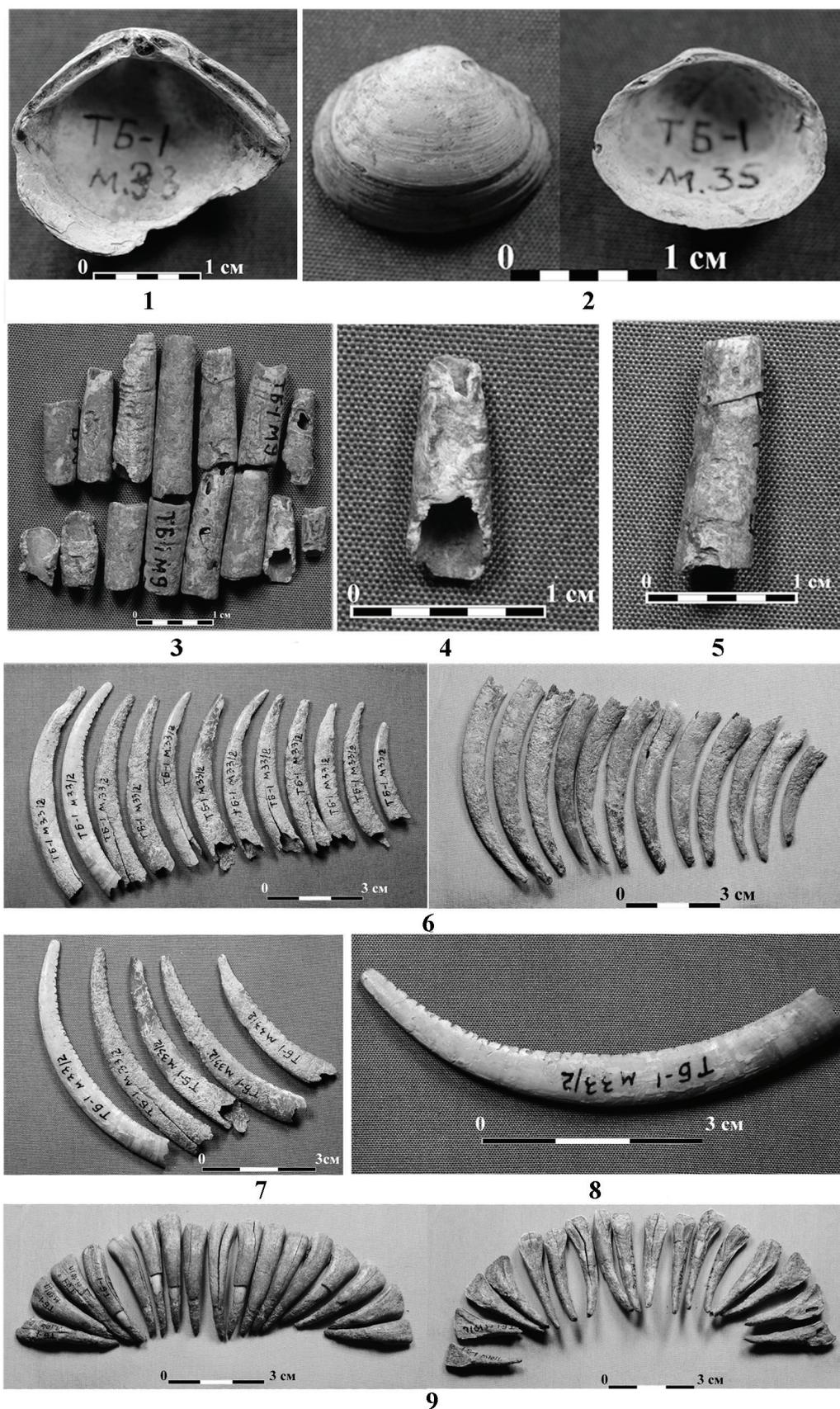

Рис. 2. Грунтовый могильник Тузовские Бугры-1. 1–3 – мог. 9. Раковины *Dentalium*: 2 – слева заметен верхний край сифональной щели; 3 – линии нарастания, расположенные под углом к оси раковины; 4 – мог. 35. Раковины *Cardiidae* sp. – морской ископаемый вид; 5 – мог. 33. Раковины *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star.; 6–8 – мог. 33, погр. 2. Клыки кабарги: 7, 8 – клыки с нарезками; 9 – мог. 10. Резцы горного козла или барана.

Верхнего Приобья входит в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита.

Первый из культурных компонентов можно условно назвать «восточным», и он связан с большемысской культурой. Второе культурное образование можно условно назвать «западным». Этот компонент связан с комплексами, на которых представлена гребенчато-ямочная и накольчато-ямочная керамика. Это комплексы кипринского типа (Киприно-1, Новоильинка-3, Новоильинка-6) в Барнаульско-Бийском Приобье и в Северной Кулунде, байрыкского типа или «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» (поселение Венгерovo-3) в Барабе, к этому же кругу относятся екатерининская культура, карасевская и т.д. Погребения грунтового могильника Тузовские Бугры-1, в которых обнаружены раковины *Dentalium* и *Corbicula*, представляют собой часть большой культурной общности, оставившей комплекс погребений эпохи раннего металла (гребенчато-ямочная общность) могильника Сопка-2 на р. Омь (Молодин, 2001. С. 39).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение бронзового века из могильника Тузовские Бугры-1 // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. С. 4–7.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. VI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН,

2000. С. 206–210.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: Наука, 1986. 200 с. (Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Т. XV).

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. XIX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 59–66.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 37–45.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 116 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т.1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с.

СЕВЕРОКАВКАЗСКО-НОВОТИТОРОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СИМБИОЗ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ¹

© 2014 г. А.А. Клещенко

*Институт археологии РАН, Москва
(sansanych@bk.ru).*

Ключевые слова: Предкавказье, эпоха средней бронзы, новотиторовская культура, северокавказская культура.

Резюме. Статья посвящена сравнительному анализу отдельных элементов погребальной обрядности новотиторовской и северокавказской археологических культур раннего этапа эпохи средней бронзы. В частности, рассматриваются параллели в организации подкурганного кладбища, оформлении погребальных конструкций и положении погребенных. В результате делается вывод о тесных контактах носителей двух рассматриваемых культур.

Изучение взаимосвязей различных археологических культур является одним из приоритетных направлений в исследованиях любых регионов и эпох. Анализ этих взаимодействий помогает не только наметить элементы и направления межкультурных связей, контактных зон и т.п., но и определить самобытность самих сравниваемых явлений. Особенно это актуально для культур эпохи палеометалла, в изучении которых последние десятилетия наблюдается ряд значительных научных достижений, позволяющих существенно пересмотреть их периодизацию и хронологию. К таковым относятся и культуры эпохи средней бронзы Предкавказья.

Начало эпохи средней бронзы в Предкавказье характеризуется распространением памятников трех археологических культур: ямной, новотиторовской и северокавказской. Отметим при этом, что если памятники ямной культуры зафиксированы и для предшествующей эпохи ранней бронзы – времени господства в регионе традиций майкопской и новосвободненской культур, то новотиторовский² и северокавказский феномены – новые культурные образования, отражающие глобальные социо-культурные перемены, затро-

нувшие на рубеже IV–III тыс. до н.э. (здесь и далее указаны калиброванные значения дат) весь степной мир, частью которого в определенной степени можно считать и наклонные равнины Северного Кавказа. Существует довольно развернуто аргументированная точка зрения о том, что эти изменения связаны с климатическим фактором (Кореневский, 2004. С. 71–77).

Главная особенность памятников эпохи средней бронзы Предкавказья – чрезвычайная малочисленность данных по бытовым памятникам, в связи с чем основой для культурной дифференциации и палеоисторических реконструкций является погребальный обряд, связанный исключительно с курганным строительством. Погребальные памятники начального этапа эпохи средней бронзы по главному признаку – позе погребенного – представлены четырьмя основными традициями ингумации в ямах: скорченно на спине (обряд ямной культуры, частично представленный среди новотиторовских и северокавказских древностей); скорченно на левом и правом боку с разворотом на спину (паритетно представлен в памятниках ранней новотиторовской культуры, а также частично ранней

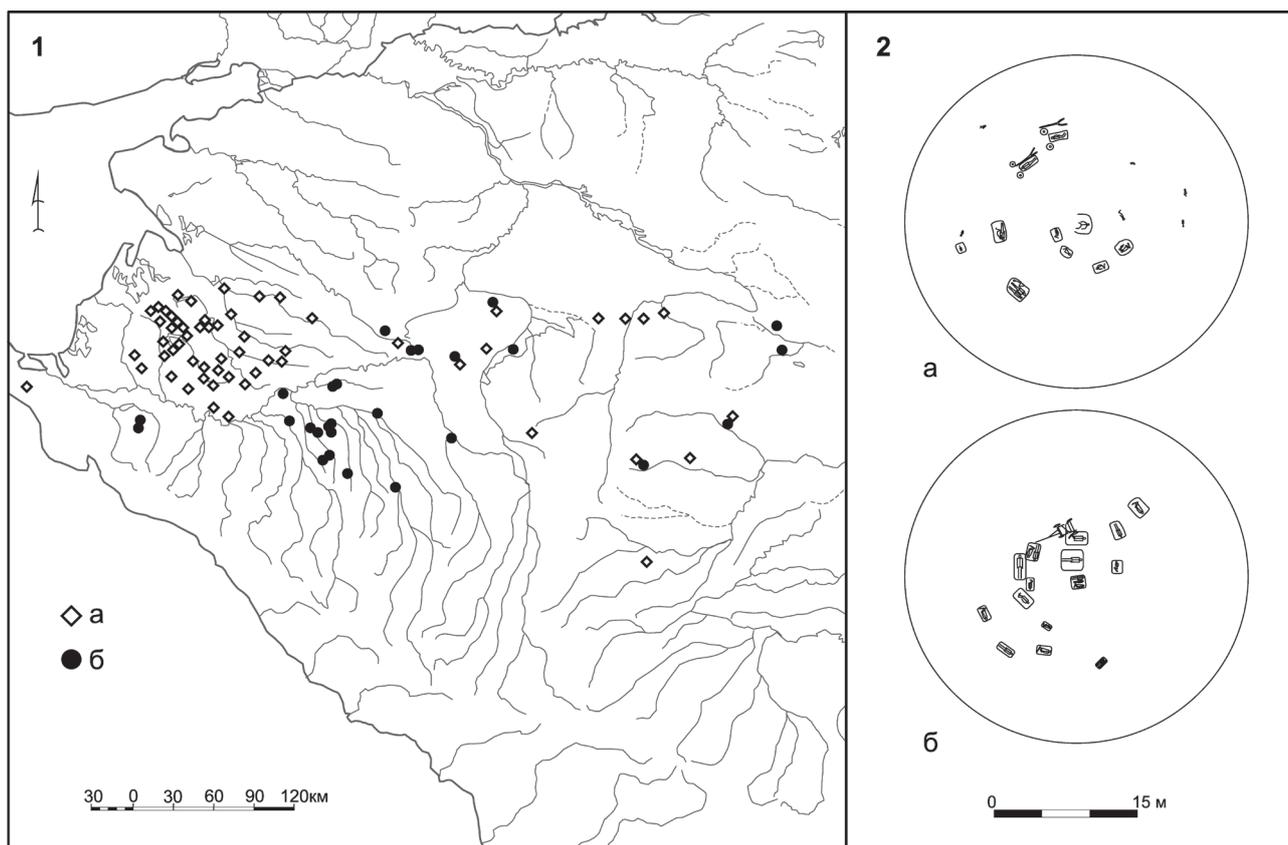
¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-31-01273

² Начальную фазу новотиторовской культуры А.Н. Гей (2000) склонен относить к финалу IV тыс. до н.э. (в калиброванных значениях). Однако такая позиция пока недостаточно аргументирована, в частности, данными радиоуглеродного датирования

стадии северокавказской культуры – порядка 30%); вытянуто на спине (доминирующий обряд северокавказской культуры, представленный, согласно концепции А.Н. Гея, на развитом и позднем этапах новотиторовской, где доля таких комплексов составляет порядка 11%). При этом в отличие от степного Прикубанья, где новотиторовские традиции во второй четверти III тыс. до н.э. сменяются раннекатакомбными, феномен северокавказской культуры существует в регионе в течение всей первой половины III тыс. до н.э., т.е. и в раннекатакомбное время. В связи с этим до последнего времени существовала проблема выделения наиболее раннего пласта погребений северокавказской культуры, непосредственно синхронных памятникам новотиторовской культуры. В настоящее время эта задача отчасти решена за счет выделения

серии раннесеверокавказских комплексов на территории степного Закубанья, Восточного Прикубанья и северной части Ставропольской возвышенности (Клещенко, 2013) (см. рисунок, 1).

Другим, пока далеко не исследованным вопросом является соотношение самых поздних новотиторовских и раннекатакомбных памятников. Ни В.А. Трифонов (1991), ни А.Н. Гей (2000) не предполагают их сосуществования. Однако незначительные пока данные обратной стратиграфии, например в кургане 1 могильника Карстовый (Гей, Сатеев, 1986), а также инвентарные наборы некоторых поздних комплексов новотиторовской культуры, например набор булавок из новотиторовского погребения Лебеди I 2/123 (Гей, 2000. С. 42. Рис. 11), все-таки указывают на их частичную одновременность раннеката-

Карта памятников новотиторовской и ранней северокавказской культур и примеры разнокультурных кольцевых подкурганых кладбищ. 1 – ареал памятников новотиторовской (а) и северокавказской (б) культур; 2 – примеры схем кольцевых кладбищ новотиторовской культуры (а – Динской курган) и северокавказской (б – к. 5 могильника Чернышевский I) культур (по: Лесков, Габуев, Днепровский, 1985; Гей, 2000).

комбным традициям. В такой ситуации сложно определить, какую часть новотиторовских комплексов, на основе которых была охарактеризована данная культура, следует синхронизировать уже со следующим – развитым этапом северокавказской культуры.

Так или иначе, памятники новотиторовской и северокавказской культур (в том числе раннего этапа) имеют явное сходство уже на уровне курганного строительства и организации подкурганного кладбища. В первую очередь это кольцевая планировка впускных погребений, четко зафиксированная в новотиторовской культуре как минимум в 27 случаях (Гей, 2000. С. 114–115) и не менее чем в 20 северокавказских курганах Закубанья, в том числе в 8 наиболее ранних (Клещенко, 2011б. С. 67–69). При этом как в новотиторовской культуре, так и в северокавказской в одно кольцевое кладбище могли входить одновременно как скорченные на боку, так и вытянутые захоронения (см. *рисунок, 2а, б*). Кроме того, они имеют перекрестную стратиграфию (Гей, 2000. Рис. 36; Клещенко, 2011б. Рис. 11). Это служит весомым доказательством как минимум сосуществования на одной территории населения, практиковавшего разные каноны погребального обряда.

Данная традиция, безусловно, сближает новотиторовские и северокавказские памятники с кругом синхронных курганных древностей Северного Причерноморья, но в рамках Предкавказья именно в названных культурах эта особенность появляется впервые. Так, среди раннебронзовых памятников майкопской и новосвободненской культур в принципе известно немного курганов с большим количеством погребений (Большой Кишпекский курган, Клады, курган 11), но и в них какая-либо строгая планировка подкурганного кладбища не обнаружена (Мизиев, 1984. С. 88–96; Резепкин, 2012. Рис. 10). Та же тенденция характерна и для ямных памятников. Несмотря на слабую разработанность ямной проблематики предкавказского региона, в частности, касающуюся периодизации, можно с уверенностью сказать, что как для раннего, так и для позднего этапов развития ямных традиций была характерна практика захоронения в одну насыпь не более трех индивидов. Например, по данным Северо-За-

падного Прикаспия, согласно выборке Н.И. Шишлиной (2007. Прил. 2. Табл. 3), на одну курганную насыпь в среднем приходится 1,89 погребений. Примерно такие же показатели (по предварительным подсчетам) дают известные в настоящее время ямные серии Прикубанья и Ставрополя. В то время как средняя плотность погребений на один курган в новотиторовской культуре – 3,36 (Гей, 2000. С. 131), а в ближайшей к ней закубанской группе северокавказской культуры – 3,13.

Дальнейший круг параллелей новотиторовской и северокавказской культур связан с некоторыми деталями обряда, касающимися устройства погребального сооружения, особенностями положения погребенного и заупокойного инвентаря.

Один из культурных маркеров новотиторовской культуры – остатки столбовых конструкций на дне погребальной ямы (по углам и вдоль стен) и вокруг нее, а также канавки по периметру дна. По подсчетам А.Н. Гея, доля таких погребений в новотиторовской культуре составляет 22% (Гей, 2000. С. 116). В северокавказских погребениях Закубанья таких комплексов немного – всего 3% от общего числа прослеженных конструкций (Клещенко, 2011б. С. 85–86). Однако привлекает внимание тот факт, что в Прикубанье столбовые конструкции встречаются в 3 раза чаще именно в вытянутых новотиторовских погребениях «северокавказского облика».

Еще одно характерное явление в новотиторовских комплексах – первоначальная приподнятость верхней части тела погребенного – вплоть до «полусидячего» положения, зафиксированная в «большинстве» захоронений новотиторовской культуры (Гей, 2000. С. 125). В наиболее изученной в настоящее время закубанской серии северокавказской культуры эта деталь прослежена в 20% погребений, в том числе известны достоверные случаи «полусидячего» положения (Клещенко, 2011б. С. 87). Подобные факты зафиксированы и для ямных погребений Северо-Западного Прикаспия (Шишлина, 2007. С. 65, 71, 83), однако специальное исследование этой темы здесь пока не проводилось.

Другую деталь погребального обряда, на которую следует обратить внимание, – традиция так называемых стиснутых захоронений,

носящих следы связывания или пеленания покойного в процессе погребального ритуала. В новотиторовских комплексах пеленание отмечено в основном для вытянутых погребений «северокавказского облика»: 14 из 19 установленных случаев (Гей, 2000. С. 125). В соседнем Закубанье «стиснутые» погребения северокавказской культуры фиксируются гораздо чаще, примерно в 4 раза (Клещенко, 2011б. С. 86–87). Таким образом, здесь можно предположить обратное влияние северокавказской культуры на новотиторовскую традицию и в первую очередь на ее северокавказский компонент, на что, впрочем, уже указывал А.Н. Гей (2000. С. 126).

Наконец, общность чистых новотиторовских и северокавказских традиций прослежена в биритуальных коллективных погребениях. Случаи их единичны (в новотиторовской культуре известно не менее пяти, в ранней северокавказской – не менее трех), но весьма показательны для иллюстрации взаимосвязи этих двух культурных феноменов.

Помимо сходства в элементах обряда определенная близость новотиторовской и ранней северокавказской культур фиксируется и на уровне состава погребального инвентаря. В первую очередь это касается таких выразительных и хронологически маркерных его категорий, как ранние формы роговых молоточковидных булавок (Клещенко, 2012), а также бронзовые ножи и шилья (Клещенко, 2011а).

На основании представленных фактов можно с уверенностью говорить о своего рода культурной взаимоинтеграции носителей новотиторовского и северокавказского феноменов. Этот симбиоз интересен в первую очередь тем, что новотиторовская и северокавказская культуры имеют, по сути, разные генетические основы, темпы эволюции и судьбы. Если новотиторовская традиция носит явный автохтонный характер, будучи результатом смешения и развития обрядов степной новотиторовской и ранней ямной культур (Гей, 2000. С. 193–201), то северокавказская культура в Предкавказье выступает абсолютно инородным по сравнению с предшествующей майкопско-новосвободненской образованием с уже сформировавшейся и ярко выраженной погребальной обрядностью, что, как представляется, возможно только

при миграционном характере формирования культуры. Далее развитие новотиторовской культуры происходит довольно динамично – за небольшой период своего существования (максимум в 300–400 лет, если предположить, что ранний ее этап приходится еще на конец IV тыс. до н.э.) она проходит три ярко выраженных этапа эволюции, перерастая в совершенно новую раннекатакомбную культуру. В то же время традиции погребального обряда северокавказской культуры при общей смене материальной культуры остаются практически неизменными в течение всей первой половины III тыс. до н.э. Лишь в третьей четверти III тыс. до н.э. совместное существование в Предкавказье консервативной северокавказской культуры и «модернистских» новотиторовской и катакомбной заканчивается восприятием катакомбного обряда на исконно северокавказских территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.

Гей А.Н., Сатеев О.И. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 12005.

Клещенко А.А. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. 2011а. Вып. 225. С. 88–99.

Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья: Дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2011б. 262 с.

Клещенко А.А. Булавки эпохи средней бронзы Предкавказья как культурно-хронологические маркеры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 132–137.

Клещенко А.А. К проблеме происхождения погребального обряда северокавказской культуры // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2013. С. 20–21.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 243 с.

Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Гос. музея искусства народов Востока в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 10973.

Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 88–111.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007. 398 с. (Тр. ГИМ; Вып. 165).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

© 2014 г. В.Т. Ковалева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(v.t.kovaleva@mail.ru)

Ключевые слова: поселения с круговой планировкой, обряд (ритуал), жертвоприношения, круговорот, идеология.

Резюме. В статье рассматривается проблема реконструкции ритуальных практик у населения ташковской археологической культуры бронзового века в Нижнем Притоболье, оставившего поселения с кольцевой планировкой. Процесс реализации ритуалов нашел отражение в материальных остатках: культовых предметах и следах определенных действий. Археологические артефакты рассмотрены в контексте исторической реальности, в которой они функционировали. Реконструированы обряды, связанные с закладкой нового поселения, «наведением порядка» и «оставлением поселения».

Ташковская культура занимает территорию Нижнего Притоболья. В географическом отношении это северная окраина лесостепи. Специфику культуры определяют поселения с кольцевой планировкой, в основу которой положены круг или овал, образованные прямоугольными срубными домами. Полностью раскопаны поселения Ташково II на р. Исеть в Курганской обл. (Ковалева, 1997), Андреевское озеро XIII у г. Тюмень (Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000), Иска III на р. Иска, левом притоке Тобола (Рыжкова, 1996. С. 31–32), Заводоуковское X на р. Ук у г. Заводоуковск Тюменской обл.

Культура сформировалась на рубеже III–II тыс. до н.э. в результате миграции нового населения из юго-западных районов Европы и инкорпорацией им зауральского энеолитического и постэнеолитического населения.

Проблема реконструкции древних ритуальных практик не безнадежна, поскольку процесс реализации ритуалов находит отражение в материальных остатках и следах определенных действий (культовые конструкции, ритуальные предметы, закапывание, сжигание и т.д.).

Обряды, связанные с началом строительства поселений. На поселениях ташковской культуры зафиксированы объекты и найдены предметы, которые вряд ли имели какое-либо практическое значение, но могли быть связаны с ритуальной практикой. На Ташково II под полом центрального жилища зафиксирован ров, часть которого уходила за пределы жилища (см. *рисунок, 1*). Стратиграфическая и планиграфическая позиция выявленных объектов позволила установить последовательность их сооружения: вначале был выкопан ров, в который положили различные предме-

ты, а позднее на этом месте был построен дом, вероятно, маркирующий центральное место в концентрической структуре поселения.

Строительные жертвы, связанные с началом закладки нового поселения, известны как по археологическим (Формозов, 1984. С. 238–240), так и по письменным источникам (Плутарх, 1987. С. 63).

В глубокой древности сформировался взгляд на жертвоприношение как на сакральный акт, моделирующий космос. Жертвы приносились в мифический момент начала, будучи своего рода «программой поведения» (Байбурин, 1983. С. 5). Ритуал жертвоприношения при строительстве дома и поселения – это имитация первого жертвоприношения, давшего рождение миру (Элиаде, 1987. С. 36).

На поселении Андреевское озеро XIII напротив входа зафиксированы остатки необычного объекта, представляющего собой материковый останец окруженный канавой (рвом). На дне канавы – яма (см. рисунок, 2), по всей вероятности, от столба. Возможно останец, окруженный канавой и занимающий наиболее высокую площадку на свободной площади, символизировал первоначальный холм, из которого возникла Вселенная. По-видимому, столб имел статус «центрального места» на поселении, от которого и вокруг которого разворачивалось пространство мира. «Центральное место» создавалось раньше, чем периферия и, по-видимому, соотносилось с началом нового цикла – освоением новой территории.

На поселении Иска III под полом жилища, расположенного справа от входа на поселение, зафиксирована яма, дно которой находилось ниже пола жилища на 0,5 м. В ней найден череп молодого (2-3 года) лося. По всей вероятности это «строительная жертва», связанная с началом строительства дома и поселения. Захоронения под полом жилищ детей, человеческих черепов или черепов животных известны у многих первобытных коллективов. Тело жертвы символизировало фундамент создаваемого мира.

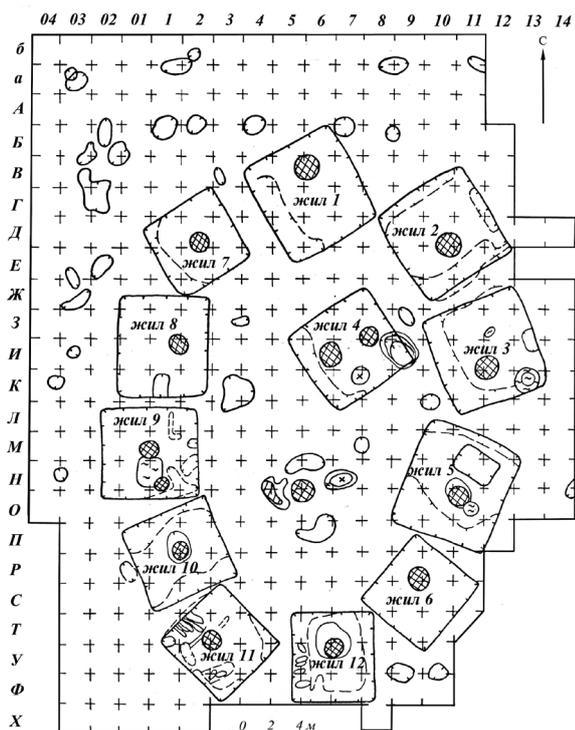
В этом же жилище ниже пола найден округлый глиняный шарик диаметром 1,5 см, орнаментированный по всей поверхности ногтевыми вдавлениями. Возможно изделие символизировало «Мировое яйцо». Мифы

о сотворении мира из яйца известны у населения различных регионов. Представление о яйце было связано с идеей о зарождении жизни. (Голан, 1993. С. 33).

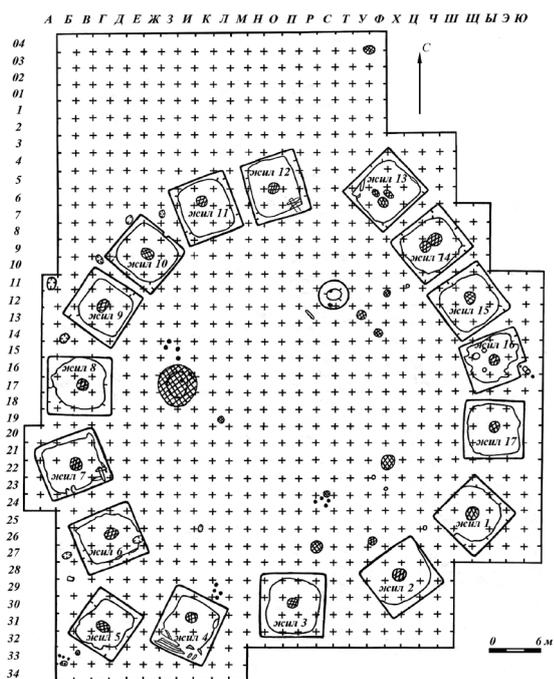
Обряды «наведения порядка» и «оставления поселения». На всех исследованных нами поселениях с круговой планировкой зафиксированы следы пожаров, при этом какие-либо разрушения или беспорядок не обнаружены.

Характер культурного слоя позволяет высказать предположение о ритуальном сожжении поселений. Топография находок указывает на возможную подготовку поселения к оставлению и ритуальному сожжению. На поселении Андреевское озеро XIII у входа в одно из жилищ зафиксировано захоронение двух собак. Согласно мифологической традиции собаки сопровождают умершего в мир мертвых. В этом же жилище на полу находился самый большой на поселении сосуд, перевернутый вверх дном (см. рисунок, 4). Внешняя поверхность сосуда орнаментирована 12 горизонтальными поясами. Число 12 сопряжено с годовым циклом. Один из поясов (четвертый сверху) оказался преднамеренно разорван. Можно предположить, что разрыв орнаментальной зоны, как и разбивание сосуда, служило знаком гибели, уничтожения (Антонова, 1984. С. 121). Ниже этого пояса расположены три ямки, которыми обозначено число 3, в данном случае соотносимое с понятиями развития, изменения. Рядом находилось днище сосуда, орнаментированное крестом, разделяющим круг на четыре сектора (символ лунных фаз), в каждом из которых ямками обозначены числа 7–7–7–9 (см. рисунок, 3). Это соответствует продолжительности лунного месяца, а луна – известный символ смерти. Кроме того, на полу жилища у южной стены в скоплении сохранились глиняные рыболовные грузила числом 21. В архаических традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, космогоническое значение. Числа становились образом мира, средством для его периодического возобновления в циклической схеме развития (Топоров, 1980. С. 5). Трудно представить, что все оставленные вещи и их расположение оказались случайными.

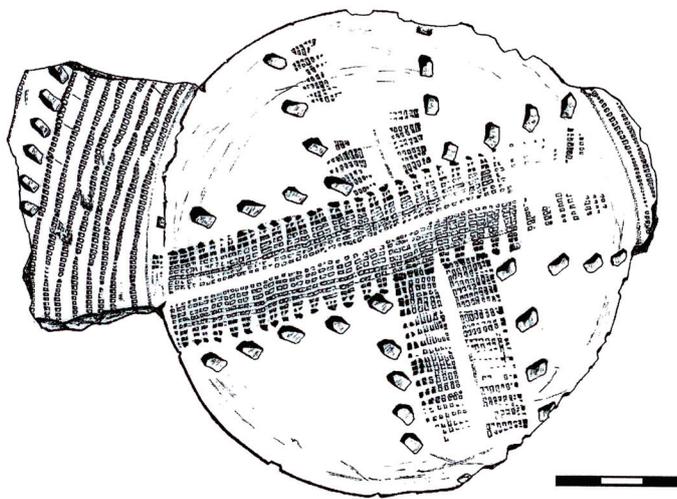
В других жилищах также сохранились целые сосуды, опрокинутые вверх дном. Опро-

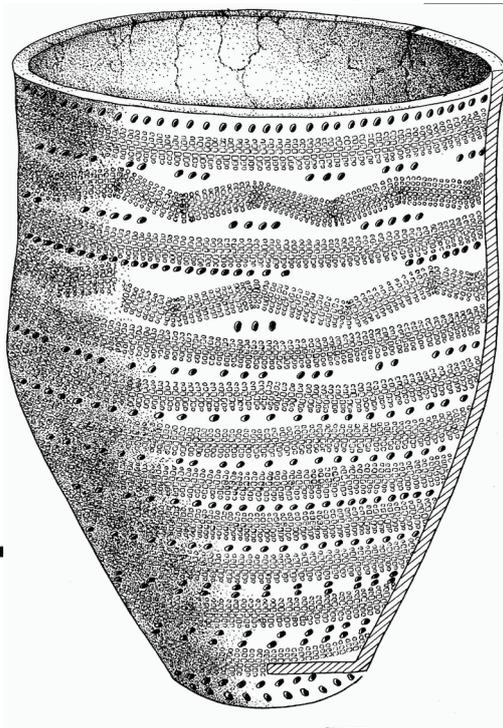
1

2

3

4

Ташковская культура. 1 – план поселения Ташково II; 2 – план поселения Андреевское озеро XIII; 3, 4 – сосуды с числовой символикой с поселения Андреевское озеро XIII.

кинутый сосуд – также известный символ смерти. На некоторых сосудах сохранились следы втирания охры. Охра – часть погребального обряда, а красный цвет символизировал очистительную силу огненной стихии.

Сожжение поселений, по-видимому, было связано с идеологическими воззрениями населения, оставившего в Зауралье круглые в плане поселения. Пожар мог быть связан с обрядом перехода и представлением о круговороте жизни. Завершающим этапом ритуала «оставления поселения» была засыпка всех объектов белым песком.

Обычай намеренного разрушения жилищ перед их ритуальным захоронением (пожаром) практиковался уже в раннем неолите у населения Ближнего Востока (поселение Чайеню Тепеси) (Корниенко, 2002. С. 95). С исходом населения из крепостей синташтинско-аркаимской культуры Г.Б. Зданович связывает не только сожжение поселений, но и предшествующую пожару подготовку: вынос нужных вещей, засыпку или подсыпку колодцев, хозяйственных ям и, возможно, частичную уборку бытового мусора (Зданович, 2011. С. 55).

Современные украинские исследователи трипольской культуры отмечают строго ритуализированный характер жизнедеятельности на поселениях с момента их возникновения по единому плану и вплоть до оставления, сопровождавшегося грандиозным обрядом сожжения построек (Овчинников, 2005. С. 74–79).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировоззрения. М.: Вост. лит., 1984. 260 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 189 с.

Голан А. Миф и символ. М.: Руссмет, 1993. 375 с.

Зданович Г.Б. «Укрепления», «крепость» в археологии синташтинско-аркаимской культуры и в поэтической традиции «Ригведы» // Вопросы археологии Урала. Вып. 26, Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 40–63.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 160 с.

Корниенко Т.В. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. 2002. № 2. С. 92–113.

Овчинников Э.В. К вопросу о трипольском обряде «оставления поселений» // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: до 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ; Фастів, 2005. С. 74–84.

Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т.1: Тесей и Ромул. Ромул. XI. М.: Правда, 1987. 592 с.

Рыжкова О.В. Иска III – новое поселение ташковской культуры // XIII Уральское археологическое совещание: тезисы докладов. Ч.1. Уфа: Вост. ун-т, 1996.

Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 3–58.

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–241.

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

ВОЕННО-ЭЛИТАРНЫЙ СИМВОЛИЗМ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

© 2014 г. С.Н. Корневский

*Институт археологии РАН, Москва
(Skorenevskiy@yandex.ru)*

Ключевые слова: ранний бронзовый век, майкопско-новосвободненская общность, оружие, золото, полудрагоценные камни, элита.

Резюме. В работе на примере погребальных комплексов майкопско-новосвободненской общности IV тыс. до н.э., содержащих золото и артефакты, интерпретируемые как оружие, исследуется проблема военно-элитарного символизма в погребальной практике. В итоге установлены группы артефактов, отражающих, вероятно, некие стандарты использования этих вещей, связанные с выделением обрядов погребения военной, производственной и культовой элиты, подчеркивающей в заупокойных культах свое не рядовое, а возможно, и лидирующее положение в обществе.

Элитарные погребальные комплексы майкопско-новосвободненской общности содержат золото и артефакты, которые интерпретируются как оружие. Эту категорию инвентаря в захоронениях представляют бронзовые топоры, кинжалы, наконечники копий. Известны редкие находки каменных топоров, молотов, наконечников стрел. Сведений о праще практически нет. Данные об использовании каменных булав в погребальном обряде – минимальны.

Понятие «элиты» или «элитарности» по материалам погребальной практики для разных культур определяются нередко как относительное. При решении данной темы мы предлагаем для них конкретные показатели, нашедшие выражение в находках изделий из благородных металлов, прежде всего золота, серебра и украшений из полудрагоценных камней.

Комплексы с находками одной золотой подвески или двух золотых колец мы рассматриваем как *элитарные*, с большим количеством золотых изделий – как *суперэлитарные*.

В изучении темы об отражении погребальной практикой социальной стратификации общества, культов и верований мы постоянно сталкиваемся с комплексами вещей, которые сами по себе могут стать объектом типологического анализа. Такие наборы мы называем

артефактными группами (А-группами), а разницу между ними – *артефактной дифференциацией*. Сама по себе она ничего не значит и служит лишь основой для интерпретации.

При исследовании вопросов о социальной дифференциации майкопско-новосвободненской общности было предложено подразделение ее комплексов на основе взаимной встречаемости оружия, орудий, металлической посуды на шесть А-групп (Корневский, 2004). Каждая из них состоит из разного сочетания предметов вооружения и инструментов (см. *таблицу*).

Очень интересно соотношение этих А-групп с украшениями из благородных металлов и полудрагоценных камней. Так, всего нам удалось учесть 83 комплекса с оружием, в которых практически во всех присутствуют кинжалы. Из них золото содержится в 41 погребении. Соответственно это почти половина выборки, около 49% (Корневский, 2011).

Связь находок оружия в комплексах с золотыми украшениями и полудрагоценными камнями обнаруживают уже ранние погребения с бесчеренковыми кинжалами галюгаевского-серегинского, псекупского вариантов майкопско-новосвободненской общности. Таковы прежде всего сам Майкопский курган и курган 1 могильника Кудухурт.

А-группы с оружием майкопско-новосвободненской общности

Артефактные группы комплексов с находками оружия и без него	Всего учтено комплексов	Центральное Предкавказье	Западное Предкавказье	Всего с золотом найдено
А-группа 1: наборы с металлическими посудой, кинжалом, топором, теслом или долотом	14 (9 неграбленных или относительно информативных, частично разрушенных)	5	4	9
А-группа 2: наборы с кинжалом, топором, теслом или долотом	16	4	6	9
А-группа 3: наборы с кинжалом, или топором без тесел и долот	53	16	3	19
А-группа 4: наборы с теслом или долотом	2	–	–	–
А-группа 5: наборы с мотыгой	1	–	–	–
А-группа 6: без оружия из бронзы, тесел и долот	Более 100	1	2	3
Итого		26	15	40

В комплексах долинского варианта новосвободненской группы случаи встречаемости оружия с золотом доходят до 50%, но среди них есть отдельные формы изделий, у которых такой процент выше или ниже.

Весьма показательны случаи встречаемости в комплексах крупных кинжалов кишпекского типа группы КЧ-1 – 82%. Далее высокий процент встречаемости с золотом отмечается у листовидных кинжалов группы КЧ-4 – 80%. Кинжалы с желобом отражают уже меньший процент – 48%. Кинжалы без желоба, вероятно, более простые и менее престижные, фиксируются в одних комплексах с золотыми украшениями в 34% случаев.

Из единичных случаев находок кинжалов обращают на себя внимание клинки с отверстием рукоятке. Они найдены в богатейшем погребении 5 кургана 31 в урочище Клады. Отсюда же происходит и уникальная находка бронзового меча.

Бронзовые топоры в комплексах майкопско-новосвободненской общности представлены несколькими типами. Топор раннего майкопского типа Т-1 известен только из комплекса Майкопского кургана, где он найден вместе с топором-мотыгой и мотыгой. Топоры самой массовой разновидности группы 2

показывают высокий процент встречаемости с золотыми украшениями равный 75%. При этом топоры новосвободненского типа, украшенные орнаментом (группа 2-1), найдены в трех комплексах. Дважды – в высоко престижных погребениях (Новосвободная, курган 1, погребение 1; курган 31, погребение 5). Один раз – без золота (курган 15, погребение 1), но это погребение несет следы разрушения.

Особым престижем пользовались погребения с двумя бронзовыми топорами. В них всегда встречается золото.

Интересно также отметить еще один атрибут особого престижа воинской и культовой символики – вилки (более 60% встречаемости с золотом в комплексах). Судя изображению на печати из Месопотамии вавилонского времени, такая вилка была магическим инструментом богини войны ранга Инанны-Иштар, с помощью которого совершались жертвоприношения. Подобные вилки известны из захоронений долинского варианта майкопско-новосвободненской общности и новосвободненской группы, а также из дольмена в Эшери уже эпохи средней бронзы.

Металлические сосуды в погребальной практике рассматриваемой общности имеют самую высокую встречаемость с оружием и

золотом – около 90%. Это явно подчеркивает важную роль пира в символике престижных воинских захоронений лидеров общества.

Находки полудрагоценных камней учтены в 15 погребальных комплексах и в одном кладе. В пяти случаях в таких погребениях не было оружия. Одно из этих захоронений определено женское (Кудахурт, курган 1, погребение 1). Десять погребений с полудрагоценными камнями содержат оружие. В число последних входят самые богатые комплексы: Майкопский курган, погребение 5 из кургана 31 могильника Клады; Новосвободненские гробницы из курганов 1 и 2; могильник Кудахурт, курган 1, погребение 3; Чегем II, курган 5, погребение 3.

Все эти комплексы относятся к суперэлитарным майкопским захоронениям взрослых людей и подростков.

Среди полудрагоценных камней есть редкие минералы явно не кавказского происхождения: лазурит, возможно, бирюза, связанные с трассами дальнего дарообмена, пролежавшими в направлении Ирана и Афганистана через Южный Кавказ (лейлатепинская культура).

Анализ под микроскопом лазуритовых бус из кургана Кудахурт показывает, что они были специально изготовлены под вставки золотых шайб, что предполагает единый производственный пакет по обработке лазурита и изготовления золотых украшений. В этом отношении на Кавказе явно начинает проследиваться особая майкопско-лейлатепинская традиция ювелирного дела IV тыс. до н.э. Ее носители стали соединять магию камня с магией благородных металлов золота и серебра. Пока о таких вещах нет свидетельств из области энеолита Подунавья в более раннее время. Не все ясно с такой традицией и для урукского периода Переднего Востока, где она как конвергентное явление расцветает в основном с III тыс. до н.э.

В области обработки золота и серебра ювелиры майкопско-новосвободненской общности создали свой центр изготовления посуды из благородных металлов и украшений, ориентированный на производство высоко престижных ценностей выделяющейся элиты, для которой важное значение имела символика оружия в погребальных обрядах. В отдель-

ных случаях такая символика дополнялась наборами инструментов деревообработки, металлической посудой и особыми изображениями на плитах гробниц или чеканке на металлическом сосуде, отражающими миф о Древе Жизни в его разных вариантах.

По случаям находок из благородных металлов район Центрального Предкавказья более насыщен золотом. Однако по их отдельному количеству в погребениях, конечно, выделяются памятники Кубанского бассейна, где расположены Майкопский курган, Новосвободненские гробницы и Старомышастовский клад. Оба района, Терский и Прикубанский, могли опираться на местные источники аллювиального золота, которые приурочены к верховьям Терского и Кубанского бассейнов.

Формы погребальных сооружений, где найдено оружие и золото, в отдельных случаях также отражали элитарный статус погребенных в них людей. Одни из них – это каменные гробницы или большие ямы с мощными перекрытиями. Плотная состыковка каменных плит в гробницах явно указывала на стремление к герметизации помещения, что бы дух покойного не вышел наружу. Такая особенность погребального обряда по С.И. Токареву (1990. С. 227–242) явно связывается со страхом перед духом влиятельных персон многих племен первобытного общества.

В целом погребения с оружием и золотом майкопско-новосвободненской общности характеризуют уровень развития оставившего их общества как преполитарную (Семенов, 1993), военно-элитарную модель или раннюю ступень протоцивилизации (Корневский, 2013), имеющей определенные аналогии в символизме «золотоносного» дунайского энеолита, но явно обладающей своим «курганным» своеобразием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 272 с.

Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 386 с.

Корневский С.Н. Понятия цивилизация, протоцивилизация в применении к археологии энео-

лита и начала бронзового века Переднего Востока, Кавказа и Юга Восточной Европы. V–III тыс. до н.э. // *Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия*. М.: ИА РАН, 2013. С. 21–23.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология / Отв. ред. Ю.Б. Симченко. М.: Ин-т антропологии и этнологии РАН, 1993. 720 с.

Токарев А.А. Ранние формы религии / Отв. ред. В.П. Алексеев. М.: Изд-во полит. лит., 1990. 622 с.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА В КОНТЕКСТЕ ОКУНЕВСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

2014 г. **И.П. Лазаретов**

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(lazaretov@yandex.ru)*

Ключевые слова: Южная Сибирь, эпоха ранней бронзы, окуневская культура, изваяния, погребальная скульптура.

Резюме. В статье приводятся новые данные о находках каменных изваяний и мест их установки в курганах окуневской культуры Южной Сибири. Локализация такого рода изваяний и особенности их стилистики дают основания для выделения особого жанра окуневского искусства – погребальной скульптуры. По своему функциональному назначению она заметно отличается от остального массива окуневских изваяний и стел. Дальнейшее изучение погребальной скульптуры требует создания отдельной типологии и периодизации в рамках окуневской культуры (середина III – первая половина II тыс. до н.э.).

Окуневские каменные изваяния и стелы, гравировки и красочные росписи, скульптура и предметы мелкой пластики представляют собой уникальный феномен эпохи ранней бронзы Южной Сибири. Проблемам их культурной атрибуции, происхождения, хронологии, семантического и стилистического анализа посвящены несколько отдельных монографий, десятки научных статей. Исследователями выделены различные стили, иконографические группы и варианты изображений, активно разрабатываются вопросы их соотношения и развития. Главная сложность данной работы заключается в том, что абсолютное большинство окуневских изваяний и стел обнаружено в переиспользованном состоянии, вне своего первоначального исторического контекста. Даже единичные находки в закрытых комплексах способны в значительной степени скорректировать наши

уже существующие умозрительные заключения. Так произошло с красочными личинами джойского стиля, традиционно считавшимися наиболее поздними в ряду окуневских изображений. Первая же личина, обнаруженная в могильнике Уйбат-Чарков, позволила полностью пересмотреть хронологическую позицию рисунков джойского стиля, поставить вопрос о существовании в рамках окуневской художественной традиции особого изобразительного жанра, приуроченного к древним караванным тропам и посвященного божеству-покровителю путешественников и торговцев (Лазаретов, 2011). Новые наблюдения, полученные в последние годы при исследовании погребальных комплексов, дают возможность уточнить места установки и функциональное назначение некоторых окуневских каменных изваяний.

Первое окуневское изваяние, сохранившееся на своем первоначальном месте, зафиксировано в кургане 1 могильника Уйбат III. Оно стояло внутри ограды, было встроено в каменное надмогильное сооружение центрального захоронения и располагалось в 2 м к юго-западу от края могильной ямы (Лазаретов, 1997. С. 19. Табл. III). Изваяние представляло собой вкопанный вертикально брусчатый камень высотой 1,2 м. В верхней части его лицевой грани, обращенной к могиле, было выбито простейшее антропоморфное изображение: два глаза и рот (см. *рисунок, 1*). Установлена скульптура была таким образом, что после возведения курганной насыпи верхушка камня с личиной выступала над поверхностью земли. Тогда же было высказано предположение, что данное изваяние выполняло функцию связующего звена между миром живых и мертвых. Оно могло использоваться для совершения поминальных обрядов, для условного общения с умершими и их кормления (Лазаретов, 1997. С. 35).

Еще одно столбообразное изваяние обнаружено А.В. Поляковым при исследовании кургана 26 могильника Итколь II. Оно было встроено в западную стенку ограды и также развернуто лицевой гранью к центральному погребению (Поляков, 2010. С. 79. Рис. 1). В верхней части изваяния выбит овальный контур лица, два глаза и рот. Глаза и рот дополнительно очерчены полукруглыми скобками, а нос обозначен двумя изогнутыми вертикальными линиями (см. *рисунок, 2*). Возможно, эти линии имитируют раскраску лиц покойников, такую же, как на некоторых черепахах из окуневских могил (Миклашевич, 2005. С. 23, 24. Рис. VI). Под личиной располагалось изображение быка, выполненного в «тучном» стиле. В двух других погребальных комплексах этого же могильника сами изваяния не сохранились, однако были выявлены места их установки. В курганах 13 и 14 две ямы с вертикальными плитками расклинки по бортам располагались внутри каменных оград на удалении 2–4 м к юго-западу от центральных захоронений.

Аналогичная яма для установки изваяния, с сохранившейся каменной закладкой по бортам, была найдена при исследовании кургана

2 могильника Уйбат V. В отличие от уже описанных случаев она находилась за пределами ограды, в 10 м к юго-западу от нее. При этом яма располагалась точно в створ оси центрального захоронения кургана. Подобные объекты, вынесенные за пределы ограды, вероятно, имелись и у других окуневских курганов. Оценить их количество невозможно, так как раскопки большинства погребальных комплексов проводились только внутри оград. В нашем распоряжении слишком мало наблюдений, но не исключено, что место установки изваяний с течением времени все больше смещалось к западу. На уйбатском этапе культуры они ставились внутри оград, на черновском выносились за ее пределы.

Перечисленные случаи обнаружения изваяний и мест их установки объединяет ряд общих моментов.

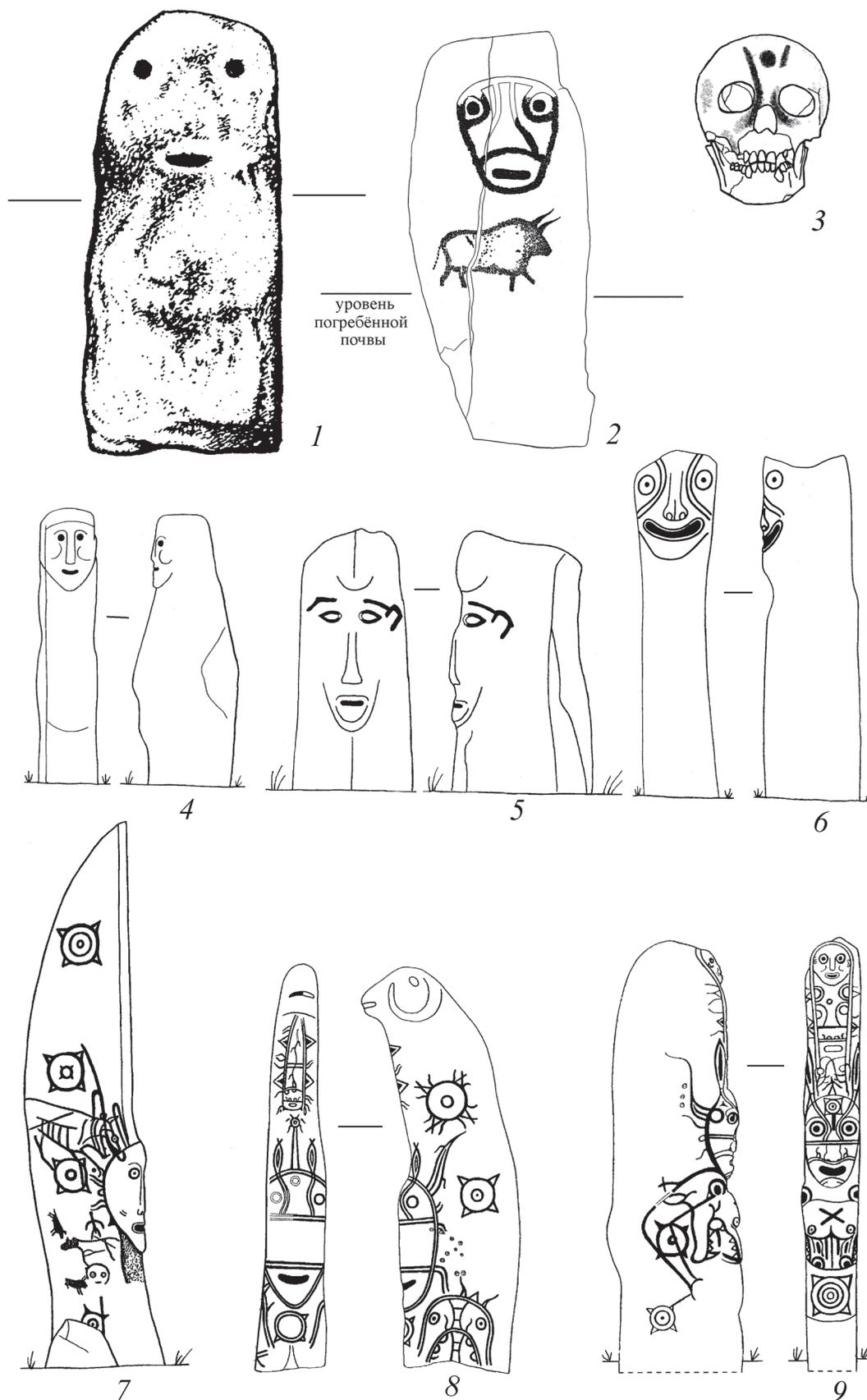
1. Они располагались к западу от основного захоронения.

2. Изваяния могли устанавливаться внутри кургана, в ограде или за ее пределами, но всегда точно в створе осевой линии центральной могилы.

3. Развернуты они лицевой гранью в сторону захоронений и поминальников, расположенных к востоку от окуневских оград.

4. Изваяния вкопаны таким образом, что после возведения курганной насыпи их антропоморфные личины выступали над поверхностью земли.

Связь такого рода объектов с погребально-поминальным культом в достаточной степени очевидна, и было бы логично рассматривать их как особую категорию окуневских изваяний – погребальную скульптуру. Ее характерным отличием можно считать размещение антропоморфного изображения в верхней части столбообразных камней, относительную простоту и лаконичность личин, их подчеркнутую «человечность» (см. *рисунок, 4–6*). Основная же масса окуневских изваяний имеет выраженную «саблевидную» форму, а их личины приурочены к средней и нижней частям камня. Иконография антропоморфных изображений у них более сложная и включает множество дополнительных фантастических деталей: высокий головной убор или «корону», рога и звериноподобные уши, знак «третьего глаза» на лбу, поперечные полосы

1 – изваяние из к. 1, Уйбат III; 2 – изваяние из к. 26, Итколь II; 3 – Лебяжье, череп с раскраской;
4–6 – окуневская погребальная скульптура; 7–9 – окуневская монументальная скульптура.

на лице. Под личиной и рядом с ней нередко присутствуют изображения фантастического зверя или хтонического чудовища, разнообразные «солярные знаки» (см. *рисунок, 7–9*). Эти изваяния представляют отдельную категорию окуневского искусства – монументальную скульптуру. Они, вероятно, имели иное функционально-идеологическое назначение и устанавливались в особых святилищах, за пределами могильников.

Судя по находкам в могильнике Итколь II, оба эти жанра окуневского искусства существовали одновременно. В одном из детских захоронений кургана 14 А.В. Поляковым были обнаружены четыре роговые подвески, представляющие собой миниатюрные копии каменных изваяний, обладающие всеми перечисленными выше иконографическими особенностями и атрибутами монументальной скульптуры. В этом же кургане, как уже отмечалось ранее, была выявлена и яма для установки погребальной скульптуры. Особо отметим, что данное захоронение и курган в целом датируются раннеокуневским временем и относятся к уйбатскому этапу культуры. Получается, что обе категории изваяний развивались параллельно на протяжении всего периода существования окуневской культуры. Между погребальной и монументальной скульптурой, несомненно, имеются некоторые стилистические соответствия, однако каждый из этих художественных жанров имел свое предназначение, изменялся по своим законам и имел свой вектор развития. Соответственно и рассматривать их следует в рамках двух отдельных типологий.

Вычленение погребальной скульптуры из общего массива изваяний позволяет значительно расширить и конкретизировать круг аналогий окуневского искусства. Исто-

ки самой традиции изготовления и установки погребальной скульптуры, по-видимому, следует искать в культурах эпохи энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия и степной зоны Восточной Европы. Наиболее же перспективной линией для сопоставления в данный момент представляется синхронная окуневцам чемурчекская культура. Ее памятники с многочисленными образцами погребальной скульптуры локализованы на территории Восточного Казахстана, Западной Монголии и Джунгарии (Ковалев, 2012). Каменные изваяния двух этих культур обнаружены в сходном контексте, проявляют явное сюжетное и стилистическое родство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ковалев А.В. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий / Отв. ред. А.А. Тишкин. СПб.: ЛД-ПРИНТ, 2012. 160 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник / Отв. ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: ПетроРИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской Писаницы. Матер. конф. Т. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 59–64. (Тр. САИПИ; Вып. VIII).

Миклашевич Е.А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ. Вып. 6–7 (2003–2004) / Отв. ред. Я.А. Шер. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 17–27.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ПРЕДМЕТАМИ СЕЙМИНСКО-
ТУРБИНСКОГО И КЕНКОЛЬСКОГО ТИПОВ
В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)
И ИХ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ**

© 2014 г. Ж.В. Марченко¹, В.И. Молодин¹, А.Е. Гришин¹, Л.А. Орлова²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(afrika_77@mail.ru; molodin@archaeology.nsc.ru; grishin@archaeology.nsc.ru)*

² *Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск
(c14orlova@gmail.com)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, Барабинская лесостепь, радиоуглеродная хронология, предметы сейминско-турбинского и кенкольского типов.

Резюме. В статье охарактеризованы захоронения на могильниках Сопка-2 и Тартас-1 с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов. По этим погребениям получены и проанализированы первые радиоуглеродные даты и их калиброванные значения. Наиболее вероятная хронология захоронений с сейминским-турбинскими предметами в Барабинской лесостепи – последняя четверть III тыс. до н.э. Впервые были получены ¹⁴C- данные по комплексам с кинжалами кенкольского типа – на барабинских памятниках и те и другие предметы найдены в захоронениях кротовской культуры. Проведен сравнительный анализ радиоуглеродной хронологии барабинских памятников с культурами Алтая, Зауралья и Среднего Поволжья, где сейминско-турбинские предметы имеют место в погребальных комплексах.

Сейминско-турбинский транскультурный феномен в Евразии связан с распространением специфических бронзовых изделий. В основном это наконечники копий, кельты, а также своеобразные ножи (Черных, Кузьминых, 1987). Предметы кенкольского типа представлены бронзовыми цельнолитыми кинжалами с выделенной нервюрой и фигурной рукоятью. Основные находки происходят из кладов и случайных находок на территории Средней Азии, Западной Сибири, Восточного Казахстана, Алтая, Сынцзяна (Винник, Кузьмина, 1981; Грушин, 2009. Табл. I, 28). В трех случаях кинжалы обнаружены в захоронениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б (Молодин, 1993). Радиоуглеродных дат из комплексов с сейминско-турбинскими предметами немного. Так, по данным Е.Н. Черных и Л.Б. Орловской, таких дат всего восемь, суммарная вероятность относит их к первой четверти II тыс. до н.э. (Черных, Орловская, 2013. С.12. Рис. 5). Столь небольшая серия ¹⁴C-определений по погребальным комплек-

сам с предметами сейминско-турбинского типа, конечно же, представляет несомненный интерес.

Хронология предметов кенкольского типа у разных исследователей неоднозначна. Одни (Молодин, 1993; Парцингер, 2000) включают их в круг сейминско-турбинских бронзовых изделий. Другие, вслед за Н.Л. Членовой (1976), соотносят их с карасукскими предметами эпохи поздней бронзы (Папин, Федорук, 2009) или с «постсейминскими» бронзами (Грушин, 2009; Ковтун, 2013). Как бы то ни было, ¹⁴C-дат по данным предметам ранее вообще не было. Находки сейминско-турбинских и кенкольских бронзовых изделий в погребальных комплексах кротовской культуры Сопка-2/4Б, Сопка-2/4В позволяют рассмотреть данную проблему в рамках одной публикации.

В Барабинской лесостепи находки бронз сейминско-турбинского типа происходят из погребальных комплексов Сопка-2/4Б, Сопка-2/4В (кротовская культура), упомяну-

тых выше, и Тартас-1 (одиновская культура). Оба могильника находятся в 2,5 км друг от друга, на разных берегах р. Тартас. На некрополе Сопка-2/4В сейминско-турбинские материалы представлены в захоронении (№ 282) мужчины с комплексом бронзовых изделий и литейных предметов (см. *рисунок, 1, 3*), «литейщика» (Молодин, 1983). К этому же культурно-хронологическому горизонту относятся соседние с «литейщиком» ненарушенные захоронения (№ 594, 623). Они не образуют четкого ряда, но находятся в непосредственной близости, имеют схожую ориентацию и яркую специфическую погребальную практику. В заполнении погребения 594 обнаружен фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта от одной из створок формы, найденной в могиле 282, что неопровержимо свидетельствует о синхронности сооружения могил. Другое погребение (№ 427) с литейной формой от сейминско-турбинского копья располагалось среди могил комплекса Сопка-2/4Б. На могильнике Тартас-1 бронзовый кельт сейминско-турбинского типа был найден в ненарушенном погребении 487 (Молодин и др., 2011; Молодин, 2013).

Кинжалы кенкольского типа зафиксированы в трех захоронениях кротовской культуры (см. *рисунок, 2, 4*) в центральной части памятника Сопка-2/4Б (Молодин, 1993). Из них одно целое детское погребение (№ 425). Второе – захоронение мужчины (№ 420), нижняя часть скелета которого была полностью нарушена, а кости вынуты из ямы. В третьей могиле находился раздавленный череп и кости левой руки подростка в сочленении (№ 443).

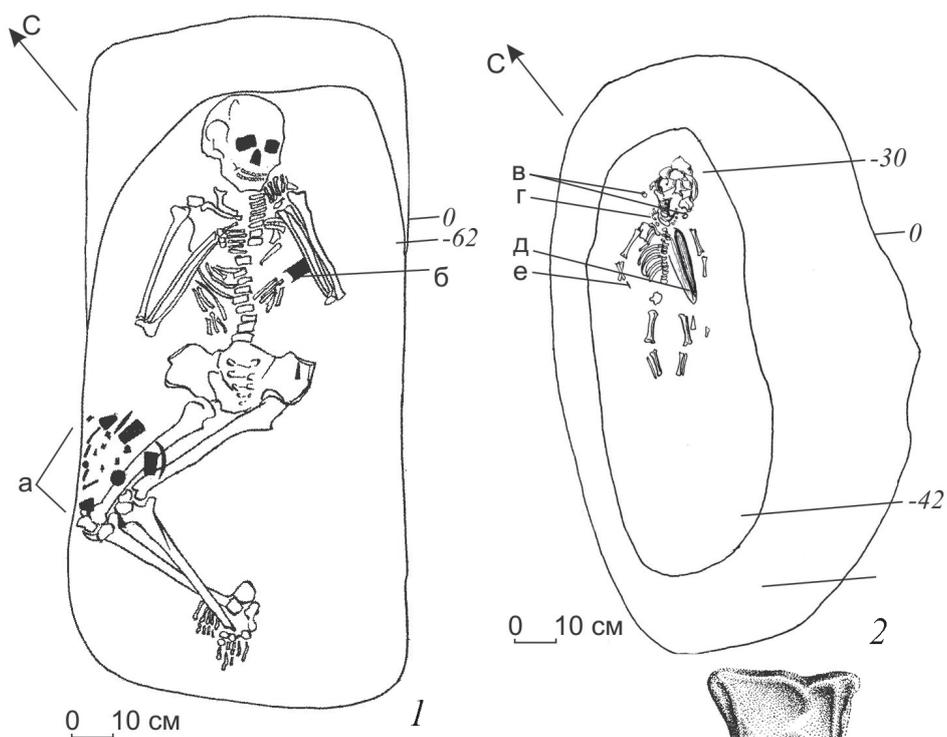
Для определения хронологии сейминско-турбинских и кенкольских комплексов было получено шесть дат (см. *таблицу*). Из них пять дат по могильникам Сопка-2/4Б и Сопка-2/4В, одна – по некрополю Тартас-1. Для определения возраста погребения с кенкольским кинжалом получена пока одна дата. Все определения выполнены по палеоантропологическому материалу (коллагену). Из шести дат четыре получены на ускорительном масс-спектрометре (UBA-) в 14CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology (Queen's University, Belfast), две другие (СОАН-) сцинтилляционно-бензольным методом в Лаборатории геологии и палеоклима-

тологии кайнозоя (ИГиМ СО РАН, г. Новосибирск). Как видно из таблицы, соотношение углерода к азоту (C:N) в образцах находится в пределах нормы (2.9–3.6), что указывает на хорошую сохранность коллагена и достоверность полученных измерений (DeNiro, 1985).

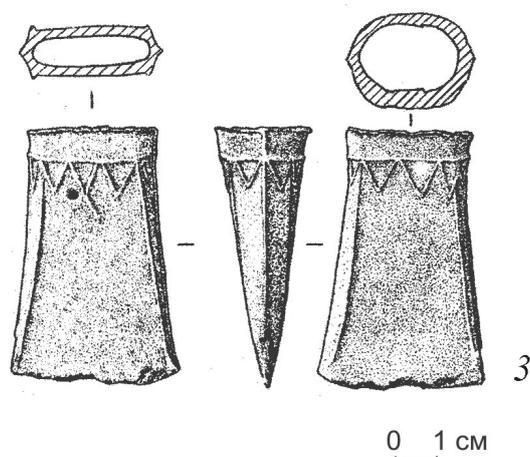
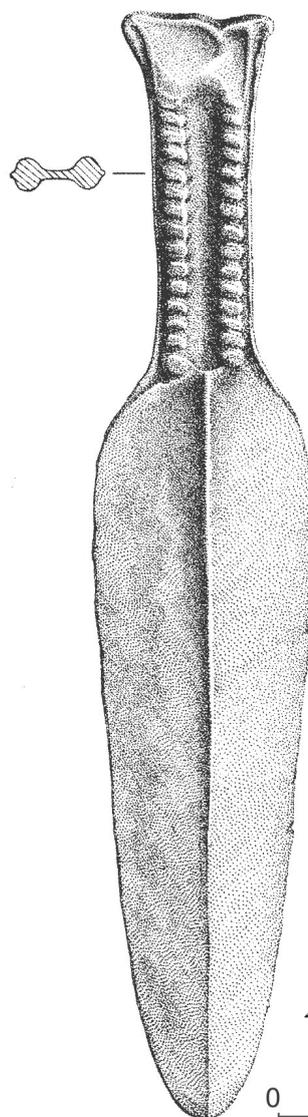
Погребение «литейщика» (№ 282) на Сопке-2/4В в силу большой ошибки (± 75) датируется широко (см. таблицу), в пределах XXV–XXI вв. до н.э. (по ± 2 сигма¹). Захоронение 427 с литейной формой от сейминско-турбинского копья относится к диапазону XXIV–XXI вв. до н.э. По погребению 594 на Сопке-2/4В в обеих лабораториях получено два непротиворечивых измерения. В силу того, что дата UBA-25028 имеет меньшую ошибку (± 32), чем дата СОАН-7718 (± 105), то вероятный хронологический диапазон погребения 594 можно сузить до XXIII–XXI вв. до н.э. Несколько моложе, но в рамках последней четверти III тыс. до н.э., выглядит возраст погребения 623 – XXII–XX вв. до н.э. Самый ранний возраст по сейминско-турбинским комплексам пока демонстрирует дата СОАН-8703 по захоронению 487 на могильнике Тартас-1 – XXVIII–XXII вв. до н.э. С одной стороны, несмотря на ее «удревненность» даже относительно других дат сейминско-турбинских комплексов некрополей Сопка-2/4Б и -2/4В, ее нельзя полностью признать «неудачной», так как она, как и остальные даты, находится в рамках XXII в. до н.э. С другой стороны, конечно же, мы видим необходимость в повторном датировании этого погребения с целью получения даты с меньшей погрешностью и последующего уточнения возраста. Таким образом, практически все даты захоронений Барабинской лесостепи с сейминско-турбинскими предметами находятся в диапазоне XXII–XXI вв. до н.э. (Молодин и др., 2010; Molodin et al., 2012)

Погребение 425 с кенкольским кинжалом на некрополе Сопка-2/4Б синхронно захоронениям с сейминско-турбинскими предметами – XXIV–XXI вв. до н.э. (см. *таблицу*) Важно отметить, что это пер-

¹ Здесь и далее все даты прокалиброваны в программе OxCal 3.10 (Bronk Ramsey, 2001; Reimer et al., 2004), хронологические рубежи даны по ± 2 сигма.

- а - скопление предметов, в т.ч. орудий металлургического производства (камень, глина, кость);
- б - кельт (бронза);
- в - два кольца (серебро);
- г - зубы косули;
- д - кинжал (бронза);
- е - шило (бронза).

Погребения с сейминско-турбинскими и кенкольскими предметами на могильниках Сопка-2/4В и Сопка-2/4Б. 1, 3 – погр. 282 (по: Молодин, 1983), 2, 4 – погр. 425 (по: Молодин, 1993).

вый случай ^{14}C - датирования комплексов с кенкольскими предметами.

Предложенная для сейминско-турбински[комплексов хронология в рамках кротовской культуры не противоречит радиоуглеродным определениям могильника елунинской культуры Телеутский Взвоз-1 на Алтае – XXIV–XVIII вв. до н.э., где был обнаружен бронзовый листовидный двухлопастной наконечник с орнаментом на пере (см. *таблицу*). По мнению барнаульских исследователей, технология его изготовления, форма и орнамент «характеризуют сейминско-турбинские традиции» (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003. С. 92). Чуть более поздней в этом ряду выглядит дата СОАН-1893 могильника Елунино-1 (см. *таблицу*), где был обнаружен выгнутообушковый нож с орнаментированной рукоятью и навершием в виде головы коня (Кирюшин, 1987. С. 104. Рис. 2, 4). Она указывает на XXI–XVIII вв. до н.э., но при этом

также входит в обозначенные для барабинских памятников рамки последней четверти III тыс. до н.э. Созвучна этому возрасту и дата СОАН-2192 по елунинскому поселению Коровья Пристань III – XXIV–XVIII вв. до н.э. Несколько особняком стоят радиоуглеродные данные по елунинскому поселению Березовая Лука: разброс дат составляет почти 2000 лет (см. *таблицу*). Сами исследователи полагают, что нижней вероятной границей можно считать дату СОАН-3755 из культурного слоя (XXVI–XXII вв. до н.э.) (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005. С. 140), что также хорошо согласуется с барабинскими данными. К этой же группе можно отнести и дату по образцу из хозяйственной ямы СОАН-3213 (см. *таблицу*). Три даты, выполненные по образцам угля из ям жилища 1, имеют более поздний возраст: две (СОАН-4151, -4152) – XX–XV вв. до н.э., а третья (СОАН-4150) – XVI–XIII вв. до н.э. (см. *таблицу*).

Радиоуглеродные и калиброванные даты по материалам памятников с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов

Памятник	Комплекс	Шифр	^{14}C -дата, л.н.	Калиброванный возраст по ± 1 сигма (гг. до н.э.)	Калиброванный возраст по ± 2 сигма (гг. до н.э.)	Материал	$\Delta 13\text{C}$	$\Delta 15\text{N}$	C:N
Сопка- 2/4В	погр. 282	СОАН-7725*	3805 \pm 75	2430 (1.3%)2420 2410 (4.5%)2380 2350 (62.4%)2130	2470 (95.4%)2030	кость человека	-22.5		
	погр. 594	СОАН-7718*	3850 \pm 105	2470 (65.1%)2190 2170 (3.1%)2140	2600 (95.4%) 1950	кость человека	-21.3		
		UBA-25028	3712 \pm 32	2190 (5.5%) 2180 2150 (17.6%)2110 2100 (45.2%)2030	2210 (95.4%)2020	кость человека	-21.4	14.1	3.19
	погр. 623	UBA-25029	3661 \pm 34	2130 (25.9%)2080 2050 (42.3%)1970	2140 (95.4%) 1940	кость человека	-22.3	14.2	3.29
Сопка- 2/4Б	погр. 425	UBA-25026	3784 \pm 40	2290 (47.4%)2190 2180 (20.8%)2140	2350 (88.7%) 2120 2100 (6.7%) 2040	кость человека	-22.4	15.4	3.20
	погр. 427	UBA-25027	3787 \pm 31	2290 (49.7%)2190 2180 (18.5%)2140	2340 (1.0%)2320 2310 (92.8%)2130 2080 (1.6%)2060	кость человека	-21.1	13.1	3.15
Таргас-1	погр. 487	СОАН-8703	3935 \pm 85	2570 (10.8%)2520 2500 (57.4%)2290	2700 (95.4%)2100	кость человека			
Телеутский Взвоз-1	погр. 1	СОАН-3756**	4570 \pm 75	3500 (7.8%) 3460 3380 (25.0%)3260 3240 (35.4%)3100	3550 (95.4%) 3000	уголь			
	погр. 10	СОАН-4153**	3690 \pm 40	2140 (68.2%)2020	2200 (95.4%) 1950	уголь			
	погр. 12	СОАН-4154**	3650 \pm 75	2140 (68.2%)1930	2300 (95.4%) 1750	уголь			
	погр. 32	СОАН-4369**	3610 \pm 35	2025 (68.2%)1920	2120 (3.7%) 2090 2040 (91.7%)1880	уголь			
	погр. 34	СОАН-4370**	3670 \pm 40	2140 (57.9%)2010 2000 (10.3%)1970	2200 (3.2%) 2170 2150 (92.2%) 1930	уголь			
	столбовая яма, кв. В-48	СОАН-4371**	3665 \pm 55	2140 (68.2%)1960	2200 (95.4%) 1900	уголь			

Березовая Лука	хозяйственная яма	СОАН-3213***	3615±35	2030 (68.2%)1930	2130 (5.2%) 2090 2050 (90.2%) 1880	уголь			
	погребенная почва над культурным слоем поселения	СОАН-3752***	2360±60	710 (2.4%) 690 540 (65.8%) 380	800 (91.1%) 350 300 (4.3%) 200	гумус			
	зольник №1	СОАН-3753***	4335±120	3350 (68.2%)2750	3400 (95.4%) 2600	уголь			
	жилище 2 (дно и столбовая яма)	СОАН-3754***	4205±65	2900 (20.0%)2830 2820 (48.2%)2670	2920 (95.4%) 2580	уголь			
	3 уровень культурного слоя поселения, кв. Л-2	СОАН-3755***	3875±70	2470 (64.2%)2280 2250 (4.0%) 2230	2570 (2.5%) 2530 2500 (92.9%) 2130	уголь			
	яма №336, жилище 1	СОАН-4150***	3125±45	1450 (56.0%)1370 1350 (12.2%)1310	1500 (95.4%)1290	уголь			
	яма №411, жилище 1	СОАН-4151***	3415±90	1880 (9.5%) 1840 1830 (58.7%)1610	1940 (95.4%) 1500	уголь			
	яма №173, жилище 1	СОАН-4152***	3405±90	1880 (8.6%) 1840 1830 (59.6%)1600	1940 (95.4%) 1490	уголь			
Елунино-1	погр. 2	СОАН-1893****	3560±30	1960 (67.5%)1870 1840 (0.7%)1830	2020 (3.3%)1990 1980 (75.4%) 1860 1850 (16.7%) 1770	уголь			
Коровья Пристань III	?	СОАН-2192****	3660±75	2140 (68.2%)1930	2300 (95.4%) 1750	уголь			
Сатыга XVI	погр. 39	ОхА-12529****	3655±29	2130 (19.8%)2090 2050 (48.4%)1960	2140 (95.4%)1940	кость человека			
Усть-Ветлужский могильник	погр. 8	Нела-929*****	3545±50	1950 (40.6%)1860 1850 (27.6%)1770	2030 (95.4%) 1740	дерево, ель (рукоять ножа)			
	погр. 10	Нела-966*****	3395±35	1740 (68.2%)1630	1870 (2.0%) 1840 1780 (93.4%)1600	дерево, ель (втулка копья)			
	погр. 12	Нела-928*****	3400±50	1760 (68.2%)1620	1880 (6.5%) 1840 1830 (83.9%) 1600 1590 (4.9%) 1530	дерево, дуб (втулка кельта)			

Примечание: * – Молодин и др., 2010; ** – Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; *** – Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; **** – Кирюшин, 1987; ***** – Епимахов, Хэнке, Ренфрю, 2005; ***** – Юнгер, Карпелан, 2005.

Не противоречит хронология барабинских комплексов и возрасту зауральского памятника с предметами сейминско-турбинского типа, некрополя Сатыга XVI – XXII–XX вв. до н.э. (см. *таблицу*). Самый молодой возраст среди комплексов с сейминско-турбинскими предметами на данный момент имеет Усть-Ветлужский могильник, расположенный в лесной зоне Среднего Поволжья (см. *таблицу*). Одна дата (Нела-929) указывает на XXI–XVIII вв. до н.э., две другие (Нела-928, -966) определяют возраст в рамках XIX–XVI вв. до н.э. Однако такая «поздняя» хронология памятника вполне согласуется с гипотезой о восточных, алтае-саянских, корнях сейминско-турбинского транскультурного феномена (Черных, Кузьминых, 1987. С. 95–96).

Итак, при анализе барабинских результатов датирования мы не исключаем вероятности влияния «резервуарного» эффекта и

как следствие – удревание возраста. Высокий уровень азота (см. *таблицу*) в образцах (+13/+15%) указывает на вероятное потребление населением рыбы. Эта проблема требует дальнейшего решения. На данный момент комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи можно считать синхронными и относить к последней четверти III тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 48–53.

Грушин С.П. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века // Алтай в системе металлургических провинций

энеолита и бронзового века. Барнаул: АГУ, 2009. С. 122–131.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрью К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АГУ, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: АГУ, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: АГУ, 2005. 288 с.

Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул: АГУ, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Западной Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4–16.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию П.А. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2010 г. Т. XVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 240–246.

Молодин В.И., Хансен С., Мильникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковырина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2011 г. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 206–211.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: АГУ, 2009. С. 75–121.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1 (1). С. 66–75.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. О базе данных календарной радиоуглеродной хронологии «дописьменной» эпохи культур Западной Евразии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2013. С. 8–14.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. С. 104.

Юнгер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

Bronk Ramsey C. Development of the radiocarbon calibration program OxCal // Radiocarbon, 2001. № 43 (2A). P. 355–363.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of *in vivo* bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. № 317 (6040). P. 806–809.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. Radiocarbon chronology of burial grounds of the Andronovo Period (Middle Bronze Age) in Baraba Forest Steppe, western Siberia // Radiocarbon, 2012. V. 54. № 3–4. P. 737–747.

Reimer P.J., Baillie M.G., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 calkyr BP // Radiocarbon. 2004. V. 46. № 3. P. 1029–1058.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ СТЕПНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ

© 2014 г. В.И. Мельник

*Институт археологии РАН, Москва
(melvaler@yandex.ru)*

Ключевые слова: погребальные комплексы, катакомбные памятники, ямно-катакомбная группа, маньчская группа, северокавказская катакомбная группа.

Резюме. В настоящее время на правом берегу Кубани возможно выделение нескольких групп погребальных комплексов эпохи средней бронзы, отражающих контакты местных прикубанских культур и культур их северо-восточных и юго-восточных соседей. Таковы ямно-катакомбная группа, маньчская группа, северокавказская катакомбная группа, имеющие черты своеобразия по отношению к исходным культурам на их основной территории.

Массив погребальных комплексов степного правобережья Кубани, относящихся к эпохе средней бронзы, не однороден в культурном отношении. Он представлен целым рядом культурных образований, к тому же занимающих разную хронологическую позицию. В настоящее время в культурно-хронологической схеме памятники восточноприазовской катакомбной культуры и батуринской катакомбной культуры выступают как основные для данной территории. Катакомбные памятники с ямной традицией, а также памятники западноманьчской, восточноманьчской и северокавказской катакомбной культур, присутствующие здесь спорадически, располагаются преимущественно на восточной периферии региона. Они демонстрируют восприятие некоторых элементов основных культур, а иногда помимо этого имеют черты своеобразия в рамках своих культурных образований. Эти периферийные группы немногочисленны.

Ямно-катакомбная группа. Ямно-катакомбная группа по основным признакам при-мыкает к восточноприазовским памятникам раннего облика и отличается прежде всего позицией погребенных на спине скорченно. Она представлена двумя погребениями, которые располагались в курганной группе у пос. Степной в верховьях р. Челбас. Это погребение 4 кургана 3 и погребение 7 кургана

4. Первое из этих погребений располагалось в центральной части кургана в Т-образной катакомбе с трапециевидной шахтой. Размеры шахты по длинной оси составляли 2,8 м, а поперек в широкой части – 1,5 м, в узкой – 1 м. Шахта была ориентирована по линии С–Ю, дно с уклоном в южную сторону ко входу в камеру с четырьмя ступеньками. По бокам последней ступеньки проходили заплечики шириной 0,15 м и длиной около 0,5 м при высоте 0,4 м. На середине первой ступеньки лежала часть сосуда с венчиком (жаровня). В камеру вел лаз, имевший сводчатую форму (высота 0,45 м, ширина 0,8 м). Камера была четырехугольной и имела форму параллелограмма. Длина камеры по центральному сечению – 2,3 м, ширина – 1,3 м. Стенки камеры до высоты 0,5 м были вертикальные, свод не сохранился. На середине камеры лежал скелет взрослого человека на спине слегка скорченно и был ориентирован черепом на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ладонями обращены вниз. Костяк лежал на подстилке с белесыми волокнами, проходившими поперек остова. С южной стороны от черепа и правого плеча прослежен отпечаток красной краски. В северо-восточном, левом от входа углу камеры лежало днище сосуда с углями (жаровня). Рядом – череп и ножка барана.

Второе погребение также представляло Т-образную катакомбу, находившуюся в цен-

тре кургана. Здесь, видимо, была прослежена только нижняя часть шахты. Ее длина составляла 1 м, ширина – 0,9 м. Дно наклонно понижалось к лазу в южную сторону. Камера по форме представляла неправильную трапецию. Длина ее была 2,2 м, ширина в средней части – 1,5 м. Стенки камеры до высоты 0,5 м были вертикальные, а затем круто поворачивали на свод, который не сохранился. В средней части камеры на спине скорченно лежал скелет взрослого человека, череп которого находился в 0,25 м от правого плеча. Верхней частью туловища скелет был ориентирован на восток. Ноги согнуты в коленях под тупым углом и повернуты в южную сторону. Руки вытянуты вдоль туловища и ладонями обращены вниз. Судя по всему, первоначальное положение погребенного было полусидячим. Дно камеры в центральной части покрыто глянцем темно-коричневого цвета. Правая рука и пространство камеры вдоль нее покрыто толстым слоем красной краски. В юго-западном углу камеры лежала часть сосуда с венчиком (жаровня).

Маньчская группа. На северо-восточной периферии батуринского культурного образования фиксируется присутствие маньчских памятников. Разделение их на западные и восточные не всегда возможно. Только одно погребение можно определить как восточно-маньчское. Другие погребения либо близки западноманьчским, либо неопределенные. Главным критерием идентификации этой инокультурной для Прикубанья группы была керамика, поэтому сюда включены только погребения с сосудами. Тип сосуда, весьма характерный для маньчского культурного образования, так называемая репа, форма ПД по классификации С.Н. Братченко (1976) указывает на происхождение этих памятников. Восточноманьчское погребение (Хоперская 7/5а) было впущено через шахту и камеру другого катакомбного погребения с частичным его разрушением. Умерший положен на левый бок, руки его протянуты к ногам. В погребении располагался реповидный сосуд и курильница. В двух других погребениях Хоперской курганной группы также присутствовали реповидные сосуды, погребенные лежали на правом боку в скорченном виде. Сюда, видимо, должно быть включено и погребение

6 кургана 5 из курганной группы Степной с расчленением. Там, где катакомбы были прослежены, они имели Т-образную форму. Н-образные катакомбы с реповидными сосудами зафиксированы в Анапской курганной группе (два случая). Это были вторичные погребения. По другим характеристикам группа особо не выделяется. Подстилки, мел, уголь – практически в тех же вариациях. Украшения и кости животных не зафиксированы.

Северокавказская катакомбная группа. Северокавказские катакомбные памятники в рассматриваемом регионе связаны как с ранней, так и с поздней фазами среднего бронзового века. По некоторым признакам часть их может быть принята как ранние, другая как поздние комплексы, но группа при этом сохраняет единство. Занимают эти памятники северо-восточную часть региона. В основе выделения группы лежат сочетания двух признаков: позиции погребенных на спине вытянуто и наличие катакомбы. Северокавказские катакомбы имели Т-образную форму с прямоугольными шахтами и прямоугольными или овальными камерами. В большинстве случаев руки умерших были вытянуты вдоль туловища. Подстилки коричневого и черного цветов находились в большинстве погребений. В двух погребениях найдены украшения: бронзовые бусы и подвески. Мел зафиксирован в пяти погребениях, уголь в четырех, причем в двух случаях совместно. Красная краска присутствовала во всех погребениях и находилась в районе ног, рук и головы. Кости животных отмечены в семи погребениях, в трех случаях они находились в шахте, в остальных случаях в камере, в головах и ногах погребенных. Сосуд и курильница были поставлены в одном погребении (Степной 4/12). В одном погребении обнаружен терочный камень.

Представленные группы связаны с межкультурными взаимодействиями и инокультурными для данной территории комплексами. Ямно-катакомбная группа, представленная всего двумя погребениями, отражает раннюю фазу сложения катакомбной обрядности. Позиция на спине скорченно, присутствующая в этих погребениях, характерна для ямных погребений. Оба погребения располагаются в курганах на восточной периферии изучаемого района и восточноприазовской культу-

ры, а также на стыке предшествующих новотиторовской и ямной культур. Кроме того, катакомбы этих погребений были обширны и имели прямоугольные камеры, подобные восточноприазовским, что связывает их с ранними восточноприазовскими группами.

Восточная периферия, т.е. верховья р. Челбас, специфичны в культурном плане. Ряд имеющихся здесь комплексов обнаруживает близость как с восточноприазовскими, так и с батурическими памятниками, но вместе с тем просматриваются и отличия в устройстве катакомбных сооружений и керамике. Кроме того, очевидно воздействие маньчской культурной среды.

Маньчские комплексы, также находящиеся на восточной периферии, имели черты своеобразия по сравнению с основными

районами их распространения, проявляющиеся в том, что здесь катакомбы имела Т-образную форму, западнее – Н-образную.

Северокавказские катакомбные погребения, концентрировавшиеся тоже в восточной части распространения восточноприазовских и батурических памятников, связаны с разными периодами существования на этой территории катакомбных традиций. Здесь можно зафиксировать элементы восточноприазовского влияния, следы батурического времени и маньчского влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). Киев: Наук. думка, 1976. 252 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

© 2014 г. Н.Л. Моргунова

*Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
(nina-morgunova@yandex.ru)*

Ключевые слова: ранний бронзовый век, ямная культура, Волжско-Уральское междуречье.

Резюме. В статье рассматривается вопрос об истоках формирования ямной культуры в Волжско-Уральском междуречье на базе хвалынской энеолитической культуры. Преемственность между ними устанавливается по всем признакам погребального обряда. Приводятся новые данные о хронологии хвалынской культуры.

Основные культуурообразующие признаки ямной культуры – подкурганый обряд захоронения в больших индивидуальных ямах; скорченное на спине с наклоном вправо или на правом боку положение умерших; восточная ориентировка; оформление ям растительными циновками; посыпка охрой; круглодонная керамика с примесью толченой раковины в глине. Единственной в Поволжье культурой, располагающей всеми перечисленными признаками в предшествующее время, является

хвалынская культура. В погребальном обряде Хвалынских грунтовых могильников находят истоки многие элементы ямной погребальной обрядности. С хвалынской культурой связано и зарождение курганной традиции.

Древнейшие подкурганные погребения типа курганного могильника Бережновка I 5/22 Н.Я. Мерперт относил к раннему этапу ямной культуры и синхронизировал их с Нальчикским могильником (Мерперт, 1974). Позднее в работе И.И. Дремова и А.И. Юдина

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-01-00127

перечень древнейших подкурганых погребений был дополнен, а их эпохальный статус определен как энеолитический на основании прямых аналогий в материалах Хвалынских могильников (Дремов, Юдин, 1992).

В настоящее время древнейшие курганы сосредоточены на территории степной зоны Нижнего Поволжья (Юдин, 2006). Это более 20 комплексов. При сравнении материалов с Хвалынскими и Хлопковским могильниками обнаруживается их культурная близость по многим признакам. В курганах погребальный обряд так же, как и в грунтовых могильниках, не отличается стабильностью. Положение скелетов – скорченное на спине с наклоном ног вправо или влево, с вытянутыми вдоль тела или сложенными на животе кистями рук. Ориентировка скелетов преобладает в северо-восточном направлении, но встречаются и юго-западные ориентировки. Как правило, погребенные обильно посыпались охрой, но имеются и слабо окрашенные скелеты. В отличие от грунтовых могильников древнейшие подкурганые погребения совершались в ямах прямоугольной, иногда овальной формы различной глубины, зафиксированы случаи сооружения ям со ступеньками.

Убедительность сопоставления с грунтовыми могильниками придают находки керамики в древнейших подкурганых погребениях, которые по всем признакам сопоставляются с сосудами из Хвалынских могильников. Кроме того, из таких погребений происходят находки мелких круглых бус из раковин, костяные пронизки, длинные кремневые пластины-ножи, медные височные подвески. В то же время отмечается заметная обедненность вещевых комплексов в курганах в сравнении с грунтовыми Хвалынскими могильниками. Малочисленность погребального инвентаря, а чаще его полное отсутствие в дальнейшем станет одной из главных особенностей ямного погребального ритуала.

Учитывая аналогии в обряде и совпадение категорий инвентаря, особенно данные керамики, И.Б. Васильев, предполагая несомненное культурное единство ранних подкурганых и грунтовых энеолитических могильников, склонялся к мысли, что первые курганы занимают в основном промежуточное место между хвалынскими и раннеямны-

ми памятниками. Этот факт он рассматривал как свидетельство в пользу формирования ямной культуры в Поволжье на основе хвалынской (Васильев, 1981). Данную точку зрения поддержал Н.Я. Мерперт (1980). По данным антропологии основными компонентами в сложении ямной культуры были носители хвалынской и среднестоговской культур при участии представителей более древних культурных групп Подонья, Поволжья и Урала (Хохлов, 2013).

В последующие десятилетия проблема приобрела дискуссионный характер, появилось мнение о невозможности выведения ямной культуры на хвалынской основе (Кузнецов, 1996; Турецкий, 2009). Сторонники данного взгляда исходят из наличия существенного хронологического разрыва между радиоуглеродными датами Хвалынских могильников и собственно ямных захоронений. При этом не учитывается ни типологическая преемственность погребальных обрядов обеих культур, ни отсутствие радиоуглеродных датировок как для древнейших подкурганых погребений бережновского типа, так и ямных комплексов репинского времени.

Итак, в решении проблемы происхождения ямной культуры в последние годы особое значение приобретает радиоуглеродное датирование. Хронология хвалынской и среднестоговской культур считается достаточно обоснованной. При этом время первой по данным одноименных могильников определяется в пределах 5000–4500 лет BC (Моргунова и др., 2010). В то же время памятники второй культуры по трем этапам датируются в пределах всего V тыс. до н.э. (калиброванная) (Телегин и др., 2001; Котова, 2006). Однако появились даты, позволяющие предполагать, что и хвалынская культура продолжала развиваться во второй половине V тыс. до н.э., что вполне соответствует археологическим сопоставлениям ее материалов со среднестоговскими (стоянки Кумыска и Чекалино IV) (Моргунова, 2011).

В связи с проблемой происхождения ямной культуры и определения ее начала весьма важным представляется вопрос о хронологии появления первых курганов. Однако вплоть до последнего времени радиоуглеродных дат по древнейшим подкурганым погребениям

практически не было. На основании даты по Кумыске и дат по курганам Перегрузное и Вертолетное поле было сделано предположение, что подкурганная традиция возникла во второй половине V тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010; Моргунова, 2011). К выводу о более позднем возрасте рассматриваемых погребений в сравнении с грунтовыми могильниками на материалах среднестоговской культуры пришла Н.С. Котова (2006).

Однако главным обоснованием данного тезиса служат археологические особенности древнейших подкурганных погребений, свидетельствующие о том, что эта традиция непосредственно предшествует формированию ямной культуры репинского этапа (Моргунова, 2011). Таким образом, проблема о времени появления первых подкурганных погребений в Заволжье нуждается в получении новых радиоуглеродных дат для этого вида памятников. Поэтому в установлении хронологии волжско-уральских памятников подобного типа пока возможно опираться только на радиоуглеродные данные других степных регионов.

Так, в Предкавказье получена серия ^{14}C -дат по древнейшим подкурганным погребениям (Кореневский, 2012). Наиболее ранние даты, соответствующие времени Хвалыньских и Нальчикского могильников, находятся в диапазоне от 5000 до 4500 лет ВС. В пределах от 4500 до 4000 лет ВС находятся датировки памятников с жемчужной керамикой и ряда подкурганных погребений. Они свидетельствуют о появлении таких погребений в пределах V тыс. до н.э., но в большей степени начиная с его середины, т.е. в домайкопское время.

В аналогичном диапазоне находятся многочисленные ^{14}C -даты для курганов новоданиловского типа, которые в культурном плане можно соотнести со среднестоговской культурой (Котова, 2006).

Западнее Днепра в сравнении с Заволжьем, Подоньем и Предкавказьем древнейшие подкурганные погребения малочисленны. Однако известен ряд грунтовых памятников с инвентарем, аналогичным происходящему из древнейших подкурганных погребений восточных областей степной зоны Восточной Европы. По ним имеются радиоуглеродные даты от середины V тыс. до н.э. (Котова, 2006).

Таким образом, хронология древнейших подкурганных погребений эпохи энеолита на настоящем уровне исследований еще не может быть установлена доподлинно. Имеющиеся радиоуглеродные данные и артефакты позволяют думать, что курганное строительство в виде отдельных эпизодов могло начаться в среде хвалыньской и среднестоговской культур в первой половине V тыс. до н.э. Однако большинство ^{14}C -дат и археологические данные указывают на утверждение данной традиции во второй половине V тыс. до н.э. И данная хронология подводит базу для определения начала генезиса ямной культуры, заполняя временную лакуну, о которой говорилось выше. В свете сказанного представляется, что наметившееся по данным радиоуглеродного датирования удревнение репинских памятников до рубежа V–IV тыс. до н.э. вполне закономерно (Моргунова, 2013).

Намечающаяся хронология древнейших подкурганных погребений позволяет предположить, что аналогично периодизации среднестоговской культуры в развитии хвалыньской культуры со временем на новых материалах будет обосновано выделение ее позднего этапа (бережновского).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1981. 127 с.

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–30.

Кореневский С.Н. Рождение кургана. М.: Таус, 2012. 256 с.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во СГУ им. В. Даля, 2006. 328 с.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 50–60.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. С. 166.

Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1980. С. 326.

Моргунова Н.Л. Энеолит волжско-уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 5–23.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 19–28.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.

Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 59–65.

Хохлов А.А. Краниологические материалы из древнейших подкурганых захоронений бережновского типа // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т.15. № 1. С. 197–200.

Юдин А.И. Поздний энеолит Нижнего Поволжья и проблемы формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 114–116.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЯХ¹

© 2014 г. Л.С. Песочина

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино
(LSPesch@rambler.ru)*

Ключевые слова: палеопочвенные исследования, эпоха бронзы, степь, палеоэкология, курганы.

Резюме. На базе палеопочвенных исследований разновозрастных археологических памятников с привлечением палеогеографического материала осуществлена реконструкция палеоэкологических условий эпохи бронзы в Волго-Донских степях. Полученные материалы свидетельствуют о существенной динамике увлаженности климата и процессов почвообразования в регионе в данный временной срез. Наибольшая амплитуда изменчивости приходилась на III тыс. до н.э. Относительно влажный и прохладный климат в ямное время способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. На протяжении II тыс. до н.э. масштабы варьирования увлаженности климата были меньшими. Фиксировалась аридизация климата на рубеже II–I тыс. до н.э.

В жизни древнего населения природная среда всегда играла важную роль, определяя особенности хозяйственной деятельности и миграционные процессы. Важнейшими палеоэкологическими компонентами были почвы и климат.

Для изучения климата в прошлом используются различные природные объекты. Наибольшее количество климатических реконструкций осуществлено на базе спорово-пыльцевого анализа органических отложений болот и стоянок древнего человека. К сожалению,

нет универсальных методов и объектов, исключающих вероятность искажений реальных событий. Так, источником ошибок при использовании спорово-пыльцевого анализа может быть присутствие в спорово-пыльцевом спектре пыльцы растений, занесенной с больших расстояний ветром или водными потоками, различная пыльцевая продуктивность отдельных растений и различная сохранность разных типов пыльцы, что может исказить состав спорово-пыльцевых спектров, а также относительность датировок, получаемых ра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-04-00934.

диоуглеродным методом. Возможны искажения из-за многофакторности формирования стратиграфии донных отложений; сравнения палеопочв, сформированных в различных литолого-геоморфологических условиях, погребенных в разные сезоны, без учета масштабов диагенетических преобразований. С этим, вероятно, в большой степени и связаны разногласия в реконструкции климата отдельных периодов голоцена для некоторых регионов. Поэтому целесообразно комплексное применение различных методов, дополняющих и контролируемых друг друга.

В данной работе реконструкция изменчивости природных условий осуществлялась на базе палеопочвенных исследований с привлечением палеогеографического материала. Археологические раскопки проводились в Неклиновском, Мясниковском, Багаевском и Аксайском р-нах Ростовской обл. сотрудниками Таганрогского музея (П.А. Ларенок и Е.И. Беспалый), Института археологии РАН (В.Я. Зельдина) и «Южархеологии». Объектами изучения послужили палеопочвы разновозрастных археологических памятников, в том числе курганов эпохи бронзы (вторая половина III – II тыс. до н.э.).

Одним из важных результатов изучения почв археологических памятников было установление цикличности развития почвообразовательных процессов в голоцене и разработка концептуальной модели разнопериодной динамики природных условий на юге Русской равнины, базирующейся как на собственных данных, так и на литературном материале (Песочина, 2009).

Согласно полученным данным, во второй половине голоцена имели место два двухтысячелетних цикла и пять тысячелетних. Циклы разной длительности накладывались друг на друга. Отмечены периоды как усиления их совместного влияния, так и ослабления.

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка вероятных масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена (Песочина, 2003). Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в Низовьях Дона составляла 380–500 мм.

Бронзовый век, охватывавший период с III тыс. до н.э. до рубежа II–I тыс. до н.э. и включивший три последовательно сменявшиеся культурно-исторические общности (ямную, катакомбную и срубную), характеризовался значительными природными изменениями. Наибольшая амплитуда изменчивости приходилась на III тыс. до н.э. Тренд увеличения увлажненности территории первой половины III тыс. до н.э. с формированием максимума в середине III тыс. до н.э. (климатический «оптимум») сменился иссушением во второй половине тысячелетия и резкой аридизацией на рубеже III–II тыс. до н.э. («ксеротерм»). Среднегодовое количество осадков сократилось на 100–120 мм. Черноземы обыкновенные, переходные к черноземам типичным, сформированные в период климатического оптимума, имевшие комковато-зернистую структуру и признаки повышенной увлажненности, в конце III тыс. до н.э. подверглись засолению. Степень засоления была невысокой и благоприятной для внедрения натрия в почвенный поглощающий комплекс и ошелачивания почвенного профиля (рН 8.4–8.5), активного иллювиирования гумуса по порам, ходам корней и червей, вертикальным граням структурных отдельностей, развитию призмовидно-столбчатой структуры к концу этого периода. Карбонаты аккумулировались, в основном, в форме белоглазки, псевдомицелий был слабо выражен. Максимум карбонатов располагался на глубине около 1 м, и его содержание здесь достигало 13.5%. Верхняя часть профиля характеризовалась слабым хлоридно-содовым засолением, с глубины 140 см сменяющимся средним сульфатным. Запасы гумуса в метровой толще не превышали 22 кг/м². К концу хроноинтервала сформировались черноземы южные, что свидетельствует о резкой аридизации.

Проведенные климатические реконструкции на базе палеопочвенных исследований подтверждаются данными, полученными с использованием палеогеографических материалов, в частности, с динамикой уровней морских бассейнов, изменчивостью спорово-пыльцевых спектров органогенных отложений болот и культурных слоев стоянок древнего человека, изменчивостью ландшафтов (Варущенко С.В., Варущенко А.И., Кли-

ге, 1987; Герасименко, 1997; Кременецкий, 1997).

Согласно данным С.И. Варущенко с соавторами (1987) в течение большей части бронзовой эпохи Каспийское море находилось в стадии регрессии (Махачкалинская, 5300–3600 л.н.), уровень моря опускался до отметок –39...–42,5 м. При этом отмечалось два пика, прерываемые в интервале времени 4250 ± 150 кратковременной трансгрессивной фазой, уровень моря достигал –18...–22 м. Конец средней – начало поздней бронзы охарактеризовались подъемом уровня моря до –21 м. Трансгрессивная (туралинская) фаза просуществовала до XI в. до н.э.

Данные К.В. Кременецкого (1997) по спорово-пыльцевым спектрам органогенных слоев болот Липиги, Харабулук, Побочное, стоянок Раздорская, Самсоновская выявили следующую изменчивость растительности и климата: период времени 5–4,5 тыс. л.н. характеризовался увлажненностью территории, происходило расширение площади сосновых лесов на террасах и широколиственных долинных лесов; 4,5–3,5 тыс. л.н. – произошло снижение доли пыльцы деревьев, рост кривой пыльцы маревых и падение сложноцветных. При этом максимальное распространение маревых и минимальное содержание пыльцы древесных пород отмечается в слое катакомбной культуры (около 3,8–3,7 тыс. л.н.). В это время сократилась площадь пойменных лесов. Период характеризовался иссушением климата. В период 3,5–3,2 (2,8) тыс. л.н. в составе спектров травянистой растительности слоя срубной культуры сильно сокращается доля маревых и возрастает доля сложноцветных, повышается доля пыльцы древесных пород в общем составе спектра. Это свидетельствует о мезофитизации растительности и об улучшении условий увлажненности территории.

Согласно Н.П. Герасименко (1997), суббореальный период голоцена на территории Донбасса характеризовался наиболее контрастными изменениями природной среды, проявляющимися в чередовании стадий увлажнения и резкого иссушения климата. Начало суббореального периода было отрезком увлажнения и похолодания климата. Резкое ухудшение природных условий, прежде всего

иссушение, континентальность установлены для периода около 3,8–3,7 тыс. л.н. Сократилась роль широколиственных пород, уменьшились массивы боровых лесов на террасах, возросла доля ксероморфных семейств. Резко изменилась среда в эпоху срубной культуры (3300–2900 л.н.). Наступивший период характеризовался увлажнением, смягчением континентальности. Наибольшее увлажнение выявляется в период 3,2–3,1 тыс. л.н. Облик растительности приближался к лесостепному, но с преобладанием открытых степных ландшафтов. На рубеже 3–2,9 тыс. л.н. вновь произошло снижение увлажненности климата, нарастание континентальности, максимально проявившееся 2800–2700 л.н.

Закономерности изменчивости климата, выявленные в степях Приазовья, хорошо согласуются с палеоклиматическими данными, полученными для Северного Причерноморья (Золотун, 1974; Герасименко, 1997).

Полученные материалы позволили выявить следующую картину изменчивости увлажненности климата в степной зоне юга Русской равнины в эпоху бронзы. Середина III тыс. до н.э. характеризовалась резонансным взаимодействием экстремумов увлажненности 2000- и 1000-летней цикличности. Относительно влажный и прохладный климат в эти хроноинтервалы способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. Аридизация климата активизировала развитие в почвах региона процессов засоления, осолонцевания, карбонатизации, а также минерализации и пептизации гумуса. Признаки аридного педогенеза зафиксированы в почвах периода 4000–3700 л.н.

Изменения климата в эпоху бронзы должны были влиять на жизненный уклад степных племен. Племена ямной культурно-исторической общности оптимально приспособились к экологическим условиям степной зоны. Они практиковали пастушеское скотоводство, а в наиболее благоприятных природных районах (Поднепровье, Нижний Дон, Кубань) занимались примитивным пойменным земледелием. Катакомбные племена пастухов-кочевников были более подвижными. Об этом свидетельствуют редко встречающиеся поселения, преобладание в составе стада овец. В эпоху

поздней бронзы жизненный уклад степных племен изменился. Известны сотни поселений этой эпохи, тысячи погребений в курганах и грунтовых могильниках. Обнаружены находки, указывающие на наличие земледелия (Демкин и др., 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варущенко С.В., Варущенко А.И., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 237 с.

Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 3–64.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н. Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушино: SYNCHROBOOK, 2010. 120 с.

Золотун В.П. Развитие почв юга Украины за последние 50–45 веков: Автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. Киев, 1974. 74 с.

Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ (культурные традиции). Мат-лы конф. М.: ГИМ, 1997. С. 30–45. (Тр. ГИМ; Вып. 97).

Песочина Л.С. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв. Мат-лы конф. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. С. 145–151.

Песочина Л.С. Закономерности циклической изменчивости почв и природных условий степных ландшафтов Приазовья во второй половине голоцена // Степи Северной Евразии. Т. 1. Оренбург: Газпромпечатать, 2009. С. 530–533.

ОБЪЕКТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОГРАД КУРГАНОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. А.В. Поляков

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(poliakov@yandex.ru)*

Ключевые слова: окуневская культура, Средний Енисей, стелы, ритуальные площадки.

Резюме. В результате исследований последних лет установлено, что за пределами оград курганов окуневской культуры Среднего Енисея располагаются разнообразные устойчиво связанные с ними объекты, которые зачастую не попадают в границы раскопов. К технологическим объектам относятся ямы, из которых брался грунт для формирования насыпи. Кроме них выявлены ритуальные площадки, кольца вокруг курганов из менгиров и одиночные стелы, установленные на оси центрального погребения. Все это требует изменения подхода к раскопкам окуневских курганов и целенаправленных поисков описанных в статье элементов погребально-поминальных комплексов.

Продолжающиеся исследования погребальных памятников окуневской культуры Среднего Енисея выявили существование разнообразных объектов, располагающихся за пределами их оград. Часть из них носит технологический характер, а часть, по всей видимости, была необходима для проведения неких обрядов в процессе совершения захоронений и после этого. Выявление подобных объектов стало следствием раскопок широкими площадями, а затем и целенаправленных их поисков (Поляков, 2010; Лазаретов, 2012).

Первый тип объектов – ямы, из которых брался грунт для создания насыпи. Они были зафиксированы при раскопках трех памятников: Уйбат V, курган 1; Мохов VI; Итколь II, курган 13 (Киргинеков, 1997; Лазаретов, 1997). Исследования последнего кургана проводились в 2013 г. и позволили составить наиболее полное представление об особенностях этих объектов. За пределами ограды с трех сторон (кроме северо-восточной) были обнаружены огромные грунтовые ямы длиной 13–14 м и шириной 4,5–5,3 м: объекты А, В, С (см. рисунок). Они вытянуты параллельно стенкам ограды на всю ее длину и имеют плавное понижение от краев к центру. Максимальная глубина колеблется в пределах 0,6–0,8 м от уровня «материка». Именно из этих ям был взят грунт для создания насыпи

кургана. В двух других случаях (Мохов VI и Уйбат V, курган 1) было зафиксировано только по одной яме с северо-западной стороны. Однако можно предполагать, что первоначально ям тоже было по три, но в силу разных обстоятельств они не были прослежены полностью. Так, курган Мохов VI сохранился только частично и, возможно, две другие ямы были уничтожены гравийным карьером (Киргинеков, 1997. Рис. 1). Нельзя исключать, что такие ямы довольно распространены, но редко выявляются исследователями, так как не всегда располагаются вплотную к ограде и не попадают в границы раскопов.

Во всех трех случаях есть свидетельства того, что эти ямы не были засыпаны после окончания функционирования кургана, а продолжали стоять открытыми. В случаях памятников Уйбат V, курган 1 и Мохов VI это подтверждается тем, что в ямах на значительной глубине были зафиксированы артефакты, кости и камни, выброшенные при ограблении могил. В случае с курганом 13 могильника Итколь II – материалами позднескифского времени, найденными в том числе и в придонной части ям. Вероятно, не засыпая ямы, строители кургана добивались того, чтобы насыпь казалась визуально выше. Можно осторожно предположить, что эти ямы отчасти были прообразом рвов, окружавших кур-

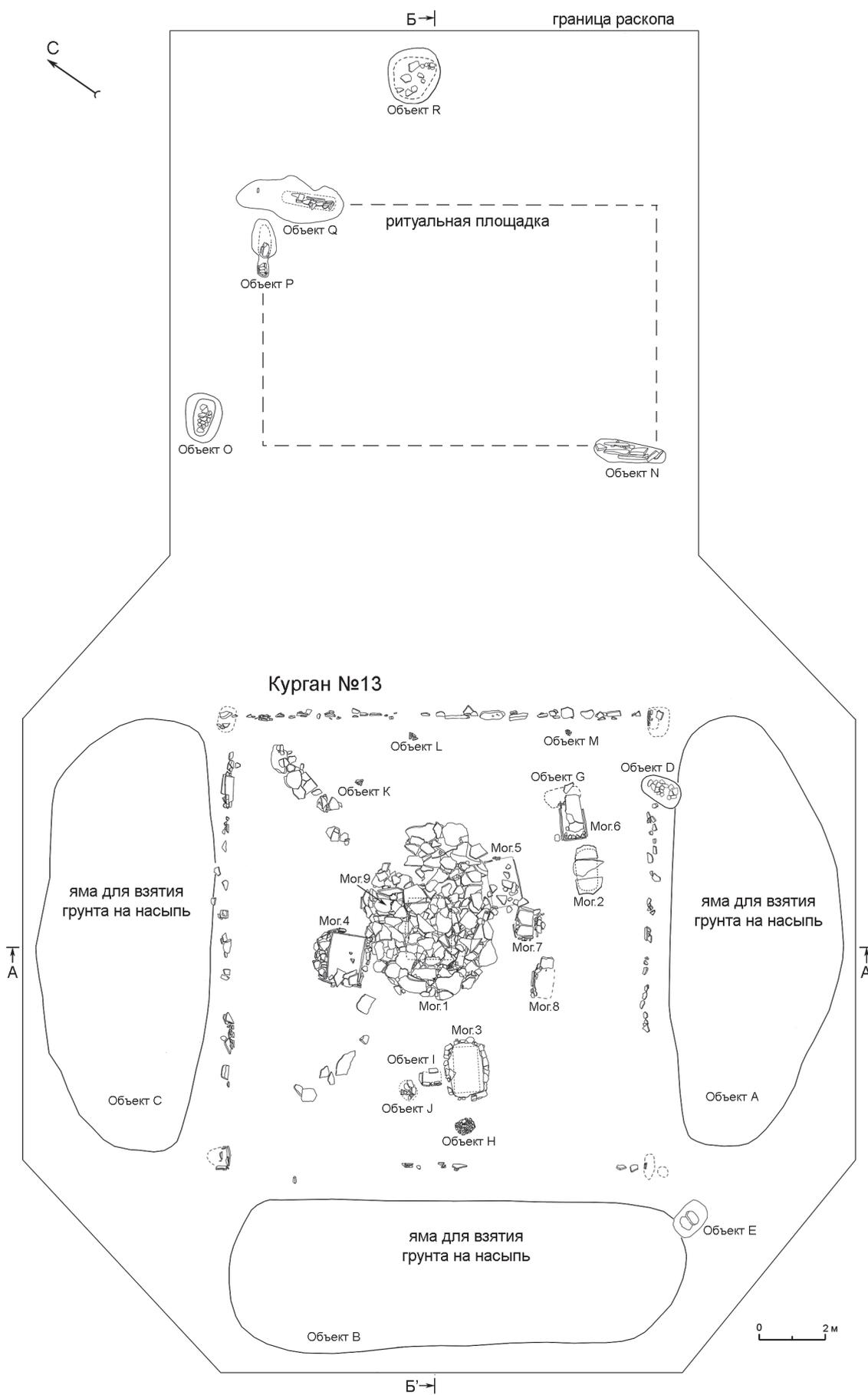

Схема расположения объектов окуневской культуры на площади раскопа к. 13 могильника Итколь II.

ганы скифского времени. Наиболее интересно отсутствие такой ямы за северо-восточной стенкой ограды (Итколь II, курган 13). Есть все основания полагать, что это связано с существованием объектов следующего типа.

Второй тип объектов – ритуальные площадки, расположенные к востоку или северо-востоку от ограды кургана на оси центрального погребения. Они были обнаружены четыре раза: База Минторга; Красный Камень, курган 1; Итколь II, курганы 13 и 26 (Наглер, Пацингер, 2006. С. 106–107; Лазаретов, 2012. С. 221–222; Поляков, 2010). Основные признаки, которые их объединяют: расположение к востоку или северо-востоку от ограды кургана, огороженное пространство прямоугольной формы, иногда следы обрядовых действий. Подобные площадки были обнаружены во всех случаях, когда такие поиски проводились. Это позволяет полагать, что они были весьма распространены, а, возможно, были обязательным элементом каждого кургана окуневской культуры.

Конструкция и размеры площадок могут несколько различаться, но планиграфически они всегда четко связаны с основной оградой, находясь на ее оси и повторяя разворот. В некоторых случаях площадка, как и курган, обнесена сплошной оградой из плит (База Минторга, Красный Камень). В одном случае плиты были вкопаны с разрывами (Итколь II, курган 26). Наконец, наименее четко она была обозначена возле кургана 13 могильника Итколь II, где зафиксированы только ямы забутовки южной и северных угловых стел: объекты N, P, Q (см. *рисунок*). Стоит отметить, что хронологически этот курган наиболее поздний из всех перечисленных, т.е. можно предположить, что наблюдается постепенное снижение уровня требований к оформлению площадок.

Дважды в центре площадок было обозначено особое место, вероятно, для проведения ритуалов. В кургане 1 могильника Красный Камень в центре площадки было некоторое понижение, обложенное по периметру наклонными плитками песчаника. В кургане 26 могильника Итколь II там же находился очаг, который определялся на основании слоя прокала и большого числа неопределимых сильно обожженных мелко колотых костей

животных. Вокруг очага по направлению к углам площадки зафиксированы столбовые ямки каркасного сооружения, возможно, навеса, накрывающего очаг. В трех случаях из четырех в конструкциях площадок были обнаружены переиспользованные плитки с изображениями, датирующимися окуневской культурой. Кроме того, на их площади были найдены отдельные артефакты этого времени (фрагменты керамики, изделия из камня).

Пока объем информации явно недостаточен для реконструкции проводимых на этих площадках обрядов, но наиболее вероятно их использование с целью поминовения усопших, похороненных в кургане. Можно добавить, что существование схожей площадки не исключено и для могильника Туим-Кольцо, где к северо-востоку от ограды отмечено шесть стел, интерпретируемых обычно как «вход» (Кызласов, 1987). Возможно, они образуют аналогичную ритуальную площадку.

Третий тип объектов – кольцо из менгиров вокруг кургана. Пока известно только два подобных случая. Первый – могильник Туим-Кольцо, исследованный в 1984 г. Л.Р. Кызласовым, который продолжительное время считался уникальным (Кызласов, 1987). Второй – могильник Красный Камень, курган 1, где в процессе раскопок в 2010–2011 гг. И.П. Лазаретовым обнаружены основания трех стел, части аналогичного кольца (Лазаретов, 2012). В первом случае диаметр окружности составлял 82 м, а расстояние между стелами – 8–9 м, во втором – диаметр был около 60 м, расстояние между стелами – 7–7,5 м. Эти цифры явно пропорциональны, т.е. меньший диаметр кольца предполагает меньшее расстояние между стелами. К сожалению, у обоих памятников сохранились далеко не все менгиры, поэтому их первоначальное число можно только предполагать. У кургана Туим-Кольцо их было, вероятно, 28–32, а у кургана 1 могильника Красный Камень – 25–27. Учитывая возможную погрешность в измерениях, нельзя исключать, что число стел было константой.

Обращает на себя внимание интересный момент. Центр кольца, исследованного Л.Р. Кызласовым, не совпадает с центром самого кургана. Ограда смещена относительно окружности к югу. Предполагаемый центр

окружности располагается в северной части ограды. Это сделано явно намеренно, но цель такой асимметрии не ясна. В случае кургана 1 могильника Красный Камень, где выявлено местоположение только трех камней, точную форму и расположение кольца установить невозможно.

Четвертый тип объектов – одиночные стелы или их основания, расположенные к западу или юго-западу от основного погребения на его центральной оси. Чаще всего они располагаются в пределах ограды (Итколь II, курганы 13, 14) или стоят прямо в центре стенки ограды (Итколь II, курган 26), но известен один зафиксированный случай, когда подобные стелы были вынесены на продолжении этой оси за пределы ограды – Уйбат V, курган 2 (Лазаретов, 1997. С. 25). Весьма вероятно, что подобные стелы достаточно распространены, но не выявляются исследователями, так как не попадают в пределы раскопов. Интересно отметить, что эти стелы находятся на единой оси с центральным погребением и с центром ритуальной площадки.

Подводя итог, можно резюмировать, что ограда кургана окуневской культуры является только частью погребально-поминального комплекса и, не предпринимая попыток выявить остальные его элементы, исследователь осознано отбрасывает часть памятника. Современный методический уровень полевых работ требует закладки не только раско-

па, включающего в себя ограду кургана, но разноплановые мероприятия по выявлению описанных выше объектов. Весьма вероятно, что со временем будут обнаружены и другие типы связанных с курганом объектов, пока не попавшие в поле зрения ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Киргиников Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.

Кызласов Л.Р. Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. конф. М.: Наука, 1987. С. 143–145.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы конф. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 220–224.

Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник–2. СПб.: ЭлексисПринт, 2006. С. 104–119.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. СПб.: Инфол, 2010. С. 75–80.

ТЕХНИКА ВЫКОЛОТКИ И РУЧНАЯ ЛЕПКА СОСУДОВ БЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОНЧАРНОГО КРУГА¹

© 2014 г. Г.Н. Поплевко

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(poplevko@yandex.ru)*

Ключевые слова: керамика, комплексное исследование, этнографические исследования, трасологический и технологический анализы, ручная лепка, техника выколотки.

Резюме. Круглодонные сосуды майкопской культуры были сделаны несколькими способами. Часть методов удалось смоделировать экспериментально. Данные этнографии об изготовлении круглодонных сосудов показали, что методов моделирования значительно больше. В этой статье представлены этнографические данные о производстве круглодонных сосудов техникой выколотки. В ближайшие годы будут проведены эксперименты по моделированию разных методов изготовления круглодонной керамики с помощью техники выколотки и последующего трасологического исследования фрагментов экспериментальной керамики, с целью выявления характерных признаков.

В основу исследования положены материалы майкопской культуры на Северном Кавказе. Майкопская культура – одна из самых ярких и, говоря современным языком, технологически продвинутых как в изготовлении металлических изделий, так и в производстве керамики. Многие исследователи рассматривали эти технологические аспекты развития культуры, ее яркий всплеск и загадочное исчезновение. Ранее считалось, что для майкопской культуры характерны два этапа: ранний майкопский и более поздний новосвободненский (Иессен, 1950). Для майкопской культуры характерно изготовление круглодонных сосудов. Исследования А.Д. Резепкина показывают, что новосвободненский этап майкопской культуры (по А.А. Иессену) это не этап развития одной культуры, а самостоятельная новосвободненская культура, отличная как по керамике, так и по металлу. Она сосуществует с майкопской на среднем и позднем этапе ее существования (Резепкин, 2012). Кроме того, исследователь выделяет серию гибридных поселений, включающих материалы майкопской и новосвободненской культур одновременно – это период их сосуществования и взаимопроникновения в материальную культуру

друг друга (Резепкин, 2011). Для новосвободненской культуры характерна керамика с плоским или уплощенным дном. Технология изготовления керамики с плоским дном описана А.А. Бобринским и Р.М. Мунчаевым (1972). Надо добавить, что они показали технологию изготовления новосвободненской керамики с плоским дном, а не круглодонной. На момент их исследования считалось, что это поздний (новосвободненский) этап майкопской культуры.

Исследование майкопской круглодонной керамики проводил С.Н. Корневский совместно с А.А. Бобринским и самостоятельно (Корневский, 1993, 2004). Исследуя майкопскую керамику, Корневский С.Н. пришел к выводу, что выделяемая им керамика первого класса была круговая, изготовлена на гончарном круге методом донно-емкостного начинания по А.А. Бобринскому (1978), а горло сосуда изготавливалось отдельно и прикреплялось к тулову (Корневский, 1993. С. 19; 2004. С. 22). «Под понятием ‘круговая керамика майкопско-новосвободненской общности’ подразумевается посуда, изготавливаемая с помощью ранних форм гончарного круга. Но майкопские мастера не вытягивали ее на кру-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 14-06-00106а и № 14-06-00113а

Изготовление (1–8) плоскодонного сосуда ручной лепкой и последующая выколотка всей поверхности сосуда до формирования круглого дна и округлого профиля (по: Электронный ресурс).

гу целиком» (Кореневский, 2003. С. 35). Он также отмечает, что один фрагмент керамики второго класса изготовлен с помощью выколотки (Кореневский, 1993. С. 22).

Автором данной работы проведено трасологическое исследование керамики из разных поселений майкопской культуры эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе (Пхагугапе, Беляевское, Чекон, Натухаевское), содержащих материалы с круглодонной керамикой. Исследование показало, что керамика из этих поселений была сделана ручным способом лепки без использования гончарного круга или поворотного устройства. На фрагментах керамики зафиксированы следы ручной лепки и разглаживания пальцами внутренней поверхности сосудов и венчиков. Исходя из полученных наблюдений по изучению теста и поверхности керамики майкопской культуры, были проведены эксперименты как по моделированию сосудов, так и по подготовке глины к лепке и использованию разных примесей. Ранее было описано шесть приемов лепки ленточным способом, как с использованием формы-основы, так и без нее. На материалах майкопской круглодонной керамики были зафиксированы четыре из шести экспериментально смоделированных приемов изготовления сосудов (Поплевко, 2012, 2013а–г). Оставалось неясной технология изготовления сосудов, которые раскалывались произвольно в разных направлениях, что хорошо прослеживается при реконструкции археологических развалов сосудов.

Экспериментально было показано, что раскалывание стенок сосудов при тщательно уплотненных лентах при лепке также идет произвольно, а не по лентам, как многие считали и приводили как аргумент в пользу того, что лепка велась не ручным способом. Последующее исследование стенок экспериментальных и археологических образцов показало, что часть фрагментов керамики без видимых примесей и тщательно подготовленной глиняной массой имеют однородно плотную структуру без пор и пустот с однородно уплотненной структурой. По моему мнению, такие сосуды были изготовлены с помощью техники выколотки. Эти наблюдения подтолкнули к дальнейшим поискам и экспериментальным исследованиям. Для майкопской

керамики такие исследования проводятся впервые. В частности, были проведены поиски племен, изученных этнографами, с продолжающейся традицией ручной лепки круглодонных сосудов. Этнографические исследования показали, что приемов лепки круглодонных сосудов значительно больше, чем ранее было предложено для реконструкции техники лепки. В 2013 г. были проведены эксперименты по моделированию сосудов с помощью техники выколотки.

Была изготовлена целая серия круглодонных сосудов с помощью техники выколотки и сочетанием разных приемов ручной лепки и выколотки. Изучение большого разнообразия техники лепки круглодонных сосудов следует продолжить и провести экспериментальное моделирование разных приемов, с целью последующего сравнительного анализа структуры поверхности и стенок сосудов для выявления характерных признаков разных приемов лепки. Это основная задача экспериментальных и трасологических исследований на ближайшие годы.

По данным этнографии народов Африки, Азии и Южной Америки у племен, продолжающих традицию ручной лепки круглодонных сосудов, в качестве «поворотного устройства» часто служат миски с круглым дном, в которых проводят лепку сосудов. В качестве подставки также используют крупные круглодонные фрагменты сосудов или их части, иногда фрагменты стенок, поставленных на деревянную доску или друг на друга. Подставкой или «поворотным устройством» у них могли быть и верхние части сосудов с венчиком и плечиками в перевернутом положении. В отверстие шейки сосуда помещается круглодонная часть изготавливаемого сосуда. Лепка сосудов ведется вручную. После завершения лепки целой формы сосуда берут влажную кожу или ткань (иногда крупные листья растений) и покрывают ими венчик с обеих сторон. Затем сосуд прокручивают на используемой подставке, иногда даже ходят вокруг сосуда, разглаживая и отмучивая внешнюю и внутреннюю поверхности венчика и плечиков, создавая мнимое представление об использовании поворотного устройства или круга.

В Ятумпамбе провинции Канар в Эквадоре живут последние гончары, изготавливающие

глиняные горшки без гончарного круга. Выколотка ведется каменными пестами из первоначально плоскодонных сосудов, слепленными руками из одного куска глины. Верхняя часть сосуда оформляется сразу, подсушивается и затем остальная часть выколачивается каменным пестом в круглодонный сосуд (см. рисунок). Выколотка производится постепенно и занимает длительное время, причем одновременно выколачивается несколько сосудов. Выколачивается вся поверхность сосуда, затем его отставляют и берут другой, третий и т.д. Таким образом проковывается вся поверхность сосуда многократно, разными деревянными колотушками или каменными пестами.

Этнографические наблюдения помогли лучше представить и понять механизм изготовления археологической круглодонной керамики. Важно отметить, что многие племена Африки, Индии, Южной Америки сохранили до наших дней технологическую традицию лепки ручным способом круглодонных сосудов, хотя использование ручного, ножного и даже электрического гончарных кругов давно везде вошло в практику изготовления сосудов. Вероятно, важно изготавливать именно круглодонные сосуды, поскольку на гончарном круге получают плоскодонные сосуды, так как их срезают с поверхности круга. Технология их изготовления не заимствуется, а сохраняется приверженность культурной традиции круглодонной керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы // Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. С. 2–75.

Бобринский А.А., Мунчаев, Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1972. Вып. 108. С. 14–23.

Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. Вып. XII. С. 157–200.

Кореневский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.: Об-во «Знание», 1993. 167 с.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 244 с.

Поплевко Г.Н. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 117–119.

Поплевко Г.Н. Комплексное исследование и реконструкция древних технологий (методический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 1. Иркутск; Омск: Омский филиал ИАЭТ СО РАН, 2013а. С. 145–150.

Поплевко Г.Н. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тез. докл. Круглого стола. М.: ИА РАН, 2013б. С. 29–31.

Поплевко Г.Н. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Мат-лы Шестой междунар. Кубанской археологической конф. Краснодар; Широкая Балка: Экоинвест, 2013в. С. 344–349.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 28. Мінск: Беларуская навука, 2013г. С. 271–279.

Резепкин А.Д. Гибридные (майкопско-новосвободненские) поселения на Северо-Западном Кавказе // Раннеземледельческие культуры Кавказа. Мат-лы конф. Баку: AFPoliqrAF, 2011. С. 128–132.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады». СПб.: Нестор-История, 2012. 343 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXVII).

[Электронный ресурс]. ССЕСаñар – Jatump-amba: Alfareríacañari (<http://www.youtube.com/watch?v=dOya8D22h2s>).

К ВЫДЕЛЕНИЮ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПРЕДКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

© 2014 г. Г.Г. Пятых

*Институт археологии РАН, Москва
(innovaziya@yandex.ru)*

Ключевые слова: археологическая культура, культурогенез, этногенез, эпоха средней бронзы, эпоха поздней бронзы, предклассовые общества.

Резюме. Выведение крупных культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ из одного «очага» («синташтинского», «Волго-Уральского» или иного) методически ошибочно и заведомо бесплодно. Факты археологии, физической антропологии, а также закономерности распространения культурных влияний в эпоху предклассовых обществ в сумме показывают, что культуры поздней бронзы возникали на месте на поликультурной основе.

В археологии, изучающей бесписьменные общества, существует проблема поиска истоков происхождения археологических культур. Казалось бы, если с одной стороны имеется некая достаточно изученная культура, а с другой существуют не менее отчетливые представления о культурах, предшествующих ей на ее и соседних территориях, то процессы культурогенеза должны хорошо отслеживаться в материалах. Но так не происходит: «Исследователи занимаются поисками центров происхождения культур... и... не находят их» (Третьяков, 1962. С. 13). Несмотря на накопление за прошедшие с 1962 г. полвека совершенно колоссальных материалов, эта констатация П.Н. Третьякова осталась незыблемой: прототипы всех элементов новой культуры в каком-то одном центре, некоем «культурном очаге», никогда не обнаруживаются.

Этот факт позволяет констатировать, что поиск истоков происхождения археологических культур в одном «центре» («очаге») ошибочен уже на уровне методического подхода. Тупиковость «очаговой» теории подтвердила дискуссия 2005 г. в Челябинске, когда в качестве культурных истоков даже такого весьма локального и давно изучаемого явления, как синташтинский феномен, предлагались самые различные регионы и культурные основы, но какого-то общего решения достичь не удалось (Происхождение и хронология..., 2010. С. 133–183).

То, что в рамках «очаговых» подходов невозможно решение проблем происхождения даже узколокальных культурных явлений, показывает, что механизм формирования культур эпохи предклассовых обществ не носил некоего линейного, эволюционного характера, а был принципиально иным. Из констатации этого факта вытекает вопрос о механизмах формирования археологических культур. Для его решения необходимо обратиться к социально-экономическим и политическим процессам древности, ибо оформление новых археологических культур является лишь отражением завершения очередного этапа таких процессов.

Переход к производящему хозяйству обеспечил среди прочих результатов быстрый количественный рост населения и возможность отчуждения прибавочного продукта. Эти результаты стали одними из наиболее фундаментальных причин развития миграций. Миграции эпохи разложения первобытнообщинных отношений проходили по уже давно заселенным территориям, поэтому происходили в форме военных вторжений и завоеваний. Войны становятся постоянным явлением, более того, военно-грабительские предприятия становятся одной из отраслей экономики. Непрерывно расширявшиеся масштабы грабительских военных предприятий эпохи предклассовых обществ прямо влияли на размеры социально-потестарных единиц

– выстоять в одиночку изолированная община просто не могла (Куббель, 1988. С. 228). Результатом военно-политических событий было «дробление старых общностей, а это сопровождалось в конечном счете разложением прежних социальных структур. К тому же войны, как общее правило, вызывали перегруппировку населения, нередко насильственную» (Куббель, 1988. С. 215). Столь большое повышение роли войн «потребовало принципиальных изменений в структуре основных этносоциальных общностей», в результате чего «важнейшей из них становится племя» (Куббель, 1988. С. 213).

Племена же являются уже потестарными образованиями с элементами принудительной власти и зачастую состоят уже из этнически и культурно не однородных коллективов.

В результате такой перегруппировки населения внутри вновь образовывавшихся обществ, состоявших из частей старых, разнотнических и разнокультурных обществ, происходило сложение системы политических, экономических, социальных, брачных, культурных и иных связей, превращению этих связей в стабильно действующие системы, т.е. к превращению этих обществ в новые этнокультурные общности. При «переплавке» старых культурных традиций в новых этнокультурных объединениях какие-то элементы прежних культур сохранялись, какие-то исчезали, не оставив следа в культуре новых обществ, а сохранившиеся видоизменялись в процессе выработки относительного культурного единства новых этнополитических ассоциаций. Выработка такого относительного культурного единства во вновь сложившихся обществах археологически и выражается в появлении новых культур (Пярых, 2000. С. 19).

Соответственно, если вновь возникавшие общества: 1) состояли из частей других, предыдущих обществ; 2) если эти части вошли в новое общество не в одинаковой пропорции; 3) если культурное наследие каждого из них в культуру нового общества вошло также не пропорционально, то из всего этого с очевидностью вытекает, что даже любое из этих обстоятельств в отдельности не позволит отыскать прототипы всем элементам той

или иной археологической культуры в каком-то одном «очаге» или «центре».

Ситуация еще более осложняется тем, что масштабные миграции, менявшие этнокультурную ситуацию на больших пространствах, не были одноактными событиями. Например, Великое переселение народов I тыс. происходило в виде многочисленных войн и передвижений самых различных племен с IV по VII в., т.е. на протяжении нескольких столетий. В течение столь длительных периодов непрерывных военно-миграционных событий этнические и культурные смешения происходили постоянно и всякий раз с неодинаковым составом участников. Поэтому естественно, что конечными результатами таких многократных смешений и влияний были «многослойные» по происхождению этнокультурные образования, каждый из компонентов которых в свою очередь был «многослойным» продуктом предыдущих многоактных смешений

Такие смешения продолжались и в промежутках между крупными миграциями, в ходе постоянных межэтнических контактов более низкой интенсивности. В результате «этническая структура общества эпохи разложения позднеродовой общины сложна, асимметрична в силу входящих в ее состав разных компонентов, по-разному организована в различных участках ойкумены» (Алексеев, 1988. С. 319–320).

Наиболее сложной этнической и культурная структура обществ эпохи разложения позднеродовой общины могла быть на начальных стадиях этнокультурогенеза, когда включенные в новые потестарные общества различные этнокультурные ассоциации еще не успевали «переплавиться» в относительно однородную этническую и культурную массу. Поэтому на начальной стадии в материальной культуре таких новых этносов многие элементы вошедших в их состав прежних этносов могут проследиваться в более чистом виде. Но эффект «многослойной» этнической и культурной асимметрии присутствует и в этих случаях, и точные истоки всех элементов культуры нового общества установить также сложно.

Эпоха ранней–поздней бронзы евразийских степей и лесостепей последовательно дала ряд примеров такой закономерности.

Во-первых, это распространение ямных и родственных им культур на территориях от Балкан и Закавказья до Центральной Азии. Во-вторых, оформление свиты катакомбных культур, занявших территории от Днестра и Кавказа до Заволжья и проникших на Южный Урал, а по некоторым данным, и далее. В-третьих, это возникновение на территории Восточной Европы зоны огромного распространения шнуровых культур. Наконец, это смена в ходе серии колоссальных миграций (Черных, 1989. С. 24 сл. Рис. 1) культурных систем среднего бронзового века громадной культурной системой металлоносных культур поздней бронзы, распространившихся вплоть до Древнего Китая.

Материалы культур рубежа средней–поздней бронзы дают показательные свидетельства разнокомпонентности всех крупных культур сейминского горизонта. Такая разнокомпонентность могла быть только результатом масштабных миграций, повлиявших на процессы южноуральского культурогенеза. Наличие таких миграций в этот период и неоднородность возникавших в их результате обществ отчетливо показал анализ керамических материалов с территории от Волги до Зауралья, проделанный П.Ф. Кузнецовым и О.Д. Мочаловым (2001. С. 272–273). Их исследование показало культурную неоднородность керамических комплексов, происходящих даже из узлокальных памятников. Этот факт самым весомым образом показывает на то, что даже локальные коллективы этого периода были полиэтничны, что могло быть результатом только миграций.

О массовых миграциях свидетельствуют и результаты, полученные для Волго-Уралья на основе краниологических и одонтологических материалов, исследованных Е.П. Китовым. Так, все краниологические материалы из памятников Южного Урала показали гетерогенность местного населения и, что особо показательно, не только на уровне культуры в целом, но и на уровне каждого отдельно взятого могильника (Китов, 2011. С. 7).

Одонтологическое изучение этих же материалов дало такие же результаты: исследованные серии показали свою принадлежность к нескольким одонтологическим типам (Китов, 2011. С. 13).

Таким образом, результаты краниологического и одонтологического анализа полностью совпадают с результатами упомянутого выше анализа керамики, проделанного П.Ф. Кузнецовым и О.Д. Мочаловым.

Рассмотренные факты позволяют сделать следующие выводы.

1. Все поиски неких «центров» и «очагов» происхождения археологических культур эпохи предклассовых обществ ни разу успехом не увенчались. Не удалось твердо установить ни единую первооснову этих культурных систем, ни какой-то сколько-нибудь четко локализованный «очаг», из которого они могли выйти.

2. Эти факты подтверждают изложенный выше тезис, что основы крупных археологических культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ, всегда разнокомпонентны по составу. Следовательно, и полицентричны по исходной территории происхождения.

3. Это позволяет сформулировать следующие методические положения по закономерностям культурогенеза периода разложения первобытных отношений:

– во-первых, формирование крупных культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ всегда были результатом масштабных миграций;

– во-вторых, вновь формировавшиеся этнокультурные ассоциации всегда включали в свои основы большое количество элементов пришлое происхождения, обычно разнородных;

– в-третьих, при этом такие ассоциации всегда формировались на месте.

4. Иными словами, процесс формирования обществ той эпохи был двумя сторонами одной медали: в их основу в больших объемах включались пришлое элементы, но их окончательная «переплавка» в одно общество происходила на месте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классового образования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 294–344.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. 26 с.

Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 140–269.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Мат-лы конф. Самара: СамГПУ, 2001. С. 266–273.

Происхождение и хронология синташтинской культуры: мат-лы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Сб. к 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 2. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 133–184.

Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. 2000. № 4. С. 11–25.

Третьяков П.Н. Этногенетический процесс и археология // СА. 1962. № 4. С. 3–15.

Черных Е.Н. Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 14–30.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЛУНДИНСКОЙ РАВНИНЫ¹

© 2014 г. А.А. Редников

Алтайский государственный университет, Барнаул
(*ant-rednikov@mail.ru*)

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, керамика, елунинская культура, вишневецкий тип керамики, крохалевский тип керамики.

Резюме. В данной работе рассмотрены и подвергнуты статистическому исследованию керамические комплексы, происходящие из различных памятников с территории Кулундинской равнины. В результате исследования артефактов выделено несколько групп отличающейся друг от друга керамики, тем самым определены четыре различных культурных традиции.

За более чем 40-летний период исследования территории Кулундинской равнины выявлено и в различной степени изучено более 50 памятников, материалы которых датируются эпохой ранней бронзы. На памятниках Кулундинской равнины обнаружено большое количество глиняных изделий. В условиях желесостепной части Западной Сибири именно керамика служит основным показателем культурной принадлежности и хронологии памятника (Косарев, 1974. С. 16).

Мы абсолютно согласны с таким предположением, так как керамика с памятников

Кулунды – массовый материал. Данная категория находок представлена как целыми или графически реконструируемыми сосудами, так фрагментами керамики.

Как категория археологического материала керамика представляет собой информативный многоплановый источник, содержащий сведения о различных аспектах человеческой деятельности: об уровне социально-экономического развития, семейно-брачных отношениях, этнокультурных контактах, идеологических представлениях. Керамика быстрее других компонентов материальной культуры

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Минобрнауки РФ (постановление № 220), проект № 2013-220-04-129.

фиксирует изменения, происходящие в процессе развития различных обществ. Особое значение имеют поселенческие коллекции, которые в отличие от консервативной керамики могильников – более чуткий индикатор, отражающий контакты и хронологические тенденции, проявляющиеся в изменениях орнаментальных схем, появлении новых элементов, мотивов орнамента и т.д.

Основу керамических коллекций всех анализируемых памятников составляют сосуды баночных форм, общая доля которых составляет 90% от всех реконструируемых сосудов. В свою очередь они делятся на два подтипа: банки закрытого типа – 80%; банки открытого типа – 20%. Все остальные керамические материалы не реконструируются в целые сосуды. Вся посуда плоскодонная. Стенки серого, коричневого, красного цветов. Толщина стенок – от 0,6 до 1,5 см.

Венчики имеют как округлую, так и уплощенную форму среза, имеются сосуды с плавно скошенным внутрь краем венчика. Орнамент распределяется в 100% случаев по всей поверхности сосуда, а в некоторых случаях и на их дно. В коллекции из четырех памятников присутствует орнаментация среза венчиков (Павловка I, Павловка VI, Павловка XI, Белое III). Декор среза венчиков представлен двузубым штампом, нарезками, наколами, мелкозубым штампом. На одном из сосудов (Белое III) орнамент нанесен не только на внешней поверхности сосуда, но и внутри («шагающая гребенка»).

Господствующая техника орнаментации на реконструируемых сосудах – «шагающая гребенка». Доля данной техники нанесения декора составляет 21,1% (Павловка XI, Павловка I). Показательно то, что на большинстве реконструируемых сосудов имеются вдавления (ямки). Их доля составляет 21,1% (четыре сосуда из памятников Павловка XI, Валовое II, Белое III). По 15,7% составляют «наколы» и «гребенчатая качалка». Небольшой процент встречаемости имеют следующие показатели: «гребенчатый штамп», «насечки», «проташенная палочка» – 5,26%. В некоторых случаях наблюдается «отступающая гребенка» – 10,62%.

Проведенный анализ керамической коллекции памятников позволил выявить посуду

нескольких групп, соответствующих культурным традициям.

Первая группа. Сюда входит керамика, украшенная оттисками отступающей и шагающей гребенки. Подобными оттисками наносились горизонтальные, вертикальные, волнистые и другие ленты. Количество зубцов в штампе колеблется от двух до шести. Керамика, орнаментированная гребенчатой качалкой, зафиксирована на трех памятниках (Белое I–III, Павловка I, Курейка-3а).

Еще нами была выделена керамика, орнаментированная гребенчатым штампом (Белое). Данная керамика имеет аналогии на эталонном памятнике Березовая Лука и представляет собой посуду елунинского облика. Однако во всей коллекции не выявлен ни один валик, характерный как для елунинской керамики, так и для близкой ей по стилю орнаментации кротовской посуды. Таким образом, можно предположить, что на территории Кулунды комплексов похожих на кротовский нет либо они настолько похожи на елуниские материалы, что разделить их между собой в свете имеющихся данных невозможно. Такая керамика известна на Семипалатинских дюнах на территории Казахстана (Кирюшин, 2002. С. 50).

Вторая группа. Керамика орнаментирована насечками или ногтевыми отпечатками, наколами, изредка украшен срез венчика. Возможно, что эти признаки орнаментации могли совмещаться. Эта керамика наиболее близка к крохалевской. На территории Кулунды она зафиксирована на памятниках Кабанье I, Ляпуново I, Калиновка II, Горелый Кордон.

Третья группа. К ней отнесена керамика, орнаментированная линейно-накольчатой техникой, насечками и наколами, отпечатками угла лопатки, ямками. Число ее невелико. Такая посуда характерна для территории Казахстана, выделена в вишневецкий тип (Зайберт, 1973; Татаринцева, 1984). В Кулундинской равнине она известна на памятниках у ручья Курейка в Мамонтовском р-не (Курейка-3а и др.) и на памятнике Ляпуново I в Угловском р-не.

Четвертая группа. На памятниках присутствует и другая керамика, заслуживающая выделения в отдельную группу. По своей орнаментации она близка к посуде одинцовского,

вишневого типа. Это особый вид керамики, возможно, связанный с логиновским типом или с раннебронзовыми культурами Северного Казахстана, отличными от вишневской традиции. Характерные признаки этой керамики – отсутствие ямок по венчику и вертикальных прочерченных линий, меньшее использование гребенчатого штампа.

На основе керамического материала (четыре группы керамики) можно говорить о существовании как минимум четырех культурных традиций на территории Кулунды. На большинстве памятников группы керамики присутствуют вместе, например первая и вторая группа, первая, третья и четвертая и т.д., что говорит о тесных взаимосвязях между разными группами населения и интенсивных этнокультурных и миграционных процессах, проходивших на изучаемой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 106–113.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Косарев М.Ф. Миграция народов Сибири // Знание – Сила. 1974. № 12. С. 16–19.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка 1 в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сб. Челябинск; Уфа, 1984. С. 104–113.

ИСТОКИ И АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

© 2014 г. А.Д. Резепкин

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(rezepkin@mail.ru)*

Ключевые слова: археология, Северный Кавказ, Передний Восток, генетика, ранняя бронза, этапы развития, генезис культур.

Резюме. В работе рассмотрены процессы становления эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Предложена гипотеза, согласно которой майкопская культура сформировалась под воздействием (в виде двух импульсов) позднего восточноанатолийского халколита. Новосвободненская культура не является этапом развития майкопской. Она была сформирована под воздействием урукской цивилизации с одной стороны и при непосредственном участии раннего этапа культур воронковидных кубков – с другой. Предварительный генетический анализ подтверждает наличие в новосвободненской культуре европейского компонента.

Очевидно, что решающую роль в становлении эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе сыграло то обстоятельство, что регион был вовлечен в орбиту передневносточных цивилизаций и процесс развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе в ос-

новном проходил в прямой зависимости от тех обстоятельств, которые складывались в Месопотамии и Восточной Анатолии. Там в IV тыс. до н.э. существовали две самые большие культурные зоны: восточноанатолийский халколит и урук. Как известно, керамика из

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00113а.

таких майкопских памятников, как Усть-Джегутинское и Большетегинское поселения, Усть-Джегутинский курганный могильник наибольшее сходство имеет в керамике позднего восточноанатолийского халколита. Сейчас уже нет сомнения, что появление памятников майкопской культуры связано именно с продвижением его влияния на Северный Кавказ. Характерные формы керамики – круглодонные миски, сосуды, как с округлым, так и уплощенным дном, орнамент практически отсутствует. Из металла типичны бесчерешковые ножи и мотыги. Это была экспансия позднего передневоосточного халколита, еще не подверженного влиянию урука. Второй импульс, как представляется, пришелся на время, когда урук в средней фазе своего развития, распространившись далеко на север, вошел в контакт с поздним халколитом. Эта урукская инвазия, вероятно, и привела к очередным подвижкам как на Переднем Востоке, так и на Северном Кавказе, который в это время уже был в ареале данной системы. Это отразилось в виде появления памятников, которые несли в себе некоторые признаки уже урукского влияния. Наиболее ошутимое влияние этот импульс оказал на Северо-Западный Кавказ, что отражено на таких памятниках, как поселения Псекупс, Пхагугапе, Серегинское, Чекон. Появились новые формы сосудов: двух-трех ручные амфорки с ленточными ручками, сосуды с одной ручкой, пролощенный орнамент. В металле появляются черешковые кинжалы, топоры новосвободненского типа – «с горбинкой», копьа, тесла с плоским обушком.

В предыдущих работах рассматривался вопрос о трех культурных импульсах из Переднего Востока (Резепкин, 2004, 2012а). Думается, что процесс его влияния все же не был таким однолинейным. Как поздний халколит, так и средний урук, занимая громадные территории, были достаточно неоднородны. Их импульсы на Северный Кавказ, надо полагать, происходили не из одного места и в разное время и соответственно были несколько отличны друг от друга, что и отражалось на конкретных памятниках как майкопской, так и новосвободненской культур. В ряде работ мне уже приходилось писать, основываясь на керамическом материале целого ряда поселе-

ний майкопской культуры, о том, что по такой важной категории материала, как керамика, они делятся минимум на две группы: верхнекубанскую и закубанскую. Для обоснования этого вывода, на базе восьми поселений, содержащих более 2,5 тыс. единиц привлеченной для анализа керамики, была предложена классификация венчиков и ручек майкопской керамики (Резепкин, 2009, 2012б; Резепкин, Поплевко, 2009).

Ранее закубанские памятники, в основном погребения, С.Н. Кореневским были выделены в «псекупский вариант» майкопской культуры (Кореневский, 2004. С. 53–54). Проведенная работа по керамике поселений показывает, что закубанские поселения, отделяясь от верхнекубанских, в целом представляют собой часть этого варианта. Для них, также как и для керамики из погребений, характерно отсутствие на сосудах «меток гончара», наличие пролощенного орнамента и кремневых наконечников стрел флажковидного типа.

В свое время памятники с этими признаками были отнесены ко второму, иноземцевско-костромскому этапу майкопской культуры; их появление связывалось со вторым импульсом, пришедшим на Северо-Западный Кавказ из ареала памятников позднего восточноанатолийского халколита, но уже подвергнувшегося сильному влиянию среднего урука (Резепкин, 1989, 2004). Этот импульс и сформировал второй, иноземцевско-костромский этап в развитии майкопской культуры. А поскольку этот импульс, как представляется, пришелся на Северо-Западный Кавказ, под его влиянием и сформировался псекупский вариант майкопской культуры.

Помимо перечисленных выше признаков – отсутствие меток гончара на керамике, флажковидные наконечники стрел, пролощенный орнамента, этот импульс принес с собой и иные типы изделий из бронзы. Это копьа (Псекупский могильник, погребение у станицы Псебайской), топоры «с горбинкой» под втулкой и кинжалы с выделенной рукоятью (погребение у с. Иноземцево, Разменный курган у ст. Костромской, курган у ст. Псебайской, погребение 18 в кургане у ст. Марьинской). Появились двурогие бронзовые крюки без выделенной втулки, тесла с плоским обушком и противоположной пятке за-

точкой (курган у ст. Псебайской, погребение у с. Иноземцево). Все это появилось вместе с плоскодонными сосудами вытянуто-грушевидной либо шаровидно-уплощенной формы с пролощенным орнаментом.

Как видим, все эти признаки не характерны для классического (раннего) варианта майкопской культуры, который представлен памятниками типа Усть-Джегутинского курганного могильника, одноименным поселением и материалами поселения Большетегинское, где влияние урука не наблюдается.

Третий этап связан с собственно урукским импульсом на Северный Кавказ. Он характеризуется прежде всего появлением абсолютно доминирующей формы сосуда – реповидной, истоки которой лежат в аналогичных формах урукской керамики, что в свое время было убедительно показано Р.М. Мунчаевым (2001). Надо полагать, что этот третий импульс проистекал из собственно урукской среды. На Северном Кавказе последствия этого импульса выразились в появлении памятников, которые традиционно относят к «развитому, второму этапу» майкопской культуры. Представляется, это уже совершенно иная культура, генетические истоки которой отличны от собственно майкопской культуры. Это отличие разительно как по керамике, так и по металлу, о чем неоднократно доводилось писать (Резепкин, 1982, 1991, 2004, 2006, 2012б; Rezerpin, 2010).

Что касается погребального обряда, то в подавляющем большинстве областей от Центральной Европы до Переднего Востока умерших в могилы клали скорчено, на боку. При этом в новосвободненской культуре в отличие от майкопской размеры могил были заметно меньше, при формальной схожести позы погребенных в обоих случаях.

Само формирование новосвободненской культуры связано не только с такой мощной цивилизацией, как урук. Очень важную, а на раннем этапе формирования новосвободненской культуры доминирующую роль сыграла инвазия культуры воронковидных кубков из Центральной Европы. Она принесла с собой не только мегалитоидные черты, столь характерные для новосвободненской культуры, но и целый ряд типов керамики, по технологии изготовления и формам резко отличной от

майкопской (Резепкин, 1991, 2012б; Rezerpin, 2000). Появились кубки («тюльпанчики» по терминологии С.Н. Кореневского), амфоры, горшковидные сосуды, плоскодонные миски с загнутым вовнутрь краем и часто орнаментированные по нему «елочкой». Вообще вся новосвободненская керамика плоскодонная и помимо своих достаточно разнообразных форм почти вся орнаментирована. Причем орнамент разнообразен как по технике исполнения, так и по композиции, что совершенно не характерно для майкопской керамики (Резепкин, 2012б). Более того, в последнее время, по данным генетики, которые были получены при исследовании материала из ранненовосвободненского погребения кургана 11 могильника Клады, однонуклеотидные полиморфизмы, обнаруженные в митохондриальном, позволяют отнести изученный образец к митохондриальной гаплогруппе V7, широко распространенной у современного населения Европы, а также встречавшийся у ряда индоевропейских культур, населявших Центральную Европу в V–IV тыс. до н.э. (Недолужко и др., 2014). Таким образом, современные методы геномного секвенирования как будто подтверждают гипотезу о том, что на раннем этапе развития новосвободненской культуры в ней активное участие принимал и компонент, происходивший из Средней Европы, из среды культур воронковидных кубков, находящихся на ранней стадии развития.

Подводя итоги алгоритма формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе, можно сделать следующее заключение.

1. Первый этап формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе связан с появлением майкопской культуры с характерными для нее памятниками типа Большетегинского поселения, Усть-Джегутинского поселения с одноименным курганным могильником, Майкопского кургана. Доминирующее влияние на формирование раннего этапа майкопской культуры оказал поздний восточноанатолийский халколит.

2. Второй этап связан с инвазией гибридного, поздневосточноанатолийско-среднеурукского населения на Северо-Западный Кавказ. В это же время на Северо-Западный Кавказ через Юго-Восточную Европу проникают представители культуры воронковидных

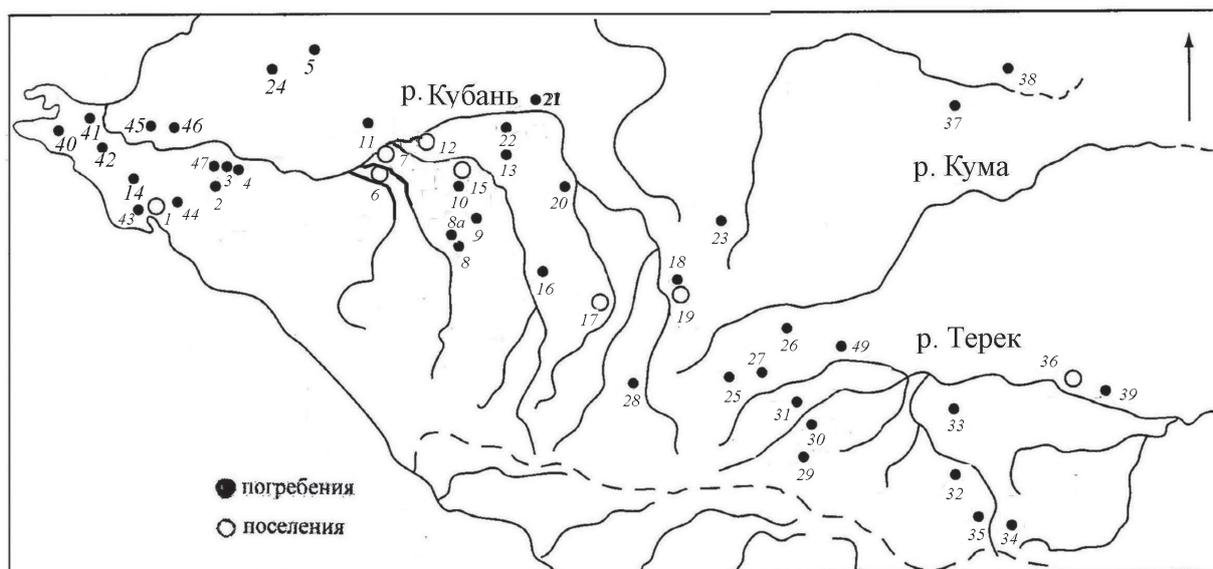

Рис. 1. Ареал памятников майкопской культуры. 1 – Дюрсо; 2 – Ястребовский; 3 – Общественный I; 4 – 743-й км; 5 – Олений I; 6 – Псекупское; 7 – Пхагугапе; 8 – Майкопский курган; 9 – Келермесский; 10 – Чернышев; 11 – Старомышастовская; 12 – Беляевское; 13 – Красногвардейский; 14 – Натухаевская; 15 – Серегинское; 16 – Владимировская; 17 – Большетегинское; 18 – Усть-Джегутинский; 19 – Усть-Джегутинская; 20 – Армавир; 21 – Казанская; 22 – Зиссерманов; 23 – Воросковолесская; 24 – Тимашевская; 25 – Занозина Балка; 26 – Гранит; 27 – поселение Горячеводск; 28 – Кардоник; 29 – Кудажурт; 30 – курган «в Садках»; 31 – Лечинкай; 32 – Старый Урух; 33 – В. Акбаш; 34 – Сунжа; 35 – Заманкул; 36 – Галюгаевское I; 37 – Чограй I; 38 – Зунда-Толга; 39 – Комарово; 40 – Фонтан; 41 – Сенная; 42 – Кепы; 43 – Рассвет; 44 – Раевская; 45 – Темрюк; 46 – Коржевского; 47 – Общественный II; 48 – Чишхо; 49 – Иноземцево; 50 – Майкоп I.

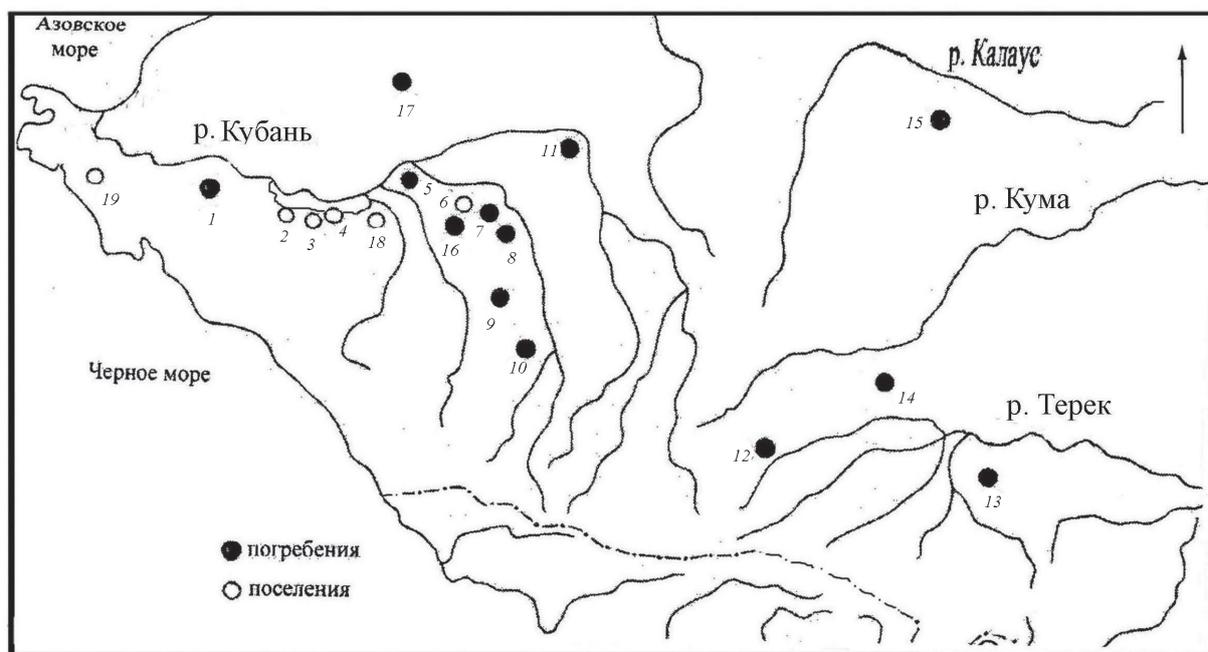

Рис. 2. Местонахождения керамики с пролощенным орнаментом на Северном Кавказе. 1 – Общественный II; 2 – пос. Псекупс; 3 – пос. Чишхо; 4 – пос. Пхагугапе; 5 – Красногвардейское; 6 – пос. Серегинское; 7 – пос. Уашкиту; 8 – Уляп; 9 – Костромская; 10 – могильник Клады; 11 – пос. Венцы; 12 – Кисловодск (автозаправка, окраина); 13 – В. Акбаш; 14 – пос. Иноземцево; 15 – могильник Шаралхалсун-6; 16 – Чернышев; 17 – Днепровская; 18 – пос. Беляевское; 19 – пос. Чекон. (пос. – поселение).

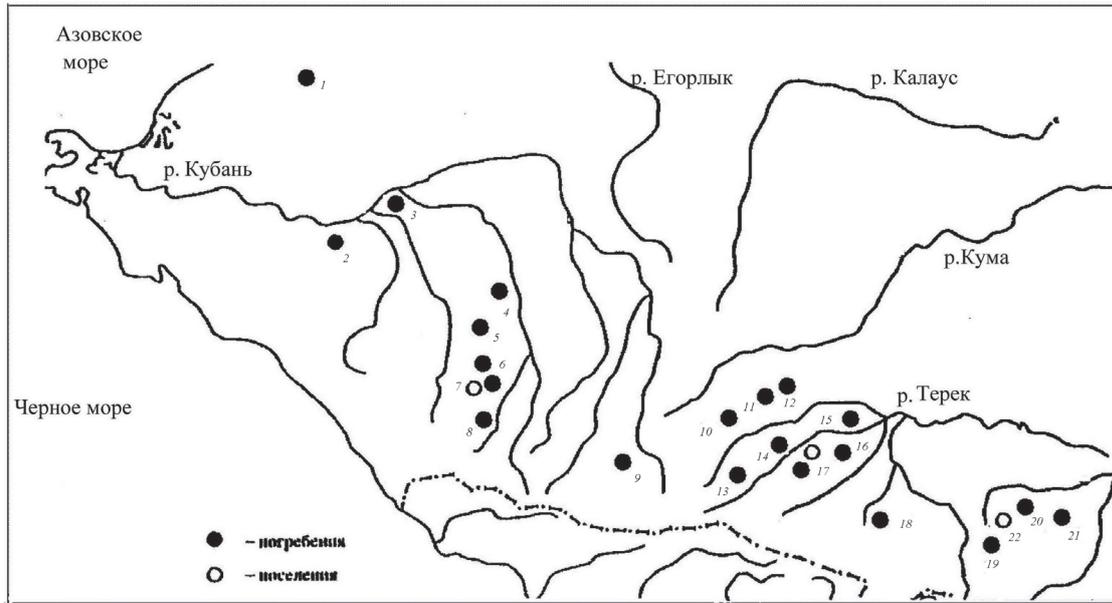

Рис. 3. Ареал новосвободненских памятников на Северном Кавказе. 1 – Тимашевск; 2 – Тауйхабль; 3 – Красногвардейское; 4 – Ярославская; 5 – Костромская (Погоуляево); 6 – Махошевская; 7 – Новосвободная; 8 – Псебайская; 9 – Кубина. 10 – Кисловодск (автозаправка, окраина). 11 – могильник Горячеводский; 12 – Иноземцево; 13 – Лечинкай; 14 – курган у с. Кишпек; 15 – могильник Чегем I; 16 – могильник Чегем II; 17 – Нальчик (поселение Долинское, гробница «Садки»); 18 – Лескен; 19 – Дзаурикау; 20 – Ассиновская; 21 – Бамут; 22 – поселение Луговое.

кубков на раннем этапе их развития. На этом этапе формируются и существуют памятники такого смешанного облика, как курганный могильник Общественный II, курган Уашхиту. Появляются погребения с комплексами типа станицы Псебайской; погребения 18 в кургане у ст. Марьинской; Разменный курган у ст. Костромской; погребение у с. Иноземцево; закубанские поселения, поселение Чекон.

3. Третий этап связан с собственно урукским импульсом на Северный Кавказ. К нему принадлежат все памятники, которые традиционно относят к «новосвободненскому этапу майкопской культуры», включая и гробницы из могильника Клады.

Картографирование памятников всех трех этапов развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе показывает, что ранний этап майкопской культуры связан с восточной частью Северо-Западного Кавказа и Центральным Предкавказьем, а ее поздний этап – с Северо-Западным Кавказом (рис. 1, 2).

Ареал новосвободненской культуры на раннем этапе ее развития приурочен к Северо-Западному Кавказу. Ее расцвет – развитый

этап, связанный с продвижением на Северный Кавказ урука в финале среднего этапа его развития, – к Центральному Предкавказью (рис. 3).

Как представляется, со второй половины эпохи ранней бронзы (время расцвета новосвободненской культуры) на Северном Кавказе определились две культурные зоны: Северо-Западный Кавказ, где преобладали памятники синкретичные майкопско-новосвободненские, с примесью культуры воронковидных кубков; и Центральный и Северо-Восточный Кавказ, где абсолютно доминировали новосвободненские памятники поры их расцвета, с заметным, а порой и преобладающим влиянием куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе. И в последующие времена, хотя и будет происходить смена культур, эти зоны будут существовать, настолько сильными и, вероятно, культуроопределяющими были первые импульсы передневожественных цивилизаций.

Из всего изложенного понятно, что так называемый поздний, «новосвободненский этап» майкопской культуры имеет совершен-

но иную культурную подоснову, чем сама майкопская культура, которую в свою очередь нужно разделить на два этапа – майкопский и иноземцевско-костромской. Ни о какой культурной трансформации, вследствие которой и образовался новосвободненский этап, вызванный только и именно внутренней динамикой развития собственно майкопской культуры, говорить не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Мунчаев Р.М.* Майкоп и Месопотамия: итоги и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М.: Памятники историч. мысли, 2001. С. 33–35. (Материалы и исследования по археологии России; Вып. 3).
- Недолужко А.В., Булыгина Е.С., Соколов А.С., Цыганкова С.В., Шуберт М., Груздева Н.М., Резепкин А.Д., Орландо Л., Прохорчук Е.Б.* Секвенирование полного митохондриального генома древнего человека, представителя новосвободненской культуры, указывает на ее возможную связь с культурой воронковидных кубков // Acta Naturae. 2014. № 2. (в печати).
- Резепкин А.Д.* Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. конф. Ереван, 1982. С. 132–135.
- Резепкин А.Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Л., 1989. 23 с.
- Резепкин А.Д.* Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.
- Резепкин А.Д.* Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. С. 97–125.
- Резепкин А.Д.* Металл майкопской культуры // Первая Абхазская междунар. археологическая конф. Сухум, 2006. С. 314–318.
- Резепкин А.Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012а. 343 с.
- Резепкин А.Д.* Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012б. С. 125–128.
- Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н.* Классификация мисок майкопской культуры // Записки ИИМК РАН. Вып. 4. СПб., 2009. С. 81–89.
- Rezepkin A.D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. M.; Leidorf, 2000 (Archäologie in Eurasien; V. 10). 74 S.
- Rezepkin A.* Metallfunde der Majkop – und der Novosvobodnaja Kultur // Von Majkop bis Trialeti. Beitragedes Intern. Symposiums in Berlin vom 1–3. Juni. 2006. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2010. S. 95–102.

РАСТЕНИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА¹

© 2014 г. Л.В. Сатаева

Бакирский государственный аграрный университет, Уфа
(lvsataeva@mail.ru)

Ключевые слова: археоботанические исследования, бронзовый век, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, Туркменистан.

Резюме. В работе приводятся результаты археоботанических исследований на крупном памятнике бронзового века Гонур-депе (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, Туркменистан). На поселении было развито земледелие, возделывались несколько видов пшениц, ячмень, просо, бобовые культуры, плодовые деревья, виноград. Разные виды деревьев использовались в качестве топлива, для изготовления изделий и построек. Изображения растений на культовых изделиях свидетельствуют об их важной роли в духовной жизни общества.

Остатки растений, обнаруживаемые в процессе археологических раскопок и целенаправленных археоботанических обследований культурных отложений, являются ценными источниками исторической и палеоэкологической информации. Особенно они актуальны при изучении памятников древних земледельческих культур, к которым относятся Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс объединяет материальные культуры Бактрии и Маргианы второй половины III тыс. до н.э., которые, по мнению автора этого термина В.И. Сарияниди (1978), тождественны. Типичный объект Бактрийско-Маргианского археологического комплекса – Гонур-депе, столичное поселение древней Маргианы. Гонур-депе – один из крупнейших и хорошо известных памятников эпохи бронзы Средней Азии, располагается в песках Юго-Восточных Каракумов (Туркменистан). Площадь поселения составляет более 50 га и содержит остатки монументальной архитектуры: кремль с центральным дворцово-храмовым комплексом, окруженный мощными оборонительными стенами с башнями, и прилегающий неукрепленный «пригород»

(Сарияниди, 1983, 1990). Хронологически гонурское поселение функционировало во временном промежутке 2500–1500 лет до н.э., при наиболее интенсивном его использовании на рубеже III–II тыс. до н.э. (Зайцева и др., 2008).

В процессе археологических раскопок на Гонур-депе выявлены растительные остатки разных форм сохранности: древесные угли, углефицированные семена и плоды, древесина (чаще всего законсервированная солями меди), отпечатки растений (на керамике, кирпиче, обмазке, в полу различных сооружений), навоз животных (Сатаева, Сатаев, 2012).

Археоботаническое обследование культурного слоя на разных участках памятника дает хорошее представление о спектре растений, культивируемых древним населением Гонура. Наиболее широко в изученных образцах представлены зерна пленчатых пшениц (однозернянки *Triticum monococcum*, двузернянки *T. dicoccum*) и голозерных (мягкой *T. Aestivum*, карликовой *T. compactum*), двурядного и шестирядного ячменя (*Hordeum vulgare*). Зерна пшеницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, выращиваемых в условиях достаточного влагообеспечения (орошаемое земле-

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00233.

делие). Из зерновых культур также найдено просо, из бобовых – чечевица, нут и горох (мелкосемянная форма), из садовых – яблоня, алыча, вишня, виноград, из бахчевых – дыня. Все выявленные на памятнике культуры выращиваются здесь и в настоящее время.

На характер пищевого использования злаков может указывать содержимое большого красноглиняного ангобированного сосуда из погребения 3901 с территории царского некрополя. Комплексный анализ содержимого показывает, что исследованная масса представляет собой блюдо, приготовленное из дробленного неотвеянного проса (*Panicum miliaceum*). Вероятнее всего это была каша или густая похлебка, сваренная на молоке.

Показательно, что семена винограда, обнаруженные в очагах, представляют собой спекшуюся массу из разноориентированных зерен, что позволяет идентифицировать их как виноградный жмых, остающийся при отжиме сока. Это свидетельствует о наличии у древнего населения Гонур-депе виноделия.

Состав растений, поедавшихся скотом, частично демонстрирует материал из помещения у восточной стены кремля, где, видимо, держали скот перед убоем. Здесь обнаружены семена горчицы полевой (*Sinapis arvensis*), лапчатки (*Potentilla sp.*), манжетки обыкновенной (*Alchemilla vulgaris*), горошка (*Vicia sp.*), незабудки полевой и мелкоцветковой (*Myosotis arvensis*, *M. micrantha*), ясенника (*Asperula sp.*). Кроме того, здесь же выявлено большое количество остатков верблюжьей колючки. Возможно, она использовалась как зимний корм для скота (в этом качестве верблюжья колючка заготавливается в Каракумах и в настоящее время).

Изучение углей из очагов и зольно-углистых отложений показывает, что главным источником топлива являлась древесная растительность, в основном, в виде хвороста, другие виды топлива (солома, навоз животных) использовались в меньшем количестве. Так, углистые горизонты с разных участков памятника, образованные выбросами из печей, состоят преимущественно из углей саксаула (*Haloxylon sp.*), кустарниковой формы солянки (*Salsola sp.*), ивы (*Salix sp.*) и тамариска (*Tamarix sp.*). В ритуальных и гончарных печах использовалось только древесное топли-

во. Угли с территории дворцово-храмового комплекса принадлежат тамариску, саксаулу, джугуну, спиреантусу Шренка. Последний вид – эндемик пустынь Казахстана (где этот кустарник используется как топливо), и в настоящее время на территории Каракумов он не встречается, но в прошлом его ареал, видимо, был значительно шире.

Анализ отпечатков веток, выявленных на внутренних слоях гипсовых обмазок, покрывающих массивные сосуды – хумы, а также стенок выполненных из сырцово-глины стационарных емкостей («ванн» и «чанов») показывает, что они принадлежат иве. Вероятнее всего, ивовые прутья служили для армирования вяжущего материала. На поверхности сырцовых кирпичей выявлены многочисленные отпечатки стеблей, листьев и семян злаков, которые замешивались в исходное тесто.

Отпечатки стеблей тростника и сами стебли (законсервированные гидроксидами железа) выявлены в заполнении «фильтра», устроенного в восточной части малого бассейна. Взаимное расположение слоев стеблей с перемежающимися слоями песка может указывать, что заполнение сооружения могло играть роль своеобразного фильтрующего материала.

Широкий таксономический состав демонстрирует древесина, происходящая от изделий и конструкций. Так древесина от черенка бронзовой лопаты из погребения 3900 принадлежит скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*). Скумпия устойчива к гниению, может использоваться для дубления кожи и шкур, крашения тканей, в качестве не гниющей подпорки на виноградниках, для инкрустации художественных изделий. В диком виде скумпия в Средней Азии не встречается. Ее древесина могла быть импортирована или с запада (Кавказ или Малая Азия) или с востока (из Гималаев).

Колеса повозок из погребений 3900 и 3915 были изготовлены из вязовых досок с бронзовыми обкладками, которые хорошо местами сохранили структуру древесины. Для вяза характерна прочная, вязкая, устойчивая к гниению древесина, которая и сейчас применяется для производства гнутых изделий, полозьев, дуг, колес.

Отдельного внимания заслуживают результаты изучения скоплений обугленных древесных остатков, выявленных под внутренними пилястрами, укрепляющими наружную стену кремля, которые представляют собой остатки кровли проходов между внутренней и наружной стеной кремля, обрушившейся при большом пожаре. Роль несущих балок в конструкции выполняли стволы тополя (диаметр балок составлял около 15 см, длина около 10 м). Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего толстые ветки) из тополя диаметром 5 см. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше маты из стеблей тростника, сверху конструкция была покрыта саманной обмазкой, армированной ивовыми прутиками.

Кроме важной утилитарной роли, которую играли растения в жизни жителей Гонура, они занимали определенное место в духовной сфере. Обращает внимание широкое распространение растительной тематики на различных изделиях (керамике, печатях и амулетах и т.д.). Многочисленны изображения «мирового дерева» разной формы, в том числе пирамидальной. Так, на серебряном кубке из погребения 3235 в составе сложной композиции изображение пирамидального дерева повторяется три раза. Среди находок имеется уникальная фигурка «богини растительности», с четко выполненными колосьями пшеницы (Дубова, 2004). На печатях и амулетах имеются фитоморфные образы, которые могут

интерпретироваться как «тюльпан», «мак», «конопля». Примечательно, что на теменосе Гонура найдены большие чаны и ванночки для предварительного отмачивания растений, каменные терки, пестики, ступки и цеделки (конические сосуды с отверстиями в центре дна), которые могли использоваться при изготовлении ритуального напитка – типа сомыхаомы (Сарианиди, 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМарЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166–179.

Сарианиди В.И. Работы в Тоголокском оазисе Мургаба // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 549–550.

Сарианиди В.И. Монументальная архитектура Гонур-депе // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 478–479.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 316.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ashgabat: Turkmendowlethabarlary, 2008. 342 с.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Археоботанические исследования на Гонур-депе // ТМарЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 159–162.

КЕРАМИКА ЗАПАДНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. В. Я. Стеганцева

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(veronika_s@mail.ru)*

Ключевые слова: западноманычская катакомбная культура, керамика, орнамент, сочетаемость сосудов в одном комплексе.

Резюме. В работе рассмотрена керамика погребений западноманычской катакомбной культуры. По формам сосудов описан орнамент, приемы нанесения, композиционные схемы и место расположения на сосуде. Подсчитан количественный состав керамического комплекса и встречаемость сосудов разных типов в одном комплексе.

Керамика – одна из самых информативных категорий погребального инвентаря. Этому способствует большое количество характерных только для нее черт. В их число входят признаки, описывающие форму и декор сосудов, а также их сочетаемость друг с другом.

Керамика западноманычской катакомбной культуры в составе предкавказской впервые была рассмотрена А.А. Иерусалимской (1958. С. 36–41). Она описала форму и орнаментацию, выделила типы керамики и отметила, что «другой инвентарь предкавказских погребений отличается несравненно меньшим своеобразием, чем керамика, и лишь в редких случаях может служить критерием для выделения памятников этой культуры» (Иерусалимская, 1958. С. 41).

Почти через 20 лет С.Н. Братченко рассмотрел керамику катакомбных погребений Нижнего Подонья, в том числе и памятников манычского типа. Опираясь на достаточно строгие критерии соотношения размеров, описывающих форму сосудов, он создал классификацию керамики, которая работала долгие годы и вполне актуальна до сих пор (Братченко, 1976). К сожалению, в 70-х гг. прошлого века в его распоряжении было всего 50 сосудов из памятников манычского типа. Благодаря работам большого числа новоостроечных экспедиций за прошедшие годы выборка керамики из погребений западноманычской катакомбной культуры увеличилась более чем на порядок.

Сравнительно недавно Н.М. Власкин дополнил классификацию Братченко применительно к современному состоянию (Власкин, 2010). К сожалению, она пока не опубликована.

В данной работе учтены памятники, расположенные в нижнем течении рек Маныч и Сал.

Для статистических подсчетов автор пользовался классификацией С.Н. Братченко (1976). Всего три типа керамики не попали в нее. Чугунковидный сосуд с прогнутыми плечиками почти соответствует типу VIIБЗ, но без ручек. Воронки не вошли в классификацию, скорее всего из-за их малочисленности. Небольшие сосуды с ручками, почти биконической формы еще не были известны в памятниках средней бронзы Нижнего Подонья в 70-х гг. прошлого века.

Типы керамики западноманычской катакомбной культуры представлены в погребениях неравномерно. Наиболее широко представлены реповидные сосуды (IIД2) – 27,9% от общего числа; далее следуют высокогорлые сосуды (IIIБ–Д) – 22,5%; курильницы (VIII) – 19,6%; короткошейные (IIБ) – 13,9%. Остальные типы представлены более скромными цифрами: миски (VII) – 3,6%; бесшейные сосуды (IA–Б) – 2,8%; кружки – 1,9%; чугунковидные – 0,8%; высокошейные (IIIД2) – 0,8%; кувшины (V) – 3,6%; амфоры (IV) – 2,1% (см. рисунок).

Большая часть (57,4%) керамики украшена различными орнаментами. И в этом случае цифры зависели от типа керамики. Курильницы (VIII) были орнаментированы в 77,2% случаев; короткошейные (IIБ) сосуды – 75,2%; бесшейные (IA–Б) – 80%; кружки – 65%; высокогорлые сосуды с цилиндрическим горлом и округлым туловом (IIIД2) – 57,2%; реповидные (IIIД2) – 56%; амфоры (V) – 52,7%; чугуноквидные (VIIБ3) – 43%; высокогорлые (IIIБ–Д) – 38,4%; миски (VIIА) – 25%; кувшины (VI) – 19,4%. Из четырех учтенных воронок была орнаментирована одна, что составило 25%.

Наиболее пышно орнаментирована поверхность курильниц. Тут использовались оттиски шнура, 2- и 3-рядной тесьмы, шнуровых штампов: личинок, подковок, свернутого шнура, и геометрических: круглого полого штампа, поставленного под разным углом, лопаточки, гребенчатого и мелкозубчатого штампа, а также прочерченных линий. Композиции состоят из полукруглых и прямоугольных шевронов, пространство между которыми обычно заполнено прямыми, изогнутыми линиями или петлями из оттисков шнура или тесьмы, треугольников ломаных линий.

Бесшейные, короткошейные и высокогорлые сосуды были украшены разными способами. Бесшейные сосуды орнаментировались в верхней части или по всему тулову оттисками шнура, 2- или 3-рядной тесьмы, оттисками шнурового, геометрического или гребенчатого штампа. Композиции состояли из горизонтальных, вертикальных или наклонных линий, заштрихованных треугольников и паркетных схем.

Чугунковидных сосудов с прогнутыми плечиками немного. Часть их орнаментирована оттисками шнура и 2-рядной тесьмы и оттисками круглого и треугольного штампа, причем последние вдавлены таким образом, что создается выпуклая зигзагообразная линия. Композиции состоят из заштрихованных треугольников и прямоугольных зон. Орнамент располагается в верхней и средней частях тулова.

Короткошейные сосуды были второй категорией посуды после курильниц, поверхность которых усиленно украшалась. Всего 25% от их числа были не орнаментированы. Орна-

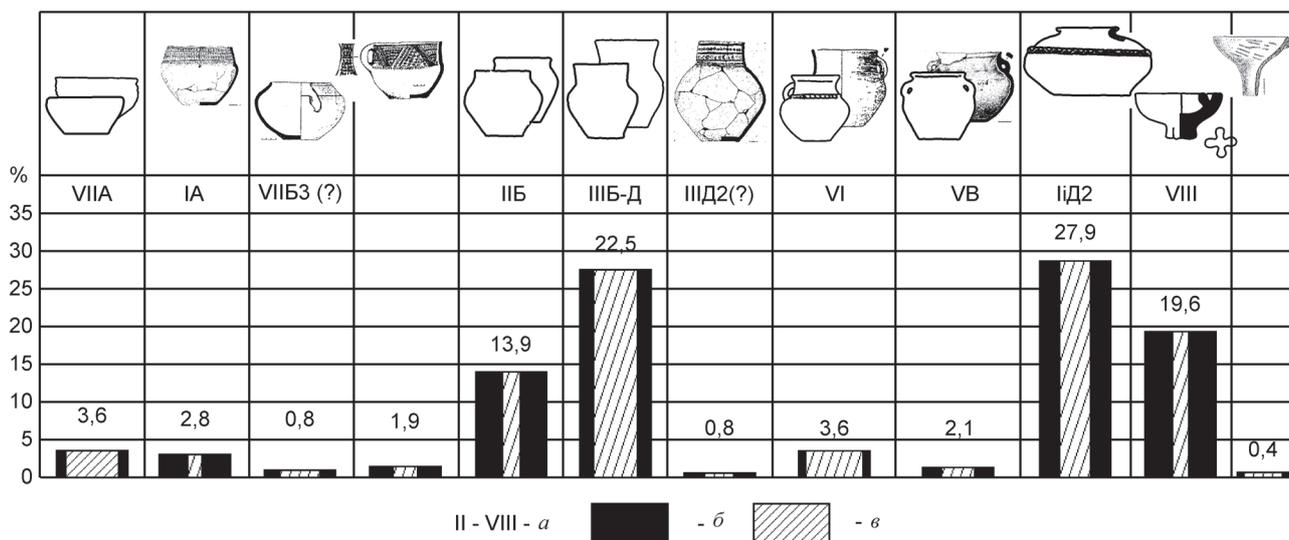
мент выполняли из оттисков шнура, 2-и 3-рядной тесьмы, оттисков шнурового, геометрического и зубчатого штампов и прочерченных линий. Композиции состояли из свисающих заштрихованных или заполненных оттисками трубочки треугольников, шевронов, «полотенец». Орнамент мог располагаться на горле, плечиках и придонной части, иногда была орнаментирована вся поверхность сосуда. Если орнамент был выполнен оттисками гребенчатого штампа в виде «елки», то шейка оставалась чистой, а все тулово было покрыто оттисками гребенки. Часто все пространство между оттисками шнура или прочерченными линиями было заполнено оттисками шнурового или геометрического штампа.

Более половины высокогорлых сосудов имели гладкую поверхность. Остальные были украшены наклепными валиками, расчлененными пальцевыми защипами или насечками, прочерченными линиями, оттисками шнура и 2-рядной тесьмы, шнуровыми и геометрическими штампами и прочерченными линиями. Орнамент мог располагаться на горле, на плечиках, в придонной части по отдельности и одновременно. Композиции состояли из горизонтальных и наклонных линий, из треугольников и шевронов, из «полотенец» и «паркетных» схем. В целом орнамент подчеркивал архитектуру сосуда.

Орнамент на кружках располагался в верхней части сосуда, был выполнен из оттисков шнура и 2- и 3-рядной тесьмы, шнуровых и геометрических штампов, а также прочерченных линий. Композиция состояла из вертикальных и косых линий, образующих «паркет», скругленного зигзага, треугольников, заполненных косыми линиями или оттисками полой трубочки, в одном случае елочный орнамент из оттисков гребенки располагался по всему тулову.

Реповидные сосуды обычно украшает наклепной валик в верхней части тулова, расчлененный пальцевыми вдавлениями или косыми насечками. Такие же вдавления или насечки могут украшать боковую сторону венчика. На днищах реповидных сосудов также иногда бывают наклепные валики с пальцевыми вдавлениями, внутри или с наружной стороны.

В некоторых случаях на плечиках находится орнамент в виде заштрихованных

Количественное соотношение типов керамики западноманычской катакомбной культуры. Условные обозначения: *a* – типы керамики по Братченко (1976); *б* – общее число керамики данного типа; *в* – неорнаментированная керамика данного типа.

треугольников, выполненных прочерченными линиями и изредка тесьмой и оттисками круглого штампа (Рябова, 1983. С. 126. Рис. 24, 110; Федорова-Давыдова, Горбенко 1974. С. 84. Табл. XIX, 4). Иногда налепной валик имеет вид зигзага или волны (Федорова-Давыдова, 1983. С. 37–38. Рис. 20, 6, ба). Такие орнаменты А.В. Кияшко интерпретирует как «змеевидные» (2002. С. 141).

Интересны сочетания сосудов разных форм в одном комплексе. Это дает возможность определить наиболее характерные наборы керамического инвентаря для погребального обряда и одновременность существования упомянутых форм. Наиболее частые для западноманычской катакомбной культуры сочетания реповидный сосуд (далее Р) – курительница (далее К) – 9,4% (57 случаев), причем в 6 случаях присутствуют по два реповидных; Р–К – высокогорлый сосуд (далее ВС) – 2,6%, в 1 случае 2 Р; Р–ВС – 2,6% (15), в 1 случае 3 ВС; К–ВС – 3,1% (19); ВС–ВС – 1,3% (8), в 1 случае 3 ВС; ВС – короткошейный сосуд (далее КС) – 1,8% (11), КС–КС – 0,98% (6). В единичных случаях фиксируются наборы Р–К–Кв (кувшин), Р–К–А, Р–БС (бесшейный), Р–К–В (воронка), Р–К–ВС–Кв, Р–К–Кр, Р–К–ВС–Кр, Р–К–ВС–Кв, Р–БС, Р–БС–Кв, Р–Кр, Р–М (миска), Р–К–М, Р–ВС–М, Р–КС–М, К–Кв, К–ВС–КС, К–Кр (кружка), К–В–Кр, К–БС, К–К, ВС–Кв, ВС–БС, ВС–А,

ВС–КС, ВС–БС, ВС–Кв, КШ–А, КС–Кр, КС–БС, Кв–А, КС–М, ВС–М, М–Кр.

При этом имеется довольно много комплексов с каким-либо одним сосудом. Больше всего погребений с одним реповидным сосудом (17,5% от общего числа всех сосудов), высокогорлым сосудом (14,5%), курительницей (6,1%), короткошейным (9,9%), находки подобных комплексов с амфорами (1,3%), кувшинами (2,1%), бесшейными (1,9%), кружками (0,66%) единичны.

Погребения, определяющие манычский культурный тип, с металлическими инструментами, повозками, бычьими черепами, практически всегда сопровождаются реповидной керамикой и курительницами (Рябова, 1983. С. 102–103. Рис. 25, 1; 24, 7, 10; 25. Потапов, 2007. С. 134–137, 139, 141–143. Стеганцева, 2004. С. 148–150).

Керамика западной части рассматриваемого региона имеет больше шнуровых орнаментов, вероятно, испытывая влияние Донского Правобережья. Керамика восточной имеет черты, которые показывают влияние памятников Калмыкии и Восточного Маныча – чугунковидные сосуды с прогнутыми плечиками, орнаментированные геометрическими штампами, петлевидные ручки на реповидных сосудах и высокие сросшиеся ножки у курительниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 251 с.
- Власкин Н.М.* Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчского типа эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.
- Иерусалимская А.А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34–48.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2002. 266 с.
- Потапов В.В.* Курганы Западного Маньча // Археологические записки. Вып. 5 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-н/Д., 2007. С. 115–143.
- Рябова В.Я.* Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 88–127.
- Стеганцева В.Я.* Погребения ранней и средней бронзы Саганского I могильника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 2004. С. 144–153.
- Федорова-Давыдова Э.А.* Раскопки курганной группы Шахаевская II на Маньче / Отв. ред. Ю.А. Краснов // Древности Дона. М.: Наука, С. 35–87.
- Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II / Отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 81–136.

ПРОБЛЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АФАНАСЬЕВСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЯ И ГОРНОГО АЛТАЯ¹

© 2014 г. Н.Ф. Степанова

*Алтайский государственный университет, Барнаул
(nstepanova10@mail.ru)*

Ключевые слова: афанасьевская культура, Горный Алтай, Енисей, погребальный обряд, керамика, орнамент, хронология.

Резюме. Статья посвящена проблемам датировки афанасьевской культуры, в том числе относительной хронологии памятников разных локальных вариантов. Анализируются признаки погребального обряда, особенности орнаментации керамики. Особое внимание уделено общим признакам, в частности, оформлению рабочего края орнаментов, способам нанесения орнамента. На основании общих черт как в погребальном обряде, так и в орнаментации керамики, в том числе не характерных для культуры в целом, обосновывается вывод об одновременности функционирования памятников, о контактах афанасьевского населения с разных территорий и одновременном освоении им территорий Енисея и Горного Алтая. Отмечается отсутствие данных о длительном существовании культуры.

Проблема абсолютной и относительной датировки остается одной из наиболее актуальных для афанасьевской культуры. Определение хронологических границ основано на радиоуглеродных датах и относительных аналогиях и устанавливается в широких пределах – с конца IV до начала II тыс. до н.э. (Хлобыстина, 1975; Абдулганеев, Кирюшин,

Кадиков, 1982; Цыб, 1984; Вадецкая, 1986; Орлова, 1995; Молодин, 2002). В результате анализа 75 радиоуглеродных дат, интервал между нижней и верхней границами сокращен и составляет около 1300 лет (38-25 вв. до н.э.) для горно-алтайских и 800 лет (33-25 вв. до н.э.) для енисейских памятников (Поляков, 2010). Однако в настоящее время такая

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Минобрнауки РФ (постановление № 220), договор № 14.Z50.31.0010.

датировка не выглядят бесспорной и обоснованной. Имеющиеся материалы не подтверждают длительное существование культуры, их изучение показывает, что большинство памятников функционировали в один промежуток времени (Степанова, 2006, 2009, 2012, 2013а, б).

Предположение, основанное на радиоуглеродных датах, что на Енисее афанасьевское население появилось на 500 лет позднее, чем в Горном Алтае, не находит подтверждения. Различия между могильниками с этих территорий были очевидны со времени первых раскопок в Горном Алтае и послужили поводом для выделения локальных вариантов. Дальнейшее изучение погребального обряда и инвентаря привело к выводу о том, что отличия между памятниками двух регионов по основным признакам не дают оснований считать, что на Енисей «афанасьевцы» пришли из Горного Алтая (Степанова, 2010). Ряд общих черт погребального обряда позволяет предполагать, что они сложились еще до того, как афанасьевское население достигло Енисея и Горного Алтая.

Это относится к традиции сооружать ограды округлой формы двух основных типов: из камней, уложенных плашмя друг на друга, и вертикально поставленных плит (рис. 1, 1–3, 12–14). На Енисее преобладают оградки-стенки, в Горном Алтае ограды из вертикально поставленных плит. Различия между надмогильными конструкциями с разных территорий касаются оформления пространства внутри ограды. Например, на Енисее кольца из вертикально поставленных плит и из горизонтально уложенных часто совмещаются на одном объекте, использовались менее массивные плиты, могилы перекрывали мощным деревянным накатом из бревен, которые намного превышали длину могилы. В Горном Алтае подобные перекрытия не известны. Дерево использовали редко и, по-видимому, в основном плашки или жерди. На Енисее в одной ограде нередко сооружали несколько могил и совершали коллективные погребения, что не характерно для афанасьевской культуры Горного Алтая. По-видимому, две последние традиции сложились уже на Енисее. Особого внимания заслуживает наличие общих признаков, считающихся поздними,

не характерных для культуры в целом, возможно, инокультурных, например положение погребенных на правом боку, плоское дно у сосудов, курильницы. На правом боку обычно хоронили женщин и детей, в Горном Алтае подобная поза часто совпадает с ориентацией головой на запад и наличием шаровидных сосудов.

Большое значение для решения вопросов относительной хронологии имеют результаты изучения керамики, в том числе оформления рабочего края инструментов, способов нанесения узора. Общие традиции в орнаментации посуды разделены на две группы: характерные и не характерные для культуры. Особый интерес представляет вторая группа. Отпечатки инструментов нескольких вариантов с необычными, но аналогично оформленными рабочими краями, выявлены на одном-трех, реже большем числе сосудов в каждом регионе, например на Нижнем Тюмечине-1 и Малиновом Логе (рис. 2, 3, 10), на Сальдьяре-1, Бойтыгеме-2, Подсуханихе и др. (рис. 2, 5, 11). Аналогии имеют и другие редкие элементы декора, в частности, наlepной валик на шейке (Енисей – Афанасьева Гора; Горный Алтай – Малый Дуган, Узнезя-1), жемчужник на шейке (поселения Малый Дуган и Узнезя-1, могильники Афанасьева Гора, Потрошилово (Моисееха)), ушки – Афанасьева Гора, Карасук III, Усть-Куюм и др. (Грязнов, 1999. Рис. 10, 10; 11, 5, 6, 9). Подобных аналогий много. Разнообразное, но аналогичное и редкое для культуры оформление рабочего края инструмента, способы нанесения орнамента, не могли случайно появиться на обеих территориях (рис. 2). Наиболее вероятно, что использование подобных инструментов связано с контактами афанасьевского населения этих регионов.

Показательны результаты исследования такого распространенного способа нанесения орнамента, как «качалка» (шагание с прокатыванием) (рис. 2, 1, 2, 6, 8, 12, 13). В Горном Алтае качалка – один из наиболее характерных способов орнаментации (на могильниках украшено от 27 до 45% сосудов), на Енисее сосуды с качалкой известны почти на всех памятниках, например на Афанасьевой Горе их 46%, Карасуке III – 19%, Барсучихе IV – 7%. Качалка наносилась при разном положе-

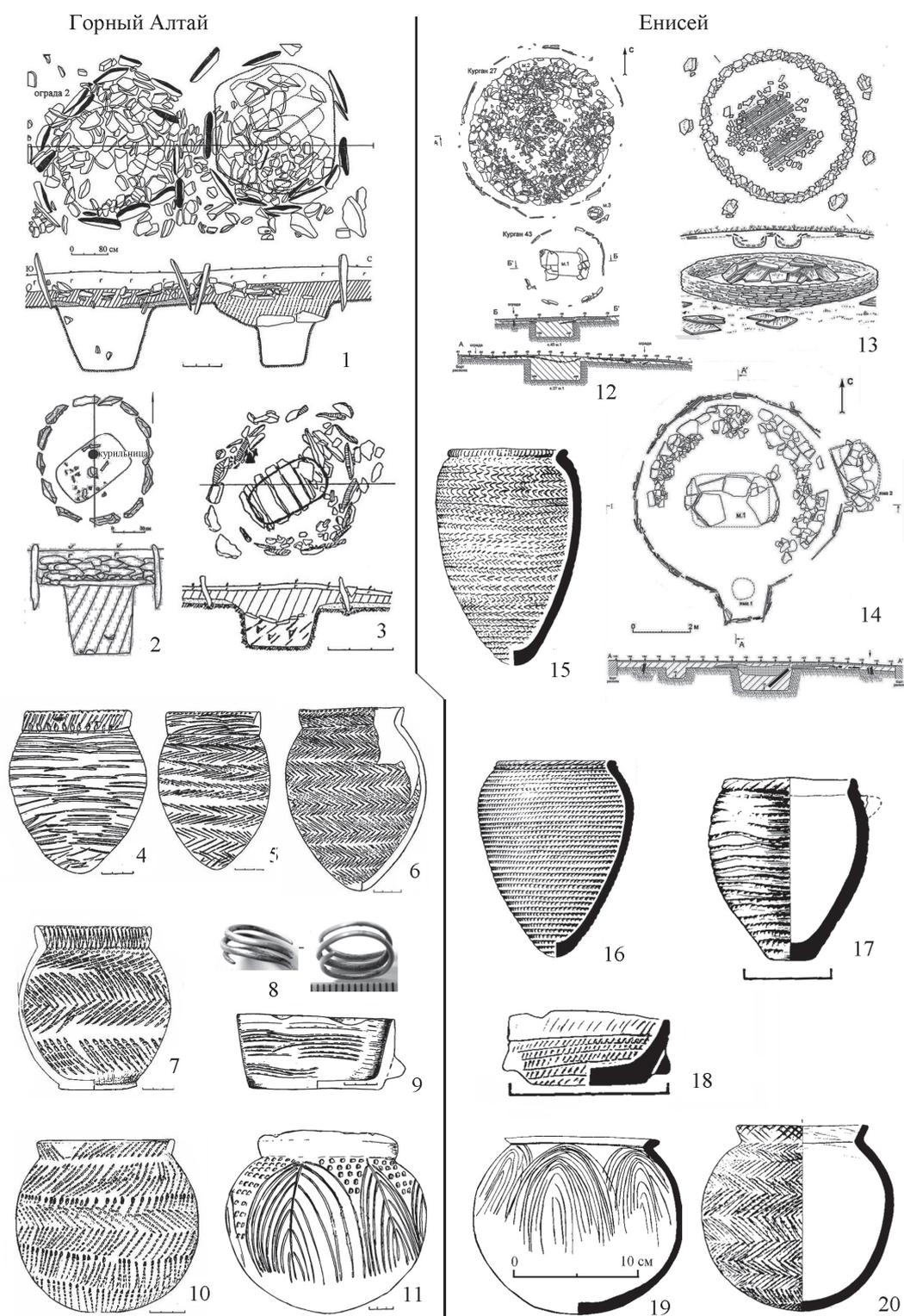

Рис. 1. Афанасьевская культура: надмогильные конструкции и керамика. 1–11 – Горный Алтай; 12–20 – Енисей. 2–8, 10 – по: Степанова, 2013; 9 – по: Степанова, 2012; 12, 14 – Поляков, 2010; 13 – по: Вадецкая, 1986; 15–20 – по: Грязнов, 1999.

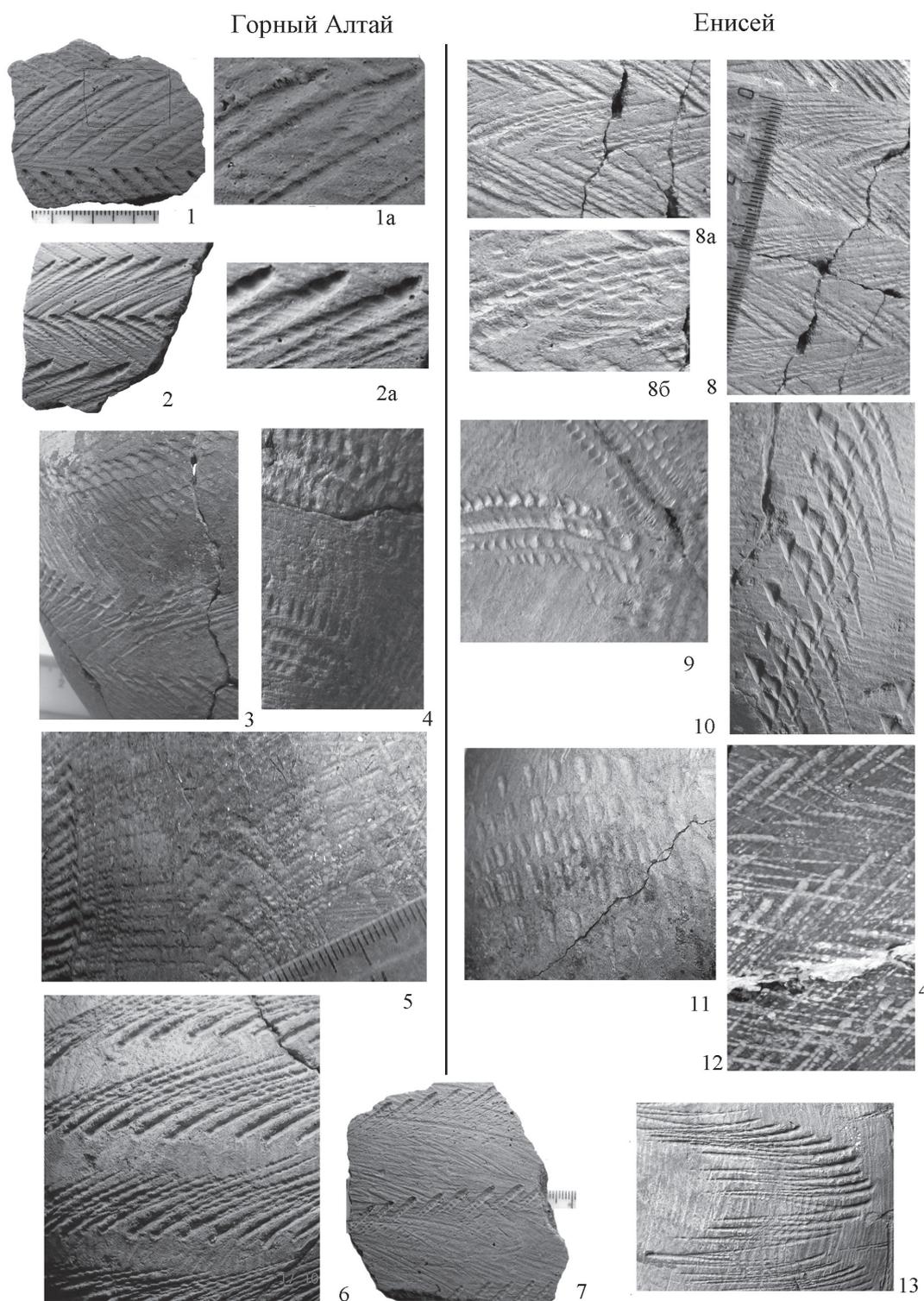

Рис. 2. Афанасьевская культура. Орнамент, нанесенный аналогичными способами и инструментами.
1–7 – Горный Алтай; 8–13 – Енисей

нии инструмента относительно поверхности сосуда, а также штампами с разной формой рабочего края. Одни варианты качалки встречаются часто, другие редко, но даже самые необычные оттиски, известные на одном-двух сосудах в Горном Алтае, имеют такое же количество аналогий на Енисее (рис. 2, 1а, 2а, 8а, б).

На одновременность функционирования афанасьевских памятников разных регионов указывает и наиболее распространенное идентичное оформление рабочего края орнаментиров (тонкий рабочий край с мелкими близко расположенными зубцами, количество которых от 15 до 25 и выше) (рис. 2, б, 7, 12, 13). Для того чтобы изготавливать подобные инструменты, мастера должны были иметь общие навыки, сохранять которые без малейших изменений в течение тысячелетий на огромной территории, не имея контактов, вряд ли было возможно. Изучение орнаментов также показывает, что некоторые необычные инструменты и композиции в построении рисунка выявлены только в одном из регионов, что может быть связано с формированием новых традиций на этих территориях.

Заслуживают внимания и другие предметы материальной культуры, сходство которых не может быть случайным и разделенным десятиком столетий, например спиралевидные серьги диаметром около 8–10 мм из золота, меди (рис. 1, 8), единичные находки предположительно пуговиц на Афанасьевой Горе и Сальдьяре-1 (Грязнов, 1999. Рис. 6–18; Ларин, 2005. Рис. 52, 2). Сравнительно часто на Енисее и изредка на Алтае находят костяные гвоздики. Обращает внимание сходство форм ряда шаровидных сосудов, иногда украшенных необычным растительным орнаментом (рис. 2, 11, 19). Два аналогичных низких плоскодонных сосуда баночного типа найдены на Карасуке III и Ело-Баши (рис. 1, 9, 18).

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время нет данных о том, что афанасьевское население на Енисее появилось на несколько столетий позднее, чем в Горном Алтае, как это следует из радиоуглеродных дат. В то же время есть основания считать, что многие памятники функционировали в один промежуток времени, а между двумя районами сохранялись контакты, что нашло от-

ражение в общих традициях в погребальном обряде и инвентаре, в том числе в орнаментации керамики. Нет и доказательств существования культуры в целом на протяжении 1000 и более лет, тем более что афанасьевское население не было единственным на этих территориях в эпоху бронзы. В Горном Алтае, например, памятники каракольской культуры находятся в одних долинах с афанасьевскими, на одних могильниках (Кубарев, 1988), что противоречит предположению о консервации афанасьевской культуры. Дальнейшие исследования керамики перспективны для решения вопросов относительной хронологии памятников и должны быть учтены при решении вопроса об абсолютной датировке культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 172 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 97–142.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. II. Новосибирск, 1995. С. 205–233.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.

Степанова Н.Ф. Могильник афанасьевской культуры в устье Куяума (раскопки 1964, 1965, 1969 гг. и итоги исследований) // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Азбука, 2006. С. 129–137.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая

// Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Азбука, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) // Про-

блемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013а. С. 323–327.

Степанова Н.Ф. Особенности локальных вариантов афанасьевской культурно-исторической общности // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013б. № 1 (5). С. 206–213.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кемерово: КемГУ, 1984. 19 с..

ЦВЕТ В АРХИТЕКТУРЕ ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА¹

© 2014 г. В.А. Трифонов¹, Н.И. Шишлина², А.О. Алексеев³,
П.И. Калинин³, С.Г. Конников⁴, А.В. Нащекин⁴

¹ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(viktor_trifonov@mail.ru)*

² *Государственный Исторический музей, Москва
(nshishlina@mail.ru)*

³ *Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино
(alekseev@issp.serpukhov.su; kalinin331@rambler.ru)*

⁴ *Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе, Санкт-Петербург
(konnikov@mail.ioffe.ru; nashchekin@mail.ioffe.ru)*

Ключевые слова: дольмены, Кавказ, эпоха бронзы, красные пигменты, охра, киноварь, естественно-научные методы.

Резюме. В статье впервые рассматриваются случаи окрашивания красными пигментами фасадов, внутренних стен погребальных камер, аванкамер и порталов у дольменов Западного Кавказа. По результатам микрорентгеноспектрального анализа выделяются две группы пигментов: природные охры на основе гетита – FeO(OH) и гематита – Fe₂O₃; киноварь (HgS). Делаются выводы, что окраска фасадов и внутренних стен аванкамер «двухкамерных гробниц» и порталов дольменов указывает на их функциональную идентичность и доступность внешнему обзору. Окрашивание происходило в период строительства дольменов. Традиция использования киновари в сочетании с охрой рассматривается в контексте майкопской культуры. Отмечается, что источником киновари могут быть ртутные месторождения на западе Краснодарского края.

По сложившейся в российской археологии традиции дольменами на Западном Кавказе называют разнообразный по архитектуре класс наземных мегалитических сооружений, предназначенных для многократного использования в качестве постоянных хранилищ человеческих останков. Общим признаком этих склепов – отверстие с каменной пробкой, расположенное, как правило, в фасадной стене погребальной камеры, и обеспечивающее возможность повторных захоронений. Дольмены, построенные из отдельных плит или блоков, почти всегда окружены каменным керном с проходом к погребальной камере. В зависимости от типа дольмена этот проход может быть оформлен в виде аванкамеры, портала, тамбура, дромоса или двора.

Разнообразие дольменов Западного Кавказа, вероятно, – результат продолжительной эволюции не одной, а нескольких кон-

структивных концепций, но при этом все они представляют единую кавказскую традицию строительства мегалитических погребальных сооружений. На Западном Кавказе эта практика получает распространение с конца IV тыс. до н.э. и выходит из разряда общепринятой только к концу II тыс. до н.э. (Трифонов и др., 2013; Trifonov, 2013).

Для кавказских дольменов характерно объединение в группы, расположение и планиграфия которых тесным образом связаны с рельефом и ландшафтом местности. Намеренная доступность для зрительного восприятия разнообразия дольменов превращала их в доминирующий элемент пространственной организации территории, где объединение природных, строительных и архитектурных компонентов должно формировать определенный образ с понятным для современников культурным кодом.

¹ Работа выполнена при финансовой РФФИ и Президиума РАН.

В облике дольменов не только воплощена взаимосвязь технических, функциональных и эстетических начал («прочность, польза и красота» по Витрувию), но и зафиксирована социальная персонификация. Как у любого погребального памятника, внешний вид и положение дольмена в группе информировали относительно статуса, происхождения и родства его «хозяев». Нет сомнений в том, что при формировании желаемого образа дольмена его строители использовали основные средства архитектурной выразительности (Сокольников, 2007. С. 6), в том числе тектонику, масштаб, пропорции, ритм, пластику объемов и фактуру поверхностей. Сегодня можно утверждать, что таким же средством в их распоряжении был цвет.

Краска на стенах дольменов. Летом 1898 г. Н.И. Веселовский раскопал в окрестностях ст. Царской (соврем. Новосвободная) две оригинальных по конструкции мегалитических гробницы, которые он отнес к разновидностям дольменов, справедливо отметив, что «второе отделение», расположенное перед погребальной камерой (он назвал его аванкамерой, от фр. *avant*; рус. – *перед, передняя часть*), «соответствует коридору в других дольменах» (Веселовский, 1899. С. 404).

В дольмене кургана 2 Н.И. Веселовский обнаружил, что внутренняя поверхность стен погребальной камеры была окрашена красной краской, которая хорошо сохранилась в пазах соединений стен дольмена (ОАК за 1898 г., 1901. С. 36).

В этой же группе курганов, где провел раскопки Н.И. Веселовский, в 1982 г. А.Д. Резепкин раскопал похожую гробницу (Клады, курган 28), у которой сюжетные росписи красной и черной красками были нанесены на фасад погребальной камеры и внутренние поверхности приставных боковых плит аванкамеры. Кроме того, в центральной части заклада входа в аванкамеру была установлена плита, у которой красной и черной красками была расписана не внутренняя, а наружная поверхность (Резепкин, 2012. С. 30–31).

Там же в Кладах, в кургане 11 (Серебряный), был раскопан дольмен с широкой («до 40 см») красной полосой, нарисованной вертикально от пола до потолка по середине зад-

ней стены погребальной камеры (Резепкин, 2012. С. 25).

Учитывая эти данные, в рамках полевого проекта по изучению археологического контекста гробниц, раскопанных Н.И. Веселовским, с целью поиска следов окрашивания, в 2013 г. было осмотрено большинство доступных памятников в урочище Клады.

В результате следы красной краски были найдены на внутренней поверхности стен и в пазах аванкамеры гробницы кургана 30, аналогичной по конструкции гробнице из кургана 1, раскопанной Н.И. Веселовским, а также на фасаде, внутренних поверхностях стен приставного портала и в пазах дольмена кургана Серебряный. Кроме этого был найден окрашенный красной краской фрагмент разрушенной боковой стены аванкамеры дольмена в кургане 2 (раскопки Н.И. Веселовского). Для определения состава краски в лабораторных условиях был выполнен анализ образцов красных пигментов, взятых с плит дольменов.

Методика и результаты анализов красных пигментов. Всего было проанализировано 13 образцов пигментов из могильника Клады. Состав еще семи образцов из погребений эпохи бронзы Северного Кавказа и предкавказской степи был изучен для сравнительного анализа. Анализы выполнены в ИФХиБПП РАН (18 образцов) (см. *таблицу*), Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе (1 образец) (см. *рисунок*) и в Гос. Эрмитаже (1 образец).

Определение химического состава пигментов проводилось методом микрорентгено-спектрального анализа в два этапа. На первом, с использованием сканирующего электронного микроскопа и микроанализатора были выделены две группы пигментов: охра (природный пигмент, состоящий из глины, обогащенной окислами и гидроокислами железа) и киноварь (сульфид ртути).

На втором этапе с помощью дифрактометра, в охрах удалось определить состав и количественное соотношение близких минералов: гетита – $\text{FeO}(\text{OH})$ и гематита – Fe_2O_3 . Цвет охр идентифицирован по цветовой системе Манселла.

По химическому составу (CaCO_3) фрагмент плиты из дольмена под курганом 2 (ст. Царская, 1898 г.), на которую был нане-

Результаты анализов химического состава пигментов из дольменов могильника Клады и погребений эпохи бронзы Северного Кавказа и предкавказской степи

Образец, %	1	2	3	4	5	6	7	9	10	11	13	14	15	16	17	18
Fe	2,5	2,7	4,6	4,9	1,8	0,7	5,6	7,0	18,9	0,2	44,2	29,5	24,4	10,9	51,2	52,9
Hg	9,7	45,5	0,1		0,3	53,2	2,7			72,8			0,0		0,0	
S	1,4	6,6	0,2	0,1	0,1	7,3	0,4	0,1	0,1	11,7	2,6	0,3	5,0	0,2	2,0	0,8
Si	11,5	3,1	8,2	11,7	1,8	2,5	20,5	4,1	17,0	0,4	6,1	14,5	5,4	21,7	6,1	7,3
Al	4,8	1,3	1,9	2,9	0,8	1,0	7,2	1,9	6,5	0,4	2,5	6,4	3,2	7,8	2,5	3,0
Ca	7,0	6,7	25,6	19,2	35,6	1,3	1,3	27,4	0,9		3,5	1,2	7,0	1,5	1,4	1,1
O	46,2	20,4	48,9	45,4	43,1	13,2	46,4	45,0	44,2	3,1	33,8	38,0	41,4	43,5	27,4	26,9
P	2,5			0,1	0,0	0,5	0,1	0,1	0,2	0,0	1,0	0,9	1,0	0,3	0,4	1,0
K	1,1	0,5	0,5	1,0	0,3	0,2	2,1	0,5	1,7	0,1	0,6	1,7	0,8	2,6	0,9	0,9
Ti	0,2		0,0	0,2			0,3	0,0	0,2	0,1	0,3	0,3	0,3	0,5	0,1	0,4
Mg	0,6	0,1	0,2	0,4	0,1	0,1	0,6	0,3	0,6		0,2	0,4	0,4	1,6	0,5	0,4
Zr	0,0				0,1	1,7	0,03	0,1		2,5						

Примечания: 1, 6, 7 – ст. Царская, 1898 г. (совр. ст. Новосвободная, Клады), раскопки Н.И. Веселовского, к. 1, дольмен. Образцы пигмента с фрагмента кости человека (1), вокруг скоплений 1 и 2 костей человека (6, 7); 2–5 – ст. Новосвободная (бывш. ст. Царская), Клады. Курган Серебряный. Образцы пигмента: с окрашенной полосы на внутренней поверхности задней стены (2), с поверхности паза крыши над задней стеной (3), с поверхности паза крыши над южной боковой стеной (5) погребальной камеры дольмена (№ 54); с поверхности паза крыши над южной боковой стеной с наружной поверхности (4) фасадной плиты дольмена (№ 54); 8, 9 – ст. Новосвободная (бывш. ст. Царская), Клады, к. 30, п. 1 («двухкамерная гробница»). Образцы пигмента: с внутренней поверхности юго-западной стены аванкамеры (8), с поверхности отверстия в фасадной плите (9). Раскопки А.Д. Резепкина, 1985 г.; 10 – ст. Царская, 1898 г. (совр. ст. Новосвободная, Клады), раскопки Н.И. Веселовского, к. 2, дольмен. Образец пигмента с фрагмента восточной боковой стены аванкамеры; 11 – ст. Царская, 1898 г. (совр. ст. Новосвободная, Клады), раскопки Н.И. Веселовского, к. 1, дольмен. ГИМ, опись № 89/82. Образец пигмента, сборы Н.И. Веселовского; 12 – ст. Ладожская, Кубанская обл., раскопки Н.И. Веселовского, погребение эпохи бронзы. ГИМ, опись № 234/1. Образец пигмента; 13 – ст. Казанская, Кубанская обл., раскопки Н.И. Веселовского, 1901 г., погребение эпохи бронзы. Образец пигмента; 14 – ст. Костромская, Кубанская обл., раскопки Н.И. Веселовского, 1897 г., погребение эпохи бронзы. Образец пигмента; 15 – Терская обл., Пятигорский округ, г. Кисловодск, уроч. Три камня. Раскопки Д.Я. Самоквасова, 1881 г. Образец пигмента; 16 – Калмыкия, Зунда-Толга, к. 1, п. 15, майкопская культура. Раскопки Н.И. Шишлиной, 1994 г. Образец пигмента; 17 – Ростовская обл., Песчаный V, к. 16, п. 1, катакомбная культура. Раскопки Н.И. Шишлиной, 2013 г. Образец пигмента; 18 – Ростовская обл., Песчаный V, к. 16, п. 4, ямная культура. Раскопки Н.И. Шишлиной, 2013 г. Образец пигмента. 1–10 – Сбор образцов: В.А. Трифонов, Н.И. Шишлина, 2013.

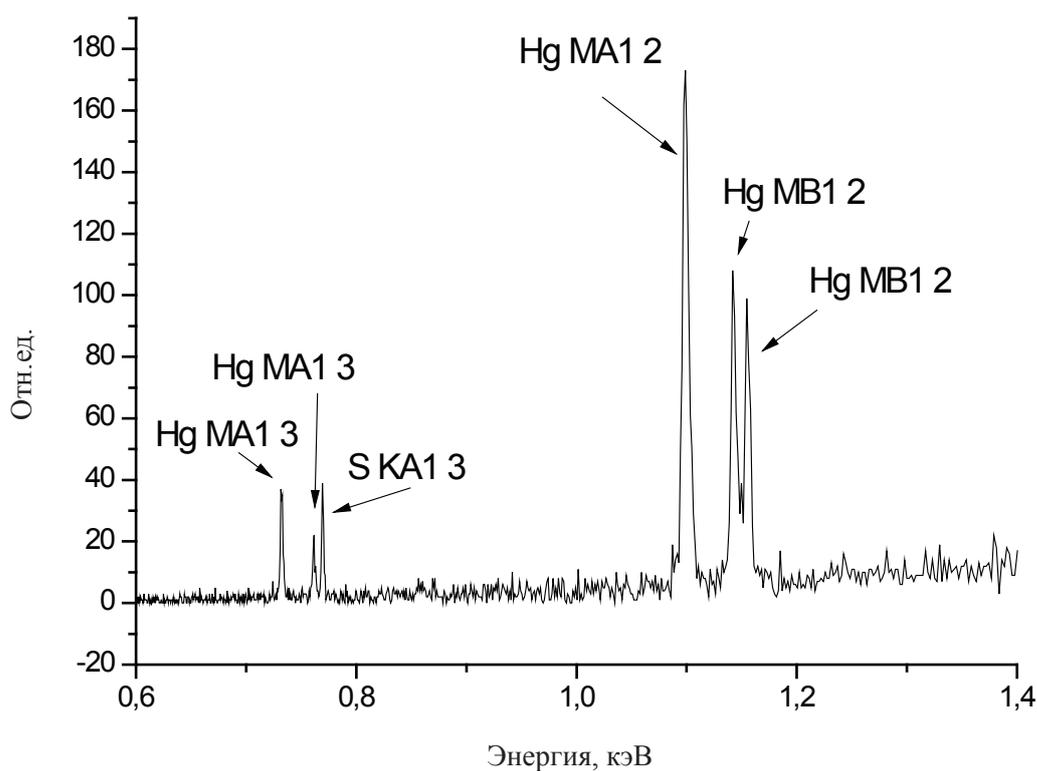
(Растровый электронный микроскоп VEGA 3, Tescan, Чехия; рентгеноспектральный микроанализатор SEMTESCANVEGA 3 LMU, OXFORDINSTRUMENT, Великобритания. Лаборатория ИФХиБПП РАН.)

сен пигмент (образец № 10), соответствует известняку. Под микроскопом на поверхности этого образца хорошо различимы красная краска и природная пленка ожелезнения.

В итоге было установлено, что красная полоса на задней стене погребальной камеры дольмена в кургане Серебряный выполнена киноварью, а фасад и стены портала были окрашены, возможно, разными по составу охрами – с гетитом и гематитом.

Внутренние стены аванкамеры гробницы в кургане 30 (раскопки А.Д. Резепкина) и гробницы в кургане 2 (раскопки Н.И. Веселовского) были также окрашены охрой красного цвета.

Пигменты ярко-красного цвета, которыми были окрашены кости погребенных в обеих гробницах, раскопанных Н.И. Веселовским, – это киноварь. Красный пигмент на основе ртути в значительном количестве присутствовал также в «двухкамерной» гробнице

Результаты анализа пигмента ярко-красного цвета (киноварь) из дольмена в к. 1 (ст. Царская, 1898 г., раскопки Н.И. Веселовского, ГИМ, опись № 9/82). (Растровый электронный микроскоп Jeol, JSM-7001F, Япония; рентгеноспектральный микроанализатор Cameca, Camebax-microbeam Франция. Лаборатория ФТИ им. А.Ф. Иоффе, 2013.)

могильника Клады: курган 31, погребение 5 (Shishlina, Orfinskaya, Golikov, 2003. P. 337–338).

Интерпретация результатов и основные выводы. Учитывая, что ни один из идентифицированных пигментов не входит в состав пород, из которых изготовлены стены дольменов, их окрашивание носило намеренный характер. Окраска фасадов и внутренних стен аванкамер «двухкамерных гробниц» и порталов дольменов указывает на их функциональную идентичность и доступность внешнему обзору. Присутствие краски в пазах соединений плит означает, что окрашивание происходило в момент строительства дольменов.

Красный цвет стен дольменов соответствует такой же цветовой символике погребального обряда, в котором различались и использовались оттенки охры и киновари. Традицию использования киновари в сочетании с охрой

следует рассматривать в контексте майкопской археологической культуры. Именно киноварью в Майкопском кургане (1897 г.) было засыпано погребение, в котором кости минимум одного из трех погребенных были, вероятно, окрашены охрой (результаты анализов научно-технической лаборатории Морского ведомства, 20.03.1898 г. СПб. (Архив ИИМК РАН. Ф-1. Д. 60. 1898. Л. 49–50)).

Локализовать происхождение разного вида охры ввиду их широкого распространения пока невозможно, но источником киновари в ареале майкопской культуры могут быть ртутные месторождения на западе Краснодарского края.

Окрашивание стен дольменов наряду с гравированным орнаментальным декором можно рассматривать как выразительное средство дольменной архитектуры Кавказа.

Красный цвет в сочетании с мегалитами добавлял культурному ландшафту Западного Кавказа большей информативности и выразительности. Вероятно, что этот прием использовался значительно чаще, чем можно сегодня представить из-за плохой сохранности памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселовский Н.И. О курганах-дольменах в Кубанской области (резюме доклада, 12 декабря 1898 г.) // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1/2. Новая сер. СПб., 1899. С. 403–404.

ОАК за 1898 г. СПб., 1901. 191 с.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXIX).

Сокольникова Н.М. История изобразительного искусства. Т. 1. М.: Академия, 2007. 304 с.

Трифонов В.А., Крайнева А.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Богомолов Е.С., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А. Дольмен Шепси и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы // Тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н.Я. Мерперта, конф. «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия». М.: ИА РАН, 2013. С. 37–38.

Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P. Bronze age textiles from the North Caucasus: new evidence of fourth millennium BC fibres and fabrics // Oxford J. of Archaeology. 2003. 22 (4). P. 331–344.

Trifonov V. What distinguishes Caucasian megaliths from European ones? // Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Prof. Kristian Kristiansen / Ed. S. Bergerbrant, S. Sabatini. Oxford: Oxford Univ., 2013. P. 321–328. (BAR Intern. ser. 2508).

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМКАХ РАННЕГО ЭТАПА ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА¹

© 2014 г. М.А. Турецкий

*Поволжский филиал Института российской истории РАН, Самара
(maturet@mail.ru)*

Ключевые слова: позднеэнеолитические памятники, ямная культура, Волго-Уралье, радиоуглеродное датирование.

Резюме. Статья посвящена проблеме удревнения начальной стадии ямной культуры Волго-Уральского региона на основе новых радиоуглеродных данных. Рассматривается вопрос культурно-хронологического соотношения позднеэнеолитических и ямных комплексов. В статье также обсуждаются вопросы использования новых названий этапов ямной культуры.

В последние годы значительно выросло количество радиоуглеродных дат по материалам погребений раннего этапа ямной культуры Волго-Уралья (Кузнецов, 1996, 2008, 2010в, 2011, 2013; Моргунова, 2006, 2009, 2011; Турецкий, 2007; Моргунова и др., 2011; Юдин, 2012). Делаются попытки удревнить нижнюю границу ямной культуры до рубежа V–IV тыс. до н.э. Ямная культура в этом случае выходит

за рамки раннего бронзового века, культурой какого она признается в исследованиях последних 30 лет. Возникает проблема культурно-хронологического порядка, которая уже стояла перед исследователями 60–80-х гг. XX в. (И.Б. Васильев, В.Н. Даниленко, Н.Я. Мерперт, Д.Я. Телегин) – считать ямную культуру энеолитической или раннебронзовой. Эта проблема выходит за рамки источни-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00127.

коведческого подхода к имеющимся материалам и носит культурологический характер, связанный с определением эпохальных черт жизни древнего общества волго-уральской степи и лесостепи.

Местная линия развития в переходное время от энеолита к раннебронзовому веку, базирующаяся на предполагаемой трансформации хвалынских комплексов в ямные, нуждается в подтверждении фактов смыкания дат и заполнения хронологического разрыва между двумя группами памятников, отмеченных в том числе и различиями в формах погребальных традиций – грунтовых и подкурганых погребений. Выделение пласта погребений хвалынско-бережновского типа не решает проблему в полном объеме из-за немногочисленности и разнородности таких комплексов и в силу отсутствия радиоуглеродных определений.

Отнесение начала ямно-репинского этапа к рубежу V–IV тыс. до н.э. ставит перед исследователями задачу дать обоснование существования в одной экологической нише поздне- и постэнеолитических образований турганикского и алтатинского типов и раннеямных групп населения.

Все эти проблемы делают актуальным обращение к вопросу о правомерности удревнения начального этапа ямной культуры Волго-Уральского региона.

Прежде всего надо определить, какой хронологический отрезок времени может соответствовать понятию «ямная культура». На наш взгляд, это время раннего бронзового века, т.е. период функционирования Циркумпонтийской металлургической провинции на первом хронологическом этапе т.е. XXXIII–XXV вв. до н.э. (Черных, Авилова, Орловская, 2000. С. 21) или середина IV – первая четверть III тыс. до н.э. (Авилова, 2008. С. 22). С учетом данных по датировке погребений так называемого репинского этапа ямной культуры можно утверждать, что на территории Волго-Уралья наиболее ранние ямные погребения относятся к середине IV – третьей четверти IV тыс. до н.э. Первая половина IV тыс. до н.э. относится к доямному энеолитическому периоду, к которому традиционно относят хвалынско-бережновские погребения, выделенные в отдельную группу (Дремов, Юдин, 1992). Количество этих погребений

практически не изменилось с момента их выделения. В Волго-Донском междуречье в рамках этой группы можно рассматривать такие комплексы, как Хутор Шляховской, 3/3 и 3/4 (Клепиков, 1994), а также Перегрузное, 10/7 и 13/7 с датами 5780 ± 150 ВР и 5430 ± 50 ВР (Клепиков, 2005). Погребение Паницкое, 6Б/6, судя по сосуду, также может быть включено в хвалынско-бережновскую группу, несмотря на некорректные даты – 4500 ± 120 ВР и 4250 ± 110 ВР (Мимоход, 2009. С. 247) и 4390 ± 120 ВР (Кузнецов, 2010б. С. 153).

Трудно согласиться с Р.А. Мимоходом, который предложил назвать наиболее ранний этап ямной культуры в Волго-Уралье и Поволжье «паницким» (Мимоход, 2009. С. 55). Предлагая такое название, Р.А. Мимоход критикует (вполне справедливо, на наш взгляд – см. Турецкий, 2009. С. 61) предложение П.Ф. Кузнецова первый этап ямной культуры именовать вместо «ямно-репинского» «бережновским» (Кузнецов, 2008. С. 318). Кстати, эта одновременная критика с моей стороны и со стороны Р.А. Мимохода, и предложение назвать этот этап «быковским» (Турецкий, 2009. С. 60) привела, как мне кажется, к тому, что в последующих работах П.Ф. Кузнецов уже использует термин «быково-бережновский» (Кузнецов, 2010а. С. 97; 2010в. С. 51; 2011. С. 88), что, впрочем, выглядит как половинчатое решение при выборе термина. Ни паницким, ни бережновским называть ранний этап ямной культуры нельзя.

Расширение границ раннего ямного этапа до начала IV тыс. до н.э. (или даже до конца V тыс. до н.э.) связано прежде всего с попыткой заполнить существующий интервал между хвалынской и ямной культурами, ликвидация которого, по мнению некоторых исследователей, послужит основанием для подтверждения генетической и культурной преемственности этих двух культур. Однако по-прежнему не ставится задача «притянуть» нижнюю границу ямной культуры к верхней границе существования хвалынской культуры, а заполнить этот интервал материалами памятников доямного энеолитического времени (Турецкий, 2009. С. 60).

Выделение горизонта степных энеолитических погребений Восточной Европы и Предкавказья, разными авторами называемо-

го различными терминами, но в целом с общим пониманием как доямных или протоямных культур (Нечитайло, 2002; Котова, 2006; Шишлина, 2007; Корневский, 2012) предполагает существование подобной группы погребений и в Волго-Уральском междуречье. Однако к настоящему моменту в Самарском Поволжье и в Приуралье такие погребения, кроме разрушенных погребений типа Криволучье–Ивановка, которое И.Б. Васильев относил к хвалынской культуре (Васильев, 2003. С. 66–67), и Новорского I могильника (Богданов, 2000. С. 14), пока не открыты.

Таким образом, место погребальных комплексов, в которых отражается энеолитическая эпохальная принадлежность (Моргунова, 2011. С. 138), остается для Самарского Поволжья и Приуралья вакантным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Л.И.* Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники историч. мысли, 2008. 227 с.
- Богданов С.В.* Материалы типа Касимча–Суворова из окрестностей Новоорска в системе энеолитических древностей Восточной Европы // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург: Оренб. губ., 2000. С. 8–28.
- Васильев И.Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–31.
- Клетиков В.М.* Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97–102.
- Клетиков В.М.* Энеолитические комплексы могильника Перегрузное I // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-н/Д., 2005. С. 21–23.
- Котова Н.С.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: ВНУ им. В. Даля, 2006. 128 с.
- Корневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус, 2012. 256 с.
- Кузнецов П.Ф.* Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 50–60.
- Кузнецов П.Ф.* Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. 1. М.: ИА РАН, 2008. С. 317–319.
- Кузнецов П.Ф.* Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: МГОУ, 2010а. С. 96–98.
- Кузнецов П.Ф.* Основные этапы раннего и среднего бронзового веков Волго-Уралья во взаимосвязи с процессами культурирования Восточной Европы // XVIII Уральское археологическое совещание. Уфа: БГПУ, 2010б. С. 153–154.
- Кузнецов П.Ф.* Проблемы изучения раннего и среднего периодов бронзового века Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Самара: Офорт, 2010в. С. 40–55. (Краеведческие записки; Вып. XV).
- Кузнецов П.Ф.* Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 75–92.
- Кузнецов П.Ф.* Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. 2013. № 1. С. 13–21.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Моргунова Н.Л.* Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 67–71.
- Моргунова Н.Л.* Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 6–27.
- Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 53–75.

Нечитайло А.Л. Основы общности культур степного энеолита // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002. С. 9–20.

Турецкий М.А. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего – начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург: ОГПУ. 2007. С. 116–129.

Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 59–65.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000. 95 с.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007. 400 с. (Тр. ГИМ; Вып. 165).

Юдин А.И. Поздний неолит степей Нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Научная книга, 2012. С. 15–37.

К ВОПРОСУ О МИРЕ ДЕТСТВА В ОБЩЕСТВЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ¹

© 2014 г. А.А. Файзуллин

*Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
(faizullin.airat@yandex.ru)*

Ключевые слова: ямная культура, детские погребения, социальная структура, половозрастная дифференциация.

Резюме. Статья посвящена роли детей в скотоводческом обществе раннего и среднего бронзового века на территории Волго-Уральского междуречья. Погребения детей проанализированы с использованием антропологических данных. Некоторые суждения о социальной значимости погребенных детей позволили сделать украшения из меди в выборке из 53 погребений. Парные погребения взрослых и детей показали два вида обращения с детьми в похоронной обрядности, каждый из которых по-разному интерпретирует захоронение в социальном плане: они могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей или участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

В последние десятилетия наиболее остро проявился интерес исследователей к проблемам роли детей в скотоводческом обществе. Изучение детских захоронений – важное направление археологических исследований. Это объясняется увеличившейся источниковедческой базой, малочисленностью обобщающих работ по данной теме, недостаточным вниманием к изучению детской проблематики в первобытных и раннеклассовых обществах.

На территории Волго-Уралья из 461 ямного погребения в 87 выявлены костяки детей и подростков (Хохлов, 2010. С. 116). Погребения детей были обнаружены в 53 могилах: чаще в курганах небольшого размера в небольших и неглубоких ямах, а также, но значительно реже, и в больших курганах, диаметром до 35 м и высотой до 3,5 м – но в этом случае захоронения сопутствующие основному или впускные. Инвентарь был найден в 35 погребениях. Керамическая посуда в погре-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00127.

бениях детей была обнаружена в 15 случаях. Большинство сосудов находилось рядом с черепами младенцев. Наряду с керамикой в могилах найдены песчаниковая плитка, медные тонкий браслет, тонкий ножичек, ожерелье, пронизки из пластинок, овальные подвески, шило, нож; а также альчики овцы.

Двойные погребения детей и подростков также обнаружены в небольших курганах в ямах простой конструкции.

Наличие курганных насыпей, содержащих одиночные детские захоронения и социально престижный инвентарь (украшения из меди) можно связывать с тем, что уже с рождения или в самом раннем возрасте дети наследовали социальный статус. Это может подтверждать тот факт, что 14 детских захоронений были основными и центральными в курганах.

О наследовании детьми социального статуса с рождения можно говорить, основываясь на материале курганного могильника Терны (курган 9, погребение 10). Погребения детей в данном могильнике сопровождалась металлическими украшениями: серебряные подвески, бронзовые накладки, клыки-подвески. И.Ф. Ковалева пишет о том, что в отличие от других территорий ямной культурно-исторической общности в Днепровском предстепье наблюдаются частые случаи возведения насыпей над основными индивидуальными детскими погребениями. Причину этому автор находит в представлениях о незащищенности ребенка и естественном стремлении обеспечить ему загробное существование в соответствии с традиционными верованиями, о чем свидетельствует характер сопутствующего инвентаря – амулеты-фетиши, «флейты Пана», украшения, сосуды, при почти полном отсутствии орудий труда и оружия. Причины культовой неполноценности ребенка обусловлены тем, пишет автор, что до прохождения инициаций он не был допущен к эзотерическому знанию и в силу этого был особенно уязвим для враждебных человеку потусторонних сил: этим объясняется повышенное в сравнении с погребениями взрослых внимание к обрядовым действиям (Ковалева, 1998. С. 38).

С.В. Федяев в своей работе о мире детства скотоводческих обществ отмечает, что наличие в погребениях детей на территории Укра-

ины таких игрушек, как люльки-колыбели и кибитки-повозочки, могли служить доказательством того, что дети бронзового века часто наследовали профессии своих родителей. Игрушки, в том числе колыбели и кибитки, могли служить своеобразным миниатюрным наглядным пособием для обретения мальчиками и девочками тех или иных профессиональных навыков. Мальчики, возможно, осваивали профессию возничего, плотника и т.п. Девочки же учились быть матерями, что в скотоводческих обществах было немаловажно (Федяев, 2001. С. 40).

Таким образом, наличие погребений детей раннего возраста подтверждает мысль о том, что в ямном обществе существовала социальная дифференциация и дети наследовали с рождения социальный статус своих родителей, а затем в процессе социализации, возможно, наследовали и их профессию. Об этом свидетельствуют уже подростковые погребения.

На территории Волго-Уралья найдено девять погребений подростков. Насыпи над погребенными небольшие, как и в предыдущей возрастной группе. Особый интерес представляет инвентарь в двух погребениях подростков в могильнике Тамар-Уткуль VIII, 8/1 – медные шило и проволока, два сосуда (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 32). В курганном могильнике Першин 1/4 было обнаружено погребение подростка с литейной формой и куском меди. В погребальной камере находился скелет подростка мужского пола (12-13,5 лет). Наиболее важной и интересной для археологии находкой при покойном была двустворчатая глинисто-песчаниковая литейная форма для втульчатого топора, положенная у левого виска молодого мастера (Черных и др., 2000. С. 65). Это изделие некоторое время использовалось в древности, что хорошо заметно по следам высокотемпературных воздействий на внутренних полостях створок. Между ног покойного находился крохотный кусочек меди. По мнению Е.Н. Черных, скорее всего, сразу по завершению надмогильной насыпи над захоронением литейщика в стороне от кургана был сложен ритуальный очаг. От него сохранились плоская, неправильной формы ямка. Глубина ее превышала 10 см, максимальная

длина – 63 см, а ширина – 40 (Черных, 2005. С. 32).

Сооружение ритуального огня вполне очевидно связывалось с основным профессиональным занятием подростка. Погребенного подростка, судя по всему, инициировали в статус мастера незадолго перед кончиной: ведь чаще всего в архаичных обществах такое посвящение проводили лишь с достижением человеком половой зрелости, когда мальчик возвышался до ранга мужчины. Погребение подростков с производственным инвентарем нужно связывать с участием данной возрастной группы в производственной деятельности. Также можно предположить, что ремесленная специальность родителей могла передаваться по наследству, по мере достижения человеком опыта в том или ином деле. Вероятно, подросток становился мастером после обряда инициации.

Наряду с одиночными погребениями под курганами интерес вызывают и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов. Всего парных погребений 24. Парных погребений мужчин и детей – девять, женщин и детей – восемь, детей и взрослых (пол не определен) – пять, коллективных (мужчина, женщина, ребенок) – два. В связи с этим необходимо отметить, что в ямной культуре Волго-Уралья наблюдаются полярные подходы к месту ребенка в погребальной камере с взрослыми индивидами. Так, в обществе существовало два вида обращения с детьми. Первое – это положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида (Пятилетка 3/1; 5/2; Малокизильский 1/2; Утевский I 2/1; Шумаево II 6/6).

В данных случаях, судя по положению детей в могиле, можно сделать вывод, что они выступали в роли жертв. Можно предположить, что такой ритуал умерщвления детей совершался в качестве подношения умершему человеку, занимавшему высокое социальное положение в ямной общине.

Известно, что выбор жертвы и ритуала определялись обычаем, моментом и поводом совершения жертвоприношения, оговаривались культовыми правилами. В любом случае жертвы предназначались для временного услаждения божества, героя или предка, которые насыщались ее духом (Тайлор, 1989.

С. 474). Детские жертвоприношения совершались в различные исторические эпохи.

Судя по археологическим материалам, в крито-микенскую эпоху происходили жертвоприношения детей, закономерным финалом которых было последующее расчленение младенцев и даже ритуальный каннибализм (Антология..., 2000. С. 52–53).

Захоронение расчлененного младенца было найдено в погребении VI – первой четверти V в. до н.э. в некрополе Кеп на Азиатском Боспоре. Тельце младенца перекрывал сосуд Диониса – канфар, стоявший вверх дном, остальные кости лежали рядом. Тут же находилась перевернутая миска. Положение сосудов придавало погребению ярко выраженный хтонический характер (Сорокина, Сударев, 2001. С. 136).

Второй вид обращения с детьми – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду. Такие погребения были найдены в одиночном кургане Шумаево II (погребение 2), курганных группах Паницкое 6Б/6 и 6Б/7, Калиновский 8/28; 10/9, Николаевка III 2/1, Бережновка II 9/12, Полудни II 2/17. В указанных комплексах дети положены лицом к взрослому. В двух погребениях обнаружен инвентарь рядом с детскими костяками. Такое положение, по-видимому, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения.

Рассматривая погребения взрослых и детей, можно сделать вывод, что в рассматриваемое время существовал обряд, когда в могилу мужчинам помещали человеческую жертву (ребенка). Интересно, что детей хоронили как с мужчинами, так и женщинами. Погребения мужчин с детьми отличаются высокими трудовыми затратами на совершение захоронений, а также положением социально престижного инвентаря. Таким образом, можно сделать вывод, что дети могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей, а также участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетей, 2000. 870 с.
- Ковалева И.Ф.* Мир детства ямных племен Предстепья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1998. С. 37–47.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Предметы, связанные с культами и магией, из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образования государства. Мат-лы конф. Ч. 1. СПб., 2001. С. 35–40.
- Тайлор Э. Б.*, Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Федяев С.В.* К вопросу о мире детства скотоводческих обществ бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 38–40.
- Черных Е.Н.* Каргалы. Т. IV. Некрополи на каргалах, население каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Наука, 2005. 239 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю.* Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: Изд-во Оренбург. губ., 2000. С. 63–85.
- Хохлов А.А.* Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии, Екатеринбург; Самара; Донецк.: Изд-во Цикр, 2010. С. 133–152.

СЕКЦИЯ 4

ФИНАЛ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ, ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК И ПЕРЕХОД К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ (ВОПРОСЫ ОТРАЖЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА)

© 2014 г. И.П. Алаева

*Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск
(alaevaira@mail.ru)*

Ключевые слова: алакульская культура, поздний бронзовый век, металлопроизводство, литейные формы.

Резюме. В материалах памятников алакульской культуры степного и лесостепного Зауралья представлены литейные формы, выполненные из камня или глины. Соотношение каменных и керамических литейных форм обнаруживает устойчивую тенденцию связи каменных форм с массовым производством серийных пластинчатых изделий, на обломках керамических литейных форм представлены негативы объемных, сложных изделий. Использование каменных литейных форм для отливки массовых изделий, вероятно, свидетельствует о достаточно высоком уровне развития металлопроизводства в позднем бронзовом веке Зауралья. Вместе с тем низкая металлоемкость памятников алакульской культуры, фактическое отсутствие «кладов» на ее территории указывают на складывание кризисной ситуации с добычей/поставкой сырья, что обусловило использование всех возможных источников металла.

Поздний бронзовый век второй фазы Южного и отчасти Среднего Зауралья представлен памятниками алакульской культуры (культур) с некоторым территориальным различием материалов степной и лесостепной зон. На территории Зауралья каменные и керамические литейные формы обнаружены в коллекции 16 памятников. Всего найдено около 30 литейных форм с 59 негативами отливаемых изделий (табл. 1; см. рисунок).

Большая часть изделий фрагментирована и происходит из культурного слоя поселений. В широком диапазоне все определяемые негативы изделий могут быть отнесены к фазе стабилизации Евразийской металлургической провинции (Черных, 2007. С. 87–109). Отдельные негативы напрямую сопоставимы

с категориями изделий алакульской культуры (Аванесова, 1991. Рис. 4).

Наиболее представительна подборка каменных литейных форм (18 экз.), обломки форм из обожженной глины зафиксированы реже. Соотношение каменных и керамических литейных форм обнаруживает устойчивую тенденцию связи каменных форм с массовым производством серийных пластинчатых изделий: ножей-кинжалов, серпов, заготовок-прутков, тесел, украшений. На обломках керамических литейных форм представлены негативы объемных сложных изделий: крестовидная булава, наконечник копья, вислобушный топор (табл. 2). Набор орудий, отливаемых в глиняных формах для

Таблица 1. Литейные формы позднего бронзового века степного, лесостепного Зауралья

Памятники	Каменные формы	Керамические формы	Количество негативов	Источник
Станица Кундравинская	1	–	7	Аванесова, 1991
Пос. Чернореченское I	2	–	4	Стоколос, 1972
Пос. Мирный IV	1	–	1	Чемякин, 1974
Пос. Кривое Озеро I	2	–	5	Левит, Батанина, 2004; Arkaim..., 2011
Мог. Акмулла I, курган 4	1	–	1	Гарилюк, Григорьев, Марков, 2006
Пос. Чебаркуль III	2	3	8	Алаева, 2013
Пос. Олаир	4	–	5	Сунгатов, Бахшиев, 2008
Пос. Старо-Кумлякское I	1	–	10 (?)	Епимахов, 2012
Пос. Киржакуль	1	–	6 (?)	Епимахов, 2012
Пос. Большая Березовая-2	–	2	2	Алаева, 2011
Пос. Малая Березовая-4	–	1	1	Алаева, 2005
Пос. Тавлыкаево	1	–	?	Морозов, 1983
Пос. Кипель	1	–	?	Сальников, 1957
Пос. Камышное I	2	–	6 (?)	Потемкина, 1985
Пос. Усть-Суерское III	–	1	1(?)	Потемкина, 1985
Пос. Ук III	–	2	2	Стефанов, Корочкова, 2000
Всего	19	9	59	

Примечание: тире – отсутствие признака; ? – неполные данные.

одного предмета, напрямую связан с военной сферой.

Подобная зависимость материала литейной формы от конкретной категории отливаемых изделий, по-видимому, была специфической чертой зауральских алакульских культур. Показательно, что более чем 700 целых и обломков литейных форм всех категорий изделий, обнаруженных на специализированном поселении срубной культуры Мосоловка, были выполнены из глины (Пряхин, Саврасов, 1989. С. 40). В материалах срубной культуры Нижнего Поволжья также были распространены керамические литейные формы,

каменные формы единичны (Агапов, Иванов, 1989. С. 142).

Вероятно, массовое изготовление форм для всех типов орудий из глины на территории донского, поволжского лесостепного вариантов срубной культуры связано с недостатком или отсутствием качественного сырья из камня для изготовления литейных форм.

Вместе с тем общеисторические тенденции развития металлопроизводства свидетельствуют о появлении каменных литейных форм в связи с налаживанием массового производства наиболее востребованных изделий и сопутствующим повышением уровня

Таблица 2. Категории изделий, отливаемых в каменных и глиняных литейных формах

Категории отливаемых изделий	Каменные литейные формы (количество негативов)	Керамические формы (количество негативов)
Серпы	5	–
Ножи	6	–
Заготовки (прутки)	4	3 (?)
Тесла	3	–
Долота с несомкнутой, кововой втулкой	2	–
Украшения	21	1 (?)
Крестовидная булава	–	1
Топор	–	1
Наконечник копья	–	1
Всего	41	7

профессиональных навыков (Рыбаков, 1948. С. 145).

Тиражирование определенных категорий изделий, связанных с основными хозяйственными сферами, фиксируется и в материалах специализированных поселков. На поселении Горный I в соотношении отливаемых изделий ожидаемо преобладают категории горнопроходческих орудий (кайла-кирки, кирки-пешни). Тем не менее на втором месте представлены массовые категории: ножи, серпы-секачи, заготовки орудий (Кузьминых, 2004. Рис. 134. Табл. 5, 2).

Достаточно высокая частота встречаемости литейных форм (на половине из всех раскопанных поселений) не соотносится с очень низкой металлоемкостью памятников алакульских культур. Погребения алакульских культур Зауралья оказываются повсеместно ограбленными современниками, с очевидной целью изъятия всех металлических орудий.

Обращает на себя внимание и факт практического отсутствия так называемых кладов на территории алакульских культур Зауралья. На территории Южного Зауралья один «клад» позднего бронзового века выявлен на поселении Лебяжье VI, в коллекции которого представлены материалы и срубной культу-

ры. Комплект предметов, обнаруженный на поселении Коркино I, не связывался исследователями с понятием «клад» ввиду специфического характера памятника.

Между тем в Приуралье можно отметить особую концентрацию кладов срубной культуры. На территории северо-восточной периферии срубной культуры известно около двух десятков кладов позднего бронзового века. В составе 13 из них преобладают серпы (81 экз.), реже вислообушные топоры (9 экз.) и другие орудия труда (Обыденнов, Обыденнова, 1991. С. 140–141. Табл. 13). Вне зависимости от причин депонирования вещей (Бочкарев, 2010. С. 159–164) сам факт наличия «кладов» на территории срубной культуры Приуралья демонстрирует более выраженную металлоемкость этой культуры.

Картографирование пунктов аккумуляции металлических изделий на территории Башкирии указывает на сосредоточение кладов в юго-восточных районах, примыкающих к Оренбуржью, в непосредственной близости к Каргалинским рудникам (Обыденнов, Обыденнова, 1991. Рис. 46). Поэтому и многочисленность представленных в кладах серпов может быть связана с торговым назначением складированных орудий.

Суммируя все изложенное, можно отметить некоторые тенденции развития металлопроизводства зауральских алакульских культур. Свидетельством достаточно высокого уровня развития в этой области может быть признано преимущественное использование каменных литейных форм для отливки серийных, массовых изделий. Поэтому и низкая металлоемкость памятников развитого этапа второй фазы позднего бронзового века, вероятно, не может быть связана с упадком уровня металлопроизводства. Возможно, кризисная ситуация сложилась с добычей/поставкой сырья, что предопределило использование всех возможных источников металла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
- Агапов С.А., Иванов А.Ю.* Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 133–143.
- Алаева И.П.* Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая-4 в Нагайбакском р-не Челябинской обл. летом 2003 г. // Архив Лаборат. археологических исследований Челябин. гос. пед. ун-та (ЛАИ ЧГПУ). Ф. 1. 2005. № 87.
- Алаева И.П.* Отчет об археологических раскопках поселения Большая Березовая-2 в Нагайбакском р-не Челябинской обл. летом 2009 г. // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф.1. 2011. № 95.
- Алаева И.П.* Отчет об археологических раскопках поселения Чебаркуль III в Чебаркульском р-не Челябинской обл. летом 2011 г. // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф-1. 2013. № 97.
- Бочкарев В.С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.
- Гаврилюк А.Г., Григорьев С.А., Марков С.С.* Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 89–152. (Этногенез Уральских народов).
- Епимахов А.В.* Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // Археология, этнография и антропология Евразия. 2012. № 1 (49). С. 82–87.
- Кузьминых С.В.* Литейные формы. Гл. 5 // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 134–155.
- Левит Н.В., Батанина И.М.* Новое на карте «страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г.Б. Зданович; ред.-сост. Н.О. Иванова. Челябинск: Крокус, 2004. С. 87–98.
- Морозов Ю.А.* Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19–40.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во Саратов. ун-та, Самарский филиал, 1991. 174 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пряхин А.Д., Саврасов А.С.* Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов – литейщиков // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 39–80.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Наука, 1948. 792 с.
- Сальников К.В.* Кипельское селище // СА. 1957. XXVII. С. 193–208.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.
- Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И.* Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 200 с.
- Чемякин Ю.П.* Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. С. 50–55.
- Черных Е.Н.* Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.
- Arkaim. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала. Каталог выставки, 2010 г. / Сост. Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. 116 с.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРИЙ ЮЖНОГО УРАЛА: КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

© 2014 г. И.И. Бахшиев

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН, Уфа
(ibahsh@gmail.com)*

Ключевые слова: Южный Урал, поселения, культурная стратиграфия, относительная хронология, эпоха поздней бронзы.

Резюме. В работе излагается концепция формирования и развития археологических культур эпохи бронзы степной и лесостепной зон восточных предгорий Южного Урала (Башкирское Зауралье). Основываясь на анализе данных культурной стратиграфии поселенческих памятников, предложена локальная хроностратиграфическая модель культурных процессов. Показано сосуществование на рассматриваемой территории на рубеже средней – поздней бронзы носителей абашевских и синташтинских культурных стереотипов. При явной доминанте связей срубных, алакульских и срубно-алакульских керамических комплексов установлена синхронизация с ними раннеалакульских, раннесрубных, федоровско-черкаскульских и кожумбердинских культурных групп. Ставится вопрос о соотношении времени появления саргаринско-алексеевских древностей в степной зоне Южного Урала с завершающим этапом существования культур срубно-андроновского культурно-хронологического горизонта.

Метод стратиграфического анализа археологического материала с поселенческих памятников эпохи бронзы Южноуральского региона традиционно популярен при решении проблем хронологического соотношения комплексов. Наблюдения за особенностями культурной стратиграфии позволяли исследователям предлагать различные хронологические схемы (периодизации) региона/регионов (см. Сальников, 1967; Стоколос, 1970, 1972; Зданович, 1984, 1988; Горбунов, 1992; Обыденнов, Обыденнова, 1992; Обыденнов, Шорин, 1995; Малютина, Зданович, Петрова, 2006).

Все поселения позднебронзового века Башкирского Зауралья – памятники с нерасчлененным культурным слоем, т.е. содержащие артефакты, характерные для различных археологических культур и не имеющие точно документированных в стратиграфии хронологических разрывов (этапов). Фиксация особенностей культурной стратиграфии поселенческих памятников региона произво-

дилась на основе синтеза методов анализа распределения керамики в культурном слое, разработанных Ю.Б. Цетлиным (1991) для памятников эпохи неолита Поволжья и математического анализа коэффициентов абсолютного сходства (КАС) между комплексами (Генинг, 1973; 1992. С. 98–101)¹.

Для характеристики степени связей различных культурных групп в слое введено понятие «характер связи». Определены уровни связи.

1. Определенная связь (*X-связь*) – состояние, когда показатели взаимовстречаемости культурных групп керамики наиболее высокие. На практике это означает высокую концентрацию и совместное залегание двух (или более) культурных групп керамики в культурном слое конкретного памятника.

¹ Отметим, что требование методики Ю.Б. Цетлина о случайном распределении керамики в слое соблюдено на стадии формирования генеральной выборки, а использование КАС оправдано результатами анализа керамических комплексов крупнейших поселений (Мосоловское и Горный).

2. Сильная связь (*Y-связь*) – значения, имеющие достаточно высокие и близкие показатели. Степень вероятности одновременного отложения фрагментов керамики высокая.

3. Альтернативная связь (*Z-связь*) – низкие показатели связи. Ситуация неопределенности позволяет оценивать связи между культурных групп как альтернативные (неопределенные).

Данные о связях культурных групп рассматриваются на нескольких уровнях. Сначала анализировались параметры по конкретному памятнику, затем вычислялись связи в пределах выделенных локальных групп поселений (сакмарская, бузавлыкская и таналыкская) (Бахшиев, 2009, 2012б). В итоге полученные данные сформировали общую схему связей культурных групп на территории всего региона. Для пространственного распределения значений узлов связи выделены категории значимости.

1. Представительные (основные) связи – комбинации связи культурных групп, характерные для всей исследуемой территории.

2. Локальные – широко распространенные сочетания различных культурных групп, характер связи которых меняется в различных территориальных группах памятников.

3. Частные – комбинации культурных групп, встречающиеся на отдельных памятниках.

Полученные обобщенные схемы сосуществования и последовательности смены археологических культур дают строгие основания для выделения основных этапов (культурно-хронологических горизонтов) эпох средней – поздней бронзы Башкирского Зауралья. Наиболее четко выражены следующие крупные этапы.

Культурно-хронологический горизонт 1 связан с присутствием в регионе на рубеже средней и поздней бронзы немногочисленного синташтинско-абашевского населения.

Культурно-хронологический горизонт 2 характеризуется бытованием в эпоху поздней бронзы раннесрубного, раннеалакульского, алакульского, срубного, срубно-алакульского, федоровско-черкакульского, саргаринско-алексеевского населения.

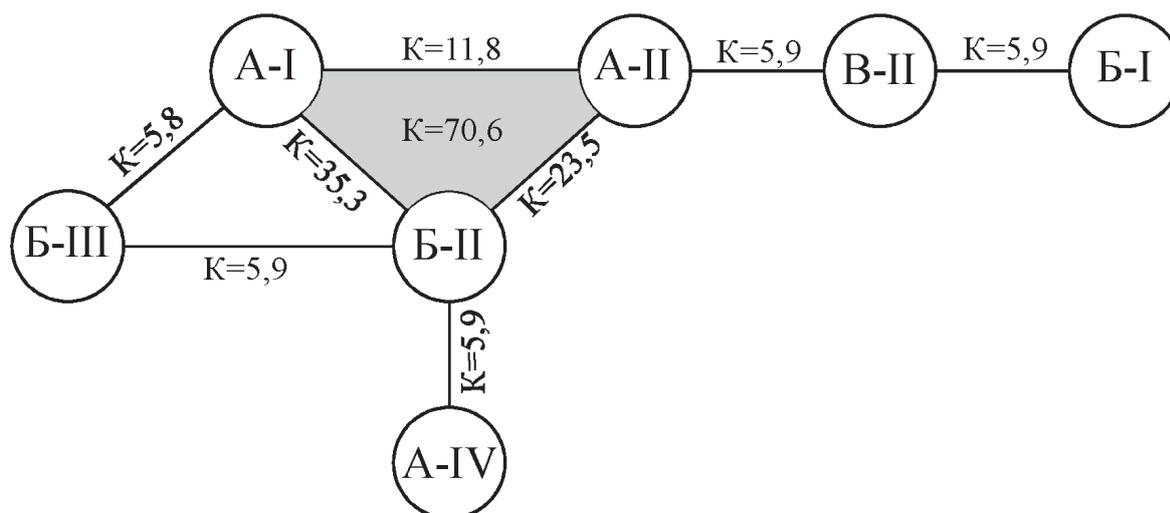
На всех исследованных поселениях Башкирского Зауралья четко фиксируется связь

между керамикой алакульского, срубного и срубно-алакульского типов. Показатель взаимовстречаемости в слое весьма высок и составляет $K=70,6$ (см. рисунок). Совокупный анализ локальных связей свидетельствует о одновременном отложении на большинстве памятников со срубно-алакульским, алакульским и срубным доминирующим культурным фоном целого блока культурных групп: федоровско-черкакульской, кожумбердинской, саргаринско-алексеевской, раннеалакульской и раннесрубной (см. таблицу). Полученные данные статистики подтверждаются материалами закрытого комплекса поселения Ташла-2.

Из общей схемы взаимосвязи археологических культур «выпадают» синташтинско-абашевские керамические комплексы, маркирующие наиболее архаичный этап освоения рассматриваемой территории на рубеже средней и поздней бронзы. Расположение в предгорной зоне хребта Урал-тау абашевских (могильники Баишево IV, Альмухаметово, Тавлыкаевский IV; поселения Сактар, Лаимберды, Мало-Кизильское) и синташтинских (могильники Ново-Петровский курган, Воскресенский; укрепленные круглые в плане поселения Улак-1, Селек) памятников, локализация первых в горно-лесной и лесостепной частях, а вторых в степной, указывает на культурную «пограничность» Башкирского Зауралья в это время.

Пространственная дифференциация ареала двух этих культур может свидетельствовать о некоторых различиях хозяйственного уклада. Присутствие синташтинских памятников на территории зауральской Башкирии обусловлено, видимо, продвижением на запад населения, вытеснившего обитавшие здесь абашевские племена из привычной экологической ниши (Епимахов, Епимахова, 2006. С. 58–59; Бахшиев, 2012а). Более определенно говорить о характере взаимодействия носителей абашевских и синташтинских культурных стереотипов в Южном Зауралье не представляется возможным в силу ограниченности источников.

Имеющаяся в научной литературе информация о ранних контактах срубных и алакульских общин (Сальников, 1967. С. 307; Виноградов, 1999. С. 65–66; 2005. С. 132; Ткачев,

Граф комбинаций связи культурных групп керамики в культурном слое поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья. Характер связи – «X-связь».

Селекция комбинаций узлов связи культурных групп керамики (КГ), зафиксированных на поселениях эпохи бронзы Башкирского Зауралья

П-уз.св.	АI-БII	АII-БII				
Л-уз.св.	АI-БI	АI-БII	АI-ГI	АI-АII	АI-БIII	
	БI-АII	БI-БII	БI-ВII			
	ВI-АII	ВI-БII				
	ГI-БII					
	АII-ВII	АII-БIII	АII-АIV			
	БII-ВII	БII-БIII	БII-АIV			
	БIII-АIV					
Ч-уз.св.	АI-ВII	АI-АIII				
	БI-ВI	БI-ГI	БI-АIII	БI-БIII	БI-АIII	БI-АIV
	ВI-ГI	ВI-БIII	ВI-АIV			
	ГI-АII	ГI-АIV				
	АII-АIII	АII-АIII				
	БII-АIII	БII-АIII		ВII-АIII	ВII-АIII	

Селекция узлов связи		Общее кол-во комбинаций узлов связи КГ =45 (100%) Кол-во совпадающих комбинаций узлов связи КГ=14 (38,9%) Кол-во единичных комбинаций узлов связи КГ=22 (61,1%)
20; ∞	П-узел связи	
5; 20	Л-уз.св.	
0;5	Ч-уз.св.	

Индексы в наименовании культурных групп (КГ) керамики, выделенных на поселенческих памятниках Башкирского Зауралья

КГ-АI	Алакульская
КГ-БI	Раннеалакульская
КГ-ВI	Федоровско-черкаскульская
КГ-ГI	Кожумбердинская
КГ-АII	Срубная (сосуды развитого этапа срубной культуры)
КГ-БII	Срубно-алакульская
КГ-ВII	Раннесрубная (сосуды раннего этапа срубной культуры)
КГ-АIII	Абашевская
КГ-А ¹ III	Синташтинско-абашевская
КГ-БIII	Саргаринско-алексеевская
КГ-АIV	«Желобчатая» керамика («олаировский тип»)

1998. С. 45; 2003. С. 116; 2007. С. 327, 331, 337), а также данные культурной стратиграфии поселений региона, позволяют достаточно определенно заявлять о синхронности (частичной или полной) раннесрубных и раннеалакульских комплексов². Сосуществование здесь ранних и «классических» алакульских и срубных керамических традиций является отражением процесса становления устойчивых гончарных и культурных стереотипов алакульской и срубной археологических культур позднебронзового века. Кроме того, активные интеграционные процессы, происходящие в данной среде, и привели, по убеждению автора, к формированию синкретических срубно-алакульских памятников позднебронзового века Южного Урала.

Слабая представленность федоровско-черкаскульского компонента³ и отсутствие четких стратифицированных данных о соотношении со срубно-алакульскими комплексами не позволяет однозначно решить проблему их сосуществования.

² Основная масса раннеалакульских сосудов, происходящих с территории зауральской Башкирии, соотносится с керамикой поздней фазы существования раннеалакульских древностей (по А.В. Матвееву – чистолебяжский этап, по В.В. Ткачеву – кулевчинская фаза).

³ В связи с высокой фрагментарностью керамики данной культурной группы четкое выделение черкаскульских и федоровских культурных признаков проблематично.

Зафиксированные случаи совместного залегания в культурном слое поселений сосудов межовской и саргаринско-алексеевской культурных групп указывают на их единовременное отложение, с одной стороны, и связь со срубно-андроновскими культурными группами, с другой (Оло Хаз, Сукраково I, Ташла-2). Полученные данные статистики, свидетельствующие о возможности *частичной* синхронизации срубно-андроновских культурных групп и культур, традиционно относимых к заключительной стадии позднебронзового века, находят подтверждение и в материалах поселений Старо-Яппарово I, Давлеканово⁴ IV, Мочище I и др. (Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 149–151; Григорьев, Тидеман, Петрова, 2007; Петрова, Григорьев, 2008).

Сопоставление полученной схемы периодизации археологических культур эпохи бронзы Башкирского Зауралья с материалами погребальных и поселенческих памятников Южного Урала позволяет представить ее в более детальном, трансформированном виде.

Культурно-хронологический горизонт I (рубеж средней и поздней бронзы) характеризуется бытованием синташтинской и абашевской культур (XXI–XVIII вв. до н.э.);

⁴ Указывая на возможность частичной синхронизации развитых срубных и межовских комплексов, все же отметим, что гораздо больше фактов перекрывания межовскими слоями срубных комплексов (Обыденнов, 1986.С. 49), подтверждающих неоспоримый хронологический приоритет последних.

Культурно-хронологический горизонт 2 (эпоха поздней бронзы) – XVIII–XV вв. до н.э.:

Культурно-хронологический горизонт 2/а – этап, связанный с сосуществованием раннеалакульской и раннесрубной культур (XX (XIX)–XVIII (XVII) вв. до н.э. – ?)⁵. Кроме того, материалы рассматриваемых памятников Башкирского Зауралья указывают также на возможность синхронизации с ними алакульской и срубной культур развитого этапа;

Культурно-хронологический горизонт 2/б – этап, маркированный классическими алакульскими, развитыми срубными, синкретическими срубно-алакульскими, федоровско-черкаскульскими комплексами (XVII–XV вв. до н.э.);

Культурно-хронологический горизонт 2/в определяется временем существованием алакульского / позднеалакульского (?), срубного, срубно-алакульского, саргаринско-алексеевского и межовского (?) населения (XV–X вв. до н.э.).

Предложенная региональная схема относительной хронологии эпохи бронзы зауральской Башкирии, несколько отличающаяся от традиционной, позволяет уточнить и детализировать знания о содержании эпохи, представить общую модель развития археологических культур более динамичной. Важная особенность этого процесса выражается в смене периодов относительной культурной однородности периодами возрастания культурного многообразия, связанного с сосуществованием и взаимодействием различных культур в предгорной зоне Южного Урала. Особенности культурной стратиграфии поселений региона указывают на усиление культурного разнообразия на втором и третьем этапах эпохи поздней бронзы (культурно-хронологические горизонты 2/б, в). В это время по сравнению с предыдущим этапом прекращают бытовать укрепленные поселения,

5 Имеющиеся абсолютные даты определяют хронологический приоритет синташтинских древностей над раннеалакульскими без временного разрыва между ними и не позволяют точно вычленить время существования последних. Представленные даты указывают на понимание автором последовательности культурных трансформаций ранних андроновских культурных образований.

упрощается погребальный обряд и снижается милитаризация общества.

В.М. Массон (2000. С. 162) и А.В. Епиматов (2003. С. 88) представляют эти процессы регрессивными и стагнационными. Вероятно, это не совсем так. В эпоху поздней бронзы существенно расширяется ареал разрабатываемых месторождений руд и усложняется сама структура производства металла. Наблюдается выделение специализаций не только в рамках одного поселения (Олаир, Лаимберды), но и появление целых специализированных поселенческих комплексов (Горное, Мосоловское). Как отмечает С.А. Григорьев (2006. С. 207), усиление специализации в свою очередь было обусловлено усложнением технических приемов, связанным, вероятно, с появлением на Южном Урале оловянистых лигатур из андроновских горнометаллургических центров Алтая, Казахстана и северной части Средней Азии. Развитие металлургической отрасли в регионе способствовало росту обмена и коммуникации общин, что непосредственно связывается нами с увеличением культурного многообразия населения Южного Урала в позднебронзовом веке.

Таким образом, данные культурной стратиграфии поселенческих памятников Башкирского Зауралья позволяют несколько скорректировать схему относительной хронологии культур позднебронзового века Южного Урала. В первую очередь ставится вопрос о соотношении времени появления саргаринско-алексеевских древностей в степной части Южного Урала с завершающим этапом существования культур срубно-андоновского культурно-хронологического горизонта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахшиев И.И. Проблема межкультурных контактов населения эпохи бронзы Башкирского Зауралья (по материалам поселенческих памятников) // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии, антропологии башкирского народа. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 30–33.

Бахшиев И.И. Абашевско-синташтинское межкультурное взаимодействие в лесостепной зоне восточных предгорий хребта Урал-тау (краткий очерк) // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Мат-лы конф. «VI

Емельяновские чтения» / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курган. ун-т, 2012а. С. 44–46.

Бахшиев И.И. Проблема межкультурного взаимодействия населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: культурная стратиграфия и относительная хронология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Переферия, 2012б. С. 158–163.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 64–66.

Виноградов Н.Б. Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). Екатеринбург: Урал. ун-т, 2005. С. 129–133.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка, 1992. 188 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Башк. пед. ун-т, 1992. 223 с.

Григорьев С.А. Основные этапы и проблемы культурогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 188–222.

Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып. 2. С. 86–90.

Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. 2003. № 1. С. 83–90.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа: БГПУ, 2006. С. 53–65.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 3–23.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 153–172.

Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Вып. 63. СПб., 2000. С. 135–167.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа: Башк. ун-т, 1986. 80 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г. Т. Северовосточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратов. ун-т, Самарский филиал, 1992. 176 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. ун-т, 1995. 196 с.

Петрова Л. Ю., Григорьев С.А. Особенности стратиграфии поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С.438–440.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Стоколос В.С. О стратиграфии поселения Кипель // СА. 1970. № 3. С. 193–198.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Под ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Димур, 1998. С. 38–56.

Ткачев В.В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Азии. Т. 1: Древние эпохи. Астана: Kultegin, 2003. С. 109–124.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА АН СССР, 1991. 195 с.

ФОРТИФИКАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)¹

© 2014 г. Н.А. Берсенева, А.В. Епимахов

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Южно-Уральский филиал, Челябинск
(bersnatasha@mail.ru; eav74@rambler.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, синташтинская культура, поселение Каменный Амбар, фортификация.

Резюме. Исследование посвящено проблемам развития систем фортификации синташтинской культуры на примере укрепленного поселения Каменный Амбар. Многолетние работы на памятнике дали возможность предложить вариант соотношения между собой нескольких линий фортификации и отчасти реконструировать «историю жизни» этого многослойного памятника.

Возникновение и развитие систем фортификации – один из широко обсуждаемых археологических феноменов. Большинство авторов связывают эту традицию с историей военного дела, хотя данный тезис определенно нуждается в дополнительной аргументации в каждом конкретном случае. Трансформация во времени систем фортификации способна дать ответы на многие вопросы, и в первую очередь связанные с «историей жизни» изучаемого памятника. Одна из ярких иллюстраций проблем интерпретации – синташтинские древности бронзового века (конец III – начало II тыс. до н.э.). Многолетние комплексные исследования, проводимые в рамках российско-германского проекта на территории Южного Зауралья, позволяют предложить наиболее вероятный вариант реконструкции функционирования одного из населенных центров в длительной перспективе.

Данная работа представляет последние по времени результаты, полученные в ходе полевых работ 2011–2013 гг. на поселении Каменный Амбар (Каргалинский р-н Челябинской обл.). Сведения о памятнике и итоги более ранних исследований представлены в печати (Корякова и др., 2011; Multidisciplinary investi-

gations..., 2013), что избавляет от необходимости приводить подробности. Общая структура поселения была установлена благодаря применению комплекса неразрушающих методов и сохранившемуся рельефу. Выяснилось, что замкнутая система обороны разделена на две практически равные части дополнительной линией фортификации. Северо-восточная половина сохранила отчетливые следы блочной застройки внутреннего пространства, юго-западная (сильно пострадавшая от поздних перестроек и современной хозяйственной деятельности) внятных структур, синхронных фортификации, не демонстрировала. Таким образом, в решении вопросов функциональных, конструктивных и иных различий частей поселения на первый план вышли методы полевой археологии.

Отметим, что очень сложная многоэтапная история обживания площадки сформировала культурный слой с яркой стратиграфией и планиграфией. Работы 2011–2013 гг. проводились на двух участках, захватывающих конструкции промежуточной и внешней линии, а также прилегающие площади.

Внешняя линия обороны северо-восточной части оказалась аналогична ранее исследо-

¹ Работа выполнена в рамках программы НИР «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла».

ванным участкам. Главным элементом была грунтовая стена, от которой сохранилось основание из погребенной почвы шириной до 4 м, нижняя часть грунтового заполнения и каменная облицовка внешней поверхности. Последняя обнаружена практически полностью в заполнении рва, куда она сместилась в процессе руинирования. Облик внутренней поверхности этой стены в данном случае остался неустановленным, так как она пострадала при сооружении поздней постройки 12. Ров на данном участке характеризуется большим перепадом глубин: отметки уровня дна от –135 до –230, в отдельных случаях он едва прорезал подстилающее материковое основание. Заполнение имело очень сложную слоистую структуру с многочисленными следами воздействия огня. Прокаленный грунт, скорее всего, связан с этапами разрушения оборонительной стены.

В напольной части прослежены следы дополнительного сооружения вдоль внешней границы рва. Слагающие его материалы аналогичны основным компонентам оборонительной стены, хотя масштабы заметно скромнее. Следует отметить и в этом случае мощность и разнообразие прокаленных прослоек. Ширина основания данного элемента системы существенно меньше стены – около 2 м, как, вероятно, и первоначальная высота.

Внешняя линия обороны в юго-восточной части имела ряд отличий от описанной выше. В первую очередь это касается конструкции стены, полностью лишенной каменной облицовки. Нет и достоверных столбовых ям вдоль внутренней границы этого элемента. Грунты, его слагающие, в общих чертах сходны с материалами стены из северных участков. Строителями в обоих случаях был сохранен максимум погребенной почвы, на которой и располагалась основная масса заполняющего грунта. Ширина основания также сопоставима и близка к 4 м.

Ров на уровне материка имел несколько меньшие ширину и глубину, однако с учетом зафиксированной вариативности этих показателей для всех ранее изученных участков внешней линии фортификации и небольшой площади раскопок в юго-западной половине этому наблюдению вряд ли стоит уделять внимание. В глаза бросается значительное

пространство между окончаниями рва анализируемых половин поселения. Если отсутствие стены в этом месте могло в принципе объясняться поздними перестройками (следы которых, впрочем, не обнаружены), то размыкание рва явно сделано целенаправленно.

Никакие надежно диагностируемые следы сооружений в напольной части не выявлены, и это – еще одно очевидное отличие.

Данные о параметрах *промежуточной линии обороны* получены для двух разных участков. Установлено, что параметры и заполнение рва существенно отличались от характеристик внешнего рва. Во-первых, его размеры в целом были меньше, на изученном участке отсутствовали следы подновлений. Во-вторых, характер заполнения со всей очевидностью свидетельствовал о постепенности процесса руинирования. Наконец, существенно отличалась от ранее изученных стена, которую ров опоясывал. В основании внешней стены обычно залегал мощный непотревоженный слой погребенной почвы, однако на внутренней линии обороны эта часть слоя сохранилась фрагментарно. Внешняя граница стены отстоит от края рва, образуя внушительную ступень. Главным же стало обнаружение в южной половине поселения следов регулярной застройки, сходных по планировке с северной.

Факты, полученные в результате раскопок, позволяют сформулировать вариант реконструкции истории жизни поселения, т.е. придать статичной картине археологического источника элементы динамики. С нашей точки зрения, единственное объяснение наблюдаемой сложной картины – длительность ее формирования.

На первом этапе были сооружены внешняя линия фортификации и связанные с ней блоки застройки. Подчеркнем, что северо-восточная и юго-западная части поселения, видимо, возводились одновременно. На исследованных в 2011–2013 гг. участках разрыв в линии обороны связан с входом во внутренне пространство городища. На это указывают следы мощных столбов, заполненных прокаленным грунтом, которые расположены непосредственно на линии внешней стены. Расстояние между ними составляет около 3 м, что совпадает с ранее исследованным входом в северо-

восточной стене (Корякова и др., 2011. С. 65). Такая интерпретация косвенно подтверждается единством планировочной схемы двух частей поселения, которое было установлено в ходе исследования раскопа 7.

Следующая фаза истории формирования памятника связана с сокращением площади поселения практически вдвое, о причинах которого можно только догадываться. На этом этапе продолжает функционировать северо-восточная половина. Особенности сплошной блочной застройки неизбежно требовали замкнуть контур с юго-запада, что и было сделано путем возведения новой стены и выкапывания рва. При этом часть котлованов более ранней застройки была засыпана, что объясняет «странную» конструкцию внутренней стены. Не исключено, что для ее облицовки были взяты плиты из заброшенных участков. Новый ров был соединен с существующим и частично уничтожил конструкцию входа.

Длительность второй фазы существования поселения не поддается надежной оценке, но

следы ремонтов построек хорошо читаются, как и подновления внешнего рва. На какое-то время площадка оказалась заброшена и все сооружения руинированы. Новые группы пришли сюда уже по прошествии значительного времени, хотя при возведении постройки 12 они явно использовали существующие особенности рельефа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаранова С.В., Пантелева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals / Eds R. Krause, L. Korjakova. Bonn: Rudolf Habelt, 2013. 352 p. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

**К ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА
СЕВЕРА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

© 2014 г. С.В. Большов

*Информационно-туристский центр «Царевококшайский Кремль», Йошкар-Ола
(bostg@mail.ru)*

Ключевые слова: абашевская культура, семантика, знак-символ, орнамент, мифология, обряд, курган, погребение, культуругенез.

Резюме. В статье на основе анализа погребального обряда и семантики орнамента сосудов реконструируется мифологическая модель мировоззрения абашевских племен Среднего Поволжья. Предполагается, что у абашевских племен существовала особая каста посвященных – хранителей древних знаний, а жреческие функции в их обществе выполняли женщины.

Культуругенетические процессы охватывают не только экономическую сторону развития древних обществ, но и идеологическую, что находит выражение в семантике погребального обряда и культовых предметов.

Семантика погребального обряда. Курганы как погребальные сооружения впервые появляются на севере Среднего Поволжья в бронзовом веке в абашевской и атликасинской культурах. Курган как сооружение является «домом мертвых», но одновременно символизирует и трихотомическую модель мироздания: с верхним (небесным), средним (земным) и нижним (подземным) мирами. Семантическое выражение нижнего мира заключено в самом погребении с останками умершего и отделенного от «земного мира» перекрытием над могильной ямой. Семантика земного мира выражена в погребальных ритуалах, осуществлявшихся рядом с погребением во время захоронения и сразу же после него. Переход умершего в иной мир связан с культом огня, который часто и достоверно фиксируется в абашевском погребальном обряде (Халиков, 1961. С. 211). В кургане 31 Пеленгерского I могильника зафиксировано одно кострище на насыпи кургана и десять – на погребенной почве. На погребенной почве в курганах находились также сосуды,

фрагменты керамики, кремневые отщепы, кальцинированные кости животных. Все это, вероятно, должно служить символом связи погребаемого с земным миром и способствовать его переходу в иной мир. Небесный мир символизирует сама полусфера кургана. Связь с верхним миром осуществлялась посредством идола, который устанавливался на кургане рядом с погребением и следы которого в виде больших ям (диаметром до 40 см) прослежены на ряде курганов.

Дистрибутивно-статистический анализ погребений с шильями показывает, что из 17 погребений в 12 шилья обнаружены вместе с бронзовыми составными украшениями на кожаных лентах. Рассматривая погребения с шильями, А.Т. Синюк отмечает их ритуальное назначение и считает, что они могли использоваться в обрядах инициаций (Синюк, 1996. С. 300–301). Шилья в средневожских абашевских могильниках встречаются довольно редко. В изученном полностью Пеленгерском I могильнике из 50 курганов с 74 погребениями только в одном погребении было шило. Исключение составляет курган 17 Виловатовского II могильника, где в кургане 17 из 10 погребений в 4 были шилья. Можно предположить, что курган 17 был захоронением близких родственников, обладавших жрече-

скими функциями. Есть основания, учитывая особый состав погребального инвентаря (шилья, бронзовые многокомпонентные украшения на кожаных лентах) и специфические черты обряда определенной группы женских погребений, предположить, что культовая практика в абашевском обществе осуществлялась женщинами.

В культурах эпохи бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы существовали культовые ритуалы, связанные с прижизненными и посмертными манипуляциями с черепами погребенных. Следы трепанации и специфических манипуляций с телами погребенных в Пепкинском кургане свидетельствуют о сложном погребальном обряде у абашевских племен. М.Б. Медникова считает, что все эти погребально-ритуальные действия были направлены на преобразование сущности человека (Медникова, 2001. С. 260–263).

Одно из загадочных – погребение кургана 14 Виловатовского II могильника. На черепе погребенной зафиксирован ровный срез по фронтальной плоскости и отсутствует лицевая часть и верхняя челюсть. Запястья рук плотно прижаты и, вероятно, были связаны. В погребении находились шило, три браслета, из которых один в серебряной обкладке, налобный венчик и многочисленные бронзовые украшения на длинных кожаных лентах. Для чего была взята лицевая часть черепа? Вероятно для создания посмертной маски. Изготовление масок из лицевой части черепа известно в гальштатских и кельтских древностях (Медникова, 2001. С. 239).

Семантика орнамента керамики. Среди абашевской посуды выделяется группа сосудов со сложным геометрическим орнаментом или знаками-символами. Членение орнаментальной композиции абашевских сосудов осуществляется в следующей системе ноуменов: элемент, фигура, мотив, зона, композиция. С появлением в орнаменте фигуры орнамент приобретает знаменательное содержание, в котором фигура приближается к такому понятию, как знак, символ. Рассмотрим семантику знаков-символов абашевского орнамента.

Знак-символ «змея» обозначается цепочкой штрихованных ромбов. Такое обозначение змеи встречается у многих народов с

древности (Иванов, 1963. С. 11–13), и такой рисунок известен у песчаной гадюки.

Знак-символ «поле и земля» – штрихованные в шахматном порядке квадраты. Как отмечает Б.А. Рыбаков, так называемый шашечный ромб или перекрещенный квадрат – символ плодородия и знак поля (Рыбаков, 1994. С. 49–50).

Знак «мировое древо» изображается в виде двух пар линий, отходящих под углом вверх от центрального «ствола». Позднее символ «мировое древо» дополняется животными, стоящими по обе стороны от него и считается общеευропейским (Рыбаков, 1994. С. 78, 81).

Солярный знак-символ отмечен на небольшой группе абашевских сосудов (до 10 сосудов) и варьирует от простых ямочных или каплевидных вдавлений, образующих круг, до сложных композиций из ямок, резных линий и треугольников, образующих розетку.

Орнаментальная зона «годовой цикл» состоит из 12 символов, причем 4 различных символа повторяются по 3 раза. Зона состоит из следующих знаков-символов:

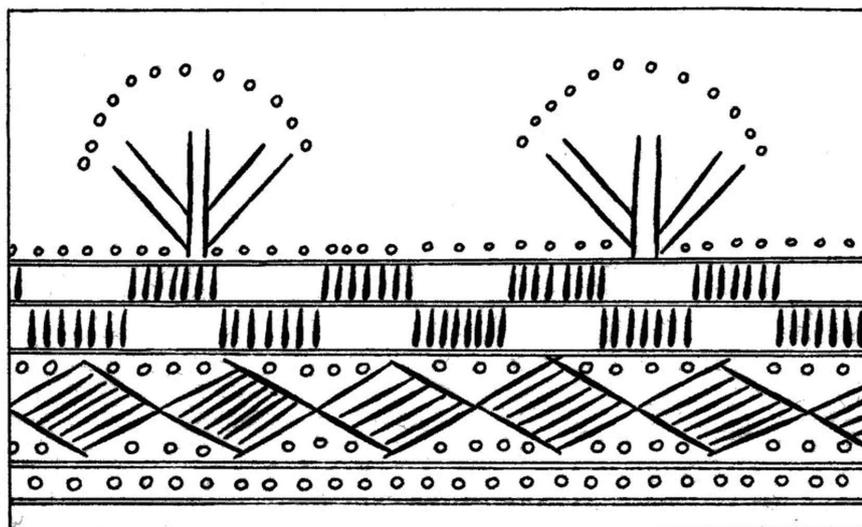
- 1 – круги (8 кругов в группе);
- 2 – углы, образующие двойной зигзаг, со штриховкой углов;
- 3 – группы вертикальных отрезков (по 3 в группе);
- 4 – «косой крест» (в двух случаях – двойной).

Эта орнаментальная зона, возможно, символизирует годовой цикл.

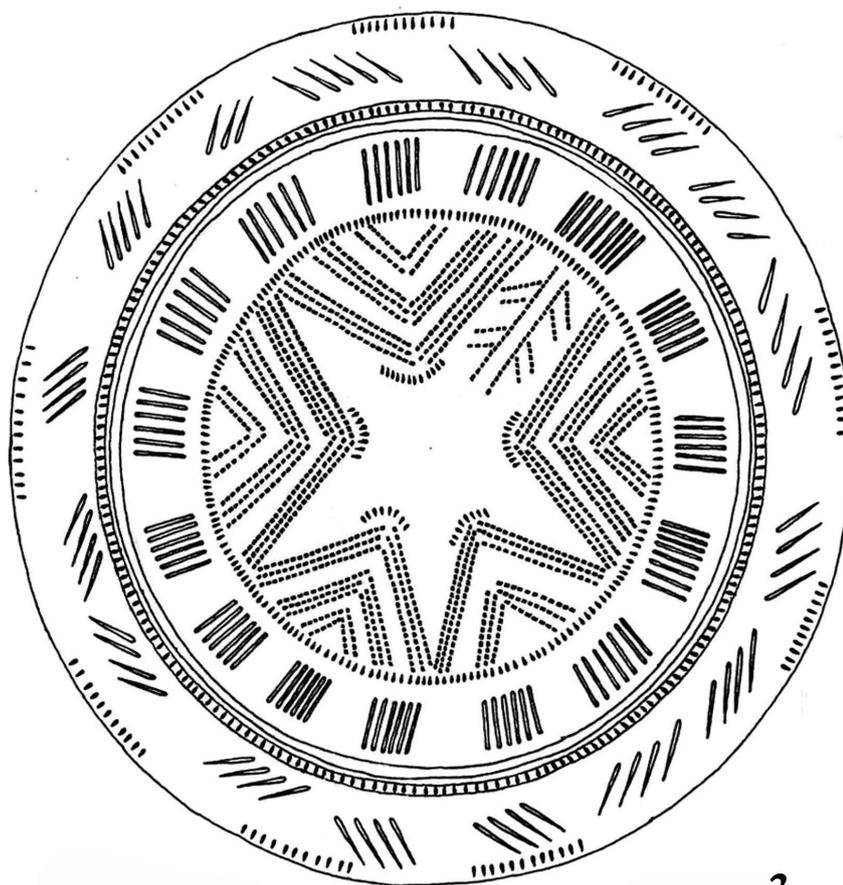
Орнаментальная зона «ход солнца» – полукруг, образованный круглыми вдавлениями над знаком «мировое древо».

Орнаментальная композиция «открытая звезда» (рис. 1, 2) – в третьей зоне орнаментальной композиции (верхний мир) изображена пятиконечная звезда, у которой один конец разомкнут и в нем помещено изображение «мирового древа».

Орнаментальная модель мироздания (рис. 1, 1; 2). Орнаментальные композиции двух сосудов из могильника Пеленгер I делятся на три зоны орнамента. Считается, что прочтение орнаментальных композиций осуществляется со дна сосуда и эта зона орнамента соответствует верхнему миру или небесному пространству. Средняя зона – это упорядоченный средний или земной мир.

1

2

Рис. 1. Могильник Пеленгер I. 1 – орнаментальная композиция сосуда (к. 44, п. 1); 2 – развертка орнаментальной композиции «открытая звезда» сосуда (к.1, п. 1).

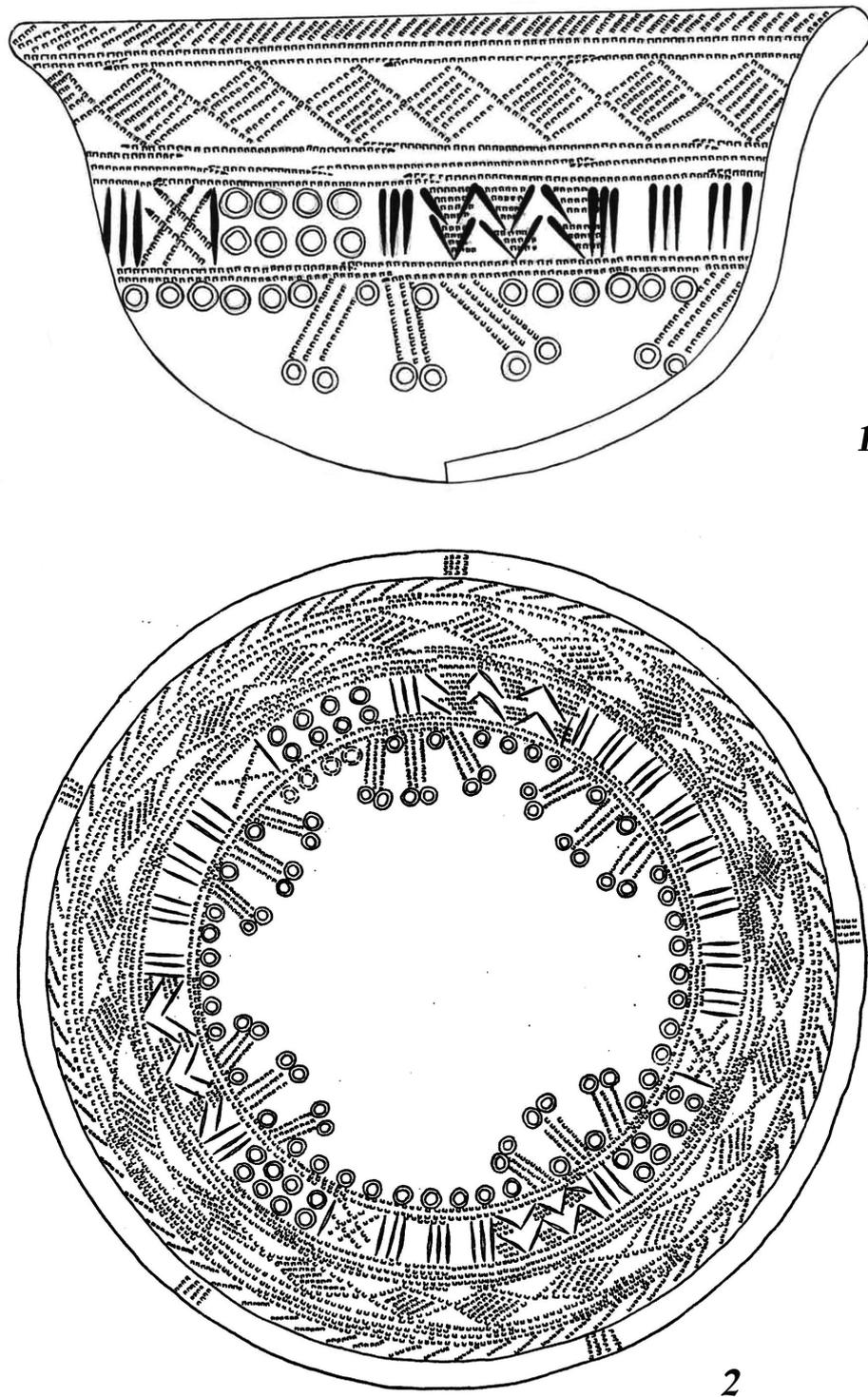

Рис. 2. Могильник Пеленгер I, к. 9, п. 2. 1 – сосуд; 2 – развертка орнаментальной композиции сосуда: трихотомическая модель мироздания.

И последняя зона – нижний мир (Ковалева, 1997. С. 67). Рассмотрим два сосуда из могильника Пеленгер I.

Нижний мир на обоих сосудах обозначен цепочкой штрихованных ромбов, которая, вероятно, символизирует змею. Связь змеи с нижним миром прослеживается у многих народов. У чувашей, проживающих в Среднем Поволжье, при помощи змеи, изготовленной из деревянных палочек в виде цепочки ромбов, отгоняли злых духов во время языческого праздника мертвых «вирём». Образ змеи связан у чувашей также с представлением о нижнем мире: вхождение в нижний мир ассоциируется со змеей, ожидающей под мостом (Салмин, 1989. С. 49).

Средний мир на одном из сосудов обозначен штрихованными прямоугольниками, расположенными в шахматном порядке. Орнаментальная зона другого сосуда (описанная выше орнаментальная зона «годовой цикл») находит аналогию на сосуде из Альмашфюзите культуры колоколовидных кубков, датированным XVIII в. до н.э., что соответствует дате сосуда из могильника Пеленгер I. На сосуде из Альмашфюзите Б.А. Рыбаков выделяет 12 символов, среди которых «зигзаг» и «косой крест», как и на сосуде из могильника Пеленгер I. Эти символы Б.А. Рыбаков связывает с 12 месяцами, выделяя «летнюю и зимнюю зоны», и четырьмя солнечными фазами (Рыбаков, 1994. С. 322–323).

Верхний мир на сосудах обозначается солнечными символами в виде круглых вдавленных, образующих полукруг. Иногда они расположены над знаком «мировое древо». Эта орнаментальная зона отличается от двух приведенных выше орнаментальных зон тем, что это «открытая орнаментальная зона». Орнаментальные зоны «нижний и средний мир» ограничены сверху и снизу горизонтальными линиями, создающими замкнутое пространство.

В абашевском орнаменте отражается его абстрагирующая и идеографическая основа – осознание важных законов, управляющих природой и жизнью человеческих коллективов. В орнаментальном творчестве абашевских племен фиксируется переход к определению закономерностей, законов, управляющих природой и жизнью человека. Знаки символы

не только выражают образы окружающего мира, но и отражают психическую деятельность человека, будучи продуктом его мифотворчества.

С приходом в Среднее Поволжье племен культур эпохи бронзы, абашевской, балановской и атликасинской, в мировоззрении населения утверждаются новые культы, которые сосуществуют с культами охотников и рыболовов племен волосовской культуры. Получает развитие мифологическая модель мироздания, состоящая из трех сфер: подземный, земной и небесный миры. Продолжают существовать и получают развитие культ огня и солярный культ. В этот период происходит создание одной из фундаментальных моделей мироздания – модели «того света» – потустороннего царства или искусственного мира – «Мира Мертвых» (Смирнов, 1997. С. 80). Появление знака-символа как инструмента кодирования, сохранения и передачи информации подтверждает возникновение определенной группы населения или касты посвященных, хранителей древних знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.

Ковалева В.Т. Скрытые символы древнего знания // Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. С. 65–75. (Уральский исторический вестник; № 4).

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 606 с.

Салмин А.К. Сказка – обряд – действительность. Историко-типологическое изучение чувашского текста. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1989. 150 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1996. 350 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Мифология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Вост. лит., 1997. 279 с.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР. 1961. С. 157–241. (МИА; № 97).

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2014 г. А.В. Бондаренко

*Институт археологии РАН, Москва
(sturabondarenko@gmail.com)*

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, федоровская культура, погребальный обряд, нарушенные погребения.

Резюме. В публикации поднимается тематика нарушенных в древности погребений. На основе анализа ряда памятников приводится краткая характеристика основных черт постингумационного проникновения в могилы федоровской культуры эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири.

Будучи массовым и крайне интересным источником, погребения со следами древнего проникновения привлекают внимание все большего числа исследователей. Часто авторы занимаются интерпретацией конкретных случаев, характерных для тех или иных памятников. Яркий пример – нарушенные погребения могильника федоровской культуры Чекановский Лог X (Демин, Ситников, 2005). Однако уже сегодня имеется база для обобщений по конкретным могильникам и отдельным временным или культурным пластам нарушенных погребений, что определяет актуальность исследования (Бондаренко, Грушин, 2013).

Цель работы – сравнительная характеристика нарушенных погребений федоровской культуры эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири. Основные задачи – анализ материалов по ряду признаков, составление предельно схематичной (исходя из объема публикации) таблицы и краткое обобщение полученных данных.

Тематика нарушенных погребений слабо изучена, не имеет достаточно разработанной методики. Кроме того, ученый неизбежно сталкивается с рядом проблем. Во-первых, невозможность охвата всех известных памятников определенной культуры. Во-вторых, недоступность в силу самых разных обстоятельств многих отчетов и полевой докумен-

тации. В-третьих, субъективность оценок и невозможность посмотреть на источники глазами археологов, впервые их нашедших. Все это делает неизбежным целый ряд допущений и неточностей. В целях ограничения числа могильников и получения возможности апелляции к мнению авторов раскопок в статье были использованы только материалы частично или полностью изученных и опубликованных некрополей.

Курганный могильник Урефты I (Челябинская обл., Сосновский р-н, оз. Урефты) исследовался в 1979 г. экспедицией под руководством Г.В. Бельтиковой, в 1980 – С.А. Днепровой, в 1981–1983, 1996–1999 гг. – О.Н. Корочкиной. Выявлены погребения алакульской, федоровской культур и смешанные алакульско-федоровские. К федоровской культуре отнесены 8 курганов, 13 могил (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 78).

В насыпях федоровских курганов следы проникновений не прослежены. Для алакульских сооружений авторы предполагают возведение насыпи в несколько этапов и оставление на время свободным входа в могилу (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 74). Вероятно, эти реконструкции могут проецироваться на федоровскую часть некрополя (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 116). Основная характеристика нарушенных погребений приведена в табл. 1, 2.

Курганный могильник Лисаковский I (Республика Казахстан, Костанайская обл., г. Лисаковск) на протяжении 10 лет исследовался экспедицией под руководством Э.Р. Усмановой. Раскопкам подверглись 75 погребальных построек, 174 погребения алакульской и федоровской культур (Усманова, 2005. С. 6).

Практика проникновения на Лисаковском I могильнике сложна. Основным обрядом федоровцев на этой территории было трупосождение – 55 из 58 могил, включенных в выборку (табл. 1, 2). Кремированные останки могли помещаться в могилу компактным скоплением, раскидываться по дну или намеренно в заполнении (о чем свидетельствуют сажистые или золистые прослойки в стратиграфии некоторых ям). В данной ситуации положение костей не может точно указать на закрытость комплекса, поэтому многие рассуждения о кремациях относительно.

Погребения (32) Лисаковского I могильника отнесены к кенотафам (Усманова, 2005. С. 65). Возможно, часть из них принадлежит к федоровским и была нарушена, в связи с чем останки погребенного затерялись, как и в некоторых погребениях могильника Урефты I.

Грунтовый могильник Еловский II (Томская обл., Кожевниковский р-н, д. Еловка) исследовался под руководством В.И. Матющенко (2004) в 1961–1962, 1965–1969, 1974, 1979–1981 гг. На некрополе выделены погребения разных культур эпохи бронзы: андроновские, еловские и смешанные комплексы, ирменские захоронения. К андроновскому массиву относятся 238 грунтовых погребений, 56 из которых нарушены (табл. 1, 2).

Могильник Кытманово (Алтайский край, Кытмановский р-н) исследовался в 1961–1962 гг. экспедицией В.И. Каца, в 1962–1963 гг. – А.П. Уманского. Раскопками охвачены около 60 погребений, опубликованы материалы 35 могил (Уманский, Киришин, Грушин, 2007), 6 из них нарушены (табл. 1, 1).

Сравнение набора погребального инвентаря закрытых и нарушенных могил демонстрирует расхождение в числе изделий из золота (табл. 2). В потревоженных комплексах – это одна серьга из погребения 29, в то время как в непотревоженных их набор разнообразен (серьги, подвески, обоймы, пронизи) и дохо-

дит до 18 предметов в комплексе (могиле 30). Возможно, это следствие изъятия золотых вещей в ходе проникновения.

По результатам анализа нарушенных федоровских погребений получены следующие выводы. Основные черты погребальной практики в потревоженных и закрытых комплексах идентичны.

Распространенный признак проникновения в могилу – разноуровневое положение костей погребенного и предметов инвентаря в заполнении могильной ямы. Стены и дно ямы разрушались редко. Это может свидетельствовать об осведомленности «нарушителей» о внутренней планировке комплексов. Проникновение происходило после полного скелетирования останков. Только в двух могилах из выборки (Еловка II) смещенные кости имели сочленения.

Положение нарушенных костей свидетельствует, что интерес проявлялся по отношению к верхней части тела погребенного: смещения черепа (от 50 до 70%), рук и грудной клетки (от 70 до 100%) встречаются чаще. Направленный интерес к нижней части тела фиксируется крайне редко (один случай из выборки, Еловка II). Кости ног во многих случаях оставались не потревоженными (от 50 до 70%). Достаточно редко смещались все кости погребенного (от 20 до 30%).

Смещенные кости могли изыматься (от 20 до 70%), а оставшиеся в яме залегали беспорядочно по всему дну ямы или рядом с местом своего первоначального расположения, либо образовывали скопления.

Изучение нарушенных захоронений кремированных останков сопряжено с рядом проблем и требует непосредственной работы с полевыми материалами.

В большинстве случаев набор инвентаря потревоженных и закрытых комплексов может указывать на отсутствие прагматических целей в ходе нарушения. Видимо, исключением являются золотые предметы могильника Кытманово. Отсутствие различий в размерах погребальных конструкций и других характеристик нарушенных и закрытых могил может быть следствием проникновения, связанного не с социальным статусом покойного, а с какими-то другими причинами.

Таблица 1. Сравнительная характеристика основных черт погребального обряда и практики нарушения могил в памятниках федоровской культуры

	Урефты I	Лисаковский I	Еловка II	Кытманово
<i>I. Основные черты погребального обряда</i>				
Датировка	XVII в. до н.э.	Середина II тыс. до н.э.	XIII–XII вв.	Третья четверть II тыс. до н.э.
Объем выборки (общее количество могил)	13	58	235	35
Кремация	6	52	10, 1 из них нарушена	1
Отсутствуют костные останки	7	?	11	—
Захоронение необожженного трупа	—	3, 1 из них нарушено	214	33
Нарушенные погребения	3 (23%) из 13	10 (17%) из 58 + 2 разрушены другими могилами	56 (24%) из 235	6 (17%) из 35 + 1 разрушено другой могилой
Не определена закрытость/открытость комплекса	3 (23%) из 13	5 (50%) из 58	37 (16%) из 235	8 (23%) из 35
Описана норная деятельность	1, условно закрыт	—	3, условно закрыты	16, 9 из них закрыты, 7 не определены
<i>II. Основные черты практики проникновения в могилы (% показатели даются от числа нарушенных могил конкретного памятника)</i>				
Разрушение стенок или дна ямы шурфом	—	Могила 17 группы Г	Могила 158	Могила 25-26
Инвентарь и кости в заполнении ямы	1 (33%)	7 (70%)	9 (16%)	3 (50%)
Изъятие черепа		1	10 (18%)	Могила 11
Череп <i>in situ</i>		—	31 (55%), в т.ч. фрагментированный	2 (33%)
Потревожена верхняя часть скелета		1	41 (73%)	6 (100%)
<i>In situ</i> нижняя часть скелета		1 (стопы)	38 (68%)	3 (50%)
Все кости потревожены		—	12 (21%)	2 (33%)
Изъятие большинства смещенных костей		1	12 (21%)	4 (67%)
Скопление костей		1	6 (11%)	2 (33%)
Кости разбросаны по дну	2 (67%)	—	4 (7%)	2 (33%)

Таблица 2. Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых погребениях федоровской культуры

	Количество могил	Керамический сосуд	Кости животных	Украшения из бронзы	Украшения из золота	Бронзовый нож	Всего различный инвентарь
Урефты I							
Закрытые	7	7 (100%)	3 (43%)	–	–	1 (17%)	7 (100%)
Нарушенные	3	2 (67%)	1 (33%)	–	–	1 (33%)	3 (100%)
Лисаковский I							
Закрытые	41	32 (78%)	6 (14%)	3 (7%)			33(80%)
Нарушенные	10	8 (80%)	3 (30%)	1 (10%)	–	–	9 (90%)
Еловка II							
Закрытые	143	80 (56%)	12 (8%)	90 (63%)	–	20 (14%)	128 (89%)
Нарушенные	56	38 (68%)	7 (12%)	31(55%)	–	13 (23%)	49 (87%)
Кытманово							
Закрытые	19	13 (68%)	3 (16%)	8 (42%)	5 (26%)	–	14 (74%)
Нарушенные	6	4 (67%)	1 (17%)	3 (50%)	1 (17%)	–	4 (67%)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко А.В., Грушин С.П. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский Взвоз I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 170–181.

Демин М.А., Ситников С.М. К вопросу о времени и причинах «ограбления» андроновских захоронений (по материалам грунтового могильника Чекановский Лог X) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 68–72.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2006. 160 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: АлтГУ, 2007. 132 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ФИНАЛЬНОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ДИКИЙ САД¹

© 2014 г. К.В. Горбенко

*Николаевский национальный университет, Николаев, Украина
(dikiysad@ukr.net)*

Ключевые слова: городище Дикий Сад, р. Ингул, финальный бронзовый век, фортификационные сооружения, находки.

Резюме. В работе рассмотрен интереснейший памятник – городище Дикий Сад, в культурно-хронологическом аспекте относящийся к белозерской археологической культуре финального бронзового века – XIII/XII–XI/X вв. до н.э. Рассмотрены его оборонительные сооружения, артефакты. Сделан вывод, что на протяжении всего времени существования городище Дикий Сад было своеобразным экономическим, социально-культурным, религиозно-культовым и военно-политическим центром региона нижнего течения рек Днестр, Южный Буг и Днепр.

Городище Дикий Сад располагается в исторической части современного города Николаева, на высокой террасе левого берега р. Ингул. В культурно-хронологическом аспекте памятник относится к белозерской археологической культуре финального бронзового века – XIII/XII–XI/X вв. до н.э. (Горбенко, 2007. С. 7–10).

Конструктивно городище состояло из трех частей: «цитадели», огражденной внутренним рвом, «предместья», огражденного внешним рвом, и «посада», располагавшегося за внешним рвом (рис. 1). На этой территории исследованы жилые, хозяйственные, ритуально-культовые и социальные объекты (Горбенко, 2001). Необходимо отметить, что исторический феномен Дикого Сада выходит за пределы традиционных представлений как о самой белозерской культуре, так и всей эпохе финальной бронзы на юге современной Украины. По многим показателям (материальная культура, хозяйство, ремесла, архитектура) Дикий Сад отличается от сформировавшихся в науке утверждений (Gorbenko, Grebennikov, 2009. P. 374–389). Особенно ярко феномен памятника проявился на примере оборонительных сооружений.

Укрепления Дикого Сада состояли из двух рвов: внутреннего, ограждавшего «цитадель», и внешнего, ограждавшего «предместье» городища. Оба рва, замыкая круг обороны, смыкались с коренными древними балками. Внешний оборонительный ров представлял собой менее сложную конструкцию, чем внутренний (рис. 1). Он проходил по оси ЮЗ–СВ. Длина исследованной части – 45 м, ширина – 2–3 м, глубина – 1,2–1,3 м от уровня материка. В заполнении зафиксированы незначительные фрагменты керамической посуды, фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта (рис. 2, 1), развал керамического горшка (рис. 2, 5), кости животных (крупного и мелкого рогатого скота) и рыбы, рога благородных оленей.

Вдоль борта внутренней части рва, почти по всей исследованной длине, располагалась гряда больших и средних известняковых плит (камни сползли во внутреннюю часть рва). Каменные плиты были слегка подтесаны. Вероятно, эта гряда была одновременно облицовкой внутреннего борта рва и фундаментом оборонительной стены. Кладка фундамента стены состояла минимум из трех-четырёх слоев. Камни были уложены плашмя на гли-

¹ Работа выполнена в рамках государственной темы Минобрнауки Украины № 0112U000482.

нисто-грязевом растворе со слабыми элементами перевязки.

Ров, ограждавший «цитадель» Дикого Сада, представлял собою более сложную конструкцию (каменные фундаменты для перекидных деревянных мостов, сторожевые башни на мощном каменном фундаменте, дополнительные конструкции для укрепления стен). Ров «цитадели» в форме большой дуги в плане протянулся по оси ЮВ–СЗ (рис. 1). Длина исследованной части составляет 130 м (общая длина примерно 140–150 м), ширина – 5 м, глубина – 2,5–3,1 м. В заполнении рва в большом количестве зафиксированы развалы керамической посуды различной формы и орнаментации (рис. 2, 15–26), орудия труда из горных пород, в частности двухсторонняя литейная форма для отливки наконечника копья и колец (рис. 2, 2), предметы из рогов и костей благородных оленей и лошадей (рис. 2, 10–14), предметы из бронзы (рис. 2, 3, 4, 6–9), кости животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья) и рыбы, а также черепа людей. В средней и нижней частях заполнения рва прослеживаются крупные глиняные заплывы, вперемешку с мелким и средним известняковым бутом (примерно 400–500 камней на 2-метровый сегмент внутренней оборонительной стены) и рыбными костями. Вероятно, это остатки рухнувших оборонительных стен (при сооружении в стену для связки добавляли мелкий камень, а в раствор, видимо, для вязкости вливали рыбный бульон).

Функцию дополнительной преграды, вероятно, выполняли стены помещений 10, 15, 16, 19, 20, расположенных вдоль рва на расстоянии 3 м от линии рва и примыкающих друг к другу. Во рву напротив этих помещений располагались мощные завалы камней (вероятно, остатки каменных фундаментов западных стен помещений). Вдобавок в борту рва и вдоль его внутренней дуги были обнаружены остатки дополнительных фортификационных конструкций в виде трех углублений и ряда ям (фундаментов под мощные подпорки внутреннего панциря оборонительной стены). Ямы были заполнены золистым и суглинистым грунтом, не содержали артефактов, а некоторые имели в заполнении мелкий известняковый бут. За этой частью оборони-

тельной стены не было помещений (вероятно, это свободное пространство использовалось в хозяйственных целях), что оправдывает мощность сооружений стены в этом отрезке, и в связи с наличием рядом главного мостового перешейка.

В юго-восточной части рва расположен каменный фундамент для моста через ров (первый, основной мост). Фундамент в плане прямоугольный, вытянутый поперек рва по линии С–Ю с небольшим отклонением на северо-восток; размеры – 3,64 x 2 м, а в центральной части в результате сдвига камней ширина составляет 1,4 м. Мост представляет собой двухфасадную кладку. Ширина западного фасада кладки – 0,2–0,7 м, восточного – 0,3–0,7 м. Форма кладки западного фасада повторяет очертание рва. Высота в центральной части – около 1,25 м, по краям рва – до 0,4 м. Кладка рядовая (от 2 до 8–9 рядов), но сплошные ряды прослеживаются не по всей длине (Горбенко, Гребенников, Панковський, 2005).

Каменный фундамент второго моста располагался в северной части рва и был вытянут поперек рва по линии З–В. Фундамент представляет собой однофасадную кладку. Вторым мост, вероятно, был менее мощным сооружением и предназначался для внутренней поселенческой коммуникации, т.е. соединял торговую часть поселения («предместье») с укрепленной частью («цитаделью»).

К востоку от каменных фундаментов обоих мостов на расстоянии 3,5–4,5 м зафиксированы большие скопления крупных и мелких известняковых камней (особенно выделяющийся каменный завал зафиксирован за фундаментом второго моста). Камни, лежавшие не в системе, на разных высотных уровнях, первоначально, видимо, представляли собой некую каменную конструкцию, примыкающую ко рву цитадели. Их расположение и характер завала позволяют предположить, что это была некая прямоугольная или овальная в плане конструкция, которая могла служить фундаментом специального оборонительного сооружения или сторожевого пункта («башни»). По всей видимости, они маркировали мосты и фланкировали ров «цитадели».

Необходимо отметить, что ров в районе завала камней у второго моста резко поворачивает к северо-востоку, а его нижний уровень

Рис. 1. Общий план городища Дикий Сад.

повышается. Этот факт может указывать на его конечную северную границу и плавный переход рва в древний овраг.

При этом ров «цитадели», кроме оборонительной мог выполнять социальную и ритуальную функции. Ров, вероятно, стратифицировал членов общины Дикого Сада по производственным, социальным и имущественным признакам (на «цитадели» зафиксированы храмы, которых нет на территории дальнего «предместья»), а также мог использоваться жителями для хтонических подношений богам (захоронения человеческих черепов, посуды с костями крупной рыбы). Косвенно это подтверждается анализом материальной культуры, хотя для более существенных выводов необходимы дальнейшие исследования.

Можно утверждать, что в период расцвета городища в пределах его территории складывается четкая система единой планировки и застройки: «цитадель», огражденная рвом,

«предместье», огражденное внешним рвом, «посад» за внешним кольцом ограждения. Данная планировка соответствует «классическому» определению понятия «город» – *urbs* или *civitas*.

Акцентируя внимание на уникальных особенностях оборонительных сооружений Дикого Сада для эпохи финальной бронзы Днепро-Днестровского междуречья, необходимо отметить, что подобные укрепления на поселениях бронзового века хорошо известны на территории Южного Урала, Казахстана (Зданович, Генинг, 1985; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 23–43; Зданович, 1995. С. 22–31), Узбекистана (Спришевский, 1972), Приобье (Бородовский, 2003) и на о. Хортица (Пустовалов, 2005. С. 45).

Характер и структура фортификационных сооружений на городище Дикий Сад указывают на применение его жителями именно восточных образцов возведения оборонительных конструкций – два кольца рвов, сторожевые

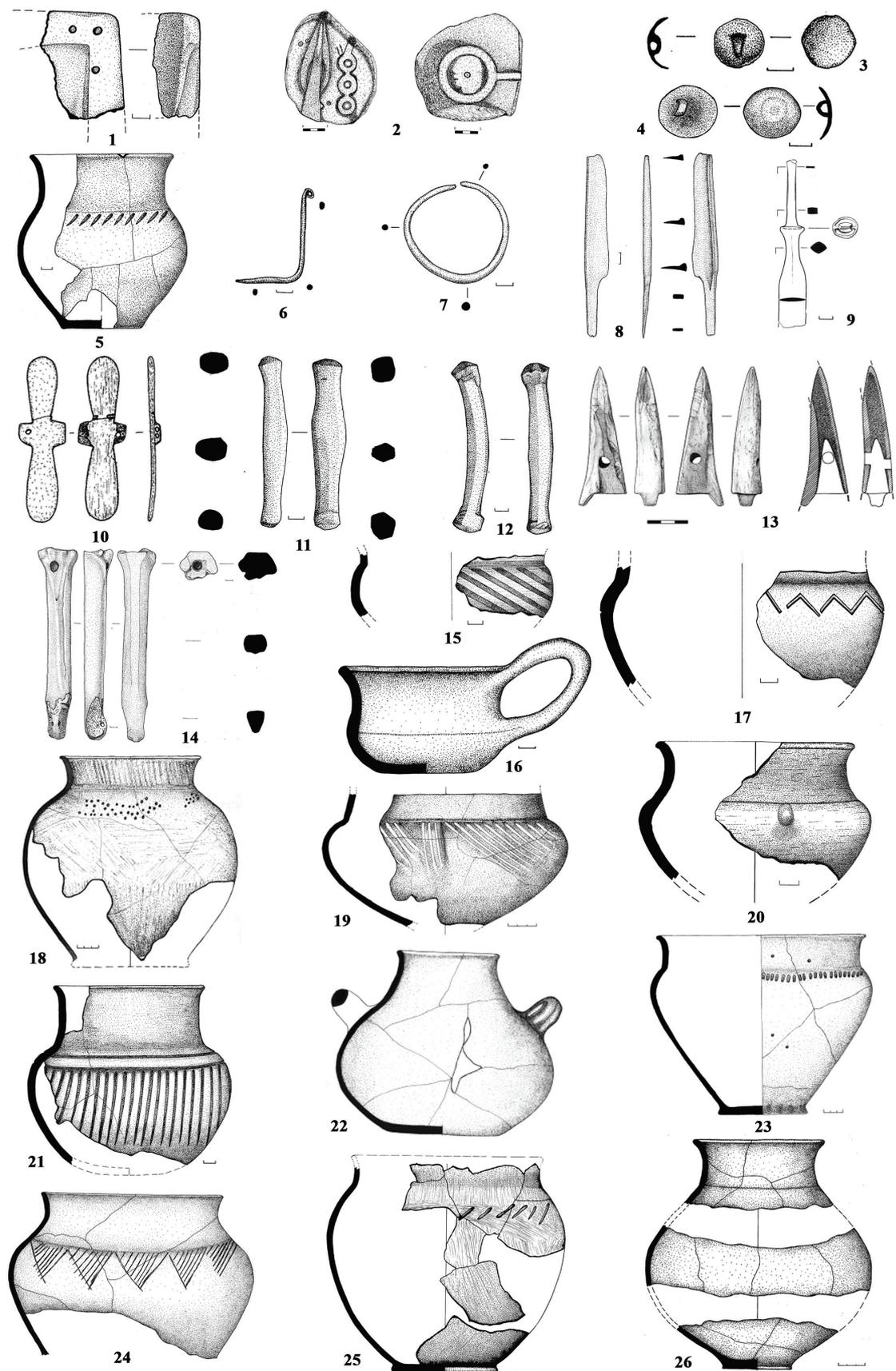

Рис. 2. Находки из заполнения оборонительных рвов городища. 1, 5 – внешний ров; 2–4, 6–26 – ров «цитадели». 1, 2 – литейные формы; 3, 4 – бронзовые бляшки; 5, 15–26 – посуда; 6 – булавка, 7 – браслет, 8 – нож, 9 – кинжал, 10 – пластина (лошадиный налобник), 11, 12 – заготовки для псалиев, 13 – наконечник гарпуна, 14 – «конек». (1, 2 – камень; 5, 15–26 – керамика; 6–9 – бронза; 10–12 – рог; 13, 14 – кость).

башни, каменные фундаменты мостов, расположение помещений вдоль рва, применение дополнительных креплений стены.

Подводя итог приведенным выше фактам, можно утверждать, что на сегодняшний день Дикий Сад – единственный археологический памятник конца II тыс. до н.э. в Днепро-Днепровском междуречье, где зафиксирована система уникальных комплексных оборонительных сооружений (Горбенко, Козленко, 2010).

Также необходимо отметить, что на городище практически не фиксируются следы штурма и разрушений. Вероятно, данный факт указывает на военно-фортификационные новации жителей Дикого Сада и на достаточную защищенность городища.

Таким образом, на протяжении всего времени существования городище Дикий Сад было своеобразным экономическим, социально-культурным, религиозно-культовым и военно-политическим центром региона нижнего течения рек Днестр, Южный Буг и Днепр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородавский А.П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Кн. 1 / Отв. ред. В.А.Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 264–269.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Горбенко К.В. Городище «Дикий Сад» у XIII–IX ст. до н.э. // Емінак. Миколаїв, 2007. № 1 (1). С. 7–14.

Горбенко К.В. Ритуально-культовые сооружения поселения «Дикий Сад» в контексте этнокультурных связей поселения Степного Побужья эпохи финальной бронзы // Научные труды МГПУ. Серия: Социально-исторические науки. М.: МГПУ, 2001. С. 338–343.

Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Панковський В.Б. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Вип. 7 / Гол. ред. Н.О.Гаврилюк. Київ.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике Поле, 2005. С. 100–104.

Горбенко К.В., Козленко Р.А. Оборонительные сооружения цитадели укрепленного поселения Дикий Сад // VIII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв: Можливості Кіммєрії, 2010. С. 57–60.

Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия: Тр. заповедника «Аркаим» / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: Творч. объед. «Каменный пояс», 1995. С. 21–42.

Зданович Г.Б., Генинг В.В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // АО 1983 г. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 147–148.

Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбно-го суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с.

Спришевский В.И. Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана // СА. 1972. № 3. С. 227–232.

Gorbenko K.V., Grebennikov Y.S. The «Dykyi Sad» fortified settlement as a uniting link in the context of economic, political and cultural relation of 1200 – 1000 BC (the Baltic shore, the Pontic region and the Mediterranean) // Routes between the seas: Baltik-Boh-Bug-Pont from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC / Eds A. Kosko, V. Klochko. Poznan: Adam Mickiewicz University; Institute of Eastern Studies; Institute of Prehistory, 2009. P. 375–390. (Baltic-Pontic Studies; V. 14).

ПРЕДНАМЕРЕННО НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОПКА-2/4Б: К РЕКОНСТРУКЦИИ МОТИВОВ ПОСТИНГУМАЦИОННОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ

© 2014 г. А.Е. Гришин

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
(grishin@archaeology.nsc.ru)*

Ключевые слова: преднамеренное нарушение могилы, ограбление, погребальная практика, бронзовый век, Западная Сибирь.

Резюме. Проанализированы следы преднамеренного нарушения некрополя развитой бронзы Сопка-2/4Б (кротовская культура) – части одного из крупнейших разновременных западносибирских могильников. Могильник подвергся массовому (около 60% индивидов), эпохально близкому по времени и достаточно выборочному нарушению. Определено, что основным возможным мотивом проникновения являются предметы вооружения, орудия труда и украшения. Выделены исключения, указывающие на иную, ритуальную цель проникновения для манипуляции с головой (черепом) погребенных женщин или нарушения нижней части скелета в погребениях с бронзовыми кинжалами кенкольского типа.

Специальное изучение могил с нарушенной целостностью костяка проводят все чаще при анализе материалов древних некрополей (Флеров 2000, 2007; Зайцева, 2005; Бондаренко, Грушин, 2013). Актуальность темы заключается в стремлении реконструировать место, значение и роль вариантов постингумационных нарушений погребальных комплексов на основе массового источника. Отметим, что процент нарушенных могил в археологических культурах весьма значителен. Традиционно факты древнего нарушения трактовались как «ограбление», а при наличии специфических признаков как «вторичное захоронение». Этнографический материал показывает и другие возможные мотивы действий по нарушению погребальных комплексов – изъятие тех или иных частей тела (скелета) или сопровождавших предметов для проведения ритуалов последующего за ингумацией обрядового цикла (выставления, обезвреживания и т.п.). Информативность источников следует признать достаточно ограниченной, но в связи с развитием методов детальной полевой фиксации получаемые из подобного рода комплексов сведения работают на решение целого спектра проблем, связанных с реконструкцией погребальной практики и с мето-

дикой полевых работ. Итак, проанализируем факты постингумационного проникновения на материалах крупного кротовского некрополя Сопка-2/4Б (бронзовый век Барабинской лесостепи, юг Западной Сибири)¹.

Выборка состоит из 206 погребенных (57% всех индивидов)², на останках или в могилах которых отразились следы искусственных постингумационных нарушений. В выборку не вошли комплексы, разрушенные случайно, по естественным причинам, и погребенные, определенные как «вторичные». Очевидно, что в ряде случаев невозможно провести четкую границу между всеми этими категориями. Но размер выборки позволяет определить основные тенденции.

Выявлена явная диспропорция в частоте и степени нарушенности погребений женщин и мужчин. Для погребений мужчин доля пред-

¹ Завершается издание монографии по некрополю Сопка-2/4Б. Значительная часть памятника, который исследовался с 1978 по 1991 г., уже издана (Молодин, 2001, 2012; Молодин, Соловьев, 2004). Выражаю признательность акад. В.И. Молодину за предоставленный для анализа материал.

² Далее дается доля в процентах от выборки индивидов из преднамеренно нарушенных комплексов (всего 206) или даются специальные пояснения.

намеренно нарушенных индивидов выше (66%), чем для захоронений женщин (59%) и детей (45%). Тенденция выглядит еще более значимой, если учитывать, что захоронений мужчин в целом на могильнике зафиксировано меньше (30% против 48% от всех определенных индивидов). Учитывая, что инвентарь погребений мужчин в кротовской погребальной практике это, чаще всего, предметы вооружения (наконечники стрел, накладки на лук, кинжалы), предметы, связанные с металлургией, и некоторые разновидности костяных украшений, то можно предположить, что они были приоритетной целью при проникновении. Наконечники стрел как объект изъятия можно исключить, так как большинство из них в непогребенных комплексах располагались у ног, т.е. в той части, которая нарушалась реже (см. рисунок, 1).

Большинство орудий труда, предметов пластики и украшений, в том числе и из металла, располагались, как правило, в районе туловища и головы погребенного вне зависимости от его половозрастных характеристик. Именно эта часть могилы чаще и подвергалась нарушению (53%) (см. рисунок, 2, б). Зачастую *in situ* оставались кости ног в разном составе. Только для 36% комплексов характерно полное нарушение костяка. Значительно реже нарушалась только средняя часть скелета – кости груди, таза, бедренные кости (7%) (см. рисунок, 3). Факты нарушения исключительно нижней части скелетов вообще единичны (3%). Два из трех (!) комплексов с редкими бронзовыми кинжалами кенкольского типа нарушены именно так (см. рисунок, 4). Останки из нарушенной части не возвращены назад, кинжалы и наконечники стрел не тронуты, хотя, по всей видимости, были обнаружены. При этом сами ямы практически не разрушены, что свидетельствует об «аккуратности» и точности исполнителей. В эту выборку можно добавить еще два подобных комплекса. Эти редкие варианты нарушений, кроме того, концентрируются в рамках одного-двух соседних рядов. Еще меньше комплексов, где нарушения затрагивают в первую очередь голову (череп) умершего (1,5%) (см. рисунок, 5). Причем это исключительно женщины. Вообще практика захоронения отдельных черепов в кротовских некрополях также связана чаще

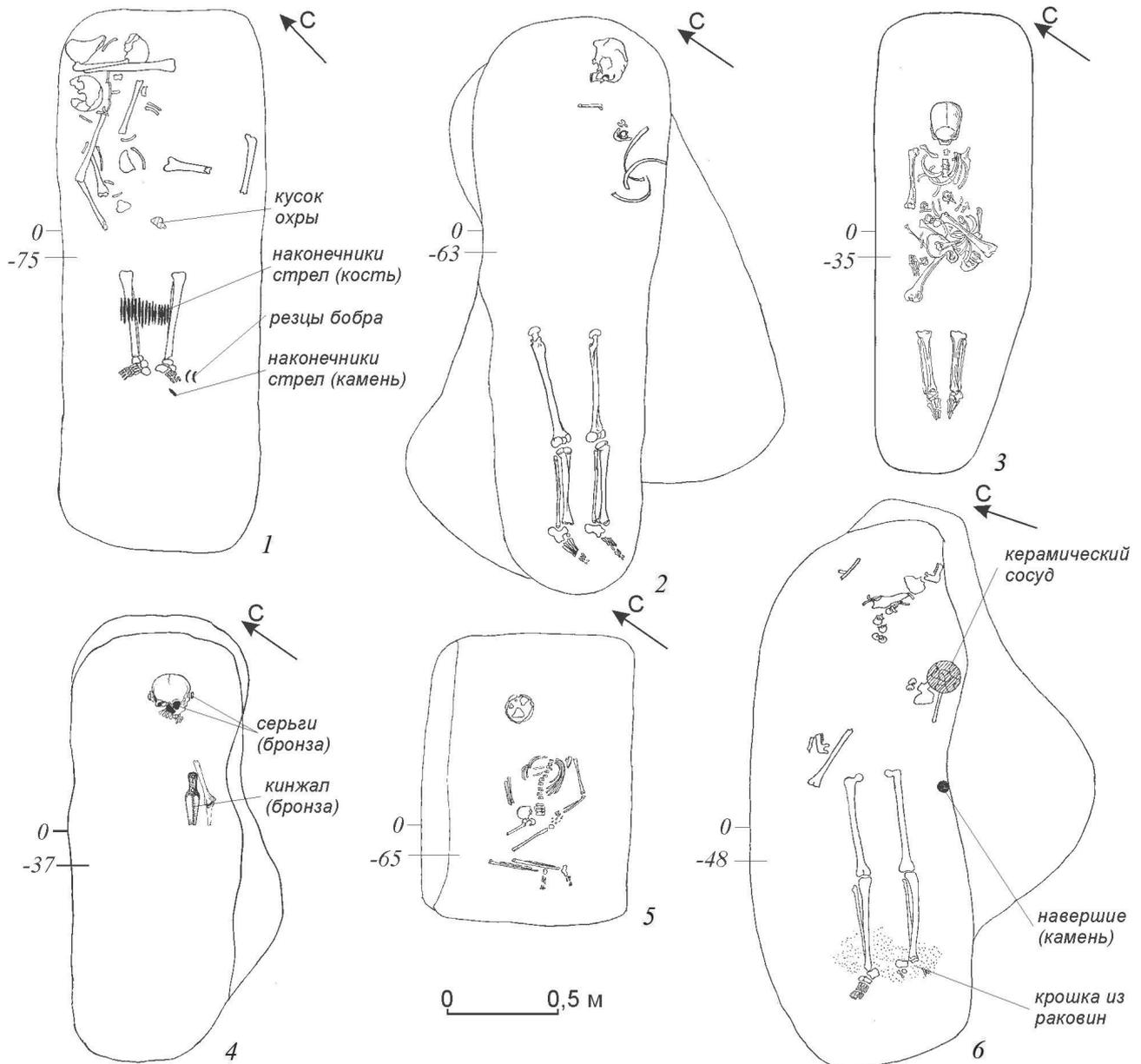
с женскими индивидами. Оба описанных варианта манипуляций нужно связывать с ритуальной, а не грабительской целью проникновения.

Упорядоченное возвращение костей в разном составе обратно в могилу фиксируется очень редко. Чаще положение потревоженных костей маркирует заполнение шурфа и его дно. Полное отсутствие костей в шурфе зафиксировано только в 7% случаев, часть из которых может быть результатом «вторичного» погребения. Череп в разном состоянии, как правило, возвращался вместе с остальными костями обратно в шурф. В вариантах его положения в шурфе явные закономерности не выявлены. Положение нарушенных костей в сочленении фиксируется лишь у 11% индивидов, а нарушения могилы шурфом носят в этом случае минимальный характер. Таим образом, комплекс «открывался» по прошествии небольшого промежутка времени (до полного скелетирования трупа), когда внешние признаки погребения были еще достаточны для выбора оптимального места шурфования. Этот вариант реализовывался намного реже других. Чаще происходила значительная корректировка в ходе земляных работ для выхода на нужную часть камеры (см. рисунок, 2, б).

В большинстве случаев инвентарь в шурфе не найден (68%), в то время как нарушенные кости возвращались в шурф в разной комплектности (см. рисунок, 1, 2). Из переотложенных в шурфе предметов следует назвать сосуды, костяные украшения, наконечники стрел. «Ценные» предметы (изделия пластики, вооружение, металлические украшения и т.п.) в нарушенном состоянии зафиксированы в единичных случаях.

Особую группу образуют нарушения в ярусных коллективных погребениях. Это 30% индивидов всей выборки. Чаще всего нарушены останки на всех ярусах (24%). Нижний скелет оказывался нарушенным реже верхних (3%), что может косвенно указывать на то, что люди, соорудившие верхние яруса, имели большее представление о морфологии комплекса, чем те, кто потом в него проникал.

Обобщая наблюдения, можно сделать следующие выводы. В большинстве случаев наиболее вероятной целью проникновения были предметы сопроводительного инвента-

Примеры преднамеренно нарушенных комплексов могильника Сопка-2/4Б. 1 – № 311; 2 – № 7; 3 – № 30; 4 – № 443; 5 – № 35; 6 – № 230.

ря, в первую очередь оружие (не наконечники стрел), орудия труда, украшения и образцы пластики. Сравнительно чаще эти предметы были в захоронениях мужчин, поэтому частота их нарушений выше. Большинство нарушенных комплексов характеризуют и признаки, указывающие на сравнительно большой промежуток времени между ингумацией и проникновением: нарушенные кости, как правило, вне сочленений, шурф сооружен неточно и значительно разрушает камеру. Но, видимо, внешние признаки или сведения о наиболее «интересных» могилах еще сохранялись, что позволяло выборочно подходить

к вскрытию захоронений. Следы особого отношения к разрушаемым останкам (упорядоченное возвращение и размещение костей и инвентаря в шурфе) достоверно не фиксируются.

Таким образом, кротовский некрополь Сопка-2/4Б подвергся массовому, близкому по времени, достаточно выборочному нарушению. Проникновение совершалось, как правило, после скелетирования останков и частичного разрушения внешних признаков погребения. Люди, которых интересовали в первую очередь вещи, по всей видимости, не преследовали ритуальных целей, особого от-

ношения к останкам не проявили, и их можно назвать «грабителями».

Зафиксированы и редкие исключения, определенно указывающие на наличие иной, ритуальной практики постингумационных преднамеренных нарушений. Это манипуляции с черепом женских индивидов с последующим возвращением его в могилу. Также показательны комплексы с нарушенной нижней частью скелета, два из которых были снабжены бронзовыми кинжалами кенкольского типа.

Специальное исследование преднамеренно нарушенных комплексов позволило предположить различные по цели и содержанию варианты этих специфических действий. Эти сведения позволяют более полно оценить степень и характер нарушений некрополя и дополнить представления о ритуальной практике кротовского населения. Перспективно сравнить полученные результаты с ситуацией по преднамеренно нарушенным комплексам смежных некрополей эпохи бронзы – одиновской культуры (Сопка-2/4А) (Молодин, 2012) и позднего этапа кротовской культуры (Сопка-2/5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко А.В., Грушин С.П. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский взвоз I) // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–181.

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 372 с.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ОЧАГ ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2014 г. А.Д. Дегтярева

*Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень
(anna126@inbox.ru)*

Ключевые слова: Южное Зауралье, петровская культура, металлопроизводство, металлургический очаг.

Резюме. Выявлена специфика и динамика развития металлургического очага петровской культуры Южного Зауралья, наиболее крупного образования в системе металлургических центров петровской культуры Южного Урала и Казахстана. Морфолого-типологическая классификация медного и бронзового инвентаря петровского металлопроизводства, статистическая обработка аналитических данных позволили выявить генетические корни производства, восходящие к традициям позднего этапа ямно-полтавкинской металлообработки.

В процессе статистической и аналитической обработки инвентаря из цветных металлов выявлена специфика развития металлургического очага петровской культуры Южного Зауралья, деятельность которого базировалась на разработке крупных месторождений меди Южного Урала.

В непосредственной близости от петровских поселений находятся несколько групп месторождений и рудников со следами древних разработок, хотя датирующие материалы в них не обнаружены. На территории Южного Зауралья к числу вероятно использовавшихся в древности Е.Н. Черных относят месторождения Камышлы-Узяк, Бакр-Узяк, Вознесенское, Поляковка и Нарали (Черных, 1970). По заключению исследователя промышленными разработками XIX в. были не только исчерпаны запасы руды, но и уничтожены следы более древних разработок.

Общее количество учтенных предметов петровской культуры Южного Зауралья (Среднего Притоболья) составляет 391 экз., из них 225 изделий обнаружены на поселениях, 164 экз. – в составе погребальных комплексов, 2 – в виде случайных находок. В поселенческих комплексах преобладают орудия труда (39,6%) и слитки (29,7%). Довольно много прутковых заготовок и скоб (26,7%), в то время как украшения и предметы вооружения

обнаружены в единичных случаях. В погребальном инвентаре петровской культуры в отличие от синташтинской преобладают украшения (78,7%) и орудия труда (19,8%). Доля слитков, заготовок, оружия низка. Именно эти различия в видовом составе инвентаря сказались на особенностях распределения металлургических групп поселенческого и погребального инвентаря.

Проведение морфолого-типологической классификации медного и бронзового инвентаря петровского металлопроизводства, статистическая обработка аналитических данных позволили выявить генетические корни производства, восходящего к традициям позднего этапа ямно-полтавкинской металлообработки. Эти особенности прослеживаются в наследовании ряда типов орудий и украшений: тесел, втульчатых кованых стрел и копий, ножей с перекрестьем, подвесок в полтора оборота, круглых бляшек с пуансонным орнаментом, прутковых браслетов, а также в достаточно широком использовании чистой окисленной меди и высокотемпературных предплавильных режимов термообработки для изготовления орудий.

Выявленные типы орудий и украшений культуры представлены общеевразийскими формами, присущими культурам начальной фазы Евразийской металлургической про-

винции: синташтинской, абашевской, петровской, покровско-раннесрубной. К их числу относятся втульчатые кованые и стержневидные долота, серпы без выделенного черенка, ножи со слабо намеченным черенком и без перехвата, черенковые ножи с перехватом без перекрестия, втульчатые крюки, тесла. Существование общей подосновы в генезисе металлопроизводства перечисленных культур I фазы Евразийской металлургической провинции наглядно иллюстрируется распространением черенковых ножей с перекрестьем и перехватом – наиболее массовой категории орудий в указанных культурах (128 экз.). Больше всего подобных ножей обнаружено в синташтинских погребальных комплексах (46 экз.). Они характерны для донских и уральских абашевских памятников (31 экз.). В меньшем количестве (примерно по 4–25 экз.) они найдены в покровских и раннесрубных (25 экз.), потаповских (4 экз.), петровских (12 экз.), сейминско-турбинских (8 экз.) памятниках. В процессе статистической обработки выявлены распределение ножей в широтном направлении и связь с ареалом, приуроченным к лесостепной и степной евразийской зоне от Среднего Подонья до Среднего Притоболья.

Из специфических петровских типов следует упомянуть однолезвийные и двулезвийные ножи с длинной выделенной рукоятью, кованые стрелы, копья, топоры с Г-образным абрисом. Из украшений – крестовидные подвески, наконечники, браслеты и кольца со спиралевидными завитками, разнообразные круглые бляшки с пуансонным орнаментом. Есть изделия, которые можно считать явно импортными из сейминско-турбинских очагов: литые наконечники копий, бесчеренковые ножи, ножи с широким прямым черенком. Из синташтинского импорта следует упомянуть топоры с бойками, тесла с параллельными и трапециевидными гранями, черенковые ножи с перекрестьем и перехватом. Однако последние были изготовлены местными петровскими мастерами в подражание синташтинским, поскольку отливались из оловянной или оловянно-мышьяковой бронзы. Достаточно интенсивные контакты прослеживаются с племенами синташтинской культуры, прежде всего в наличии ряда общих типов орудий

труда: ножей с перекрестьем и перехватом, серпов, тесел. Существенного влияния синташтинское металлопроизводство на петровское не оказало, поскольку технологические стереотипы производства металла у племен были различными, синташтинское производство было связано с предкавказскими инновациями плавки мышьяковой бронзы.

Металлические изделия представлены медью и сплавами на ее основе (296 экз.). Помимо меди и сплавов на ее основе в единичных экземплярах обнаружены украшения из биллона (1 экз.), золота (2 экз.), а также кольцо из сплава олово-свинец. Цветной металл петровской культуры зауральского очага распределяется на шесть металлургических групп: чистая медь (60,9%; поселенческий металл – 70,8%, погребальный инвентарь – 32,4%); оловянная бронза (30,6%; содержание олова 0,4–14%; в поселенческом – 21%, в погребальном инвентаре – 57,8%), комплексная оловянно-мышьяковая (6,4%; содержание Sn 0,4–10%, As – 0,4–14%), мышьяковая (1%; содержание мышьяка 0,68–2%), оловянно-свинцовая (0,7%; содержание Sn 9–10%; Pb – 1–3%), свинцовая (0,4%, содержание Pb 1,3%).

Малочисленные изделия с примесью мышьяка поступали от синташтинских мастеров. В петровский период выстраивается рецептура сплавов, употребляемых впоследствии в алакульской, алексеевско-саргаринской культурах с возрастанием все большего удельного веса оловянных бронз и уменьшением числа изделий из чистой меди. В более северных культурах, потребности которых явно обеспечивались из металлопроизводящих центров культур, в том числе и андроновского круга, – коптяковской, черкакульской, прослеживается сходная картина. Ташковская металлообработка базировалась на металле, поступающем из синташтинских, турбинских и петровских центров.

Сырьем для изготовления орудийного комплекса служили «чистая» медь (около 60%), в том числе и окисленная, низколегированные оловянные, в меньшей степени комплексные оловянно-мышьяковые, мышьяковые бронзы. Основное сырье для изготовления украшений – оловянная бронза с концентрациями олова

до 18%, в значительно меньшей степени – чистая медь.

Рассматривая особенности изготовления инвентаря из цветных металлов – орудий труда, украшений, полуфабрикатов (158 экз., литые слитки не включены, всего исследовано 216 предметов), в первую очередь следует отметить многообразие используемых технологических схем с разными режимами термообработки. Преобладали кузнечные схемы получения изделий (62,4% от выборки). Литых предметов, доработанных далее ковкой со средними степенями деформирующего воздействия 50–60% в данной коллекции выявлено только около трети (35,7%), все они входят в группу орудий труда: серпы, ножи, тесла, топоры. Полностью литых изделий 3 экз. – два шила и крестовидная подвеска.

Орудия труда изготавливали в основном в процессе литья в разъемные формы, после чего следовала доработка ковкой рабочих поверхностей изделий. Способ кузнечной формообразующейковки использовался только при получении мелких орудий. Отмечены дефекты, связанные с некачественным литьем: короблением металла, образованием горячих и холодных усадочных трещин. Подобные явления усадочного коробления корпуса орудий с искажением конфигурации отливок обычны для петровских поселенческих орудий труда. Использовались преимущественно глиняные и каменные односторонние литейные формы с плоскими крышками, реже двусторонние. При изготовлении изделий из чистой окисленной меди в процессе плавки и термообработки использовали предохраняющие от чрезмерного окисления засыпки, тем самым предотвращая хрупкость металла.

Полученные отливки дорабатывали ковкой, в процессе которой устраняли пороки литья, проводилась вытяжка рабочих поверхностей с заострением лезвийной кромки. На лезвиях нескольких серпов и ножей абразивом подпилены зубчики пилы. Данные микроструктурного исследования, форма и величина кристаллов, процентное соотношение включений, замеры микротвердости позволили уточнить и температурные режимы обработки меди и бронз. В процессе кузнечной формовки использовались в основном низкие температуры начальной стадии рекри-

сталлизации металла 250–400° С (31%), либоковка по холодному металлу или в холодную с промежуточными отжигами (21,5%). В общей массе использование холодных или низкотемпературных режимов составляло 52,5%. Режимы горячейковки 600–800° С (35,4%), а также предплавильные температуры при 900–1000° С (10,2%) использовались в обработке давлением немногим менее половины изделий, в основном украшений (45,6%). Часто получали орудия и заготовки способом пакетной сварки, как при низких, так и при предплавильных температурах (8,8%). Кузнечные пороки в основном были связаны с красноломкостью металла, образующейся при термообработке оловянных бронз с повышенными концентрациями свинца и висмута.

Особые варианты технологии выявлены на примере этнических маркеров носителей петровских традиций (крестообразных подвесок и браслетов со спиралевидными завитками) – использование литых технологий в разъемных формах из высоколегированной оловянной бронзы до 18%, предварительных отжигов гомогенизации для повышения пластичности металла, горячейковки.

Прослежена производственная специализация ряда поселенческих комплексов, находящихся вблизи меднорудных месторождений и преимущественно в истоках рек тобольской речной системы (Устье, Кулевчи-3, Шибаетово, Убаган-1–3), по переработке руды, выплавке металла в виде черновых слитков, плавке полосовых и тигельных рафинированных слитков как из окисленной, так и сульфидной руды. Доля слитков и полуфабрикатов в общем объеме поселенческого производства превышала 55%. Примерно третья часть слитков была представлена искусственными бинарными и трехкомпонентными бронзами с введенной лигатурой Sn, As, Pb с концентрациями Sn и As до 10–14%. Металлурги поселений Кулевчи-3, Устье-1 выплавляли черновую медь из окисленной и сульфидной руды, производили ее рафинирование. На поселениях Убаган один–три мастера занимались вторичной переработкой меди и бронз. Из оловянных центров Рудного Алтая получали полосовые слитки с введенной лигатурой олова, а также оловянно-свинцовые сплавы.

Зауральский (притобольский) металлургический очаг петровской культуры, генезис которого восходил к ямно-полтавкинским металлургическим традициям, базировался на разработке ряда месторождений Южного Урала с богатыми выходами окисленных руд. На ранней фазе Евразийской металлургической провинции петровский среднетобольский очаг металлургии наряду с уральско-мугоджарским (Ткачев, 2011) и центральноказахстанским, нуртайским центрами производства (Ткачев, 2002) был наиболее мощным, обеспечивающим потребности и сопредельных племенных групп. Притобольский металлургический очаг петровской и алакульской культур, функционировавший на I–II фазах Евразийской металлургической провинции (рубеж III–II тыс. – XVII в. до н.э.; XVI–XV/XIV вв. до н.э.), оказал существенное влияние на развитие коптяковской (наряду с

турбинским влиянием), черкаскульско-федоровской металлообработки в Притоболье. На III фазе Евразийской металлургической провинции (XV/XIV–XII/XI вв. до н.э.) центр металлургического производства алексеевско-саргаринской культуры перемещается на территорию Центрального Казахстана в зону меднорудных месторождений казахского мелкосопочника и Алтая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: Тюмен. нефтегаз. ун-т, 2002. 289 с.

Ткачев В.В. Уральско-мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970 180 с. (МИА; № 172).

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА КЕРАМИКИ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА (ПО МАТЕРИАЛАМ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР)¹

© 2014 г. Е.Н. Дубовцева, С.Е. Пантелеева

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург
(ket1980@yandex.ru; spanteleyeva@mail.ru)*

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, синташтинская культура, керамика, технология производства.

Резюме. В работе представлены результаты технологического изучения коллекции синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар. Основное внимание уделено характеру исходного сырья, составу формовочных масс, а также способам формовки и обработки поверхности. Полученные результаты позволяют выделить в структуре синташтинского гончарства три технологические традиции и отметить интенсивный процесс их смешения.

Изучение керамического производства населения евразийских степей – важнейшее направление в археологии бронзового века. На основании результатов анализа технологических, морфологических и орнаментальных особенностей посуды предпринимаются попытки реконструкции процессов формирова-

ния тех или иных культур, рассматриваются проблемы их взаимодействия и трансформации. Эти вопросы активно обсуждаются и исследователями синташтинской культуры, но, несмотря на длительный период изучения, остаются дискуссионным до сих пор. Представленная работа выполнена в русле данной

¹ Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта, поддержанного Президиумом УрО РАН.

проблематики и предлагает к обсуждению результаты технологического изучения коллекции синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар.

Предпринятый ранее типологический анализ позволил выделить восемь типов изделий и охарактеризовать их основные признаки (Пантелеева, 2013). Технологическому исследованию была подвергнута выборка из 29 экз., включающая сосуды разных типологических групп. В выборку в основном вошли верхние части сосудов (24 экз.), а также 2 фрагмента стенок и 3 днища. Изучение керамики проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978, 1999). Для работы использовался бинокулярный микроскоп МБС-10. Фрагментарность материала не позволила охарактеризовать в полной мере все ступени гончарного производства, поэтому анализ проводился по сокращенной программе. Основное внимание было уделено характеру исходного сырья и формовочных масс, а также способам формовки и обработки поверхности.

Анализ показал, что использовалось два вида исходного сырья: ожелезненная глина различной степени запесоченности (25 экз.) и илистая глина (4 экз.). В качестве естественных примесей в них выделяются песок и единичные включения оолитового бурого железняка. Песок различного минерального состава, окатанный, пылевидный или мелкий (до 0,5 мм). В илистой глине помимо этого встречаются фрагменты раковин речных моллюсков, костей и чешуи рыб, отпечатки водной органики. Для сравнительного анализа в районе памятника и непосредственно в раскопе были собраны образцы глин и ила. Они отличались высокой пластичностью, отсутствием примеси песка. В некоторых образцах отмечены естественные примеси тальковой пыли и раковин мелких моллюсков. В результате был сделан вывод, что синташтинские мастера использовали иные залежи глины, поиск которых еще предстоит произвести.

Для составления формовочных масс использовалась примесь тальковой дресвы, раковины, шамота, единично песка и органики. Тальковое сырье в изобилии встречается в слое поселения в виде обломков сланца и кусков породы с включениями кварца и других

минералов. Обломки таких включений отмечены и в составе тальковой дресвы. Раковина перед введением в состав глиняного теста специально готовилась – прогревалась, а затем дробилась¹. Обломки раковины достигают 5 мм, имеют светло-серый, белый или розоватый оттенок, на некоторых частях сохранился перламутр. Шамот в виде мелкой крошки дробленой посуды (до 2 мм) встречен в очень небольшой концентрации 1:6 – 1:8. Важно отметить, что для изготовления шамота использовалась керамика как с примесью талька, так и с примесью раковины. В отдельных случаях (в разных рецептах) композиция формовочной массы еще включала органическую примесь без четких качественных особенностей.

Были выделены простые и сложные рецепты составления формовочных масс. К простым относятся два рецепта: Г+Дт (12 экз.) и ИГ+Дт (1 экз.)². Остальные рецепты сложные: Г+Дт+Ш (4 экз.), ИГ+Дт+Ш (1 экз.), Г+Дт+Р (2 экз.), Г+Ш+Р (2 экз.), Г+Дт+Ш+Р (1 экз.), Г+Дт+Р+О (2 экз.), Г+Дт+Ш+О (2 экз.), ИГ+Дт+О+П (1 экз.). Отдельно стоит отметить сосуд, при изготовлении которого использовались два сорта глины из разных замесов. Нижняя часть данного горшка (до плеча) смоделирована из илистой глины с обильной примесью дробленой раковины, а плечо и шейка – из глины с примесью тальковой дресвы.

В целом полученные результаты позволяют выявить три традиции составления формовочной массы. Доминирует традиция добавления в качестве отощителя дробленого талька. Он является единственной примесью в простых, а также присутствует почти во всех сложных рецептах. Сосуды, изготовленные по рецепту Г+Дт, наиболее многочисленны. Традиции добавления в тесто шамота и раковины представлены в выборке достаточно хорошо, но они фиксируются только в составе комбинированных рецептов.

¹ Проблемы определения искусственной и естественной примеси раковины в составе археологической керамики подробно рассмотрены Н.П. Салугиной (2006).

² В тексте приняты следующие сокращения для обозначения состава формовочных масс: Г – глина, ИГ – илистая глина, Дт – дресва тальковая, Ш – шамот, Р – дробленая раковина, О – органика, П – песок.

О способе формовки можно судить по отпечаткам тканевой прокладки на дне сосудов с внутренней стороны. Вероятно, большинство емкостей изготовлялось на форме-основе, в качестве строительных элементов служили короткие жгуты, лоскуты или ленты. Можно предположить, что сосуды моделировались таким способом до максимального расширения тулова. Затем заготовка снималась с основы, устанавливалась на плоскость, и осуществлялось изготовление верхней части. Поверхность изделий первоначально заглаживалась гладким или зубчатым инструментом. Следы выбивания не зафиксированы. Вторичная обработка поверхности проводилась заглаживанием гладким шпателем и/или мягким материалом. В единичных случаях отмечено лощение. Нижняя часть крупных сосудов с внутренней стороны, как правило, не заглаживалась, благодаря чему и сохранила оттиски ткани.

Сопоставление технологических характеристик и типологических групп не выявило никаких закономерностей.

Сравнение полученных результатов с данными по другим синташтинским памятникам позволяет увидеть довольно схожую ситуацию. Во всех изученных керамических комплексах в качестве основных примесей отмечены тальковая дресва и шамот (Гутков, 1995а, б, 2013). Вместе с тем в технологических характеристиках керамики укрепленного поселения Каменный Амбар фиксируются и некоторые различия. Первое из них – присутствие шамота только в составе смешанных рецептов. Интересно то, что примесь шамота очень незначительна. Ее количество в формовочной массе носит скорее чисто символический характер. Вторая особенность – наличие специально подготовленной примеси раковины. Если на других памятниках фрагменты раковин зафиксированы только в составе естественных компонентов илистого сырья, то здесь раковина не только предварительно дробилась, но и подвергалась термической обработке.

Совмещение в одном рецепте добавок, функционально дублирующих свойства друг друга, принято считать свидетельством процессов культурного смешения (Глушков, 1996; Бобринский, 1999). По всей видимости,

для обитателей поселения эти процессы зашли уже достаточно далеко, поскольку гибридизация разных гончарных традиций фиксируется на всех стадиях производства сосудов. Тем не менее представители разных культурных групп еще продолжали в какой-то степени поддерживать традиционные навыки, маркируя таким образом свою культурную идентичность.

Не вызывает сомнения происхождение традиций добавления талька и раковины в формовочную массу: первая безоговорочно рассматривается всеми исследователями как местная зауральская, вторая – как приуральская. Обе они известны еще с эпохи энеолита по разные стороны Уральского хребта (Мочалов, 2008). Менее очевидны истоки обычая использования в качестве отошителя шамота. Например, примесь шамота отмечена у значительного процента керамики потаповского типа, но также только в составе смешанных рецептов (Салугина, 1994). По наблюдениям А.И. Гуткова, значительное увеличение доли рецептов с шамотом происходит в постсинташтинский период и данная технологическая традиция становится характерным признаком гончарства носителей петровской культуры (Гутков, 1995б, 2013).

Таким образом, материалы укрепленного поселения Каменный Амбар демонстрируют сложную культурную ситуацию, оформившуюся в Южном Зауралье на рубеже III–II тыс. до н.э. Подтверждается не только многокомпонентность синташтинской культурной традиции, но и тесное взаимопроникновение ее составляющих, фиксируемое на разных ступенях керамического производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Творч. объедин. «Каменный пояс», 1995а. С. 135–147.

Гутков А.И. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Мат-лы конф. Ч. V. Кн. 2. Челябинск: Челяб. ГУ, 1995б. С. 132–135.

Гутков А.И. Техничко-технологический анализ керамики поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 179–184.

Мочалов О.Д. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 244–250.

Пантелеева С.Е. Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар: типологический анализ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 22–31.

Салугина Н.П. Технологическое исследование керамики Потаповского могильника // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самар. ун-т, 1994. С. 173–186.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всерос. археологического съезда. Т. II. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 379–381.

ПРОЦЕССЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. И.А. Дураков

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
(Idurakov@yandex.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, Западная Сибирь, древняя цветная металлообработка.

Резюме. Работа содержит результаты исследования цветной металлообработки эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. Дана характеристика формирования основных черт специализации бронзолитейного производства этой территории.

Проблема становления и развития специализации в древнем металлообрабатывающем производстве – одна из важнейших в исследовании палеоэкономики Западной Сибири. В результате планомерных полевых исследований последних двух десятилетий накоплен значительный фактический материал. Сегодня ведется его активное аналитическое осмысление.

Исходя из современного состояния источников, наиболее ранние признаки специализации прослеживаются на памятниках одинов-

ской культуры. При этом следует отметить, что металлообработка здесь появляется уже в довольно развитой форме, что можно объяснить или привнесением ее уже в готовом виде с сопредельных территорий, или слабой изученностью более ранних материалов, не позволяющих проследить генезис этого явления. На ряде памятников (Марково-2, Старый Тартас-5, Тартас-1) выявлены бронзолитейные производственные участки. Как правило, они занимают приотрадную зону жилищ. Плавка велась в заглубленных в землю очагах

с применением в качестве топлива костей. На Тартасе-1 связанные с металлообработкой хозяйственные строения были вынесены за пределы поселения, на территорию синхронного им одиновского могильника.

Значительным совершенством отличается бронзолитейный инвентарь. Выработан своеобразный характерный для данной культуры тип тигля, представляющей собой толсто-стенный плоскодонный прямоугольный сосуд с низкими бортиками. В некоторых случаях стенки и дно украшены крупной гребенкой. Большая часть учтенных нами тиглей крупные и предназначены для плавки значительного объема металла (0,8–1 кг).

Существенные изменения в цветной металлообработке произошли в кротовское время. В первую очередь это обусловлено увеличением объема металла поступающего на территорию лесостепной зоны Западной Сибири. Видимо, это связано как с подъемом его добычи в сопредельных горно-металлургических районах, так и с развитием транспортных путей и средств доставки. Размеры увеличения потребления цветного металла можно представить по сравнительному статистическому анализу погребального инвентаря одиновской и кротовской культур. Из 193 учтенных нами одиновских погребений могильников Сопка-2/4а, Абрамово-10 и Тартас-1 только в 21 найден металл (Молодин, 2012. Табл. 2). Это составляет чуть меньше 11% от общего числа погребенных. В кротовское время 31% захоронений содержит металлические вещи. Учтено 187 погребений могильников Абрамово-11, Тартас-1, Ордынское-1 (Молодин, Дураков, 2013), в 58 из них найдены металлические изделия, т.е. потребление металла увеличилось в 3 раза. В действительности этот показатель был еще выше, так как в среднестатистической одиновской могиле присутствует 3–5 г металла (за исключением двух захоронений с массивными предметами – кельтом и кинжалом), в кротовской – 15–20 г.

Обособление по профессиональному признаку и особое социальное положение литейщиков в кротовском обществе документируются захоронениями с бронзолитейным инвентарем (тигли, формы, сопла, точила, каменные молотки и т.д.) на некрополях Соп-

ка-2 и Тартас-1 (Молодин, 1983. С. 96–109; Молодин и др. 2012, С. 118–119). В могильнике Сопка-2 погребения с бронзолитейным инвентарем планиграфически локализируются в обособленную группу, вынесенную в сторону от основного массива захоронений.

По всей видимости, металлообработка в кротовской культуре была сосредоточена в руках отдельных семей, все члены которых так или иначе были связаны с этим производством. В пользу этого предположения говорят находки литейного инвентаря в женских захоронениях (Молодин, 1983. С. 109). Кроме того, в могильнике Тартас-1 литейная форма была найдена в коллективном захоронении (№ 323), так что ее нельзя было связать с определенным погребенным (Молодин и др., 2009. С. 338–339).

Признаком специализации литейного производства служит также неравномерное распределение его следов на кротовских поселениях: на некоторых памятниках они не обнаружены (Черноозерье IV), на других (Абрамово-10, Венгерovo-2) присутствуют только в некоторых жилищах. На определенный профессионализм указывает стандартизация литейной продукции, а также сложность и явная унификация изготовления выявленного литейного оборудования.

Например, тигли представляют собой чашечки овальной или каплеобразной формы. В некоторых случаях они закреплялись во внешней оболочке из глиняного бортика, прикрепленного к крупному фрагменту стенки столовой керамики. Объем емкости тиглей равняется 85–100 см³, что соответствует плавке меди в 0,75–0,89 кг. Широкое использование подобных плавильных конструкций документируется находками их стенок на производственных участках поселений Абрамово-10, Венгерovo-2, Преображенка-3 (Молодин, 1977, С. 149; Молодин и др. 2012).

Характер провидимых на кротовских поселениях бронзолитейных работ, объемы плавки, большое количество форм для производства стандартных слитков указывают на уровень специализации бронзолитейного производства.

В андроновское время объем поступления металла в лесостепную зону Западной Сибири увеличился незначительно: анализ

инвентаря 269 погребений этого времени выявил метал или следы его присутствия в 93 из них, что составляет 34,5%. В трех могилах найдены фрагменты литейных форм и тигля, что указывает на сохранение традиции по-смертной профессиональной идентификации литейщиков. Следует также отметить, что как минимум в двух случаях (погребения 153, 314 могильника Тартас-1) литейный инвентарь найден в детских захоронениях. Видимо организация производства, как и в кротовской культуре, находилась в руках семейных или клановых групп, передававших его по наследству.

Конец эпохи бронзы характеризуется резким увеличением притока цветного металла в изучаемый регион. Например, из 256 учтенных захоронений ирменской культуры медно-бронзовые изделия присутствуют в 155, что составляет 60,5% от их общего количества. На памятниках ирменской и особенно позднеирменской культур фиксируются производственные участки ремесленного уровня, производящие значительный объем однотипной литой продукции. Например, только в одном жилище 10 городища Чича-1 найдены обломки от 1200 форм, из них 56 предназначались для отливки ножей (Молодин и др., 2009. С. 222).

Существующие материалы свидетельствуют, что на этом этапе реализация продукции осуществлялась явно не только на уровне своей общины, но и на отдаленных территориях. Протяженность путей достигает многих сотен километров, т.е. речь может идти не только о внутреннем, но и о внешнем обмене, а производство приобретает ремесленный характер. Очевидность таких выводов вытекает из находок медно-бронзовых изделий в безрудных зонах Обь-Иртышского междуречья, унификации их типов на значительных территориях

Сибири в рамках металлообработки сразу нескольких культур развитой и поздней бронзы, появления в Центральной Барабе литейного оборудования и материалов явно импортного происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 1977. 173 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул: АГУ, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.Г., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребуцак В.А., Дребуцак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2009. 248 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2012. Т. 11. Вып. 5. С. 104–119.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 84–101.

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

© 2014 г. А.В. Епимахов

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Южно-Уральский филиал, Челябинск
(eav74@rambler.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, погребальная обрядность, потревоженные погребения, методология археологии.

Резюме. Работа рассматривает вопросы процедуры интерпретации погребальных памятников на примере потревоженных погребений бронзового века. Приводятся новые факты и обобщения. Предложен вариант оценки фактов с точки зрения трех вариантов отношения к умершим: страх, безразличие и поклонение.

Сложность интерпретации потревоженных погребений прямо связана с дефицитом качественной информации. Впрочем, есть также проблемы, лежащие в плоскости методологии. Признавая сложный характер отображения действительности в вещественных материалах, авторы часто предпочитают прямой подбор этнографических аналогий. Таким образом, переход от результатов раскопок к реконструкции идей и мотивов происходит без анализа стадий акций (действий), их материализации, археологизации и пр., т.е. говорить о последовательной реконверсии информации (Клейн, 2004. С. 349–370) не приходится.

При выборе алгоритма исследования авторы сталкиваются с трудноразрешимыми вопросами на каждой из стадий, но кажется полезным само осознание необходимости многоэтапной критики и четкое понимание влияния искажающих факторов и возможностей разной трактовки одних и тех же фактов. Поскольку проверка точности полевых наблюдений в полном объеме невозможна, а публикации и отчеты обычно содержат обобщенный вариант информации, исследователи вынуждены ориентироваться на собственные материалы. Таким образом, единичные достоверные факты играют важнейшую роль, хотя

не могут служить аргументом универсальной интерпретации.

Большое значение в документировании ситуаций имеют опыт исследователя и методика раскопок, а также наличие полевого антрополога. Это позволяет точнее оценить возможные причины деструкции погребения, которые обусловлены разновременными природными и антропогенными процессами. Даже в случае уверенности в «человеческом факторе» главной трудностью является установление временного промежутка от завершения погребальной церемонии до вторжения, так как варианты проникновения регистрируются гораздо чаще. Лишь после решения этих вопросов стоит обсуждать акции и их воплощения, а также мотивы действий.

Ингумация в курганах – основной вариант погребальной обрядности уральского бронзового века. Случаи нарушения могил нередки, особенно для родственных синташтинских, петровских и алакульских древностей. Их погребальные памятники объединяются многомогильностью курганов с поэтапной историей формирования. Комплексы включают все возрастные и гендерные группы. Сравнительно небольшое количество похороненных, погребальный инвентарь (включающий оружие и детали колесничного комплекса) и сложная

¹ Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН.

практика жертвоприношения животных заставляют думать, что синташтинские (и, возможно, петровские) курганы были местами захоронения элиты.

Алакульские некрополи внешне похожи на синташтинские и петровские за счет способа организации подкурганного пространства. Однако имеется и существенная разница. Алакульские могильники содержат значительно больше курганов, могил и покойных; фиксируются общая унификация, резкое сокращение статусной атрибутики, упрощение практики жертвоприношений и пр. В целом алакульские некрополи по основным параметрам ближе к родовым кладбищам.

Потревоженные погребения для перечисленных культур составляют значительные серии, нередко большинство всех захоронений взрослых. Наряду с единичными наблюдениями возможны и некоторые обобщения (доля потревоженных погребений, возрастной и гендерный состав этих захоронений, сохранившийся инвентарь) (Яценко, 2013). Все центральные и часть периферийных захоронений потревожены (в целом более 50%). Это не может быть результатом грабительских раскопок XVIII – начала XX в. или деятельности норных животных. Курганы имеют небольшую высоту, а периферийные захоронения не прослеживаются на современной поверхности. Потревожены, как правило, могилы, содержащие взрослых индивидов обоего пола. Выводы по возрастным группам на данном этапе невозможны, так как большая доля умерших выявлена в коллективных могилах. Это обстоятельство затрудняет и определение состава инвентаря конкретных индивидов. Примеры потревоженных погребений, сохранивших часть дорогостоящего инвентаря, не многочисленны, но есть.

Имеются яркие единичные свидетельства того, что вторжение осуществлялось через непродолжительный срок после завершения ритуала. Часть останков явно была перемещена до завершения эскарнации; нередко деревянное перекрытие могилы еще оставалось целым; проникновение в могилу осуществлялось с большой точностью. Так, в синташтинском могильнике Солнце II исследована крупная могильная яма, явно пострадавшая от проникновения извне. Человеческие останки

находились в разрозненном состоянии, за исключением ноги одного индивида в сочленении от колена до стопы включительно. Однако эта часть скелета располагалась не на дне, а в заполнении грабительского вкопа, следовательно, останки были перемещены до завершения эскарнации.

Иной пример зафиксирован при исследовании петровского могильника Троицк-7. Крупная могила была разделена на три отсека. Каждый из них, вероятно, содержал индивидуальное захоронение. Углубление у восточной стенки могло быть дромосом либо грабительской ямой. Здесь обнаружены многочисленные переотложенные человеческие кости со следами бронзовых окислов. «Грабители» были отлично осведомлены о расположении могилы и ее устройстве, так как освобождение костей от бронзовых украшений состоялось именно в этой части сооружения и явно до обрушения перекрытия, хотя и после завершения скелетирования. Практически никакие массивные металлические изделия не обнаружены.

Обсуждая феномен потревоженных могил, следует помнить о возможной разнице в отношении к покойным. Судя по этнографическим данным, спектр представлений достаточно широк: от страха до поклонения. Делая выбор между этими крайними точками, мы не должны забывать и о возможности третьей позиции – отсутствии уважения к мертвым (Bartelheim, Heyd, 2001). Мотивы нарушения покоя умерших разнообразны, и сделать аргументированный выбор в пользу какой-либо из версий весьма непросто. Кажется разумным попытаться сузить поле решений, отбросив наименее вероятные варианты.

Для уральского бронзового века *обезвреживание* кажется маловероятным, поскольку эта практика обычно связана с меньшинством умерших, в рассматриваемом же случае таких более половины. Для раннего – синташтинского – периода высокий процент можно связать с немногочисленностью элитных захоронений и особыми вариантами обращения с покойным. Однако в алакульское время курганная ингумация – массовое явление, несмотря на это непотревоженные погребения взрослых крайне редки, а общий процент потревоженных могил выше. В эту выборку по-

падают и захоронения детей (Шилов, Маслюженко, 2001). Не обнаружены следы увечий и других способов обезвреживания.

Нет причин усматривать в этой традиции и способ *осквернения* могил соперничающими группами. В роли таких групп может теоретически выступать только однокультурное население. Для синташтинского периода в отличие от алакульского высокий уровень развития военного дела хорошо документирован, но надежных свидетельств военной активности крайне мало для всего бронзового века.

Почти столь же часто упоминается более прозаической версии – *ограбление*, в том числе и с целью минимизировать для коллектива ущерб от дорогостоящих ритуалов. Эта гипотеза дает ответ на вопрос о знании грабителями деталей расположения и конструкции могил, но оставляет за рамками объяснений сохранение значительной части инвентаря в потревоженных захоронениях. Приходится исходить из версии об оставлении части инвентаря, особо важного для покойного или табуированного. Еще труднее установить и причины хорошей сохранности целого ряда погребений.

Изложенная сумма фактов вряд ли имеет единственное простое объяснение. Синташтинские и петровские некрополи были местом упокоения лиц повышенного статуса, снабженных дорогостоящим инвентарем. Судя по всему, курганы формировались поэтапно и служили местом совершения постпохоронных обрядов. Это может быть оценено как проявление культа предков. Следы *страха* перед умершими можно усмотреть только в традиции сооружения рва вокруг по-

гребальной площадки. Наконец, *отсутствие уважения* к мертвым хорошо иллюстрировано многочисленностью «ограблений».

Вероятно, речь идет о сочетании всех трех вариантов взаимоотношений мертвых и живых. В разные периоды цикла похоронных и после похоронных церемоний на первый план выходил один из них. Не исключено, что дальнейшие исследования позволят проследить в диахронии динамику. Создается впечатление, что максимальное внимание к предкам уделялось на ранних этапах, в период освоения новых территорий и становления культурных традиций. В дальнейшем обычай проникновения в могилы обретает более утилитарный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притобоя // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбург. губерния, 2001. С. 122–123.

Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. № 2 (8). Барнаул: Азбука, 2013. С. 25–41.

Bartelheim M., Heyd V. Cult after Burial: Patterns of Post-Funeral treatment in the Bronze and Iron Age of Central Europe // Archaeology of Cult and Religion / Eds P. Beihl, F. Bertemes, H. Meller. Budapest: Archaeologia, 2001. P. 261–276.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

© 2014 г. В.А. Зах

*Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень
(viczakh@mail.ru)*

Ключевые слова: лесостепь, эпоха бронзы, переходное время, палеоклимат, кризис хозяйства, миграция, численность населения.

Резюме. В I тыс. до н.э. на фоне палеоклиматических изменений и нарастания кризиса скотоводческого хозяйства сильно сокращается численность населения в лесостепном Притоболье, Барабе и Приобье, где ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Отмечены миграции таежного населения в лесостепь. Судя по материалам поселений, в частности по распространению посуды с крестовой и фигурно-штамповой орнаментацией, продвижение на юг было фронтальным, с проникновением в среднем до 54° с.ш. Однако в разные регионы пришло разное количество мигрантов – пропорционально численности оставшихся аборигенов. В горно-лесное Зауралье, Приишимье и Прииртышье выходцев с таежных территорий проникло больше, поскольку общества, в хозяйстве которых сочетались производящие и присваивающие отрасли, в меньшей степени ощутили последствия климатических и ландшафтных изменений.

Начало I тыс. до н.э., конец эпохи бронзы и переход к раннему железному веку, в Западной Сибири приходится на финал суббореального периода голоцена и связано со значительными климатическими и ландшафтными перестройками. Начинающееся увлажнение, в частности периодическое обводнение пойм, приводит к глубоким изменениям производящей экономики у позднебронзовых обществ лесостепи. Начинается кардинальная перестройка скотоводческого хозяйства, в стаде увеличивается доля лошади, придомное, с заготовкой кормов в пойме, скотоводство заменяется отгонным, полукочевым. Аналогичные палеоклиматические процессы происходили и на таежных пространствах Нижней Оби в пределах ареала атлымской культуры. Ежегодные подтопления поймы провоцировали миграцию с этих территорий на юг популяции лося и рассредоточение рыбы в водоемах.

Остановимся на рассмотрении ситуации в лесостепи и характеристике миграционных потоков населения на юг и их количественной оценке.

С началом гумидизации и кризиса придомного скотоводческого хозяйства в западно-сибирской лесостепи численность населения снижается. Количество поселков носителей позднебронзовых культур (бархатовской, сузгунской, ирменской) на территории от Притоболья до Приобья сокращается в несколько раз. В Притоболье из более 50 бархатовских памятников к позднему, красногорскому этапу относится всего несколько городищ (Матвеев, Аношко, 2009), а с переходным временем связано пока лишь городище Усть-Утяк-1 (Кайдалов, 2013). В пределах ареала сузгунской культуры известно около 80 памятников с пахомовскими и сузгунскими комплексами, причем их соотношение оценивается как 3:1, городища также появляются на позднем этапе (Полеводов, 2003). Поселений переходного времени (красноозерской культуры) в Приишимье насчитывается около 10, в Прииртышье около 30, в междуречье Ишима и Иртыша около 15 (Труфанов, 1994). В Барабинской лесостепи и Приобье известно почти 100 памятников ирменской культуры, из них порядка 15

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

относятся к позднеирменской и 5-6 памятников – к переходному времени (Молодин, 1985; Матвеев, 1993; Троицкая и др., 1989; Папин, Шамшин, 2005). В горно-лесном Зауралье ситуация иная: вероятно, в силу более благоприятных природных условий для проживания и ведения присваивающего хозяйства на восточных склонах Урала в переходное от бронзы к железу время обитало большее количество населения, о чем свидетельствуют более 150 памятников рассматриваемого времени¹ (Борзунов, 1992).

Возможно, сокращение на финальном этапе бронзового века численности обитателей лесостепных территорий (Притоболье, Бараба и Приобье) с преимущественно скотоводческой направленностью хозяйства связано с оттоком части населения на юг, в степи. В горно-лесном Зауралье и Ишимо-Иртышском регионе, где в хозяйстве в равной степени сочетались производящие и присваивающие отрасли, население в меньшей степени зависело от происходящих палеоклиматических изменений. В то же время эти территории расположены ближе к ареалу таежной культуры с крестовой орнаментацией посуды, откуда ее носители частично продвинулись на юг, в лесостепь. Скорее всего, мигранты с севера двигались по долинам крупных водных систем, таких как Обь, Иртыш, Ишим и Тобол, причем наиболее прямым путем на юг и в горно-лесное Зауралье были долины Иртыша, Ишима и левобережные притоки Тобола. Вероятно, немаловажным фактором для выбора места проживания и последующего смещения мигрирующих экзогамных северных групп с аборигенным населением была и заселенность территории. Судя по присутствию в симбиозных керамических комплексах 15–35% посуды с орнаментом в виде фигурного штампа, можно предположить, что численность инокультурного таежного населения, проникшего в лесостепь, могла достигать трети и более населения региона.

Мнения исследователей относительно миграции таежного населения разделились. Одни считают, что переселение в некоторых регионах было фронтальным (Косарев, 1981), полномасштабным, продолжавшимся неко-

торое время (Труфанов 1994), способным в виде «клина» расчленив и раздвинуть ареал «ирменцев» с образованием трех изолированных территориальных групп (Матвеев, 1985). Другие говорят о кратковременности и малочисленности миграции (Троицкая 1985; Бородавский, 2003).

На наш взгляд, в количественном отношении носители культуры с крестовой орнаментацией посуды соответствовали оставшимся в лесостепи аборигенам. Наиболее заселенными в результате миграции оказались территории горно-лесного Зауралья и Ишимо-Иртышья, слабо освоенными были Притоболье и Приобье.

Несмотря на то что в определенные районы западносибирской лесостепи проникло разное количество мигрантов, тем не менее все они продвинулись на юг в среднем до 54° с.ш. В Зауралье это около 54° 57', в Притоболье и Приишимье – 55° 16' и 55° 35' с.ш., в Барабе и Приобье – 54° 43' и 52° 42' соответственно, но отдельные находки керамики с крестовой орнаментацией отмечаются еще южнее. Практически все поселки на юге приурочены к остаткам прибрежных ленточных боров, расположенных на первых надпойменных террасах, что, возможно, свидетельствует о пути мигрантов из таежных территорий в лесостепь.

Таким образом, в I тыс. до н.э. на фоне палеоклиматических изменений и нарастания кризиса скотоводческого хозяйства сильно сокращается численность населения в лесостепном Притоболье, Барабе и Приобье, где ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Отличаются миграции таежного населения в лесостепь. Судя по материалам поселений, в частности по распространению посуды с крестовой и фигурно-штамповой орнаментацией, продвижение на юг было фронтальным, с проникновением в среднем до 54° с.ш. Однако в разные регионы пришло разное количество мигрантов – пропорционально численности оставшихся аборигенов. В горно-лесное Зауралье, Приишимье и Прииртышье выходцев с таежных территорий проникло больше, поскольку общества, в хозяйстве которых сочетались производящие и присваивающие отрасли, в меньшей степени ощутили

¹ Правда, в это количество входят городища, поселения и местонахождения.

последствия климатических и ландшафтных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.

Бородовский А.П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 264–269.

Кайдалов А.И. Городище Усть-Утяк-1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Притоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 22 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 283 с.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 21 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюмен. дом печати, 2009. 416 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 202 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 84–87.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

© 2014 г. В.В. Илюшина

*Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень
(vika_tika@mail.ru)*

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, эпоха бронзы, федоровская культура, керамика, технико-технологический анализ.

Резюме. В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики федоровской культуры поселений Черемуховый Куст, Курья-1, Щетково-2 и Бочанцево-1 в Нижнем Притоболье. Проведенное исследование позволило выявить традиции, существовавшие у населения федоровской культуры данных поселений, по отбору и подготовке исходного пластичного сырья, составлению формовочных масс, конструированию сосудов, обработки поверхностей изделий, а также придания им прочности и устранения влагопроницаемости. Результаты анализа особенностей отбора пластичного сырья и составления формовочных масс дают основания говорить о смешанности населения федоровской культуры. Проведенное исследование позволило наметить хронологическую позицию изученных поселений. Сравнение полученных нами данных с технологической информацией по комплексам сопредельных территорий показало, что по крайней мере часть населения федоровской культуры была пришлой на территорию Нижнего Притоболья.

Территория Нижнего Притоболья расположена на северо-западной окраине обширного ареала федоровской культуры. Здесь известно немного памятников, содержащих федоровские материалы. К настоящему времени археологические работы проведены на шести поселениях. С целью выявления особенностей гончарного производства федоровского населения Нижнего Притоболья изучены 460 сосудов из комплексов четырех поселений (см. рисунок, 1): Черемуховый Куст (207 сосудов), Щетково-2 (93), Бочанцево-1 (21), Курья 1 (139).

Проведенный технико-технологический анализ осуществлен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства (Бобринский, 1978, 1999. С. 9–11).

Анализ показал, что для изготовления посуды гончарами федоровской культуры отбиралось два вида исходного пластичного сырья: природные ожелезненные глины и илистые глины. Следует подчеркнуть, что

характерный качественный признак илистых глин – естественная примесь раковины речных моллюсков. В рамках отдельных поселений количественное соотношение сосудов, изготовленных из данных видов сырья, варьирует (табл. 1).

При составлении формовочных масс федоровскими гончарами использовались минеральные, органо-минеральные и органические добавки. Шамот зафиксирован в изломах подавляющего большинства сосудов. Кроме шамота в качестве минеральной примеси гончарами применялись песок, дресва, а по изломам одного сосуда с поселения Щетково-2 зафиксирован раздробленный лимонит. По данным петрографического анализа, проведенного по 65 экз. с поселений Черемуховый Куст и Курья-1, использовавшаяся в качестве дресвы раздробленная горная порода представлена тальком, серпентин-асбестом, хризотил-асбестом, нефелиновым сиенитом, гнейсом, альбитом, альбит-олигоклазом, пес-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-31044/13.

Таблица 1. Соотношение разных видов исходного пластического сырья (ИПС) керамики федоровской культуры

ИПС	Щетково-2	Черемуховый Куст	Курья-1	Бочанцево-1	Всего сосудов
Природные ожелезненные глины	40 / 43,1*	97 / 46,9	73 / 52,5	2 / 9,5	212 / 46
Илистые глины	53 / 56,9	110 / 53,1	66 / 47,5	19 / 90,5	248 / 54

*Здесь и далее в числителе указано количество сосудов, в знаменателе – процент от общего количества сосудов.

чаником¹. В качестве органо-минеральных примесей использовались кальцинированная кость и раковина речных моллюсков, которая дробилась как в сыром состоянии, так и после предварительной обжарки. Органические примеси представлены в основном выжимкой из навоза жвачных животных и органическими растворами, реже использовался сам навоз.

Таким образом, изучение сосудов показало разнообразие сочетаний различных искусственных компонентов при составлении формовочных масс (табл. 2), однако доминирующими рецептами у федоровских гончаров всех изученных поселений выступают «исходное сырье + шамот + выжимка» (39,9% всех изделий) и «исходное сырье + шамот + органический раствор» (36,1%).

Технико-технологическому анализу подвергался и шамот как компонент формовочных масс. Анализ показал, что раздробленные сосуды также изготавливались из различных видов сырья (природных глин и илистых глин). В подавляющем большинстве сосудов в состав шамота входит только шамот (62,4% всех изделий), в значительной части сосудов шамот содержит примесь дресвы (34,1%). Немногочисленны изделия, в которых шамот содержит примесь кальцинированной кости (3,7%).

Таким образом, технологический анализ шамота показывает, что в гончарстве населения федоровской культуры навыки отбора в качестве исходного пластического сырья при-

родных глин и илистых глин были устойчивыми. Полученная информация по составу формовочной массы шамота позволяет говорить, что при доминирующей традиции использования шамота, существовали навыки составления рецептов с применением кальцинированной кости и дресвы.

Изучение конструирования начинов сосудов, осуществленное по изломам лишь пяти изделий, показало применение одной программы – донно-емкостной (см. рисунок, 7, 8). И начинны, и полое тело сосудов (данная ступень гончарного производства исследована по 35 изделиям) изготовлены лоскутным спиралевидным налепом (см. рисунок, 7, 8, 10, 12, 15–17, 19, 22, 24). Формообразование изделий происходило в процессе конструирования, когда применялись формы-модели, а также с помощью выбивания колотушкой и выдавливания пальцами.

Традиционными навыками обработки поверхностей выступают простое заглаживание пальцами, тканью, шпателями, гребенчатым штампом, а также лощение, которое проводилось по подсушенной основе гальками.

Анализ цветовой характеристики изломов и поверхностей сосудов позволяет говорить, что обжиг готовых изделий проводился в простых кострищах или очагах с непродолжительным действием температур каления, т.е. не ниже 650° С.

Сопоставление всех полученных аналитических данных позволяет наметить хронологическую позицию изученных поселений. Наиболее ранними, по всей вероятности, следует считать комплексы поселений Щетково-2 и Черемуховый Куст, в керамике которых

¹ Анализ проведен канд. геол.-минерал. наук, доцентом кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А.И. Герцена М.А. Кульковой, за что автор выражает искреннюю благодарность.

Таблица 2. Соотношение рецептов формовочных масс керамики федоровской культуры

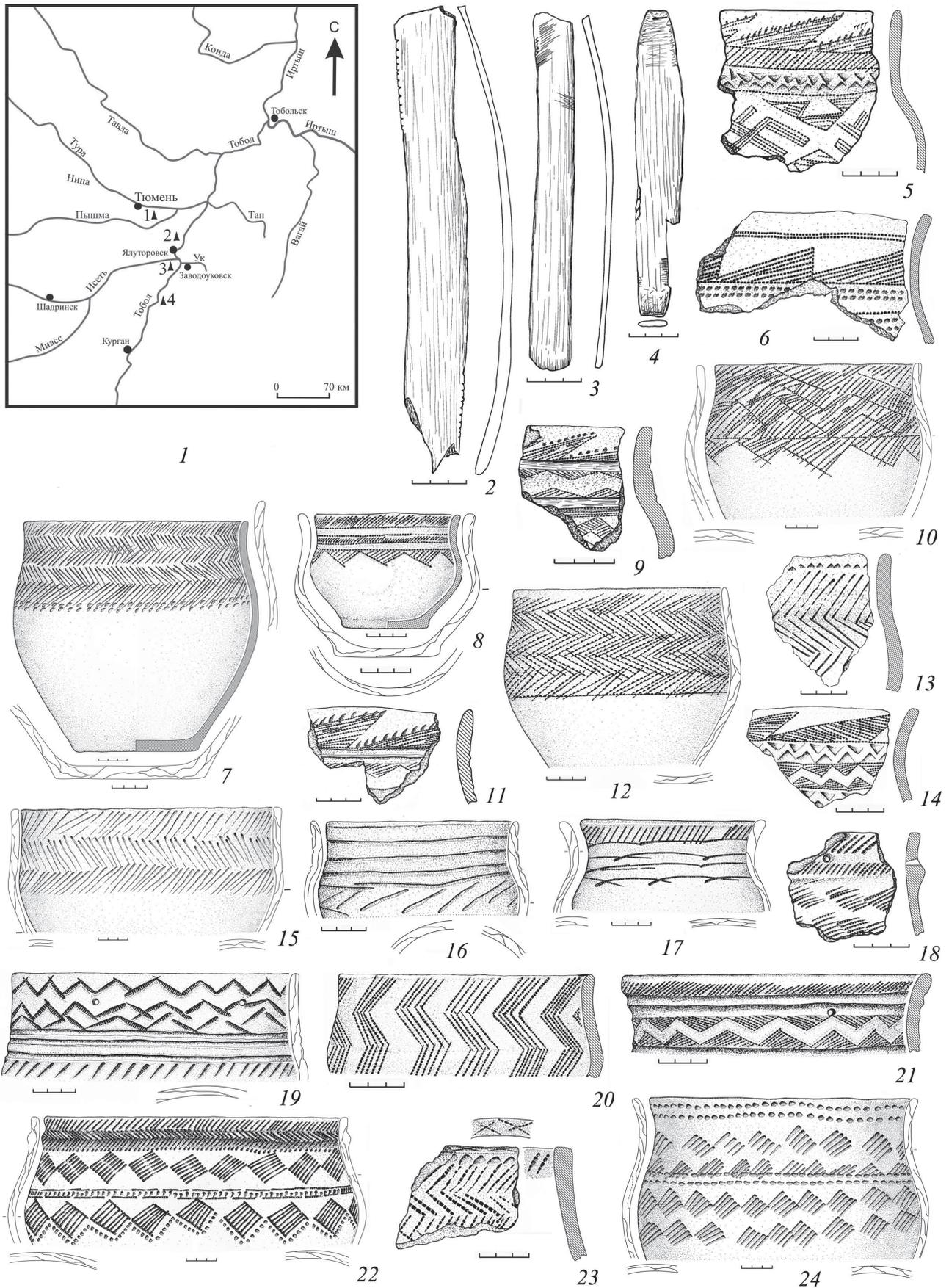
Рецепты формовочных масс	Щетково- 2	Черемуховый Куст	Курья-1	Бочанцево-1	Всего сосудов
ИПС+Ш+В	27 / 29,0	58 / 28,0	80 / 57,5	18 / 85,7	183 / 39,9
ИПС+Ш+ОР	43 / 46,2	88 / 42,5	33 / 23,7	2 / 9,5	166 / 36,1
ИПС+Ш+Н	5 / 5,4	14 / 6,7	4 / 2,9	1 / 4,8	24 / 5,2
ИПС+В	–	1 / 0,5	–	–	1 / 0,2
ИПС+Н	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Ш+К+В	2 / 2,1	6 / 2,9	4 / 2,9	–	12 / 2,6
ИПС+Ш+К+ОР	2 / 2,1	10 / 4,8	2 / 1,5	–	14 / 3,1
ИПС+Ш+К+Н	–	1 / 0,5	1 / 0,7	–	2 / 0,4
ИПС+Ш+ДР+В	3 / 3,3	3 / 1,4	–	–	6 / 1,4
ИПС+Ш+ДР+ОР	2 / 2,1	–	–	–	2 / 0,4
ИПС+Д+В	–	1 / 0,5	–	–	1 / 0,2
ИПС+Д+Н	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Ш+Д+Н	–	4 / 2,0	–	–	4 / 0,8
ИПС+Ш+Д+В	5 / 5,4	17 / 8,2	2 / 1,4	–	24 / 5,2
ИПС+Ш+Д+ОР	–	2 / 1,0	–	–	2 / 0,4
ИПС+Ш+П+Д+ОР	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Лим.+Ш+ОР	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Ш+П+ОР	–	–	3 / 2,2	–	3 / 0,7
ИПС+Ш+П+В	–	1 / 0,5	8 / 5,8	–	9 / 2,0
ИПС+Ш+К+Д+В	–	1 / 0,5	1 / 0,7	–	2 / 0,4
ИПС+Ш	–	–	1 / 0,7	–	1 / 0,2

Примечание: Ш – шамот; Н – навоз; В – выжимка из навоза; ОР – органический раствор; К – кальцинированная кость; ДР – дробленая раковина речных моллюсков; Д – дресва; Лим. – лимонит; П – песок.

еще фиксируются двухкомпонентные рецепты: «дресва + органика», а также раковина как компонент формовочных масс. Значителен процент сосудов, в которых шамот содержит дресву (48,4% сосудов на поселении Щетково-2; 38,6% – на поселении Черемуховый Куст). В комплексе Курья-1 обнаружены только смешанные рецепты составления формовочных масс – «шамот + дресва + органика», не зафиксированы рецепты составления формовочных масс с примесью раковины речных моллюсков. Меньше доля сосудов, в которых в составе шамота присутствует дрес-

ва (22,3%). В немногочисленных материалах Бочанцево-1 дресва как искусственная примесь не обнаружена, и лишь в одном сосуде в составе шамота отмечен тальк.

Данное положение также может быть подтверждено и имеющимися радиоуглеродными датами (Щетково-2 – 3470±145 (СОАН-4188); Черемуховый Куст – 3446±95 (УПИ-560), 3280±30 (УПИ-564), 3605±53 (УПИ-569); Курья-1 – 3390±40 л.н. (СОАН-5849) (Матвеев, Аношко, Измер, 2001. С. 215; Зах, Зимина, Рябогина, 2011. С. 225).

Карта-схема расположения поселений федоровской культуры в Нижнем Притоболье (1) и находки. 1: 1 – Курья-1; 2 – Черемуховый Куст; 3 – Щетково-2; 4 – Бочанцево-1; 2–4 – Бочанцево-1, костяные шпатели; 5, 7, 8, 10–12, 14–24 – Курья-1, керамика; 6, 9, 13 – Черемуховый Куст, керамика.

Сравнение полученных технологических данных по федоровским комплексам Нижнего Притоболья с материалами сопредельных территорий Казахстана, Южного Зауралья, Среднего Прииртышья, Барабинской лесостепи (Кузьмина, 1986. С. 152–183; Софеев, 1990. С. 89–99; Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 111–163; Глушков, 1996. С. 95–97, 105–107; Бейсенов, Ломан, 2009. С. 36, 61; Григорьев, Петрова, Салугина, 2009. С. 41) показывает не только своеобразие притобольских керамических комплексов, но и позволяет говорить о том, что по крайней мере часть федоровского населения была пришлой на рассматриваемой территории. Наличие в формовочных массах и в составе шамота федоровских сосудов в основном тальковой, а не гранитной и гранитно-гнейсовой дресвы, характерной для комплексов Центрального Казахстана, может указывать на связь с населением Уральского региона, где добавление талька традиционно для местных гончарных производств. В целом полученные данные по технологии гончарного производства на фоне внешнего сходства комплексов показывают разнообразие навыков труда гончаров на разных территориях, что может свидетельствовать о неоднородности населения федоровской культуры в разных регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Салугина Н.П. Типология и технология изготовления керамики поселения эпохи поздней бронзы Мочище в Южном Зауралье // Известия Челяб. научного центра. 2009. Вып. 2 (44). С. 40–43.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 219–233.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурно-исторической общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1986. С. 152–182.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 213–216.

Софеев О.В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика / Отв. ред. В.И. Молодин, Е.В. Ламина. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–99.

О ПРОИЗВОДЯЩЕМ ЦЕНТРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ¹

© 2014 г. О.Н. Корочкова

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(Olga.Korochkova@usu.ru)*

Ключевые слова: Зауралье, бронзовый век, Шайтанское Озеро II, сейминско-турбинский, самуськижирово, коптяковская культура, металлообработка.

Резюме. В начале II тыс. до н.э. в Среднем Зауралье под влиянием сейминско-турбинских и синташтинско-петровских импульсов складываются самобытные традиции металлопроизводства, подкрепленные местными сырьевыми ресурсами. Наиболее весомые аргументы в пользу этой версии представляют материалы культового памятника Шайтанское Озеро II – крупного сакрального центра, оставленного носителями коптяковской культуры.

С 2006 г. на Среднем Урале, в 70 км к северу от Екатеринбурга исследуется замечательный объект археологического наследия – святилище эпохи бронзы Шайтанское Озеро II (далее Шайтанка) (Сериков, Корочкова и др., 2009; Корочкова, Стефанов, 2010, 2013). Уникальность памятника и его выдающееся значение для понимания различных аспектов становления и развития металлоносных культур Евразийской (Западноазиатской) металлургической провинции уже признаны многими отечественными и зарубежными учеными. Сейчас, когда раскопки Шайтанки приближаются к завершающей стадии, перед исследователями развернулась чрезвычайно интересная картина святилища, на территории которого совершались различные ритуалы, в том числе связанные с широким внедрением в культуру местного населения бронзы. Это было далеко не первое знакомство с металлом, однако именно с II тыс. до н.э. начинается собственно металлоносная история горно-лесного Зауралья. Здесь под влиянием сейминско-турбинских и синташтинско-петровских импульсов складываются самобытные традиции металлопроизводства, подкрепленные местными сырьевыми ресурсами.

На территории святилища обнаружено более 200 предметов из меди и бронзы, почти столько же каменных наконечников стрел, меньше скребков и ножей, обломки более 70 сосудов коптяковского типа. Наибольшая концентрация бронзовых и каменных предметов отмечена на площадке размерами 25 x 10 м, удаленной от берега вглубь террасы. Целые вещи находились на дне небольших углублений в положении плашмя, наклонно, вертикально, некоторые в специальных футлярах из дерева или ткани. В коллекции много отходов металлопроизводства (капли, сплески) и металлического лома, залежавших вместе с наконечниками стрел и керамикой на уровне древней дневной поверхности. Каменные наконечники стрел в большинстве случаев тяготеют к металлическим предметам. Металлические «схроны» представляют собой компактные скопления из 2-3 предметов, иногда вставленных друг в друга. Обратим внимание на комплектность подобных «схронов»: кельт, нож; наконечник копья, чекан; кельт, чекан, крюк; два кельта; нож, крюк.

Помимо скоплений металлических предметов и сопряженных с ними каменных изделий на площадке святилища выделяются

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 13-06-00202а, 13-06-10014к.

автономные культовые объекты, к числу которых отнесены семь погребений и яма с инвентарем (Корочкова, Стефанов, 2013. С. 88–92). В центральной части святилища находилось захоронение кремированных останков младенца, шесть могил расчищено на юго-восточной окраине. В двух наземных погребениях обнаружены кремированные на месте останки двух мужчин в возрасте 35–55 лет, около черепа одного из них сохранился кинжал с орнаментированной рукоятью. Еще одно кремированное погребение было совершено в неглубокой могиле, здесь умершего сопровождал браслет со спиралевидным окончанием. В остальных ямах были обнаружены единичные кальцинированные косточки. Не исключено, что кремация уже свободных от мягких тканей костей происходила либо собственно в могилах, либо в кострищах рядом, от которых сохранились прокалы толщиной 10–30 см.

Важно подчеркнуть неоднозначную культурную атрибуцию погребений 4–7, инвентарь которых содержал и типичные артефакты энеолитического времени. Подобную ситуацию можно расценивать как результат сооружения могил в культурном слое поселения эпохи энеолита, либо это пример сохранения архаических текстов в погребальной практике почитателей святилища.

Четыре радиоуглеродные даты, сделанные по дереву из втулок орудий, показывают, что в XIX–XVIII вв. до н.э. (калиброванные значения 95,4%) на месте нынешнего археологического памятника существовал крупный сакральный центр. На его территории проводились обряды, связанные с культовой практикой населения, археологически представленного коптяковской культурой. На фоне остальных известных мемориалов сейминско-турбинского типа (Ростовка, Сейма, Турбино) Шайтанку отличает целый ряд специфических черт. На территории святилища много предметов, связанных собственно с процессом металлопроизводства (отходы и лом составляют около 50%), и керамики, свидетельствующей о широких межкультурных связях посетителей святилища. В отличие от перечисленных сейминско-турбинских памятников, отличающихся явными воинскими атрибутами (оружие княжеского ранга – массивные наконечники копий, кинжалы с фи-

гурными навершиями, защитные доспехи), Шайтанка оставляет впечатление объекта «мирной» поры. В ее арсенале преобладают кельты, пластинчатые и двулезвийные ножи, втульчатые чеканы, мелкий инструмент (стамески, долота, шилья, проколки). Особо следует отметить очевидную связь Шайтанки с зауральской коптяковской культурой. Это очень важное обстоятельство, достаточно вспомнить острую проблему культурного контекста сейминско-турбинских памятников.

Металлокомплекс Шайтанки определенно свидетельствует о сложении здесь собственного центра, специфику которого составляет сочетание сейминско-турбинских и евразийских традиций, а также выработка оригинальных типов изделий. К последним можно отнести кельты с ложным ушком, покрытые пышным геометрическим орнаментом, ножи-кинжалы с орнаментированной рукоятью, втульчатые чеканы. Аналогии данным предметам, за исключением кельтов, в других регионах неизвестны. Некоторые особенности морфологии шайтанских кельтов, наконечников копий позволяют соотносить их с так называемыми самусьско-кижировскими бронзами. Но более предпочтительной кажется версия о выработке подобных стандартов в недрах самостоятельного производящего центра, сложившегося в Среднем Зауралье на базе местных источников меднорудного сырья. В пользу подобной гипотезы свидетельствуют следующие факторы: 1) локализация памятников коптяковского типа в зоне меднорудных месторождений; 2) следы металлообработки в виде фрагментов глиняных и тальковых литейных форм (Палкино-1 и 2), а также многочисленных отходов металлопроизводства на Шайтанке; 3) наличие изделий из чистой меди, что характерно для местной металлообработки; 4) оригинальные типы орудий. Формирование подобного центра пришлось на стадию относительно стабильного этапа развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции, о чем сообщают многочисленные свидетельства связей с носителями петровских/алакульских традиций на юге, населением таежных районов Западной Сибири, где в это время появляются характерные изделия уральского происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы Шайтанское Озеро II (по

материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы Шайтанское Озеро II под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ
Р. КАРАГАЙЛЫ-АЯТ (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

© 2014 г. Л.Н. Корякова¹, Р. Краузе²

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург
(lunikkor@mail.ru)

² Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия
(r.krause@em.uni-frankfurt.de)

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, укрепленные поселения, синташтинская культура, междисциплинарные исследования.

Резюме. В тексте представлены основные результаты междисциплинарного исследования укрепленных поселений XXI–XVIII вв. до н.э. в Южном Зауралье. Масштабные раскопки проведены на поселении Каменный Амбар, в «истории жизни» которого выделено две фазы: «синташтинско-петровская» и «срубно-алакульская».

Открытие памятников синташтинского типа привнесло в археологию эпохи бронзы интригу, которая сохраняется до сих пор, несмотря на довольно интенсивную исследовательскую активность в изучении памятников этого времени на Южном Урале. При внимательном рассмотрении памятники синташтинской культуры оказываются чрезвычайно сложными, в особенности это касается поселений, и на первый план выходят задачи получения качественного источника.

Именно эта цель была поставлена перед проектом, в рамках которого в течение нескольких лет международным коллективом велось исследование укрепленных поселений в бассейне р. Карагайлы-Аят в Карталинском р-не Челябинской обл. В проекте участвовали Институты Уральского отделения РАН и

специалисты Университета Франкфурта-на-Майне и других учреждений Германии. Настоящая работа посвящена краткому изложению некоторых результатов первой фазы проекта. Три укрепленных поселения, расположенные на расстоянии 8–10 км друг от друга, были основными объектами нашего исследования, нацеленного на их изучение в контексте окружающей среды и ресурсной базы.

На настоящий момент получены микромагнитные карты семи укрепленных поселений и объектов на прилегающей территории. Эти работы позволили скорректировать их планы относительно аэрофотоснимков.

Стационарные раскопки проведены на поселениях Каменный Амбар и Коноплянка. Были задействованы все современные методики (раскопки широкой площадью с макси-

мальным вниманием к микростратиграфии, просеивание и флотация слоя, контекстуальное исследование объектов и структур, фотограмметрия, микроморфологический анализ антропогенных отложений, трехмерная индивидуальная фиксация находок, изучение их пространственно-хронологического распределения). В изучении колодцев была использована методика, применяемая для раскопок «мокрых» памятников. Важным компонентом работы был анализ ископаемой флоры и фауны, а также минеральных ресурсов.

Большие раскопки предприняты на поселении Каменный Амбар (Корякова и др., 2011; Multidisciplinary..., 2013). Судя по магнитометрии и проведенным раскопкам, северо-восточная часть памятника, где зафиксировано четыре ряда построек, разделенных двумя улицами, представляла собой обособленное огороженное пространство, к которому с юга была пристроена площадка примерно такого же размера. На ней следы обитания хаотичны. Однако исследования позволяют думать, что изначально здесь также существовала регулярная рядовая планировка и улицы были проложены в том же направлении, что и в первой половине. Однако позднее эта застройка была значительно повреждена. Поселение снабжено линией обороны прямоугольного плана.

В ходе исследования 8 раскопами изучено 4 участка обороны, остатки 13 построек и ряд структур, находившихся внутри и за их пределами. Основные элементы обороны: внутренняя дерево-земляная стена, размером по основанию около 4 м, облицованная снаружи каменными плитами на высоту не менее 2 м; ров нерегулярной конфигурации шириной в среднем около 2 м, внешняя невысокая стена (или вал) из глины, зафиксированная на северо-восточном участке, где также исследован вход в поселение. Последний, шириной 3 м, ориентирован в соответствии с направлением «улицы». Прямоугольные очертания прохода, большое количество прокаленной глины, углей и остатков дерева у его южной части указывают на то, что в его оформлении использовалось дерево. Грунтовая часть внутренней стены, вероятно, была снабжена дополнительными деревянными элементами, от которых сохранились многочисленные следы в виде угля, золы и спекшихся кусков глины с отпечатками и включениями растений и

веток. Стена юго-западной части поселения имела некоторые отличия в оформлении.

Сопоставление стратиграфических данных, анализ инвентаря и пространственного распределения керамики позволили выделить две основных фазы в «истории жизни» поселения Каменный Амбар. Первая – условно названная по типам керамики «синташтинско-петровской», для которой интервал времени предварительно определяется датами 2030–1870 (2050–1760) гг. до н.э., для второй – «срубно-алакульской» – интервал лежит в пределах 1980–1780 (2040–1770) гг. до н.э. (Erimakhov, Krause, 2013).

С ранней фазой связана оборонительная линия и вписанные в ее пространство постройки нижнего стратиграфического горизонта. Из них четыре объекта раскопаны почти полностью, остальные – в значительной мере частично. Поздний горизонт представлен четырьмя постройками.

На первый взгляд, постройки поселения Каменный Амбар на его ранней фазе достаточно стандартны и соответствуют таковым других синташтинско-петровских поселений. Однако они продемонстрировали не только внешние, но и внутренние отличия. Жилища наземные, их котлованы углублены в основном в погребенную почву. Результаты раскопок позволяют допустить, что среди них могло быть как минимум два стандарта: прямоугольные жилища относительно небольших размеров (до 200 м²); большие почти квадратные постройки, как бы составленные из двух прямоугольных помещений различного назначения (до 300 м²). Другая замечательная особенность архитектуры ранней фазы – большое количество колодцев в постройках, что указывает на их длительное непрерывное использование. Примером служит постройка 5. Установлено, что она состояла из двух помещений, которые выглядят как разнофункциональные. Северное помещение, меньшее по размеру, могло быть жилым. В его восточной части были обнаружены прямоугольная в плане печь и пять перекрывающих друг друга колодцев, из которых в какое-то определенное время мог функционировать только один. Южное помещение было больше и могло быть либо хозяйственной постройкой, либо производственным двором. Вдоль его продольных стен находились колодцы (семь

– вдоль северной стены, три – вдоль южной). Еще один колодец был выявлен в центральной части. Здесь же зафиксированы остатки металлургического комплекса: развалы печей-каменок и прокалы, насыщенные отходами производства. В постройке 5 найдены обломки двух костяных псалиев.

Палинологические и почвенные спектры показывают распространение в районе исследования таких растений, как полынь, маревые, клевер, вика, горец, подмаренник, осоковые и дикие злаки (Stobbe, 2013). Исследователи реконструируют ландшафт в основном как ковыльную степь. В составе сосново-березовых лесов фиксируется присутствие широколиственных деревьев, таких как ольха, дуб, липа и вяз. Обитатели поселения Каменный Амбар использовали в строительстве сосну, березу, иву. Признаки деградации степной растительности в результате выпаса скота не обнаружены. Палеоботаническое изучение степей в эпоху бронзы свидетельствует в пользу их высокой продуктивности, что могло поддерживать оседлый образ жизни. Условия окружающей среды, вероятно, играли ключевую роль в появлении долгосрочных укрепленных поселений. Несмотря на высокую вероятность благоприятных климатических условий в эпоху бронзы, доказательств земледелия нет. Судя по всему, растительная пища обеспечивалась собирательством. Наряду с молоком и мясом в рационе обитателей поселения важную роль играла рыба.

Жители поселения использовали все доступные ресурсы. Гипотетически можно предположить, что эксплуатируемая зона было около 5 км в радиусе и включала в себя пастбища, леса, месторождения полезных ископаемых, а также водные источники. Результаты изотопного анализа свидетельствуют о том, что жители поселения Каменный Амбар использовали различные источники руды для получения металла на домашнем уровне. Пока нет данных, которые бы указывали на существование профессиональных групп металлургов (Krause, 2013).

Материалы раскопок позволяют скорректировать или изменить существующие представления об архитектуре и назначении поселений, а также о хозяйственной деятельности их обитателей и последовательности культурных изменений в изучаемом микрорайоне в

начале II тыс. до н.э. Полученные в результате раскопок поселения Каменный Амбар данные позволяют интерпретировать его как жилой и хозяйственный комплекс, приспособленный к определенным экологическим условиям. Его организация и архитектура были обусловлены практическими нуждами. Кроме скотоводства, основной отрасли экономики, на поселении выполнялись другие виды деятельности. По следам сработанности, сохранившимся на поверхности артефактов, выявлены рудо- и металлообрабатывающие инструменты, а также определены орудия камне-, косте- и деревообработки, гончарства, прядения, а также выделки кожи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаранова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. (48). С. 61–74.

Epmakhov A.V., Krause R. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 129–146. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

Krause R. The metallurgy of Kamennyi Ambar – settlement and cemetery // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 203–232. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. 352 p. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by paleoecological studies // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 305–326. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ПОСЕЛЕНИЕ КОНОПЛЯНКА¹

© 2014 г. Р. Краузе¹, С.В. Шарапова², А. Штоббе¹

¹ Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия
(R.Krause@em.uni-frankfurt.de; stobbe@em.uni-frankfurt.de)

² Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург
(svetlanasharapova@rambler.ru)

Ключевые слова: укрепленное поселение, бронзовый век, Южное Зауралье, междисциплинарные исследования.

Резюме. В работе представлены предварительные результаты исследования одного из поселений бронзового века в степной зоне Южного Зауралья. Это один из аспектов масштабного российско-германского проекта по изучению укрепленных поселений в долине р. Карагайлы-Аят. Раскопкам предшествовали геофизическая съемка и сканирование поверхности. Полученная магнитная карта стала основой для выбора участка раскопок, в который вошли ров, внутренняя стена поселения и угол жилища. Особое внимание в процессе работ уделялось сбору различных почвенных образцов, как из слоя поселения, так и прилегающих территорий для археоботанических и геоморфологических анализов.

Обращение к памятникам синташтинского круга вполне закономерно. В эпоху бронзы обширные степные пространства были своеобразным коридором коммуникаций. К рубежу III–II тыс. до н.э. относится становление особого культурного ландшафта на огромной территории, которая включала в себя лесостепную и степную зоны Восточной Европы, Урала и Западной Сибири. В Южном Зауралье к синташтинским древностям отнесены укрепленные поселения и курганные могильники, расположенные на притоках рек Тобол и Урал (Зданович, Батанина, 2007). При этом, несмотря на активное обсуждение общих и частных вопросов и интерпретаций, опубликованных материалов мало. К настоящему времени преобладают публикации погребальных комплексов. В отличие от них введенные в научный оборот результаты раскопок поселений единичны. В то же время интерес определяется и неослабевающим вниманием к междисциплинарным исследованиям. В археологии помимо изучения социальных отно-

шений взаимодействие гуманитарных и естественных наук дает ощутимые результаты в реконструкции окружающей среды и условий жизни древних коллективов. Этот тезис стал ключевым в реализации междисциплинарного российско-германского проекта ИИиА УрО РАН и Франкфуртского университета им. Гете².

Полигоном для полевых работ выбрано урочище Каменный Амбар в долине р. Карагайлы-Аят (Каргалинский р-н, Челябинская обл.) (Multidisciplinary..., 2013). Этот район характеризуется большей плотностью археологических памятников в целом, и концентрацией укрепленных поселений синташтинской культуры в частности. Здесь находятся три укрепленных поселения: Каменный Амбар, Журумбай и Коноплянка, располагающиеся на расстоянии 10 км друг от друга, тогда как в других районах памятники отстоят друг от друга на 30–40 км. Стратегия исследований определялась сохранностью археологических объектов³. Настоящая работа представляет

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума УрО РАН, проект № 12-М-456-2024.

2 См. публикацию Л.Н. Коряковой и Р. Краузе в настоящем сборнике.

3 Раскопки не проводились на поселении Журумбай. По магнитограмме с трудом устанавливаются контуры строений в юго-восточной части поселка. Топографическая съемка показала, что рельеф памятника почти полностью сnivelирован.

предварительные результаты исследования поселения Коноплянка, рекогносцировочные раскопки которого проводились в 2012 г. Основные задачи заключались не только в сравнения поселений района, но и в возможности определить, какие данные и как могут быть использованы для реконструкций. С этой целью максимальное внимание было уделено отбору разнообразных образцов для палеоботанических, археозоологических, геоморфологических анализов.

Раскопкам предшествовали анализ космоснимков, геофизическая и георадарная съемка, LiDAR-сканирование. Дистанционное и пешее обследование территории выявили, что в результате многолетней распашки остатки сооружений в микрорельефе визуально не фиксируются; сканирование поверхности позволило уточнить некоторые детали топографии, а детальные геофизические исследования и полная съемка памятника позволили скорректировать планировку и выбрать участок для раскопок. Площадь поселка в пределах укреплений составляет около 11 тыс. м². Анализ магнитной карты выявил прямоугольную в плане форму, укрепления в виде стены и рва, два входа в виде разрыва ограждений в южной и северной частях, два ряда построек (по 10 и 11), примыкавших торцевыми стенами к внутренней стене поселения. Контурные прямоугольных строений сравнительно хорошо опознаются на магнитной карте, особенно в восточной части. Ширина построек, определенная по расположению интенсивных изометрических аномалий, не превышает 10 м. По середине поселения, между двумя рядами строений фиксируется незастроенный участок – улица. Зоны интенсивной магнитной аномалии маркируют колодцы, очаги, печи и хозяйственные ямы.

Археоботанические и геоморфологические исследования включали в себя полное обследование долины реки за пределами поселения Коноплянка. Для датирования взяты образцы отложений из пяти озерно-болотных впадин разной степени обводнения вблизи памятника. Все они демонстрируют большую индивидуальность отложений. Данные седиментологии позволяют предположить, что в эпоху бронзы старое русло реки могло быть проточным, изменение водного баланса при-

ходится на I тыс. до н.э. Профили образцов из культурного слоя и материковых отложений демонстрируют довольно сложную последовательность напластований и особенности геоморфологии данного участка речной долины. Было выявлено, что суглинки залегают вглубь до 5 м, это обстоятельство затрудняет поступление грунтовых вод для нормального функционирования колодцев.

Раскоп площадью 96 м² был заложен в юго-восточной части поселения. В этой части на магнитной карте отчетливо заметны сохранившиеся контуры сооружения в виде остатков стен. В процессе раскопок выяснилось, что распашка разрушила культурный слой и некоторые объекты до материка – не выявлены слои, маркирующие развалы внутренней стены поселения, внешнего «вала» (его развалы отчетливо видны в отдельных местах на магнитной карте), а также горизонта древней дневной поверхности. Памятник не имеет выразительной стратиграфии, которая могла бы иллюстрировать особенности формирования культурного слоя, порядок сооружения, функционирования элементов поселения и т.п. По всей площади раскопа залегал пахотный чернозем, подстилающие слои представлены супесью разного цвета.

Сеткой раскопа охвачен участок фортификационной линии (вал–ров–внутренняя стена) и угол жилища. Котлован постройки был углублен в материк на 60 см, торцевая стена граничила с внутренней стеной поселения (или, возможно, была врезана в нее). Здесь также, как и на поселении Каменный Амбар, был сохранен принцип примыкания жилой постройки к стене поселения. Вероятно, она была размером не более 4 м в основании. Данных для реконструкции высоты и особенностях конструкции нет. Вдоль внешней границы рва расчищено скопление, состоящее из костей коровы, костных фрагментов мелкого рогатого скота, лошади и собаки.

На исследованном участке жилища раскопаны хозяйственная яма и колодец. Каппаметрия профиля ямы демонстрирует наибольшие электромагнитные показатели, относящиеся к современным слоям (пашня и антропогенный гумус), минимальные показатели имеют слои заполнения. Для определения функционального назначения на био-

морфологический анализ были взяты пробы грунта из колодца и за его пределами. Судя по профилю, это была структура многократного использования – и колодец, и яма для бытовых отходов неорганического и органического происхождения.

Коллекция керамики включает в себя синташтинские и петровские фрагменты, обломки посуды поздней бронзы. В то же время есть образцы синташтинско-петровского и петровско-срубного облика. Анализ стратиграфического положения разных групп керамики показал, что самая высокая позиция у обломков посуды поздней бронзы, которая связана с верхним заполнением постройки и рва, к тому же она представлена в основном мелкими фрагментами. Для керамики со смешанными признаками зафиксирована наибольшая компактность залегания. Вещевой комплекс поселения маловыразителен – это фрагменты орудий и отходы производства, есть в коллекции каменный наконечник стрелы. Предварительная дата поселения – 1920–1745 гг. до н.э. – не противоречит сформулированному ранее выводу о возрасте синташтинских и петровских древностей в целом (Епимахов, 2007). Дата подкрепляется и совместной встречаемостью синташтинской и петровской керамики, а также распространенностью каменных наконечников стрел, аналогичных экземпляру из коллекции поселения, среди синташтинско-петровских коллекций (Нелин, 1999. С. 13).

Несмотря на то что полученный в ходе раскопок материал находится в процессе обработки и анализа, уже сейчас можно сделать первые осторожные выводы. В условиях, когда археологам предстоят работы на памятниках, в разной степени разрушенных антропогенным воздействием, геофизическая съемка единственно надежная в выборе места раскопа, позволяет избежать риска раскопок вслепую.

В противоположность поселению Каменный Амбар Коноплянка представляется однослойным памятником. Эти предположения, сделанные при анализе магнитной карты, были наглядно подтверждены стратиграфией отложений рва. Жилища поселения Коноплянка были углублены в материковый слой, что отличает их от синташтинских сооруже-

ний поселения Каменный Амбар, пол которых не достигал материка. Постройки последнего отличаются и большим количеством колодцев. Согласно магнитограмме, в жилищах поселения Коноплянка зафиксировано меньшее количество колодцев. Сравнение данных раскопок двух поселений лежит не только в плоскости хронологии и соотношения керамических традиций, не менее интересным видится и хозяйственно-экономический аспект. В частности, анализ минерального сырья свидетельствует о том, что обитатели поселков активно использовали местный камень. Очевидно также, что каждое из поселений при наличии основных общих характеристик имеет и собственную специфику. Впрочем эти и другие аспекты дальнейших исследования позволят поставить новые вопросы для решения новых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Епимахов А.В.* Относительная и абсолютная хронология синташтинских древностей в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 17. С. 402–421.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим – страна городов. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.
- Нелин Д.В.* Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 23 с.
- Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. 352 p. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕЙ СТОЛИЦЫ ДИНАСТИИ ШАН (XIV–XI ВВ. ДО Н.Э.) ПОД АНЬЯНОМ В КОНТЕКСТЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА КИТАЯ¹

© 2014 г. М.Е. Кузнецова-Фетисова

*Институт Востоковедения РАН, Москва
(marinakuznfet@gmail.com)*

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, династия Шан, столица под Аньном, археология, городища, некрополь.

Резюме. В работе на основе археологических источников, опубликованных китайскими исследователями, в сочетании с известными письменными данными, эпиграфикой делается вывод о том, что в XIV–XI вв. до н.э. на месте археологического комплекса близ Аньяна на р. Хуанхэ находилась столица правителей дома Шан.

«Великий город Шан» – археологический комплекс близ Аньяна – уже более 85 лет является объектом пристального внимания ученых Китая и всего мира. Начиная с 1928 г. и по сей день на этой территории два раза в год проводятся организованные научными учреждениями археологические раскопки (за исключением периода японской оккупации и времени «культурной революции»); в 1987 г. был открыт музей, перестроенный в 2005 г. в связи с присвоением этой местности статуса культурного наследия ЮНЕСКО.

Местность, известная как Иньсуй (Развалины Инь[ской столицы]), располагается на берегах р. Хуанхэ в северо-западном пригороде г. Аньян на севере современной провинции Хэнань. Этот крупный комплекс известен не только своими поселенческими и погребальными структурами; на его территории были сделаны многочисленные находки эпиграфики – надписей на гадательных костях. Письменные источники, эпиграфика и археологические данные в совокупности свидетельствуют о том, что в XIV–XI вв. до н.э. здесь находилась столица правителей дома Шан.

Два из раскопанных поселенческих памятников в данной местности имеют оборонительные сооружения: первый комплекс нахо-

дится в излучине р. Хуанхэ, близ д. Сяотунь; второй – городище с крепостными стенами к северу от р. Хуанхэ.

Городище близ д. Сяотунь обладает рядом специфических черт:

– занимает небольшую территорию сравнительно с китайскими поселениями II–I тыс. до н.э.;

– отсутствует городская стена, замененная обводным рвом, который менее эффективен как оборонительное сооружение;

– все архивы гадательных костей были найдены на территории этого городища;

– был обнаружен район с крупными фундаментами зданий, наиболее вероятно, дворцов или храмов.

Значительные площади городища занимают основания громадных зданий и строений, кладбище, мусорный блок, т.е. нежилые помещения рядовых членов общества. Учитывая громадный размер общественных работ для сооружения стен города к северу от р. Хуанхэ, царских могил, а также крайнюю многочисленность погребений шанского времени, представляется маловероятным, что этот городской комплекс мог вмещать основную массу населения. Наличие на территории городища остатков крупных дворцов или храмов и архивов гадательных костей может сви-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-01268а2.

детельствовать о том, что это был сакральный центр.

Территория городища к северу от р. Хуанхэ исследована крайне фрагментарно: раскопаны семь фрагментов стен шанского города по 15–20 м и несколько небольших участков внутри городища. Качество публикации раскопок стен города и «района дворцов» крайне низкое; проверить информацию невозможно. Представляется, что существующий в настоящее время объем информации не позволяет дать окончательную характеристику этому городищу.

По мнению современных китайских исследователей, сооружение и функционирование города относится к периоду правления от Пань-гэна до Сяо-и. Также имеются утверждения, что этот город относится к средне-шанскому периоду, т.е. время правления от Пань-гэна и до Сяо-и стали относить к Среднему Шан. Ранее период правления этих ванов исследователи логично относили к Позднему Шан, или периоду Инь (поскольку столица была в этой местности), который начинали с перенесения столицы Пань-гэном. Таким образом, в терминологии сосуществует ряд пересекающихся терминов, что запутывает и без того сложную хронологию данного периода.

На территории округа Великого города Шан имеется множество кладбищ, одно из крупнейших – так называемое царское кладбище.

«Царский» некрополь расположен к северу от р. Хуанхэ, близ д. Хоуцзячжуа¹; в нескольких километрах от него находится шанское городище, окруженное стенами (так называемый город к северу от р. Хуанхэ); Сяотуньское городище расположено через реку от него. Организованные археологические работы некрополя происходили многократно²; примерная территория памятника представ-

ляет собой прямоугольник размерами 450 x 250 м, общей площадью свыше 110 тыс. м².

«Царский некрополь» разделен на две крупные секции (западная и восточная), между которыми пролегает современная дорога; на этой территории обнаружено восемь могил с четырьмя дромосами, три – с двумя, два – с одним, и более 2500 мелких погребений³. На западном участке находятся семь крупнейших погребений с четырьмя дромосами (M1001–M1004, M1500, M1550, M1217), ориентированными по странам света и ведущими вниз, к погребальной камере в центре, одно погребение с одним дромосом (78АНВ), одна крупная квадратная яма (M1567) и более 100 небольших могил; на восточном участке – одно погребение с четырьмя дромосами (M1400), три – с двумя, одно – с одним дромосом, и около 2000 мелких погребений. Все крупные могилы были многократно разграблены.

Местонахождение «царского некрополя» под Аньяном служит одним из главных аргументов в пользу того, что на данной территории находилась поздняя столица династии Шан, наряду с двумя городищами с крупномасштабными строениями и многочисленными находками эпиграфики. Размеры «царских могил», многочисленный сопроводительный инвентарь и человеческие захоронения свидетельствуют об исключительном социальном положении людей, для захоронения которых эти сооружения были созданы.

Исследователи предполагают, что правители династии Шан (начиная с У-дина) были захоронены в восьми погребениях с четырьмя дромосами и квадратной яме, которая представляет собой незавершенную могилу, предназначенную последнему иньскому царю Чжоу-синю, свергнутому чжоусцами. Однако это чисто гипотетическая попытка связать воедино материалы эпиграфики, археологии и письменных памятников, поскольку в настоящий момент нет никаких данных о том, кому конкретно принадлежали крупные погребения «царского некрополя», будь то с че-

³ Общее количество мелких погребений сильно варьирует даже в обобщающих публикациях. Далеко не все могилы раскрывались и раскапывались одновременно, многие мелкие погребения не были полностью раскопаны, что еще больше затрудняет подсчет.

¹ В литературе это кладбище именуется по близлежащим деревням Хоуцзячжуан и Угуаньцунь, а также Сибэйган (Северо-западный холм), как называли эту местность жители д. Хоуцзячжуан, которые обрабатывали эту землю.

² Крупнейшие по объемам раскопки проводились в 1934–1935, 1950, 1959, 1976–1978, 1984 гг. (см. Лян Сы-юн и др., 1962, 1965; Чжунго шэхуй..., 1985, 1987).

тырмья или с меньшим количеством дромосов. В то же время исключительный размер, заполнение данных погребений и расположение в непосредственной близости от столичного центра позволяют напрямую связывать их с правящим домом (Кузнецова-Фетисова, 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецова-Фетисова М.Е. Реконструкция отдельных сторон функционирования столицы Инь (дин. Шан, XVI–XI вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. XLII научная конф. Ч. 1 / Отв. ред. и сост. И. Блюмхен. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2012. С. 89–107. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 6).

Лян Сы-юн и др. Хоуцзячжуань ди эр бэнь. 1001 хао да му (Хоуцзячжуань, вторая серия. Большая могила 1001.) Тайбэй, 1962. (на кит. яз.).

Лян Сы-юн и др. Хоуцзячжуань ди сань бэнь. 1002 хао да му (Хоуцзячжуань, третья серия. Большая могила 1002.) Тайбэй, 1965. (на кит. яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Ин-т археологии Академии общественных наук КНР). Иньсюй фацзюэ баогао 1958–1961 (Отчет о находках на Иньсюе в 1958–1961 гг.). Пекин, 1987. (на кит.яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Иньсюй Фу-Хао му (Могила Фу-Хао в Иньсюе). Пекин, 1985. (на кит. яз.).

ВРЕМЯ КУЛЬТУР ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОВОЛЖЬЯ (АНАЛИЗ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТИРОВОК)

© 2014 г. П.Ф. Кузнецов

*Музей археологии Поволжья Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии, Самара
(pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com)*

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, поздний бронзовый век, Поволжье, потаповская культура, покровская культура, срубная культура.

Резюме. На данном этапе исследований культуры позднего бронзового века в Поволжье имеют 47 радиоуглеродных датировок. Все они получены из погребений под курганами. Калибровка радиоуглеродных дат и последовательное сравнение кривых позволяют определить время каждой археологической культуры. Потаповская культура датируется XX–XVIII вв. до н.э.; покровская – XIX–XVIII вв. до н.э.; срубная культура – второй половиной XVIII – первой половиной XVI в. до н.э.

В настоящее время накоплена статистически значимая база радиоуглеродных дат для культур позднего бронзового века Поволжья. Наиболее представительны выборки таких культур, как потаповская, покровская и срубная. Всего имеется 47 радиоуглеродных дат из подкурганых погребений. Следует отметить, что потаповская культура изначально именовалась как особый тип памятников, так как не вполне ясным было ее соотношение с синташтинской культурой. Теперь она

представляется как вполне самостоятельное явление, состоящее из особых комплексов определенной территории Поволжья. Памятники не случайным образом сочетаются в пространстве, образуя археологические культуры (Бочкарев, 1995б. С. 114–115). При этом потаповские комплексы занимают единое хронологическое поле. Памятники покровской культуры изначально рассматривались как составная часть срубной, затем как ее ранний этап. Впрочем, достаточно длитель-

ное время данная точка зрения существовала параллельно с другой – о самостоятельности культуры (Кузьмина, 2001. С. 159; Малов, 2001. С. 200). В настоящее время достаточно четко определен статус покровской культуры как культуры, отображающей элитарный характер обряда погребений. В отличие от нее срубная культура, судя по погребальным комплексам, имеет выраженный эгалитарный характер (Бочкарев, 1995а. С. 29). При этом следует отметить, что покровские и срубные бытовые памятники резко контрастных признаков различия не имеют. Впрочем, по отдельным категориям изделий (псалии) и некоторым технологическим характеристикам (наличие/отсутствие примеси толченой раковины в керамике) покровская и срубная культуры отчетливо различаются между собой. В этой связи для определения времени культур позднего бронзового века были привлечены радиоуглеродные даты, полученные по погребальным памятникам.

В настоящее время из погребений Поволжья нами учтено 13 радиоуглеродных датировок для потаповской культуры; 16 – для покровской и 18 – для срубной. Это достаточно представительная выборка, позволяющая вполне надежно определять хронологический интервал каждой из названных культур.

Для определения абсолютного возраста радиоуглеродных значений использована программа OxCal v3.10. Она включает в себе возможность совмещения вероятностных кривых при калибровке дат одной культуры. При определении абсолютного возраста группы памятников, которые относятся к одной культуре или к определенному хронологическому горизонту, на графике должно появиться выраженное «плато», образуемое наложением контуров калибровочной кривой. При этом визуально читаемый интервал должен включать вероятностные пики всех дат одной культуры, включая как наиболее ранние, так и наиболее поздние. Полученный общий интервал и будет наиболее точно отражать хронологический период, внутри которого находится время конкретной культуры. Если в результате калибровки на графике выраженное плато не читается, то потенциально может обсуждаться не менее двух гипотез: или статистическая выборка датировок недостаточна, или

выборка радиоуглеродных дат неоднородна. Последнее означает, что комплексы вряд ли могут быть объединены в рамках одной культуры.

Калибровка всех датировок и последующее преобразование графиков для каждой культуры показывает, что погребения потаповской культуры датируются 1970–1730 гг. до н.э. Соответственно время данной культуры находится в интервале XX–XVIII вв. до н.э.

Погребения покровской культуры, согласно графическому наложению калибровочных кривых, определяются 1900–1700 гг. до н.э., т.е. время культуры приходится на XIX–XVIII вв. до н.э.

Погребальные комплексы срубной культуры находятся в интервале 1750–1550 гг. до н.э. Соответственно время данной культуры Поволжья – вторая половина XVIII – первая половина XVI в. до н.э.

Таким образом, поздний бронзовый век Поволжья (без учета его заключительной стадии) был весьма динамичным (в смысле смены культур) периодом в истории всего бронзового века Восточной Европы. В целом он охватывает первую половину II тыс. до н.э. Потаповская, покровская и срубная культуры, взаимосвязанные друг с другом по нескольким важнейшим показателям, демонстрируют взаимное наложение калибровочных кривых. При этом мы не имеем фактов обратной стратиграфии погребальных комплексов, которые указывали бы на их сосуществовании внутри одного хроноинтервала. Вероятно, здесь есть объективное ограничение возможностей метода радиоуглеродного датирования. В настоящее время видно, что для потаповской культуры имеется один эксклюзивный отрезок времени, который приходится на XX до н.э. Для срубной культуры этот отрезок приходится на XVII – первую половину XVI в. до н.э. Покровская культура оказывается между указанными интервалами. Очевидно, что для датирования культур бронзового века необходимы более точные измерения радиоуглеродного возраста, которые отображаются существенно меньшим, чем сейчас, доверительным интервалом.

Сравнение интервалов калибровок потаповской и покровской культур указывает на несколько более поздний возраст последней.

В этом весьма существенное отличие этих культур от восточной по территории, родственной им синташтинской культуры. Она, как минимум, синхронна потаповской. На данном этапе исследования возможны две гипотезы: либо, действительно, потаповская и синташтинская культуры возникли несколько ранее, чем покровская; либо мы имеем несколько искаженную картину датирования вследствие того, что значительная часть датировок происходит из комплексов Самарского Заволжья – территории, на которой преобладают не самые ранние покровские памятники.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара: СГПУ, 1995б. С. 114–123.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы. Мат-лы конф. Самара: НТЦ, 2001. С. 153–160.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы. Мат-лы конф. Самара: НТЦ, 2001. С. 199–202.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзового века Средней и Восточной Европы. Ч. I. Саратов, СПб.: ИИМК РАН, 1995а. С. 18–29.

КРАТКИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭЛИТНЫХ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

© 2014 г. И.А. Кукушкин, В.Г. Ломан

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(*sai@ksu.kz; lvg7@mail.ru*)

Ключевые слова: эпоха бронзы, Жиланды, Центральный Казахстан, колесничный комплекс, курган, псалий, конская упряжь, керамика.

Резюме. В результате исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана удалось выделить три культурно-хронологических горизонта, имеющих свои характерные особенности. К первому отнесены курган 1 могильника Жиланды-1 и курган 1 могильника Жиланды-3, имеющие близкие аналогии с памятниками ямно-афанасьевского круга (последняя четверть III тыс. до н.э.). Второй культурно-хронологический горизонт (первая четверть II тыс. до н.э.) представлен курганом Нураталды-1. Выявлено парное захоронение лошадей, символизирующее колесничную запряжку. Впервые обнаружен жертвенный комплекс или клад бронзовых вещей, имеющих определенные аналогии в материалах сейминско-турбинских памятников Западной Сибири. В третий хронологический горизонт вошли курганы 1 и 2 могильника Жиланды-4, характеризующиеся смешением алакульско-федоровских керамических традиций. Предварительная датировка соответствует второй четверти II тыс. до н.э.

Масштабные исследования в 2013 г. крупных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана позволили выделить три культур-

но-хронологических горизонта. Памятники каждого периода имеют свои характерные особенности, отразившиеся в деталях погре-

бального обряда, конструктивных решениях, вещевом инвентаре и керамике.

К первому культурно-хронологическому горизонту отнесены курган 1 могильника Жиланды-1 и курган 1 могильника Жиланды-3, расположенные в 250 км восточнее г. Караганда. Погребальные конструкции характеризуются наличием двух концентрических оград, сооруженных из колотого камня. Захоронения одиночные, совершались в каменных ящиках, сильно заглубленных в материк и ориентированных по линии В-З. В одном случае было зафиксировано положение костяка на спине с подогнутыми в коленях ногами, упавшими влево; погребение сопровождалось бронзовыми кольцевидными серьгами и керамическим сосудом. В заполнении ящика отмечены угольки.

Определенные аналогии просматриваются в древностях культур ямно-афанасьевского круга, во многом определяющих культурно-историческое содержание периодов ранней и средней бронзы степного пояса Евразии.

До последнего времени единственным памятником этого периода в Центральном Казахстане оставался курган Карагаш, совмещающий ямный погребальный инвентарь и надмогильные конструкции афанасьевского типа (Евдокимов, Ломан, 1989. С. 34). Открытие Жиландинских курганов, имеющих более поздний облик и четко выраженное своеобразие, заполняет лауну, образовавшуюся между древностями ямного круга и горизонтом колесничных культур. Любопытно, что по ряду признаков найденный керамический сосуд может быть близок к андроновской посуде нурынско-федоровского облика. Дальнейшие исследования не исключают выделения памятников особого жиландинского типа, который можно отнести к предандроновскому периоду и датировать последней четвертью III тыс. до н.э.

Важность открытия жиландинских памятников, близких по содержанию к ямным, определяется основополагающей ролью, которую последние сыграли в культурно-генетических процессах степной Евразии. С «ямниками» связано становление подвижных форм производящего хозяйства скотоводческого типа, металлургии и, самое главное, широкое распространение колесного транспорта, стиму-

лировавшего мощные миграционные процессы, протекавшие в III тыс. до н.э. на огромных степных пространствах Старого Света.

Ко второму хронологическому горизонту относится курган, исследованный на могильнике Нураталды-1, находящемся в 80 км южнее Караганды. Он наиболее полно отражает содержательную сторону колесничных комплексов Сарыарки. Под курганной насыпью была зафиксирована четырехугольная ограда из плит, установленных на ребро, содержащая одно взрослое и три детских погребения. Причем одно детское захоронение имело явно более высокий социальный статус и было помещено в центральную часть, рядом с погребением взрослого человека, захороненного в очень крупном каменном ящике. Показательно, что детское погребение принадлежало мальчику, у которого в качестве погребального инвентаря отмечены астрагалы.

Оба умерших, видимо, состояли в близкородственных отношениях и относились к одному военно-аристократическому роду воинов-колесничих. Их принадлежность к этому слою доказывается захоронением двух лошадей, уложенных головами на запад между взрослым и детским погребениями. Парность расположения животных свидетельствует о символической колеснице, где ее роль отводилась каменным ящикам.

Чрезвычайно важной представляется находка в нураталдинском кургане жертвенного комплекса или клада бронзовых изделий, надежно привязанного к материалам памятника. Бронзовые изделия в виде компактно сгруппированного набора втульчатых наконечников копья и дротика, трех двулезвийных ножей срубно-андроновского типа, воткнутых остриями в землю, наглядно демонстрируют «военное» содержание эпохи боевых колесниц.

Ближайшие аналогии отдельным категориям бронзового инвентаря отмечаются в нуртайских памятниках Центрального Казахстана (Кукушкин, 2011. С. 105), в материалах петровской культуры Северного Казахстана (Зданович, 1983. С. 56) и Южного Урала (Виноградов, 2003. С. 70). Особый интерес вызывают видимые совпадения в стандартах металлообработки и обрядовых традициях носителей нуртайской культуры и сеймин-

ско-турбинского населения Западной Сибири (Матющенко, Синицина, 1988. С. 34, 43).

В двух случаях наборы бронзовых предметов, состоявшие из наконечников копий, дротиков, кельтов, зафиксированы на погребальном поле могильника Ростовка, но вне захоронений. Изделия были компактно сгруппированы друг с другом и обращены остриями к земле (Матющенко, Синицина, 1988. С. 34, 43), что, видимо, предполагает их предварительное обертывание тканью или хранение в специальном мешочке. Любопытно, что в одном наборе зафиксировано даже четырехгранное бронзовое долото, аналогичное нураталдинскому.

Возможно, определенные аналогии прослеживаются в близком по содержанию комплексе, обнаруженном на станции Развилка (Верхнее Приобье), состоящем из наконечников копья и дротика со слепой втулкой и двух ножей-кинжалов срубно-андроновского типа. Очевидно, компактное местонахождение данных изделий при видимом отсутствии погребения также предполагает ритуальный характер такого набора (Кирюшин, Грушин, Дашковский, 2004. С. 57–61).

Думается, данные совпадения не случайны. Возможно, просматриваются не только эпизодические культурно-хозяйственные связи между населением отдаленных регионов, но и истоки центральноказахстанской и сейминско-турбинской металлургии, векторы миграционных процессов, общая подоснова религиозно-мифологических представлений.

Исследования нураталдинского кургана с захоронением парных лошадей, характерной керамикой и уникальным набором оружия воина-колесничего существенно расширяют границы нуртайской колесничной культуры в южном направлении. Все материалы были зафиксированы в закрытом археологическом комплексе, что делает памятник одним из основных реперов при решении вопросов об относительной и абсолютной хронологии древностей бронзового века Центрального Казахстана. Полученные материалы позволяют отнести курган к нуртайской культуре и датировать его первой четвертью II тыс. до н.э.

Третий хронологический горизонт представлен курганами 1 и 2 могильника Жи-

ланды-4. Выявлено пять каменных ящиков, четыре из которых принадлежали взрослым, а один, скорее всего, – подростку. Показательно, что в четырех случаях погребальные камеры были сооружены на древней поверхности, что не характерно для андроновских обрядовых норм и, возможно, отражает определенные сдвиги в мировоззренческой сфере у локальной группы населения. Примечательно, что на посуде отмечается смешение двух культурных традиций: федоровской и алакульской.

Большой интерес представляют зафиксированные в первом кургане изделия из кости и рога, интерпретируемые в качестве составной части конской упряжи. Находки представлены роговым дисковидным псалием, украшенным циркульным орнаментом, округло-ромбическим стержнем и распределительным кольцом.

На основании результатов предыдущих исследований, связанных с реконструкцией конской упряжи в эпоху бронзы (Епимахов, Чечушков, 2008; Усачук, 2010), проведена реконструкция узды «жиландинской» лошади.

Щитковый псалий имеет дисковидную в плане форму с округлым сквозным отверстием. На рабочей части зафиксировано два сработанных монолитных шипа, расположенных с одного края щитка. Большинство известных к настоящему времени щитковых псалиев имеет 3-4 шипа, но встречаются и двушипные. Например, на краю щитка псалия из могильника Кривое Озеро на Южном Урале (Виноградов, 2003. С. 55) зафиксировано три дополнительных отверстия, два из которых разрушены от длительной эксплуатации.

Псалий в конструкции узды дополнительными отверстиями крепился к нахрапному ремню, который был смещен выше и соединялся с нащечным, аналогично расположению на узде, изображенной на фрагменте фрески из Тиринфа, Греция (Усачук, 2010. С. 270. Рис. 1, 1). Через центральное тrenzельное отверстие в щитке проходили кожаные удила, которые соединялись с поводьями. Место соединения могло сшиваться или связываться узлом. Предполагается, что стержень уплощенной гранью прилегал к псалию, а через среднюю утонченную часть внахлест

соединялись удила и поводья, стержень оставался между ними.

Кольцо, изготовленное из кости крупного животного, имеет сильную заполированность только с одной торцевой стороны и незначительную – с другой. Оно играло роль распределителя оголовья в конской сбруе и соединяло подгарок, нащечный и налобный ремни, четко распределяя их положение и функции.

Интересно, что конструктивные особенности псаля, такие как отсутствие выделенной планки, устройство дополнительных отверстий на самом щитке с монолитными шипами в значительной мере характерны для изделий абашевской культуры Волго-Уральского региона (Кузнецов, 2012. С. 151).

В целом материалы курганов могильника Жиланды-4 раскрывают процессы становления и динамики колесничных комплексов Сарыарки и позволяют отнести их ко второй четверти II тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г.* Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.
- Епимахов А.В., Чечушков И.В.* К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века // Происхождение и распространение колесничества. Луганск: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. С. 204–210.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск, 1983. С. 48–68.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Дашковский П.К.* Бронзовые предметы со станции Развилка (Верхнее Приобье) // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 57–61.
- Кузнецов П.Ф.* Ареалы распространения диско-видных псалий начала позднего бронзового века Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 150–153.
- Кукушкин И.А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2. С. 103–109.
- Матюценко В.И., Синицина Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 136 с.
- Усачук А.Н.* Реконструкция крепления древнейших псалий в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 238–291.

**МАНИПУЛЯЦИИ С ПРЕДМЕТАМИ В ПОГРЕБЕНИЯХ
ЭПОХИ БРОНЗЫ: ОГРАБЛЕНИЕ ИЛИ РИТУАЛ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА СТЕПНОЕ-7)**

© 2014 г. **Е.В. Куприянова**

*Челябинский государственный университет, Челябинск
(dzdan@mail.ru)*

Ключевые слова: символические ограбления, петровская и алакульская культуры, Степное-7, Южное Приуралье.

Резюме. В работе на материалах могильника эпохи бронзы Степное-7 из Южного Приуралья рассмотрены варианты манипуляций с предметами и останками погребенных. Сделан вывод, что обряд ограбления, возможно, был промежуточным ритуалом между свершением нескольких погребальных обрядов, сопровождаемым действиями очистительного характера.

Могильник Степное-7 (Пластовский р-н Челябинской обл., близ современного пос. Степное) исследовался в 2000–2005 гг. отрядом археологической экспедицией Челябинского университета – Заповедника «Аркаим» под руководством Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановича. Могильник содержит материалы петровской и алакульской археологических культур эпохи бронзы. Раскопками исследовано шесть погребальных комплексов и остатки одного комплекса, разрушенного песчаным карьером. Комплексы содержали 90 археологических объектов – могильных и жертвенных ям.

Из 11 крупных коллективных погребений могильника полностью ограблено семь, и в двух (№ 11 и 17) зафиксированы следы вторжения при общей сохранности погребения. Изучение тафономизации комплексов позволило отметить различные действия, совершавшиеся грабителями в процессе нарушения могил.

Погребения 17 и 18 были центральными ямами комплекса 4. Погребение 18 ограблено полностью и, судя по заполнению, неоднократно. В верхних очертаниях фиксировались два разновременных грабительских вкопа. Все вещи и останки погребенных внутри камеры находились в смещенном состоянии.

Погребение 17 на начальных этапах вскрытия также демонстрировало признаки вторжения – очертания вкопа у западной стенки ямы, находки мелких украшений и фрагментов керамики в заполнении. Однако на дне камеры было расчищено нетронутое погребение трех индивидов – одно из самых богатых погребений эпохи бронзы в Южном Зауралье. Грабительским вкопом была разрушена верхняя часть наконечника украшения одного из погребенных. В районе вкопа на дне располагались в комплексе (в скрещенном состоянии) вислообушный бронзовый топор и тесло. Специфическое положение предметов заставило предположить, что они были случайно брошены грабителями. Однако через несколько лет при раскопках погребения 78 – одного из центральных погребений комплекса 7, также ограбленного, был обнаружен точно такой же набор предметов в аналогичном положении (вислообушный бронзовый топор и тесло в скрещенном состоянии), что исключает случайность. Общей чертой обряда обоих погребений было наличие в них пары индивидов, лежавших лицом друг к другу в «позе объятия». На дне погребения 17 были обнаружены также фрагменты сосуда, основная часть которого находилась в заполнении погребения 18.

Указанные особенности заставляют предположить, что вторжение в погребения 17 и 18 происходило одновременно. Соответствие комплексов предметов в погребениях 17 и 78 предполагают, что действия грабителей носили некий целенаправленный характер и обладали чертами ритуала.

О символическом характере ограблений свидетельствуют и некоторые другие признаки, обнаруживаемые в погребениях.

1. Действия, совершаемые при ограблениях, носят избыточный характер: зачастую все вещи полностью смещены, скелеты погребенных разрушены, фрагменты разбитых сосудов, кости погребенных выброшены из ям на погребальную площадку вокруг них, что не имело бы особого смысла, если бы ограбления имели утилитарный характер и их целью было лишь изъятие ценных предметов погребального инвентаря.

2. Одинаковые черты ограблений заставляют предполагать, что люди, совершавшие их, руководствовались определенными правилами. Так, очень часто можно наблюдать, что полному разрушению целенаправленно подвергалась верхняя часть тела погребенных – до пояса, а тазовые кости и кости ног оставались *in situ*. В тех случаях, когда зафиксированы очертания грабительских вкопов, видно, что вторжения в погребения осуществлялись с северной стороны.

3. Иногда в погребениях фиксируются манипуляции с вещами, носившие символический характер и явно совершенные в процессе ограбления или вторжения. Кроме упомянутых действий с топором и теслом в нескольких ямах в неразрушенные сосуды были помещены разные предметы (клыки-амулеты в яме 5, миниатюрный сосуд-светильник в яме 17, наконечник стрелы в яме 88).

Описанные выше наблюдения за особенностями ограбления погребений в могильнике Степное-7 заставляют предположить, что действия грабителей носили не утилитарный, а ритуальный характер. Следы символических действий, зафиксированные в ограбленных погребениях, доказывают, что ограбления совершались с некими сопутствующими ритуалами. Зафиксированная одновременность вторжения в несколько погребений предполагает координацию и планомерность действий

«грабителей». Изъятие ценных предметов из бронзы явно было лишь одной, не самой главной из мотиваций. Другой четко фиксирующейся целью было стремление к разрушению тел погребенных, преимущественно верхних частей, которое, возможно, предшествовало подготовке погребения для совершения следующего захоронения.

Признаки практиковавшегося многократного использования погребальных камер можно проследить по материалам этого же памятника. Так, погребение 31 содержало костяки двух индивидов (предположительно женщин) со схожими наборами украшений. При этом один из костяков лежал поверх другого и имел относительно хорошую сохранность, а второй лежал снизу и практически не сохранился, кроме фрагментов трубчатых костей в контакте с бронзовыми украшениями. Разная сохранность костей и положение погребенных относительно друг друга свидетельствуют о одновременности захоронений. При этом ритуал ограбления не применялся, очевидно, по той причине, что костяк погребенной первоначально женщины практически не сохранился (возможно, из-за нарушения герметичности камеры, проникновения воды или других естественных причин). Еще один пример: среди антропологического материала в яме 78 были выделены остатки шести индивидов. Между тем на дне в центре камеры зафиксированы *in situ* кости ног двух погребенных в «позе объятий» и третьего индивида, лежавшего чуть сбоку. Фрагменты скелетов остальных погребенных обнаружены в заполнении в разрозненном состоянии. Останки трех погребенных, зафиксированные на дне *in situ*, занимают практически все место на полу, которое могло использоваться для размещения умерших. В этом случае присутствие среди антропологического материала костей еще трех погребенных может объясняться тем, что они остались от первоначально совершенного захоронения, которое затем было нарушено для совершения второго обряда погребения.

Таким образом, обряд ограбления, возможно, был промежуточным ритуалом между свершением нескольких погребальных обрядов, сопровождаемым действиями очистительного характера.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КАМНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ)

© 2014 г. Л.В. Купцова

*Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
(orelin.84@mail.ru)*

Ключевые слова: срубная культура, погребальный обряд, керамика, каменные перекрытия.

Резюме. В статье идет речь о могильниках, отличительной чертой которых было использование каменных конструкций при сооружении могил. Рассматриваются основные признаки погребального обряда и инвентаря. Доказывается, что традиция использования камня не привнесена извне, а характеризует локальную особенность срубной культуры региона.

На территории Западного Оренбуржья выделяется ряд некрополей срубной культуры, в погребальном обряде которых зафиксировано использование конструкций из камня. К таким памятникам можно причислить курганные могильники Уранбаш (Моргунова, 1999); Першинский, Комиссаровский (Каргалы, 2005. С. 49–99); Боголюбовский (Моргунова и др., в печати), у с. Бурдыгино (Кузьмина, Зудина, 1977); у с. Новая Белогорка (Смирнов, 1957; Федорова-Давыдова, 1959); Плешановский II (Крюкова и др., 2012), Рязановский VI (Халяпин, Богданов, 1999. С. 75–78) (см. рисунок).

Сооружения из камня в срубных некрополях находятся под курганной насыпью и никогда не фиксировались на ее поверхности. Наличие в том или ином могильнике каменных сооружений связывалось учеными с влиянием алакульских или федоровских традиций на срубную погребальную обрядность. Это было особенно актуально в связи с тем, что территория Южного Приуралья в позднем бронзовом веке была зоной тесных контактов археологических культур. Основным аргументом в пользу инокультурного происхождения традиции применения камня служил тот факт, что она не характерна для срубных памятников Поволжской степи. Э.А. Федорова-Давыдова говорила о том, что алакульским признаком можно считать каменные кольца вокруг курганов и каменные

ящички, сооруженные над погребением (Федорова-Давыдова, 1964. С. 84–85). Ряд ученых признаком непосредственного алакульского влияния считали перекрытие могил плитами из песчаника (Зудина, 1981. С. 103; Горбунов, Морозов, 1991. С. 91; Обыденнов, Обыденнова, 1991. С. 146). Н.Г. Рутто было отмечено, что наличие каменного перекрытия над погребением не всегда коррелируется с алакульской либо срубно-алакульской керамикой, напротив, в таких погребениях могли находиться сосуды «чистого» срубного облика (Рутто, 1987. С. 43, 45).

Вопрос о том, является ли использование камня в погребальном обряде срубных племен чертой, привнесенной извне, либо это собственная традиция важен для понимания исторических процессов, происходивших в регионе в позднем бронзовом веке. Погребальный обряд наиболее устойчив к инновациям. Появление последних, как правило, означает либо смену населения, либо существенные изменения в его составе.

Как известно, срубная и алакульская культуры имеют в погребальном обряде несколько идентичных признаков. Различие проявляется в ориентировке костяков: у срубных племен – это север, северо-восток и восток, у алакульских – запад или юго-запад (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985. С. 75; Качалова, 1985. С. 34–35; Зданович, 1988. С. 143; Кузьмина, 1994. С. 40). Некоторые особенности

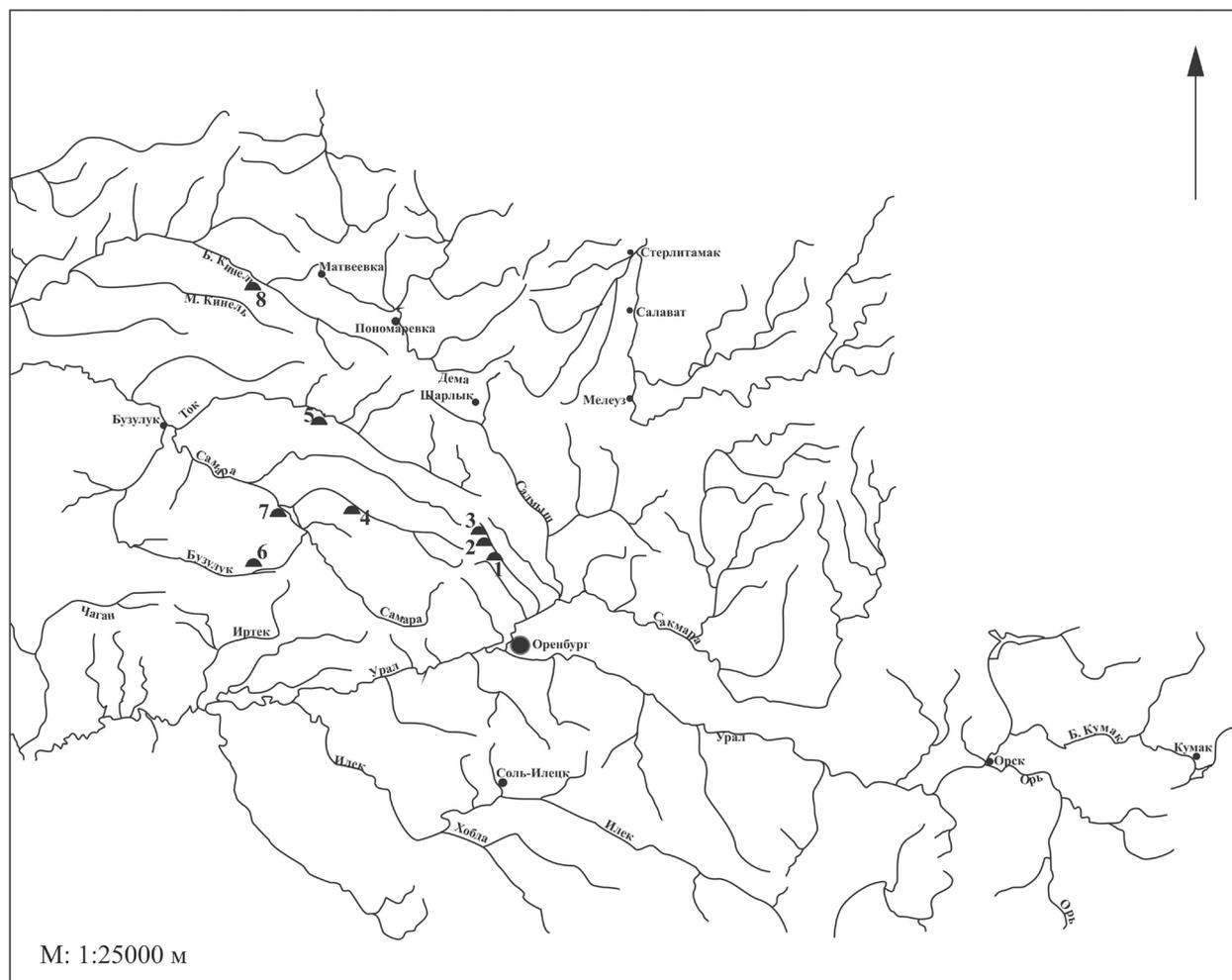

Схема распространения курганных могильников срубной культуры в Западном Оренбуржье. 1 – Уран-баш; 2 – Першинский; 3 – Комиссаровский; 4 – Боголюбовский; 5 – Плешановский II; 6 – у с. Новая Белогорка; 7 – у с. Бурдыгино; 8 – Рязановский VI.

наблюдаются при захоронении в одной могиле двух костяков: для срубной культуры более характерно положение скелетов на одном боку, а для алакульской – лицом к лицу (так называемые парные погребения) (Рафикова, 2008. С. 18). Зафиксирован в анализируемых некрополях и обряд кремации, который был главным способом захоронения для федоровской культуры Уральского региона (Кузьмина, 1994. С. 43).

Основные типы украшений, найденные в рассматриваемых захоронениях, фиксируются и в срубных, и в алакульских памятниках (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985. С. 72–73), по этой причине данные изделия не могут служить репером для культурной идентификации погребального комплекса. Наиболее надежным маркером для определения куль-

турной принадлежности служит керамика. В некрополях Западного Оренбуржья можно выделить срубную, алакульскую, срубно-алакульскую и алакульско-федоровскую посуду. Характеристики керамики, относящейся к той или иной культуре, достаточно полно представлены в литературе (Кузьмина 1994. С. 122; Семенова, 2000. С. 163; Рутто, 2003. С. 32–33).

Таким образом, при определении культурной принадлежности погребального комплекса должны в первую очередь учитываться сочетание таких признаков, как ориентировка костяка, способ захоронения умершего (ингумация или кремация) и характеристики керамики.

Анализ соотношения каменных сооружений, фиксируемых над погребением, ориен-

тировки захороненных и керамики с различными культурными признаками в курганных могильниках Западного Оренбуржья выявил следующее.

Курганный могильник Боголюбовка. Совокупное применение археологических методов, палеопочвоведения и радиоуглеродного анализа позволило восстановить последовательность сооружения курганов в некрополе. В самой ранней насыпи, относящейся к концу среднего бронзового века, каменные перекрытия фиксировались над всеми погребальными камерами, между тем признаки инокультурного влияния здесь не выявлены вовсе. Алакульская керамика появляется в более поздних курганах и зачастую встречается в захоронениях, не имеющих перекрытия. Вообще же доля перекрытых каменными плитами могил составляла 62,5%, а керамика с инокультурными признаками – 21,6% от общего числа сосудов некрополя. Ориентировка костяков головой соответствовала срубным погребальным стандартам: север – 36%, северо-восток – 28%, восток – 8%. Положение костяков головой в северо-западный и западный секторы, что можно связать с алакульской традицией, выявлено в 2 и 1,3% захоронений соответственно. В самых поздних курганах некрополя найдены могилы под каменной оградкой и каменными ящиками. Эти комплексы сопровождалась обрядом кремации, также здесь найдена алакульско-федоровская керамика.

Схожая ситуация характерна для *курганного могильника Уранбаш*. Традиция использования камня в оформлении могил зафиксирована в 69% случаев. Здесь выделяется наиболее ранняя насыпь, где выявлены срубные погребения, перекрытые плитами, без признаков инокультурного влияния. Также наличествуют комплексы, содержащие алакульскую керамику, но вовсе без плит. В целом же в некрополе абсолютно преобладали каноны погребального обряда срубных племен, что выражается в ориентировке погребенных: север (13,2%), северо-восток (45,4%), восток (9,4%). Северо-западная ориентировка зафиксирована только в одном захоронении (1,9%). В двойном погребении некрополя оба костяка были уложены на левый бок, что соотносится

со срубным обрядом. Доля керамики с инокультурными чертами составляла 51%.

В *курганном могильнике Комиссаровский* камень в погребальном обряде использовался при сооружении 37,5% погребений, в *Першинском* – в 79% случаев. Ориентировка костяков всегда соответствует срубным канонам. Доля керамики с алакульскими или алакульско-федоровскими признаками составляет 66,6% для Комиссаровского и 47% для Першинского некрополей. Причем стоит отметить, что сосуды с инокультурными признаками не всегда соотносились с такой чертой обряда, как каменные перекрытия.

В *курганном могильнике Плешановский II* каменными плитами были перекрыты всего 7,2% могил, размещение в них костяков абсолютно аналогично остальным изученным здесь захоронениям, и соответствует традициям срубных племен. Керамика, выявленная в данных комплексах, также характеризуется срубной культурной принадлежностью. Между тем алакульские традиции в материалах некрополя проявляются, это выражено в наличии парного захоронения, сосуда с уступом и сосуда с примесью тальковой дресвы (Мухаметдинов, 2012). Примечательно, что все эти признаки наличествуют в захоронениях, при сооружении которых камень не использовался.

В *курганном могильнике Бурдыгино* каменные надмогильные перекрытия имели только 13% погребальных камер. Ориентировка костяков – север (25%) или северо-восток (62,5%). В одной из могил под каменным перекрытием захоронены мужчина и женщина, обращенные лицом друг к другу, что можно связать с алакульской традицией погребения. Керамика с инокультурными признаками выделяется в 6,6% случаев. В одном из курганов данного некрополя был расчищен каменный ящик, этот комплекс оказался полностью разграбленным. Отличительная черта некрополя – наличие большого количества захоронений, совершенных по обряду кремации (22,2%), ни один из этих комплексов не обнаружен под камнем.

В *курганном могильнике у с. Новая Белогорка* плиты перекрывали 81,6% могил, в одном случае расчищен каменный ящик (данный комплекс разграблен). Установлены следую-

щие варианты размещения костяков головой: север – 12,2%, северо-восток – 24,4%, восток – 44,8%, юго-восток – 4%. Доля срубной керамики с инокультурными чертами составляет 53%.

Курганный могильник Рязановский располагается в самой западной точке рассматриваемого региона. В одном из изученных курганов некрополя обнаружено два захоронения, одно из которых совершено под каменным перекрытием. В обеих могилах костяки лежали в позе скорченно на левом боку, головой на север. Сосуды в некрополе найдены исключительно срубные.

Соотношение основных черт погребального обряда и инвентаря рассмотренных некрополей показало следующее: 1) перекрытие могил каменными плитами фиксируется в наиболее ранних насыпях, где инокультурные признаки еще не проявляются; 2) ориентировки костяков в могилах под каменными плитами исключительно срубные, алакульские ориентировки – редкое исключение; 3) фиксируемая в некрополях керамика с алакульскими или алакульско-федоровскими признаками, а также парные захоронения и кремации редко напрямую коррелируются с каменными плитами над погребением.

Исходя из всего изложенного выше, можно говорить о том, что такая черта погребального обряда, как перекрытие могилы каменными плитами в срубных некрополях Западного Оренбуржья не привнесена извне, а характеризует собственную локальную особенность культуры. С андроновским влиянием можно связать появление под насыпями курганов таких конструкций, как каменные ящики и оградки, так как погребальный обряд и керамика, фиксируемые в подобных комплексах, зачастую резко отличаются от срубных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. ГПИ, 1985. С. 60–94.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 160 с.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанский степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Зудина В.Н.* Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйбышев. госуниверситет, 1981. С. 88–107.
- Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. 240 с.
- Качалова Н.К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. ГПИ, 1985. С. 28–59.
- Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Матюшко И.В.* Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 112–134.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 461 с.
- Кузьмина О.В., Зудина В.Н.* Отчет о работах в зоне строительства Сорочинского водохранилища в Оренбургской обл. в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6537.
- Моргунова Н.Л.* Могильник у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Димур, 1999. С. 40–64.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С.* Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области (в печати).
- Мухаметдинов В.И.* Технично-технологический анализ керамики Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 134–139.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во Саратов. ун-та, Самарский филиал, 1991. 176 с.
- Рафикова Я.В.* Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 24 с.
- Рутто Н.Г.* К вопросу о срубно-алакульских контактах (на материале башкирских памятников) // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: Изд-во Башк. обкома КПСС, 1987. С. 43–52.

Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самар. научного центра РАН, 2000. С. 152–208.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ГИМ и Оренбургского обл. краеведческого музея 1957 г. // Архив ИА РАН. 1957. Р-1. № 1686.

Федорова-Давыдова Э.А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ 1959 г. // Архив ИА РАН. 1959. Р-1. № 1929.

Федорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. С. 84–92.

Халяпин М.В., Богданов С.В. Погребальный памятник эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Димур, 1999. С. 75–104.

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ СЕВЕРНОГО КИТАЯ И «ОЛЕННЫЕ КАМНИ»

© 2014 г. Ли Ган

Национальный музей Китая, Пекин, КНР

Ключевые слова: Северный Китай, бронзовые изделия, евразийские степи, «оленные камни».

Резюме. Часть бронзовых изделий Северного Китая (оружие, орудия труда и т.д.) имеет близкие параллели в бронзовых артефактах степной полосы Евразии, в особенности же интересны в этом отношении изображения на «оленных камнях» в Монголии, а также сопоставление их с образами людей на бронзовых изделиях из Северного Китая. Данная работа ставит целью такое сравнительное исследование бронзовых изделий (ножей, кинжалов, проушных топоров, «моделей ярма», лошадиной сбруи и т.д.) и изображений на «оленных камнях» с целью выявления связей между культурами Шан и Чжоу, а также расширения информации о контактах в евразийских степях в эпоху бронзы.

Оленные камни и ножи. Бронзовые ножи – широко распространенный тип артефактов евразийских степей эпохи бронзы; они также изображаются на «оленных камнях», зачастую на перевязи, расположенной в районе талии. Среди изображений на «оленных камнях» можно выделить ножи с разными вариантами круглых наверший (полукруглыми, в виде двойного кольца, с тремя выступами по сторонам и т.д.), с головами животных в качестве навершия и т.п.

Ножи с тремя выступами по сторонам круглого навершия известны в Северном Китае, Южной Сибири, Забайкалье. В Китае находки подобных ножей связаны с иньской культурой и относятся к периоду XIII–XI вв. до н.э.

Находки подобных ножей в Минусинской котловине связаны с карасукской культурой,

верхние хронологические границы которой не позже, чем время существования культуры Иньсюя.

Ножи, украшенные головой лошади с прижатыми ушами в качестве навершия, также известны на территории Иньсюя. В Минусинской котловине зафиксированы находки подобных ножей, однако уши лошади на данных изделиях стоят торчком, что очень близко к изображениям на «оленных камнях». Время бытования ножей с навершием в виде головы лошади в целом совпадает с существованием культуры Иньсюя.

Ножи с треугольным отверстием в навершии распространены на территории Внутренней Монголии Северного Китая и под Пекином (Tian Guangjin, 1986); они относятся к позднему периоду Вёсен и осени. На од-

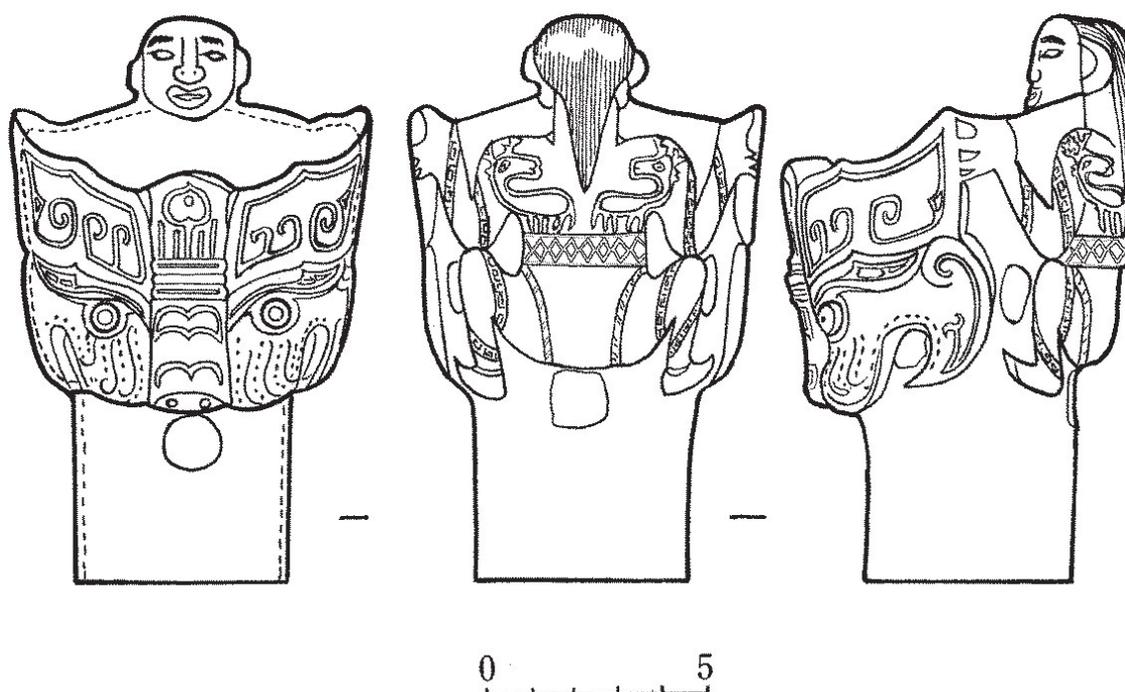

Рис. 1. Деталь снаряжения коня из памятника Жуцзячжуан (у г. Баоцзи). Бронза.

ном из «оленных камней», обнаруженном на территории собственно Монголии, изображен такой же нож с треугольным отверстием в навершии, однако на нем же изображены «модель ярма» 1-го типа и кинжал с навершием в виде звериной морды, которые были распространены в эпоху Шан-Инь и до среднего периода Западного Чжоу.

Ножи с круглым навершием широко известны от бассейна р. Хуанхэ до северных степей, особенно много их на территории Ордоса и Минусинской котловины; на территории Иньсюя найдено несколько десятков подобных ножей. На «оленных камнях» также зафиксированы изображения ножей с круглым навершием (Волков, 1981. С. 208).

Ножи с полукруглым навершием известны в Северном Китае в поздний период правления династии Шан. И на «оленных камнях» можно видеть изображения подобных ножей (Волков, 1981. С. 208); датировка «оленных камней» близка времени распространения ножей сходной формы в Северном Китае.

Бронзовые кинжалы и «оленные камни». Среди бронзовых кинжалов, найденных при раскопках памятников эпохи бронзы на тер-

ритории Северного Китая, отметим изделия с навершием в виде бубенчика, головы животного, головы птицы, грибовидной формы, круглой, Т-образной формы и т.д. На «оленных камнях» также имеются изображения кинжалов, хотя в ряде случаев они нечеткие; четкие изображения дают возможность определить вид навершия: в виде голов животных, птиц и круглой формы.

Кинжалы с навершиями в форме головы животного распространены в эпоху бронзы в Северном Китае, на Иньсюе, в Минусинской котловине и Монголии. В западной части Монгольского плато на «оленных камнях» можно видеть изображения подобных кинжалов; их датировки относятся ко времени, близкому к культуре Инь.

Кинжалов с навершиями в виде голов птиц известно мало, например, артефакт с рукоятью в виде головы орла происходит из могилы МЗ в местечке Байфу округа Чанпин близ Пекина (The cultural..., 1976); это была передаваемая по наследству вещь (Loehr, 1949, 1951). Подобный вид кинжалов имел распространение в XX–IX вв. до н.э.; в Монголии также мож-

но видеть «оленные камни» с изображением кинжалов с рукоятью в виде голов птиц.

Кинжалы с круглым навершием встречаются в Северном Китае, однако их немного; они датируются не ранее 1000 г. до н.э. Сравнительно ранние кинжалы с круглым навершием найдены в Минусинской котловине и относятся к карасукской и тагарской культурам (Степная полоса..., 1992. Табл. 84). На «оленных камнях» довольно часто фиксируются изображения кинжалов данного вида; отметим и кинжал с рукоятью в форме двойного кольца, однако изображение упрощенное и датировка неясна.

Проушные топоры и «оленные камни». Проушные топоры также называют «боевыми топорами», они относятся к категории оружия ближнего боя. В поздний период правления династии Шан-Инь такие топоры хорошо известны на западных и северных территориях. По форме топора выделяют типы А (лезвие шире тулова) и В (тулово и лезвие одинаковой ширины).

У топоров типа А втулка довольно длинная, по форме похожа на голову лошади, где обух выглядит, как шея; предметы этого типа найдены вдоль течения р. Хуанхэ в провинциях Шаньси и Шэньси. Подобные артефакты часто встречаются вместе с предметами, относящимися к позднему этапу правления династии Шан-Инь. Среди топоров типа А имеются экземпляры с довольно короткими втулкой и обухом, подобного вида топоры зафиксированы на памятниках Байфу уезда Чанпин, Тяньма близ Цюцунь, Сича в уезде Циншуйхэ и т.д. совместно с инвентарем эпохи раннего и среднего периода правления династии Западная Чжоу, поэтому датируются несколько позднее начала I тыс. до н.э.

На «оленных камнях» можно видеть изображения проушных топоров, в особенности похожих на топоры, найденные на памятниках Байфу уезда Чанпин и Тяньма близ Цюцунь.

Проушные топоры типа В имеют в центральной части изгиб к проуху. Они известны на территории Иньсюя – на памятнике Лаонюпо под Сианью и других памятниках эпохи Шан, а также на западе Ляонина – памятнике Сяцзядянь в верхних культурных слоях. Их распространение охватывает длительный

период, примерно с конца II тыс. до середины I тыс. до н.э. На «оленных камнях» также встречаются изображения этого вида проушных топоров.

На топорах типа В, найденных в провинции Цинхай и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в центральной части топора бывает ушко. Подобные артефакты с ушком датируются второй половиной II тыс. до н.э. Изображение таких топоров довольно часты на «оленных камнях». Топоры типа В без хвостовой части обнаружены в провинциях Шэньси и Цинхай, они датируются поздним периодом правления династии Шан; изображений подобных топоров также довольно много на «оленных камнях».

«Модели ярма» и «оленные камни». На оленных камнях в Монголии часто встречаются изображения «моделей ярма» П- и Ω-образной форм. П-образные изображения близки по форме к находкам бронзовых «моделей ярма» из могил эпох Шан и Чжоу бассейна р. Хуанхэ, а также из Минусинской котловины. Исследования часто рассматривают использование «моделей ярма» в качестве фиксатора для поводьев; таким образом, эти артефакты – часть комплекса лошадиной сбруи и колесничного убранства. Эволюцию формы «моделей ярма», найденных на территории Северного Китая, можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе центральная часть артефактов была плоской, а два конца изгибались дугообразно; такие предметы напоминают форму лука. Находки предметов подобной формы сделаны в бассейне р. Хуанхэ и в Минусинской котловине. На «оленных камнях» Монголии имеются изображения предметов подобной формы, датируемые концом эпохи Шан – эпохой Западного Чжоу.

На втором этапе плечики «моделей ярма» изгибаются подобно крюкам, форма крюков схожа с рукоятками ножниц, в верхней части имеются два отверстия. Такие артефакты представлены на территории Забайкалья и западной части бассейна р. Ляохэ в провинции Ляонин; на «оленных камнях» в Монголии изображения подобных предметов встречаются довольно часто; они относятся к периоду Весен и осеней.

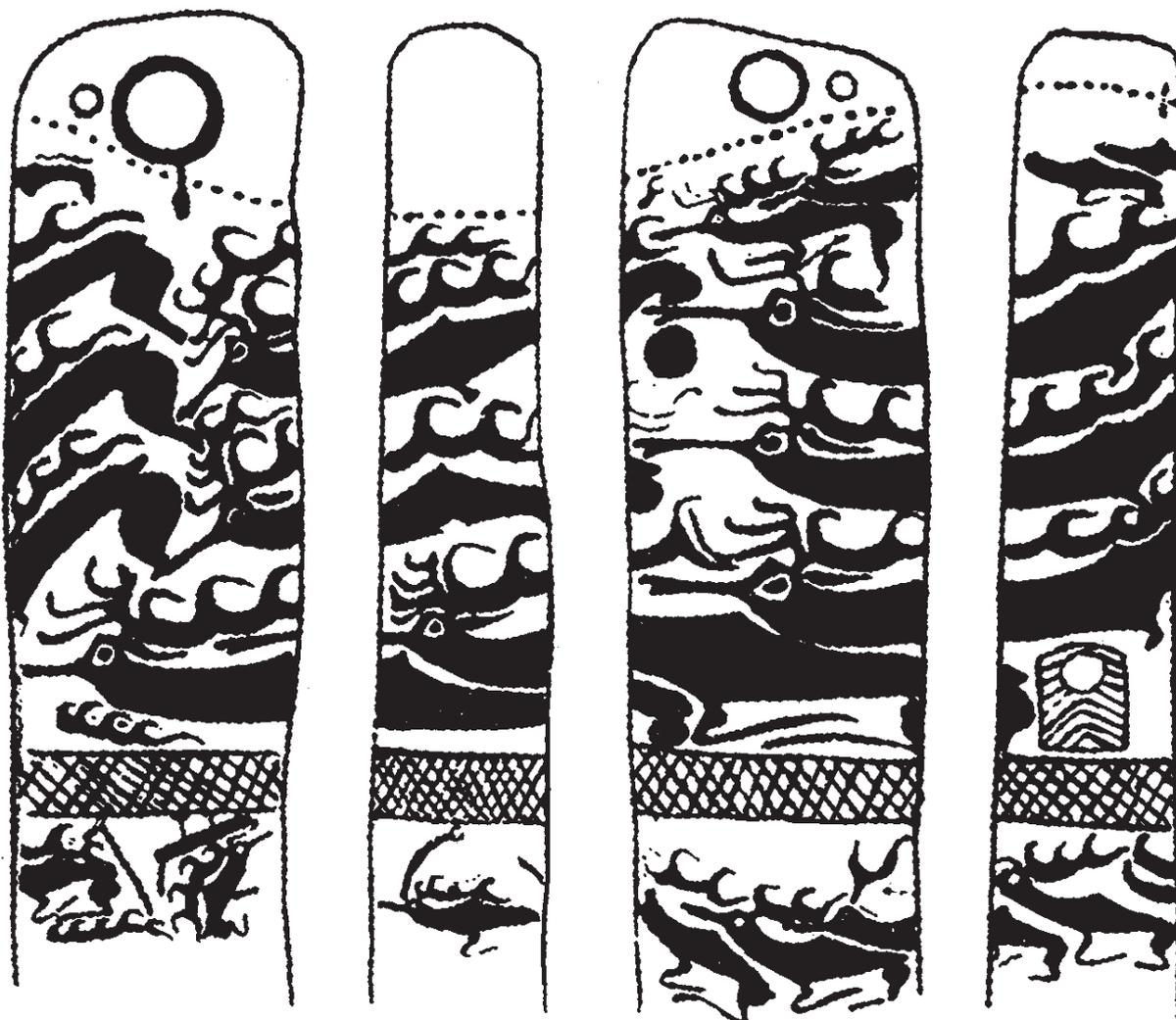

Рис. 2. Оленные камни (по: Волков, 1981).

На третьем этапе развития оба крюка «моделей ярма» сдвигаются вместе, образуя подобие буквы «омега» (ω); имеется отверстие для подвешивания. Такие предметы зафиксированы в западной части бассейна р. Ляохэ в провинции Ляонин, они относятся к периоду Воюющих царств. На «оленных камнях» в Монголии изображения подобных предметов также иногда фиксируются.

Описанная выше трехэтапная эволюция формы «моделей ярма» вполне соответствует изменениям изображений данных артефактов на «оленных камнях». В пределах Китая предметы, относящиеся к первому этапу, найдены в бассейне р. Хуанхэ; относящиеся ко второму и третьему – в западной части бассейна р. Ляохэ в провинции Ляонин.

Колесничное снаряжение и «оленные камни». Близ памятника Жущячжуан (у г. Баоцзи) был найден предмет колесничного снаряжения – конский хомут с фигурой человека и звериной головой с впечатляющей мордой, переданными пластическими и изобразительными средствами (рис. 1). Человек с распущенными волосами обеими руками держит голову животного сзади; на лопатках человека изображены два оленя, его талия перевязана поясом с ромбами. Это изображение человека и декоративные детали, которые представляются либо орнаментацией одежды, либо татуировкой, очень близки к образам людей, на спинах которых также имеются лаконичные, но выразительные изображения оленей, на «оленных камнях». Пояса с ромбовидным

узором также часто встречаются на «оленных камнях» (рис. 2).

Кладбище памятника Жуцзячжуань относится к периоду не позднее некрополя царства Гун-юй, датируемого ранним этапом Западного Чжоу. Перенос столицы царства Гун-юй относится к позднему периоду правления династии Шан (Lu Liancheng, Huzhisheng, 1983). Это же время характеризуется распространением «оленных камней» и «моделей ярма». Фигура человека с распущенными волосами и татуировкой в виде оленя на данном хомуте, по всей видимости, передает образ иноплеменика, появиться он мог не без влияния со стороны северных степей.

Хорошо известна уникальность и своеобразии культурного феномена «оленных камней». Изображения бронзовых предметов на «оленных камнях» часто имеют аналогии среди реальных предметов, найденных на территории Северного Китая, Сибири и Забайкалья. Развитие традиции «оленных камней» шло фактически по соседству с ареалом культур династий Шан и Чжоу в бассейне р. Хуанхэ и многочисленными другими культурами Северного Китая, сохраняя собственные культурные особенности. В связи с этим крайне важно при изучении культур бассейна

р. Хуанхэ и культур эпохи бронзы и начального этапа раннего железного века евразийских степей обращать пристальное внимание на их взаимовлияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 493 с. (Археология СССР).

The cultural relics bureaucracy of Beijing. Another significant archaeological discovery – The new inspiration from wooden coffin grave in Baifu of Changping // Каогу. 1976. № 4. (на кит. яз.).

Loehr M. Ordos daggers and knives: New material, classification and chronology. First part: Daggers // *Artibus Asiae*. 1949. V. XII. № 1–2. P. 23–83.

Loehr M. Ordos daggers and knives: New material, classification and chronology. Second Part: Knives // *Artibus Asiae*. 1951. V. XIV. № 1–2. P. 77–162.

Lu Liancheng, Huzhisheng. The discussion of relevant questions on Rujiazhuang cemetery and Zhuyuangou cemetery of Baoji // Вэнью. 1983. № 2. (на кит. яз.)

Tian Guangjin. Taohongbala cemetery, Eerduosi shi qingtongqi (Ordos style bronze artifacts). Beijing: Cultural relics press, 1986. (на кит. яз.).

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР ПЕРВОЙ ФАЗЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-КАМЬЯ

© 2014 г. А.В. Лыганов

*Институт истории АН РТ, Казань
(ncai@mail.ru)*

Ключевые слова: приказанская культура, сейминско-турбинский транскультурный феномен, займищенский тип памятников, заосиновский тип памятников, Волго-Камье, поздний бронзовый век.

Резюме. В статье предлагается характеристика двух культурных типов начальной поры позднего бронзового века Волго-Камья: займищенского и заосиновского, ранее рассматривавшихся как отдельные этапы приказанской культуры. Высказываются соображения о близости займищенского типа позднеабашевским и покровским древностям Восточной Европы, тогда как формирование заосиновского происходило под сильным влиянием сейминско-турбинского феномена, а сам он по ряду показателей демонстрирует сходство с коптяковской культурой Зауралья.

Среди культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья достаточно хорошо изучены материалы погребальных памятников абашевской культуры и сейминско-турбинского транскультурного феномена. При этом слабо исследованы культурные образования начального этапа позднего бронзового века региона, имеющие явные корни в местной позднеэнеолитической среде. Это памятники займищенского и заосиновского типов. На сегодняшний день появились новые материалы со стоянок Волго-Камья, что позволяет сделать новые выводы, уточнить территорию и хронологию данных культурных образований.

Займищенский тип памятников (см. рисунок). Займищенский этап приказанской культуры был выделен А.Х. Халиковым (1980. С. 34, 52). Выделение данного этапа было обусловлено прежде всего своеобразием керамического материала. Наряду с керамикой, по А.Х. Халикову, отличительной чертой займищенского этапа выступал своеобразный комплекс металлических и кремневых изделий, имеющих аналогии в Сейминском, Турбинском и Покровском могильниках (Халиков, 1980. С. 40, 42).

Памятники займищенского типа распространены преимущественно в Казанском Поволжье и в приустьевой части Камы. К за-

ймащенскому типу памятников относится 22 поселения и местонахождения (см. рисунок) и 6 могильников (Халиков, 1980. С. 10. Табл. А; Соловьев, 2000. С. 137; Лыганов и др., 2012).

По ряду форм, элементам орнамента и примесям в тесте займищенская керамика с территории поселений и могильников схожа с керамикой покровского культурного типа и абашевской культуры (Пряхин, 1977; Пряхин, Халиков, 1987. С. 126–127. Карта 23; Халиков, 1987. С. 142; Малов, 2007. Рис. 2–5).

Очень редки находки на поселениях металлических изделий и следов металлургического производства (Халиков, 1980. С. 43; Лыганов и др., 2012. С. 140).

К займищенскому этапу приказанской культуры А.Х. Халиковым было отнесено шесть могильников, расположенных в Западном Закамье (Халиков, 1980. С. 24). Однако культурная принадлежность Базяковского III могильника в дальнейшем была пересмотрена (Черных, Кузьминых, 1989. С. 29–30). Неоднозначна также интерпретация Малиновского II могильника.

К погребальным памятникам, непосредственно относящимся к займищенскому культурному типу, относятся Ново-Мордовские II–IV, VI могильники (Халиков, 1980. С. 24. Табл. Д); Ново-Мордовские II и III могильники – курганные, а Ново-Мордовские IV и

VI – грунтовые. В трех могильниках (Ново-Мордовском III, IV и VI) погребенные располагаются вытянуто на спине и в одном (Ново-Мордовском II) преимущественно скорченно на левом боку, а также на спине с согнутыми ногами (Халиков, 1980. С. 24. Табл. Д).

Грунтовые могильники этого времени отмечены не только в волосовской культуре, влияние которой на формирование займищенской усматривал А.Х. Халиков (1980. С. 52). Для абашевских памятников Самарского Поволжья также характерны грунтовые могильники, отсутствующие на других территориях абашевской культуры (Кузьмина, 2000. С. 96).

Такие изменения в погребальном обряде происходят в среде степных-лесостепных культур начального этапа позднего бронзового века Волго-Уралья. Так, в среде абашевского населения погребальный обряд развивался от вытянутого положения костяка на спине к скорченному положению на левом боку, обряду, более характерному для последующих культур (Пряхин, Халиков, 1987. С. 128; Кузьмина, 2000. С. 96). В этой связи представляется, что особенности погребального обряда займищенского населения вместе с керамическими комплексами свидетельствуют о его близости к позднеабашевским и покровским захоронениям Восточной Европы. Покровские памятники на сегодняшний день с учетом калиброванных радиоуглеродных датировок относят к XX–XVII вв. до н.э. (Малов, 2007. С. 46–47).

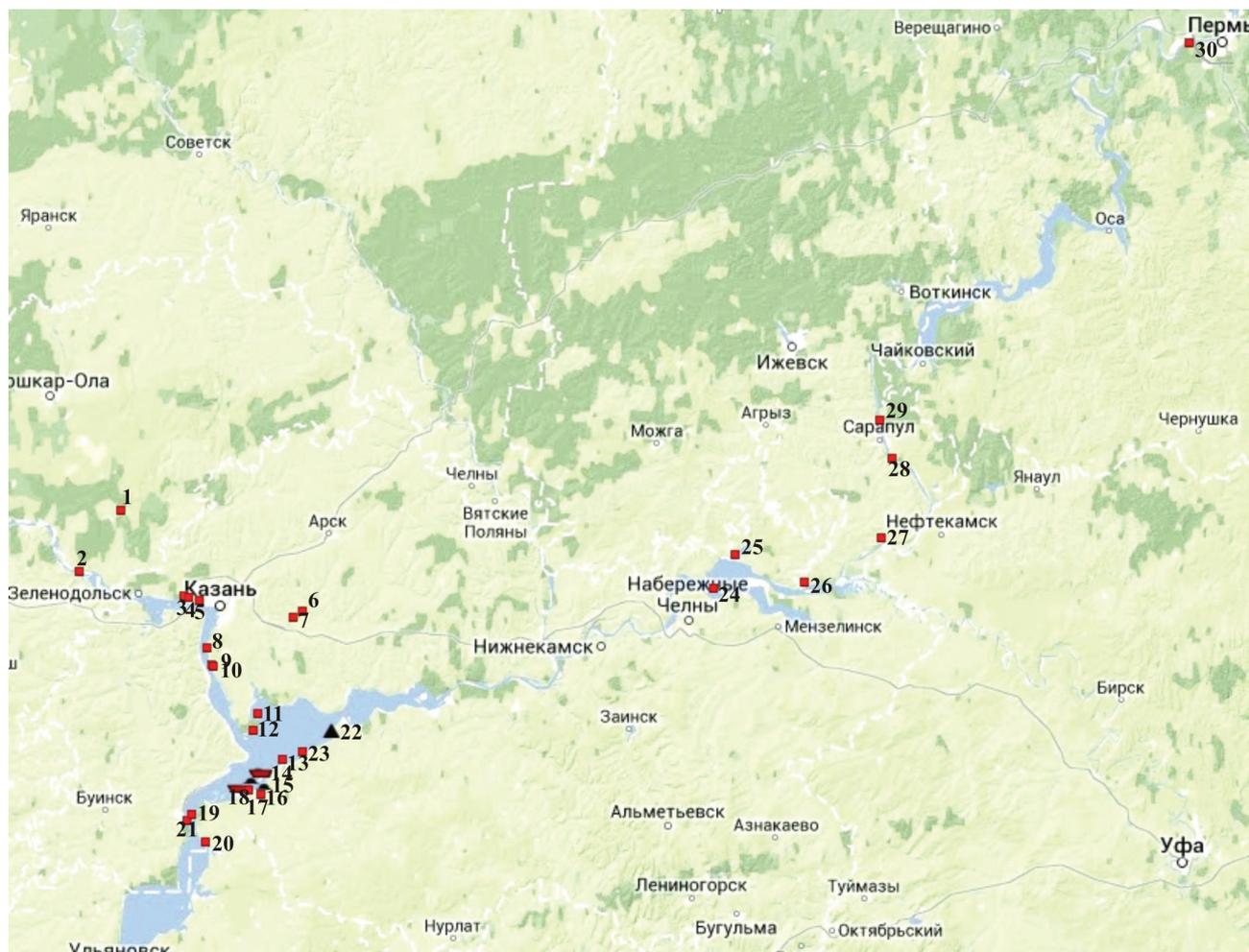
Что касается культур рубежа среднего-позднего бронзового века, таких как памятники вольско-лбищенского типа (Ставицкий, 2003), то вряд ли они оказали какое-то влияние на становление займищенского типа памятников. Заметны явные различия в материальной культуре этих типов памятников (Васильев, Кузнецов, 2000). Мнение о значительном влиянии памятников типа Сейма–Турбино на займищенские, основанное на случайных находках сейминских-турбинских бронз (Халиков, 1980. С. 40, 42), также достаточно условно и пока не находит подтверждения.

Многие вопросы по хронологии и истокам займищенского типа памятников еще требуют дальнейшего рассмотрения. Так, непонятна степень участия в формировании займищенской энеолитических культур лесной зоны.

Заосиновский тип памятников (см. рисунок). Памятники заосиновского типа выделены в Среднем Прикамье на основе керамических комплексов, имеющих явные аналогии с Зауральскими культурами первой фазы позднего бронзового века (Денисов, Мельничук, 1991. С. 106–107; Денисов, Мельничук, Митряков, 2011. С. 109). На Нижней Каме керамика подобного типа была выявлена на Рысовском III селище вместе с абашевской керамикой и сейминско-турбинскими бронзами, а также на Дубовогривской II стоянке (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012. С. 100, 102, Рис. 6, 4, 5; 7, 2, 4, 6, 12, 14, 17, 20, 22; Чижевский, Шипилов, Писарев, 2004, Рис. 6, 1–6; 7, 1, 4, 8, 12; 8, 5; 9, 1, 8, 12).

Керамика заосиновского типа имеет аналогии в керамике коптяковской культуры лесного и лесостепного Зауралья (Денисов, Мельничук, 1991. С. 106–107). Согласно одной из точек зрения, коптяковская культура складывается в сейминско-турбинское время в результате взаимодействия местного энеолитического населения при участии раннего петровского-алакульского степного населения (Исаев, 2009. С. 44–45; Зах, 2012. С. 38–39). Очевидно эти же процессы можно предполагать и в развитии керамики заосиновского типа. На первом этапе происходило проникновение раннеандроноидных орнаментальных традиций керамики в Приуралье и переработка их местным позднегаринским населением, на втором – трансформация заосиновского типа памятников в луговскую и черкаскульскую культуры. Этот процесс, вероятно, происходил параллельно с развитием коптяковской культуры в Зауралье. Датировать заосиновские комплексы, судя по их синхронности с сейминско-турбинскими древностями, следует временем не позднее первой трети II тыс. до н.э. В этот же промежуток времени укладывается большая часть радиоуглеродных дат первого этапа коптяковской культуры (Зах, 2012. С. 39).

Заосиновский тип памятников Прикамья на сегодняшний день еще слабо изучен, погребальные памятники не выявлены. Как и в ситуации с займищенским типом памятников, неясна степень участия в формировании данного культурного типа энеолитических культур Прикамья. Огромна роль в формировании

Карта распространения памятников займищенского и заосиновского типов начала позднего бронзового века в Волго-Камье. *Памятники займищенского типа*: 1 – Ошутьяльское III поселение; 2 – Криушинская стоянка; 3 – поселение Займище II; 4 – поселение Займище III; 5 – Обсерваторская III стоянка; 6 – Пестречинская IV стоянка; 7 – Пестречинская II стоянка; 8 – Матюшинская островная стоянка; 9 – Берзовогривская I стоянка; 10 – Берзовогривская IV стоянка; 11 – Ташкирменская II стоянка; 12 – Атабаевская VII стоянка; 13 – Коминтерновская II стоянка; 14 – Малиновский могильник; 15 – Ново-Мордовские II и III курганные могильники; 16 – Кимовское поселение; 17 – Ново-Мордовская IV стоянка; 18 – Ново-Мордовские IV и VI грунтовые могильники; 19 – Тетюшская IV стоянка; 20 – Маклашеевская (Змеиный остров) стоянка; 21 – Мантовское поселение; 22 – Чувашско-культурное местонахождение; 23 – Нижне-Марьянская IV стоянка. *Памятники заосиновского типа*: 24 – Дубовогривская II стоянка; 25 – Рысовский комплекс памятников; 26 – Зуево-Ключевское II поселение; 27 – Партизаны IV поселение; 28 – Непряха VII поселение; 29 – Симониha I поселение; 30 – Заосиновское VII поселение.

данного типа памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена. Но в чем она заключалась? В миграции зауральского населения в Прикамье вместе с сейминско-турбинскими популяциями или же в простом заимствовании позднегаринским населением культурных традиций у крупных металлургических очагов первой фазы позднего бронзового века Евразийской металлургической провинции? На эти вопросы еще предстоит ответить в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 65–84.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР Йошкар-Ола, 1991. С. 102–113. (Археология и этнография Марийского края; Вып. 19).

- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е.* Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения. Мат-лы конф. Екатеринбург, 2011. С. 107–116.
- Зах В.А.* Коптяковская культура в Нижнем Приоболье. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 29–40.
- Исаев Д.Н.* История изучения коптяковской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 42–45.
- Кузьмина О.В.* Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 85–121.
- Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисьяметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. С. 134–142. (Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции; Вып. VIII).
- Малов Н.М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 34–92.
- Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 168 с.
- Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 124–131. (Археология СССР).
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археологической экспедиции; Т. 6).
- Ставицкий В.В.* К вопросу о наличии абашевского компонента в материалах приказанской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат-лы конф. Чебоксары, 2003. С. 161–162.
- Халиков А.Х.* Приказанская культура. М.: Наука, 1980. 128 с. (САИ; Вып. В1-24).
- Халиков А.Х.* Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 139–146. (Археология СССР).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В.* Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–115.
- Чижевский А.А., Шипилов А.В., Писарев Т.Н.* Исследования Рысовского археологического комплекса // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань, 2004. С. 105–44.

О ПОГРЕБЕНИЯХ ТИПА «КЕНОТАФ» В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2014 г. В.И. Мамонтов

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград
(legenda@vspu.ru)*

Ключевые слова: срубная культура, погребение-кенотаф, топор из диорита, бронзовый нож, керамика.

Резюме. На территории волго-донских степей обнаружены памятники срубной культуры, где отмечены погребения без тела умершего. Их археологи называют «погребения-кенотафы». Оформление таких могил, сопровождающие их предметы и фиксируемые признаки погребального обряда имеют ряд особенностей: крупные ямы или ритуальные места на уровне древнего горизонта; использование деревянных перекрытий и травяных подстилок; набросок на насыпь. Сопровождающий инвентарь показывает высокое положение погребенного, тело которого отсутствует.

С середины II тыс. по XII в. до н.э. южные районы Волго-Донского междуречья и Нижней Волги энергично осваивали племена срубной культуры эпохи поздней бронзы. Они пришли сюда из северных районов с уже сложившимися элементами погребального обряда: тело покоится на левом боку в скорченном положении, руки направлены к лицу, основная ориентировка головой – на восток, север, северо-восток. Среди массы захоронений срубного времени выделяются по объему затраченного труда при подготовке погребальной камеры, по широкому использованию деревянных конструкций и количеству предметов сопровождающего инвентаря социально-престижные погребения.

В результате многолетних раскопок на указанной территории учтено большое количество погребений, накоплены значительные сведения по материальной культуре и религии местных племен срубной культуры. Среди них отмечены так называемые погребения-кенотафы, где в могильной яме нет останков умершего, хотя часто присутствует обширный могильный инвентарь.

Считается, что такие погребения-кенотафы связаны с тем, что из-за трагических жизненных обстоятельств, например гибели в степном пожаре, утоплении человека в реке, болоте, пропаже соплеменника в лесу, смерти в далеком походе и т.д., тело погребенного

отсутствует. Это значительно усложняло проведение погребального обряда, как при прощальных действиях соплеменников, так и при совершении ритуалов во время оформления могильной ямы и насыпи кургана.

В таких случаях, полагают исследователи, членами срубной общины проводились все те же стандартные погребальные действия, что и для погребения обычного умершего общинника. Но всегда добавлялись элементы, соответствующие статусному положению «пропавшего, отсутствующего» человека их рода или племени.

При похоронах социально значимых представителей в земле выкапывались большие погребальные ямы, на дно которых укладывались слои водных растений или подстилки из ткани, кожи, войлока; устраивались подпорные брусья для крепления навеса; возможно, имитировалось само тело умершего, его положение («фигура» из кожи или ткани); устанавливалась посуда с пищей и раскладывался другой могильный инвентарь (оружие, украшения, деревянная посуда, одежда, мясо животных); во время молитвенных ритуалов рассыпались угли, пепел из прощального костра. Таким образом всячески подчеркивалась значимость умершего, пропавшего человека. Погребений-кенотафов же рядовых общинников ничтожно мало.

В последнее время в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье выявлено еще несколько погребений-кенотафов срубной культуры, что позволяет говорить уже не о случайном эпизоде в погребальной обрядности срубного населения, а о четком выработанном регламенте похорон человека при отсутствии его тела.

Курганная группа Горьковский I (р. Волга), курган 1, погребение 3. Большая прямоугольная в плане яма перекрыта деревянными плахами. На дне – слой белой органики (трава). Скелета погребенного нет. Все находки сосредоточены у северо-западной стенки. Среди них – лепные глиняные сосуды, фрагмент деревянной миски, крупный отщеп-подвеска из диорита, полированный ладьевидный топорик из темно-зеленого диорита, костяные полированные кольца (возможно, украшали рукоять топорика), бронзовые ножи (два двулезвийные и один, после ремонта, однолезвийный), небольшая трубка из кости животного с заполированной поверхностью, на которой прочерчен ромб, кремневый черешковый наконечник стрелы, костяные упоры («яблочки») для древков стрел (см. рисунок, 1, 2, 5–9, 17, 19).

Курганный могильник Верхний Балыклей (р. Волга), курган 6, погребение 6. Яма трапезиевидных очертаний впущена в насыпь кургана ямной культуры. Скелет погребенного отсутствует. Около восточной стенки обнаружены фрагменты пяти глиняных сосудов с примесью толченой раковины в тесте, а также листовидный бронзовый нож с перекрестьем, черенок которого имеет расширенное основание, а его лезвие хорошо проковано. На дне ямы найдено полированные навершие булавы эллипсовидного очертания из порфирита, топор из диорита, у которого обух имеет грибовидную форму, а боковые поверхности украшают 12 рельефных линий.

Курганный могильник у с. Кочетного (р. Волга), курган 6, погребение 1. Большая яма перекрыта тремя крупными бревнами, на которые наброшены поперечные сгнившие. На дне со следами белого органического тлена в юго-западной части обнаружены следы циновки со слабыми следами охры. Под цинковой имеется небольшое возвышение. Скелет погребенного отсутствовал. Среди находок

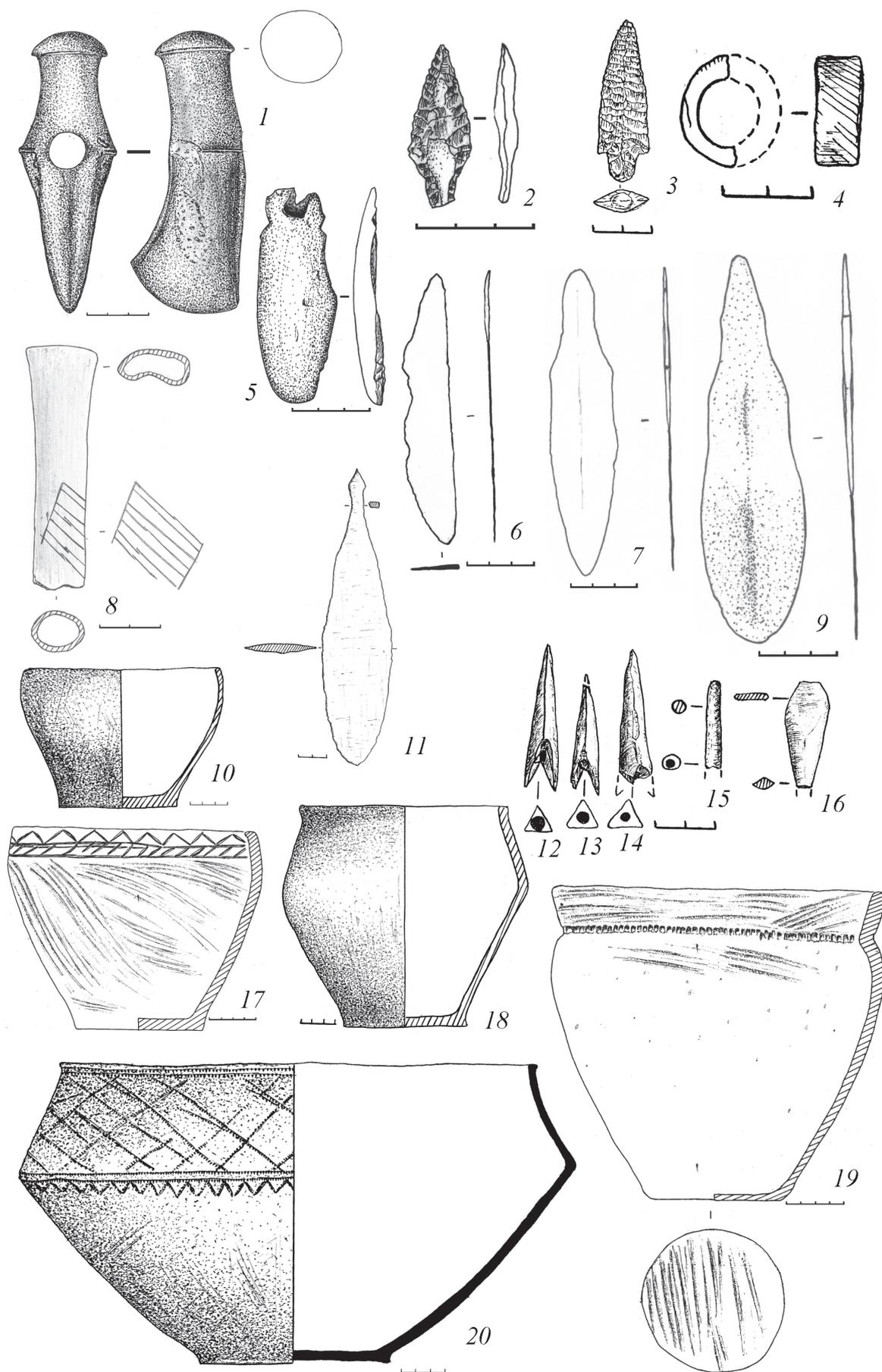
– бронзовые нож с перекрестьем (он лежал на деревянном блюде), шило, обойма с остатками древесины; костяная пронизка, расщепленные кости барана.

Курганный могильник у с. Кочетного (р. Волга), курган 7. Под перекрытием из бревен находилась яма, на дне которой сохранились циновки из камыша. На них находились вещи: деревянный ладьевидный предмет неясного назначения, два бронзовых ножа с перекрестьем, на одном из них – остатки деревянной рукояти на раскованном черенке, бронзовый изогнутый серп.

Курганная группа Первомайский XIII (р. Дон), курган 2, погребение 7. Прямоугольная в плане яма вырыта в более древней насыпи кургана. Ее стенки уступами, проходящими по периметру ямы, опускались вниз. Дно покрыто кугой, в засыпи много угольков. Скелет человека отсутствует. Предметы могильного инвентаря найдены у северной стенки: крупный толстостенный сосуд со сглаженным ребром; бронзовый нож, конец короткого черешка которого раскован в треугольник; кремневый черешковый наконечник стрелы и костяные наконечники стрел; кольцо из кости животного (надевались на рукоять жезла) с короткими пропилами по поверхности (см. рисунок, 3, 4, 11–16, 18).

Курганный могильник Чир II (р. Дон). Насыпь кургана была насыпана над особым ритуальным местом (оно находилось на уровне древнего горизонта), которое отделялось от окружающего «мирского» пространства круговым валом высотой до 1,5 м и диаметром 8 м. Это место было покрыто слоем куги и камыша. В центре находился своеобразный «дом мертвых» или жертвенное место, построенное из коротких плах. Пол в нем хорошо промазан тонким слоем зеленоватой глины, на который уложили тушку теленка (кости в анатомическом порядке). Тут же стояли три лепных глиняных сосуда.

Одиночный курган Новониколаевский (р. Хопёр). Яма прямоугольная в плане, перекрытая слоем деревянных плах. Скелет погребенного отсутствовал. В яме находился большой остросереберный глиняный сосуд-котел, орнаментированный геометрическим орнаментом, баночный сосуд, отдельные кости жертвенного барана (см. рисунок, 10, 20).

Находки из погребений-кенотафов. 1, 2, 5-9, 17, 19 - Горьковский I, к. 1, п. 3; 3, 4, 11-16, 18 - Первомайский XIII, к. 2, п. 7; 10, 20 - Новониколаевский, к. 1, п. 1.

Над ямой погребения сооружена первичная насыпь. У края полы этой насыпи вырыта еще одна прямоугольная в плане яма (погребенного нет), где засыпь была насыщена пеплом и углями. Сверху яма также перекрыта толстыми плахами. Кроме того, обозначено пространство на плоской вершине первой насыпи кургана для совершения поминального ритуала – насыпь сверху покрыта прямоугольной плотной наброской (6,2 x 5 м) из зеленой куги, камыша и других водных растений, принесенных из ближайшего водоема. И только после поминок вся эта конструкция была засыпана второй большой насыпью.

Все эти погребальные действия древних хорошо переключаются с некоторыми строчками из Ригведы: ...«расстелите в правильном порядке жертвенную солому»... (Ригведа,

1999. I, 13. С. 17), ...«они разостлали обращенную к востоку жертвенную солому»... (Ригведа, 1999. I, 188. С. 230), ...«сев на жертвенную солому»... (Ригведа, 1999. II, 36. С. 279).

Приведенный материал показывает, что выявленные в волго-донских курганах захоронения-кенотафы (покровский период) относятся к прослойке населения, занимавшей довольно высокое положение на ступеньках иерархической лестницы срубного общества – к родоплеменной верхушке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ригведа. Мандалы I–IV / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1999. 767 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ В НИЗОВЬЯХ Р. ЕЛАНЬ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014 г. А.П. Медведев

*Воронежский государственный университет, Воронеж
(APM1950@yandex.ru)*

Ключевые слова: лесостепное Подонье, курганный могильник, среднедонская катакомбная культура, доно-волжская абашевская культура, срубная культура.

Резюме. В работе излагаются результаты сплошного археологического обследования междуречья рек Елань и Савала в пределах Новохоперского р-на Воронежской обл., проведенного в 2012–2013 гг., а также раскопок семи насыпей курганного могильника Елка-1, содержащих захоронения среднедонской катакомбной, доно-волжской абашевской и срубной культур среднего и позднего периодов бронзового века. Высказываются соображения о плотности и количестве курганных памятников в лесостепных областях и возможностях определения их истинного, первоначального количества на этих территориях.

Наиболее многочисленная группа объектов археологического наследия в лесостепном Подонье – курганные могильники. К настоящему времени в Воронежской обл. на государственном учете стоят 984 курганные группы и 465 одиночных курганов (не менее 60% учтенных памятников). Принято считать,

что их было во много крат больше – многие из них уничтожены в результате хозяйственной деятельности людей в XIX и особенно в XX в. Это, на первый взгляд, справедливое, но в общем-то умозрительное допущение можно встретить в работах многих исследователей, изучавших курганы в среднедонской

лесостепи. На деле же сейчас никто не может сказать, какая часть курганных могильников попала в систему госучета и сколько их до сих пор остается неучтенными. Естественно, до полного изучения археологами всех курганных групп на территории Воронежской обл. окончательного заключения об их количестве сделать нельзя. Однако можно решить эту задачу хотя бы в первом приближении на примере того или иного локального района, вне зон урбанизации. В качестве «опытной площадки» мы избрали удаленную от Воронежа на 200 км к востоку западную часть Новохоперского р-на, где в конце прошлого – начале нынешнего века неоднократно проводились разведки. Исследуемая территория находится в юго-восточной части Окско-Донской равнины, на пограничье степи и лесостепи.

В 2012–2013 гг. западная часть Новохоперского р-на между реками Елань и Савала обследована археологической экспедицией Воронежского университета. Основная цель полевых работ – проведение сплошной археологической разведки для составления максимально полной археологической карты территории, на которой планируется строительство горнодобывающего предприятия по освоению Еланского и Елкинского месторождений медно-никелевых руд. На конец 2013 г. здесь выявлен 91 памятник археологии, в том числе 61 курганная группа и 15 одиночных курганов (всего учтено 384 курганные насыпи). В процессе разведки впервые определены точные географические координаты всех обследованных археологических объектов в системе GPS (система координат WGS 84). Последние позволяют в будущем найти основные курганные погребения даже в том случае, если насыпи будут полностью распаханы или снесены в процессе хозяйственной деятельности.

Большая часть курганных групп открыта в низовьях Елани, на ее правом берегу от устья р. Паника на западе до устья р. Татарка на востоке. По концентрации погребальных памятников этот микрорайон не имеет себе равных в Воронежской обл. В долине реки, а также на надпойменных террасах нанесено на карту 28 курганных групп и 2 одиночных кургана – всего 228 насыпей. Наибольший интерес представляют 12 курганных групп к югу и к востоку от пос. Елка, половина из них со-

хранилась в естественном луговом ландшафте. По существу они образуют одно большое курганное поле. Здесь на 1 км² обследованной территории в среднем приходится примерно четыре кургана. Из курганных могильников правобережья Елани выделим курганную группу 7 у с. Ивановка (28 курганов). Ее насыпи расположены весьма компактно на вершине довольно высокого водораздельного мыса берега р. Елань и левого берега р. Татарка. Они никогда не подвергались распашке и покрыты степной растительностью.

Причина такого скопления курганов в низовьях Елани понятна. Прежде всего это обильные пастбища в широкой долине реки перед ее впадением в р. Савала, которые и притягивали древних скотоводов. Этой же причиной можно объяснить появление на правобережье крупных поселений срубной культуры, таких как Елка-3. Здесь культурный слой прослежен вдоль старого русла реки на протяжении более чем 700 м.

Анализ местоположения памятников на правобережье Елани показал, что все без исключения группы курганов, отмеченные на старых картах, сохранились. Во многом это объясняется тем, что в долине реки антропогенное воздействие в основном сводилось к выпасу скота. Благодаря этому в пойме уцелели курганные могильники, состоящие из десятков небольших задернованных насыпей. Здесь удалось выявить новый тип памятников – большие курганы, окруженные искусственными рвами.

В левобережье Елани от с. Елань-Колено на западе до р. Савала на востоке обследовано 33 курганные группы и 13 одиночных курганов (всего 156 курганов). Судя по всему, здесь плотность памятников несколько иная, чем на правобережье – чуть более 1 кургана на 1 км². Наибольший научный интерес представляет курганная группа 1 «Высокая могила» (20 насыпей). Памятник получил название по самому большому кургану высотой до 7–8 м. От обычных курганов его насыпь отличается почти правильной квадратной формой со сторонами по основанию 64 x 64 м, из-за чего она приобрела вид пирамиды. На высоте 4–4,5 м по периметру насыпи со всех сторон хорошо заметен уступ шириной до 5 м, придающий насыпи форму ступенчатой пирамиды. Ее по-

верхность задернована, поросла ковылем и другими травами. На левобережье не удалось найти лишь две ранее известные курганные группы. Остальные курганы были идентифицированы с памятниками, уже попавшими в поле зрения археологов или картографов.

Таким образом, разведки на востоке Воронежской обл. показали весьма высокую степень сохранности курганных ансамблей в западной части Новохоперского р-на, хотя некоторые насыпи оказались сильно распаханы (особенно на водоразделах левобережья) или имели иные следы антропогенного воздействия (грабительские шурфы).

Полученные результаты позволяют подойти к решению вопроса о количестве курганных могильников в среднедонской лесостепи. Для этого в первую очередь необходимо использовать старые картографические материалы, на которые наносились курганы высотой от 1 м. Последние позволят весьма точно определить количество курганных групп и лишь минимальное число курганов в каждой из них, так как даже на крупномасштабные топографические карты наносились далеко не все курганные насыпи. Но даже с такими ограничениями предлагаемое исследование позволит в самом первом приближении решить проблему количественной оценки наиболее многочисленной категории объектов историко-культурного наследия Воронежской обл., определить ее «курганный ресурс». Откладывать эту работу на будущее нельзя, так как древние курганы – «уходящая натура». К тому времени, когда появятся необходимые средства для археологического обследования всей области, будет уже поздно – могут исчезнуть последние объекты нашего археологического наследия.

Летом 2013 г. параллельно с разведками проводились археологические раскопки курганной группы Елка-1 на правобережье р. Елань. Курганы располагались в низкой пойме, на лугу в 0,25 км к югу от заброшенного пос. Елка. В процессе раскопок семи небольших курганов высотой до 1 м установлено, что их насыпи сильно пострадали в результате хозяйственной деятельности местного колхоза, но большинство захоронений уцелело. Все они относились к эпохе бронзы: 6 погребений среднедонской катакомбной культу-

ры, 3 погребения доно-волжской абашевской культуры и 23 погребения срубной культуры.

Необычно погребение 2 кургана 3 среднедонской катакомбной культуры начала II тыс. до н.э., совершенное в большой квадратной в плане яме. На ее дне лежали скелеты четырех погребенных: одного взрослого, двух подростков и ребенка. Их сопровождали пять лепных сосудов, изготовленных в разных культурных традициях: местной среднедонской и привнесенной с юга (манычская культура). Укажем, что черепа взрослого и одного из подростков имели следы прижизненной искусственной деформации. Основное погребение 1 кургана 2 в большой могильной яме принадлежало воину-колесничему XVIII–XVII вв. до н.э. (ограблено в древности). Судя по остаткам костяка, погребенный был положен на левый бок с подогнутыми ногами, головой строго на север. Перед его лицом находился развал лепного горшка доно-волжской абашевской культуры с характерной примесью ракушки в тесте. Из остального инвентаря уцелел фрагмент костяного дисковидного псалия от колесничной упряжи, костяное навершие и бронзовый нож.

Курган 4 содержал 9 погребений, а курган 7 – 10 захоронений срубной культуры XVI–XV вв. до н.э. Как правило, они сопровождались одним-двумя лепными сосудами, украшенными геометрическим орнаментом. В одном из погребений найдена бронзовая обкладка венчика деревянного сосуда. По существу исследованные срубные курганы представляли могильники небольших семейно-родовых групп. Обращает на себя внимание то, что от половины до двух третей погребений в курганах эпохи поздней бронзы принадлежали грудным детям. При этом даже захоронения грудных младенцев совершались по тому же погребальному обряду, что и погребения взрослых.

Параллельно с археологическими работами проводились палеопочвенные исследования насыпей курганов (И.В. Иванов) и палеоантропологический анализ погребенных (А.А. Казарницкий). Получены новые данные о климатической обстановке в донской лесостепи в эпоху средней и поздней бронзы. Установлена идентичность строения почв, погребенных под курганами катакомбной и

абашевской культур. Климат в ту эпоху был более континентальным, чем сейчас. Почвы срубного времени отличались от почв предшествующей эпохи признаками формирования в более благоприятных условиях увлажнения. Климатическую обстановку второй

половины II тыс. до н.э. можно оценить как более благоприятную по сравнению с той, которая была в предшествующее время. Видимо, по этой причине низовья Елани, по данным археологии, были заселены в эпоху бронзы более плотно, нежели даже в XX в.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

© 2014 г. Р.А. Мимоход

*Институт археологии РАН, Москва
(mimokhod@gmail.com)*

Ключевые слова: покровская срубная культура, бережновско-маевская срубная культура, Северо-западный Прикаспий, погребальный обряд, хронология.

Резюме. Работа посвящена характеристике срубных памятников Северо-Западного Прикаспия. Рассматриваются погребальный обряд и инвентарный комплекс срубных погребений. Установлено, что в регионе существовали две срубные культуры: покровская и бережновско-маевская. Датируются они XVIII–XIII вв. cal BC. Основная масса захоронений находится на севере Калмыкии и Астраханской обл. В полупустынной зоне Средних и Южных Ергеней и Кумо-Маньчской впадины фиксируются единичные проникновения отдельных срубных групп. Связано это с непригодностью глубинных пустынно-степных районов для пастушеского уклада срубных племен, основанного на преобладании в стаде крупного рогатого скота.

Под условным термином «Северо-Западный Прикаспий» в данной работе подразумевается территории Северных, Средних и Южных Ергеней, Ставропольской возвышенности, восточной части Кумо-Маньчской впадины и северо-западной части Прикаспийской низменности, которые находятся в пределах Калмыкии, Ставропольского края и Астраханской обл. Они являются юго-восточной периферией ареала срубной культурно-исторической общности. В природном отношении этот регион практически полностью входит в пустынно-степную зону.

Срубные памятники Северо-Западного Прикаспия редко привлекали к себе внимание исследователей. В историографии сложились две диаметрально противоположные точки зрения на срубную культуру этой территории, в частности Калмыкии. Так, А.А. Иерусалимская и В.А. Сафронов объявляли данный регион зоной сплошной экспансии

срубных племен (Иерусалимская, 1958. С. 45; Сафронов, 1974. С. 114). М.И. Артамонов и И.В. Сеницын констатировали полное отсутствие здесь срубных древностей (Артамонов, 1958. С. 43; Сеницын, 1978. С. 9). Оба эти подхода вызвали справедливые возражения (Арапов, 1991. С. 120–123; Шилов, 2009. С. 94–95).

Цель настоящей работы – кратко охарактеризовать срубные памятники Северо-Западного Прикаспия, установить их хронологию, степень и динамику освоения региона в эпоху поздней бронзы.

На рассматриваемой территории известны главным образом погребальные памятники срубной культуры. Учтено 150 захоронений (рис. 1). Скорее всего погребений было больше, однако выборку пришлось ограничить. Связано это с тем, что из нее были исключены безынвентарные комплексы, потому что при сходстве обрядовых характеристик такие по-

гребения могут относиться как к срубной, так и предшествующей лолинской культуре. Таким образом, в базу данных попали только те захоронения, которые имели четкую срубную атрибуцию по инвентарю, либо стратиграфической позиции.

Характерная черта срубных древностей Северо-Западного Прикаспия – крайне слабо развитое курганное строительство: 88,2% составляют впускные захоронения, 11,8% – основные и сопровождавшиеся досыпками. Обряд стандартен. В 87% это поза адорации, при которой руки согнуты в локтях, а кисти находятся перед грудью или лицом. Доминирует скорченное положение скелетов на левом боку, костяки, лежащие на правом боку, составляют 6,5%. Ямы обычно имеют овальную или подпрямоугольную в плане форму, изредка встречаются деревянные перекрытия и рамы (4,6%). По одному разу зафиксирован кенотаф (Джангар-1981 22/15) и трупосожжение (Кривая Лука XXXIV 2/8). Ориентировка умерших также традиционна для срубной культуры. Доминируют восточный (53 комплекса) и северо-восточный (46 комплексов) векторы. Остальные направления представлены незначительным количеством.

Чаще всего в погребения в качестве сопроводительного инвентаря помещали посуду. Она встречена в 85% всех комплексов. Обычно в могилу ставили 1 сосуд (119 комплексов), изредка в погребении находились 2 сосуда (8 комплексов), один раз в захоронении обнаружено 3 сосуда. В одном комплексе зафиксированы остатки деревянного блюда (Джангар-1981 22/15). В типологическом отношении выделяется посуда баночной (54,6%), остросереберной (25%) и горшечной (20%) форм (рис. 2, 1–10, 20–33). Бронзовые орудия представлены ножами и шильями (рис. 2, 11, 12, 19), костяные изделия – трубочками (7 комплексов) и пряжками (рис. 2, 13, 14). В гарнитур украшений входят фаянсовые и сердоликовые бусы, бронзовые браслеты и височные подвески (рис. 2, 18). В ассортименте каменных предметов обращают на себя внимание престижные категории – сверленный топор и булава (рис. 2, 16, 17).

Анализ обрядово-инвентарного комплекса позволяет говорить о существовании в Северо-Западном Прикаспии двух культур

срубной общности: покровской и бережно-ско-маевской. Их выделение и периодизация были убедительно обоснованы В.В. Отрощенко (2001, 2003). Подавляющее большинство комплексов относится к бережно-ско-маевской срубной культуре (рис. 2, 17–33), к покровской срубной культуре уверенно можно отнести только 15 погребений (рис. 2, 1–16).

Покровская срубная культура. Примечательно, что в ориентировках скелетов покровских захоронений не встречается восточный вектор, и даже северо-восточное направление зафиксировано всего два раза. Полностью здесь доминируют ориентировки на север и северо-запад, которые являются отличительным признаком культуры. Треть костяков имеют слабую скорченность, что также характерно для покровской традиции.

Ярко выраженные признаки покровской срубной культуры прослеживаются и в инвентаре этих захоронений (рис. 2, 1–15). На поверхности керамики фиксируются грубые глубокие расчесы (рис. 2, 5–7, 10). В половине случаев тесто посуды содержит толченую раковину. О покровской культурной атрибуции свидетельствует и форма сосудов. Морфология двух из них прямо отсылает к абашевским прототипам. Сосудик из комплекса Ики-Зегиста 4/6 (рис. 2, 1) выполнен в переработанных традициях миниатюрных остросереберных горшочков, известных в абашевской культуре и культурных образованиях горизонта щитковых псалиев. К тому же в его тесте присутствует толченая раковина. Горшок из комплекса Кюин-Толга 8/1 (рис. 2, 2) имеет ярко выраженную колоколовидную форму и находит прямые аналогии среди абашевских древностей. Подколоколовидную морфологию имеет еще ряд сосудов (рис. 2, 3, 4, 6, 8). У горшка из комплекса Эвдык I 7/41 (рис. 2, 4) присутствует внутренний желобок по горлу. В орнаментации посуды покровские признаки тоже хорошо прослеживаются. К ним относятся орнаментация зубчатым штампом и композиционное построение узора (рис. 2, 2–4, 7, 9, 10).

Бронзовые ножи (рис. 2, 11, 12) представлены типами, характерными для рассматриваемой культуры. Они имеют намечающиеся перекрестья, причем у одного экземпляра присутствует ромбовидная расковка пятки

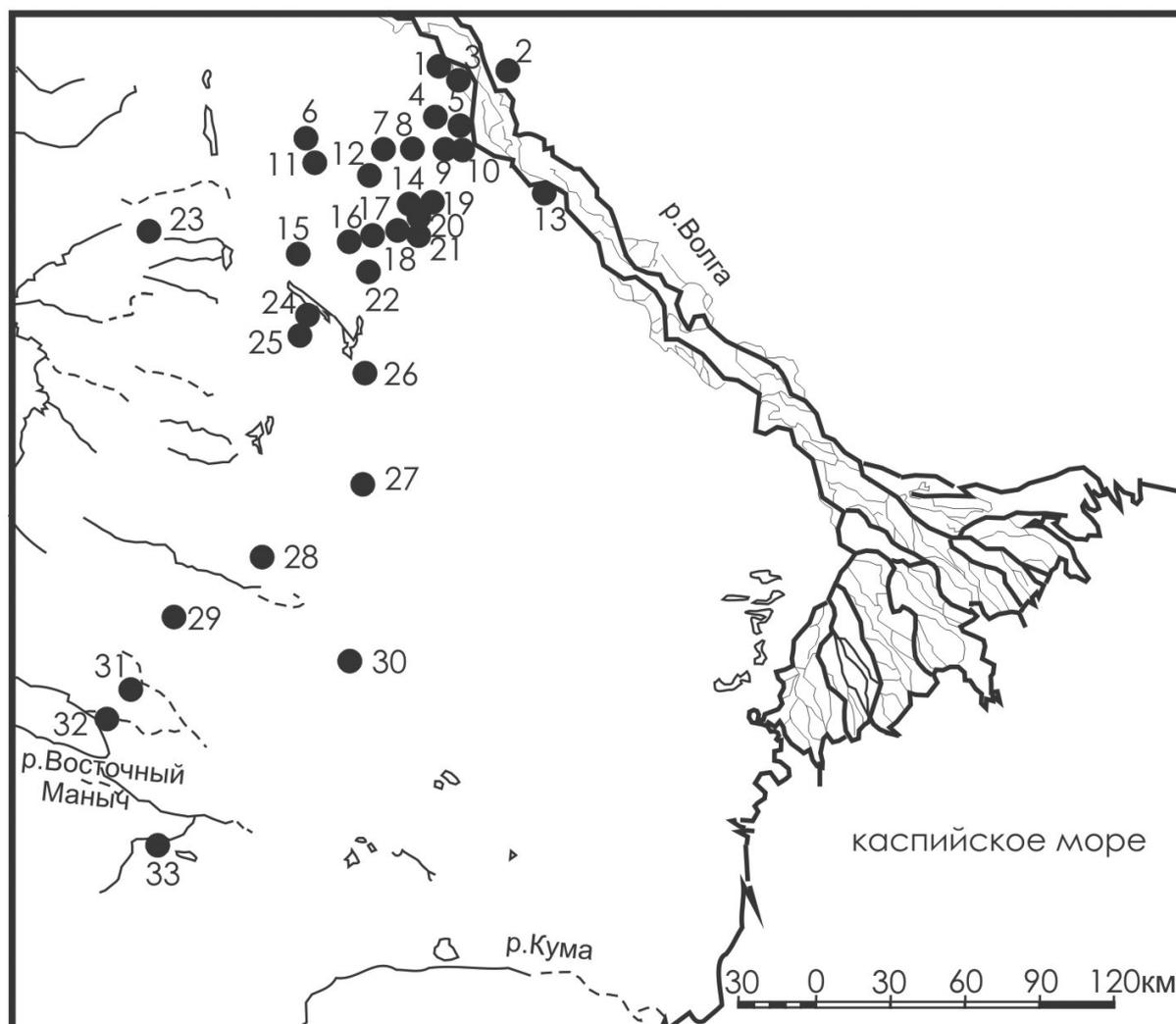

Рис. 1. Погребальные памятники срубной культуры в Северо-Западном Прикаспии. 1 – Кузин хутор; 2 – Степная IV; 3 – Барановка; 4 – Кривая Лука II, IV–VI, XI–XVI, XVIII, XIX, XXIII, XXVIII, XXX, XXXIII–XXXV; 5 – Капитанский хутор; 6 – Балкин II; 7 – Купцын Толга; 8 – Ики-Орва; 9 – Ордынские бугры; 10 – Соленое Займище; 11 – Большой Царын; 12 – Ут; 13 – Никольское I–VI; 14 – Джангр; 15 – Заханата; 16 – Зергента-1; 17 – Гува; 18 – Адрык; 19 – Кермен-Толга; 20 – Кюин-Толга; 21 – Ики-Зегиста; 22 – Иджил II; 23 – Кануково; 24 – Эвдык I; 25 – Улан-Толга; 26 – КВЧ-160; 27 – Улан-Хееч; 28 – Чилгир; 29 – Элистинский; 30 – Цаган-Усн III, V, VIII, X; 31 – Хар-Зуха I, II; 32 – Островной; 33 – Чограй IX.

черенка (рис. 2, 11). На четкую покровскую культурную атрибуцию указывают костяные пряжки (рис. 2, 13, 14) и орнаментированное костяное кольцо (рис. 2, 15).

В развитии покровской срубной культуры В.В. Отрощенко выделяет два периода (Отрощенко, 2003). В нашей выборке содержатся материалы, которые относятся к обоим этапам. Ранним периодом датируется ряд сосудов, имеющих выраженные архаичные черты (рис. 2, 1–4, 6, 7, 9), бронзовые ножи (рис. 2,

11, 12), костяные пряжки и кольцо (рис. 2, 13–15). К позднему периоду относится посуда, в которой покровские признаки фиксируются в ослабленном виде (рис. 2, 5, 8, 10).

Бережновско-маевская срубная культура. Комплексы данной культуры составляют абсолютное большинство в Северо-Западном Прикаспии. Уверенно к ней можно отнести около 100 погребений. В ориентировках скелетов полностью доминируют восточный и северо-восточный векторы, остальные на-

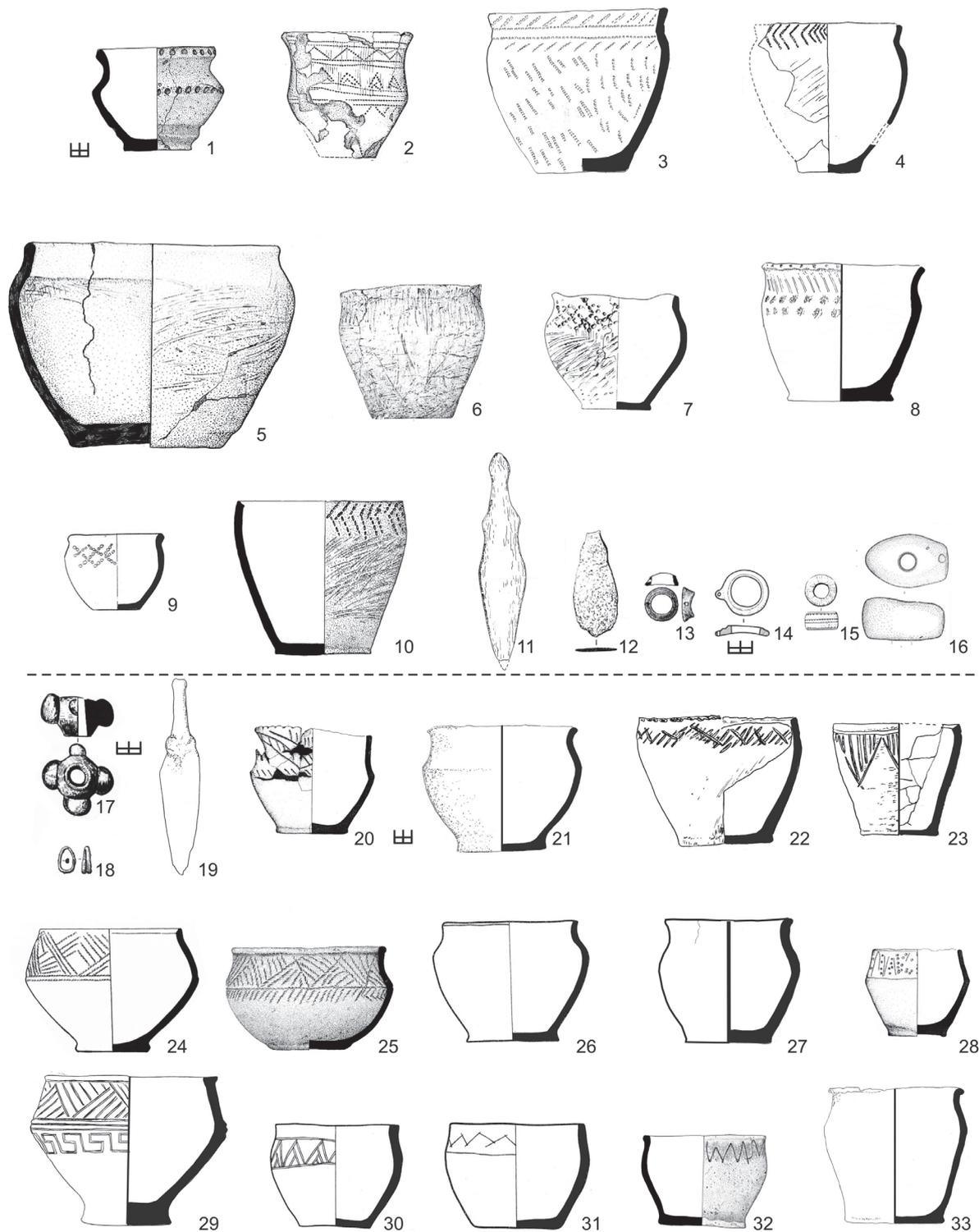

Рис. 2. Инвентарь срубных погребений в Северо-Западном Прикаспии. 1–16 – покровская срубная культура: 1 – Ики-Зегиста 4/6; 2, 16 – Кюин-Толга 8/1; 3 – Кривая Лука XVI 7/2; 4 – Эвдык I 7/41; 5 – Джангр-1981 25/15; 6, 13 – Чилгир 3/3; 7 – Никольское VI 1/3; 8 – Кривая Лука XIV 8/3; 9, 12, 15 – Никольское VI 1/5; 10 – Большой Царын II 1/5; 11 – Степная IV 2/3; 14 – Ут 6/1. 17–33 – бережно-маевская срубная культура: 17, 24 – Никольское III 1/5; 18 – Кривая Лука II 2/3; 19 – Кривая Лука XXXIV 1/3; 20 – Хар-Зуха II 3/1; 21 – Цаган-Усн X 1/4; 22 – Чограй IX 1/насыпь; 23 – Чограй IX 2/1; 25 – Кануково 7/3; 26 – Кривая Лука VI 1/1; 27 – Хар-Зуха I 1/1; 28 – Хар-Зуха II 1/1; 29 – Кривая Лука XV 4/2; 30 – Кривая Лука IV 1/1; 31 – Кривая Лука V 5/12; 32 – Кермен-Толга 22/1; 33 – Цаган-Усн VIII 1/6. 1–10, 20–33 – керамика; 11, 12, 18, 19 – бронза; 13–15 – кость; 16, 17 – камень.

правления немногочисленны. Преобладают средняя и сильная скорченность скелетов.

Керамический комплекс бережновско-маевских срубных захоронений соответствует всем стандартам этой культуры. В нем серийно представлены классические остросреберные формы (рис. 2, 21, 24–27), баночные сосуды (рис. 2, 22, 23, 31), слабопрофилированные горшки (рис. 2, 30, 32, 33). Довольно много неорнаментированной посуды (рис. 2, 21, 26, 27, 33). В технике нанесения декора фактически полностью отсутствует зубчатый штамп, преобладают гладкий штамп, прочерчивание и шнуровой орнамент. Композиции представлены треугольниками, зигзагами, меандром (рис. 2, 20, 22–25, 29–32). Форма бронзового ножа (рис. 2, 19) отличается от покровских экземпляров (рис. 2, 11, 12) выделенным перекрестьем. Это свидетельствует о более поздней хронологической позиции клинка и его бережновско-маевской атрибуции.

В существовании бережновско-маевской срубной культуры В.В. Отрощенко также выделяет два этапа. Представленный в регионе обрядово-инвентарный комплекс этой культуры свидетельствует о том, что здесь присутствуют комплексы обоих периодов. К первому этапу можно отнести бронзовый нож (рис. 2, 19), остросреберную посуду, орнаментированную шнуром, прочерчиванием, оттисками полой трубочки (рис. 2, 24, 25, 28). К заключительному этапу относится сосуд из комплекса Кривая Лука XV 4/2 (рис. 2, 19). Он имеет выраженную кубковидную форму. Сосуды такой морфологии маркируют окончание существования срубной общности. Кроме того, в комплексе Кривая Лука XXXV 1/1 обнаружен горшок позднесрубного облика, орнаментированный налепным валиком.

Для всего массива срубных погребений Северо-Западного Прикаспия на данный момент имеется, к сожалению, только две радиоуглеродные даты, сделанные по костям людей двух захоронений, исследованных на территории Калмыкии. Комплекс первого этапа покровской срубной культуры Чилгир 3/3 (рис. 2, 6, 13) (ИГАН-2706 – 3440±40 ВР) дает калиброванный интервал с вероятностью в 1σ 1870–1680 ВС; комплекс первого периода бережновско-маевской срубной культуры Кануково 1 7/3 (рис. 2, 25) (ИГАН-2704 – 3460±40

ВС) – 1880–1690 ВС. Единичные даты нет смысла сейчас обсуждать, тем более что радиоуглеродные датировки для двух комплексов ранних периодов обеих рассматриваемых культур совпадают, в то время как это разные хронологические периоды развития срубной общности. Опираясь на представительные подборки данных ¹⁴С покровских и бережновско-маевских срубных памятников других регионов, время существования срубных древностей в Северо-Западном Прикаспии можно определить в пределах XVIII–XIII cal BC (XVIII–XVI вв. до н.э. для покровской срубной культуры и XVI–XIII вв. до н.э. для бережновско-маевской срубной культуры).

Распространение срубных памятников в рассматриваемом регионе выявляет важные закономерности. Подавляющее большинство комплексов (123 из 150) располагается на Северных Ергенях и в северной части Прикаспийской низменности (север Калмыкии и север Астраханской обл.) (рис. 1). Здесь они являются юго-восточной окраиной территории сплошного освоения представителями срубной общности. На Средних, Южных Ергенях и в Кумо-Маньчской впадине зафиксировано всего лишь 27 захоронений, а на Ставропольской возвышенности они отсутствуют вовсе. Таким образом, можно констатировать, что глубинные районы Калмыкии демонстрируют только спорадические проникновения отдельных срубных коллективов. Интересно, что попытки продвинуться вглубь пустынно-степной зоны предпринимали коллективы как покровской срубной культуры, так и бережновско-маевской, но особых результатов это не принесло. Дело в том, что хозяйственный уклад носителей срубных традиций, основанный на преобладании в стаде крупного рогатого скота, сформировался севернее в период гумидизации климата. Он не соответствовал климатическим условиям полупустынной зоны, хотя в предшествующий посткатакомбный период Северо-Западный Прикаспий в условиях сильной аридизации был хорошо освоен носителями лолинской культуры, специализировавшимися на разведении мелкого рогатого скота (Мимоход, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аранов С.В. Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1991.

Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1958. № 2. С. 37–47.

Иерусалимская А.А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34–48.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001. 288 с.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2003. С. 68–96. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 17).

Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974. С. 23–173. (Сообщ. научн-метод. Совета по охране памятников культуры Мин-ва культуры СССР; Вып. VII).

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов, 1978. 132 с.

Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста, 2009. 304 с.

К ВОПРОСУ ОБ УКРАШЕНИЯХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. О.В. Минор

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(lesya-minor@yandex.ru)*

Ключевые слова: украшения, эпоха поздней бронзы, Южная Сибирь, реконструкция способов использования украшений.

Резюме. Эпоха поздней бронзы Южной Сибири охватывает период с XIII по VIII в. до н.э. Из многочисленных бронзовых предметов, известных из числа случайных находок и обнаруженных в погребальных памятниках, выделяются яркие и многообразные украшения. Также имеются украшения из камня и кости. Все изделия использовались для украшения головного убора и прически, одежды, обуви, а также как нательные и нагрудные украшения, служили аксессуарами. Они найдены в погребениях мужчин, женщин и детей. Эти украшения имеют аналогии в эпоху развитой и поздней бронзы, раннего железа на сопредельных территориях Западной Сибири, Казахстана, Забайкалья и Монголии.

Хронологические рамки эпохи поздней бронзы на территории Южной Сибири охватывают период с XIII по VIII в. до н.э. Из многочисленных бронзовых предметов, обнаруженных в погребальных памятниках, выделяются яркие и многообразные украшения. Встречаются изделия из камня и кости. Аналогии этих украшений известны среди

материалов памятников андроновской культуры Южной и Западной Сибири, Казахстана и погребального инвентаря комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири, Забайкалья и Монголии (Минор, 2012. С. 3).

К украшениям эпохи поздней бронзы Южной Сибири относятся височные кольца, бляшки, желобчатые подвески, треуголь-

ные пластины, бусины, трубочки-пронизки, лапчатые привески, бляхи, изделия, имитирующие раковины каури, привески с оправой, обоймочки, кольца, гривны, перстни, подвески из кости животного и браслеты (см. *рисунок*).

На основе проведенной морфологической классификации украшений выделяются конструкции изделий, виды основы, на которой они созданы, сходства и различия в форме конструктивных элементов (Щапова и др., 2007. С. 15). Украшения эпохи поздней бронзы классифицируются таким образом:

1) на основе обруча (гривны, кольца, привески с оправой, перстни, височные кольца, желобчатые подвески, браслеты);

2) на основе щитка (обоймочки, бляхи, лапчатые привески, треугольные пластины, бляшки);

3) на основе тулова с отверстием (бусины, трубочки-пронизки, подвески из кости животного, изделия, имитирующие раковины каури).

Основа этой классификации – схема описания изделий, предложенная Ю.Л. Щаповой и др. (2007). Для описания конструктивных элементов использованы словари-классификаторы, а также словари конструктивных элементов, разработанные данными исследователями (Щапова и др., 2007. С. 25).

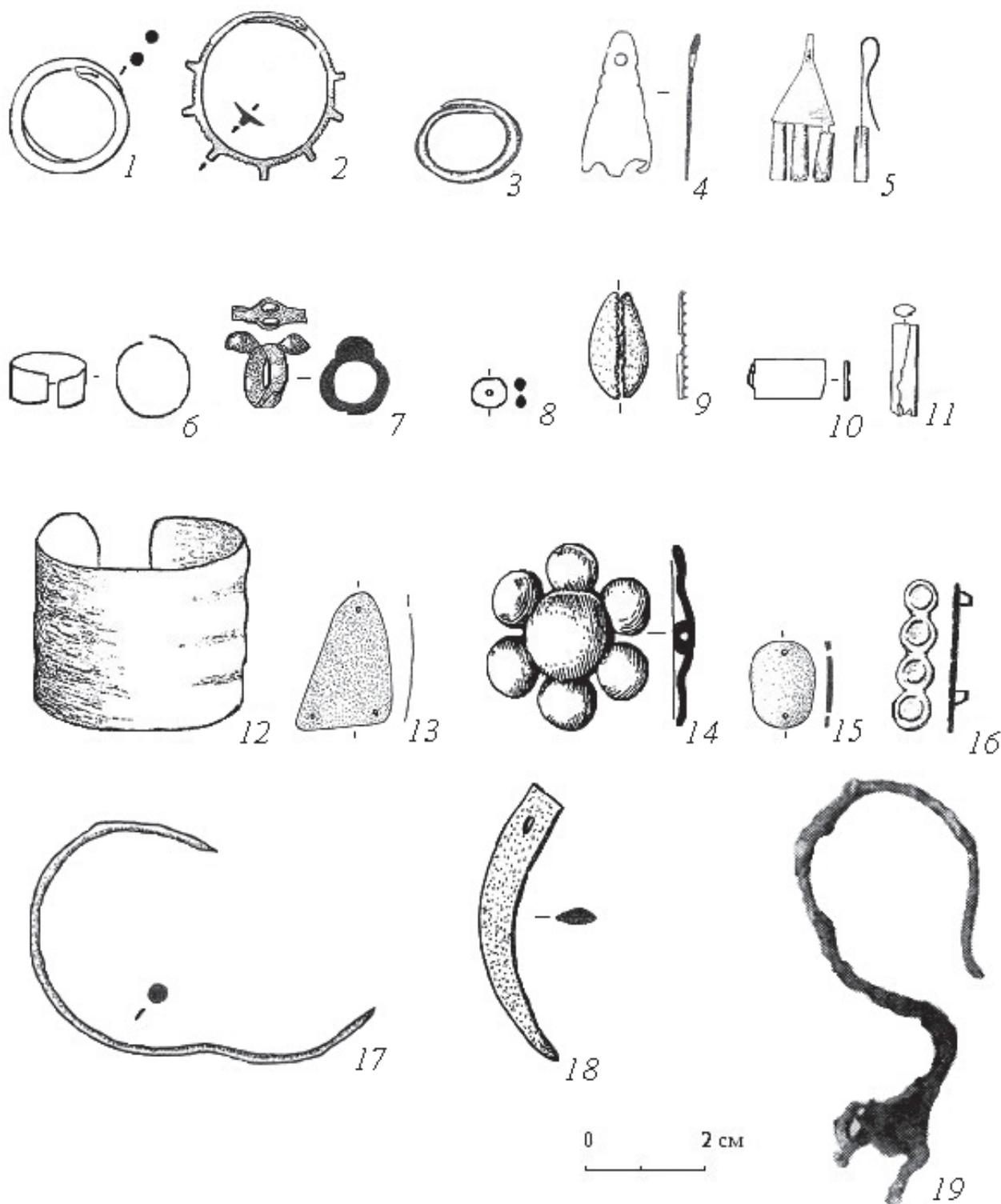
В работе определены хронологические рамки появления, бытования и распространения изделий на территории Южной Сибири. Наше исследование основывается на периодизации А.В. Полякова и И.П. Лазаретова. В ней период поздней бронзы Южной Сибири представлен следующими этапами: карасукский, карасук-лугавский, лугавский и баиновский (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 53).

На карасукском этапе (XIII–XII вв. до н.э.) в погребениях встречаются изделия, распространенные еще в андроновской культурно-исторической общности (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 36). Среди них – височные кольца, трубочки-пронизки, обоймочки, одинарные бляшки с отверстиями по краям, аргиллитовые и бронзовые бусины в виде трубочки и диска, проволочные браслеты (см. *рисунок*, 1, 8, 10, 11, 15). Появляются новые изделия, среди которых височные кольца с бронзовой

подвеской, широкие браслеты с пуансонным орнаментом и желобками.

Карасук-лугавский этап (XII–XI вв. до н.э.) ознаменовался появлением совершенно новых изделий. Ранее, в эпоху развитой бронзы, они не известны на территории бассейна Среднего Енисея (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 39). К ним можно причислить лапчатые привески с тремя «лапками» и выступами по бокам или ровными боками, «комбинированные» лапчатые привески, желобчатые подвески с цилиндрическими и шаровидными головками или без них, многочастные бляшки, трубочки-пронизки рельефные и с кольцеобразными выступами, рельефные обоймы, каменные бусины, привески с оправой, кольца из пластины и перстни со щитком и шарообразной формой выступов, височные кольца с нанизанной бусиной и в виде рога горного барана, литые узкие браслеты с горизонтальными желобками, браслеты на основе кожного ремешка и нанизанных на него трубочек-пронизок, подвески из кости животного, гривну, изделия, имитирующие раковины каури (см. *рисунок*, 1–13, 15–19). Практически все новые украшения фиксируются в женских погребениях. В конце этого этапа в погребениях не встречаются желобчатые подвески, широкие браслеты, привески с оправой, изделия, имитирующие раковины каури, гривны и каменные бусины (см. *рисунок*, 2, 9, 12, 17, 19). «Комбинированные» лапчатые привески сменяются треугольными пластинами с пуансонным орнаментом (Поляков, 2006. С. 97). Появляются цельнолитые шестилепестковые бляхи с ушком на оборотной стороне (см. *рисунок*, 5, 13, 14).

На лугавском этапе (X–IX вв. до н.э.) бляхи уменьшаются в размерах (Лазаретов, Поляков 2008. С. 44). Появляются узкие лапчатые привески с рельефными выступами по бокам, треугольные пластины и составные бляхи. В конце этапа широкие литые массивные браслеты используются в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы. Зафиксированы новые изделия: лапчатые привески с четырьмя «лапками», литые узкие браслеты с гранями и проволочные кольца (см. *рисунок*, 3). Появляются перстни со щитком с эллипсоидной формой выступов, браслет на основе

Украшения эпохи поздней бронзы Южной Сибири. 1 – височное кольцо (по: Vokovenko, Legrand, 2000); 2 – желобчатая подвеска, 3, 6 – кольца (по: Савинов, Бобров, 1983; Vokovenko, Legrand, 2000); 4, 5 – лапчатые привески (по: Павлов, 1999; Паульс, 2000); 7 – перстень, 8 – бусина (по: Поляков, в печати); 9 – изделие, имитирующее раковину каури, 10 – обоймочка, 11 – трубочка-пронизка (по: Vokovenko, Legrand, 2000); 12 – браслет (по: Киселев, 1929); 13 – треугольная пластина, 14 – бляха (по: Савинов, Поляков, 2007); 15 – одинарная бляшка, 16 – многочастная бляшка (по: Паульс, 2000); 17 – гривна, 18 – подвеска из кости животного, 19 – привеска с оправой (по: Зяблин, 1977). 1–7, 9–17, 19 – бронза; 8 – аргиллит; 18 – кость.

кожаного ремешка и нанизанных на него пуговиц.

На баиновском этапе (конец IX – начало VIII в. до н.э.) распространены лапчатые привески с «псевдолапкой». В погребениях продолжают бытовать перстни со щитком с шаровидной и эллипсовидной формами выступов, трубочки-пронизки, височные кольца, аргиллитовые бусины в виде трубочки и цельнолитые бляхи в уменьшенном виде (см. *рисунок, 1, 11, 14*). Небольшая часть изделий (трубочки-пронизки, височные кольца с подвеской цилиндрической формы, изделия, имитирующие раковины каури, подвески из кости животного, одинарные бляшки) продолжает свое существование в памятниках эпохи раннего железа на Среднем Енисее (Вадецкая, 1986. С. 77–128).

Анализ мужских, женских и детских захоронений дает возможность предположить, что в эпоху поздней бронзы на территории Южной Сибири определенные наборы украшений принадлежали конкретной половозрастной группе. Мужские погребения «бедны» украшениями. По количеству изделий и их разнообразию женские погребения превосходят и мужские, и детские.

Итог настоящего исследования – реконструкция способов использования украшений в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. Украшениями головного убора и прически служили височные кольца, их вплетали в косички (косы) или прикрепляли к головному убору в области висков; желобчатые подвески, крепившиеся к основанию головного убора, ниже височных колец, с помощью кожаных ремешков (веревочек, ленточек, шнурков); одинарные, многочастные бляшки и бусины нашивали на головной убор; трубочки-пронизки крепились, видимо, к основанию убора; лапчатые привески, треугольные пластины, привески с оправой, обоймочки, очевидно, были украшением прически (см. *рисунок, 1, 2, 4, 5, 11, 15, 16*). Можно предположить, что население эпохи поздней бронзы хоронило своих умерших с прической или в головных уборах. Предположительно ими могла быть шапочка или налобная (головная) повязка из ткани или кожи.

Выделены украшения одежды. Это треугольные пластины, бусины, изделия, имити-

рующие раковины каури, одинарные и многочастные бляшки (см. *рисунок, 9, 13, 15, 16*). Они служили для декора, скорее всего, передней части одежды, подола.

К украшениям обуви относятся трубочки-пронизки, обоймочки, лапчатые привески и бляшки (см. *рисунок, 4, 10, 11, 15, 16*). Все эти изделия найдены в женских погребениях. Видимо, декорированная обувь принадлежала женщинам.

Украшения шеи и рук относятся к нательным. К первым принадлежат ожерелья, состоящие из трубочек-пронизок, лапчатой привески, бусин и обоймочек. Помимо ожерелий шею украшала гривна (см. *рисунок, 4, 8, 10, 11, 17*). Изделия, имитирующие раковины каури, зафиксированные на шее погребенных женщин, очевидно, были либо украшением этой части тела, либо нашивались на ворот одежды (см. *рисунок, 9*). Кольца, перстни и браслеты служили украшениями рук (см. *рисунок, 3, 7, 12*).

Выделен еще один вариант использования изделий в погребальной практике – нагрудники. На это указывают находки мелких и крупных украшений на груди погребенных женщин и детей. К ним относятся и шестилепестковые бляхи.

Накосники, украшенная разными изделиями обувь, нагрудники и головные уборы встречаются в женских захоронениях. Это еще раз указывает на то, что в эпоху поздней бронзы на Среднем Енисее женщин хоронили с большим количеством разнообразных украшений (Минор, 2012. С. 17–18).

На основе исследования украшений, их местоположения в захоронениях и реконструкции способов использования в погребальной практике отмечено следующее. Если в наборе присутствуют массивные нагрудные изделия, то в нем не найдены украшения одежды. Видимо, массивные изделия заменяли большое количество мелких, и в погребении встречается по одному экземпляру. Если в захоронении фиксируется наличие богато украшенного разными изделиями головного убора, то украшения одежды составляют мелкие изделия, а нагрудники отсутствуют вовсе. Все это говорит о том, что, возможно, в погребальной практике населения поздней бронзы бассейна Среднего Енисея существовала традиция

украшать только определенную часть костюма: одежду или головной убор, либо класть в погребение нагрудник (Минор, 2012. С. 19–21).

Как показали результаты настоящего исследования, украшения – важный источник для реконструкции состава наборов украшений и способов их использования (ожерелья, нагрудники; для одежды, головных уборов, обуви, прически; нательные) разных половозрастных групп населения этой эпохи. Они связаны с материальной культурой, несут социальную и эстетическую функции. Результаты их изучения позволяют выявить культурные связи Южной Сибири с сопредельными территориями, осветить отдельные аспекты этнокультурной истории населения данной эпохи (элементы мировоззрения, погребальной обрядности, традиций, декоративно-прикладного искусства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
- Зяблин Л.П.* Карасукский могильник Малые Копены III. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Киселев С.В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартыанова. Т. 6. Вып. 2. Минусинск, 1929. 120 с.
- Лазаретов И.П., Поляков А.В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Минор О.В.* Украшения эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 22 с.
- Павлов П.Г.* Карасукский могильник Терт-Аба. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 70 с.
- Паульс Е.Д.* Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 104–117.
- Поляков А.В.* Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. № 13. СПб., 2006. С. 82–101.
- Поляков А.В.* Карасукский могильник Окунев улус I–II (раскопки Теплоухова С.А. 1926–1928 гг.) // Археологический сб. Гос. Эрмитажа (в печати).
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.* Устинкинский могильник // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 1983. С. 34–71.
- Савинов Д.Г., Поляков А.В.* Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические вести. № 14. М.: Наука, 2007. С. 62–92.
- Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К.* Морфология украшений. М.: Кн. дом «Университет», 2007. 102 с.
- Vokovenko N., Legrand S.* Das karasukzeitliche Gräberfeld Äncil Con in Chakassien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2000. Bd. 6. S. 209–248.

**ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК
УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА
КАМЕННЫЙ АМБАР (ОЛЬГИНО)**

© 2014 г. **И.В. Молчанов**

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург
(kolis@mail.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, укрепленные поселения, колодцы, деревянные изделия, деревообработка.

Резюме. В статье дается характеристика редких для Южного Урала деревянных изделий бронзового века. Предметы были обнаружены в разновременных колодцах (синташтинский и срубно-алакульский периоды). Определить их функциональное назначение оказалось крайне сложной задачей по ряду причин: отсутствие следов использования на поверхностях изделий, что не позволяет установить их предназначение; отсутствие каких-либо аналогий как на археологических памятниках, так и в этнографии народов Сибири. Лишь с большой долей вероятности можно рассуждать о назначении изученных деревянных изделий.

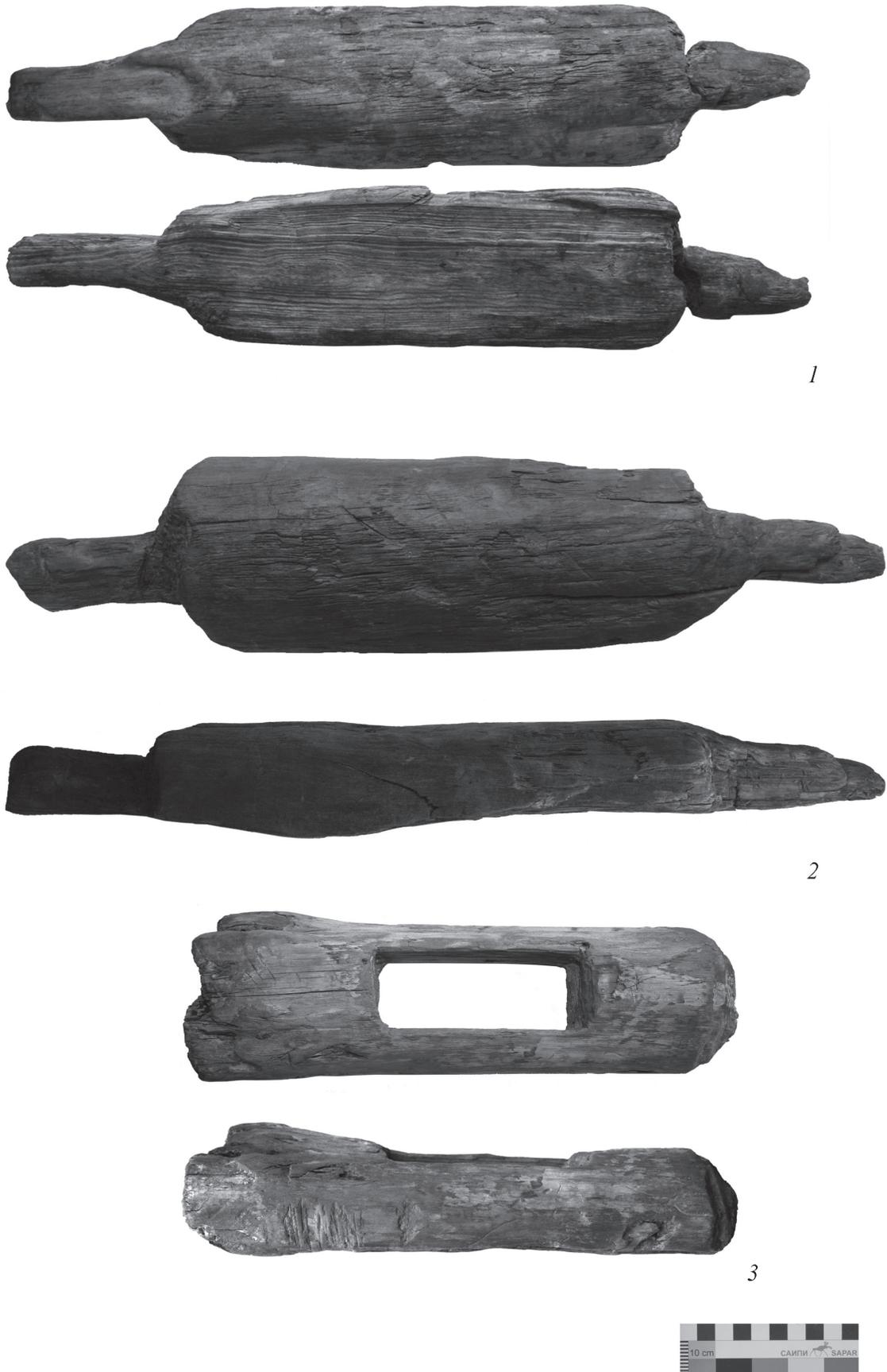
Деревянные предметы, несмотря на их редкость, служат таким же источником, как и каменные, костяные, керамические и металлические артефакты. Деревообработка возникла еще в каменном веке, о чем свидетельствуют находки деревянных изделий и орудий для их обработки (топоры, тесла, долота) (Мыльников, 2011, С. 9; Семенов, Коробкова, 1983. С. 68–69). Максимальное время сохранности деревянных предметов в земле обеспечивают особые условия, когда соблюдается относительный баланс температуры и влажности, исключен доступ воздуха и продуктов гниения. Подобные условия создаются в таких закрытых объектах, как торфяники, ледники, колодцы (Мыльников, 2011. С. 3). Для территории Южного Урала сохранность древесных материалов обеспечивают только колодцы.

Международные междисциплинарные исследования укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) показали неоднократность его заселения. В результате синташтинские объекты оказались сильно повреждены более поздними, срубно-алакульскими постройками (Корякова и др., 2011; Koryakova, Krause, 2013. P. 15–16). В ходе раскопок, проведенных в северо-восточной части памятника, были полностью раскопа-

ны две синташтинские постройки (№ 1 и 2), срубно-алакульская постройка (№ 3) и часть еще одной синташтинской постройки (№ 7). Интерьеры сооружений 2 и 7 оказались уничтожены более поздними объектами, которые не разрушили ранние колодцы. Только в наименее пострадавшей сравнительно небольшой по площади постройке 1 было выявлено два колодца. В постройке 2 обнаружено 11 таких объектов, в раскопанной части постройки 7 – 4 объекта. Один колодец относился к постройке 3 (Епимахов, Берсенева, 2012. С. 164–165).

В половине исследованных колодцев сохранились деревянные опалубки, в основном с плетневой конструкцией (колодцы 2/1, 2/1а, 2/5, 2/8, 2/9, 7/1 и, вероятно, 7/4) (Епимахов, Берсенева, 2012. С. 165). Находки в колодцах немногочисленны, но уникальны, поскольку впервые на поселении бронзового века Южного Урала найдены деревянные изделия. Все предметы были подвергнуты длительному процессу консервации.

В придонном заполнении двух колодцев, синташтинском 2/9 и срубно-алакульском 3/1, обнаружено три деревянных изделия. Два предмета – из позднего колодца, их форма в плане напоминает скалку (см. рисунок, 1, 2).

Деревянные предметы. 1, 2 – изделия, форма которых в плане напоминает скалку; 3 – изделие со сквозным прямоугольным отверстием в центре.

Они были изготовлены из молодых, продольно расколотых стволов деревьев. Размеры артефактов: длина – 47,3 и 44,7 см; ширина – 9–10 и 3,4–3,6 см; толщина – 4,8–5,9 и 3,8 см. С торцов изделий вырезаны ручки, удобно помещающиеся в руки. Длина рукоятей – 8,5, 10 см и 8,8, 7,7 см.

Еще одно изделие, из синташтинского колодца, было изготовлено из ствола дерева, предположительно имевшего диаметр 10–12 см (см. *рисунок, 3*). С одного торца ствола видны следы подрубания топором. Видимо, после этого ствол был расщеплен на две части. В центре было, скорее всего, вырезано сквозное прямоугольное отверстие длиной 11 см, шириной 4,8 см. Длинные стороны отверстия скруглены. На одной из коротких сторон видна наметка от разметки. Сбоку на выпуклой поверхности виден, предположительно, элемент орнаментации в виде линии. На внутреннем крае этой линии имеются небольшие, плохо заметные засечки. На той же стороне, ближе к противоположному торцу, видны достаточно глубокие засечки, предположительно от металлического орудия. На относительно ровной плоскости видны неглубокие засечки от металлического лезвия длиной от 0,4 до 1,5 см.

Определение функционального назначения описанных изделий затруднено из-за их плохой сохранности и практически полного отсутствия следов использования на их поверхности. Поиски каких-либо аналогий как на археологических памятниках, так и в этнографии народов Сибири не дали результатов. Можно лишь с долей условности предположить, что предметы в форме скалки были задействованы в кожевенном производстве для размягчения или растягивания шкур. Артефакт с прямоугольным отверстием в центре, возможно, был частью какой-то конструкции.

В заключение можно сказать, что изученные деревянные предметы были изготовлены человеком, обладавшим хорошим опытом деревообработки. Установлено, что орудия, которыми обрабатывали изделия, – это топор и нож. Видимо, лишь дальнейший поиск аналогий в этнографической литературе по разным регионам мира позволит понять их функциональное назначение. Кроме того, дальнейшее изучение плах и колов из колодцев позволит дополнить информацию об орудиях и приемах обработки дерева в бронзовом веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Кн. 2. СПб.: Периферия, 2012. 584 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаранова С.В., Пантелева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. № 4 (48). С. 61–74.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 188 с.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств: Мезолит–Энеолит. Л.: Наука, 1983. 255 с.

Koryakova L.N., Krause R. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennayı Ambar microregion on the first phase of the project // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 1–21. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

РАЗГРАБЛЕНИЕ МОГИЛ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕСЕДЖ

© 2014 г. В.А. Новоженов

*Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(vnovozhenov@gmail.com)*

Ключевые слова: бронзовый век, каналы коммуникации, алакульский этап, андроновская культурно-историческая общность, петровская, синташтинская культуры.

Резюме. Процесс разграбления и намеренного разрушения могил представляется конфликтом разных коммуникативных систем, описывающих иную собственную идентичность отдельных групп населения. Его природа кроется скорее не в этнических либо культурных, а в социально-клановых отличиях и конфликтах (материальное неравенство кланов или кровная вражда между семьями и др.). Последние в свою очередь выражают черты собственной идентичности каждой отдельной такой социальной группы и являются индикатором их социального положения.

Бронзовый век представляется эпохой, в которую в Старом Свете произошла глобализация: самые передовые инновации, изобретенные в Месопотамии, быстро распространились на огромных территориях (Childe, 1954; Wallerstein, 1976; Kristiansen, 2007; Черных, 2009; Епимахов, 2012). В это время сложились каналы коммуникации, посредством которых изобретения распространялись в отдаленные регионы (Новоженов, 2012).

Установлено крайне слабое развитие земледелия в эпоху бронзы в евразийской степи (Бочкарев, 2012). Мобильный характер хозяйства определял многочисленные переселения и смешение носителей степных археологических культур. В результате возникала культурная непрерывность («степной синдром»): подчас соседние культуры столь слабо различаются друг от друга в типологическом отношении, что неясно, где кончается одна из них и начинается другая (Черных, 2009). Наряду с импортом вещей происходило распространение «транскультурных» инноваций – новых технологий, идей, выразившихся в определенных культурных, изобразительных, погребальных, мегалитических традициях и ритуалах, носителями которых выступали мобильные кланы животноводов.

Пожалуй, основной задачей коммуникации, которую решали эти социумы, стала

проблема самоидентификации по принципу «свой – чужой». Примеры этому известны: знаковый код костюма, особенности погребального обряда, отличающие один социум от другого, и др. Совокупность таких признаков в комплексе с артефактами позволяет выделять археологическую культуру. Вещи, окружавшие первых номадов в древности, связаны между собой единой повествовательной структурой (Акишев, 1984; Jacobson, 1988. P. 223–229). Наиболее ярко она проявилась в погребальном обряде, например пазырыкской культуры, и подтверждается письменными источниками – в описаниях скифских обычаев у Геродота. Однако обычно существующие археологические методы не позволяют зафиксировать такие повествовательные структуры, так как многие предметы просто не сохраняются в земле, в том числе из-за разграбления в древности.

Когда человек кладет на могилу груды камней или возводит погребальный памятник, он идентифицирует принадлежность к своему социуму, выражает чувства и отношение к покойному, сохраняет память о нем и мотивирован на то, чтобы выполнить подходящие обряды. Так формируется коммуникативное послание для разных целевых групп: «я свой» – для загробного мира, «здесь моих близких

могила» – для живых, «чужие здесь не ходят» – для посторонних.

Регулярно археологи сталкиваются со случаями древнего грабежа более ранних могил. Видимо, это не только способ «пожиться» за чужой счет, а конфликт коммуникативных систем, одна из которых стремится уничтожить или оригинально использовать в своих целях все видимые следы «чужой» системы.

Так, существовала развитая система коммуникаций Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, в основе которых лежали поставки лазурита в разные регионы Ближнего Востока (Бактри, 2012). Имеется ряд прямых аналогий гонурским материалам в находках Телль Эль-Даб'а / города Аварис – столицы гиксосов, правивших в 1638–1550 гг. до н.э. Кризис Среднего царства начался примерно в 1805 г. до н.э. (Ryholt, 1997), когда гиксосы осели в Нижнем Египте и основали собственную династию. К концу их владычества страна окончательно распалась. В это время в Фивах, на юге, на троне оставались египтяне. Экспедиция Пенсильванского университета обнаружила в Абидосе два саркофага фараонов местной династии, «независимой» от севера и юга (Wegner, 2006. P. 15–22). Последние «владельцы» этих гробниц разграбили могилы предшественников и позаимствовали их саркофаги. Видимо, «бедные» фараоны не только использовали инвентарь состоятельных ранних правителей, но и поменяли обряд погребения как знак собственного могущества, социального равенства и даже превосходства над их более успешными предшественниками (Wegner, 2006. P. 2–32).

Другой пример происходит из мира андроновских древностей (рис. 1; 2). В 2012 г. на могильнике Карагайлы-3, в 120 км от г. Астаны, автором раскопана «восьмеркообразная» ограда круга алакульских памятников (нуртайский этап) (Ткачев, 2002; Усманова, 2005, 2010; Кузьмина, 2008; Досымбаева, Нускабай, 2012). Находки фрагментов керамики раннего облика позволяют предполагать и более раннюю датировку самого памятника. Среди особенностей погребального обряда отметим следующие:

– к основной ограде пристроена более маленькая по размеру оградка. Обнаруженные в могилах материалы и их расхищение не по-

зволяют достоверно подтвердить синхронность их возведения, но можно предполагать их синхронное строительство в пределах по крайней мере одного поколения;

– стандартно над северо-восточным углом могилы возводился жертвенник, в котором приносили в жертву пару животных (их частей, нижних конечностей и обязательно голов), два керамических сосуда (один из них установлен вверх дном, и под ним находилась голова или челюсти более молодого (?) животного);

– могилы ограблены в древности, о чем свидетельствуют зафиксированные грабительские ямы, разбитые фрагменты керамики и анатомически целые части человеческих костей, зафиксированные в разных местах на дне могил.

Существует множество доказательств в пользу долговременного существования степных погребальных памятников эпохи бронзы в Евразии. Известны многочисленные пристройки к андроновским оградкам и целые некрополи семейного типа из 20 и более могил взрослых и подростков, окруженных одной оградкой из вкопанных на ребро плит или состоящих из нескольких пристроек-оград, включая «восьмеркообразные»: Ташик, Сатан, Нуркен и др. в Сарыарке и Притоболье (Потемкина, 1985; Евдокимов, 2001; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Кузьмина, 2008). Детские погребения (с грудного возраста) помещались за пределы оградок, а жертвенники – внутри и снаружи (Ташик на р. Ащису, могильник Сатан в Центральном Казахстане).

Это позволяет рассматривать каждый такой степной погребальный комплекс как «храм» под открытым небом, в котором совершались долговременные, скорее всего семейные (клановые) погребальные обряды, о предназначении которых мы можем только догадываться по остаткам жертвенной пищи, ритуальным конструкциям и поминальным кострам. Скорее всего, степные некрополи (отдельные ограды) – это родовые погребальные сооружения на манер семейных склепов. Проводившиеся в них поминальные обряды отражают идентичность конкретной патриархальной семьи и могут иметь собственные этнокультурные и социальные особенности.

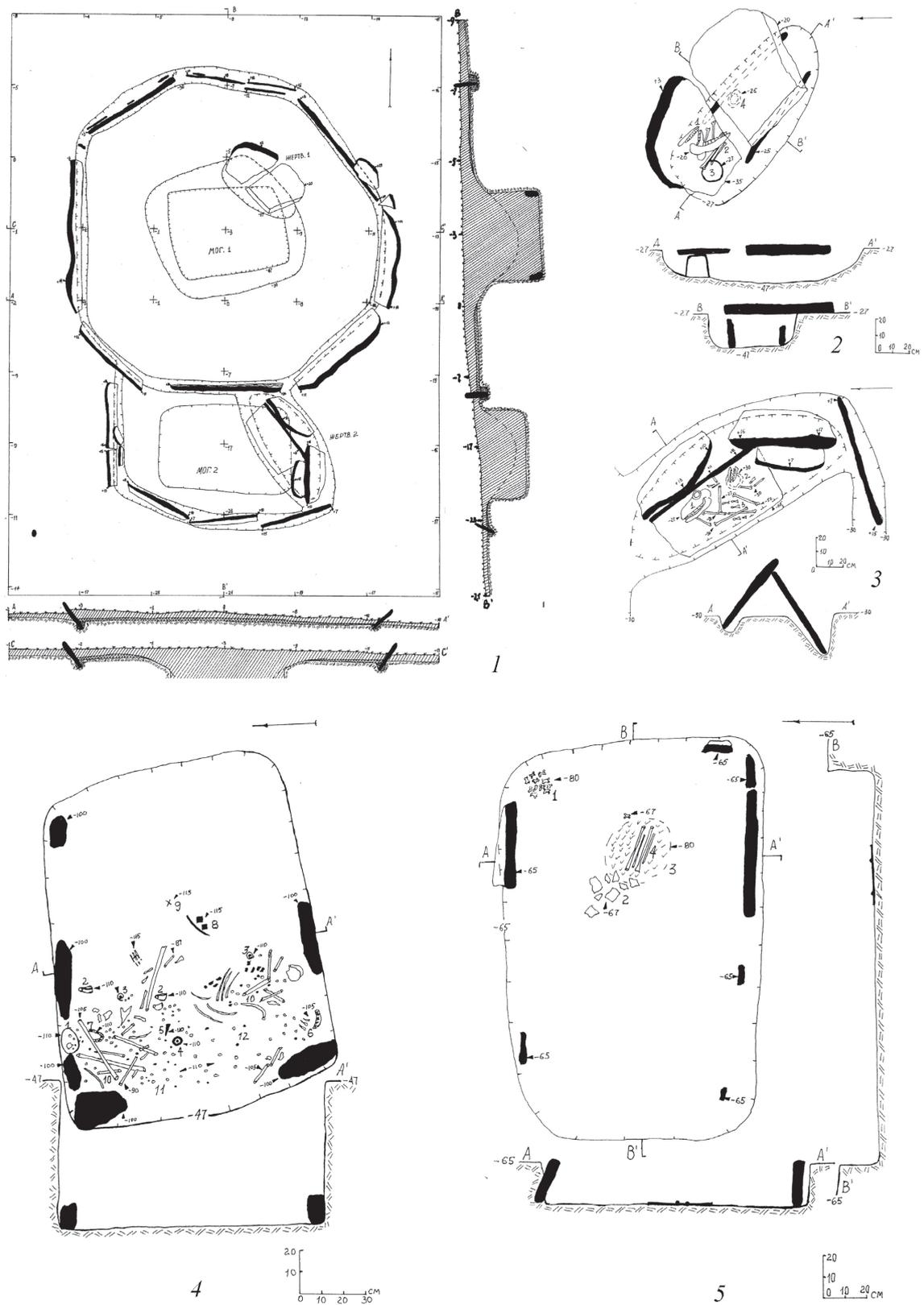

Рис. 1. Могильник Карагайлы-3. 1 – ограда 1; 2 – жертвенник 1; 3 – мог. 1; 4 – жертвенник 2; 5 – мог. 2.

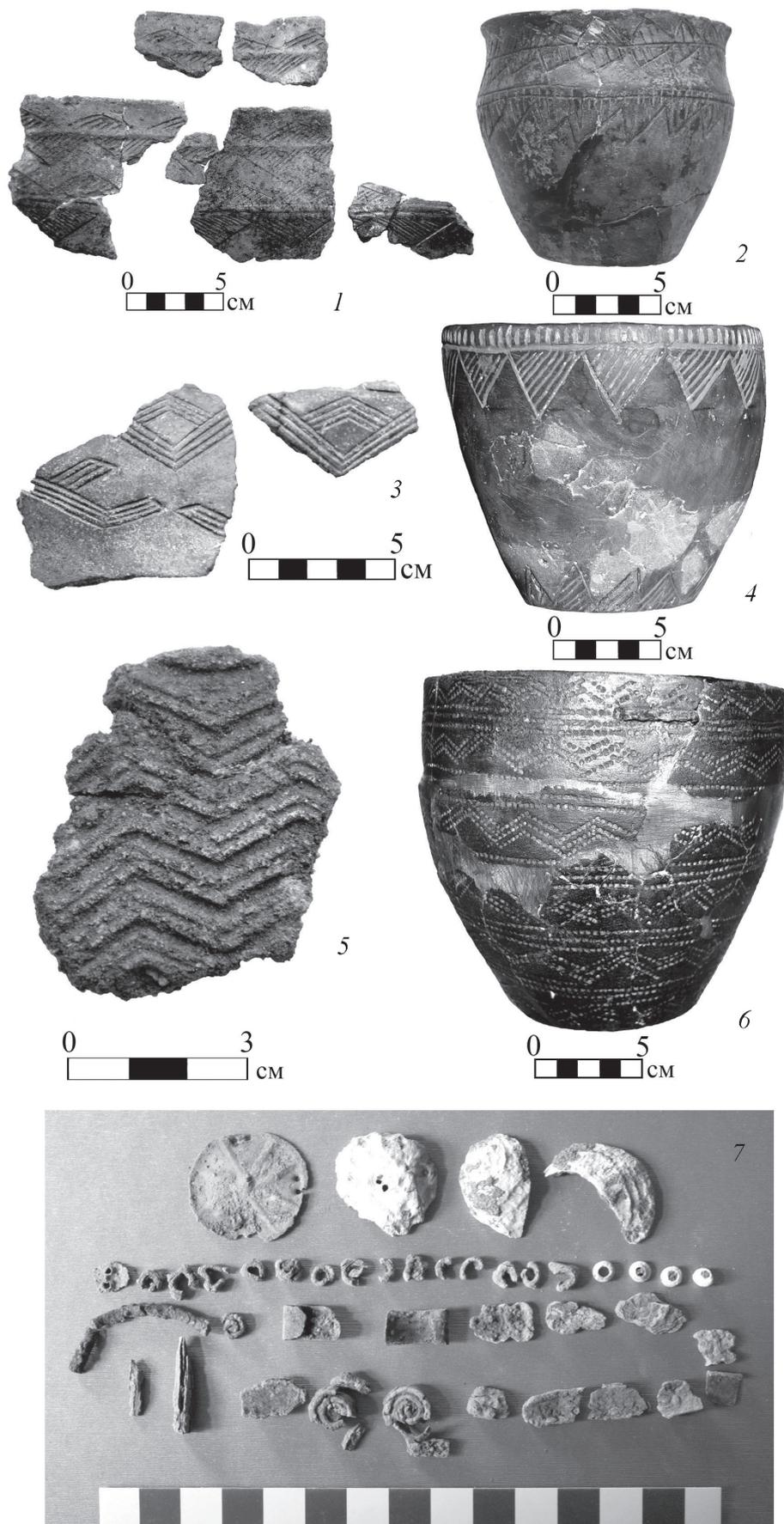

Рис 2. Могильник Карагайлы-3, ограда 1. Находки. 1, 6 – жертвенник 1; 2, 4 – жертвенник 2; 3 – мог. 2; 5, 7 – мог. 1 (керамика, бронза, раковины, паста).

Определенное сходство в конструкции карагайлинских жертвенников (Карагайлы-3) наблюдается с ритуальными комплексами, открытыми в Синташте (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 234–236. Рис. 129–130). Первые также расположены на краю могильной ямы и устроены в строго фиксированном месте, указывающем на астрономическую точку, вероятно, место восхода солнца в период весеннего равноденствия (Потемкина, 2012. С. 78–95). Возможно истоки весеннего древнеиранского праздника Наурыз, уходят своими корнями в ритуалы андроновских племен (Кузьмина, 1994, 2008). Четко фиксируется элемент погребального обряда – возведение определенной конструкции жертвенника и совершение особого ритуала с принесением в жертву двух животных либо их частей по принципу *pars pro toto* и обязательно – их голов. Важное ритуальное значение перевернутого сосуда подчеркнуто тем, что в первом жертвеннике использован горшок архаического облика и отремонтированный, вероятно, из-за его значимости, бронзовой скобой (рис. 2, б).

Судя по нашим полевым стратиграфическим наблюдениям, этот поминальный ритуал совершался на древней дневной поверхности; место действия обозначалось вертикально вкопанными на ребро плитами, но уже после совершения самого погребения. Возможно, что этот жертвенник продолжал функционировать как ритуальный объект еще какой-то весьма продолжительный период времени.

Сохранившиеся в ограде *in situ* оба жертвенника в отличие от разграбленных могил позволяют установить последовательность их разграбления. Расхищение их произошло только после возведения, использования и перекрытия жертвенника плитами и совершения всех необходимых на данный момент погребальных и поминальных обрядов. При этом на дне обеих могил зафиксированы в относительном анатомическом порядке отдельные фрагменты тел погребенных: голова, ноги, ладонь с фалангами пальцев. Последнее позволяет предположить, что момент расхищения могил наступил уже после значительного разложения трупа погребенных, когда можно было легко отделить эти части от остального тела человека.

Можно предполагать и намеренное содержание погребенных в открытой могильной яме или где-то еще, в специальных местах, на манер обряда зороастрийцев, когда тело умершего выставлялось на продолжительное время на съедение птицам, а затем погребалось все, что после этого осталось в разрозненном состоянии. Известны случаи намеренного расчленения тел и человеческих жертвоприношений в материалах синташтинской и петровской культур (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 378–380).

Однако наличие большого числа бусин в перемешанном состоянии и концентрация находок в определенных частях могил: в первой – исключительно в западной половине, а во второй – только в восточной, выявленные грабительские перекопы в свободных от находок противоположных половинах могил, разрушения конструкции свидетельствуют о разграблении именно полуистлевшего тела погребенных и сбрасывании не нужных грабителям предметов вместе с частями тел умерших, остатками их одежды в противоположную от грабительской ямы часть могилы. Примечательно, что некоторые ценные вещи из металла – бронзовые бусины, браслеты, бляшка, шило, пронизки, украшения при этом сохранились в могиле. Погребальная посуда из могил намеренно разбита, унесена или выброшена (сохранилось несколько фрагментов).

Разграбление и намеренное разрушение могил представляется конфликтом разных коммуникативных систем, описывающих иную собственную идентичность отдельных групп населения. Природа этого явления кроется скорее не в этнических и культурных, а в социально-клановых отличиях и конфликтах (материальное неравенство кланов, кровная вражда между семьями). Они в свою очередь выражают черты собственной идентичности каждой отдельной такой группы, являются индикатором их социального положения. Для животноводческих и смешанных обществ такая идентичность – способ выживания и саморазвития, своя собственная самодостаточная Вселенная со своими порядками, правами и законами.

Вероятно, имущественный фактор при разграблении степных могил имел меньшее зна-

чение, чем социальный и коммуникативный. Об этом свидетельствует тотальное расхищение андроновских могил в древности, в которых многие ценные предметы из металлов и даже оружие сохранялись, а керамическая посуда намеренно разбивалась. Расхитителям важнее было обозначить факт самого такого действия – разрушения коммуникативной системы, чем получить только ценные вещи из могил (хотя материальный фактор всегда имел существенное значение).

Важно отличать варианты погребального обряда, принимаемые за ограбление: 1) кенотаф (в том числе ложный); 2) расчленение по обряду «зорооастризма» и погребение части (*pars pro toto*); 3) трупосожжение в составе погребального обряда. Временной фактор также имеет место быть – имеется в виду очень длительное существование в степной зоне Евразии некрополей как долговременных храмов под открытым небом, в которых регулярно проводились ритуалы поминовения, подхоронения вновь умерших, на манер родовых (кланово-семейных) склепов. В какой мере выделенные степные археологические культуры способны отражать такие изменения на социальном уровне? Феномен кочевых культур частично отвечает на этот вопрос.

Ярче всего конфликт коммуникативных систем проявляется во время и как следствие батальных, спорных ситуаций, когда происходит замена одной коммуникативной системы идентификации на другую – свою собственную, происходит замена всех видимых и невидимых (мифологических) доминант-знаков погребального обряда и как следствие – то, что мы называем ограблением могилы. Анализ динамики изменений, фиксируемых археологами, таких знаков позволит реконструировать некие коды идентификации и социальной дифференциации определенных социальных групп. В какой степени это возможно зафиксировать современными археологическими методами – вопрос будущих специальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Гылым, 1984. 84 с.

Бактри абу А.-Х. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб'а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 267–271.

Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 13–24.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.

Досымбаева А.М., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана: Тюрк мираси, 2012. 146 с.

Евдокимов В.В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы: ИА МОН РК, 2001. 36 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.

Епимахов А.В. К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла // *Вестник Челябинского гос. университета*. 2012. № 34 (288). История. Вып. 53. С. 5–9.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 364 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А, 2008. 360 с.

Новоженков В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е.Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012. 500 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 374 с.

Потемкина Т.М. Пространственная и временная организация ритуального комплекса Телеутский Взвоз I (археoaстрономический аспект) // *Методика исследования культовых комплексов / Отв. ред. А.А. Тишкин*. Барнаул: Пять плюс, 2012. 144 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1–2. Тюмень: Изд-во Ин-та нефти и газа, 2002. Ч. 1 – 288с.; Ч. 2 – 242 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский. Караганда; Лисаковск: Taimas, 2005. 482 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск: Tengri, 2010. 176 с.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.

Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnographisch-archaeologische Forschungen. 1954. Т. 2. S. 1–17.

Jacobson E. Beyond the frontier. A reconsideration of Cultural Interchange Between China and Early Nomads // Early China. 1988. № 13. P. 201–240.

Kristiansen K. Eurasian Transformations: Mobility, Ecological Change, and Transmission of Social Institutions in the Third Millennium and Early Sec-

ond Millennium B.C. // The World System and the Earth System / Eds A. Hornbord, C.L. Crumley. Walnut Creek (CA): Left Coast Books, 2007. P. 149–162.

Ryholt K. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B.C. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1997. 463 p. (CNI Publications; 20).

Wallerstein I. A World-System. Perspective on the Social Sciences // British J. of Sociology. 1976. № 27 (3). P. 343–352.

Wegner J. Beneath the Mountains of Anubis. Ancient Egypt's first hidden Royal Tomb // Penn Museum [Electronic resource]. Mode of access: www.penn.museum.edu/expedition-magazine/.

«ОГРАБЛЕНИЕ» МОГИЛ В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

© 2014 г. В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина
(doold@mail.ru)

Ключевые слова: погребения, «ограбление», срубная культурно-историческая общность, ритуал.

Резюме. На основании исследования больших серий разрушенных погребений различных территориальных групп памятников срубной культурно-исторической общности показано, что причины их преднамеренного разрушения могут быть достаточно разнообразными и не сводятся, как это чаще всего предполагается исследователями, к банальному ограблению. В частности, выделяется несколько типических ситуаций или способов обращения с человеческими останками и сопровождающим инвентарем в разрушенных погребениях. Высказываются соображения о практике ритуальных разрушений могил.

В ряде культур бронзового века (среднедонской катакомбной, синташтинской, петровской, срубной, алакульской, федоровской, белозерской и др.) встречаются погребения, «ограбленные» в древности. С конца прошлого века интерес к ним очень возрос. Многие исследователи усомнились в том, что «грабители» руководствовались исключительно соображениями наживы, и стали допускать ритуальный характер вскрытия могил (Корочкова, Стефанов, 1999; Нелин, 2001; Усманова, 2002. С. 134; Скарбовенко, 2006. С. 26; Усманова и др., 2006. С. 72–77; Папин, Попова, 2008. С. 125; Исмагил, Морозов, Чаплыгин,

2009. С. 109; Мимоход, 2009. С. 26; Агульников, 2010. С. 185). Действительно, некоторые захоронения иллюстрируют данную гипотезу довольно ярко. Так, погребение 12 кургана 25 Большекараганского могильника, Челябинская обл. (синташтинская культура) было «ограблено», когда погребальную камеру еще не заполнил грунт. При этом «грабители» хорошо знали, где находится захоронение. Они удалили из могилы верхнюю часть костяка А (женщина 18–21 года)¹. Что из вещей эти люди унесли с собой, неизвестно, но во вся-

¹ Если допустить, что «грабителей» интересовали лишь материальные ценности, данная операция окажется бессмысленной.

ком случае они не взяли массивное бронзовое долото (Зданович, 2002. С. 54, 56–57). Словом, в данном случае мы имеем дело не с банальным грабежом.

На наш взгляд, судить о мотивах, побуждавших людей эпохи бронзы проникать в могилы, следует не вообще, а применительно к конкретным культурам, ибо в разных обществах эти мотивы могли существенно различаться. Рассмотрим данную проблему на материалах срубной культуры. Они тем более интересны, что в срубных захоронениях весьма редко встречаются изделия, которые по тем временам могли иметь значительную материальную ценность (например, металлические предметы) и соответственно порождать соблазн добыть их. Всего нами было учтено 97 погребений, которые с той или иной долей вероятности можно считать «ограбленными» через небольшой временной интервал после похорон². При выделении данных погребений мы руководствовались рядом критериев, основные из которых следующие: 1. Некоторые кости разрушенного скелета находятся в сочленении, т.е. проникновение в могилу происходило тогда, когда мягкие ткани еще не полностью истлели; 2. «Грабительский» лаз попал точно на погребение, и следовательно лица, решившие забраться в могилу, знали, где она находится; 3. «Ограблению» подверглось захоронение, по каким-то признакам существенно отличавшееся от синхронных ему погребений данного кургана (т.е. «грабители» действовали не наугад); 4. Комплекс демонстрирует следы манипуляций, которые едва ли стали бы совершать грабители более поздних эпох (останки покойника целиком или частично были удалены из могилы; кости умершего были преднамеренно изломаны или сложены в определенной системе).

Разрушенные погребения распространены по всей территории срубной культурно-исторической общности от Зауралья на востоке до Поднепровья на западе. Вместе с тем частота их встречаемости падает с востока на запад. Так, на Южном Урале такие погребения составляли 4,1% от 988 учтенных нами. При

² Данные погребения корректнее называть не «ограбленными» (данный термин вызывает вполне конкретные ассоциации), а «разрушенными», что звучит нейтрально.

этом наивысший показатель демонстрируют курганы Челябинской обл. – 15,2%. В Среднем Поволжье были разрушены 2,3% захоронений от 1131 учтенного, в Нижнем Поволжье – 0,8% от 1049, в Верхнем и Среднем Подонье – 1,7% от 645, в Нижнем Подонье – 0,3% от 646. Наконец, на территории к западу от Подонья к разрушенным погребениям можно отнести лишь 0,2% от 3792 учтенных. Правда, в пределах данной территории довольно высокие показатели демонстрируют комплексы Днепровско-Молочанского междуречья и Крыма – по 0,9%.

Обычно в кургане находилось одно разрушенное погребение, даже если в нем присутствовали и другие захоронения. Такая ситуация имела место в 52 из 66 учтенных курганов с разрушенными погребениями. Лишь в 14 случаях в кургане выявлено 2 и более (до 5) разрушенных погребений. При этом данные случаи демонстрируют повышенную частоту встречаемости в Челябинской обл. Здесь 7 из 15 курганов (46,7%) содержали более одного разрушенного погребения³. Добавим, что только в этом регионе нам известны курганы, где находилось четыре или пять разрушенных погребений. Диаметрально противоположна картина на территории к западу от Подонья. Здесь лишь в одном из восьми рассматриваемых курганов присутствовало более одного разрушенного погребения.

Лица, могилы которых подверглись разрушению, в подавляющем большинстве были взрослыми. Лишь один из них был ребенком и трое – подростками. Среди взрослых зафиксированы как мужчины (10 случаев), в том числе 25, 25–35, 35–40, 35–45 (2 случая), 40–45, 40–50 (2), 50–55 (2) лет, так и женщины (5 случаев), в том числе 20–30, 25–35 и 35–45 лет. Еще один погребенный был «транссексуалом» (Степановка III, 2/5, Самарская обл.) (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013. С. 459).

Бросается в глаза то, что среди разрушенных погребений преобладают комплексы, демонстрирующие знаки высокого ранга погребенных: индивидуальные курганы и досыпки,

³ Показатель по Нижнему Подонью еще выше (100%), но он статистически недостоверен, так как на данной территории нам известен только один курган из рассматриваемой серии, и он содержал два разрушенных погребения.

большие размеры могильных ям (2–16 м²), сложные могильные сооружения и др. Лишь в курганах Челябинской обл. соотношение захоронений лиц высокого и низкого ранга составляет в массиве разрушенных погребений 50:50 (%). На остальной территории оно имеет вид соотношения 83,6:16,4 (%), причем к западу от Подонья все разрушенные погребения социально неординарны. Поскольку в погребениях взрослых и особенно взрослых высокого ранга значительно чаще, чем в захоронениях детей, подростков и взрослых низкого ранга, встречаются изделия из металла, собранные нами материалы, казалось бы, свидетельствуют о том, что могилы разрывались ради добывания материальных ценностей. Учтем, однако, следующее.

Во многих случаях, вскрыв могилу, люди нарушали целостность скелета. При этом создается впечатление, что некоторые манипуляции были «нормированы», поскольку они повторялись, причем это фиксируют комплексы, которые разделяют сотни километров. Так, в 40 случаях кости погребенного находились в заполнении ямы вперемешку с грунтом, т.е. сначала останки покойника были извлечены из могилы, а затем в процессе закапывания ямы их вновь захоронили. В 15 случаях в могиле вообще отсутствовали кости или их число минимально. Следовательно, останки умершего намеренно удалили из могилы⁴. В 15 случаях кости были разбросаны по дну. В 15 комплексах останки погребенного были смещены к стенкам или в углы. В 13 захоронениях отсутствовали черепа. В 12 случаях кости были фрагментированы, т.е. велика вероятность того, что их намеренно ломали. В пяти случаях была извлечена из могилы или целенаправленно разрушена верхняя часть скелета покойника, при том что кости таза и конечностей остались *in situ*. При нарушении пяти погребений участники данного акта сложили некоторые длинные кости пучками. Добавим, что в двух из этих случаев они приносили данные пучки к стенкам могилы. На наш взгляд, большинство перечисленных действий вряд ли стали бы совершать люди,

проникшие в могилу исключительно с целью наживы.

Итак, правомерно допустить, что многие разрушенные погребения были разрушены с ритуальной целью. Обращение к этнографическим и фольклорным материалам позволяет найти объяснение большинству описанных выше манипуляций. В частности, у многих народов имела место практика вскрытия могил покойников, считавшихся магически опасными, для того, чтобы нарушить целостность останков мертвецов и тем самым обезвредить их. В свете данной объяснительной модели понятно, почему в большинстве разрушенных погребениях кости размещались беспорядочно. Отсутствие в таких погребениях части костей, особенно черепов, может быть связано с распространенной практикой использования частей покойников в качестве обрядовых атрибутов. «Тотальное» разрушение могил (примером могут служить могильники Система-1, 2 и 4, Челябинская обл., где практически все захоронения взрослых оказались «ограбленными») (Костюков, Алаева, 2004. С. 5–40), возможно, происходило после изменения «линии фронта»: вытеснив местных жителей, пришельцы разрушали могилы их предков, чтобы обезопасить себя от мести последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М. Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 183–192.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002. С. 17–106.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа, 2009. 240 с.

Колотухин В.А., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. III. Запорожье, 2000. 245 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 81–82.

⁴ Правда, если в могиле вообще отсутствовали кости, нельзя исключать того, что «грабители» проникли в кенотаф.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2004. Серия 1: Исторические науки. № 2. С. 5–56.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.

Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблемы интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 317–321.

Папин Д.В., Попова О.А. К вопросу о соотношении половозрастного статуса умерших с элементами погребального обряда в андроновской культуре Алтая (по материалам могильника Рублево VIII) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 123–128.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. // Дадалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2013. С. 453–484.

Скарбовенко В.А. Исследование курганов 5 и 6 // Калиновский I курганный могильник. Самара, 2006. С. 24–41.

Усманова Э.Р. «Мировая гора» и сакральное пространство в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 132–135.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы (по материалам могильников Лисаковский и Кара-Тумсук) // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006. С. 70–80.

ВРЕМЯ И МЕСТО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ АНДРОНОИДНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

© 2014 г. А.В. Полеводов, О.С. Шерстобитова

*Национальный археологический и природный парк «Батаково», Омск
(pole12w@mail.ru; sher-olga1984@mail.ru)*

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, пахомовская культура, сузгунская культура.

Резюме. Работа посвящена проблеме соотношения пахомовских и сузгунских древностей Среднего Прииртышья и сопредельных территорий. В историографии существуют две противоположные точки зрения на обозначенную проблему. В данной работе авторы попытались изложить свое видение проблемы применительно к памятникам эпохи поздней бронзы Среднего Прииртышья.

Определению специфики культур так называемого андронидного круга посвящено огромное количество работ. Казалось, к настоящему времени принципиальные моменты в этом вопросе решены, основополагающие концепции приняты и неоднократно подтверждены археологическими материалами. Однако, как выясняется, это не всегда так.

В данной работе мы еще раз хотели бы обратиться к анализу пахомовских и сузгунских комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири. В историографии сохраняется проблема разграничения сузгунских и пахомовских древностей, что обусловлено высоким сходством их керамических материалов, демонстрирующих влияние традиций андро-

новской культурно-исторической общности. Ярко выраженная близость этим традициям «андроноидных» керамических комплексов памятников типа Черноозерье II, Инберень IV, Пахомовская Пристань позволила исследователям ставить вопрос о хронологическом приоритете этих памятников перед сузгунскими и включать их в особый пахомовско-ордынский культурно-хронологический горизонт, следующий за андроновской эпохой (Корочкова, 1987).

В настоящее время взгляды исследователей на обозначенную проблему сводятся к основным точкам зрения:

1. Пахомовские комплексы рассматриваются в рамках отдельной археологической культуры андроноидного типа;

2. Памятники пахомовского типа представляют собой ранний этап развития андроноидной сузгунской культуры эпохи поздней бронзы.

Наиболее остро эта проблема ощущается при интерпретации материалов Среднего Прииртышья, где выявлен значительный массив андроноидных памятников, часть из которых подчас интерпретируется полярно. Особенно это касается комплексов в лесостепной зоне. Если не обращать внимание на орнаментальные детали, материалы таких памятников вполне могут быть восприняты в качестве синхронных, однородных и соответственно однокультурных.

В настоящее время концепция культурно-хронологической обособленности пахомовских комплексов воспринята большинством исследователей. В круг пахомовских древностей активно включаются андроноидные комплексы Барабы и Тюменского Притоболья, что существенно затрудняет понимание самого феномена памятников пахомовского типа в том виде, в каком они были изначально известны.

В связи с выходом в свет работы О.Н. Корочковой (2010), в которой автор попыталась решить проблему разграничения пахомовских и сузгунских древностей, вновь возникла необходимость обратиться к вопросу соотношения и культурной атрибуции ряда прииртышских памятников.

Как представляется, изначально проблема разграничения пахомовских и сузгунских древностей возникла по ряду причин.

1. Длительное восприятие сузгунской культуры в качестве сугубо «лесной» породило мнение, что лесостепь Среднего Прииртышья в финале эпохи бронзы была занята ирменским населением, а до ирменского – черноозерским и пахомовским (Генинг и др., 1970; Корочкова, 1987). Открытие в лесостепи комплексов, сопоставленных с сузгунскими, пришлось в противоречие с принятой культурно-хронологической шкалой позднебронзовых древностей и сделало возможным появление гипотезы о том, что сузгунская культура формировалась одновременно как в лесу, так и в лесостепи (Труфанов, 1990; Полеводов, 2003).

2. Сходство большинства культурно-показательных признаков (в первую очередь в элементах орнамента), выделение внутри обеих культурных традиций «нарядной» и «монотонной» групп посуды привело часть исследователей к мысли о том, что пахомовские памятники представляют собой не отдельное культурное образование XIV–XII вв. до н.э., а ранний этап сузгунской культуры (Полеводов, 2003).

Основной аргумент О.Н. Корочковой в пользу того, что пахомовская культура – это не ранний этап сузгунской, а вполне самостоятельное образование, связан с тезисом, что «любая археологическая культура обладает своим временем» (Корочкова, 2010. С. 85). В качестве пахомовских автор рассматривает все известные позднебронзовые андроноидные комплексы лесостепи и предтайги Прииртышья, а все сузгунские памятники размещает севернее этой территории (Корочкова, 2010. С. 5. Рис. 1). При этом в круг пахомовской культуры оказались включены такие памятники Среднего Иртыша, как городище Калугино I, поселение Алексеевка XXI, могильники Калачевка II, Батаково XXI, в нижнем течении Тары – поселения Прорва и Новочекино-3. В лесостепной зоне известны пахомовские памятники, датировка и культурная принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений (Инберень IV, Черноозерье II и др.), однако даже беглое сравнение материала таких памятников с упомянутыми выше не позволяет рассматривать их в рамках

одного культурного и (тем более) хронологического образования. Среди перечисленных памятников только на Алексеевке XXI выделен небольшой пласт пахомовской посуды – 28,6% от всего комплекса (Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997. С. 170). Похожая ситуация наблюдается на расположенном рядом поселении Алексеевка XIX – 21,6% пахомовской и 78,4% сузгунской посуды при (что немаловажно) практически полном отсутствии ирменского компонента (Татауров, Шерстобитова, 2012).

В свое время, анализируя керамический комплекс поселения Прорва, авторы публикации обнаружили лишь некоторые черты сходства посуды второй группы (12–14%) с пахомовскими комплексами (Евдокимов, Стефанов, 1980. С. 47). «Андронидный» керамический комплекс городища Калугино I синхронный с представленной там же красноозерской посудой, его исследователи уверенно соотнесли с позднесузгунскими древностями (Глушков, Полеводов, Труфанов, 2001). Погребальные комплексы могильника Калачевка II также имеют однозначную хронологическую позицию, обусловленную обнаруженной в могилах серией бронзового инвентаря типично ирменского облика (Труфанов, 1991. Рис. 75). Несмотря на то что в слое поселения Новочекино-3 обнаружено небольшое количество посуды, напоминающей пахомовскую (Молодин, 1985), основной керамический комплекс данного памятника представлен сузгунским материалом, испытавшим значительное влияние ирменской традиции. Как видно из перечисленных фактов, даже на тех памятниках, где зафиксирован пахомовский материал, он нигде не является доминирующим. Более того, очевидное присутствие в ряде памятников материалов, принадлежащих культурам (ирменская, красноозерская), относящимся к иным культурно-хронологическим горизонтам, нежели пахомовско-ордынский, входит в противоречие с декларированным принципом «своего времени». Возникает впечатление, что важнее стал не тезис о своем времени для каждой культуры, а именно территориальный фактор.

Если следовать концепции О.Н. Корочкивой, прииртышская лесостепь фактически «лишается» наличия сузгунских памятников,

которые, по ее мнению, принадлежат сугубо южнотаежным территориям. Не отрицая факта формирования сузгунской культуры на базе пахомовских древностей, видение этого процесса у исследователя своеобразно: «пахомовская культура – следствие поэтапного и постепенного освоения группами андроновского населения лесостепных районов. Сузгунская культура – результат трансляции достижений андроновской системы жизнеобеспечения на север носителями пахомовской культуры» (Корочкова, 2010. С. 72). Мнение о том, что андронидные традиции на лесной территории являются пришлыми, не вызывает сомнений. Здесь принципиален другой вопрос: когда именно произошло проникновение этих традиций на север? По мнению исследователя, трансляторами этих традиций были пахомовские группы населения. Если принять данную точку зрения, то резонно предположить, что в южной тайге на памятниках сузгунской культуры должны были обнаружиться, пусть немногочисленные, но явно пахомовские группы посуды. Однако применительно к Среднему Прииртышью, это предположение не подтверждается ни на одном из южнотаежных памятников. При анализе всего позднебронзового материала Среднего Прииртышья создается противоположное впечатление, что как раз пахомовские памятники в «чистом» виде существовали в лесостепи и предтайге относительно недолго, трансформируясь в сузгунские, которые именно на этом этапе развития начали освоение южнотаежных территорий, тогда как в лесостепи практически сразу подверглись ирменскому влиянию, а на территориях, его лишенных, продолжали развиваться самостоятельно, постепенно приобретая ряд черт, характеризующих позднесузгунский этап культуры (Калугино I, Конашовка III и др.).

В своей работе О.Н. Корочкова неоднократно подчеркивает сложность типологического и морфологического разделения пахомовских и сузгунских керамических материалов (Корочкова, 2010. С. 72), что закономерно и объяснимо наличием практически идеальной эволюционной цепочки керамических традиций от наиболее раннего до наиболее позднего времени в пределах существования сузгунской культуры, когда смена

орнаментального «кода» происходила плавно, без резких «скачков». Сложность разграничения обеих традиций проявляется не только по керамическим материалам. Несмотря на наличие обнаруженных захоронений, по сей день невозможно дать четкую характеристику погребальным практикам, присущим собственн пахомовским и сузгунским общинам. Комплексы Притоболья, сопоставляемые с пахомовскими, по мнению тюменских археологов, демонстрируют ориентацию на присваивающие отрасли хозяйства, что опять же не вписывается в концепцию пахомовского «культуртрегерства» и также затрудняет наше понимание критериев разделения обеих традиций.

В этой связи резонен вопрос – по каким критериям все-таки разделяются пахомовские и сузгунские материалы. Не «работает» ни один формальный признак, известный в археологической практике, в то время как лишь совокупность ряда формальных признаков может стать основой для выделения отдельной археологической культуры. Иными словами, до настоящего времени проблеме соотношения пахомовских и сузгунских древностей по-прежнему нельзя считать решенной. Возможно, для ее решения потребуются новые данные либо неоднократный пересмотр уже известных материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений неолита и позднего бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1970. С. 12–51.

Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Городище Калугино I на Крутинских Озерах // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СурГПИ, 2001. С. 71–82.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 41–52.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 26 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Татауров С.Ф., Шерстобитова О.С. Поздне-бронзовый комплекс городища Алексеевка XIX: некоторые проблемы изучения и динамики развития сузгунской культуры на территории Среднего Прииртышья // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 233–242.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 162–198.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 189 с.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 72–78.

ХВАЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ

© 2014 г. В.В. Потапов

*Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону
(potapov_vadim@mail.ru)*

Ключевые слова: хвалынская культура, отрадненская культура, богуславско-белозерская культура, Поволжье, Доно-Донецкий регион, Приазовье, валиковая керамика.

Резюме. В работе рассматривается проблема определения западной границы хвалынской («ивановской») культуры и правомерность включения в нее памятников Доно-Донецкого региона и Северного Приазовья. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие общих черт (валиковая и воротничковая орнаментация, приемы и мотивы орнамента, совпадение форм посуды), многие из них носят надкультурный характер, их география превышает предполагаемый ареал хвалынской культуры валиковой керамики, а их проявление в отдельных регионах отмечено морфологическим и статистическим своеобразием. Погребальный обряд хвалынских памятников Поволжья и Доно-Предкавказья, выделяемых в отрадненскую культуру, заметно отличается. Отрадненская культура наряду с выделенной В.А. Ромашко богуславско-белозерской занимает те регионы, которые предложено включить в западные пределы хвалынской культуры.

Изучение памятников финальной бронзы в степях Подонья, Поволжья и Предкавказья в свое время привело автора к необходимости выделения особой культуры (Потапов, 2005. С. 148). Это обусловило поиск признаков, характеризующих памятники выделяемой культуры, и определения ее границ на фоне соседних культур и групп. В результате была выделена отрадненская культура, соседствующая с инокультурными памятниками (Потапов, 2010. С. 16–17), в том числе хвалынскими. С точки зрения определения границ и культурной атрибуции валиковых памятников Доно-Донецкого региона важной представляется проблема определения западных границ хвалынской культуры валиковой керамики.

По Н.М. Малову, памятники хвалынской культуры представлены небольшими поселениями, состоящими из 1–3 углубленных жилищ прямоугольной или квадратной в плане формы с каркасно-столбовой конструкцией. Преобладают горшки с рельефным орнаментом – валиками и воротничками. Выделено два этапа развития культуры. Ранний – срубно-хвалынский (XIII–XII вв. до н.э.), характеризуется преобладанием посуды срубного облика с включениями валиковой и федоровско-бишкульской

керамики. На этом этапе происходит оформление хвалынской культуры с участием срубного и федоровского населения. На позднем, кайбельско-танавском этапе (XI–X вв. до н.э.), самым западным памятником названо поселение у хут. Веселый на р. Маньч (Малов, 1987а, б). Керамика раннего этапа близка кайбельско-танавской, но отличается от собственно срубной; в позднихвалынском керамическом комплексе преобладают округлобокие горшки, количество банок сильно уменьшается, исчезают остросереберные сосуды (Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 129–134; Изотова, 1996. С. 41–42). Западные границы хвалынской культуры М.А. Изотова и Н.М. Малов первоначально проводят в районе Северского Донца, относя к ней ряд поселений Подонцовья и лесостепного Подонья, что аргументируется наличием здесь позднихвалынских черт: доминированием горшковидных форм над баночными, высокой долей валиков и воротничков и т.д. (Изотова, Малов, 1992. С. 112)¹. Однако эти черты (Изотова, Малов, 1992. С. 106–108) обычны для многих культур восточного блока общности культур валиковой керамики. Раз-

¹ Позднее М.А. Изотова ограничила ареал хвалынской культуры Нижним Поволжьем (Изотова, 1996).

мытость культурных критериев хвалынской культуры валиковой керамики позволила В.В. Отрощенко усомниться в правомерности ее выделения (Отрощенко, 2002. С. 22).

Развернутая характеристика хвалынской культуры дана Ю.И. Колевым (2008), который предпочитает называть ее «ивановской»². Западная граница культуры³, по Ю.И. Колеву, проходит по рекам Днепр и Берда (Колев, 2008. С. 220). Но достаточно ли оснований для такого вывода?

Ю.И. Колев относит к хвалынской («ивановской») культуре приазовские и доно-донецкие степные и отчасти лесостепные валиковые поселения и указывает на их отличие от сабашиновских и белозерских (Колев, 2008. С. 210–211)⁴. Валиковая орнаментация появляется на II горизонте приазовских поселений, но только в IV и V горизонтах распространяются иные признаки, позволяющие сопоставлять хвалынскую керамику Поволжья и посуду западных регионов: орнаментация валиков и стенок «косыми крестами» и «косой сеткой», «елочкой», а венчиков – воротничками, и пр. (Горбов, 1992. С. 90–91, 93; 1995. С. 57–58; 1996. С. 17; Потапов, 2010. С. 14). Те же признаки характерны для керамических комплексов Нижнего Дона, синхронных позднейшим горизонтам приазовских поселений (Потапов, 2000б. С. 33–34). Близко и соотношение основных форм посуды (Изотова, Малов, 1992. С. 99, 101; Потапов, 2010. С. 14).

Но свидетельствует ли это об однокультурности поволжских и доно-донецких и приазовских поселений? Во-первых, доминирование горшков при отсутствии банок характерно и для белозерских, кобяковских, нижнедонских и других поселений, т.е. это признак надкультурный. Во-вторых, многие орнаментальные элементы (воротнички, рас-

члененные валики), использование штампов распространены достаточно широко, например на саргаринской керамике (Зданович, 1984. С. 93–95). Заметны различия в приемах орнаментации. Так, на поволжской позднехвалынской керамике доминирует рельефная орнаментация (Изотова, Малов, 1992. С. 106–107; Изотова, Слонов, 1994. С. 107), валики чаще всего украшались «косыми крестами», «косыми сетками», тогда как на наиболее полно раскопанном поздневаликовом нижнедонском поселении Малаховский Ерик II для углубленной орнаментации эти мотивы составляют менее 12%, а для валиковой – около 7%. На поселениях Нижнего Подонья и Приазовья на стенки и валики чаще всего наносились ряды наклонных зерновидных или штампованных оттисков, насечки и вдавления (Горбов, 1994. С. 71–72; 1995. С. 62–63; 1996. С. 17–19; Кабанова, 1996. С. 45–46). Венчики кайбельско-ганавской группы гораздо чаще, чем нижнедонские сосуды, украшались воротничками (до 30%) с подтреугольным или трапециевидным сечением (Изотова, Малов, 1992. С. 107). В Подонье воротнички овальные в сечении, представлены единичными экземплярами (Прокофьев, Потапов, 2000. С. 50. Рис. 3, 4; Потапов, 2000а. С. 65. Рис. 3, 4, 16). Трапециевидные воротнички на сосудах зафиксированы среди находок на поселениях у хут. Веселый и Потайновском, орнаментированные отсутствуют вовсе. В Приазовье также получает развитие орнаментация валиков и плечиков «косыми крестами» и «сетками», воротнички овальные и неорнаментированные (Горбов, 1996. С. 17. Рис. 1, 1, 3; 2, 8, 13, 15).

Итак, в результате сравнения керамики западных и восточных памятников гипотетического ареала хвалынской культуры становится очевидной общность некоторых приемов орнаментации, а также существенные региональные отличия в степени и формах их применения. Ряд орнаментальных приемов и мотивов выходят за географические рамки хвалынской культуры валиковой керамики, даже при их расширенном понимании.

Против единства хвалынской культуры на широкой территории говорит и то, что валик на керамике Приазовья появляется на предсабашиновском этапе срубной культуры, до

2 Автор вслед за М.А. Изотовой считает более оправданным название «хвалынская культура валиковой керамики» (Изотова, 2001. С. 60).

3 И одновременно восточного блока общности культур валиковой керамики.

4 Укажу, что В.Н. Горбов упоминает, что на позднейших горизонтах поселений Северо-Восточного Приазовья «...встречаются *одиночные* (курсив мой. – В.П.) сосуды западных культур» (Горбов, 1994. С. 71), т.е. отличие для него представляется само собой разумеющимся.

начала образования общности культур валиковой керамики (Горбов, 1992. С. 91; 1994. С. 71). В Поволжье начало формирования хвалынской культуры относится к более позднему периоду. Ранний, срубно-хвалынский этап можно синхронизировать с IV (позднесабатиновским) горизонтом приазовских поселений⁵.

В качестве показателя единства общности культур валиковой керамики рассматривались традиции бронзолитейного производства (Черных, 1983. С. 87–93. Рис. 9; 2008. С. 50; Малов, 1987а. С. 142; 1987б. С. 159; 2011. С. 415; Колев, 2008. С. 214–219; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012. С. 44–57). Анализ Ю.И. Колевым металлических изделий свидетельствует об общности металлообработки восточной зоны общности культур валиковой керамики, но не о бронзовых изделиях, характеризующих хвалынскую («ивановскую») культуру. Восточную зону общности культур валиковой керамики обслуживали дербеденевский (средневожжский) и лобойковский (днепро-донской) очаги металлообработки (Колев, 2008. С. 218–219). Может ли связь металлических предметов из доноприазовских памятников общности культур валиковой керамики с лобойковским очагом свидетельствовать о принадлежности их к хвалынской культуре?

Е.Н. Черных отмечал, что распространение однотипных категорий бронзовых изделий не связано с определенными культурами и культурными группами, поскольку их производство стоит вне культурного контекста и осуществляется обособленными кланами мастеров со своими приемами и традициями (Черных, 1976. С. 146–149). Таким образом, металлические изделия не могут использоваться в качестве признаков археологической культуры.

Для обоснования единства хвалынской культуры используются данные по домостроительству. К особенностям хвалынских памятников отнесены использование камня или дерева для облицовки стен; расположение входа с длинной стороны постройки; переход

⁵ Эта синхронизация подтверждается радиоуглеродными датами постройки из срубно-хвалынского селища Новая Покровка в Саратовской обл. (Малов, 2001. С. 201) и хозяйственной ямы из IV горизонта на поселении Вареновка III в Северо-Восточном Приазовье (Потапов, 2002. С. 74. Сноска 2).

от больших жилищ к небольшим постройкам (Колев, 2008. С. 211). В Приазовье и Подонцовье применение камня⁶ зафиксировано уже на II горизонте⁷: Широкая Балка II (Горбов, 1997. С. 148. Рис. 2), Вареновка III (Потапов, 2002. С. 78–79. Рис. 3). На горизонте IV заметно уменьшаются размеры построек, в Северном Приазовье широко распространяется облицовка камнем. Развитие этих тенденций очевидно на заключительном V горизонте.

Облицовка стен камнем или деревом широко использовалась на поселениях общности культур валиковой керамики Урала и Казахстана, где домостроительство было тесно связано с доваликовыми андроновскими технологиями (Кузьмина, 1994. С. 74–78; Горбов, 1997. С. 152, 154, 156). Аналогичная «западная» технология связана со срубными традициями. Маловероятно, что эти конвергентно возникшие строительные приемы свидетельствуют о культурном единстве их носителей. Расположение входов перпендикулярно оси жилищ также не показательно: нередко котлованы построек имеют аморфные очертания, а входы сооружались с короткой стороны (Ромашко, 2013. Рис. 19; 23; 24).

Ю.И. Колев рассматривает немногочисленные «ивановские» погребения (Колев, 2008. С. 211–213). К позднему этапу хвалынской культуры валиковой керамики относится девять захоронений. Общие черты этой группы – все погребения, кроме одного, ориентированы в южном секторе, сильно скорчены, подкурганные захоронения являются основными. Преобладает положение погребенных на правом боку. В инвентаре доминируют кухонные горшки, часто украшенные валиком.

И в позднехвалынской, и в отрадненской культурах имеются как грунтовые, так и подкурганные захоронения, но соотношение их несопоставимо – 5:4 в хвалынской подборке и 4:61 в отрадненской. Все позднехвалынские подкурганные погребения основные, тогда как отрадненские – исключительно впускные. В отрадненской культуре, в отличие от позд-

⁶ Применение дерева также не было чем-то исключительным (Бровендер, 2000. С. 8–9).

⁷ На Приазовской возвышенности камень применяется для облицовки на I (раннесрубном) горизонте на поселении Раздольное (Горбов, 1997. С. 148–152; Горбов, Усачук, 2001. С. 157–162. Рис. 2–4).

нехвалынской группы, помимо скорченных на боку присутствует поза вытянуто на спине и на боку. Хвалынские погребения на правом боку преобладают над погребениями на левом боку (6:3), а в отрадненской они заметно уступают – 12:52. В обеих культурах присутствует южная ориентировка (8 из 9 позднихвалынских покойников), а среди отрадненских их всего 10 из 65.

Инвентарь хвалынских погребений чаще всего представлен кухонными горшками, нередко с валиковым орнаментом. В отрадненских найдено 13 столовых сосудов с тщательно заглаженной поверхностью и 7 кухонных. В отличие от хвалынских погребений в отрадненских отсутствуют горшки с расчлененными валиками. Отрадненские погребения отличаются богатым набором бронзовых и стеклянных украшений (43% могил), значительной долей погребений с бронзовыми ножками (около 25% могил).

Отличия отрадненского и хвалынского погребальных обрядов, несмотря на небольшую выборку погребений последней культуры, позволяют считать их разнокультурными.

Обращаясь к проблеме границ хвалынской культуры, стоит учесть, что на территории Доно-Приазовья, Подонцовья, и в Днепродонецком междуречье в последние годы выделены культуры, относящиеся к общности культур валиковой керамики. Это упомянутые отрадненская культура и богуславско-белозерская, занимающая, по мнению В.А. Ромашко, «контактный регион КВК», сочетающий в себе признаки восточной и западной групп общности культур валиковой керамики (Ромашко, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В.* Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 44–59.
- Бровендер Ю.М.* Поселення зрубної спільності в середній течії Сіверського Дінця: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2000. 20 с.
- Горбов В.Н.* Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. СПб., 1992. С. 90–93. (Археологические изыскания; Вып. 4).
- Горбов В.Н.* О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье // Срубная культурно-историческая область. Мат-лы III Рыковских чтений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 70–74.
- Горбов В.Н.* К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском Лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы средней и восточной Европы. Ч. II. Мат-лы конф. 1995 г., Саратов. СПб., 1995. С. 52–72. (Археологические изыскания; вып. 25 (II)).
- Горбов В.Н.* Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат-лы конф. Ч. 2. Донецк: ДонГУ, 1996. С. 13–21.
- Горбов В.Н.* Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997. С. 145–162.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.* Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археологический альманах. № 10. Донецк, 2001. С. 155–196.
- Зданович С.Я.* Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 79–96.
- Изотова М.А.* Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // СА. 1996. № 4. С. 31–43.
- Изотова М.А.* Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. С. 58–69.
- Изотова М.А., Малов Н.М.* Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. С. 96–115.
- Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н.* Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 1. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. С. 110–136.
- Изотова М.А., Слонов В.Н.* Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов: Изд-во СГУ, 1994. С. 97–109.

Кабанова Е.В. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат-лы конф. Ч. 2. Донецк, 1996. С. 41–47.

Колес Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблема исследования // Актуальные проблемы Археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 208–240.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 458 с.

Малов Н.М. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // М.П. Грязнов и его место в археологии, теория и методика археологии, каменный и бронзовый века, скифская проблема. Тез. докл. Омск, 1987а. С. 142–143.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Суздаль, 1987б. С. 159–160.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Мат-лы конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001. С. 199–202.

Малов Н.М. Поздний бронзовый век Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья: модель культурогенеза // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Мат-лы конф., посвящ. 125-летию Саратовского обл. музея краеведения. Саратов: Новый Ветер, 2011. С. 401–416. (Тр. Саратовского обл. музея краеведения; Вып. 22 (13)).

Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2002. 33 с.

Потапов В.В. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // Донская археология. 2000а. № 3–4. С. 62–69.

Потапов В.В. Поселения финала поздней бронзы на Нижнем Дону в системе общности культур валиковой керамики // Донская археология в XX веке: становление, развитие, достижения. Тез. докл. Ростов-н/Д., 2000б. С. 33–35.

Потапов В.В. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону (ИАИАНД) в 2001 году. Вып. 18. Азов: Изд-во Азовского музея, 2002. С. 70–94.

Потапов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М.: ГИМ, 2005. С. 138–150. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 25 с.

Прокофьев Р.В., Потапов В.В. Поселение Малаховский Ерик II в дельте Дона // Донская археология. 2000. № 1. С. 45–55.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) Киев: КНТ, 2013. 592 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

ВАРИАНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. Н.В. Рослякова

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(roslyakova_n@mail.ru)*

Ключевые слова: погребальный обряд, погребальные комплексы, кости животных, срубная культура, Самарское Поволжье.

Резюме. В статье приводятся результаты изучения погребальных комплексов с костями животных из могильников срубной культуры Самарского Поволжья. Показано, что роль и значение разных видов животных в погребальном ритуале идентифицируется по принадлежности их остатков к конкретным категориям погребальных остеологических комплексов: погребальным жертвенным комплексам, «остаткам напутственной пищи», погребальному инвентарю, отдельным костям или их скоплениям. Реконструированные на основе выделенных категорий погребальных остеологических комплексов варианты использования животных соотносятся с социальным статусом погребенных, а также с хронологическими этапами развития срубной культуры.

За последние два десятилетия в Самарском Поволжье было исследовано несколько десятков могильников срубной культуры. В ряде из них были обнаружены погребальные комплексы с костями животных. Детальное описание и анализ биологических и археологических параметров остеологических комплексов позволили нам сделать некоторые выводы, касающиеся вариантов использования животных в погребальном обряде.

Установлено, что большая часть комплексов костей животных концентрируется на дне могильных ям или приурочена к погребениям. В подавляющем большинстве случаев при совершении погребального обряда племена срубной культуры использовали домашних животных.

По трем параметрам остеологических комплексов – биологическим характеристикам животных из погребальных комплексов, следам искусственного воздействия на костях и локализации комплексов костей животных в архитектурных структурах кургана – выделены категории погребальных комплексов, имеющие разное ритуальное значение. Такими погребальными жертвенными комплексами, «остатки напутственной пищи», погребаль-

ный инвентарь и отдельные кости или их скопления.

Установлено, что выделенные категории погребальных комплексов имеют устойчивые видовые и анатомические характеристики. Категория жертвенных комплексов представлена черепами и костями дистальных частей конечностей крупного рогатого скота (КРС) и мелкого рогатого скота – овцы и козы (МРС), реже черепами и целыми костяками лошадей; в категории «остатки напутственной пищи» преобладают ребра лошади и МРС; в категории «погребальный инвентарь» чаще всего встречаются астрагалы МРС и свиньи, а доля разных видов животных и частей их туш в категории «отдельные кости или их скопления» различается в разных архитектурных структурах курганов. Выдвинуто предположение, что роль разных видов животных в погребальном обряде связана с ритуальным значением каждой категории погребальных комплексов.

Сделан важный вывод о том, что изучение основных археозоологических параметров остеологических комплексов должно проводиться в рамках отдельных категорий комплексов, а не всех комплексов в кургане, вместе взятых. Только такой подход дает пред-

ставление о ритуальном значении различных видов животных в погребальном обряде.

В рамках каждой из категорий рассмотрены особенности отбора животных по полу, возрасту и размерам (Рослякова, 2012, 2013; Рослякова, Косинцев, 2013). Выяснено, что в жертвенных комплексах могли находиться кости как одного, так и нескольких видов животных: КРС, МРС и лошади. В большинстве случаев в комплексах с костями КРС и МРС присутствовали остатки двух и более разновозрастных особей: взрослых, полувзрослых и молодых – в разных сочетаниях. Большинство жертвенных животных были взрослыми. Молодые особи практически всегда фиксируются вместе со взрослыми. Для КРС выявлено несколько случаев совместного нахождения в одном комплексе костей коровы и теленка. Кости быков в жертвенных комплексах не обнаружены. Размеры МРС косвенно указывают на то, что в жертву приносили также самок. В остальных категориях погребальных комплексов преобладают кости взрослых животных обоих полов, остатки полувзрослых и молодых особей единичны. Вычисленные абсолютные и относительные размеры животных показали отсутствие их отбора по этому признаку для всех категорий погребальных комплексов. В категории «погребальный инвентарь» зафиксирован отбор фаланг лошади по принадлежности их к правой или левой стороне тела – их предпочитали брать из правых конечностей.

Выявлена взаимосвязь некоторых категорий погребальных комплексов с возрастом и полом погребенных людей. Жертвенные комплексы, как правило, сопровождают погребения взрослых, тогда как кости, являющиеся погребальным инвентарем, концентрируются в погребениях детей и подростков. Остатки грудной клетки и других мясных частей туш лошади обычно находятся в мужских погребениях, а те же части МРС – в женских, подростковых и детских погребениях. Разрозненные кости в большинстве случаев сопровождают погребения взрослых.

Подтверждено традиционное представление о том, что комплексы с частями туш или костями животных сопровождают погребения людей повышенного социального статуса.

Установлено, что использование частей туш и костей животных в погребальном обряде было более распространено на раннем этапе развития срубной культуры, чем на развитом. В практике использования животных в погребальном обряде на протяжении существования срубной культуры произошли некоторые изменения. В частности, роль лошади как ритуального животного постепенно снижается от раннего к развитому этапу развития.

Отмечено сходство основных характеристик остеологических комплексов из могильников срубной культуры с аналогичными параметрами комплексов хвалынской и потаповской культур. Их объединяет преобладание в жертвенных комплексах костей КРС и МРС, одинаковые половозрастные характеристики жертвенных животных, одинаковый состав комплексов погребального инвентаря, включающий астрагалы МРС и свиньи, астрагалы и фаланги КРС и лошади, помещение в могилу «мясных» частей туш лошади и МРС.

Выяснено, что погребальные комплексы с костями животных из могильников ямной и полтавкинской культур имеют ряд отличий от погребальных комплексов из срубных памятников. Основным ритуальным животным в погребальном обряде ямной культуры был МРС (Рослякова, Турецкий, 2012). В эпоху средней бронзы в остеологических комплексах преобладают кости КРС и МРС. Роль лошади как ритуального животного в эпоху среднего бронзового века возрастает, становится максимальной на раннем этапе развития срубной культуры и снижается на ее развитом этапе.

Обсуждаемые категории погребальных комплексов с костями животных в могильниках Самарского Поволжья выделяются нами и в могильниках на других территориях распространения срубной культуры (Сатаев, 2009; Сатаев, Гимранов, 2009) и у синхронных культур Зауралья (Косинцев, 1998, 2006, 2010). Наиболее устойчивые характеристики имеют жертвенные комплексы и комплексы погребального инвентаря. Видовой и анатомический состав категории «остатки напутственной пищи» и «отдельные кости или их скопления» отличается на разных территориях. В Нижнем Поволжье и Приуралье в каче-

стве напутственной пищи использовали части туш МРС, лошади и КРС, в Зауралье – части туш МРС. В лесостепном и степном Поволжье среди отдельных костей преобладают кости КРС и МРС, а в лесостепном Приуралье и в Зауралье большинство костей принадлежит МРС. Отсутствие обобщающих археозоологических работ для локальных территорий срубной культуры не позволяет конкретизировать этот вывод.

Дальнейшие исследования археозоологического материала из могильников с территорий локальных вариантов распространения срубной культуры позволят продолжить детальное изучение разных вариантов использования животных в погребальном обряде, практиковавшихся племенами всей срубной культуры в целом, и выявить их особенности в рамках каждой из групп населения этой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косинцев П.А.* Костные остатки животных из Чистослебяжского и Хрипуновского могильников // Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. С. 405–411.
- Косинцев П.А.* Жертвенные животные из могильника Урефты I // Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 150–156.
- Косинцев П.А.* Животные в жертвенных комплексах могильника «Большой Караганский» // Кадырбаевские чтения – 2010. Мат-лы конф. Актюбе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2010. С. 50–54.
- Рослякова Н.В.* Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 399–404.
- Рослякова Н.В.* Костные остатки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 205–210.
- Рослякова Н.В., Косинцев П.А.* Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 211–218.
- Рослякова Н.В., Турецкий М.А.* Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 219–225.
- Сатаев Р.М.* Остатки животных из раскопок 1 и 2 курганов Николаевского могильника // Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. С. 211–221.
- Сатаев Р.М., Гимранов Д.О.* Характеристика археозоологического материала из 7 кургана Николаевского могильника // Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. С. 222–228.

ГОНЧАРСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

© 2014 г. Н.П. Салугина

*Самарская государственная академия культуры и искусств, Самара
(nsalug@gmail.com)*

Ключевые слова: культуругенез, технология изготовления керамики, субстратные и приспособительные навыки.

Резюме. Статья посвящена процессам культуругенеза населения позднего бронзового века Волго-Уралья. Исследование проведено на основе изучения технологии изготовления керамики. Представлены данные о результатах технологического анализа более 700 сосудов разных этапов бронзового века. Выделены конкретные группы населения, которые принимали участие в культуругенезе. Сделан вывод о преимущественно эволюционном характере процесса культуругенеза.

Проблемы культуругенеза постоянно привлекают внимание исследователей эпохи бронзы (Аркаим – Синташта, 2010; Бочкарев, 2010. С. 51–53; Лопатин, 2010. С. 41–45).

К настоящему времени получен значительный блок информации по технологии изготовления керамики практически всех этапов бронзового века. Основа для привлечения данной информации к рассмотрению проблем культуругенеза – признание гончарства как особым образом организованной системы, устойчивое состояние которой обеспечивалось эмпирическим характером знаний о навыках труда и механизмом их передачи от поколения к поколению преимущественно по родственным линиям (Бобринский, 1978, 1999).

Настоящая работа основана на микроскопическом анализе по методике А.А. Бобринского (1978, 1999) более 700 сосудов из могильников и поселений Волго-Уралья среднего и позднего бронзового века. Значительная часть данных по технологическому изучению посуды эпохи бронзы опубликована (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С. 173–185; Салугина, 2007. С. 98–106; Васильева, Салугина, 2010. С. 135–154; Васильева, Кулакова, Салугина, 2012. С. 118–138). Сведения о навыках составления формовочных масс как наиболее разнообразные представлены в *таблице*; описание систем конструирования посуды приво-

дятся ниже, а далее в тексте (после описания) будет даваться только их нумерация. Зафиксированы следующие технологические схемы конструирования.

I. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-лоскутным способом, полое тело изготовлено спирально-лоскутным способом. Отмечено применение форм-моделей.

II. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-жгутовым способом, полое тело изготовлено спирально-лоскутным способом.

III. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-жгутовым способом, полое тело изготовлено также спирально-жгутовым способом.

IIIa. Начин двухслойный, изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-жгутовым способом, полое тело изготовлено также спирально-жгутовым способом.

IV. Начин емкостный; и начин, и дно сосуда изготовлены спирально-лоскутным способом.

Памятники полтавкинско-катакомбного типа. Для изготовления посуды отбирались три вида исходного сырья: илы, илстые глины и природные глины. При составлении формовочных масс к исходному сырью добавлялись дробленая раковина, шамот и ор-

ганика (см. *таблицу*). Преобладающие системы конструирования посуды: I, II, III. Менее представлены сосуды IV технологической системы.

Абашевская культура. Отбирались три вида исходного сырья: илы, илестые и природные глины. В формовочные массы добавлялись следующие искусственные примеси: дробленая раковина, шамот и органика (см. *таблицу*). Формовочная масса посуды из илов не содержала искусственных примесей. Зафиксирована только I технологическая система.

Синташтинский тип. Исходное сырье: отбирались природные глины (см. *таблицу*). Формовочные массы: ведущими были традиции подготовки составов с добавлением талька и в меньшей степени – шамота. В составе шамота также массово зафиксирован тальк. Конструирование посуды проводилось в соответствии с I, III и IV технологическими системами.

Потаповский тип. Исходное сырье: отбирались природные глины. Формовочные

массы составлялись путем добавления к исходному сырью шамота, дробленой раковины, талька и органики (см. *таблицу*). В составе шамота фиксируются те же примеси. Конструирование посуды осуществлялось в соответствии с I, III и IV системами конструирования. Часть посуды изготавливалась с применением форм-моделей.

Раннесрубный этап. Исходное сырье: отбирались илы, илестые глины и природные глины. Формовочные массы составлялись с добавлением шамота, дробленой раковины и органики. Конструирование посуды осуществлялось в основном в соответствии с I и III технологическими схемами.

Развитый этап срубной культуры. Исходное сырье: абсолютно преобладала традиция отбора природных ожелезненных глин разной степени запесоченности. Составы формовочных масс разнообразны, но полностью доминировал состав шамот+органика (см. *таблицу*). Способы конструирования посуды также довольно разнообразны, но выделяются две массовые системы конструирования: I и III.

Традиции составления формовочных масс (%)

Рецепты формовочных масс	Археологические культуры / культурные типы					
	Полтавкинско/ Катакомбная	Абашевская	Синташтинский	Потаповский	Раннесрубный	Развитая срубная
Б/п	–	13,3	–	–	–	1,7
О	2,2	–	–	–	–	1,5
ДР+О	43,2	53,3	–	–	24,1	2,7
Ш+О	32,9	13,3	6,2	27	60,3	77,6
Ш+ДР+О	17,1	20	–	54	15,5	5
Ш+К+О	4,5	–	–	–	–	6
Ш+Дш+О	–	–	–	–	–	4
Ш+Дп+О	–	–	–	–	–	0,8
Ш+Дт+О	–	–	37,5	–	–	0,8
Дт+О	–	–	56,3	5,4	–	–
ДР+Дт+О	–	–	–	2,7	–	–
ДР+Ш+Дт+О	–	–	–	10,8	–	–

Примечания: Б/п – без примесей; О – органика; ДР – дробленая раковина; Ш – шамот; К – кость; Дт – дресва тальковая; Дп – дресва песчаниковая; Дш – дресва из шлака.

Менее представлена IV система конструирования. Наличие довольно большого количества сосудов с иными технологическими системами конструирования представляется своеобразной «вуалью», доставшейся от предыдущих периодов.

Полученная информация позволяет обратиться к обсуждению конкретных процессов культурогенеза. Обозначая срубную культуру как завершающую процесс культурогенеза эпохи поздней бронзы, когда наступает стабильное развитие населения, можно утверждать, что она сложилась на основе населения, оставившего археологические культуры эпохи средней бронзы. Рассмотрение субстратных навыков, которые могут сохраняться в течение неопределенно долгого времени и указывают на предысторию изучаемого населения (Бобринский, 1978. С. 242–245), позволяет выделить несколько конкретных групп, принимавших участие в процессе культурогенеза.

Эти группы обозначены через «цепочки» культур:

1) полтавкинская + абашевская = потаповский тип → раннесрубная → развитая срубная культура. Данная группа населения делала посуду в соответствии с донно-емкостной программой конструирования начина и спирально-лоскутным способом изготовления как начина, так и полого тела;

2) полтавкинская культура → потаповский тип → раннесрубная → развитая срубная культура. Данная линия представлена населением, делавшим посуду в соответствии с донно-емкостной программой конструирования начина и спирально-жгутовым способом изготовления как начина, так и полого тела;

3) полтавкинская культура → потаповский тип → развитая срубная культура. Для данной группы населения характерно изготовление посуды в соответствии с донной программой конструирования начина при использовании жгутов при изготовлении как начина, так и полого тела.

В процессе культурогенеза происходили контакты с иными группами населения, что отразилось в наличии незначительной группы посуды, изготовленной в соответствии с емкостной программой конструирования начинов: полтавкинская → потаповский и/или

синташтинский тип → развитая срубная культура.

Данная схема подтверждается и анализом приспособительных навыков, в частности, особенностями составления формовочных масс. Так, для раннего этапа срубной культуры выявлены три рецепта формовочных масс: дробленая раковина+органика, шамот+органика и дробленая раковина+шамот+органика. Уже на этом этапе рецепт шамот+органика наиболее массовый, а на развитом этапе культуры – преобладающий. Все эти рецепты зафиксированы как массовые в материалах полтавкинской и абашевской культур. Рецепты же, связанные с введением в формовочную массу талька, преимущественны для синташтинского типа и незначительны – для посуды потаповского типа. Данный факт указывает на существование в переходный период от среднего к позднему бронзовому веку отдельной группы населения, контакты с которой были недолговременными и которая была рессивной по отношению к указанным выше группам.

Таким образом, результаты технико-технологического анализа керамики указывают на преимущественно эволюционный характер процесса культурогенеза эпохи позднего бронзового века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркаим – Синташта: древнее население Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 2 / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. 184 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1994. 208 с.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области)* / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Мин-во культ. Самар. обл., 2012. С. 198–247.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и современного гончарства в Самарском Поволжье // *40 лет Средневожской археологической экспедиции* / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 135–154. (Краеведческие записки / Самарский обл. истор.-краевед. музей им. П.В. Алабина, Самарское археол. общество; Вып. XV).

Лопатин В.А. Векторы культурогенеза (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н.э.) // *Известия Саратовского ун-та. 2010. Т. 10. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2.* С. 41–45.

Салугина Н.П. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // *Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII.* Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 98–106.

ПОЗДНЯКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

© 2014 г. В.В. Сидоров

*Институт археологии РАН, Москва
(gav-lupus@rambler.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, поздняковская культура, репинская культура, примокшанская культура, керамика, миграции.

Резюме. Поздняковская культура со дня ее открытия рассматривалась как дериват срубной культуры и относилась к концу бронзового века. Но присутствие материалов раннего бронзового века в поздняковских комплексах указывает на частичную синхронность ее катакомбной и абашевской. Она имеет общие с ними генетические истоки в репинской культуре. Поздняковская культура сформировалась на Оке в результате миграции, включив и частично вытеснив аборигенные культуры с керамикой типа Сейма и примокшанской (р. Мокша) в третьей четверти III тыс. до н.э. И только на позднем этапе рассматриваемая культура находилась под влиянием срубной.

Археологические культуры эпохи бронзы обычно выделяются по исследованиям могильников, так как повторение обряда создает и повторяемость набора признаков, группируемых в культуру. Поздняковская культура была выделена в 1924 г. при исследовании поселений, так как многие из них содержали чистые представительные комплексы, достаточные для разносторонней характеристики культуры. По сходству со срубной культурой она была истолкована (Бадер, Попова, 1987; Васильев, 2010) как ее ответвление, адаптированное к жизни в лесной зоне. Только в начале 2000-х гг. В.В. Ставицкий обратил внимание на катакомбные элементы в поздняковской культуре (Ставицкий, 2005).

Ее облик представляет собой набор плоскодонных сосудов без минеральной примеси в тесте, с плавным прогибом горла. Округлые бока их переходят в дно без закраин. Стык вогнутого горла и боков порой образует ребро – это наиболее пышно орнаментированные сосуды, основная часть которых происходит из погребений. Большинство сосудов имеет в орнаменте пояски ямок и «жемчужин», часто единственный вид орнамента. Орнаментация состоит из разного рода ямок, реже оттисков зубчатых штампов и шнура. Мотивы – однорядные и многорядные (редко) пояски оттисков, зигзаг, треугольные поля, изредка меандр, свастика. Прочерченные орнаменты не характерны.

На примере поселения Дмитриевская Слобода-2 установлено, что три больших жилища функционировали одновременно, имеют следы ремонта с заменой некоторых столбов, но не перестраивались. Материалом, из которого они строились, оказался дуб. Поселения всесезонные – материал относительно равномерно распределен как в жилищах, так и на площадке – это тоже признак длительно существующего поселения. Топография поселений связывает их как с плато и террасами с лёссовыми почвами, так и обширными поймами.

Регулярно встречаются песты и небольшие зернотерки, аналогичные таким находкам на городищах. Есть кремневые серпы, но мы вправе ожидать и находок костяных серпов, подобных серпам на городищах железного века. Выбор площадки поселения, состав инвентаря, а также особенности конструкции жилищ, говорят, что земледелие было определяющей образ жизни формой хозяйства, хотя немалую роль играло и скотоводство. Находки пряслиц становятся постоянными только с момента появления поздняяковской культуры и могут свидетельствовать о наличии и обработке шерсти. Охота и рыболовство третьестепенны.

Погребальный обряд не стандартен – погребения курганные и грунтовые, скорченные и вытянутые, с внутримогильным сооружением и без их признаков, отмечены трупосожжения, погребения расположены рядом с поселениями и обособленно.

Находки бронзовых орудий редки, но деградация каменной техники и ограниченность набора кремневых орудий показывают, что бронза уже была основным материалом для изготовления рабочего инструмента. Металлические изделия не имеют культурной специфики.

Только поздняяковская керамика в могилах и соседство с поселениями определяют их культурную принадлежность.

Территория поздняяковской культуры протянулась по берегам Оки и Волги от Рязани до устья Суры. Есть поздняяковские комплексы в Волго-Окском междуречье. Они не одновременны, но сходство их сохраняется на всех этапах.

Т.Б. Попова (1985) датировала рассматриваемую культуру по найденным на поселениях и в могилах бронзовым изделиям. Радиоуглеродные датировки указывают на необходимость удревнения культуры: далеко не самый ранний памятник Дмитриевская Слобода-2 приходится на начало II тыс. до н.э. Применявшаяся ранее датировка строилась на гипотезе происхождения поздняяковской культуры от срубной культуры. Но тождество артефактов может доказывать не столько генезис, сколько контакты, синхронность. Признаки, указывающие на генезис, проявляются как сумма элементов, которые можно зафиксировать на разных изделиях. В поисках истоков поздняяковской культуры необходимо обратиться к аналогиям в неолитических и раннебронзовых культурах. Находки катакомбных, абашевских и покровских сосудов в поздняяковских комплексах указывают на их частичную синхронность. В рязанской группе поселений присутствует иванобугорская керамика. Наблюдается также смешение элементов этих культур с поздняяковскими, их сочетание на одних и тех же сосудах.

Показательно присутствие сейминской (фатьяноидной) керамики в поселениях Логинов Хутор, Мыс Доброй Надежды, Лебяжий Бор-6, Ерхатур-1 в типичных и гибридных формах, что доказывает их синхронность с поздняяковскими. Комплексы сейминской керамики встречаются на многослойных озерных стоянках волосовской культуры (определяется как фатьяноидная, чирковская, галичская). Ее однородность показывает, что это результат разовой миграции в лесную зону из одного истока. Присутствие таких сосудов в поздняяковских комплексах (Т.Б. Попова включала их непосредственно в поздняяковский комплекс) показывает, что не все носители культуры сейминской керамики ушли в леса, часть оказалась интегрирована в поздняяковскую культуру. Сходство проявляется не только в керамике, но и в специфичных орудиях, не имеющих прототипов в волосовской технике. Присутствие сейминского (наряду с катакомбным, абашевским, иванобугорским) компонента – показатель раннего возраста поздняяковских комплексов, близкого времени их появления на Оке. Именно поздняяковская экспансия могла вытеснить

«сейминцев» на север, где они смешались с волосовской культурой. После появления их в лесах волосовская культура исчезает, и начинается развитие культуры сетчатой керамики. Древнейшие сосуды с сетчатой фактурой поверхности имеют тесто, формы, мотивы орнамента, характерные для сейминских.

Прообраз ряда компонентов, определяющих облик поздняковской культуры и керамики, можно найти в репинской культуре. Они же проявляются также в катакомбной и абашевской культурах. Две последние – не предшествующие, а по крайней мере частично синхронные поздняковской. Контакты с иванобугорской тоже указывают на хронологическое положение поздняковской культуры в ряду с ранне- и среднебронзовыми, а не в финале бронзового века. Контакты лесостепных культур с лесными проявлялись в появлении катакомбных и примокшанских признаков в поздневолосовской керамике (Маслово Болото-4). Типичная донская катакомбная керамика есть на Оке (хотя ни один могильник здесь не известен). Абашевская культура также проникает на север, оставив на Оке могильники и следы стоянок. Этнокультурные границы в лесной зоне проницаемы и для контактов, и для миграций.

Комплексность хозяйства позволила проникать в районы, где земледелие было недостаточно продуктивно. Поздняковские поселения в Мещере и Костромском Поволжье появляются на песках, но при обширных лугах. Характерно, что зернотерки среди находок на памятниках отсутствуют, а поселения функционируют недолго, что свидетельствует об ином образе жизни. В лесах определя-

ющим становится скотоводство. Элементы поздняковской культуры впитывает культура сетчатой керамики, они распространяются по всей ее территории.

Поздний этап поздняковской культуры определяется по появлению признаков, которые становятся характерны как для срубной, бондарихинской, аким-сергеевской (здесь нет сетчатой керамики, зато хорошо представлен расчес поверхности сосудов), так и приказанской, и культуры сетчатой керамики: ямочные пояски украшают тулово, происходит обеднение орнамента; изгиб горла смещается к венчику; появляются венчики с нависающим карнизом. Смешение поздняковской культуры с культурой сетчатой керамики идет только в лесах. В лесостепи формируются типы керамики со штрихованной поверхностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 131–135. (Археология СССР).

Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 64–86. (Краеведческие записки / Самарский обл. истор.-краевед. музей им. П.В. Алабина, Самарское археол. общество; Вып. XV).

Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на средней Оке // Тр. ГИМ. Вып. 60. М.: ГИМ, 1985. С. 133–187.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2005. 146 с.

**ЗАМЕСТИТЕЛИ ЧЕРЕПОВ:
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ
«ОГРАБЛЕНИЯ» КУРГАНОВ В ТУВЕ**

© 2014 г. Н.Ю. Смирнов

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(amsmirnov@mail.ru)*

Ключевые слова: Тува, эпоха поздней бронзы, монгун-тайгинская культура, «ограбление» курганов, раннесредневековая керамика.

Резюме. Работа посвящена проблемам нарушения погребений в древности и реконструкции возможных обрядовых действий, связанных с этим процессом на примере конкретного памятника. Постулируется гипотеза намеренного включения в более ранний комплекс современных разрушению и принадлежащих культуре разрушителя предметов, являющихся материальным свидетельством новой идеологии и культуры.

В 2011 г. на территории разновременного могильника Ээрбек-10, располагавшегося в долине р. Ээрбек, при ее впадении в р. Енисей (Кызылский р-н Республики Тыва), мной был исследован курган 3, относящийся к эпохе поздней бронзы и предварительно определяемый как памятник монгун-тайгинской археологической культуры.

Курган представлял собой круглое в плане сооружение из крупного, среднего и мелкого плитняка, с оградой, обводным «коридором», заложенным при окончательном формировании наземной конструкции, и одиночным погребением взрослого мужчины в каменной цисте на уровне древней дневной поверхности. Циста была сложена из крупных и средних плит местной материковой породы по принципу ложного свода и перекрыта одной большой плитой, разбитой в центральной части при «ограблении» погребения. Юго-восточная стена цисты была проломлена при другой попытке «ограбления» могилы, видимо в более позднее время, после заполнения камеры грунтом, так как кости ног погребенного, располагавшиеся в этой части, сохранились *in situ*.

Погребение, предположительно относящееся к монгун-тайгинской культуре Тувы, содержало скелет взрослого мужчины, лежав-

шего на левом боку со слегка подогнутыми коленями, головой на северо-запад. Сопроводительный инвентарь отсутствовал, что является одной из основных черт погребального обряда вышеупомянутой археологической культуры. *In situ* сохранились только кости ног до колен, остальные части скелета сильно перемещены и в массе своей сдвинуты в северо-западный конец камеры. Часть костей была сломана при перемещении. *Череп погребенного оказался раздавлен и сохранился только фрагментарно* (нижняя челюсть, небольшие осколки черепной коробки).

В нижней части центрального, первого «грабительского» хода среди камней его засыпки на уровне перекрытия цисты и в заполнении камеры в пределах цисты были обнаружены четыре (собирающиеся в два) фрагмента венчика с частью горла гончарного раннесредневекового сосуда (типа «вазы»?). Керамика сосуда коричневатая-серая, черепок звонкий, толстый, из хорошо отмученного плотного теста, с включением мелкой дресвы. На лицевой поверхности черепков хорошо заметны следы вертикального лощения. Все четыре фрагмента, по всей видимости, относятся к одному сосуду.

На то, что фрагменты венчиков раннесредневекового сосуда попали в засыпку «гра-

бительского» хода в кургане эпохи поздней бронзы *не случайно*, (в качестве простой забутовки) указывает их расположение – они найдены в нижней его части, на уровне перекрытия цисты (на внутреннем краю кладки юго-восточной стены) и в пределах самой камеры, а также отсутствие на площади могильника следов поселенческого культурного слоя соответствующего времени.

Можно предположить, что мы столкнулись с обрядовой практикой нарушения более древних погребений носителями новых культурных и религиозных традиций. Очевидной целью нарушения погребения в кургане 3 было не ограбление с целью изъятия материальных ценностей (их там не было изначально), а нарушение целостности скелета погребенного человека и, таким образом, вероятное осквернение его могилы и территории родового кладбища более древнего населения долины р. Эрбек.

Следует отметить исключительное удобство и даже красоту места расположения могильника Эрбек-10 – в седловине высокой террасы над реками Эрбек и Енисей, с открывающимся видом на большую часть долины широкой излучины Енисея, насыщенной пастбищами по берегам. Вероятно с этим и связано стремление разновременного населения долины р. Эрбек совершать погребения сородичей на месте функционировавшего ранее кладбища иной культурной традиции: на площади могильника Эрбек-10 зафиксиро-

ваны курганы эпохи поздней бронзы, раннего средневековья и этнографического периода.

Неожиданная, но весьма важная параллель в соотнесенности наличия или отсутствия фрагментов венчиков сосудов с состоянием скелетов в погребениях обнаруживается в материалах такого раннесредневекового памятника Тувы, как могильник Чааты I. В свое время на это обратил внимание П.П. Азбелев в работе, посвященной анализу декора и контекста раннесредневековых ваз Центральной Азии. Он выявил соответствие между состоянием черепов погребенных и намеренными действиями по повреждению венчиков ваз: череп поврежден – венчик вазы оббит; череп отсечен, но присутствует в могиле – у вазы оббит венчик с частью горла; череп отсутствует – отсутствует ваза в погребении (Азбелев, 2007. С. 151. Ил. 6).

В нашем случае можно реконструировать обратную ситуацию – при осквернении погребения эпохи поздней бронзы и сокрушении черепа покойника средневековые обитатели эрбекской долины по принципу *pars pro toto* положили в чужую могилу «заместитель» черепа покойного, демонстрируя тем самым превосходство своей культурной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев П.П. Раннесредневековые центрально-азиатские вазы: декор и контекст // А.В. Сб. научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: КультИнформПресс, 2007. С. 145–157.

ЮГ ЛЕСНОГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ПЕРИОДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА

© 2014 г. Б.С. Соловьев

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, Йошкар-Ола
(srb@inbox.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, этнокультурные процессы, волосовская культура, абашевская культура, атликасинская культура, балановская культура, чирковская культура, сейминско-турбинский феномен, займищенский культурный тип.

Резюме. В статье перечисляются культуры территории лесного Поволжья среднего и позднего бронзового века, приводятся их датировки и рассматривается вопрос о культурогенезе на данной территории.

Юг лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века представлен рядом культур. Очертим круг культурных сообществ рассматриваемого периода.

Волосовская культура. Поздний и завершающий этапы датированы второй четвертью II тыс. до н. э. (Халиков, 1969. С. 163); рубежом III–II тыс. до н.э. (Никитин, 1996. С. 151); первой третью II тыс. до н. э. (Соловьев, 2000. С. 24). Радиоуглеродная калиброванная дата поселения Удельный Шумец VII дает период XXIII–XXI вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 5, а, b).

Атликасинская культура общности боевых топоров выделена П.М. Кожиным (1967. С. 17). Отмечается обособленность от «амфорных» и «шнуровых» культур (Кожин, 2004), лесостепное южное или юго-западное происхождение (Соловьев, 2000. С. 55–56), формирование в Среднем Поочье и районах, расположенных к западу и северо-западу от него (Ставицкий, 2005. С. 65–66). Немногочисленные радиоуглеродные датировки памятников с атликасинскими проявлениями охватывают XXVII–XVIII вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 5, а, б; 11, а, б).

Балановская культура общности боевых топоров выделена О.Н. Бадером (1950).

«Прародиной» считаются южнорусские степи, Западное Причерноморье, Предкарпатье, Верхнее и Среднее Поволжье (Брюсов, 1961; Бадер, 1963. С. 312; Третьяков, 1966. С. 91; Крайнов, 1972. С. 263–265). На наш взгляд, культура сформировалась на Средней Волге путем слияния собственно балановского и атликасинского компонентов (Соловьев, 2000. С. 97–98). Радиоуглеродные калиброванные датировки охватывают XXVII–XVIII вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 5, а, b; 11, а, b).

Чирковская культура выделена как крупное этнокультурное образование лесного Поволжья XVI–IX вв. до н.э., сформировавшееся на балановско-волосовской основе при участии сейминско-турбинского и кротовского субстратов (Халиков, 1969. С. 182–208). Отмечено отсутствие прямой связи чирковских поселений с сейминско-турбинскими могильниками, предложена новая хронология (конец III – первая треть II тыс. до н.э.), ареал ограничен югом лесной полосы Среднего Поволжья (Соловьев, 2000. С. 25–59).

Средневожская абашевская культура входит в обширную культурно-историческую общность, относится к рубежу среднего – позднего бронзового века. Единственную радиоуглеродную дату – XXVII–XXI до н.э. –

трудно использовать для абсолютных заключений.

Сейминско-турбинский феномен. Концепция сейминско-турбинского транскультурного феномена базируется на идее стремительной миграции смешанных популяций металлургов-коневодов Алтая и охотников-рыболовов Прибайкалья, Восточных Саян, Среднего Енисея (Черных, Кузьминых, 1989). Широкоую традиционную хронологию – XVII–VIII вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, 1989. С. 256–265) конкретизируют калиброванные радиоуглеродные даты – XXII–XVIII вв. до н.э., в целом соответствующие абсолютным датировкам – XXI–XVII вв. до н.э. южно-таежных, лесостепных, степных культур конца среднего – начала позднего бронзового века (Юнгнер, Карпелан, 2005; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005). Синкретические сейминско-турбинские коллективы региона в основном включали в себя носителей покровских культурных традиций (Соловьев, 2013. С. 35).

Займищенский культурный тип. А.Х. Халиковым памятники займищенского типа включены в первый этап приказанской культуры – XVI–XV вв. до н.э. По-прежнему актуально его мнение об их покровско-абашевской подоснове и принадлежности к покровско-синташтинскому этапу бронзового века Поволжья и Приуралья (Халиков, 1989. С. 66–67, 71). Автор настоящей статьи сопоставил керамику займищенского типа с покровской посудой (Соловьев, 2000. С. 89). Диапазон радиоуглеродных датировок ранних срубных (покровских) комплексов Поволжья составляет XIX–XVII вв. до н.э.

На юге лесной зоны Среднего Поволжья в конце среднего – начале позднего бронзового века прослеживаются две линии культурогенеза. Первая отражает формирование балановской культуры на основе взаимодействия родственных племен индоевропейской общности боевых топоров, вторая – появление синкретической чирковской культуры, сложившейся при участии местного (прафинского в этническом плане) поздневолосовского, балановско-атликасинского и зауральского елунинско-кратовского субстрата, связанного с носителями сейминско-турбинских культурных традиций. Спорным выглядит участие в этнокультурных процессах индои-

ранских абашевских группировок, поскольку большинство исследователей склоняются к мысли о враждебном характере их отношений с представителями атликасинской, балановской, чирковской культур, сейминско-турбинского феномена, включавшего лесостепное, в основном покровское население. Требуется специального изучения проблема формирования оригинального займищенского культурного типа, возможно, представляющего собой поздний дериват лесостепных покровских древностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.

Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.

Брюсов А.Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н.э. // СА. 1961. № 3. С. 14–33.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Кожин П.М. О происхождении фатьяновской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 35 с.

Кожин П.М. Атликасинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековье Волго-Камья. Мат-лы Третьих Халиковских чтений. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 92–95.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972. 274 с.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 187 с.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археологической экспедиции; Т. VI).

Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 18–39.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2005. 146 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 1. Саратов, 1989. С. 65–71.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне си-

стемы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–62.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ-КОЛЕСНИЧИХ И КУЛЬТ СВЯЩЕННОГО НАПИТКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШИНСКОГО ТИПА)

© 2014 г. С.В. Сотникова

*Тобольская государственная социально-педагогическая академия, Тобольск
(svetlanasotnik@mail.ru)*

Ключевые слова: памятники синташтинского типа, культ, священный напиток, воины-колесничие.

Резюме. В синташтинских погребениях воинов-колесничих встречаются предметы, которые исследователи интерпретируют как давящие камни для приготовления *Сомы*. На основании текстов «Ригведы», автор приходит к выводу, что в среде воинов-колесничих существовал культ священного напитка, который выступал как средство добывания победы в колесничных состязаниях и в реальных военных действиях.

В памятниках синташтинского типа и прежде всего в тех могильниках, которые входят в Синташтинский комплекс, прослеживается интересная закономерность – набор предметов, связанный, по мнению исследователей, с приготовлением культового напитка типа *Сомы* и представляющий собой камень – основание давящей, а также пест – толкушку. Находят их, как правило, в погребениях воинов с характерным «колесничным» инвентарем (псалии, углубления для колес от колесницы, копья, наконечники стрел, тесла, топоры) (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 208–214).

Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на их интерпретации следует остановиться особо. Некоторые исследователи считают, что памятники синташтинского типа связаны с индоиранской традицией (Кузьмина, 2008. С. 200–

201), что позволяет обратиться к «Ригведе» и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся». По текстам «Ригведы» (1999а–в) реконструируется сюжет принесения орлом божественного напитка *Сомы* для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (РВ IV.18). Т.Я. Елизаренкова, со ссылкой на Т. Оберлиса, отмечает, что для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется *Сомы*, именно от *Сомы* он возрастает и усиливается (Елизаренкова, 1999. С. 340). Индра, как правило, выступает в окружении толпы Марутов, также воинов-колесничих (РВ V. 57. 1): «Приезжайте, о Рудры, сопровождающие Индру, единодушные, / На золотых колесницах (нам) на

благо!» Они помогают Индре в расправе над демонами (РВ VIII. 7. 23–24): «Они переехали Вритру по суставам, / Пере(ехали) горы,.../ Они .../ (Поддержали) Индру в борьбе с Вритрой». Маруты, как и Индра, часто вступают в сражения в состоянии опьянения Сомой (РВ I. 87. 1): «Очень бодрые, страшно сильные, брызжущие (энергией), / Несгибаемые, непоколебимые, пьющие сому из выжимок...»

Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся мандала IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение. Чтобы понять эту образность, необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т.Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давящими камнями, затем он очищался через цедилку из овечьей шерсти и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сома становится вкусным напитком, и его пьют боги (прежде всего Индра) и люди (Елизаренкова, 1999. С. 326, 328).

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем, как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало». Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы, – это *vrddh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)». Таким образом, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил (Елизаренкова, 1999. С. 328–329).

Однако обожествлялся не только священный напиток Сома, особым почитанием были отмечены также давящие камни, с помощью которых выжимался сок. В «Ригведе» несколько гимнов мандалы X специально посвящено давящим камням для Сомы (РВ X. 76; X. 94; X. 175). В одном из стихов гимна давящие камни изображены как кони, везущие десять пальцев жреца, выжимающего сок Сомы (РВ X. 94. 6–8): «Когда они взревели, пыхтя (и) заглывая, / Их фырканы

было слышно, как у скаковых коней. Пропойте (славу камням) с ...десятью подпругами, / Десятью постромками, десятью сбруями, / Десятью поводьями, нестареющим, / Везущим десять дышел, десять запряженных (пальцев). / Эти камни-кони с десятью ремнями, / Приятная их узда движется кругами, / Они вкусили сливки первого стебля /Выжатого сока сомы». Такое восприятие давящих камней через отождествление со скаковыми конями делает понятным помещение их в могилы воинов-колесничих.

Помимо давящих камней о культе священного напитка в погребениях воинов Синташтинского большого грунтового могильника могут свидетельствовать остатки деревянных сосудов с бронзовыми деталями. Так, в погребении 6 помимо давящих камней обнаружено «несколько сосудов, по видимому, деревянных, от которых сохранились медные скобки и гвоздики». В погребении 39 при костяке Б найдено значительное количество оружия, давящие камни, а в ногах – деревянное блюдо с медными гвоздиками (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 140, 230–234). В мандале IX «Ригведы» неоднократно говорится о том, что Сому разливали по деревянным сосудам: «Павама на потек, словно дождь с неба. / Сома в тысячу потоков уселся у нас: / В лоне матери и в деревянном сосуде» (РВ IX. 89. 1); Выжатый камнями, о сома, / Через сито из овечьей шерсти, / Буланый входит в два чана, как отряд в крепость, / Ты устроил себе место в деревянных сосудах» (РВ IX. 107. 10).

Однако были воины-колесничие изготовителями ритуального напитка или только его потребителями – вопрос спорный. В связи с этим Я.В. Васильков, опираясь на данные «Ригведы» и «Махабхараты», подробно останавливается на сюжете о Трите и его братьях. Этот сюжет, по его мнению, восходит к индоевропейской древности. Трита был одним из первых, кто научился выжимать и применять в обряде сок растения Сомы/Хаомы. Я.В. Васильков, со ссылкой на Б. Линкольна, отмечает, что во всех индоиранских традициях Трита не бог, а смертный герой. Он также высказывает мнение, что у иранцев и ранних индийцев первые выжиматели Сомы/Хаомы – воины и цари. Кроме того, этот исследова-

тель обращает внимание на взаимоотношения Триты с Индрой: «...ведийский Трита обычно побеждает дракона, побуждаемый Индрой (РВ X. 8, 9) или пользуясь его помощью (РВ II. 11, 19; V, 86, 1; X. 48, 2); сам же он помогает Индре в его борьбе, поднося тому придающий силу напиток – сому (РВ IX. 34, 4; 86, 20; ср. VIII. 12, 16). Эти отношения Б. Линкольн вполне убедительно объяснил как отношения смертного воителя (героя) с воителем-богом, когда они взаимно укрепляют силы друг друга: Индра посылает герою Трите победу, а Трита приносит богу в жертву сому, чтобы придать ему силы для его космической битвы (Васильков, 2009. С. 54; 2010. С. 46–50). По-видимому, в ранний период сложения культа священного напитка, дающего прилив физических сил, сами воины были изготовителями и главными его потребителями. Именно этот этап развития культа отражают, по-видимому, синташтинские захоронения воинов-колесничих. Гимны мандалы IX «Ригведы», вероятно, относятся к более поздней стадии развития данного культа, когда изготовление священного напитка стало привилегией жрецов.

Одной из сфер применения священного напитка было добывание воинами победы в колесничных состязаниях, о чем свидетельствуют те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в «Ригведе». Например, потоки сока Сомы, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц (РВ IX. 13. 6; IX. 43. 5; IX. 45. 4; IX. 92. 1 и др.). Более подробно этот вопрос уже рассматривался автором в другой работе (Сотникова, 2013). К этому следует добавить, что эти состязания были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным соревнованием, и участники состязаний были своего рода исполнителями ритуала.

Другой сферой применения ритуального напитка следует считать реальные военные действия. В мандале IX сок Сомы дарует победу над врагами: «С отрядом героев, со всеми мужами, покоряющий / Победитель, захватчик богатств, очищайся, / (Бог) с острым оружием, с луком, быстрым в боях, / Не покоренный, (но) покоряющий врагов в битвах!» (РВ IX. 90. 3); «Кто, как Индра, свершитель великих дел, – / Ты, о сома, убийца врагов,

проломитель крепостей, / Ведь словно (конь) Педу, ты убийца носящих имя змеи, / Всякого дасью, о сома» (РВ IX. 88. 4); «Вдохнови нас в битве, о Павамана – / Ведь ты сила действия богов, приятное опьянение! / Убивай врагов, (бросайся) на ликующих!» (РВ IX. 85. 2); «Кто побеждает, (но) непобедим, / (Кто) разбивает врага, напав (на него), – / Таким очищайся, о завоеватель тысяч!» (РВ IX. 55. 4); «Так пусть же сома, сок Индры, / Станет ваджрой, захватывающей тысячи /...Ты – тот, кто стремится захватить богатства / Для победителей в сражениях» (РВ IX. 47. 3, 5); «Рядясь в блеск, (соки сомы) вошли в бессмертие, / Сражения проходят успешно, когда он бежит размеренным шагом» (РВ IX. 94. 4).

Как отмечает Т. Оберлис, для мандалы IX характерно изображение Сомы в образе агрессивного царя, собирающегося в военный поход за добычей. Причем это изображение умещается в рамки последовательных этапов ритуала приготовления священного напитка: стекание выжатого сока из-под пресса – выезд царя в военный поход, очищение сока через цедилку – преодоление препятствий на пути к победе, стекание сока в сосуды – нападение на укрепления противника, смешение с молоком – захват и раздача добычи. Однако эта точка зрения признается далеко не всеми, так Т.Я. Елизаренкова считает, что предложенная система соответствий излишне жесткая и прямолинейная (Елизаренкова, 1999. С. 338).

Таким образом, можно высказать предположение, что у синташтинского населения в среде воинов-колесничих существовал культ ритуального напитка, употребление которого якобы приносило победу в колесничных состязаниях и в реальных военных действиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: Европейский Дом, 2010. 400 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских

племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Елизаренкова Т.Я. О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999. С. 323–353.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.

Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1999а. 768 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999б. 745 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999в. 560 с.

Сотникова С.В. К вопросу о роли ритуального напитка в колесничных культурах эпохи бронзы евразийских степей (по материалам памятников синташтинского типа) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. С. 158–161.

О МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ САМУСЬСКО-КИЖИРОВСКОГО ТИПА: КЕЛЬТЫ¹

© 2014 г. И.А. Спиридонов

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(Z-is5@mail.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, сейминско-турбинский, самусь-кижирово, Шайтанское Озеро II, металлообработка, кельты.

Резюме. Работа посвящена топорам-кельтам постсейминского типа, распространенным от Урала до Минусинской котловины. Концентрация литейных форм для изготовления подобных изделий в районе Томского Приобья позволила выделить своеобразный тип металлообработки – «самусь-кижировский». Значительный вклад в его изучение вносят материалы памятника Шайтанское Озеро II.

С момента публикации первых материалов памятник Самусь IV вызвал огромный интерес в научной среде. В первую очередь это связано с большим количеством фрагментов литейных форм (более 400), что послужило основанием для выделения «самусьско-кижировского» типа металлообработки и среднеобского (самусьского) центра бронзолитейного производства (Косарев, 1963. С. 24; Матющенко. 1978. С. 22).

Среди материалов памятника Самусь IV преобладают литейные формы для изготовления кельтов. Исследователи отмечают неоднородность морфологических признаков и орнаментальных композиций. Присутствие в материалах памятника фрагментов литейных форм кельтов, украшенных сложным «ковровым» узором на фоне большого количества негативов с «поясковым» орнаментом, наталкивает на мысль об ином происхождении данных предметов (рис 1, 1–6). Металлические

изделия, относимые к самусьско-кижировскому типу металлообработки, распространены на значительной территории от Урала (рис. 1, 7, 8) на западе до Среднего Васюганья, Алтая и Минусинской котловины на востоке. К западу от Уральских гор в настоящее время подобные находки не известны. Распространенные на большой территории, в каждом отдельно взятом регионе кельты данного типа имеют свои особенности. Для зауральских экземпляров, как правило, характерна короткая прямая втулка (рис. 1, 7–10). Для кельтов с Алтая, Верхнего Приобья и Минусинской котловины типичны втулки, оформленные в виде раструба (рис. 2, 1, 2), реже ряд жемчужин в орнаментальном пояске (рис. 2, 3) и украшения ложных ушек (рис. 2, 4). По мере удаления на восток особой отличительной чертой становится малый размер самого предмета (рис. 2, 5, 6).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 13-06-00202а, 13-06-10014к.

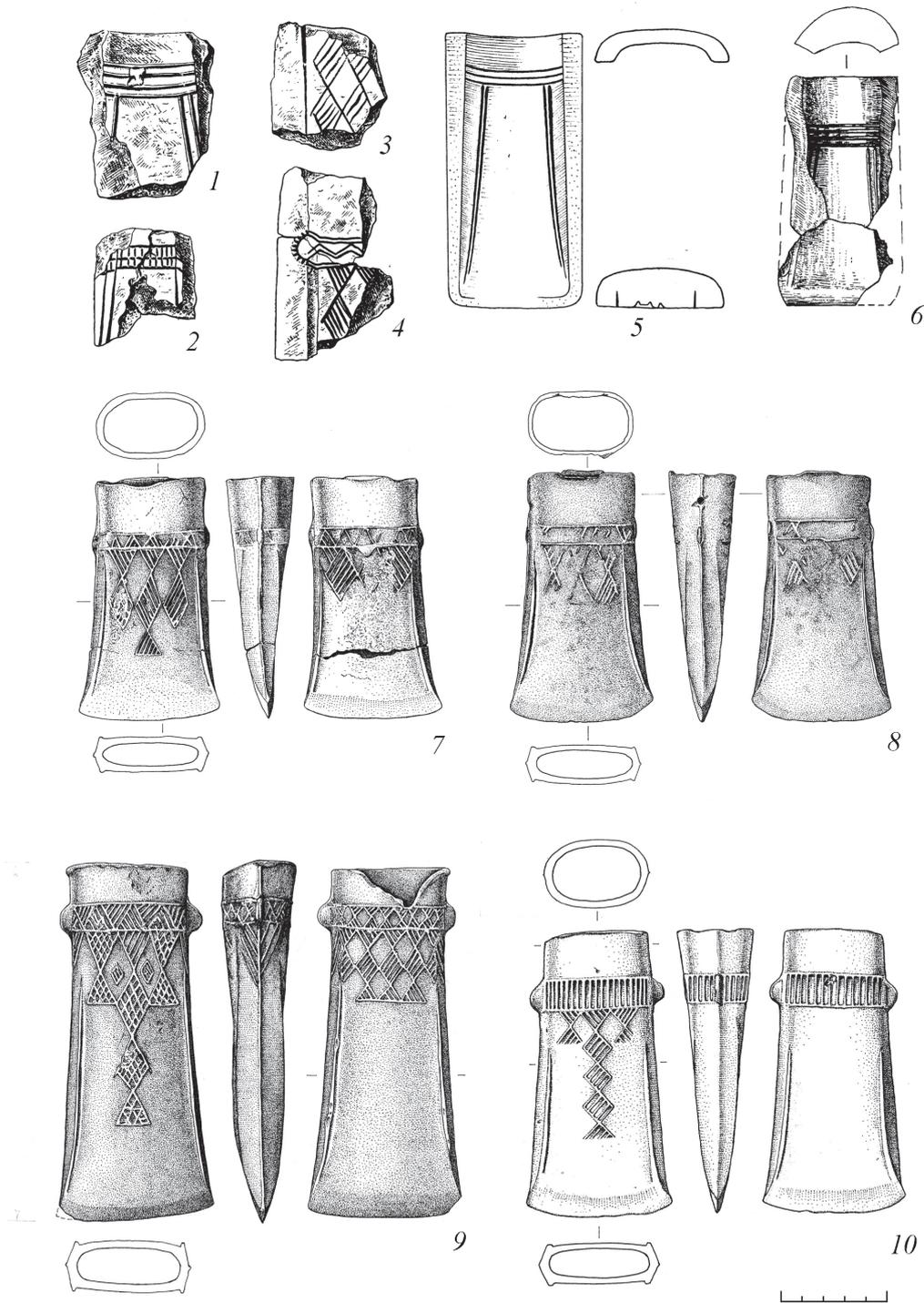

Рис. 1. Кельты. 1–6 – Самусь IV; 7 – оз. Березовое; 8 – р. Крутобереговая; 9 – Андреевское озеро; 10 – Сигаево.

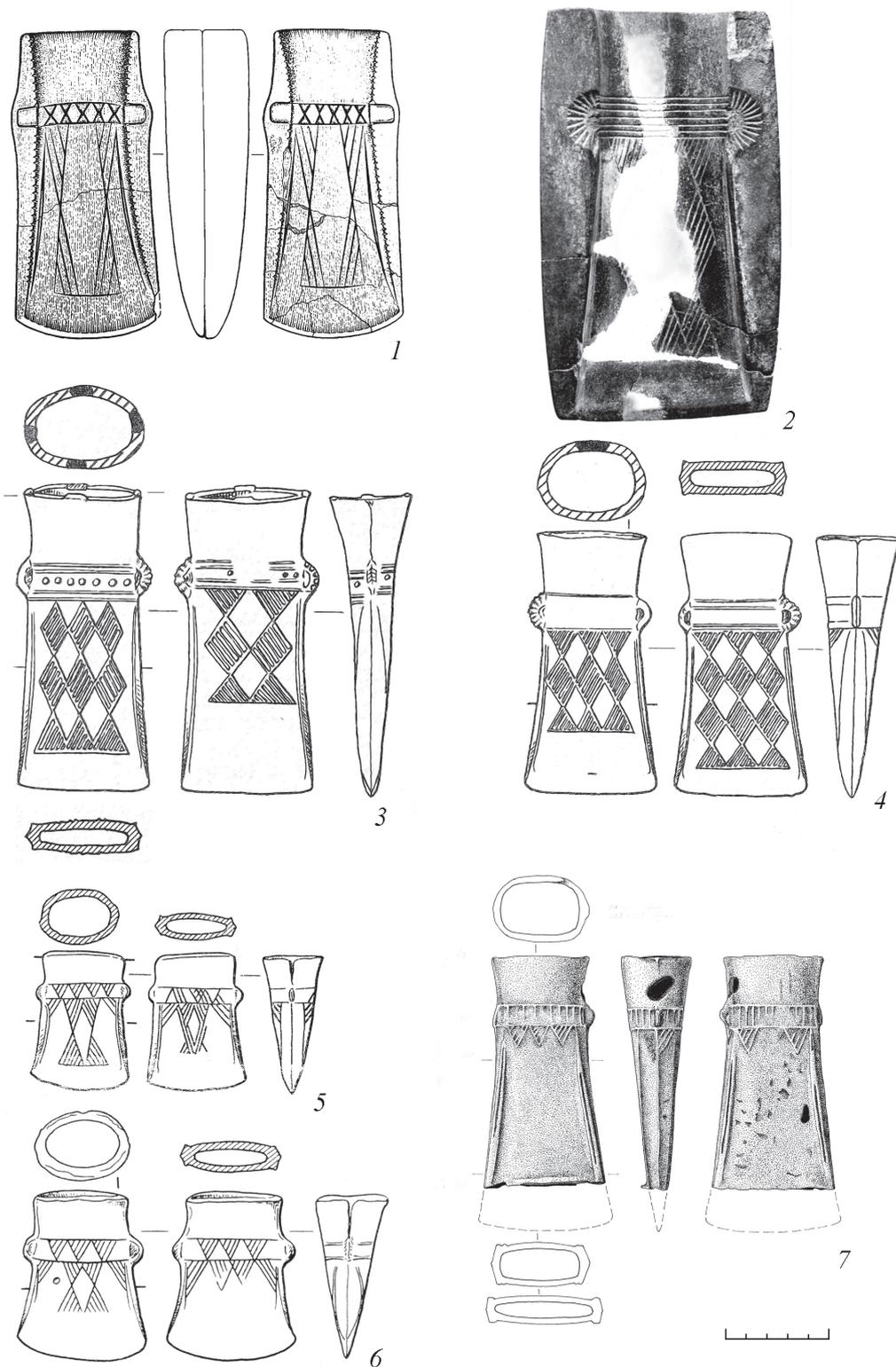

Рис. 2. Находки кельтов. 1 – Тунка; 2 – Танай-4; 3 – Кижирово; 4 – Косиха; 5 – р. Собакина; 6 – Кубеково; 7 – Шайтанское Озеро II.

По мнению ряда исследователей, кельты самусьско-кижировского типа эволюционно связаны с сейминско-турбинскими традициями (Черных, Кузьминых, 1989. С. 147; Есин, 2003. С. 37) и отличаются стремлением к прямоугольному абрису, отношением длины лезвия к втулке, как 1:1, плоской фаской, ложными ушками (Черных, Кузьминых, 1989. С. 146).

Производство кельтов самусьско-кижировского типа традиционно связывали с Томским Приобьем и Алтаем. Открытие на территории Среднего Урала уникального металлокомплекса – святилища Шайтанское озеро II внесло существенные коррективы в представления о географии самусьско-кижировских бронз. В первую очередь металл Шайтанского озера II позволил атрибутировать многочисленные случайные находки кельтов и других предметов с территории горно-лесного Зауралья и соотнести их с местной коптяковской культурой (Сериков и др., 2009. С. 75; Корочкова, Стефанов, 2013. С. 95). Помимо этого ряд кельтов Шайтанского Озера II, отвечая стандартам самусьско-кижировского типа металлургии, довольно близко соотносится с материалами сейминско-турбинских памятников, прежде всего с материалами могильника Ростовка и коллекцией сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (Матющенко, Сеницина, 1988. С. 19. Рис. 18, 1; Молодин, Нескоров, 2010. С. 62. Рис. 8), что позволяет говорить о более раннем возрасте святилища Шайтанское Озеро II по отношению к памятнику Самусь IV. Также хочется отметить наличие в материалах памятника Шайтанское Озеро II предметов, характерных для восточных территорий. К таким изделиям можно отнести кельт (рис 2, 7) трапециевидной формы с покатыми боковыми гранями. Размеры: длина сохранившейся части – 116 мм, максимальная ширина – 59 мм, диаметр втулки – 48 x 34 мм. Материал: Cu+Sn (Zn), по результатам спектрального анализа. Втулка высокая, оформлена в виде раструба. Профиль орудия представляет собой симметричный клин. Лезвийная часть кельта отсутствует. Сечение в срединной части шестигранное, в районе втулки – овальное. На втулке и одной из фасок расположены отверстия с закругленными краями, образованные не слившимися

потоками преждевременно застывшего металла. Орнаментальная композиция состоит из пояска-лесенки, от которого на каждую фаску опускается три заштрихованных треугольника, обращенных вершинами вниз. На боковых гранях оформлены слабовыраженные ложные ушки. Кельт с высокой втулкой в виде раструба сам по себе редкость для территории Среднего Урала, но уникальность изделия заключается скорее в том, что каждое ребро жесткости, отделяющее фаску от боковой грани, оформлено в виде двух валиков, в некоторых местах сливающихся в одно целое. Несимметричность, с которой выполнены слияния валиков в одно ребро, наталкивает на мысль о дефектах литейной формы, возможно, вызванных длительной эксплуатацией.

Таким образом, если наши умозаключения верны, в материалах святилища Шайтанское Озеро II представлены кельты, формы которых характерны не только для территории Среднего Урала, но и в несколько измененной форме для Западной Сибири. Подобные изменения, закрепившись на определенной территории, становятся морфологической особенностью, приобретая статус индикатора и подтверждая формирование собственных технологических предпочтений в среде литейщиков западного и восточного ареалов самусьско-кижировского типа металлообработки.

Совокупность металлических находок со Среднего Урала, а также особенности металлообработки данного региона позволяют с определенной долей вероятности предполагать функционирование на данной территории в XIX–XVIII вв. до н.э. самостоятельного производящего центра, базировавшегося на местной сырьевой базе и сочетании сейминско-турбинских и евразийских традиций металлообработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Есин Ю.Н. К вопросу о бронзолитейном производстве на поселении Самусь IV // Вестник НГУ. 2003. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. 2003. С. 35–39.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.

Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбинско-сейминской металлургии // СА. 1963. № 4. С. 20–26.

Матющенко В.И. Среднеиртышский центр производства турбинско-сейминских бронз // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 22–36.

Матющенко В.И., Сеницина Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988. 136 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия

уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 58–71.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

СООТНОШЕНИЕ ТИП – МЕТАЛЛ – ТЕХНОЛОГИЯ В АЛАКУЛЬСКИХ ИЗДЕЛИЯХ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

© 2014 г. **Е.В. Тигеева**

*Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень
(tigeelena@mail.ru)*

Ключевые слова: алакульская культура, Среднее Притоболье, металлопроизводство, металлографический анализ.

Резюме. В работе излагаются результаты исследования металлопроизводства алакульских памятников Среднего Притоболья, проведенного с использованием морфолого-типологического, рентгенофлуоресцентного, атомно-эмиссионного спектрометрического и металлографического методов. Установлена корреляция между выделенными химико-металлургическими группами и применявшимися технологическими схемами с типологическими и функциональными группами и категориями изделий. Выявлена преемственность в развитии петровского и алакульского металлопроизводства.

При исследовании металлических предметов из цветного металла алакульской культуры Среднего Притоболья методами морфолого-типологического, рентгено-флуоресцентного, атомно-эмиссионного спектрометрического и металлографического анализов выявлена четкая корреляция типов, химико-металлургических групп и технологических схем инвентаря, свидетельствующая о высоком уровне алакульского металлопроизводства.

В обширную коллекцию металла Среднего Притоболья для изучения были отобраны морфологически определенные изделия алакульской культуры, происходящие из поселений Камышное-1, 2, Нижнеингалское-3, Волосниково, Алексеевское, Ук-3 и могильников

Камышное-1, Верхняя Алабуга, Раскатиха, Субботинский, Кулевчи-6, Хрипуновский, Чистолесбязский, Алакульский, Алексеевский (всего 257 экз.). Выделено три категории изделий.

I – орудия труда (36 экз., 14%), такие как слабоизогнутые серпы, двулезвийные ножи-кинжалы листовидной формы, шилья четырехгранные в сечении и крюки с петлей для подвешивания и заточенным острием, а также игла.

II – украшения (182 экз., 70,8%), среди которых самый многочисленный вид – браслеты разных типов, а самая редкая находка – желобчатая гривна. Широко представлены подвески, входящие в состав как головных,

так и шейно-нагрудных уборов. Это кольцевидные трубчатые подвески или височные кольца, ножевидные или листовидные подвески, входящие в состав наконечников, подвески крестовидные, очковидные и в полтора оборота. Также интересны медные орнаментированные бляшки с концентрическими окружностями и другими солярными символами. Многочисленны бусы и пронизи, как одиночные, так и входящие в состав браслетов для рук и ног.

III – различные прутки, заготовки, слитки, скобы (39 экз., 15,2%).

Распределение алакульских изделий по поселениям и могильникам неравномерно. Поскольку алакульских поселений известно немного и они бедны инвентарем, большинство изделий происходят из могильников. Поселенческий материал составил 14% (36 экз.), а доля погребального инвентаря – 86% (221 экз.). Редко на поселениях удавалось найти украшения (10 экз., 27,8%), чаще они содержали орудия труда (16 экз., 44,4%) и заготовки (10 экз., 27,8%). Таким образом, прослеживается значительное превалирование украшений, найденных в погребениях (172 экз., 77,8%), над орудиями труда и вооружением, которые чаще всего обнаруживали на поселениях.

Статистическая обработка данных рентгено-флуоресцентного и атомно-эмиссионного спектрометрического анализов (257), позволила выделить шесть химико-металлургических групп, три из них основные¹. В качестве нижнего порога легирования сплава были приняты условные величины $\text{Sn} > 0,5\%$, $\text{Pb} > 1\%$, $\text{As} > 0,3\%$. Концентрация олова в сплавах колеблется в пределах от 0,5 до 20%. К группе низколегированных сплавов (0,5–5%) отнесено 94 экз. (53,7%), среднелегированных (6–12%) – 68 экз. (38,9%), высоколегированных (13–20%) – 13 экз. (7,4%). Последняя группа представлена крестовидными подвесками, браслетами и слитком.

Самая многочисленная группа, куда входит более половины изделий, – группа оловянных бронз (140 экз., 54,5%; $\text{Sn} 0,5\text{--}20\%$).

¹ Анализы выполнены в лабораториях естественно-научных методов ИА РАН, археологической технологии ИИМК РАН, а также в Институте неорганической химии СО РАН.

Далее следует группа «чистой меди» (80 экз., 31,1%) и группа трехкомпонентных медно-оловянно-свинцовых сплавов (29 экз., 11,3%; $\text{Sn} 1,03\text{--}20\%$; $\text{Pb} 1\text{--}6\%$). К нехарактерной для алакульской культуры группе оловянно-мышьяковых бронз относятся шесть предметов (2,3%; $\text{As} 0,3\text{--}1\%$) и один слиток (0,4%) из мышьяковой бронзы ($\text{As} 15\%$). Из биллона изготовлена бусина ($\text{Ag} 15\%$), входящая в состав браслета. Малый процент изделий из мышьяковых бронз закономерен для серий металла андроновской общности, ориентированной на южноуральские, северо- и центральноказахстанские рудные источники (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 34). Изделия из мышьяковых сплавов преобладают в синташтинской культуре и в меньшей степени имеются в петровской, в алакульской же культуре этот тип сплава находит эпизодическое применение и может быть наследием культур I фазы Евразийской металлургической провинции (Дегтярева, 2010. С. 86).

По линии «химико-металлургические группы – типология изделий» прослежена корреляция. В поселенческом металле группы «чистой меди» и оловянной бронзы представлены в равном количестве (по 41,7%). Затем следует медно-оловянно-свинцовый сплав (8,3%), групп $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{As}$ (5,5%) и $\text{Cu} + \text{As}$ (2,8%). Процент изделий из чистой меди в поселенческом материале выше в связи с наличием скоб, прутков, крюков, кусков проволоки, ножей, изготовленных из данного вида металла. В погребениях алакульской культуры значительно преобладает группа оловянных бронз (56,1%). Группа «чистой меди» на втором месте (29,9%), далее следуют сплавы $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Pb}$ (11,8%), $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{As}$ (1,8%), $\text{Cu} + \text{Ag}$ (0,4%). Подавляющее большинство предметов изготовлено из оловянной бронзы или медно-оловянно-свинцового сплава, это явление объясняется тем, что в погребальном инвентаре преобладают либо орудия труда, либо украшения – этнические маркеры, такие как браслеты, перстни, подвески (в особенности крестовидные), все они изготавливались из данных видов сплавов. Для бусин, скоб, бляшек, за редким исключением, использовали «чистую медь». Таким образом, отмечается зависимость между типом изделия и сырьем для его изготовления.

Эта же взаимосвязь влияла и на выбор технологической схемы. На бляшки и накладки орнамент наносился методом чеканки, поэтому материал должен был быть мягким и податливым, таким как чистая медь (Мальцев, Барсукова, Борин, 1960. С. 9). Ножи отливали из низколегированной оловом бронзы, этот сплав достаточно прочен и мог выдерживать доработку холодной ковкой для вытяжки и заострения лезвийной части, предварительно отлитого в форме изделия. Крестовидные подвески из оловянной бронзы (с высоким содержанием олова до 25%) не подвергались последующей доработке, поскольку это могло привести к поломке изделия, выполненного из сплава, отличающегося красотой и гладкостью, но не прочностью (Сучков, 1967. С. 155). Для браслетов с содержанием олова 10–13% применялся особый вид термообработки бронз – отжиг гомогенизации. Столь высокие концентрации олова делают состав хрупким, а предварительный отжиг выравнивает металлическую структуру, благодаря чему изделие предохраняется от разрушения и трещин в результатековки. Зная о таких свойствах оловянной бронзы, алакульские мастера осознанно подходили к выбору технологических схем.

Преобладающими видами обработки металла в алакульский период были кузнечные технологии в сочетании с обработкой металла давлением по горячему металлу при температуре 600–800° С (46,1%). Далее следует холоднаяковка с промежуточными отжигами для повышения пластичности металла (32,7%). Особые варианты технологии – литье без доработки (8,3%), а также предварительный отжиг гомогенизации с последующей горячей или холодной ковкой (7,1%) – выявлены на примере этнических маркеров носителей культуры: крестовидных подвесок и браслетов со спиралевидными завитками, изготовленных из высокооловянной бронзы (15–20%). Неполная горячаяковка при температуре 250–400° С, а также литье с последующей холодной ковкой с отжигами отмечены в нескольких случаях (3,2 и 2,6% соответственно).

Доминирование украшений (182 экз.) в исследованной коллекции повлияло на распределение изделий по химико-металлургическим

группам. Преимущественно использовалась оловянная бронза (54,5%), легированная оловом в пределах 0,5–20%. Группа чистой меди, из которой изготавливались скобы, бусины, пронизи, бляшки, прутки-заготовки, крюки, среди погребального и поселенческого инвентаря насчитывает 31,1%. Медно-оловянно-свинцовый сплав – 29 экз. (11,3%).

Корни некоторых алакульских изделий следует искать в более ранних абашевской, синташтинской и петровской культурах, на формирование которых в свою очередь большое влияние оказала ямная культура, являющаяся общей подосновой в генезисе металлопроизводства культур I фазы Евразийской металлургической провинции. В ямной культуре отмечены подвески в полтора оборота, согнутые из круглой медной проволоки, обоймы, пронизки, бляшки с пуансонным орнаментом (Дегтярева, 2010. С. 41). Листовидные подвески (как части наконечников) выявлены в памятниках петровской, алакульской, синташтинской культур. Очковидные подвески зафиксированы в петровской, алакульской и абашевской культурах. Перстни со спиралевидными окончаниями обнаружены в материалах петровской, алакульской, срубной, синташтинской культур. Браслеты со спиралевидными завершениями известны в петровских, алакульских и федоровских памятниках. Таким образом, ряд украшений характерен для широкого ареала памятников абашевской, потаповской, синташтинской, срубной культур, реже они встречаются в федоровских комплексах. Крестовидные подвески распространены лишь в древностях петровского и алакульского типа и указывают на взаимосвязь традиций этих культур.

На основе проведенного исследования выявлена преемственность в развитии петровского и алакульского металлопроизводства, проявляющаяся в морфологическом сходстве типов украшений, использовании для изготовления украшений и орудий труда низколегированных оловянных бронз, в меньшей степени чистой меди, в том числе полученной из окисленной и сульфидной руды. Оловянная лигатура поступала в виде небольших прямоугольных брусков с концентрацией олова 2–5%, возможно, из центральноказахстанского нуртайского металлургического очага.

Определена взаимосвязь между типом изделия, составом сырья для его изготовления. Осознанный и верный выбор технологических схем в зависимости от свойств металла и предназначения изделия говорит о развитом уровне алакульского металлопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 23–54.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Мальцев М.В., Барсукова Т.А., Борин Ф.А. Металлография цветных металлов и сплавов. М.: Изд-во лит. по черным и цветным металлам, 1960. 280 с.

Сучков Д.И. Медь и ее сплавы. М.: Металлургия, 1967. 248 с.

ЖИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

© 2014 г. И.М. Тимушева

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН, Сыктывкар
(timirina1981@yandex.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, атаманнюрская культура, лебяжская культура, Европейский Северо-Восток, жилище.

Резюме. В работе обобщены и систематизированы все имеющиеся данные о жилищных комплексах эпохи бронзы на Европейском Северо-Востоке; выделены основные типы построек и выявлены характерные особенности жилищ известных культур: атаманнюрской, лебяжской.

Тема жилищ и организации жилищного пространства, несмотря на свою актуальность и значимость, – один из слабо изученных вопросов в археологии Европейского Северо-Востока. Больше внимания уделено постройкам эпохи камня – энеолита, частично рассмотрен вопрос об атаманнюрских многоугольных жилищах.

В работе обобщены и систематизированы сведения обо всех имеющихся данных о жилищных комплексах населения Европейского Северо-Востока во II–I тыс. до н.э. Рассмотрено 26 жилищ из 12 поселений. К сожалению, не все известные поселения с жилищами раскопаны полностью, что затрудняет реконструкцию

поселений и материальную жизнь древнего человека.

Расположение поселений с жилищами эпохи бронзы на карте Европейского Северо-Востока неравномерно, что связано в первую очередь с особенностями расселения древнего населения. Постройки эпохи бронзы исследованы в бассейне рек Печора – 19 жилищ (Атаман-Нюр I, Топыд-Нюр XIII, Шиховское I, II, III, Лебяжская II, Адзья II, Ягъель), Вычегда – 7 жилищ (Чудгудоръяг, Косью, Борганъель IV, Воркерос II).

Топография поселений характеризует общие предпочтения в выборе места обитания первобытного населения региона: прикрае-

вые участки надпойменных «боровых» террас, обращенных к реке или старичному озеру, на мысовидных участках в устьях малых рек – притоков 2-3-го порядков.

Каких-либо общие черты и особенности в расположении жилищ на поселениях и их ориентации по отношению к реке не отмечены, за исключением поселения Боргангель IV, на котором сооружения располагались параллельно водоему и были ориентированы по линии ССЗ–ЮЮВ.

Все рассматриваемые жилища однокамерные. По форме котлована, основному признаку, постройки можно разделить на две большие группы: прямоугольные и многоугольные.

Изучено 12 жилищ подпрямоугольной в плане формы, из них 4 имели подквадратную в плане форму с неглубокими котлованами в основании. Площадь котлованов колеблется от 30 до 55 м² (средние) и от 86 до 120 м² (крупные).

Практически для всех жилищ характерно наличие одного, центрального очага, реже двух (Лебяжская II, Шиховское III). Отдельно стоит выделить жилища на поселении Боргангель IV, в которых по продольной оси располагались три очага-кострища, а в жилище 3 – четыре очага. Линза кострища в жилище 7 Атаман-Нюр I отделена от пола тонкой прослойкой песка без следов огня, что, по мнению исследователя В.С. Стоколоса, подразумевает сооружение очага в специальной раме из деревянных плах (Стоколос, 1988. С. 111).

Только на пяти жилищах зафиксировано по одному наклонному выходу в виде коротких пандусов.

Многоугольные жилища зафиксированы на поселениях вместе с прямоугольными. Отмечены пяти- и шестиугольные постройки площадью от 70 до 170 м², котлован которых был углублен относительно древнего горизонта до 0,9 м.

Практически все постройки окружали насыпные завалинки, представлявшие собой сложные сооружения, включавшие и стены жилища. В центре помещения располагался один, реже два (Шиховское I, Чудгудорьяг) открытых наземных очага.

Характерны шестиугольные в плане жилища с одним-двумя наклонными входами-

пандусами. Пол жилища, как правило, был ровным, но слегка покатым вдоль стенок к середине. В ряде случаев отмечено посыпание пола жилища и пандусов красной охрой, чаще всего маркированы пространства вдоль стен. Однако при изучении некоторых строений остатки входов-выходов и столбовые ямки не обнаружены, что затрудняет реконструкцию сооружения.

Рядом со многими жилищами отмечены небольшие постройки хозяйственного назначения без очагов с бедными культурными остатками (Атаман-Нюр I и Чудгудорьяг), хозяйственные ямы внутри и вне помещения.

Исследователи, изучавшие жилища, неоднократно пытались реконструировать их по имеющимся остаткам. Жилище Чудгудорьяг представлялось в виде изолированной полуземлянки шатровой конструкции со срубным каркасом, утепленным мощной завалинкой. Внутреннее пространство делилось перегородкой на две части: центральную шестиугольной в плане формы и вдоль стен по периметру постройки – с лежанками и кладовыми (Логинава, 1993. С. 44).

В.С. Стоколос также полагал, что атаманнюрские сооружения были, видимо, шатрового типа с бревенчатой конструкцией, опущенной на дно вырытого котлована, что предохраняло его от деформации (Стоколос, 1997. С. 247). Л.И. Ашихмина реконструирует лебяжское жилище (прямоугольное в плане) как наземное в виде двускатного шалаша, присыпанного по основанию землей (кольцевой завалинкой) (Ашихмина, 1993).

Характерные особенности атаманнюрской культуры – многоугольные постройки наряду с обычными. Жилища лебяжской культуры представляют собой преимущественно легкие наземные постройки типа шалаша, с валлообразной присыпкой вокруг.

Жилища эпохи бронзы во многом отличаются от энеолитических большими размерами, наличием одного (центрального), реже двух очагов, наличием одного выхода и завалинки, появлением многоугольных строений. В эпоху бронзы практически исчезают характерные для энеолита углубленные в котлован полуземлянки и распространяются легкие наземные прямоугольные и многоугольные жилища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебязской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 60–76. (Мат-лы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 12).

Логинова Э.С. Поселение Чудгудорьяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в

древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 41–59. (Мат-лы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 12).

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.

КЕРАМИКА В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Ал.Ал. Ткачев

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
(al.al.tkachev@mail.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, андронидные культуры, мировоззрение, ритуал, керамика, орнамент, целые сосуды, ритуальная керамика.

Резюме. В статье кратко рассмотрены основные характеристики и группы поселенческой керамики. Дано обоснование выделения новой группы керамики – ритуальной. Кроме этого рассмотрены случаи применения бытовых сосудов или их фрагментов в разных ритуалах.

Восприятие отдельного изделия или целого вещевого комплекса зависит не только от внешней по отношению к ним ситуации, но и от собственного бытового и мифо-ритуального предназначения конкретного предмета. Обычно отдельные категории вещей воспринимаются исследователями с определенных устоявшихся позиций. Назначение предмета устанавливается через обращение к мифо-ритуальному контексту, который нам слабо понятен, поэтому достаточно трудно оценить с данной позиции конкретный археологический артефакт (Балакин, 1998. С. 197).

В силу исторических особенностей керамическое производство у каждого народа развивалось своеобразно. В результате отработывалась и закреплялась определенная технология изготовления керамических изделий, бывшая частью художественной и ритуальной традиции, которая в свою очередь харак-

теризует принципиальные подходы к изготовлению керамической посуды в каждом из регионов Евразии.

Обращаясь к позднебронзовым пахомовским древностям, распространенным в лесостепной зоне Западной Сибири, можно говорить о крупных сериях поселенческой и небольших выборках погребальной посуды. В основном это плоскодонные сосуды горшечной или горшечно-баночной форм с невысокой шейкой, плавно переходящей в слегка раздутое тулово. Встречаются сосуды вытянутых пропорций с маленьким дном и широким устьем, единичны округлодонные сосуды и сосуды с поддонами, банки крайне редки (Корочкова, 2010. С. 56).

Для орнаментики керамического комплекса характерны следующие элементы декора: ямки и каплевидные вдавления, сетка, каннелюры, насечки, слабовыраженные валики,

«елочка», оттиски скобы, угловой штамп, нисходящая лесенка, горизонтальный и вертикальный зигзаг, наклонные, вертикальные и горизонтальные линии, разнообразные треугольники, в большинстве случаев, украшенные «бахромой», ромбы, заштрихованные ленты, меандры. В подавляющем большинстве декорирована зона венчика, шейки и тулова. Орнаментация придонной части и дна сосуда – исключительное явление (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009. С. 87–88. Рис. 4; Костомаров, 2010. С. 14).

В керамических комплексах выделяют две, реже три группы посуды, которые примерно в равных пропорциях отмечены практически на всех пахомовских памятниках. Например, О.Н. Корочкова подразделяет керамику пахомовской культуры на две основные группы: «нарядную» (парадную или ритуальную) и «ненарядную» (бытовую или кухонную) (Корочкова, 2010, С. 58. Рис. 29, 30). В.М. Костомаров рассматривал пахомовскую посуду в рамках трех морфологических групп: сосуды небольших приземистых форм с округлым или приостренным венчиком, с развитой геометрической орнаментикой, близкие андроновско-федоровским по форме и стилю нанесения узора; сосуды горшечно-баночных форм, имеющих вертикальную шейку, округлый или уплощенный венчик, с преобладанием в орнаментике гребенчато-ямочных мотивов; небольшие емкости с округлым дном, для которых характерны разные виды зонирования и орнаментики, бедность узора или его отсутствие (Костомаров, 2010. С. 13).

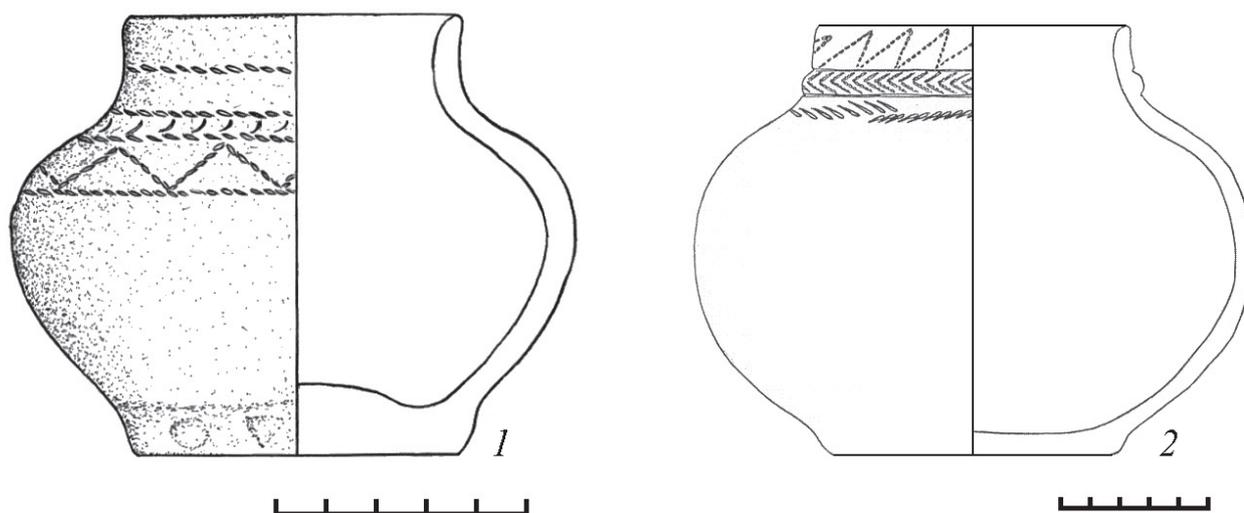
На наш взгляд, в посуде пахомовских комплексов можно выделить особую четвертую группу – *ритуальную керамику*, к которой, скорее всего, следует отнести небольшие хорошо профилированные кувшинообразные сосуды с узким невысоким горлом и раздутым туловом, орнаментированные в основном по венчику и в придонной части, что не характерно для обычной бытовой пахомовской посуды. Данная гипотеза подтверждается находением аналогичных сосудов непосредственно в ритуальных комплексах, исследованных в пределах жилых площадок, в частности на поселении Оськино Болото (Тюменское Приоболье).

Первый сосуд стоял на перекрытии ритуального комплекса под полом выхода из жилищ 6 и 7. Это небольшая толстостенная хорошо профилированная емкость горшечной формы диаметром 7 см и высотой 9 см. Узкая горловина придает ей сходство с кувшинообразными сосудами. Орнаментирован данный сосуд вдавлениями, которые образуют вертикальные линии и пояски: один заполнен отпечатками ногтя, второй – равнобедренными треугольниками, выполненными рядами таких же вдавлений. Придонная часть украшена поясом чередующихся отпечатков в виде круга и перевернутого вершиной вниз треугольника (см. рисунок, 1).

Второй сосуд выявлен в ритуальном комплексе перед северным выходом из жилища 22. По форме он близок предыдущему: узкогорлый с коротким венчиком (диаметр по венчику – 11,5 см) и сильно раздутым туловом. Его высота составляет 16 см. Венчик орнаментирован косыми треугольниками, выполненными гребенчатым штампом; имеет валик, украшенный «елочкой», сделанной отпечатком гребенчатого штампа; снизу идет поясок заходящих друг на друга в месте соединения каплевидных вдавлений (см. рисунок, 2).

Особое положение занимает каменный сосуд-светильник, обнаруженный стоящим на нескольких глиняных кирпичиках в северо-западном углу жилища 22 поселения Оськино Болото.

Кроме наличия специализированных ритуальных сосудов можно говорить о практике применения обычной бытовой посуды в ритуалах. На поселении Ново-Шадрино VII в жилище 2 обнаружено три развала сосудов. На поселении Ук III на дне котлована пахомовского жилища 5б выявлена неглубокая ямка диаметром 0,3 м, в которую помещен целый сосуд (Корочкова, 2010. С. 12, 22). Группа сосудов найдена на поселении Оськино Болото в жилище 44: круглодонный сосуд, перевернутый вверх дном, располагался в северной части конструкции под пристройкой-навесом; севернее, рядом с сосудом, лежал череп лошади; второй, круглодонный сосуд, установленный в слабовыраженной складке пола, располагался в центральной части основного помещения; третий, плоскодонный перевер-

Сосуды из ритуальных комплексов поселения Оськино Болото. 1 – выход из жилищ 6 и 7; 2 – выход из жилища 22.

нутый вверх дном сосуд обнаружен стоящим на полу в юго-западном секторе жилища. Внутри жилища 22 на полу, справа и слева от северного выхода, стояли два перевернутых сосуда, близких по форме и размеру, под правым сосудом находилась глиняная фигурка барашка. В околоочажном пространстве расчищены обломки, принадлежавшие четырем раздавленным сосудам, между которыми были разрозненные обломки еще от шести сосудов.

Подобное использование керамической посуды, на наш взгляд, объясняется ситуациями, когда жилище не оставлялось навсегда и возникала необходимость «законсервировать» его на неопределенное время. Для того чтобы в будущем сохранить территорию поселения или конкретного жилища за собой, необходимо было провести определенные ритуалы, маркирующие данную территорию как свою, человеческую, не отданную природе. В эпоху бронзы в качестве таких символов могли выступать целые сосуды, установленные на плоское дно или вверх дном. Возможно, перевертывание или разбивание сосудов можно рассматривать как определенный ритуал, связанный с покиданием людьми места своего обитания и временной передачей его под защиту миру предков (Ткачев, 2013).

Совершенно неисследованный аспект – использование отдельных фрагментов керамики

в ритуальных действиях, отмеченных в погребениях людей и животных. Очевидно, что просто так отдельные фрагменты сосудов попасть в могилу не могли. Следовательно, они несли в себе определенную семантическую нагрузку, реконструировать которую на современном этапе изучения не представляется возможным.

Таким образом, в ритуальной практике населения пахомовской культуры значительное место отводилось керамической посуде, имеющейся в составе всех известных к настоящему времени пахомовских сакральных объектов как в Тоболо-Иртышье, так и в Барабинской лесостепи. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят выявить особенности керамики ритуальных и погребальных объектов эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 283 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологи-

гическая и территориальная локализация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 22 с.

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 81–89.

Ткачев Ал.Ал. К вопросу о ритуалах оставления жилищ // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Ф.Е. Ажимов. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 159–161.

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНОГО ФЛАНГА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ И ГЕОАРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. В.В. Ткачев

*Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург
(vit-tkachev@yandex.ru)*

Ключевые слова: поздний бронзовый век, андроновская культурно-историческая общность, геоархеология, археометаллургия.

Резюме. В работе дана оценка уровня развития горного дела и цветной металлургии на западном фланге андроновской культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы. Изучение геоархеологических производственных объектов и металлургических комплексов на поселениях позволили выделить Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр, функционирование которого связано с металлопроизводственной деятельностью кожумбердынской культурной группы. В бассейне р. Илек следы древних горных работ были выявлены на участках выхода на поверхность медистых песчаников, являющихся в геологическом отношении естественным продолжением верхнепермских отложений Предуральского краевого прогиба. В погребениях западноалакульской культурной группы в этом районе найдены каменные орудия горного промысла. Это позволяет в перспективе прогнозировать возможность выделения самостоятельного горно-металлургического центра в Актюбинском Приуралье.

Комплексный подход к изучению культурогенеза эпохи поздней бронзы в степях Северной Евразии позволил реализовать потенциал археологических источников за счет интеграции методов естественных, точных и гуманитарных наук. Оценка эффективности систем жизнеобеспечения и производственных структур степных сообществ эры раннего металла в рамках адаптационных стратегий приобретает исключительное значение для реконструкции историко-культурных процессов. Принципиальный характер имеют современные представления о соответствии отдельных хозяйственно-культурных типов локальным вариантам археологических

культур (Савинов, 2007. С. 48). Учитывая то обстоятельство, что металлопроизводственная деятельность в рассматриваемый период была одним из ключевых элементов производящей экономики, важным условием культурной обособленности становится наличие собственной минерально-сырьевой базы горно-металлургического производства.

Для разработки историко-металлургической проблематики, нередко лежащей в основе культурно-хронологических построений, большое значение имеет уточнение некоторых базовых дефиниций. В частности, при выделении горно-металлургических центров предлагается опираться не только на геологи-

ческие и географические критерии, но и учитывать историко-культурный фон, на котором разворачивалась металлопроизводственная деятельность. В результате в настоящее время горно-металлургические центры рассматриваются как районы, отличающиеся геолого-географическим своеобразием и наличием рудных запасов, освоенных единокультурным населением (Черных, 1970. С. 13; Куртомашев, 2002. С. 175).

На западной периферии андроновской культурно-исторической общности на границе со срубным миром в позднем бронзовом веке достаточно уверенно выделяются два самостоятельных культурных комплекса: западноалакульская культурная группа в степном Приуралье (бассейн р. Илек) и кожумбердынская – в Уральско-Мугоджарском регионе. Наличие дифференцирующих признаков объясняется не только разной направленностью векторов культурных взаимодействий, но и самодостаточностью производственных структур, ориентированных на собственные сырьевые ресурсы.

Памятники кожумбердынской культурной группы образуют обширный ареал, охватывающий две физико-географические области: Приюжноуралье и Мугоджары (Чибилев А.А., Чибилев Ант.А., 2012. С. 1663–1664. Табл. 2. Рис. 1). Здесь сосредоточены богатейшие запасы медных руд, имеющих разнообразный минеральный состав и различную приуроченность к геологическим структурам. Ранее большинство из них не рассматривалось в качестве объектов древней добычи, поскольку было отнесено к категории «слепых», т.е. не имеющих выхода на дневную поверхность, что, по мнению исследователей, делало невозможным их обнаружение и разработку (Черных, 1970. С. 40; Берденов, 2008. С. 43). Но благодаря новейшим исследованиям в регионе, носившим междисциплинарный характер, надежно установлено, что начало эксплуатации большинства из них относится к позднему бронзовому веку. Это позволило обосновать выделение Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, функционирование которого связано с металлопроизводством носителей кожумбердынского культурного комплекса (Ткачев, Сегедин, Грешнер, 1996. С. 113–115; Ткачев,

2011; Зайков и др., 2012. С. 53–56. Рис. 1, 2; 2013. С. 177–180. Рис. 1; Юминов и др., 2013; Ткачев, Zajkov, Juminov, 2013).

Разрабатывались различные виды меднорудных источников, в основном зоны окисления медных руд в гипербазитах, пироксенитах, базальтах с прослоями яшм и контактовых зонах гранитоидов. На сегодняшний день детально обследовано около трех десятков древних рудников на площади месторождений и рудопроявлений меди. Горные выработки представлены линейными и изометрическими карьерами, конфигурация которых определялась характером рудного тела. Нередко в структуре геоархеологических производственных объектов присутствуют производственные обогатительные площадки, где осуществлялась предварительная переработка рудной массы. Помимо сухого обогащения отмечены случаи использования передовой технологии, предполагавшей промывку водой добытой и измельченной руды (Еленовский, Сарлыбай I). На поверхности отвалов и обогатительных площадок обнаружено более 80 орудий горного промысла, изготовленных из твердых пород камня. К их числу относятся разнообразные кайла, мотыги, клинообразные инструменты, молоты, песты, рудодробильные и терочные камни, плиты-ступы.

О замкнутом цикле горно-металлургического производства свидетельствуют материалы близлежащих поселений, оставленных носителями кожумбердынского культурного комплекса. На поселениях в окрестностях Еленовского, Ушкаттинского, Ишкининского рудников найдены металлургические шлаки, медные сплески, капли, глиняные сопла, тигли, каменные литейные формы. На поселении Кудуксай, приуроченном к Еленовскому руднику, исследована металлургическая печь шахтного типа в виде обложенного камнем колодца диаметром 1,5 м и глубиной порядка 2 м с горизонтальным дымоходом длиной около 4,5 м. Здесь же были зафиксированы очаг для тигельной плавки, металлургические шлаки, обломки тиглей с ошлакованной внутренней поверхностью, глиняное сопло и рудный склад. Ранее аналогичные теплотехнические агрегаты были выявлены на поселения Шандаша и Тасты-Бутак (Кузьмина,

1962. С. 6–10; 1965. С. 1–10; Сорокин, 1963. С. 10–12; Андроновская культура..., 1966. С. 60–61. Рис. 9). Примечательно, что указанные объекты по своим конструктивным особенностям очень близки медеплавильным комплексам Центрального Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 33–44; Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 51–55).

Использование местных руд подтверждают и результаты сравнительного анализа состава металлургических шлаков и руд. Так, повышенные содержания молибдена (0,01–0,03%) и цинка (0,01–0,1%) в шлаках поселения Кудуксай недвусмысленно указывают на связь руд с гранитоидным комплексом Еленовского рудника, а высокие концентрации хрома (0,2–0,8%), кобальта (0,1–0,5%) и мышьяка (0,1–0,3%) в шлаках Ишкининского поселения свидетельствуют об использовании сырья из одноименного рудника, приуроченного к гипербазитам.

Сведения, которыми мы располагаем, позволяют рассматривать Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр как совокупность дискретно расположенных компактных археологических микрорайонов, приуроченных к древним выработкам меди (рудникам), которые можно расценивать в качестве локальных центров металлопроизводства. Собственно металлургическое производство, по всей видимости, было ориентировано преимущественно на внутреннее потребление, о чем говорят весьма скромные свидетельства металлургического передела, зафиксированные на поселениях. Их явная несопоставимость с объемами горных работ на рудниках заставляет предполагать, что объектом торгово-обменной деятельности могла выступать обогащенная руда (медный концентрат).

В отличие от кожумбердынского металлургического очага, в изучении которого достигнуты значительные успехи, горно-металлургическое производство западноалакульской культурной группы никогда не было предметом специального исследования. С точки зрения физико-географического районирования обсуждаемая группа памятников локализуется в пределах Сыргово-Предуральской холмисто-увалистой провинции и в западной части Западно-Примугоджарской увалисто-

равнинной провинции (Чибилев А.А., Чибилев Ант.А., 2012. С. 1663–1664. Табл. 2. Рис. 1). В разное время эти памятники рассматривались в рамках ветлянского (Горбунов, 1992. С. 182) или сольилецкого (Кузьмина, 1994. С. 46) типов.

Следует отметить, что отдельные комплексы западноалакульского облика присутствуют на правом берегу р. Урал, образуя сакмаро-самарскую группу. Они демонстрируют вовлеченность в орбиту Каргалинского горно-металлургического центра, функционирование которого в позднем бронзовом веке было связано с носителями срубной культуры (Черных, 2007. С. 87–95). Гораздо большую устойчивость и независимость от внешних сырьевых источников демонстрирует илекская группа памятников, эталонная для западноалакульских древностей. В Актюбинском Приуралье в ходе широкомасштабных геологоразведочных работ выявлено более 80 рудопроявлений медистых песчаников и месторождение Кушукбай. Они приурочены к древним русловым потокам (Киялыбуртинскому, Каргалинскому, Табантальскому, Тамдинскому) (Парфенов, Романюк, 1963), являясь в геологическом отношении продолжением верхнепермских отложений Предуральского краевого прогиба (Каргалы, 2002. С. 19–24). Доступность древним горнякам этих меднорудных объектов не вызывает сомнений, поскольку зачастую они имеют выходы на поверхность либо представлены в разрезах береговых обнажений рек Илек, Бутак, Жаман-Каргала, Жаксы-Каргала и др.

Отсутствие целенаправленных исследований на геоархеологических производственных объектах, приуроченных к медистым песчаникам в интересующем нас районе, заставляет воздержаться от категоричных суждений. Но нельзя обойти вниманием тот факт, что древние рудники еще в XIX в. были зафиксированы на площади месторождения Кушукбай (Богачев, 1889; Археологическая карта Казахстана, 1960. С. 68, 70). В зонах окисления медистых песчаников геологами отмечены следы древних горных работ на реках Жаксы-Каргала (рудник Кундуздь) и Киялы-Буртя (рудник Унгир) (Петров, Родионов, 1976. С. 48–49). И, наконец, следует отметить присутствие в погребениях западноалакуль-

ской культурной группы могильника Жаман-Каргала II выразительных наборов каменных орудий, связанных с добычей, обогащением и подготовкой медной руды к металлургическому переделу (Ткачев, 2012. С. 108–109. Рис. 2; 3). Приведенные данные позволяют со сдержанным оптимизмом оценивать перспективы выделения в Актюбинском Приуралье самостоятельного горно-металлургического центра, функционирование которого связано с металлопроизводством западноалакульской культурной группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроновская культура. Памятники Западных областей. М.; Л.: Наука, 1966. 63 с. (САИ; Вып. 3–2).
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1960. 449 с.
- Берденов С.А.* Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2008. № 1. С. 42–55.
- Богачев В.Ф.* Краткий очерк месторождений медных руд, бурого угля, селенита и др. в Тургайской области // Горный журнал. 1889. Т. 1. С. 453–458.
- Горбунов В.С.* Могильник бронзового века Ветлянка 4 // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 166–194.
- Зайков В.В., Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Юминов А.М., Ткачев В.В., Коробков В.Ф., Анкушев М.Н.* Российско-Казахстанское сотрудничество при изучении рудников и древних золотых изделий // Маргулановские чтения – 2012. Мат-лы конф. Астана: филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2012. С. 53–59.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В.* Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 174–195.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Каргалы. Т. I. Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследования: Археологические памятники / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М.* Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
- Кузьмина Е.Е.* Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р-1 № 2500.
- Кузьмина Е.Е.* Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. // Архив ИА РАН. 1965. Р-1 № 3081.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.
- Куртомашев М.В.* К дискуссии о терминах и понятиях «горнометаллургическая область», «металлургический центр», «очаг металлургии» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 174–176.
- Парфенов В.Т., Романюк Я.И.* О новых находках медистых песчаников в Актюбинском Приуралье // Вопросы геологии и меденосности Мугоджар (Западный Казахстан). Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1963. С. 173.
- Петров Н.П., Родионов В.В.* Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1976 г. // Фонды Актюб. обл. историко-краеведческого музея.
- Савинов Д.Г.* О теории хозяйственно-культурных типов применительно к археологическим источникам // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут: Изд-во УрГУ, 2007. С. 46–48.
- Сорокин В.С.* Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак (Актюбинская обл.) в 1963 г. // Фонды Актюб. обл. историко-краеведческого музея. КП 9368–9369.
- Ткачев В.В.* Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.
- Ткачев В.В.* К вопросу о минерально-сырьевой базе металлопроизводства западноалакульской культурной группы // Кадырбаевские чтения – 2012. Мат-лы конф. Актюбе, 2012. С. 105–114.
- Ткачев В.В., Сегедин Р.А., Грешнер С.Г.* Подъемный материал из поселений и рудников бронзового века в Мугоджарах // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара: Актюб. обл. гос. инсп. ист.-культ. наследия, 1996. С. 109–132.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Черных Е.Н.* Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе метал-

лургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Чибилев А.А., Чибилев Ант.А. Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 1 (6). С. 1660–1665.

Юминов А.М., Зайков В.В., Коробков В.Ф., Ткачев В.В. Добыча медных руд в бронзовом веке в

Мугоджарах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3 (55). С. 87–96.

Tkačev V., Zajkov V., Juminov A. Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary) // Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Katalog. Bd. I. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 471–482.

ПОГРЕБЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВОЛЖЬЕ.

© 2014 г. П.Е. Тугушев

*Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов
(novi_75@mail.ru)*

Ключевые слова: городище Петровский городок, Сабуровский грунтовой могильник, ивановская культура, погребения, валиковая керамика.

Резюме. В статье вводятся в научный оборот новые материалы ивановской археологической культуры на территории Поволжья.

В 2006 г. проводились археологические раскопки на городище Петровский городок, датируемом XVI–XVIII вв. – периодом русской колонизации Поволжья (Тугушев, 2006). Впервые памятник был выявлен в 1982 г. Городище расположено в 8 км к северо-западу от с. Усть-Курдюм Саратовского р-на Саратовской обл., на первой надпойменной террасе правого берега р. Курдюм в месте сплошного подтопления ее долины водами Волгоградского водохранилища.

В результате проведенных исследований в раскопе было выявлено пять разновременных погребений: три из них относятся к периоду финальной бронзы и два – к XVI–XVIII вв.

Погребение 1 полностью разрушено более поздним погребением и идентифицировать его практически невозможно. Погребения 4 и 5 без сомнения относятся к единичным погребениям ивановской культуры валиковой керамики по ряду признаков: труположение на правом боку, ориентировка черепом на юг и юго-запад соответственно.

Погребение 4 по обряду идентично погребению, обнаруженному в 1995 г. при исследовании VI Утевского могильника на территории Самарской обл. (Кузнецов, Плаксин, 2004. С. 114). Погребенный также был частично кремирован в ритуальных целях.

Сосуды из погребений 4 и 5 по всем своим признакам несомненно относятся к ивановской культуре, входящей в общность культур валиковой керамики. Погребение с аналогичным обрядом и валиковым сосудом впервые стало известно при раскопках курганного могильника Быково I в Волгоградском Заволжье (Смирнов, 1960. С. 211).

На левом берегу р. Курдюм, точно напротив городища Петровский городок располагается Сабуровский грунтовой могильник, выявленный в 1998 г. разведками А.Б. Малышева. В 2006–2007 гг. им же были проведены частичные спасательные раскопки на этом памятнике и исследовано шесть погребений (Малышев, 2008. С. 19).

Погребение 3 по своим признакам и керамическому материалу идентично погребениям 4 и 5, обнаруженным при раскопках городища Петровский городок (Тугушев, 2009. С. 91).

Погребения 4 и 5 из грунтового могильника на территории городища Петровский городок и погребение 3 из Сабуровского грунтового могильника подтвердили существование устойчивого погребального обряда ивановской культуры: грунтовые могильники, положение погребенных на правом боку, ориентировка в южный сектор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В. Древности Нефтегорского района. Самара: Самар. Дом печати, 2004. 176 с.

Мальшев А.Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. Саратов: Научная книга, 2008. 194 с. (Археологическое наследие Саратовского края; Вып. 8).

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // Древности нижнего Поволжья: итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960 г. С. 269–281. (МИА; № 78).

Тугушев П.Е. Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. С. 91–104.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ АЗИАТСКИХ МАРШРУТОВ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ (МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)

© 2014 г. А.А. Тюняев

*Вычислительный центр им. Дородницына РАН, Москва
(HmulKara@yandex.ru)*

Ключевые слова: бронзовый век, торговые пути, Азиатский регион, нефрит, серебро, лазурит.

Резюме. В исследовании применен мультидисциплинарный подход. Проведен анализ археологических и антропологических материалов бронзового века, приуроченных к Азиатскому региону. Показано существование торгово-меновых путей, по которым в бронзовом веке перемещались янтарь, нефрит, лазурит, серебро и другие объекты торговли или обмена. Показаны связи региона с контрагентами других территорий.

Настоящее исследование проведено с использованием мультидисциплинарного подхода. Предмет анализа – массив археологических и антропологических материалов, относящихся к бронзовому веку и территориально приуроченных к Азиатскому региону. Часть этих материалов относится к предметам торговли или обмена, антропологическая часть свидетельствует о перемещении древнего населения. Движение разных

видов артефактов, выявляемое по археологическим исследованиям, в свое время изучали Е.Н. Черных (металл), М. Гимбутас (янтарь), С.А. Комиссаров (нефрит), Е.И. Лубо-Лесниченко (шелк), А.С. Скрипкин (шелк), Т.Н. Глушкова (шелк) и др. По результатам таких исследований восстановлены отдельные участки древнего торгового пути, называемые обычно по основному материалу, перемещаемому по ним.

Тема «янтарного» торгового пути бронзового века была поднята М. Гимбутас. Исследовательница связывает этот путь с развитием унетичской культуры (около 1600 г. до н.э.) (Гимбутас, 2004). Наш анализ данных показал, что существует связь прибалтийского янтаря с аналогичными находками на Среднем Урале, в Италии, Греции (от ранних групп шахтных могил в Микенах) и в Северном Междуречье. В Азию янтарь попадал через Анатолию и Кавказ. Массивная группировка памятников эпохи бронзы с находками янтаря приурочена также к центральным областям Русской равнины (Тюняев, 2010а, б).

Тема «серебряного» торгового пути бронзового века разрабатывалась несколькими исследователями. Многочисленные находки достаточно полно маркируют торговые отношения. Например, серебряные несомкнутые серьги (две находки) обнаружены в погребениях кротовской культуры (XIV–XII вв. до н.э.) (Молодин, 1985) в лесостепных районах Новосибирского Приобья и центральной Барабы. Одни – в погребении 8 кургана 26 могильника Сопки-2 в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Молодин, Чикишева, 1990). Другие – в кургане 2 могильника Ордынское-1 близ Новосибирска (Троицкая, 1973. С. 91. Рис. 3, ж).

Собственных рудных источников на этой территории нет, поэтому мы имеем дело с импортом серебра из азиатских месторождений. Эти миграции металла обнаруживают связи лесостепной и лесной зон Западной Сибири с южными (Саяно-Алтай, Казахстан, Средняя Азия) и западными (Урал) горно-металлургическими областями (Жирюшин, Малолетко, 1979. С. 181). Поступление среднеазиатского серебра на территорию Сибири продолжилось и в последующую эпоху (Сердобольский, 1990. С. 33).

Во II тыс. до н.э. западный ареал степного пояса Евразии до Енисея, Рудного Алтая и Восточного Туркестана был освоен представителями андроновской культурной общности. На рубеже II–I тыс. до н.э. они продвинулись до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса.

«Нефритовый» путь начал действовать с конца II тыс. до н.э. Идея «Великого нефритового пути» появилась после открытия

белонефритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность). А.С. Уваров и В.А. Городцов (см. Комиссаров, 1999) предположили их происхождение из окрестностей Кашгара, но потом В.А. Городцов (1928) пересмотрел прежнюю концепцию и в качестве отправной точки распространения на запад изделий из нефрита назвал уже глазковскую культуру.

Эта идея получила развитие в работах С.В. Киселева (1965. С. 52), который полагал, что прибайкальский нефрит мог передаваться не только на запад, но и на юго-восток, в древнейшие центры шан-иньской культуры. При этом по проторенным путям распространялись и другие культурные достижения, например лучшие образцы сейминско-самусьской бронзы. «Впервые в истории нефритовый путь связал Дальний Восток с Европой» (Комиссаров, 1999. С. 10).

«Нефритовый» путь протянулся в широком направлении от Прибайкалья до Русской равнины, по лесостепному «коридору» вдоль современной Транссибирской железнодорожной магистрали, пересекал Обь близ устья Томи, Иртыш в устье Оби. Он соединял глазковскую культуру Прибайкалья с сейминско-турбинской культурой Волго-Камья, т.е. Южную Сибирь и Русскую равнину. Из Прибайкалья путь шел и в шан-иньский Китай.

Развивалась меновая торговля, положившая начало глазковскому этапу нефритового пути: завязались торговые отношения с племенами бассейна Енисея, Минусинской котловины и Оби, с народами Дальнего Востока, куда из Прибайкалья доставляли нефрит, а взамен с берегов Тихого океана везли морские раковины, из которых изготовляли кольца, диски и бусины. Глазковский нефрит следовал и на запад (Винокуров, 1998).

Сейминско-турбинские памятники отмечены многочисленными находками металлических орудий и оружия своеобразных типов на просторах Евразии от Монголии и Саянских гор, через Русскую равнину и до Финляндии и Молдавии. Некоторые исследователи связывают с ними появление на Русской равнине оловянных бронз из алтайских рудных источников (Черных, Кузьминых, 1987, 1989).

«Лазуритовый» путь был маршрутом, по которому перемещались изделия из лазурита.

По нему полудрагоценный камень перевозился на запад и на юг, до стран Ближнего Междуречья (Ур, Лагаш) и Индии (Хараппа, Мохенджо-Даро) из Афганистана (Бадахшан), России (Южное Прибайкалье), Таджикистана (Памир). Копи в Бадахшане являются древнейшими.

В Майкопском кургане (конец III тыс. до н.э.) обнаружены разнообразные золотые и сердоликовые бусы, привески из бирюзы и лазурита. Фигурки животных и некоторые изображения на сосудах свидетельствует о культурных связях со странами Древнего Востока. Некоторые исследователи из этого факта делают вывод о связях Кавказа с Месопотамией в Урукский период.

О торговых связях между Кавказом и Египтом свидетельствуют египетские амулеты, обнаруженные на Южном Кавказе. По археологическим данным, они появляются с конца III тыс. до н.э. Видимо, египетские поделки на Кавказ попадали при посредничестве сирийских и левантских городов, таких как Эбла, Мари, Угарит и Библ (Нариманишвили, 2009).

В это время в погребениях афанасьевской культуры появляются первые украшения из цветных и драгоценных металлов – золотые и из сплавов серебра. Их ареал включает Алтай, Восточный Казахстан, Монголию и Синьцзян. Особенности культуры указывают на родство носителей афанасьевской культуры с южноуральским регионом андроновской культуры – носителями гаплогруппы R1a1 (Keyser et al., 2009. С. 16). Одними из наследников афанасьевской культуры были носители тагарской культуры раннего железного века.

В исследовании антропологии региона М.Б. Медникова сопоставила скелетные размеры в популяциях эпохи энеолита и бронзы (афанасьевская, окуневская, андроновская, карасукская культуры) и в популяциях раннего железного века (баиновский, подгорновский, сарагашенский, тесинский этапы тагарской культуры, таштыкская культура). В результате было обнаружено, что для обитателей Южной Сибири максимум продольных размеров длинных костей совпадает с бронзовым веком – конец III тыс. до н.э. – VIII в. до н.э. (афанасьевская и окуневская культуры) (Медникова, 2002).

Все эти материалы позволяют говорить о существовании торговых путей или путей меновых операций, которые существовали в эпоху бронзы и связывали Азиатский регион с регионами Русской равнины, Европы и Северной Африки. На этой основе сформировались полноценные торговые пути последующих эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: в 4-х т. Т. 1. Иркутск: Изд-во: БГУПЭ, 1998. 203 с.

Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 221 с.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археологии РАНИОН. Вып. II. М., 1928. С. 46–60.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. 183 с.

Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии: Памяти С.В. Киселева. К 60-летию со дня рождения. М.: Наука, 1965. С. 17–61. (МИА; № 130).

Комиссаров С.А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии / Ред. и сост. О.А. Митько. Новосибирск, 1999. С. 7–10.

Медникова М.Б. Эпохальная изменчивость размеров тела человека: мифы и реальность // Орус. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М.: ИА РАН, 2002. С. 59–65.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 161–180.

Нариманишвили Д. Египетские амулеты III–II тысячелетия до н.э. на Южном Кавказе // Междунар. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Докл. Тбилиси, 2009. С. 221–224.

Сердобольский А.В. Научно-технический прогресс и минералы. Киев, 1990. 150 с.

Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское-1 недалеко от Новосибирска // Вопросы Археологии Сибири. Новосибирск, 1973. С. 84–101. (Научные тр. Новосиб. гос. пед. ин-та; Вып. 85).

Тюняев А.А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // Человек: его биологическая и социальная история. Тр. Междунар. конф., посвящ. 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Дубова. М.: ИА РАН, 2010а. С. 242.

Тюняев А.А. Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии // Этносы и культура Урало-Поволжья: история и современность. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010б. С. 194–200.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T. and Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. V. 126. № 3. P. 395–410.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ)

© 2014 г. Э.Р. Усманова

*Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(emmadervish2004@mail.ru)*

Ключевые слова: кенотаф, образ-заместитель, погребальная традиция, знаковый смысл, кефалотафия, кремация.

Резюме. В работе рассматриваются неординарные погребальные комплексы андроновских (федоровских и алакульских) могильников, изученных в районе г. Лисаковск Костанайской обл. Казахстана, в том числе кенотафы (могилы без человеческих останков) и частичные или парциальные захоронения. Значительное внимание при этом уделено символическим моментам и аспектам погребальной обрядности.

Андроновские памятники округа г. Лисаковск (Костанайская обл. Казахстана) первой половины II тыс. до н.э., которые расположены на правом и левом берегах р. Тобол, включают в себя одно поселение и семь могильников, «смонтированные» в единый пространственно-временной комплекс. На могильниках раскопано 233 погребения эпохи бронзы. Четыре могильника Лисаковский II–V (29 сооружений, 51 погребение) находятся на левом берегу, три других могильника Лисаковский I, VI, VII – на правом берегу (82 сооружения, 182 погребения). Погребения шести могильников (II–VII) совершены в традиции алакульского погребального обряда.

На могильнике Лисаковский I сосуществовали две погребальные традиции: федоровская и алакульская. Радиоуглеродная хронология лисаковских памятников подтвердила сосуществование алакульского и федоровского населения в период 1780–1660 гг. до н.э. Погребальные поля использовались в течение как минимум 120 лет (Панюшкина, 2013. С. 203–204). Могильники левого берега сформировались несколько раньше, чем могильники правого берега.

Наряду с погребениями с общепринятыми ритуалами – погребальная постройка, умерший (похороненный по способу труположения или трупосожжения), погребаль-

ный инвентарь, жертвенные комплексы – выявлены единичные оригинальные могилы. Все они входили в систему «андроновских» комплексов. В широком смысле под термином «андроновская культурно-историческая общность» понимается совокупность родственных культур, складывающихся в период стабильного развития азиатской зоны Евразийской металлургической провинции (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 127–136).

Эти погребения отличались по ряду признаков, которые и позволили выделить их в особую категорию: «символическое погребение». В артефактах таких погребений заложен смысл символического, определенный ходом исполнения погребального обряда, его особенностями по отношению к умершему. В символическом погребении отсутствовали привычные для «андроновского» контекста элементы, составлявшие «текст» погребального обряда. Они или не присутствовали вовсе, или вместо них были предложены образы-заместители. Большинство таких погребений не было разрушено проникновениями, сохранив изначальную целостность (за двумя исключениями). В категорию символических погребений на основании археологических данных могильников эпохи бронзы Лисаковской округи включены две группы погребений:

1) погребения без костных останков: 1.1. с погребальным инвентарем; 1.1.2 археологически целые сосуды; 1.1.3 отдельные фрагменты керамики; 1.1.4 природный камень; 1.1.5 отдельный предмет; 1.2 культовые предметы;

2) погребения с костными останками и погребальным инвентарем: 2.1 череп/фрагмент; 2.2. челюсть/зубы.

Раскопано 127 алакульских погребений: 71 погребение – на погребальном поле могильника Лисаковский I, 56 – на остальных шести могильниках.

Могильник Лисаковский I (правый берег). Первая группа без костных остатков и с погребальным инвентарем: 1.1.2 один/два/несколько сосудов – четыре погребения; 1.1.3 скопление фрагментов керамики – три погребения; 1.1.4 один/несколько камней на дне – три погребения; 1.1.5 золотое височное кольцо – одно погребение. 1.2 – оригиналь-

ное погребение жертвенного столба, андрогинного облика. Вторая группа с костными остатками (череп или его фрагмент, другие части скелета отсутствуют или имеются в незначительном количестве): 2.1 женский череп с ювелирным набором головных, ручных и шейных украшений – три погребения (голова, по всей видимости, была отделена от тела); 2.2 челюсть и сосуд – одно погребение; 2.3 фрагмент черепа и сосуды – четыре детских погребения.

Могильник Лисаковский VI (правый берег). 1.2 – «погребение» природного камня белого цвета (известняк), в форме черепа. Итого: 21 алакульское символическое погребение (28%). Из них 12 погребений (16%) не имели костных останков.

Могильники Лисаковский III–V (левый берег). 1.2 – одно погребение, на дне которого способом углубления в материковый грунт была «вырезана» антропоморфная фигура. 2.1 отдельно череп – четыре погребения. Из них два погребения были разрушены проникновениями, но черепа были специально изъяты и выставлены. Одно погребение – женский череп с лучевыми костями рук и с набором украшений. 2.2 нижняя челюсть – одно погребение. Алакульские погребения левого берега демонстрируют различного рода манипуляции с черепом по принципу «часть вместо целого». Здесь известно шесть символических алакульских погребений (11%).

На массив алакульских погребений могильников Лисаковской округи (127 погребений) приходится 27 символических погребений (21%): 13 погребений без костных останков (10%), 14 погребений (11%) с черепом или с его частями.

Федоровские погребения по обряду кремации расположены на правом берегу (Лисаковский I – 78 погребений). Первая группа 24 погребения без костных останков: 1.1.2 – один/два/несколько сосудов, с камнями на дне или с фрагментами дерева; 1.1.3 – фрагменты керамики с камнями на дне; 1.1.4 – один/несколько камней на дне. 2.2 – одно погребение с необожженной челюстью человека. Итого: 25 символических федоровских погребений (32%).

Федоровская погребальная традиция «лидирует» в представлении погребений без

костных останков: 24 федоровских захоронения (30%) и 13 алакульских (10%). Алакульская же традиция демонстрирует приоритет относительно захоронений с черепом (или с его частями): 14 алакульских (11%) и одно федоровское (1%). У «федоровцев» отсутствуют захоронения с предметами культового назначения. Всего же «захоронения» без костных останков составляют 15% от общего количества погребений могильников Лисаковской округи, с черепом (или его частью) – 6%.

Кенотаф – это погребение, в котором погребальное сооружение морфологически соответствует стереотипу (конкретного) некрополя, но не содержит останков умершего или содержит его символического заместителя (Смирнов, 1997. С. 176). В погребениях эпохи бронзы Лисаковской округи: «чистые» кенотафы (без символических заместителей) – 6 алакульских погребений и 11 федоровских (Лисаковский I); с символическими заместителями – фрагмент дерева – 2 федоровских погребения; камень – 4 алакульских и 11 федоровских погребений; вещь или votivный предмет – 4 алакульских погребения.

Погребальный обряд в семиотике культуры рассматривается как текст, в котором «цитаты» выстроены из предметов и о вещественных действиях (Усманова, 2013. С. 117). Каждая «цитата» имеет свой знаковый смысл. Такие «цитаты» объединяются в единый символический текст ритуала, который и несет главную смысловую нагрузку действий во время исполнения обряда. Идея происхождения устройства «пустого» пространства в могильной яме без тела погребенного, видимо, имеет свою причину, за которой скрывается главное – невозможность доставки тела или останков умершего к его последнему земному пристанищу.

Кенотаф в основном засвидетельствован в погребальном пространстве позднего по времени появления могильника Лисаковский I (правый берег), где сосуществовали алакульская и федоровская погребальные традиции. При этом «федоровцы» значительно «преуспевают» в количественном исполнении устройства «пустой могилы»: 24 федоровских и 12 алакульских кенотафов. В ранних алакульских погребениях левого берега кенотаф как ритуальное явление «пустая могила» не-

известен. Исключение – погребение с антропоморфной фигурой, «выкопанной» на дне.

При общем стереотипе интерпретации «пустоты» могильного пространства (отсутствие тела по каким-либо причинам), в федоровском погребальном обряде «пустота» дополнительно может исходить из самого способа обращения с умершим – трупосожжения. Не исключено, что в таком трудоемком процессе, как кремация тела умершего человека в условиях степного, аридного климата, происходил какой-то сбой задуманной ритуалом программы уничтожения тела умершего: кости могли разрушиться полностью или, наоборот, остались не кремированными.

Возможно, что «федоровцы» использовали «цитату» кенотаф в тексте своего погребального обряда по двум причинам: основная – отсутствие тела умершего; другая – сложность способа обращения с умершим (кремация). Позже, в момент совместного проживания носителей двух традиций и проведения погребальных ритуалов, кенотаф был введен «алакульцами» в свой погребальный обряд как проекция-подражание «цитате» федоровского погребального «текста».

Алакульские погребения с объектами культового содержания – столб андрогинного вида, камень в форме черепа – условно могут быть отнесены к кенотафам на основании отсутствия в них костных останков. Но скорее всего, эти погребения представляют собой захоронение культовых предметов, которым поклонялись во время проведения других, жизненно важных ритуалов. И они удостоились «честь» быть похороненными как умершие люди из-за «животворящей» своей сущности.

Особый символизм в виде культа черепа проявляется в алакульских погребениях, но он отсутствует в федоровской погребальной практике. По материалам лисаковских могильников: кефалотафия – погребение черепа (или его частей) – «цитата», которая относится к алакульской погребальной практике. Захоронения отдельных черепов с ювелирными гарнитурами принадлежали исключительно женщинам, что, возможно, говорит об их высоком социальном статусе и особом отношении к голове как средоточию жизненной энергии. Намеренное выставление черепов и челюстей, скорее всего, – проявление диф-

ференцированного отношения к умершим, которое отражало и социальный статус, и причины, сезонность смерти. В символических погребениях могильников эпохи бронзы Лисаковской округи представлена вариативность погребального обряда, за которой стоит диалог соседних культур, основанный на вечном поведенческом архетипе – отношении живущего человека к умершему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панюшкина И.П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лиса-

ковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 196–204.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.: Вост. лит., 1997. 279 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

Усманова Э.Р. Погребальный обряд: позиция и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 88–130.

ПЕРЕХОД ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ САЯНО-АЛТАЯ (ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ)

© 2014 г. **К.В. Чугунов**

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(chugunovk@mail.ru)*

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы Казахстана, бегазы-дандыбаевская культура, миграция, ранние кочевники Саяно-Алтая.

Резюме. В основе формирования кочевых культур Саяно-Алтая лежит инвазия носителей бегазы-дандыбаевской культуры в западные предгорья Алтая, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и начавшимся экологическим кризисом. Концепция базируется на нескольких положениях: реконструируемым на основании анализа палеоклиматологических данных начала I тыс. до н.э. двум миграционным волнам из Внутренней Азии; предположении о мирном сосуществовании и взаимодействии на одной территории носителей нескольких культурных традиций; и на допущении, что традиция рецептуры оловянистых бронз в металлургическом производстве распространялась из Центрального и Восточного Казахстана. Наличие на территории Казахстана иных рецептов металла можно использовать как маркер притока и распространения населения, чьи традиции сформировались вне казахстанского очага металлургии оловянистой бронзы. На территории Тувы оловянистые бронзы распространяются повсеместно в результате второй волны миграции из Казахстана, вероятно, через Алтай, заселенный уже в это время носителями бийкенской культуры, тесно связанной своим происхождением с бегазы-дандыбаевской культурой.

Предлагаемая концепция культурно-исторических процессов на территории Саяно-Алтайского региона на рубеже эпохи бронзы и раннего железа в основном опирается на последние исследования казахстанских материалов, относящихся к этим периодам. В основе

предлагаемой концепции лежат следующие положения.

1. Анализ керамического комплекса эпохи поздней бронзы позволяет рассматривать в рамках единой культурной общности широкий пласт памятников с валиковой керамикой, относимых ранее к саргаринско-алексе-

евским древностям. За ней можно сохранить название бегазы-дандыбаевской культуры (Варфоломеев, 2003, 2011).

2. Выделение позднейшего донгальского этапа эпохи поздней бронзы с характерной керамикой (Ломан, 1987; 2003б. С. 82–83). Он датируется в пределах IX–VIII вв. до н.э., хотя В.Г. Ломан настаивает на узкой датировке в пределах VIII в. до н.э. (Ломан, 2003а. С. 291–293).

3. Техничко-технологическим анализом керамики установлен факт сосуществования и взаимодействия разнокультурных групп населения эпохи поздней бронзы. На некоторых стоянках, относящихся уже к раннему железному веку, предполагается преемственность в производстве и орнаментации посуды с донгальскими традициями (Бейсенов, Ломан, 2009. С. 235–245), хотя большинство поселений этого времени, исследованных в Казахстане, показывает в керамическом комплексе несовпадение основной суммы признаков с пластом древностей эпохи поздней бронзы (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008. С. 243). Исследование керамического набора из погребений бегазы-дандыбаевской культуры в Верхнем Прииртышье также показало наличие различных традиций в изготовлении посуды в пределах единых комплексов (Ермолаева, 2012. С. 91–111).

4. Анализ погребального обряда бегазы-дандыбаевской культуры (Кореняко, 1990; Варфоломеев, 1992) показал выделение в конце эпохи поздней бронзы элитарной прослойки общества. Разнообразие типов погребальных сооружений демонстрирует мозаичность компонентов культуры, но все же позволяет определить обряд, характерный для большинства населения – первые два типа по В.В. Варфоломееву, объединенные общей концепцией ритуала. Элитарные мавзолеи соответствуют всем признакам рядовых памятников, но более усложненной конструкции.

5. Для соотнесения позиции памятников бегазы-дандыбаевской культуры с хронологической шкалой, разработанной для земледельческих культур Средней Азии, важно, что в ранних слоях поселений найдены станковая керамика позднего этапа Намазга VI, а с донгальской керамикой – обломки амирабадских сосудов (Варфоломеев, 2008; Бейсенов,

Ломан, 2009. С. 237). Считается, что в VIII в. до н.э. бегазы-дандыбаевская культура прекращает существование на территории Центрального Казахстана и здесь появляются памятники тасмолинской культуры, а также небольшие стоянки, которые, вероятно, носят сезонный характер.

6. Наиболее обоснованной представляется точка зрения о происхождении тасмолинской культуры в результате проникновения населения из районов Китая. Выявлены две миграционные волны, первая из которых (датирована IX в. до н.э.) привела к формированию культур сакского типа в Туве и Минусинской котловине, а вторая в конце VIII в. до н.э. захватила более обширные территории, включающие Семиречье и Южный Казахстан, и достигла Приаралья (Таиров, 2007. С. 32–44). Причиной этих миграций послужил экологический кризис, который происходил на территории Азиатского материка неравномерно и зафиксирован многочисленными исследованиями (обзор см. Таиров, 2007. С. 52–56).

7. Металлографическими исследованиями установлено, что в ареале бегазы-дандыбаевской культуры абсолютно преобладает оловянистая бронза изделий, что не удивительно, учитывая рудную базу региона. При этом в памятниках Верхнего Прииртышья выявлено изменение рецептуры сплава ряда предметов, связанных с раннекочевническими комплексами (Ермолаева, 2012. С. 83–86). Исследование показало отсутствие оловянной лигатуры в металле некоторых вещей, что совершенно не характерно для казахстанской традиции сплавов эпохи бронзы. Состав металла из памятников эпохи бронзы и раннего железного века Центрального Казахстана показал сходную картину – из комплексов тасмолинской культуры происходит значительное количество изделий, содержащих в рецептуре сплава мышьяк при малых долях олова (Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 84–98).

8. Исследования состава металла изделий из памятников Тувы и Хакасии показали, что мышьяковистые бронзы характерны для лугавской культуры, кургана Аржан-1 (Пяткин, 1977) и раннетагарских (подгорновских) памятников, а изделия из оловянистых бронз распространены в алды-бельской культуре и в сарагашенских комплексах (Хаврин, 2003,

2005). Получается, что на начальном этапе эпохи ранних кочевников в традициях металлообработки абсолютно господствует производство изделий из мышьяковистой меди, которые сменяются оловянистыми бронзами при трансформации культуры. По этому показателю возможна синхронизация культур и их этапов на широкой территории (Чугунов, 2005, 2006).

Анализ этих данных позволяет по-новому рассмотреть культурно-историческую ситуацию в Казахстанско-Центральноазиатском регионе на рубеже эпох бронзы и железа. Скорей всего глобальные изменения климата в конце II тыс. до н.э. привели к перемещению носителей бегазы-дандыбаевской культуры из Центрального Казахстана в те экологические ниши, которые были способны обеспечить сохранение привычного отгонного скотоводства. Одна из таких ниш располагалась в западных предгорьях Алтая (Черников, 1960; Ермолаева, 1987, 2012). Сложность состава населения в Прииртышье в эпоху поздней и финальной бронзы демонстрируют могильники, исследованные в этом регионе, где, с одной стороны, фиксируется наследие андроновских традиций, с другой – прослеживаются раннекочевнические черты (Арсланова, 1974. С. 46–60; Ермолаева, 2012. С. 115–116).

Можно предположить, что традиция изготовления предметов из мышьяковистой бронзы или меди с естественными добавками является в Казахстане, богатом оловянным сырьем, привнесенной извне. По этому показателю комплексы эпохи финальной бронзы, содержащие такие изделия, можно синхронизировать с проникновением сюда пришлого населения уже в это время. Вероятно, они маркируют первую волну миграции по А.Д. Таирову (2007), которая захватила и Восточный Казахстан.

Весьма продуктивна идея сходства обряда могильников Ковалевка и Темирканка с курганами бийкенской культуры Горного Алтая (Ермолаева, 2012. С. 117). Бийкенский же обряд очень близок обрядовым традициям памятников шанчигского типа Тувы, которые синхронизируются с курганом Аржан-1 (Чугунов, 1992), что может указывать на их сходный генезис. Формирование культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на

территории Саяно-Алтая было обусловлено одними и теми же составляющими компонентами – западным (казахстанским) и южным (центральноазиатским). Разница заключается в степени участия этих компонентов, так как в Туве преобладали южные инновации, а на Алтае – западные. Не случайно металл в бийкенских памятниках легирован оловом (Хаврин, 2008), а изделия из кургана Аржан-1 преимущественно выполнены из мышьяковистой меди. Датировка его рубежом IX–VIII вв. до н.э. (Зайцева и др., 2007) является опорной для комплексов, относящихся к начальному этапу эпохи ранних кочевников. На Алтае это курганы куртусского этапа, в материалах которых преобладает центральноазиатский компонент (Тишкин, 2007. С. 147. Рис. 1).

Влияние поздних носителей бегазы-дандыбаевской культуры заметно ощущается здесь только на следующем семисартском этапе. Сильно скорченная погребальная поза в каменных ящиках, установленных на уровне горизонта, западная ориентировка, валиковая посуда в наземных сооружениях – все эти признаки прямо указывают на традиции бегазы-дандыбаевской культуры. В то же время погребения лошадей, оленные камни и встречающаяся северная ориентировка погребенных – имеют другие истоки. Восточный Казахстан и Семиречье, территориально наиболее близкие к традиционным проходам из внутренних областей материка, должны были испытать приток оттуда нового населения первыми. Комплексы, отражающие это явление, исследованы в могильнике Измайловка и в семиреченских некрополях (Кушаев, 1968. С. 142–145; Максимова, 1969. С. 136–145; Ермолаева, 2012. С. 119).

Итак, реконструкция процесса формирования культурных комплексов эпохи ранних кочевников в Казахстанско-Центральноазиатском регионе может быть представлена следующим образом. В основе его лежит инвазия носителей бегазы-дандыбаевской культуры в западные предгорья Алтая, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и начавшимся экологическим кризисом. Она не приводит к полной ассимиляции местного населения, продолжающего практиковать традиционную погребальную обрядность. В начале I тыс. до н.э. Казахстан и Саяно-Ал-

тай принимают первую волну переселенцев из внутренних районов Азии. В Туве это время возведения кургана Аржан-1 и памятников шанчигского типа, в Горном Алтае – кургусского этапа бийкенской культуры.

Вероятно, вторая половина VIII в. до н.э. – время второй миграционной волны. В это время появляются элитные некрополи Шиликты, погребальный обряд которых впоследствии продолжается в Центральном Казахстане (могильник Талды-2 и др.). Носители местных традиций эпохи поздней бронзы постепенно осваивают территорию Горного Алтая, смещаясь туда из западных предгорий. В результате смешения с мигрантами-номадами формируется культурный комплекс бийкенской культуры. Суперстратное кочевое население занимает предгорную зону вдоль Иртыша, оставив после себя майэмирский круг памятников. На Туву вторая миграционная волна оказала влияние опосредованно, через территорию Казахстана. Алды-бельская культура сформировалась с участием местного субстрата, включавшего аржанский компонент и, возможно, носителей монгунтайгинской культуры. Пути проникновения новых мигрантов сюда могли быть разными, но основные пролегали через Горный Алтай с родственным бийкенским населением. Отличия алтайских памятников от синхронных тувинских сводятся к некоторым особенностям в погребальном обряде и могут объясняться разной долей формирующих исходных компонентов культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.

Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Центрально-казахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы РЖВ // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 241–245.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология кон-

струкций) // Маргулановские чтения – 1990. Матлы конф. М., 1992. С. 72–77, 240, 241.

Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана, 2003. С. 88–99.

Варфоломеев В.В. Среднеазиатская керамика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 363–367.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 1. Алматы, 2011. С. 210–240.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 64–94.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012. 236 с.

Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 251–262.

Кореняко В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения бегазы-дандыбаевского типа) // СА. 1990. № 2. С. 28–40.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 142–145.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.

Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул, 2003а. С. 290–293.

Ломан В.Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железу // Международное XVI Ураль-

ское археологическое совещание. Пермь, 2003б. С. 82–84.

Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 136–145.

Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 22–33.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2007. 274 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 146–158.

Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы конф. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 171–173.

Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 96–98.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. С. 173–178.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Чугунов К.В. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. конф. Ч. 2. Омск, 1992. С. 78–79.

Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 102–104.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всерос. археологического съезда. Т. II. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 69–71.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ В РАМКАХ КАЗБУРУНОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

© 2014 г. И.А. Шутелева¹, Н.Б. Щербаков¹, М. Радивоевич², Э. Перника³

*1 Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
(shutelevai@gmail.com; sherbakov@rambler.ru)*

*2 Институт археологии Университетского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания
(m.radivojevic@ucl.ac.uk)*

*3 Институт доистории и ранней истории и археологии средневековья Тюбингенского университета К. Эберхарда, Тюбинген, Германия
(ernst.pernicka@uni-tuebingen.de)*

Ключевые слова: археология позднего бронзового века, абашевская, срубная, алакульская и андроновская археологические культуры, междисциплинарные методы археологических исследований.

Резюме. Поздний бронзовый век на территории Южного Приуралья связан с большим количеством археологических культур и групп населения: абашевского, срубного, алакульского и андроновского. Взаимодействие этих групп населения создает особую, смешанную, материальную культуру, имевшую локальные особенности. Традиционная концепция позднего бронзового века объясняла такое культурное разнообразие преемственностью абашевской, срубной и андроновской культур, что привело к созданию хронологических шкал в 1970–1980-е гг. Однако после применения комплекса междисциплинарных методов было доказано, что эти выводы не полностью корректны и требуют пересмотра и создания «новой», основанной на радиоуглеродном и изотопных методах, хронологии памятников эпохи позднего бронзового века Башкирского Приуралья, как в пределах одного Казбуруновского археологического микрорайона, так и с последующей экстраполяцией этих данных на всю территорию Южного Приуралья.

С абашевской, срубной и андроновской культурами в регион проникает технология изготовления бронзы. Крупнейшими рудниками региона являются Каргалинские (Черных, 2002). Процессы взаимодействия культур, протекавшие в обширном по площади регионе (свыше 120 тыс. км²), нашли отражение в археологическом микрорайоне бассейна р. Уршак. Традиционная концепция позднего бронзового века объясняла такое культурное разнообразие преемственностью абашевской, срубной и андроновской культур, что привело к созданию хронологических шкал в 1970–1980-е гг. (Горбунов, 1986, 1992; Обыденнов, Обыденнова, 1992).

Однако после применения комплекса междисциплинарных методов (радиоуглеродного датирования, палеопочвоведения, трасологии, остеологического анализа, металлографи-

ческого анализа бронз, применения методов спектрального и технико-технологического анализа керамики и т.д.) было доказано, что эти выводы не полностью корректны (Шутелева, Щербаков, 2013; Shcherbakov, Shuteleva, Golyeva et al., 2013).

В мировой археологической науке применение междисциплинарных методов стало широко применяться со второй половины 1990-х гг. (Dvorakova, 2010; Mulder, Deweirdt, 2012; Oinonnen et al., 2012; Palo et al., 2012; Holstein et al., 2013; Parson et al., 2013; Roberts, Uckelmann, Brandherm, 2013).

Особенность археологических объектов Южного Приуралья – в синкретичности археологических источников: материалы абашевской, срубной, алакульской и федоровской археологических культур на памятниках находятся в одном слое, залегают совмест-

но. Эти признаки являются ведущими и для территории бассейна р. Уршак, выделяемого нами археологического микрорайона позднего бронзового века. В него входят Мурадымовское поселение, Усмановские I–III поселения, Казбуруновский I курганный могильник (Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2008; Шутелева, 2010; Шутелева, Щербаков, Горшков, 2010; Морозов, Шутелева, Щербаков, 2011; Шутелева, Щербаков, 2012).

Проведение стационарных работ на могильнике в 2012–2013 гг. позволило выявить еще одно поселение, расположенное прямо на площадке могильника, а также Казбуруновский IV курганный могильник. Таким образом, представляется возможным говорить о выделении Казбуруновского археологического микрорайона в междуречье рек Дема и Уршак площадью 2657 км², включающем 44 поселения и 16 курганных могильников. В пользу данного предположения говорят и результаты радиоуглеродного датирования ряда этих памятников (Beta Analytic: 1890–1750 BC) (Обыденнова и др., 2008; Shcherbakov, Leonova, Shuteleva, 2011; Шутелева, Щербаков, 2013; Shcherbakov, Shuteleva, Golyeva et al., 2013).

Результаты палеопочвенного анализа позволили синхронизировать Усмановское II и Мурадымовское поселения. Установлено, что Усмановское III поселение на ранних этапах совпадает с функционированием первых двух, а завершает свое существование иной культурной традицией. Проблемы формирования устойчивых культурных традиций были освещены на основании результатов технико-технологического анализа керамического комплекса (Shcherbakov et al., 2010; Shcherbakov, Shuteleva, Leonova et al., 2013).

В поселении Усманово III начальные стадии обживания совпадают с Усмановским II поселением, но в верхней части (заключительные стадии жизни на поселении) существенно различаются. Это свидетельствует о кардинальном изменении типа хозяйствования на поселении, а возможно, говорит и о смене культурной принадлежности его жителей.

Технико-технологический анализ керамики, проведенный Н.П. Салугиной и Л.А. Краевой, также показал наличие двух культур

традиций в изготовлении керамики и позволил определить пять вероятных мест древних глиниц (Shcherbakov, Shuteleva, Leonova et al., 2013).

Полученные антропологические материалы позволили выявить как вероятные причины смерти погребенных, так и их палеоболезни.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что требуется дальнейшее изучение Казбуруновского курганного комплекса и вновь выявленного Усмановского III поселения и проведение всего спектра междисциплинарных методов исследования (AMS-датирования, aDNA-анализов, геомагнитного зондирования, палеопочвоведения, палеоантропологии и технико-технологического анализа керамики).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В.С. *Абашевская культура Южного Приуралья*. Уфа: Изд-во Башк. ГПИ, 1986. 96 с.

Горбунов В.С. *Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи*. Уфа: Изд-во Башк. ГПИ, 1992. 223 с.

Морозов Ю.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Новые материалы погребального комплекса срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья из Казбуруновского I могильника // Тр. III Всерос. археологического съезда. Т. I. Великий Новгород; Старая Русса, 2011. С. 256–258.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. *Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности*. Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 1992. 173 с.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Интеграция археологических и естественнонаучных методик для изучения контактных зон срубных и алакульских этнокультурных общностей эпохи поздней бронзы Южного Приуралья на примере Мурадымовского поселения // Поселение как исторический источник: (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). Мат-лы конф. М.: ИА РАН, 2008. С. 20–23.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Хохлова О.С., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Некоторые результаты применения комплексного подхода при изучении памятника позднего бронзового века Башкирского Приуралья – Мурадымовского поселения // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 435–438.

Черных Е.Н. Каргалы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с.

Шутелева И.А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Казбуруновские I курганы в Аургазинском р-не Республики Башкортостан в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Горшков К.А. Казбуруновский I курганный могильник: сакральный комплекс срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья (первоначальные результаты исследования) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 178–182.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Опыт применения 3D-реконструкций в археологическом исследовании памятников эпохи позднего бронзового века на территории Башкирского Приуралья // Археология и геоинформатика. Мат-лы конф. М.: ИА РАН, 2012. С. 48.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Проблемы периодизации и датирования синкретичных археологических комплексов позднего бронзового века в рамках археологического микрорайона Центральной Башкирии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Мат-лы конф. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 95–101.

Dvorakova E. Dating the Romanesque mural paintings and the Ducal Rotunda of St. Catherine, in Znojmo: New Discoveries (2010) // Interdisciplinaria Archaeologica: Natural science of archaeology. 2010. № 1–2. P. 99–104.

Holstein I., Rogers P., Craig O., Penkman K., Newton J., Collins M. Isotopic provenancing strategies for historical artefacts of organic raw materials // XIX Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Pilsen, 2013. P. 390.

Mulder G., Deweydt E. L'organisation interne des champs d'urnes en Flandre. L'exemple de Destelbergen / Eenbeekeinde // Intern. Kolloquium zur Bronzezeit. Darmstadt, 2012. P. 125–147.

Oinonen M., Mannermaa K., Onkamo P., Palo J., Putkonen M., Sundell T., Wessman A., Sajantila A. Levanluhta water burial in the light of bone collagen isotopic ratios // XVIII Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Helsinki, 2012. P. 103–104.

Palo J., Onkamo P., Sundell T., Neuvonen A., Putkonen M., Sajantila A. Fennoscandian Population history in the light of genetic evidence // XVIII Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Helsinki, 2012. P. 105.

Parson W., Bauer C.M., Bonder M., Niederstätter H., Niederwieser D., Huber G., Hatzer-Grubwieser, Holubar K. Molecular genetic investigations on Austria's patron saint Leopold III // XIX Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Pilsen, 2013. P. 394.

Roberts B., Uckelmann M., Brandherm D. Old father time: the Bronze Age chronology // The European Bronze Age. Oxford, 2013. P. 17–46.

Sherbakov N., Shuteleva I., Obydenova G., Balonova M., Khohlova O., Golyeva A. Some Results of the Application of a Complex Approach to the Research of the Late Bronze Age Muradymovo Settlement in the Volgo-Ural Region // Interdisciplinaria Archaeologica – Natural Sciences in Archaeology. 2010. V. I. Issue 1–2. P. 29–36.

Sherbakov N., Leonova T., Shuteleva I. The Southern Urals barrow burial ground of the Late Bronze Age: the complex of Alakul and Srubnay cross-cultural actions (initial results) // Emergence of Bronze Age Societies – A Global Perspective. Meeting Abstract (with) Baoji Museum of Bronzes, Shaanxi province, China, 2011. P. 149–153.

Shcherbakov N., Shuteleva I., Golyeva A., Lunkov V., Kraeva L. The archaeological artifacts complex as reflection of intercultural exchange of the Late Bronze Age tribes of the Southern Urals // Abstracts of 19th annual meeting of European Association of Archaeologists. Pilsen, 2013. P. 319.

Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Golyeva A., Lunkova V., Kraeva L. The Ceramic Complex as Reflection of Intercultural Exchange of the Late Bronze Age of the Southern Transurals // Abstract Booklet. Creativity: An Exploration through the Bronze Age and Contemporary Responses to the Bronze Age. Intern. Conf. Cambridge: Magdalene College, University of Cambridge, UK, 2013. P. 32–33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**СЕКЦИИ 1 И 2**

- АмГУ – Амурский государственный университет
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр УрО РАН
ВА – Вопросы антропологии
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
ГИ КНЦ РАН – Геологический институт Кольского научного центра РАН
ГИМ – Государственный исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр
ЗабГГПУ – Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
ИА АН РТ – Институт археологии АН РТ
ИА АН РУз – Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан
ИА МАН – Институт археологии Монгольской академии наук
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН – Институт геологии РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИОН БНЦ СО РАН – Институт общественных наук БНЦ СО РАН
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИФ-ХиБПП РАН – Институт Физико-химических и биологических проблем почвоведения
РАН
ИЭЧ СО РАН – Институт экологии человека СО РАН
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
КалмГУ – Калмыцкий государственный университет
КарНЦ РАН – Карельский научный центр РАН
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
 НАН – Национальная академия наук
 НИИ при СМУдмАССР – Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР
 НПЦ – Научно-производственный центр
 НТГПИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт
 ОАН – объект археологического наследия
 ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
 ОмГУ – Омский государственный университет
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РГО – Русское географическое общество
 РГПУ им. А.И. Герцена – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
 СГУ – Саратовский государственный университет
 СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
 СО АН СССР – Сибирское отделение АН СССР
 СО РАН – Сибирское отделение РАН
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СЭ – Советская этнография
 ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТИГ ДВО РАН – Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
 ТИЭ АН СССР – Труды Института этнографии АН СССР
 УрГУ – Уральский государственный университет
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт
 УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР
 ХКМ – Хабаровский краевой музей
 ХНЦ ДВО РАН – Хабаровский научный центр ДВО РАН
 ЦСН – Центр сохранения наследия
 ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт

СЕКЦИЯ 3

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
 АВ – Археологические вести. СПб.
 АГУ – Алтайский государственный университет
 АО – Археологические открытия. М.
 БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

- ВГУ – Волгоградский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВНУ – Восточно-Украинский национальный университет им. В. Даля
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДДУ – Днепропетровский государственный университет (Дніпропетровський державний університет)
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГиМ СО РАН – Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КГПУ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МГОУ – Московский государственный областной университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НТЦ – Научно-технический центр
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
СНУ – Восточно-Украинский национальный университет, г. Луганск.
СНЦ – Самарский научный центр РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография. М.
ТГУ – Томский государственный университет
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. СССР. Ашхабад.
ТМАрЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

СЕКЦИЯ 4

- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
МГПУ – Московский государственный педагогический университет
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
РА – Российская археология. М.
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СЭ – Советская этнография. М.
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
УрГУ – Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда	3
Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда	3
Пленарные доклады	5
<i>Дервянко А.П., Шуньков М.В.</i> Новейшие открытия на Алтае и распространение рода НОМО в Евразии	5
<i>Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i> Казанская археология: итоги, перспективы	8
Секционные доклады	11
Секция 1 Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии	11
<i>Александрова О.И.</i> Трасологический анализ геометрических микролитов из раннемезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе	11
<i>Анойкин А.А.</i> Палеолит Приморского Дагестана	17
<i>Ахметгалеева Н.Б.</i> Верхний слой позднепалеолитической стоянки Быки-7: к проблеме функциональной изменчивости или развития культурных традиций.....	21
<i>Белоусова Н.Е.</i> Ранневерхнепалеолитические каменные индустрии стоянки Кара-Бом (Горный Алтай).....	25
<i>Бужилова А.П.</i> К вопросу о погребальных традициях в палеолите: антропологический анализ человека из Маркиной Горы (Костёнки XIV)	28
<i>Верещагин С.Б.</i> Новые финальноплейстоценовые жилища поселения Усть-Менза-1 (Забайкалье)	31
<i>Виноградова Е.А.</i> Характерные особенности каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (основной слой).....	36
<i>Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К., Нехорошев П.Е., Воскресенская Е.В., Хоффекер Дж., Холлидэй В.Т., Бурлаку В.А.</i> Новые данные по хронологии среднего палеолита Русской равнины	41
<i>Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В.</i> К проблеме возникновения восточного граветта на Русской равнине.....	44
<i>Гиря Е.Ю.</i> Экспериментально-трассологические исследования ножей костёнковского типа	47
<i>Голованова Л.В.</i> Формирование и развитие культурных традиций в верхнем палеолите Кавказа	53
<i>Дервянко А.П., Павленок К.К., Кандыба А.В.</i> Финальное мустье Восточной Адриатики: каменная индустрия стоянки Биоче.....	56
<i>Дервянко А.П., Цыбанков А.А., Кандыба А.В.</i> Культуры каменного века Юго-Восточной Азии (по материалам памятников Вьетнама)	59
<i>Дороничев В.Б.</i> Премутьерский индустриальный комплекс в Европе	62
<i>Дороничева Е.В.</i> Модели использования каменного сырья в среднем и позднем палеолите Северного Кавказа.....	65
<i>Желтова М.Н.</i> Сопоставление жилых комплексов Костёнок-4 на основе данных планиграфического анализа.....	68
<i>Житенев В.С.</i> Красочные пигменты Каповой пещеры: археологические и естественно-научные исследования.....	70
<i>Козликин М.Б.</i> Верхнепалеолитические комплексы из восточной галереи Денисовой пещеры.....	73
<i>Колобова К.А.</i> Кульбулакская культура в контексте развития ориньякских индустрий Азии	76

<i>Константинов М.В.</i> Новые данные о палеолите на территории Забайкальского края	79
<i>Кулаков С.А., Зейналов А.А., Идрисов И.А., Эйбатов Т.М., Мустафаев И.М., Сулейманов Т.Я., Авшарова И.Н.</i> Новые данные о раннем палеолите Азербайджана	82
<i>Леонова Н.Б.</i> Верхнепалеолитическая каменнобалковская культура Северного Причерноморья – основные проблемы и принципы выделения на современном уровне	88
<i>Лисицын С.Н.</i> Культурная стратиграфия граветта в Костёнковско-Борщевском палеолитическом районе на Дону	91
<i>Медведев С.П.</i> Каменный инвентарь верхнего слоя Каменной Балки II: типологическая характеристика	94
<i>Медникова М.Б.</i> Среднепалеолитическое население Алтая по данным эволюционной антропологии	98
<i>Мещерин М.Н.</i> О характеристике каменной индустрии Мальты «классической» (по материалам собрания ГИМ 1956–1958 годов).....	101
<i>Ожерельев Д.В.</i> Каменная индустрия многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан).....	105
<i>Павленок Г.Д.</i> Микропластинчатое расщепление в пред- и раннеголоценовых индустриях Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3)	109
<i>Павленок К.К., Кривошапкин А.И.</i> Специфика перехода к верхнему палеолиту в западной части Центральной Азии: индустрия стоянки Худжи	113
<i>Плохенко Б.Г.</i> Сравнительный анализ охотничьей деятельности на стоянках каменнобалковской культуры	116
<i>Поляков А.В., Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Васильев С.А., Ямских Г.Ю., Барышников Г.Ф., Гиря Е.Ю., Бурова Н.Д., Зубков В.С.</i> Ирба-2: новый палеолитический памятник в предгорьях Саян.....	120
<i>Румянцев М.М.</i> Первые исследования палеолитической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала.....	124
<i>Рыбалко А.Г.</i> Ранний палеолит Западного Прикаспия: новые данные	128
<i>Рыбин Е.П.</i> К выделению специфических форм артефактов в начале верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии	132
<i>Синицына Г.В.</i> Формирование и развитие культур финального палеолита на Валдайской возвышенности	137
<i>Славинский В.С.</i> Каменная индустрия средней стадии верхнего палеолита Южной Сибири (по материалам стоянки Сафроновка-3).....	140
<i>Солдатова Т.Е.</i> Изучение костяных индустрий ранней поры верхнего палеолита Европы: предварительные результаты.....	144
<i>Сорокин А.Н.</i> Костяной и роговой инвентарь стоянки и могильника Минино-2 (Московская область)	148
<i>Степанова К.Н.</i> Терочные плитки и «куранты» из Чулатово-2.....	153
<i>Таймазов А.И.</i> Новые материалы со стоянки олдована Айникаб-1: раскопки 2012–2013 годов.....	158
<i>Тетькин А.В.</i> Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского Нагорья	163
<i>Федорченко А.Ю.</i> Технология изготовления каменных украшений в палеолите Ушковских стоянок (Камчатка)	169
<i>Хайкунова Н.А., Симоненко А.А.</i> Третий мыс (Каменная Балка-3) – многослойный памятник конца позднего палеолита.....	172
<i>Хамакава М.</i> Функционально-планиграфический анализ микродебитажа основного слоя стоянки Каменная Балка II	177
<i>Хаценович А.М.</i> К проблеме периодизации комплексов раннего верхнего палеолита в Северной Монголии	181

<i>Шнайдер С.В.</i> Специфика формирования мезолита Памиро-Алая (по материалам памятников Туткаул и Оби-Киик).....	184
<i>Шуныков М.В.</i> Развитие ранних палеолитических традиций в Северной Азии	188
<i>Щелинский В.Е.</i> О культурно-стадиальной атрибуции каменной индустрии эполейстоценовой раннепалеолитической стоянки Родники-1 (Западное Предкавказье).....	191
Секция 2 Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит.....	195
<i>Андреев К.М.</i> Кремневая индустрия раннеэнеолитической елшанской культуры лесостепного Поволжья	195
<i>Ахметова Е.А.</i> Неолитические памятники горного течения реки Белой (Южный Урал).....	198
<i>Ахундов Т.И.</i> Неолит центрального и восточного регионов Южного Кавказа.....	202
<i>Батаршев С.В.</i> Вознесенская культура позднего неолита в Приморье: проблемы и перспективы изучения.....	205
<i>Березина Н.С., Выборнов А.А., Королев А.И., Сидоров В.В., Ставицкий В.В.</i> Культурные процессы в неолите Среднего Посурья.....	208
<i>Бобров В.В., Юракова А.Ю.</i> Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи	211
<i>Борзунов В.А.</i> Западная Сибирь – самый северный ареал укрепленных поселений неолита и первой половины эпохи бронзы	215
<i>Бочарова Е.Н., Тимощенко А.А., Савельев Н.А.</i> Комплекс археологических материалов из раннеголоценового горизонта местонахождения Сосновый Мыс (Северное Приангарье)	221
<i>Васильева И.Н., Выборнов А.А.</i> О динамике распространения раннеэнеолитических традиций в Волго-Камье	225
<i>Вострецов Ю.Е., Пантюхина И.Е.</i> Первые земледельцы на побережье Приморья: по данным исследования крахмала на орудиях	228
<i>Выборнов А.А.</i> Хронология культурных процессов в неолите Волго-Камья	231
<i>Герман К.Э., Мельников И.В.</i> Закономерности расселения древнего человека в каменном веке на территории Южного Заонежья (Республика Карелия)	234
<i>Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Лозей Р., Новиков А.Г., Вебер А.В.</i> Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II).....	237
<i>Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В.</i> Раннеэнеолитическая стоянка Байбек в контексте неолита Северного Прикаспия	240
<i>Долбунова Е.В.</i> Рыболовные конструкции среднего – позднего неолита (памятник Сертея I, Смоленская область).....	243
<i>Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю.</i> Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды	247
<i>Еньшин Д.Н.</i> Материалы поселения Мергень-7 в контексте проблематики козловско- полуденковских древностей Зауралья.....	251
<i>Жилин М.Г., Савченко С.Н.</i> Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника	255
<i>Жульников А.М., Тарасов А.Ю.</i> К вопросу о керамике «переходного» типа (по материалам поселения Фофаново XIII)	259
<i>Зайцева Г.И., Трифионов В.А., Дергачев В.А.</i> Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды.....	263

<i>Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семibrатов В.П.</i> Техника первичного расщепления горизонта ЗА поселения Тыткескенъ VI.....	267
Клюев Н.А. Средний неолит континентального Приморья (по результатам исследований 2000-х годов)	272
<i>Королев А.И., Шалапинин А.А.</i> Соотношение чекалинской и токсской керамики лесостепного Заволжья	276
<i>Косорукова Н.В.</i> Каменный инвентарь мезолитической стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже	281
<i>Лозовский В.М., Лозовская О.В., Мазуркевич А.Н.</i> Деревянные рыболовные конструкции в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы	285
<i>Лычагина Е.Л.</i> Комплексный анализ каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья	288
<i>Мазуркевич А.Н., Лозовский В.М., Лозовская О.В., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Костылева Е.Л., Решко С.Д., Бурова Н.Д.</i> Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесной зоны европейской части России	290
<i>Медведев В.Е.</i> Объемная скульптура в неолите Приамурья	293
<i>Мерц В.К.</i> Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан)	297
<i>Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Пилипенко А.С., Трапезов Р.О.</i> Неолитический погребальный комплекс Венгерovo-2А в Западной Барабе: результаты междисциплинарных исследований	302
<i>Морева О.Л.</i> Поздненеолитическая керамика Южного Приморья: к проблеме формирования хасанского варианта зайсановской культуры	307
<i>Морозов В.В.</i> Проблема соотношения накольчатых и гребенчатых типов керамики в неолите Икско-Бельского междуречья (по материалам стоянки Гулюковская I).....	311
<i>Мосин В.С.</i> Неолит Зауралья: хронология и социокультурное пространство.....	317
<i>Недомолкина Н.Г.</i> Ранненеолитические комплексы Верхней Сухоны.....	321
<i>Никитин В.В.</i> Итоги изучения культуры гребенчато-ямочной керамики Марийско-Казанского Поволжья	324
<i>Острирова Е.С.</i> Особенности раннекерамических комплексов Южной Америки (на примере Амазонии и Эквадора).....	327
<i>Панина С.Н.</i> Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье	330
<i>Погодин А.А.</i> Погребальный обряд мезонеолитического населения севера Западной Сибири	334
<i>Пономаренко А.К.</i> О переходном периоде от раннего к развитому неолиту на Камчатке	336
<i>Разгильдеева И.И., Янишина О.В.</i> Керамические комплексы Западного Забайкалья: проблемы хронологии	339
<i>Савченко С.Н., Жилин М.Г.</i> Костяная индустрия мезолитических стоянок Горбуновского торфяника	342
<i>Сергушева Е.А.</i> Эволюция просяного земледелия в Восточной Азии и на ее периферии в неолите по данным археоботаники	347
<i>Скакун Н.Н., Терехина В.В., Цвек Е.В.</i> К вопросу о специализации кремнеобработки в трипольской культуре (по материалам поселения Бодаки)	351
<i>Табарев А.В.</i> Культурный и палеоэкономический аспекты появления древнейшей керамической посуды на востоке Евразии и в Южной Америке (Колумбия, Эквадор).....	354
<i>Тупахин Д.С.</i> Энеолит на севере Западной Сибири: основные проблемы изучения	357
<i>Усачева И.В.</i> Информативные возможности жилищ для реконструкции социально-экономических отношений в неолите (на материалах сосновоостровской культуры)	359
<i>Хорошун Т.А.</i> К вопросу о культурно-хронологической атрибуции керамических комплексов на памятниках позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии	362

<i>Цветкова Н.А.</i> Культурная история Верхневолжского региона в контексте раннего неолита центральной части Европейской России.....	367
<i>Цетлин Ю.Б.</i> Формирование древнейшего гончарства: механизмы и результаты.....	370
<i>Шевкомуд И.Я.</i> Неолит и палеометалл в Нижнем Приамурье: сценарий палеоэтнокультурного развития	373
<i>Шутилов А.В.</i> Характеристика и хронология керамики новоильинского типа в Икско-Бельском междуречье	379
<i>Шорин А.Ф., Вилисов Е.В.</i> Каменный инвентарь Кокшаровского холма: типология, интерпретация.....	383
<i>Шорина А.А., Шорин А.Ф.</i> Неолитическая керамика с фигурными налестками с Кокшаровского холма и Юрьинского поселения	386
<i>Шумкин В.Я.</i> Культурно-исторические процессы в каменном веке Северной Фенноскандии	391
<i>Юдин А.И.</i> Культурно-хронологические комплексы Варфоломеевской неолитической стоянки.....	394
Секция 3 Энеолит – эпоха средней бронзы	398
<i>Атаев Г.Д.</i> О связях населения равнинно-предгорных областей северо-восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней бронзы	398
<i>Балабина В.И., Мишина Т.Н.</i> Энеолитический поселок Телля Юнаците: планиграфия, стратиграфия, контекстные характеристики.....	401
<i>Волков П.В.</i> Хирургический инструментарий и процесс трепанации черепа в эпоху бронзы.....	407
<i>Гак Е.И., Борисов А.В.</i> Новые подходы к определению типов скотоводческих поселков эпохи средней бронзы в восточноевропейской лесостепи.....	410
<i>Гей А.Н.</i> Колесный транспорт степных скотоводов эпохи бронзы: конструкции и реконструкции	413
<i>Грушин С.П.</i> Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье	416
<i>Добровольская М.В.</i> Данные изотопного и элементного анализа (к реконструкции мобильности степных обществ эпохи бронзы)	420
<i>Дубова Н.А.</i> Погребения животных и связанные с ними ритуалы на памятнике эпохи бронзы Гонур Деде в Туркменистане	424
<i>Еганян Л.Г.</i> Проблема индоевропейской прародин и археологические основания общиндоевропейской мифологии в III тыс. до н. э. (по материалам святилища Мец Сепасар).....	428
<i>Ивашов М.В.</i> Особенности расселения племен катакомбной культуры эпохи бронзы на Верхнем Дону	431
<i>Кирчо Л.Б.</i> Стратиграфия поселений-тепе эпохи палеометалла юго-запада Средней Азии и проблемы абсолютной хронологии	435
<i>Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В.</i> Керамика с орнитоморфным орнаментом поселения Новоильинка III.....	439
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.</i> К вопросу о культурной принадлежности ранних погребений могильника Тузовские Бугры-1	443
<i>Клещенко А.А.</i> Северокавказско-новотиторский культурный симбиоз в Предкавказье	448
<i>Ковалева В.Т.</i> К реконструкции обрядовой практики населения ташковской культуры нижнего Приобья.....	452
<i>Корневский С.Н.</i> Военно-элитарный символизм в погребальной практике	456
<i>Лазаретов И.П.</i> Погребальная скульптура в контексте окуневской изобразительной традиции.....	459
<i>Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А.</i> Погребальные комплексы с предметами сейсмиско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология.....	463

<i>Мельник В.И.</i> Межкультурные контакты эпохи средней бронзы в восточных районах степного правобережья Кубани	469
<i>Моргунова Н.Л.</i> К проблеме происхождения ямной культуры Волжско-Уральского междуречья	471
<i>Песочина Л.С.</i> Палеоэкология эпохи бронзы в Волго-Донских степях	474
<i>Поляков А.В.</i> Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры	478
<i>Поплевко Г.Н.</i> Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга	482
<i>Пярых Г.Г.</i> К выделению культур эпохи предклассовых обществ	486
<i>Редников А.А.</i> Керамические комплексы эпохи ранней бронзы на территории Кулундской равнины	489
<i>Резепкин А.Д.</i> Истоки и аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе	491
<i>Сатаева Л.В.</i> Растения в материальной и духовной культуре Бактрийско-Маргианского археологического комплекса	497
<i>Стеганцева В.Я.</i> Керамика западноманычской катакомбной культуры	500
<i>Степанова Н.Ф.</i> Проблема относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея и Горного Алтая	503
<i>Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Алексеев А.О., Калинин П.И., Конников С.Г., Нацкекин А.В.</i> Цвет в архитектуре дольменов Западного Кавказа	509
<i>Турецкий М.А.</i> К вопросу о хронологических рамках раннего этапа ямной культуры Волго-Уральского региона	513
<i>Файзуллин А.А.</i> К вопросу о мире детства в обществе ямной культуры Волго-Уралья	516
Секция 4 Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку	520
<i>Алаева И.П.</i> Литейные формы алакульской культуры Зауралья (вопросы отражения уровня развития металлопроизводства)	520
<i>Бахшиев И.И.</i> Эпоха поздней бронзы восточных предгорий Южного Урала: культурная стратиграфия и хронология	525
<i>Берсенева Н.А., Епимахов А.В.</i> Фортификация поселения Каменный Амбар (Южное Зауралье)	531
<i>Большов С.В.</i> К вопросу реконструкции мифологического мировоззрения населения бронзового века севера Среднего Поволжья (по материалам абашевской культуры)	534
<i>Бондаренко А.В.</i> Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (по материалам федоровской культуры)	539
<i>Горбенко К.В.</i> Оборонительные сооружения укрепленного поселения эпохи финального бронзового века Дикий Сад	543
<i>Гришин А.Е.</i> Преднамеренно нарушенные погребения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б: к реконструкции мотивов постингумационного проникновения	548
<i>Дегтярева А.Д.</i> Металлургический очаг петровской культуры Южного Зауралья	552
<i>Дубовцева Е.Н., Пантелеева С.Е.</i> Технология производства керамики синташтинского типа (по материалам укрепленного поселения Каменный Амбар)	555
<i>Дураков И.А.</i> Процессы специализации цветной металлообработки в эпоху бронзы лесостепи Западной Сибири	558
<i>Епимахов А.В.</i> Потрясенные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации	561
<i>Зах В.А.</i> Некоторые проблемы изучения переходного времени от бронзы к железу в Западной Сибири	564

<i>Илюшина В.В.</i> Гончарное производство населения федоровской культуры Нижнего Притоболья.....	567
<i>Корочкова О.Н.</i> О производящем центре эпохи бронзы в Среднем Зауралье.....	572
<i>Корякова Л.Н., Краузе Р.</i> Результаты междисциплинарного исследования укрепленных поселений эпохи бронзы в бассейне р. Карагайлы Аят (Южное Зауралье)	574
<i>Краузе Р., Шаранова С.В., Штоббе А.</i> Междисциплинарные исследования укрепленных поселений бронзового века Южного Зауралья: поселение Коноплянка.....	577
<i>Кузнецова-Фетисова М.Е.</i> Современное состояние изучения поздней столицы династии Шан (XIV-XI вв. до н.э.) под Аньяном в контексте бронзового века Китая	580
<i>Кузнецов П.Ф.</i> Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок).....	582
<i>Кукушкин И.А., Ломан В.Г.</i> Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана	584
<i>Куприянова Е.В.</i> Манипуляции с предметами в погребениях эпохи бронзы: ограбление или ритуал (по материалам могильника Степное-7).....	588
<i>Купцова Л.В.</i> К вопросу о применении камня в погребальном обряде срубной культуры Южного Приуралья (по материалам памятников Западного Оренбуржья).....	590
<i>Ли Ган</i> Бронзовые изделия Северного Китая и «оленные камни».....	594
<i>Лыганов А.В.</i> К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья.....	599
<i>Мамонтов В.И.</i> О погребениях типа «кенотаф» в срубной культуре	603
<i>Медведев А.П.</i> Исследование курганов в низовьях р. Елань в Воронежской области	606
<i>Мимоход Р.А.</i> Срубная культура Северо-западного Прикаспия	609
<i>Минор О.В.</i> К вопросу об украшениях эпохи поздней бронзы Южной Сибири	614
<i>Молчанов И.В.</i> Деревянные изделия из раскопок укрепленного поселения бронзового века Каменный Амбар (Ольгино)	619
<i>Новоженков В.А.</i> Разграбление могил как коммуникативный меседж	622
<i>Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.</i> «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии	628
<i>Полеводов А.В., Шерстобитова О.С.</i> Время и место археологической культуры: к проблеме соотношения андроновидных древностей на территории Среднего Прииртышья	631
<i>Потанов В.В.</i> Хвалынская культура: проблемы западных рубежей	635
<i>Рослякова Н.В.</i> Варианты использования животных в погребальном обряде срубной культуры Самарского Поволжья.....	640
<i>Салугина Н.П.</i> Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза.....	643
<i>Сидоров В.В.</i> Поздняковская культура	646
<i>Смирнов Н.Ю.</i> Заместители черепов: к вопросу о происхождении одной традиции «ограбления» курганов в Туве	649
<i>Соловьев Б.С.</i> Юг лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века	651
<i>Сотникова С.В.</i> Погребения воинов-колесничих и культ священного напитка (по материалам памятников синташинского типа).....	653
<i>Спирidonov И.А.</i> О металлообработке самусьско-кижировского типа: кельты.....	656
<i>Тигеева Е.В.</i> Соотношение тип – металл – технология в алакульских изделиях Среднего Притоболья.....	660
<i>Тимушева И.М.</i> Жилища эпохи бронзы на европейском Северо-Востоке	663

<i>Ткачев Ал.Ал.</i> Керамика в ритуальной практике населения пахомовской культуры.....	665
<i>Ткачев В.В.</i> Культурные комплексы западного фланга андроновской культурно-исторической общности в контексте археометаллургии и геоархеологии.....	668
<i>Тугушев П.Е.</i> Погребения ивановской культуры в Поволжье	672
<i>Тюняев А.А.</i> Археологические и антропологические маркеры азиатских маршрутов движения населения эпохи бронзы (мультидисциплинарный подход).....	673
<i>Усманова Э.Р.</i> Символические погребения эпохи бронзы (по материалам могильника Лисаковской округи)....	676
<i>Чугунов К.В.</i> Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа на территории Саяно-Алтая (презентация концепции)	679
<i>Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., М. Радивоевич, Э. Перника</i> Проблемы трансформации археологической хронологии позднего бронзового века Башкирского Приуралья в рамках Казбуруновского археологического микрорайона	684
Список сокращений	687

